

РЕДЬЯРД
КИПЛИНГ

МАУГЛН

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

**МАЛЫШ
И КАРАСОН**

АЛАН АЛЕКСАНДР
МИЛН

**ВНННН ПУХ
И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ**

3 р. 60 к.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

МАУГАН

АСТРИД ЛИНДГРЕН

МАЛЫШ И КАРАСОН

**АЛАН
АЛЕКСАНДР МИЛН**

***ВИННИ-ПУХ
И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ***

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО · ПРАВДА ·
1985**

84.4
К 42

Переводы с английского и шведского

Вступительная статья
Л. З. Лунгиной

Иллюстрации
Р. В. Давыдова, Ю. А. Бутырина,
А. М. Савченко, Э. В. Назарова

41

К $\frac{4703000000-928}{080(02)-85}$ 928—85

© Издательство «Правда», 1985. Составление.
Вступительная статья. Иллюстрации.

БРАТЯ ПО СКАЗКЕ

Дорогие читатели! Какими бы вы ни были, большими или маленькими, вам можно позавидовать, потому что вам предстоит прочитать три настоящих маленьких шедевра, три совершенно разные, но по-своему замечательные истории: одну — про индийского мальчика Маугли, другую — про Карлсона, который живет на крыше, и третью — про плюшевого медвежонка по имени Винни-Пух.

Как же так? — удивитесь вы. Неужели одни и те же книги могут читать серьезные взрослые люди, умудренные жизненным опытом, и беспечные, еще совсем не знающие жизни девчонки и мальчишки, читать и получать удовольствие? Да, могут, потому что замечательные детские книги имеют читателей всех возрастов, и эти три повести тому блестящий пример.

Да, вам всем можно позавидовать, и большим, и маленьким, даже независимо от того, знакомы ли вам уже эти истории или нет. Если вы их прочтете впервые, вас прежде всего увлечет занимательность рассказа, сами события, неповторимое своеобразие каждого героя. Можно не сомневаться, что вы будете рады с ними познакомиться, это вас и позабавит и обогатит.

Если же вы эти истории читали, то все равно вам предстоит не меньшее удовольствие, ведь встреча с любимыми книгами подобна встрече с любимыми людьми. Тут и радость общения и каждый раз открытие чего-то нового. Недаром маленькие читатели с присущей им непосредственностью обычно зачитывают любимые книжки до дыр.

Но прежде, чем вы успеете и эту так зачитать — скорее всего, ей уготована именно такая судьба, — вы, быть может, задумаетесь над тем, почему эти такие разные повести поселились под одной обложкой. Что между ними общего? Хорошо ли они здесь уживаются?

И в самом деле, на первый взгляд может показаться, что индийскому мальчику Маугли, выросшему в стае волков в

джунглях, мальчику, победившему их владыку, страшного тигра Шер-Хана, странно соседствовать с проказником и хвастуном Карлсоном, у которого пропеллер на спине и кнопка на животе, а тем более — с таким домашним существом, как плюшевый мишка. И действуют наши герои в совершенно разных мирах: непроходимые тропические джунгли в Индии, ферма в Англии и современная европейская столица Стокгольм со всеми техническими достижениями XX века вроде пылесосов и телевизоров — как можно все это поставить рядом? Оказывается, можно. Есть нечто объединяющее эти повести, позволяющее им гармонично сосуществовать. И чтобы понять, что именно, надо подробнее разобраться в каждой из них.

* * *

Еще не умея читать, ребята знают историю про Кошку, которая гуляет сама по себе, про чрезмерно любопытного Слоненка, про неустрашимого мангуста Рикки-Тикки-Тави. А значит, все с раннего возраста знакомы с замечательным английским писателем и поэтом Редьярдом Киплингом. Это он сочинил удивительную историю про мальчика Маугли, этого «Лягушонка», вскормленного в джунглях волчицей и выросшего в волчьей стае.

Литературная судьба Киплинга сложилась не совсем обычно. Слава к писателю чаще всего приходит в конце жизни как итог его литературной деятельности, а нередко и после смерти. Но у этого «маленького пилигрима» (как он сам себя называл в силу своего небольшого роста), родившегося в Бомбее в 1865 году, двенадцать лет прожившего в Индии и исколесившего многие страны, все сложилось иначе. В двадцать три года Киплинг стал известен в своей стране, в двадцать четыре — прославился чуть ли не на весь мир и попал в разряд классиков, а в сорок два года получил Нобелевскую премию по литературе. «Он поразительно подчинил нас себе, — писал о нем Герберт Уэллс, — он вбил нам в голову звенящие и неотступные строки, заставил многих подражать себе, дал особую окраску нашему повседневному языку».

Однако сразу же после смерти Киплинга вокруг его имени развернулась дискуссия, в результате которой «железного Редьярда» (так звали этого певца долга и чести его восторженные поклонники), еще недавно бывшего «властителем дум» и непререкаемым авторитетом, развенчали и сдали, так сказать, в архив. И все забыли, что многие отточенные фразы Киплинга давно стали крылатыми выражениями и навсегда вошли в язык, что в повседневной речи, того и не зная, то и дело цитируют его, что большинство героев его рассказов о джунглях стали нарицательными именами. Герберт Уэллс так определил кривую успеха Киплинга,

его странную литературную карьеру: «Его исступленно вознесли поначалу, а затем неумолимо низвергли».

Впрочем, удивляться тут нечему. Киплинг был, как он сам считал, «строителем Британской империи, над которой никогда не заходило солнце», и вместе с ее крушением померкла и его слава, особенно у него на родине, где он представлял ушедшую в прошлое эпоху и где новое поколение сочло его ретроградом.

Итак, померкла слава поэта и романиста Киплинга, но не слава автора двух «Книг Джунглей», в которые входят рассказы о Маугли. Рассказы эти не только стали во многих отношениях настоящим открытием для европейской литературы, но и обрели в наши дни особую остроту звучания.

И дело здесь даже не в том, что, воссоздавая неповторимый мир джунглей в его живой целостности, мир чудесный без чудес, Киплинг досконально, с научной точностью изучил характеры, нравы, повадки птиц, зверей и пресмыкающихся, хотя без этого, конечно, не было бы той конкретности изображения, благодаря которой каждый эпизод истории Маугли становится зримым. Дело здесь, пожалуй, скорее в том волшебном искусстве, с которым автор проникает в самое сердце дикой, буйной, первобытной природы. Сейчас, когда цивилизация подчас жестоко и безоглядно наступает на все живое, нас особенно волнует картина не тронутого человеческой рукой тропического леса, где под жгучими и живительными лучами солнца пышно цветут диковинные цветы, раскидывают свои ветви разные причудливые растения и живут своей естественной жизнью не пуганные человеком звери. Да что и говорить, читая «Маугли», вы вдохнете пряный, обжигающий воздух подлинных джунглей, вы углубитесь в непроходимые заросли, запутаетесь в лианах, вы будете пугаться и замирать от восхищения... Вы будете околдованы...

И все же секрет непостижимой силы рассказов Киплинга о джунглях, естественно, не в проблемах охраны среды обитания, не в экологии, пусть даже в ее поэтическом аспекте, а прежде всего в самих образах животных.

В «Маугли» животные ведут себя как люди. Во всяком случае, создается такое впечатление, потому что они думают, разговаривают, испытывают самые разные человеческие чувства. Одним словом, они очеловечены. Как в сказках, скажете вы. Так, да не так.

Конечно, что и говорить, «Книги Джунглей» выросли на почве традиционного для Индии древнего жанра животной сказки. Сборник «Панчатантра», памятник санскритской литературы, созданный в III—IV веках якобы для обучения житейской мудрости невежественных царских сыновей и состоящий из пяти книг

(отсюда и название «Панчатантра», что значит «Пятикнижие»), в иносказательной форме рисует жизнь индийского общества. В образах животных выступают человеческие типы, сатирически воспроизводятся социальные отношения, обличаются человеческие пороки, несправедливость, стяжательство. Одним словом, «Панчатантра» — это книга воспитания, поучения. В «Маугли» рассказывается о том, как индийского мальчика воспитала волчья стая, и это тоже своего рода «роман воспитания». Но в отличие от «Панчатантры», в отличие от всех традиций народных и литературных сказок о животных, а уж тем более басен у Киплинга животные хоть и разговаривают, однако не являются условными персонажами, масками, олицетворяющими тот или иной порок: хитрость, жадность и лицемерие. Киплингские животные не аллегорические, то есть воплощающие те или иные человеческие черты, фигуры (хотя современная Киплингу критика и видела в обезьянах пародию на парламентариев), а живые звери со своими повадками, пластикой, они живут в джунглях естественной жизнью. В «Маугли» Киплинг как бы заново открыл и, главное, воплотил причастность человека к природе, точнее, его сопричастность ко всему живому. На страницах повести вновь ожила доисторическая эпоха, когда звери и люди сосуществовали как бы на равных.

Образ человека, выросшего среди зверей, издавна привлекал людское воображение. Еще в Древнем Риме существовали предания о мальчиках, вскормленных волчицей. Однако в истории с Маугли важно другое. Этот голый «Лягушонок», выросший в сильного и храброго юношу и постигший благодаря стараниям своих воспитателей — Отца Волка, медведя Баллу, пантеры Багиры и слона Хатхи — сложные Законы Джунглей, свершает подвиги и побеждает своих врагов именно потому, что он человек. Он может остановиться на бегу оленя и сбить с ног кабана, но в отличие от зверя глаза его никогда не вспыхивают хищным блеском, и только он один может овладеть Красным Цветком — огнем. На вере Киплинга в возможности человека как существа разумного и благородного, на вере во всепобеждающую силу его интеллекта и воли воспиталось не одно поколение молодых людей. Даже противники Киплинга признавали, что он формировал характеры — характеры активные, твердые, непреклонные, в соответствии с его кредо:

...Если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол.
Все проиграть и все начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел.

И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!»¹

Преодолевая бесчисленные опасности, то и дело попадая в трудности, почти безвыходные положения. Маугли мужает на глазах у читателей. Мы видим, как в постоянной борьбе окончательно складывается его благородный, активный и сильный характер. Он приветлив, честен, смел, справедлив, одним словом, идеальный пример для подражания, доходчивый и заразительный именно потому, что характер этот раскрывается в увлекательных приключениях, в которых нет и тени дидактики. Воспитательный смысл такого чтения всем очевиден.

А вот книга «Мальпи и Карлсон, который живет на крыше» шведской писательницы Астрид Линдгрэн, дважды удостоенной премии Андерсена, самой крупной международной премии за лучшие детские книги, совсем другого плана. В ней решительно нет ничего героического. Куда там! Карлсон, который живет на крыше и который повадился прилетать к Мальпи, самому обыкновенному стокгольмскому мальчишке с голубыми глазами и разорванными на коленках штанишками, отнюдь не может служить примером для подражания. Конечно, в отличие от Мальпи он существо не совсем обыкновенное, хотя бы уже потому, что живет на крыше и умеет летать. Но вдруг ребята, читая о его проделках, начнут ему подражать: кидать горшки с цветами из окон, или взрывать игрушечные паровые машины, или засасывать пылесосом тюлевые занавески, или резать простыни, чтобы играть в привидения? Что и говорить, Карлсон только и делает, что проказничает. Недаром он сам заявляет с гордостью: «Я лучший в мире проказник!» Так нужна ли такая книга, где детям, как считают некоторые строгие дяди и тети, подается дурной пример?

Чтобы разобраться в этом, прежде всего необходимо понять, кто же он такой, этот Карлсон, который живет на крыше. «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил», как он сам себя характеризует? Или просто невоспитанный толстый озорник, как считает «домомучительница» фрекен Бок? Или спутник-шпион, как сообщает газета для рекламы, чтобы увеличить число своих подписчиков? Или просто выдумка, как думала Гунилла, подруга Мальпи, пока сама не увидела примостившегося на верхней полке шкафа маленького толстого человечка?

Оказывается, ответить на этот вопрос не так-то просто. Не так просто потому, что Карлсон — чудо. Да, да, живое чудо сказки, но

¹ Перевод С. Я. Маршака.

сказки особой, без фей и домовых, без волшебных превращений... И Карлсон, как всякое чудо, не имеет разумного объяснения, тут ничего не поделаешь, так всегда бывает с чудесами. Однако если нельзя сказать, кто он, этот Карлсон, то попробуем хотя бы понять, какой он.

«Лучший в мире», как он сам говорит о себе по любому поводу. Лучшая в мире нянька, когда надо накормить брошенную родителями маленькую Гуль-фию, которая плачет, и лучший в мире озорник, когда хочется «низводить» «домомучительницу» фрекен Бок или «взбадривать» дядю Юлиуса всевозможным «дуракавальничеством». Карлсон самый веселый, самый неистощимый на разные выдумки и игры, самый находчивый, когда можно позабавиться, и вместе с тем самый капризный, самый вздорный, самый обидчивый. Если что-то не так, Карлсон надувается, забивается в угол или заявляет: «Нет, так я не играю» — и грозит немедленно улететь домой. Но он отходчив, стоит только сделать ему маленький подарок или угостить конфеткой, тефтелькой, тогда он снова улыбается и готов «продолжать разговор». Но только не вздумайте заставлять его работать, потому что Карлсон — лучший в мире лентяй да к тому же и хитрец: так и норовит перевалить все дела на другого, чтобы самому в это время лежать да посвистывать. Именно так Карлсон и поступает, прилетев с Мальшом в свой домик на крыше. Да он еще и врун, потому что никаких обещанных собак Альбергов — «тысяча летающих собак, и всех зовут Альбергами!» — как он уверял Мальшца, там, естественно, не оказалось, да, впрочем, и тысячи паровых машин тоже. А еще Карлсон — жадина и обжора, ведь он съедает весь «приторный порошок», это лучшее лекарство от любой болезни, и все плюшки, и все тефтельки, но вместе с тем он и бескорыстен, ведь он отказывается получить в газете полагающееся ему вознаграждение в десять тысяч крон за раскрытие тайны «неопознанного объекта»... «Я самый милый и добрый в мире», — говорит он о себе, и Мальш не сомневается, что так оно и есть.

Да, трудно несколькими словами определить, какой же все-таки Карлсон, уж очень много в нем разных, совершенно противоположных черт. И все эти черты хорошо знакомы ребятам, потому что они их часто подмечали друг в друге и смеялись над ними.

Капризничать, обижаться, врать, хвастаться, быть обжорой — все это типично детские недостатки. Те недостатки, которые обычно проходят с возрастом. Выходит, Карлсон — это воплощение всех детских недостатков, показанных крупным планом. Он как бы их персонификация. Но ведь с тем же успехом можно сказать, что он живое воплощение всех детских достоинств: безудержного, неисчерпаемого веселья, неистощимой энергии, неиссякаемой любознательности, активной отзывчивости, раскованной не-

посредственности, наивного бескорыстия. Он в той же мере и их персонификация. Значит, Карлсон — это просто воплощенное детство, показанное во всех его противоречиях, переливах, борениях, со всеми ему присущими милыми и вместе с тем смешными сторонами.

Читатели постепенно взрослеют. Если сперва они смеются над проделками Карлсона, его шалостями и проказами, то с годами они уже начинают смеяться над ним самим — над его беззастенчивым хвастовством, которое всегда обнаруживается, над его наивным враньем, которое всегда разоблачается, над его безмерным обжорством, над его непоседливостью, нетерпением, обидчивостью. А если эти черты сами по себе вызывают смех, то это означает, что ребята понимают смешную сторону детского поведения, что они становятся взрослее. А Карлсон, который в отличие от Мальпша, переходящего с каждой повестью из класса в класс, не меняется на протяжении всех трех историй, становится для взрослеющих ребят как бы пародией на их детство, которое уходит, и превращается для них в увеличительное зеркало, отражающее весь комизм, всю смехотворность их еще до конца не преодоленного детского поведения. И этот взгляд на самих себя как бы со стороны помогает им быстрее освободиться от всего смешного. Ведь смеясь над Карлсоном, ребята в какой-то мере смеются и над собой, над собственными слабостями и недостатками. Получается, что читать книгу про «лучшего в мире проказника» не только не вредно и не опасно, а, напротив, полезно. Это чтение учит глядеть на себя критически и смеяться над тем, что смешно. Научиться этому весьма трудно, но без этого умения еще труднее идти вперед. Так «лучший в мире проказник» неизбежно превращается в «лучшего в мире воспитателя». Воспитывает он не примером, как, скажем, Маугли, а смехом. Смех — замечательный воспитатель, любимый ребятами, хотя и беспощадный.

Прощаясь с детством, подрастающие читатели «Карлсона, который живет на крыше» не прощаются со своим любимым героем, потому что расстаться с ним так же трудно, как трудно расстаться с детством. Многие смешные фразы Карлсона, с которыми вы познакомились в детстве, такие, как «Спокойствие, только спокойствие», или «От пирогов не толстеют», или «Отлично, продолжим разговор», долго не забываются и могут пригодиться во взрослой жизни куда чаще, чем кажется.

Астрид Линдгрен убеждена, что добрые, умные, веселые истории, прочитанные в детстве, такие, как «Мальпш и Карлсон», в которых открываются чудеса повседневной жизни и суть людских отношений, помогут юным читателям вырасти хорошими, честными, справедливыми, смелыми людьми. Она обращается к ним с любовью и надеждой как к завтрашним взрослым, от которых в конечном счете зависит судьба мира.

Литературная сказка, то есть сказка не фольклорная, а написанная определенным автором, во многом схожа с народной сказкой, даже если она не обращается к классическим сказочным сюжетам и обходится без привычных сказочных персонажей вроде бабы-яги, без чудес в духе скатерти-самобранки. И действие литературной сказки разворачивается чаще, как мы уже видели в «Мальше и Карлсоне» и сейчас увидим в «Винни-Пухе», не в «некоем царстве, некоем государстве», а в обычной квартире современного города или на ферме да притом не «некогда», а в наше время. И все же, несмотря на различия, бросающиеся в глаза, многое сближает народную и литературную сказки. Оно и понятно, ведь обе они порождены устным словом. Сказка — это то, что один человек рассказывает другим. Народные сказки в течение сотен лет передавались из уст в уста, это общеизвестно. Но любопытно, что и литературная сказка тоже часто складывается как устный жанр. Тому есть множество примеров. Прежде всего, конечно, Льюис Кэрролл. Все знают, что «Алису в стране чудес» он сперва рассказывал Алисе Лидделл, а лишь потом написал. И Ханс Кристиан Андерсен, который только в девятнадцать лет пошел в школу и научился грамоте, а задолго до этого рассказывал всем свои сказки. Да и Астрид Линдгрен свою первую сказку про Пеппи Длинныйчулок сперва рассказывала дочке по вечерам и лишь потом по ее просьбе записала...

Вот именно так, как устное слово, даже, точнее, как игра, и это важно подчеркнуть, родилась и повесть-сказка Алана Александра Милна «Винни-Пух и все-все-все».

В доме был мальчик, маленький Кристофер Робин, который любил играть. У него появились первые игрушки. Винни-Пух, например, этот удивительный плюшевый медвежонок, поселился у Кристофера Робина в 1921 году, когда мальчику был всего год. Потом ему подарили ослика Иа-Иа, который потерял хвост, и поросенка Пятачка. Таким образом Винни-Пух больше не был одинок, у него появились товарищи, и между ними установились дружеские отношения. А значит, стали случаться всякие происшествия. Но папе Кристофера — он ведь все-таки был не просто папа, а довольно известный писатель и драматург Алан Александр Милн — стало казаться, что у Винни-Пуха слишком маленькое общество, и тогда он придумал, на этот раз просто придумал, еще двух персонажей для тех событий, которые разыгрывались вокруг медвежонка: Сову и Кролика, но в тех историях, которые вся семья рассказывала Кристоферу, они были вполне реально действующими лицами. Потом папа купил еще две игрушки, чтобы

Винни-Пух не скучал,— тигра по имени Тигра и Кенгу с детенышем Ру. Место действия для всех приключений Винни-Пуха и его друзей тоже определилось чисто семейными обстоятельствами— в 1925 году Милны купили Кочфордскую ферму. Вот там и развернулись события, описанные в повести.

В процессе игры с маленьким Кристофером все его игрушки не только обрели каждый свою биографию, но и ярко выраженный характер, присущие каждому поведению, привычки, пристрастия, свою манеру разговора. Так совершенно естественно родилась сказка. Истории про Винни-Пуха и его друзей— это плод коллективного творчества семьи, как уверял Милн, это как бы эпос, а ему оставалась лишь скромная роль летописца. Устная, типично семейная сказка «прорвалась» в литературу.

Первая книжка про медвежонка увидела свет в 1926 году, в нее вошли десять историй про Винни-Пуха, его друзей и Кристофера, которому к этому времени исполнилось шесть лет. Успех был ошеломляющий. Вторая книга, вышедшая два года спустя, в 1928 году, называлась «Дом на Пуховой Опушке». О том, насколько горячо эти книги были встречены, свидетельствует хотя бы тот факт, что вслед за ними появилась целая библиотечка книг о Кристофере— сборник «Истории про Кристофера Робина», «Книга для чтения о Кристофере Робине», «Истории ко дню рождения о Кристофере Робине». Выпустили даже «Букварь Кристофера Робина» и множество книжек-картинок, однако ничего нового в этих изданиях не было, это лишь выдержки из первых двух книг.

Для Алана Александра Милна сочинение рассказов не было баловством, досужим занятием, или, как сейчас сказали бы, хобби. Милн был профессиональным литератором, автором известных в то время детективов, драматургом, чьи пьесы шли в театрах. Но из всего его большого литературного наследия испытание временем выдержали только книжки про плюшевого медвежонка Винни-Пуха и стихи.

В чем же секрет такого стойкого успеха повести «Винни-Пух»? Почему эти, казалось бы, незатейливые истории про то, как Винни-Пух испугался пчел, или про то, как на Пуховой Опушке строят дом для игрушечного ослика Иа-Иа, уже больше полувека увлекают ребят?

А вообще что такое успех детской книги? Наверное, когда родители любят читать и перечитывать эту книгу вслух, а дети готовы слушать ее хоть в сотый раз. И еще неизвестно, кто получает при этом большее удовольствие— родители или дети. Наверное, поровну, потому что они вместе как бы играют в Винни-Пуха, и эта книга их объединяет.

Так кто же он, этот медвежонок Винни-Пух, и почему у него в голове опилки? Винни-Пух — это ребенок, который ничего не знает, но хочет знать все. А опилки — это шуточный знак, метафора нулевого жизненного опыта, абсолютного неведения. Вот он и поет:

Опять ничего не могу я понять,
Опилки мои — в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.
Возьмем это самое слово «опять».
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
«Ошеть», и «осемь», и «овосемь»¹.

Итак, перед нами ребенок, сторающий от любопытства, но пока он знает только две вещи: что у него есть верные друзья и что он любит мед. А хочет он знать все: и как организовать «искспедицию» на Северный полюс, и как поймать Слонопотама, и похож ли медвежонок, летящий на воздушном шаре, на тучку! У него есть друзья: мальчик Кристофер, поросенок Пятачок — Очень Маленькое Существо, меланхолический ослик Иа-Иа, который теряет хвост, Тигра, которого надо укротить, и все остальное. И вот что важно: каждый из них — это четко очерченный, хорошо узнаваемый детский психологический тип (да и не только детский). Вся эта ребячья компания (они же игрушки реального Кристофера), так же, как и Винни-Пух, изо всех сил хочет знать, летать, путешествовать, строить, помогать друг другу.

Так домашняя вечерняя сказка, которую папа-писатель рассказывает своему сыну, укладывая его спать, на глазах читателя перерастает в увлекательное приключение и выходит из подчинения рассказчика (он даже пропадает — в начале повести его разговоры с сыном выделены курсивом, потом этих вставок больше нет). Персонажи оживают, становятся самостоятельными, неуправляемыми, игрушечный лес разрастается в огромный, волшебный, и в нем возникают новые персонажи из неведомого мира. Из джунглей, например, прибегает полосатый Тигра, прискакивает Кенга со своим детенышем Ру, и вдруг среди этих игрушек появляется настоящая живая Сова и говорящий Кролик с целой компанией Родственников и Знакомых, и среди них незабываемый Сашка-Букашка. Это разрастание, расширение поля охвата действительности соответствует познанию ребенком окружающего мира. И перед нами совсем естественно возникает настоящий эпос.

¹ Перевод Б. Заходера.

Итак, эпос, путешествие аргонавтов, «Песнь о Нибелунгах», «Одиссея», «Илиада»... Одним словом, цепь героических приключений. И действительно, уже вторая глава рассказывает, как «Винни-Пух пошел в гости, а попал в безвыходное положение». А дальше — больше: «Пух и Пятачок чуть-чуть не поймали Буку», потом «Пятачок встречает Слонопотама», «Кристофер Робин организует «Испедицию» к Северному Полюсу», «Пятачок свершает Великий Подвиг» и т. п.

Но, читая эти главы, мы понимаем, что это скорее какой-то антиэпос, причем комический. А их многообещающие таинственные названия лишь подчеркивают, что речь идет о плюшевом мишке и крошечном игрушечном поросенке да и Буки никакого нет — герои наши просто бредут по своим собственным следам. А страшный Слонопотам при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь Винни-Пухом с горшком из-под меда на голове (нетрудно догадаться, зачем Винни-Пух засунул туда голову!).

Что ж, выходит, приключения без приключений? Открытия без открытий? Ведь даже ось Северного полюса оказывается всего-навсего палкой, которую надо воткнуть в землю, а к ней привязать дощечку с надписью: «Северный Полюс. Открыт Пухом. Пух его нашел».

Нет, есть и приключения, и открытия, но другого порядка. Все они находятся в сфере внутреннего мира наших героев, а следовательно, и читателей. С самого начала книги нас пленяет та особая, нежная, трогательная атмосфера любви, которая в ней царит. Это мир добра и внимания друг к другу, мир, где гостя угощают самым любимым, где попавшего в беду всегда спасают, а другу отдают свой дом. И все эти совсем обыденные поступки, которые лежат как бы на периферии сюжета, и являются настоящими «подвигами» героев, их «открытиями», «приключениями», «испедициями» во взрослую жизнь.

А. А. Милн, как это не покажется странным по отношению к такой веселой детской книжке, выступает в ней как писатель-моралист в лучшей традиции английской литературы. Однако воспитательный пафос его скрыт от невнимательного взгляда тем же традиционным английским юмором. И совсем не случайно медвежонок Винни-Пух так удивительно напоминает диккенсовского мистера Пиквика. Как и мистер Пиквик, Винни-Пух — англичанин до мозга костей, он тоже интересуется погодой, ходит с зонтиком, отличается той же бескорыстной страстью к путешествиям, которая не осуществляется из-за того только, что подходит время плотно перекусить, а потом как следует отдохнуть. Отсюда рождаются чисто английские афоризмы Винни-Пуха: типа «Подходящая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят».

Но, кроме пиквикского начала, в Винни-Пухе есть еще важная черта — он поэт. И это выделяет его из всех героев, не случайно книга названа именно его именем. Как герой скандинавских саг, Пух в минуты душевного подъема слагает свои многочисленные «Сопелки», «Пыхтелки», «Шумелки», «Кричалки» и «Хвалебные песни». И сам он к этим своим стихам относится очень серьезно. Для него хорошая компания не только там, где угостят, но и там, где слушают его «Шумелку». И друзья ждут его стихов, слушают их, и даже ослик Иа-Иа сам сочиняет стихотворение. Так в повесть входит еще одно действующее лицо — Поэзия, и от этого повесть приобретает новое измерение. И мишка с опилками в голове, который только что искал пятнистого Щасвирнуса, вдруг говорит: «Ведь Поэзия, «Кричалки» — это не такие вещи, которые вы находите, когда хотите, это вещи, которые находят вас».

Так что же это за книга «Винни-Пух и все-все-все»? Детская сказка, роман воспитания, народный героический эпос, поэтическая проза?.. Судя по тому, как легко в такую сложную структуру включаются маленькие дети — они чувствуют себя в этой стихии как рыба в воде, — можно, пожалуй, сказать, что книга о Винни-Пухе — это прежде всего большая увлекательная игра, но при этом надо помнить: для шестилетнего ребенка игра — вещь очень серьезная, ибо через нее познается мир.

Как же Милну удалось написать эту удивительную, интересную, веселую книгу? Вероятно, это получилось само собой, он просто следовал совету своего любимого Винни-Пуха: «Вообще это самый лучший способ писать стихи (и не только стихи) — позволять вещам становиться туда, куда они хотят».

* * *

Вот и оказалось, что собранные в этом томе повести при всем различии прекрасно уживаются под одной обложкой. Уживаются не только потому, что несут один и тот же заряд добра и человечности, но еще и потому, что неизбежно становятся фактом биографии каждого читателя. Так образуется своего рода братство тех, кто читает и перечитывает «Маугли», «Мальша и Карлсона, который живет на крыше», «Винни-Пуха» и испытывает сердечную благодарность к их авторам.

Л. ЛУНГИНА

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

МАУГЛИ

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Н. ДАРУЗЕС

ХУДОЖНИК

Р. ДАВЫДОВ

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет

раздоры, разносит сплетни и не брезгает тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И всё-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадётся ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовётся водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам,— сухо сказал Отец Волк.— Только еды здесь нет.

— Для волка нет,— сказал Табаки, но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашёл оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение,— сказал он, облизываясь.— Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они ещё так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, чем хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликать на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменил место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк.— По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой),— спокойно сказала Мать Волчица.— Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнётся то же: люди будут

рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придётся бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рёв тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдится того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рёв перешёл в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рёв, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да ещё на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чём-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детёнышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и незащищённое из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный,— вой Шер-Хана.

— Он промахнулся,— сказала Мать Волчица.— Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздражённое рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжёг себе лапы. Хватило же ума прыгать в костёр дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк.— И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору,— сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом.— Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете—как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперёд, ещё не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он.— Человечий детёныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребёнок, едва научившийся ходить,— мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребёнок ещё ни разу не заглядывал в волчье логово ночью. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детёныш? — спросила Мать Волчица.— Я их никогда не видала. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребёнка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребёнок проталкивался среди волчат поближе к тёплому боку.) — Ой! Он сосёт вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детёныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди её волчат есть человеческий детёныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в моё время,—сказал Отец Волк.—Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошёл сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь,—сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули.—Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человечий детёныш вошёл сюда,—сказал Шер-Хан.—Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека, как и говорил Отец Волк, обжёг себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелиться ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки—свободный народ, — сказал Отец Волк.—Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детёныш наш. Захотим, так убьём его и сами.

— «Захотим, захотим!» Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне ещё стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рёв тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперёд, и её глаза, похожие во мраке на две зелёные луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детёныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьёт. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детёнышами, рыбоед, убийца лягушек,—придёт время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, палёное чудище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на неё в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоёвывал Мать Волчицу в

открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище «Демон». Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на её стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своём дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчёт приёмьша из людского племени! Детёньш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детёньша надо показать Стае. Ты всё-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело водя боками, сказала Волчица. — Он пришёл к нам совсем голый, ночью, один, и всё же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придёт время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаведясь семьёй, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьёт волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймёшь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повёл волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост.

Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых чёрных трёхлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался неторопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на своё место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся оцетинилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени всё так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рёв донёсся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детёныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

Но Акела даже ухом не повёл. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырёхлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

А Закон Джунглей говорит, что если поднимется спор о том, можно ли принять детёныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детёныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для неё последним, если дело дойдёт до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить где ему вздумается, потому что он ест одни только орехи, мёд и коренья.

— Человечий детёныш? Ну что же, — сказал он, — я за детёныша. Он никому не принесёт вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть он бегаёт со Стаей. Давайте примем детёныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен ещё кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал своё слово, а ведь он учитель наших волчат. Кто ещё будет говорить, кроме Балу?

Чёрная тень легла посреди круга. Это была Багира, чёрная пантера, чёрная вся сплошь, как чернила, но с отметинами, которые, как у всех пантер, видны на свету, точно лёгкий узор на муаре. Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперёк дороги, ибо она была хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у неё был сладок, как дикий мёд, капающий с дерева, а шкура мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что, если начинается спор из-за нового детёныша, жизнь этого детёныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны. — Слушайте Багиру! За детёныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

— Стыдно убивать безволосого детёныша. Кроме того, он станет отличной забавой для вас, когда подрастёт. Балу замолвил за него слово. А я к слову

Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человечьего детёныша в Стаю, как полагается по Закону. Разве это так трудно?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом:

— Что за беда? Он умрёт во время зимних дождей. Его сожжёт солнце. Что может нам сделать голый Лягушонок? Пусть бегаёт со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детёныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан всё ещё ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдал ему.

— Да, да, реви громче! — сказала Багира себе в усы. — Придёт время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела. — Люди и их детёныши очень умны. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто не может быть вожаком Стаи вечно, — сказала Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настанет для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабеет, а на его место становится новый вождь, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детёныша, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

Теперь вам придётся пропустить целых десять или одиннадцать лет и разве только догадываться о том, какую удивительную жизнь вёл Маугли среди волков, потому что если о ней написать подробно, вышло бы много-много книг. Он рос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками гораздо раньше, чем он вышел из младенческих лет, и Отец Волк

учил его своему ремеслу и объяснял всё, что происходит в джунглях. И потому каждый шорох в траве, каждое дуновение тёплого ночного ветерка, каждый крик совы над головой, каждое движение летучей мыши, на лету зацепившейся коготками за ветку дерева, каждый всплеск маленькой рыбки в пруду очень много значили для Маугли. Когда он ничему не учился, он дремал, сидя на солнце, ел и опять засыпал. Когда ему бывало жарко и хотелось освежиться, он плавал в лесных озёрах; а когда ему хотелось мёду (от Балу он узнал, что мёд и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лез за ним на дерево — Багира показала ему, как это делается. Багира растягивалась на суку и звала:

— Иди сюда, Маленький Брат!

Сначала Маугли цеплялся за сучья, как зверёк-ленивец, а потом научился прыгать с ветки на ветку почти так же смело, как серая обезьяна. На Скале Совета, когда собиралась Стая, у него тоже было своё место. Там он заметил, что ни один волк не может выдержать его пристальный взгляд и опускает глаза перед ним, и тогда, забавы ради, он стал пристально смотреть на волков. Случалось, он вытаскивал своим друзьям занозы из лап — волки очень страдают от колючек и репьев, которые впиваются в их шкуру. По ночам он спускался с холмов на возделанные поля и с любопытством следил за людьми в хижинах, но не чувствовал к ним доверия. Багира показала ему квадратный ящик со спускной дверцей, так искусно спрятанный в чаще, что Маугли сам едва не попал в него, и сказала, что это ловушка. Больше всего он любил уходить с Багирой в тёмную, жаркую глубину леса, засыпать там на весь день, а ночью глядеть, как охотится Багира. Она убивала направо и налево, когда бывала голодна. Так же поступал и Маугли. Но когда мальчик подрос и стал всё понимать, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнюю скотину, потому что за него заплатили выкуп Стае, убив буйвола.

— Все джунгли твои, — говорила Багира. — Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей.

И Маугли повиновался беспрекословно.

Он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, который мимоходом учится всему, что нужно знать, даже не думая, что учится, и заботится только о том, чтобы добыть себе еду.

Мать Волчица сказала ему однажды, что Шер-Хану нельзя доверять и что когда-нибудь ему придётся убить Шер-Хана. Волчонок ни на минуту не забыл бы про этот совет, а Маугли забыл, потому что был всего-навсего мальчик, хоть и называл бы себя волком, если б умел говорить на человеческом языке.

В джунглях Шер-Хан постоянно становился ему поперёк дороги, потому что Акела всё дряхлел и слабел, а хромой тигр за это время успел свести дружбу с молодыми волками Сионийской Стаи. Они ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, чего Акела не допустил бы, если бы по-старому пользовался властью. А Шер-Хан льстил волчатам: он удивлялся, как это такие смелые молодые охотники позволяют командовать собой издыхающему волку и человеческому детёнышу. «Я слышал,—говаривал Шер-Хан,—будто на Совете вы не смеете посмотреть ему в глаза». И молодые волки злобно рычали и оцетивались.

Багире, которая всё видела и всё слышала, было известно кое-что на этот счёт, и несколько раз она прямо говорила Маугли, что Шер-Хан убьёт его когда-нибудь. Но Маугли только смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты. Да и Балу, как он ни ленив, может ради меня хватить кого-нибудь лапой. Чего же мне бояться?

Был очень жаркий день, когда новая мысль пришла в голову Багире,—должно быть, она услышала что-нибудь. Может быть, ей говорил об этом дикобраз Сахи, но как-то раз, когда они забрались вместе с Маугли глубоко в чащу леса и мальчик улёгся, положив голову на красивую чёрную спину пантеры, она сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме,—ответил Маугли, который, само собой разумеется, не умел считать.—Ну, и что из этого? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан—это всего-навсего длинный хвост да громкий голос, вроде павлина Мора.

— Сейчас не время спать!.. Балу это знает, знаю я, знает вся Стая, знает даже глупый-глупый олень. И Табаки тебе это говорил тоже.

— Хо-хо! — сказал Маугли. — Табаки приходил ко мне недавно с какими-то дерзостями, говорил, что я безволосый щенок, не умею даже выкапывать земляные орехи, но я его поймал за хвост и стукнул разика два о пальму, чтобы он вёл себя пожеливее.

— Ты сделал глупость: Табаки хоть и смутьян, но знает много такого, что прямо тебя касается. Открой глаза, Маленький Брат. Шер-Хан не смеет убить тебя в джунглях, но не забывай, что Акела очень стар. Скоро настанет день, когда он не сможет убить буйвола, и тогда уже не будет вожаком. Те волки, что видели тебя на Скале Совета, тоже состарились, а молодым хромой тигр внушил, что человечьему детёнышу не место в Волчьей Стае. Пройдёт немного времени, и ты станешь человеком.

— А что такое человек? Разве ему нельзя бегать со своими братьями? — спросил Маугли. — Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Все они — мои братья!

Багира вытянулась во весь рост и закрыла глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную смуглую руку и на шелковистой шее Багиры, там, где под блестящей шерстью перекачиваются громадные мускулы, нащупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметину — след ошейника. Однако я родилась среди людей, Маленький Брат, среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре. Потому я и заплатила за тебя выкуп на Совете, когда ты был ещё маленьким голым детёнышем. Да, я тоже родилась среди людей. Смолodu я не видела джунглей. Меня кормили за решёткой, из железной миски, но вот однажды ночью я почувствовала, что я — Багира, пантера, а не игрушка человека. Одним ударом лапы я сломала этот глупый замок и убежала. И оттого, что мне известны людские повадки, в джунглях меня боятся больше, чем Шер-Хана. Разве это не правда?

— Да,— сказал Маугли,— все джунгли боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О, ты — человеческий детёныш,— сказала чёрная пантера очень нежно.— И как я вернулась в свои джунгли, так и ты должен в конце концов вернуться к людям, к своим братьям, если только тебя не убьют на Совете.

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

— Взгляни на меня,— сказала Багира.

И Маугли пристально посмотрел ей в глаза.

Большая пантера не выдержала и отвернулась.

— Вот зачем,— сказала она, и листья зашуршали под её лапой.— Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что ты умен, за то, что ты вытаскиваешь им занозы из лап, за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал,— угрюмо промолвил Маугли и нахмурил густые чёрные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Сначала ударь, потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен. Сердце говорит мне, что, если Акела промахнётся на следующей охоте — а ему с каждым разом становится всё труднее и труднее убивать, — волки перестанут слушать его и тебя. Они соберут на Скале Совета Народ Джунглей, и тогда... тогда... Я знаю, что делать! — крикнула Багира вскакивая.— Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовёт огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имён, лишь бы не называть его прямо.

— Красный Цветок? — сказал Маугли.— Он растёт перед хижинами в сумерки. Я его достану.

— Вот это говорит человеческий детёныш! — с гордостью сказала Багира.— Не забудь, что этот цветок растёт в маленьких горшках. Добудь же его поскорее и держи при себе, пока он не понадобится.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукой её великолепную шею и заглянул глубоко в большие глаза, — уверена ли ты, что всё это проделки Шер-Хана?

— Да, клянусь сломанным замком, который освободил меня, Маленький Брат!

— Тогда клянусь буйволом, выкупившим меня, я заплачу за это Шер-Хану сполна, а может быть, и с лихвой, — сказал Маугли и умчался прочь.

«Вот человек! В этом виден человек, — сказала самой себе Багира, укладываясь снова. — О Шер-Хан, не в добрый час вздумалось тебе поохотиться за Лягушонком десять лет назад!»

А Маугли был уже далеко-далеко в лесу. Он бежал со всех ног, и сердце в нём горело. Добежав до пещеры, когда уже ложился вечерний туман, он остановился перевести дыхание и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица по дыханию своего Лягушонка поняла, что он чем-то взволнован.

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Шер-Хан разносит сплетни, как летучая мышь, — отозвался он. — Я охочусь нынче на вспаханных полях.

И он бросился вниз, через кусты, к реке на дне долины, но сразу остановился, услышав вой охотящейся Стаи. Он услышал и стон загнанного оленя и фыркание, когда олень повернулся для защиты. Потом раздалось злобное, ожесточённое таяканье молодых волков:

— Аке! Аке! Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Прыгай, Аке!

Должно быть, волк-одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал щёлканье его зубов и короткий визг, когда олень сшиб Аке! с ног передним копытом.

Маугли не стал больше дожидаться, а бросился бегом вперёд. Скоро начались засеянные поля, где жили люди, и вой позади него слышался всё слабей и слабей, глуше и глуше.

— Багира говорила правду, — прошептал он, задыхаясь, и свернулся клубком на куче травы под окном хижины. — Завтра решительный день и для меня и для Аке!.

Потом, прижавшись лицом к окну, он стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена пахаря

вставала ночью и подкладывала в огонь какие-то чёрные куски, а когда настало утро и над землёй пополз холодный белый туман, он увидел, как ребёнок взял оплетённый горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его углями и, накрыв одеялом, пошёл кормить скотину в хлеву.

— Только и всего? — сказал Маугли. — Если даже детёныш это умеет, то бояться нечего.

И он повернул за угол, навстречу мальчику, выхватил горшок у него из рук и скрылся в тумане, а мальчик заплакал от испуга.

— Люди очень похожи на меня, — сказал Маугли, раздувая угли, как это делала женщина. — Если его не кормить, оно умрёт. — И Маугли набросал веток и сухой коры на красные угли.

На половине дороги в гору он встретил Багиру. Утренняя роса блестела на её шкуре, как лунные камни.

— Акела промахнулся, — сказала ему пантера. — Они убили бы его вчера ночью, но им нужен ещё и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри. — Маугли поднял над головой горшок с углями.

— Хорошо! Вот что: я видела, как люди суют туда сухую ветку, и на её конце расцветает Красный Цветок. Ты не боишься?

— Нет! Чего мне бояться? Теперь я припоминаю, если только это не сон: когда я ещё не был волком, я часто лежал возле Красного Цветка, и мне было хорошо и тепло.

Весь этот день Маугли провёл в пещере; он стерёг горшок с огнём и совал в него сухие ветки, пробуя, что получится. Он нашёл такую ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки подошёл к пещере и очень грубо сказал, что Маугли требуют на Скалу Совета, он засмеялся и смеялся так долго, что Табаки убежал. Тогда Маугли отправился на Совет, всё ещё смеясь.

Акела, волк-одиночка, лежал возле своей скалы в знак того, что место Вожака Стаи свободно, а Шер-Хан со сворой своих прихвостней разгуливал взад и вперёд, явно польщённый. Багира лежала рядом с Маугли, а Маугли держал между колен горшок с углями. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, на что он никогда не отважился, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права! — шепнула Багира. — Так и скажи. Он собачий сын, он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — крикнул он. — Разве Шер-Хан Вожак Стаи? Разве тигр может быть нашим вожаком?

— Ведь место вожака ещё не занято, а меня просили говорить... — начал Шер-Хан.

— Кто тебя просил? — сказал Маугли. — Неужели мы все шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником? Стая сама выберет вожака, это чужих не касается.

Раздались крики:

— Молчи, человеческий детёныш!

— Нет, пускай говорит! Он соблюдал наш Закон!

И наконец старики прорычали:

— Пускай говорит Мёртвый Волк!

Когда Вожак Стаи упустит свою добычу, его называют Мёртвым Волком до самой смерти, которой не приходится долго ждать.

Акела нехотя поднял седую голову:

— Свободный Народ, и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не попал в капкан и не был искалечен. А теперь я промахнулся. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, что мне подвели свежего оленя, для того чтобы моя слабость стала явной. Это было ловко сделано. Вы вправе убить меня здесь, на Скале Советов. И потому я спрашиваю: кто из вас подойдёт и прикончит волка-одиночку? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подходили по одному.

Наступило долгое молчание. Ни один волк не смел вступить в смертный бой с Акелой. Потом Шер-Хан прорычал:

— На что нам этот беззубый глупец? Он и так умрёт! А вот человеческий детёныш зажился на свете. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне. Мне противно видеть, что все вы словно помешались на нём. Он десять лет мучил джунгли. Отдайте его мне, или я всегда буду охотиться здесь, а вам не оставлю даже голой кости. Он человек и дитя человека, и я всем сердцем ненавижу его!

Тогда больше половины Стаи завывло:

— Человек! Человек! На что нам человек? Пускай уходит к своим!

— И поднимет против нас всех людей по деревням!—крикнул Шер-Хан.—Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел вместе с нами. Он спал вместе с нами. Он загонял для нас дичь. Он ни разу не нарушил Закона Джунглей.

— Мало того: когда его принимали в Стаю, в уплату за него я отдала буйвола. Буйвол стоит немного, но честь Багиры, быть может, стоит того, чтобы за неё драться,—промурлыкала Багира самым мягким голосом.

— Буйвол, отданный десять лет назад! — огрызнулась Стая.—Какое нам дело до костей, которым уже десять лет?

— Или до того, чтобы держать своё слово? — сказала Багира, оскалив белые зубы.—Недаром вы зовётесь Свободным Народом!

— Ни один человеческий детёныш не может жить с Народом Джунглей! — провыл Шер-Хан.—Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови,—продолжал Акела,—а вы хотите убить его здесь! Поистине я зажился на свете! Одни из вас нападают на домашний скот, а другие, наученные Шер-Ханом, как я слышал, бродят тёмной ночью по деревням и воруют детей с порогов хижин. Поэтому я знаю, что вы трусы, и к трусам обращаюсь теперь. Я скоро умру, и жизнь моя не имеет цены, не то я отдал бы её за жизнь человеческого детёныша. Но ради чести Стаи, о которой вы успели забыть без вожака, я обещаю вам, что не укушу вас ни разу, когда придёт моё время умереть, если только вы дадите человеческому детёнышу спокойно уйти к своим. Я умру без боя. Это спасёт для Стаи не меньше чем три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но, если хотите, избавлю вас от позора — убить брата, за которым нет вины, брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей.

— Он человек!.. человек!.. человек! — завывала Стая.

И больше половины Стаи перебежало к Шер-Хану, который начал постукивать о землю хвостом.

— Теперь всё в твоих руках,—сказала Багира Маугли.—Мы теперь можем только драться.

Маугли выпрямился во весь рост, с горшком в руках. Потом расправил плечи и зевнул прямо в лицо Совету, но в душе он был вне себя от злобы и горя, ибо волки, по своей волчьей повадке, никогда не говорили Маугли, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — крикнул он. — Весь этот собачий лай ни к чему. Вы столько раз говорили мне сегодня, что я человек (а с вами я на всю жизнь остался бы волком), что я и сам почувствовал правду ваших слов. Я стану звать вас не братьями, а собаками, как и следует человеку. Не вам говорить, чего вы хотите и чего не хотите, — это моё дело! А чтобы вам лучше было видно, я, человек, принёс сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь.

Он швырнул на землю горшок, горящие угли подожгли сухой мох, и он вспыхнул ярким пламенем. Весь Совет отпрянул назад перед языком пламени. Маугли сунул в огонь сухой сук, так что мелкие ветки вспыхнули и затрещали, потом завертел им над головой, разгоняя ошестившихся от страха волков.

— Ты господин, — сказала Багира шёпотом. — Спаси Акелу от смерти. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, теперь бросил умоляющий взгляд на Маугли, а тот стоял в свете горящей ветви, весь голый, с разметавшимися по плечам длинными чёрными волосами, и тени метались и прыгали вокруг него.

— Так! — сказал Маугли, медленно озираясь кругом. — Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к своему народу — если это мой народ. Джунгли теперь закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу, но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всём, кроме крови, и потому обещаю вам, что, когда стану человеком среди людей, я не предаю вас людям, как вы предали меня. — Он толкнул костёр ногой, и вверх полетели искры. — Между нами, волками одной Стаи, не будет войны. Однако нужно заплатить долг, прежде чем уйти.

Маугли подошёл ближе к тому месту, где сидел Шер-Хан, бессмысленно моргая на огонь, и схватил его за кисточку на подбородке. Багира пошла за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — крикнул Маугли. — Встань, когда говорит человек, не то я подпалю тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и закрыл глаза, потому что пылающий сук был очень близко.

— Этот скотоубийца говорил, что убьёт меня на Совете, потому что не успел убить меня в детстве... Вот так и вот так мы бьём собаку, когда становимся людьми. Шевельни только усом, Хромой, и я забью тебе в глотку Красный Цветок.

Он бил Шер-Хана по голове пылающей веткой, и тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь ступай прочь, палёная кошка! Но помни: когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, я приду со шкурой Шер-Хана на голове... Теперь вот что. Акела волен жить, как ему угодно. Вы его не убьёте, потому что я этого не хочу. Не думаю также, что вы долго ещё будете сидеть здесь, высунув язык, словно важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь, вот так! Вон, вон!

Конец сука бешено пылал, Маугли раздавал удары направо и налево по кругу, а волки разбегались с воем, унося на своей шкуре горящие искры. Под конец на скале остались только Акела, Багира и, быть может, десяток волков, перешедших на сторону Маугли. И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слёзы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — Я не хочу уходить из джунглей, и я не знаю, что со мной делается. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слёзы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты человек и уже не детёныш больше. Отныне джунгли закрыты для тебя... Пусть текут, Маугли. Это только слёзы.

И Маугли сидел и плакал так, словно сердце его разрывалось, потому что он плакал первый раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — я уйду к людям. Но прежде я должен проститься с моей матерью.

И он пошёл к пещере, где Мать Волчица жила с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись в её шкуру, а четверо волчат жалобно выли.

— Вы не забудете меня? — спросил Маугли.

— Никогда, пока можем идти по следу! — сказали волчата. — Приходи к подножию холма, когда станешь

человеком, и мы будем говорить с тобой или придём в поля и станем играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорей! — сказал Отец Волк. — О Мудрый Лягушонок, приходи поскорее, потому что мы с твоей матерью уже стары.

— Приходи скорей, мой голый сынок, — сказала Мать Волчица, — ибо знай, дитя человека, я люблю тебя больше, чем собственных волчат.

— Приду непременно, — сказал Маугли. — Приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы не забывали меня!

Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спустился один с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми.

ОХОТА КАА

Всё, о чём здесь рассказано, произошло задолго до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Стаи и отомстил за себя тигру Шер-Хану. Это случилось в то время, когда медведь Балу обучал его Закону Джунглей. Большой и важный бурый медведь радовался способностям ученика, потому что волчата обычно выучивают из Закона Джунглей только то, что нужно их Стае и племени, и бегают от учителя, затвердив охотничий стих: «Ноги ступают без шума, глаза видят в темноте, уши слышат, как шевелится ветер в своей берлоге, зубы остры и белы — вот приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как детёнышу человека, нужно было знать гораздо больше.

Иногда чёрная пантера Багира, гуляя по джунглям, заходила посмотреть, какие успехи делает её любимец. Мурлыкая, укладывалась она на отдых под деревом и слушала, как Маугли отвечает медведю свой урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, а плавал так же хорошо, как бегал, и Балу, учитель Закона, обучал его всем законам лесов и вод: как отличить гнилой сук от крепкого; как вежливо заговорить с дикими пчёлами, если повстречаешь рой на дереве; что сказать нетопырю Мангу, если потревожишь его сон в полдень среди ветвей; и как успокоить водяных змей, прежде чем окунуться в заводь. Народ

джунглей не любит, чтобы его тревожили, и всякий готов броситься на незваного гостя. Маугли выучил и Охотничий Клич Чужака, который нужно повторять много раз, пока на него не ответят, если охотишься в чужих местах. Этот клич в переводе значит: «Позвольте мне поохотиться здесь, потому что я голоден», и на него отвечают: «Охоться ради пропитания, но не ради забавы».

Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень уставал повторять по сотне раз одно и то же. Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал:

— Детёныш человека есть детёныш человека, и ему надо знать все Законы Джунглей.

— Но подумай, какой он маленький,—возразила Багира, которая избаловала бы Маугли, если бы дать ей волю.—Разве может такая маленькая головка вместить все твои речи?

— А разве в джунглях довольно быть маленьким, чтобы тебя не убили? Нет! Потому я и учу его всем законам, потому и бью его, совсем легонько, когда он забывает урок.

— «Легонько»! Что ты понимаешь в этом, Железная Лапа?—проворчала Багира.—Сегодня у него всё лицо в синяках от твоего «легонько»! Уф!

— Лучше ему быть в синяках с ног до головы, чем погибнуть из-за своего невежества,—очень серьёзно отвечал ей Балу.—Я теперь учу его Заветным Словам Джунглей, которые будут ему защитой против птиц и змей и против всех, кто бегают на четырёх лапах, кроме его родной Стаи. Если он запомнит эти слова, он может просить защиты у всех в джунглях. Разве это не стоит колотушек?

— Хорошо, только смотри не убей детёныша. Он не лесной пень, чтобы ты точил о него свои тупые когти. А какие же это Заветные Слова? Я лучше помогу сама, чем стану просить помощи, но всё же мне хотелось бы знать.—И Багира, вытянув лапу, залюбовалась своими когтями, синими, как сталь, и острыми, как резцы.

— Я позову Маугли, и он скажет тебе... если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— Голова у меня гудит, как пчелиное дупло,—послышался недовольный детский голос над их голова-

ми, и Маугли, соскочив с дерева, прибавил сердито и негодуя:— Я пришёл ради Багиры, а не ради тебя, жирный старый Балу!

— А мне это всё равно,— ответил Балу, хотя был очень огорчён и обижен.— Так скажи Багире Заветные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Заветные Слова какого народа?— спросил Маугли, очень довольный, что может похвастаться.— В джунглях много наречий. Я знаю их все.

— Кое-что ты знаешь, но очень немного. Полюбуйся, о Багира, вот их благодарность учителю. Ни один самый захудалый волчонок ни разу не пришёл поблагодарить старика Балу за науку. Ну, так скажи Слово Охотничьего Народа, ты, великий учёный.

— «Мы с вами одной крови, вы и я»,— сказал Маугли, произнося по-медвежьи те слова, которые обычно говорит весь Охотничий Народ.

— Хорошо! Теперь Слово Птиц.

Маугли повторил те же слова, свистнув, как коршун.

— Теперь Слово Змеиного Народа,— сказала Багира.

В ответ послышалось не передаваемое никакими словами шипение, и Маугли забрыкал ногами и захлопал в ладоши, потом вскочил на спину Багиры и сел боком, барабанив пятками по блестящей чёрной шкуре и строя медведю самые страшные рожи.

— Вот-вот! Это стоит каких-то синяков,— ласково сказал бурый медведь.— Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

И, повернувшись к Багире, он рассказал ей, как просил дикого слона Хатхи, который всё на свете знает, сказать ему Заветные Слова Змеиного Народа, как Хатхи водил Маугли к пруду узнавать Змеиные Слова от водяной змеи, потому что сам Балу не мог их выговорить, и теперь Маугли не грозит никакая опасность в джунглях: ни змея, ни птица, ни зверь не станут вредить ему.

— И, значит, ему некого бояться! — Балу вытянулся во весь рост, с гордостью похлопывая себя по толстому мохнатому животу.

— Кроме своего племени,— шепнула Багира, а потом громко сказала Маугли:— Пожалей мои рёбра, Маленький Брат! Что это за прыжки то вниз, то вверх?

Маугли, добиваясь, чтобы его выслушали, давно

уже теребил Багиру за мягкую шерсть на плече и толкал её пятками. Оба прислушались и разобрали, что он кричит во весь голос:

— Теперь у меня будет своё собственное племя, и я буду целый день водить его по деревьям!

— Что это за новая глупость, маленький выдумщик? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветками и грязью в старого Балугу, — продолжал Маугли. — Они мне это обещали... Ай!

— Вут! — Большая лапа Балуга смахнула Маугли со спины пантеры, и, лёжа между передними лапами медведя, Маугли понял, что тот сердится. — Маугли, — сказал Балуга, — ты разговаривал с Бандар-Логам, Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру — не сердится ли и она тоже — и увидел, что глаза пантеры стали жёстки, как два изумруда.

— Ты водишься с Обезьяньим Народом — с серыми обезьянами, с народом, не знающим Закона, с народом, который ест всё без разбора? Как тебе не стыдно!

— Балуга ударил меня по голове, — сказал Маугли (он всё ещё лежал на спине), — и я убежал, а серые обезьяны спустились с дерева и пожалели меня. А другим было всё равно. — Он слегка всхлипнул.

— Жалость Обезьяньего Народа! — фыркнул Балуга. — Спокойствие горного потока! Прохлада летнего зноя! А что было потом, детёныш человека?

— А потом... потом они дали мне орехов и всякой вкусной еды, а потом взяли меня на руки и унесли на вершины деревьев и говорили, что я им кровный брат, только что бесхвостый, и когда-нибудь стану их вожаком.

— У них не бывает вожака, — сказала Багира. — Они лгут. И всегда лгали.

— Они были очень ласковы со мной и просили приходить ещё. Почему вы меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Они ходят на двух ногах, как и я. Они не дерутся жёсткими лапами. Они играют целый день... Пустите меня, скверный Балуга, пустите меня! Я опять пойду играть с ними.

— Слушай, детёныш! — сказал медведь, и голос его прогремел, как гром в жаркую ночь. — Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живёт на

деревьях. У них нет Закона. У них нет своего языка, одни только краденые слова, которые они перенимают у других, когда подслушивают, и подсматривают, и подстерегают, сидя на деревьях. Их обычаи — не наши обычаи. Они живут без вожака. Они ни о чём не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадёт орех, и они уже смеются и всё позабыли. Никто в джунглях не водится с ними. Мы не пьём там, где пьют обезьяны, не ходим туда, куда ходят обезьяны, не охотимся там, где они охотятся, не умираем там, где они умирают. Разве ты слышал от меня хотя бы слово о Бандар-Логах?

— Нет,— ответил Маугли шёпотом, потому что лес притих, после того как Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей не хочет их знать и никогда про них не говорит. Их очень много, они злые, грязные, бесстыдные и хотят только того, чтобы Народ Джунглей обратил на них внимание. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают орехи и сыплют грязь нам на голову.

Не успел он договорить, как целый дождь орехов и сучьев посыпался на них с деревьев; послышался кашель, визг и сердитые скачки высоко над ними, среди тонких ветвей.

— С Обезьяньим Народом запрещено водиться,— сказал Балу,— запрещено Законом. Не забывай этого!

— Да, запрещено,— сказала Багира.— Но я всё-таки думаю, что Балу должен был предупредить тебя.

— Я?.. Я? Как могло мне прийти в голову, что он станет водиться с такой дрянью? Обезьяний Народ! Тьфу!

Снова орехи дождём посыпались им на головы, и медведь с пантерой убежали, захватив с собой Маугли. Балу говорил про обезьян сущую правду. Они жили на вершинах деревьев, а так как звери редко смотрят вверх, то обезьянам и Народу Джунглей не приходилось встречаться. Но если обезьянам попадался в руки больной волк, или раненый тигр, или медведь, они мучили слабых и забавы ради бросали в зверей палками и орехами, надеясь, что их заметят. Они поднимали вой, выкрикивая бессмысленные песни, звали Народ Джунглей к себе на деревья драться, заводили из-за пустяков ссоры между собой и бросали

мёртвых обезьян где попало, напоказ всему Народу Джунглей. Они постоянно собирались завести и своего вожака, и свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня. В конце концов они помирились на том, что придумали поговорку: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня», и очень этим утешались. Никто из зверей не мог до них добраться, и никто не обращал на них внимания — вот почему они так обрадовались, когда Маугли стал играть с ними, а Балу на него рассердился.

Никакой другой цели у них не было — у обезьян никогда не бывает цели, — но одна из них придумала, как ей показалось, забавную штуку и объявила всем другим, что Маугли может быть полезен всему их племени, потому что умеет сплестать ветви для защиты от ветра, и если его поймать, то он научит этому и обезьян. Разумеется, Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается. А Обезьяний Народ, подглядывая за ним с деревьев, решил, что это занятная игра. На этот раз, говорили обезьяны, у них и вправду будет вождь и они станут самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все их заметят и позавидуют им. И потому они тихонько крались за Балу и Багирой, пока не наступило время полуденного отдыха и Маугли, которому было очень стыдно, не улёгся спать между пантерой и медведем, решив, что больше не станет водиться с Обезьяньим Народом.

И тут сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих плечах и ногах — жёсткие, сильные маленькие руки, — потом хлестанье веток по лицу, а потом он в изумлении увидел сквозь качающиеся вершины землю внизу и Балу, который глухо ревел, будя джунгли, а Багира прыжками поднималась вверх по стволу дерева, оскалив сплошные белые зубы. Обезьяны торжествующе взвыли и перескочили вверх на тонкие ветви, куда Багира побоялась лезть за ними.

— Она нас заметила! Багира нас заметила! Все джунгли восхищаются нашей ловкостью и нашим умом! — кричали обезьяны.

Потом они пустились бегом, а бег обезьян по верхушкам деревьев — это нечто такое, чего нельзя описать. У них есть там свои дороги и перекрёстки,

свои подъёмы и спуски, пролегающие в пятидесяти, семидесяти, а то и в ста футах над землёй, и по этим дорогам они путешествуют даже ночью, если надо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли под мышки и понеслись вместе с ним по вершинам деревьев скачками в двадцать футов длиной. Без него они могли бы двигаться вдвое скорее, но мальчик своей тяжестью задерживал их. Как ни кружилась у Маугли голова, он всё же наслаждался бешеной скачкой, хотя мелькавшая далеко внизу земля пугала его и сердце замирало от каждого страшного рывка и толчка при перелёте над провалом с одного дерева на другое. Двое стражей взлетали вместе с ним на вершину дерева так высоко, что тонкие ветви трещали и гнулись под ними, а потом с кашлем и уханьем бросались в воздух, вперёд и вниз, и повисали на соседнем дереве, цепляясь за нижние сучья руками и ногами. Иногда Маугли видел перед собой целое море зелёных джунглей, как человек на мачте видит перед собой океанский простор, потом ветви и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он со своими двумя стражами спускался почти к самой земле. Так, скачками и прыжками, с треском и уханьем, всё обезьянье племя мчалось по древесным дорогам вместе со своим пленником Маугли.

Первое время он боялся, что его уронят, потом обозлился, но понял, что бороться нельзя, потом начал думать. Прежде всего нужно было послать о себе весточку Багире и Балу. Обезьяны двигались с такой быстротой, что его друзья не могли их догнать и сильно отставали. Вниз нечего было смотреть — ему видна была только верхняя сторона сучьев, — поэтому он стал смотреть вверх и увидел высоко в синеве коршуна Чилия, который парил над джунглями, описывая круги, в ожидании чьей-нибудь смерти. Чиль видел, что обезьяны что-то несут, и спустился ниже разведать, не годится ли их ноша для еды. Он свистнул от изумления, когда увидел, что обезьяны волокут по верхушкам деревьев Маугли, и услышал от него Заветное Слово Коршуна: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волнующиеся вершины закрыли от него мальчика, но Чиль успел вовремя скользнуть к ближайшему дереву, и перед ним опять вынырнуло маленькое смуглое лицо.

— Замечай мой путь! — крикнул Маугли. — Дай знать Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

— От кого, Брат? — Чиль ещё ни разу до сих пор не видел Маугли, хотя, разумеется, слышал о нём.

— От Лягушонка Маугли. Меня зовут Человечий Детёныш! Замечай мой пу-уть!

Последние слова он выкрикнул, бросаясь в воздух, но Чиль кивнул ему и поднялся так высоко, что казался не больше пылинки, и, паря в вышине, следил своими зоркими глазами за качавшимися верхушками деревьев, по которым вихрем неслась стража Маугли.

— Им не уйти далеко, — сказал он посмеиваясь. — Обезьяны никогда не доделывают того, что задумали. Всегда они хватаются за что-нибудь новое, эти Бандар-Логи. На этот раз, если я не слеп, они наживут себе беду: ведь Балу не птенчик, да и Багира, сколько мне известно, умеет убивать не одних коз.

И, паря в воздухе, он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

А в это время Балу и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира взобралась на дерево так высоко, как не забиралась никогда, но тонкие ветки ломались под её тяжестью, и она соскользнула вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерёг Маугли? — заворчала она на бедного Балу, который припустился неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. — Что пользы бить детёныша до полусмерти, если ты не предостерёг его?

— Скорей! О, скорей! Мы... мы ещё догоним их, быть может! — задыхался Балу.

— Таким шагом? От него не устала бы и раненая корова. Учитель Закона, истязатель малышей, если ты будешь так переваливаться с боку на бок, то лопнешь, не пройдя и мили. Сядь спокойно и подумай! Нужно что-то решить. Сейчас не время для погони. Они могут бросить Маугли, если мы подойдём слишком близко.

— Арала! Вуу! Они, может, уже бросили мальчика, если им надоело его нести! Разве можно верить Бандар-Логам! Летучую мышь мне на голову! Кормите меня одними гнилыми костями! Спустите меня в дупло к диким пчёлам, чтобы меня закусали до

смерти, и похороните меня вместе с гиеной! Я самый несчастный из зверей! Ара-лала! Ва-у-у! О Маугли, Маугли, зачем я не остерёг тебя против Обезьяньего Народа, зачем я бил тебя по голове? Я, может, выбил сегодняшний урок из его головы, и мальчик теперь один в джунглях и забыл Заветные Слова!

Балу обхватил голову лапами и со стоном закачался взад и вперёд.

— Не так давно он сказал мне правильно все слова,—сердито заметила Багира.—Балу, ты ничего не помнишь и не уважаешь себя. Что подумали бы джунгли, если бы я, чёрная пантера, каталась и выла, свернувшись клубком, как дикобраз Сахи?

— Какое мне дело до того, что подумают джунгли! Мальчик, может быть, уже умер!

— Если только они не бросят его с дерева забавы ради и не убьют от скуки, я не боюсь за детёныша. Он умён и всему обучен, а главное, у него такие глаза, которых боятся все джунгли. Но всё же (и это очень худо) он во власти Бандар-Логов, а они не боятся никого в джунглях, потому что живут высоко на деревьях.—Багира задумчиво облизала переднюю лапу.

— И глуп же я! О толстый бурый глупец, пожира-тель корней! — простонал Балу, вдруг выпрямляясь и отряхиваясь.—Правду говорит дикий слон Хатхи: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логи, боятся Каа, горного удава. Он умеет лазить по деревьям не хуже обезьян. По ночам он крадёт у них детёнышей. От одного звука его имени дрожат их гадкие хвосты. Идём к нему!

— Чем может Каа помочь нам? Он не нашего племени, потому что безногий, и глаза у него презлые,—сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитёр. Кроме того, он всегда голоден,—с надеждой сказал Балу.—Пообеща-ем ему много коз.

— Он спит целый месяц, после того как наестся. Может быть, спит и теперь, а если не спит, то, может, и не захочет принять от нас коз в подарок.

Багира плохо знала Каа и потому относилась к нему подозрительно.

— Тогда мы с тобой вместе могли бы уговорить его, старая охотница.

Тут Балу потёрся о Багиру выцветшим бурым плечом, и они вдвоём отправились на поиски горного удава Каа.

Удав лежал, растянувшись во всю длину на выступе скалы, нагретом солнцем, любуясь своей красивой новой кожей: последние десять дней он провёл в уединении, меняя кожу, и теперь был во всём своём великолепии. Его большая тупоносая голова металась по земле, тридцатифутовое тело свивалось в причудливые узлы и фигуры, язык облизывал губы, предвкушая будущий обед.

— Он ещё ничего не ел,— сказал Балу со вздохом облегчения, как только увидел красивый пёстрый узор на его спине, коричневый с жёлтым.— Осторожно, Багира! Он плохо видит, после того как переменит кожу, и бросается сразу.

У Каа не было ядовитых зубов — он даже презирал ядовитых змей за их трусость,— вся его сила заключалась в хватке, и если он обвинял кого-нибудь своими огромными кольцами, то это был конец.

— Доброй охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы.

Как все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу расслышал окрик. Он свернулся кольцом и нагнул голову, на всякий случай приготовившись броситься.

— Доброй охоты всем нам! — ответил он.— Ого, Балу! Что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Одному из нас не мешало бы пообедать. Нет ли поблизости вспугнутой дичи? Лани или хотя бы козлёнка? У меня внутри пусто, как в пересохшем колодце.

— Мы сейчас охотимся,— небрежно сказал Балу, зная, что Каа нельзя торопить, он слишком грузен.

— А можно мне пойти с вами? — спросил Каа.— Одним ударом больше или меньше, для вас это ничего не значит, Багира и Балу, а я... мне приходится целыми днями стеречь на лесных тропинках или полночи лазить по деревьям, ожидая, не попадётся ли молодая обезьяна. Пс-с-шоу! Лес нынче уже не тот, что был в моей молодости. Одно гнильё да сухие сучья!

— Может быть, это оттого, что ты стал слишком тяжёл? — сказал Балу.

— Да, я довольно-таки велик... довольно велик,— ответил Каа не без гордости.— Но всё-таки

молодые деревья никуда не годятся. Прошлый раз на охоте я чуть-чуть не упал — чуть-чуть не упал! — на-шумел, соскользнув с дерева, оттого что плохо зацепился хвостом. Этот шум разбудил Бандар-Логов, и они бранили меня самыми скверными словами.

— Безногий жёлтый земляной червяк! — шепнула Багира себе в усы, словно припоминая.

— Ссссс! Разве они так меня называют? — спросил Каа.

— Что-то в этом роде они кричали нам прошлый раз. Но мы ведь никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не говорят! Будто бы у тебя выпали все зубы и будто бы ты никогда не нападаешь на дичь крупнее козлёнка, потому будто бы (такие бесстыдные вралы эти обезьяны!), что боишься козлиных рогов,—вкрадчиво продолжала Багира.

Змея, особенно хитрый старый удав вроде Каа, никогда не покажет, что она сердится, но Балу и Багира заметили, как вздуваются и перекачиваются крупные мускулы под челюстью Каа.

— Бандар-Логи переменили место охоты,—сказал он спокойно.—Я грелся сегодня на солнце и слышал, как они вопили в вершинах деревьев.

— Мы... мы гонимся сейчас за Бандар-Логами,—сказал Балу и поперхнулся, потому что впервые на его памяти обитателю джунглей пришлось признаваться в том, что ему есть дело до обезьян.

— И конечно, не какой-нибудь пустяк ведёт двух таких охотников—вожаков у себя в джунглях—по следам Бандар-Логов,—учтиво ответил Каа, хотя его раздражало от любопытства.

— Право,—начал Балу,—я всего-навсего старый и подчас неразумный учитель Закона у Сионийских Волчат, а Багира...

— ...есть Багира,—сказала чёрная пантера и закрыла пасть, лязгнув зубами: она не признавала смирения.—Вот в чём беда, Каа: эти воры орехов и истребители пальмовых листьев украли у нас человеческого детёныша, о котором ты, может быть, слышал.

— Я слышал что-то от Сахи (иглы придают ему нахальство) про детёныша, которого приняли в Волчью Стаю, но не поверил. Сахи слушает одним ухом, а потом перевирает всё, что слышал.

— Нет, это правда. Такого детёныша ещё не бывало на свете,—сказал Балу.—Самый лучший, самый

умный и самый смелый. человеческий детёныш, мой ученик, который прославит имя Балу на все джунгли, от края и до края. А кроме того, я... мы... любим его, Каа!

— Тс! Тс! — отвечал Каа, ворочая головой направо и налево. — Я тоже знавал, что такое любовь. Я мог бы рассказать вам не одну историю...

— Это лучше потом, как-нибудь в ясную ночь, когда мы все будем сыты и сможем оценить рассказ по достоинству, — живо ответила Багира. — Наш детёныш теперь в руках у Бандар-Логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

— Они боятся одного меня! И недаром, — сказал Каа. — Болтуни, глупые и хвастливые, хвастливые, глупые болтуни — вот каковы эти обезьяны! Однако вашему детёнышу нечего ждать от них добра. Они рвут орехи, а когда надоест, бросают их вниз. Целый день они носятся с веткой, будто обойтись без неё не могут, а потом ломают её пополам. Вашему детёнышу не позавидуешь. Кроме того, они называли меня... жёлтой рыбой, кажется?

— Червяком, червяком. Земляным червяком, — сказала Багира, — и ещё разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своём господине! Ааа-сс! Чтобы помнили получше! Так куда же они побежали с детёнышем?

— Одни только джунгли знают. На запад, я думаю, — сказал Балу. — А ведь мы полагали, что тебе это известно, Каа.

— Мне? Откуда же? Я хватаю их, когда они попадают мне на дороге, но не охочусь ни за обезьянами, ни за лягушками, ни за зелёной тиной в пруду. Хссс!

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло, посмотри вверх, Балу из Сионийской Стаи!

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда слышится голос, и увидел коршуна Чилия, который плавно спускался вниз, и солнце светило на приподнятые края его крыльев. Чилию давно пора было спать, но он всё ещё кружил над джунглями, разыскивая медведя, и всё не мог рассмотреть его сквозь густую листву.

— Что случилось? — спросил его Балу.

— Я видел Маугли у Бандар-Логов. Он просил передать это тебе. Я проследил за ними. Они понесли

его за реку, в обезьяний город—в Холодные Берлоги. Быть может, они останутся там на ночь, быть может—на десять ночей, а быть может—на час. Я велел летучим мышам последить за ними ночью. Вот что мне было поручено. Доброй охоты всем вам внизу!

— Полного зоба и крепкого сна тебе, Чиль! — крикнула Багира.— Я не забуду тебя, когда выйду на добычу, и отложу целую голову тебе одному, о лучший из коршунов!

— Пустяки! Пустяки! Мальчик сказал Заветное Слово. Нельзя было не помочь ему! — И Чиль, сделав круг над лесом, полетел на ночлег.

— Он не забыл, что нужно сказать! — радовался Балу.— Подумать только: такой маленький, а вспомнил Заветное Слово Птиц, да ещё когда обезьяны тащили его по деревьям!

— Оно было крепко вколочено в него, это слово! — сказала Багира.— Я тоже горжусь детёншем, но теперь нам надо спешить к Холодным Берлогам.

Все в джунглях знали, где находится это место, но редко кто бывал там, ибо Холодными Берлогами называли старый, заброшенный город, затерявшийся и похороненный в чаще леса; а звери не станут селиться там, где прежде жили люди. Разве дикий кабан поселится в таком месте, но не охотничье племя. И обезьяны бывали там не чаще, чем во всяком другом месте. Ни один уважающий себя зверь не подходил близко к городу, разве только во время засухи, когда в полуразрушенных водоёмах и бассейнах оставалась ещё вода.

— Туда полночи пути полным ходом, — сказала Багира.

И Балу сразу приуныл.

— Я буду спешить изо всех сил, — сказал он с тревогой.

— Мы не можем тебя ждать. Следуй за нами, Балу. Нам надо спешить — мне и Каа.

— Хоть ты и на четырёх лапах, а я от тебя не отстану, — коротко сказал Каа.

Балу порывался бежать за ними, но должен был сперва сесть и перевести дух, так что они оставили медведя догонять их, и Багира помчалась вперёд быстрыми скачками. Каа молчал, но как ни спешила Багира, огромный удав не отставал от неё. Когда они добрались до горной речки, Багира оказалась впереди,

потому что перепрыгнула поток, а Каа переплыл его, держа голову и шею над водой. Но на ровной земле удав опять нагнал Багиру.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты неплохой ходок! — сказала Багира, когда спустились сумерки.

— Я проголодался, — ответил Каа. — Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, земляным червяком, да ещё жёлтым!

— Всё равно. Давай двигаться дальше. — И Каа словно лился по земле, зорким глазом отыскивая самую краткую дорогу и двигаясь по ней.

...Обезьяний Народ в Холодных Берлогах вовсе не думал о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и теперь были очень довольны собой. Маугли никогда ещё не видел индийского города, и хотя этот город лежал весь в развалинах, он показался мальчику великолепным и полным чудес. Один владетельный князь построил его давным-давно на невысоком холме. Ещё видны были остатки мощенных камнем дорог, ведущих к разрушенным воротам, где последние обломки гнилого дерева ещё висели на изъеденных ржавчиной петлях. Деревья вросли корнями в стены и высились над ними; зубцы на стенах рухнули и рассыпались в прах; ползучие растения выбились из бойниц и раскинулись по стенам башен висячими косматыми плетями.

Большой дворец без крыши стоял на вершине холма. Мрамор его фонтанов и дворов был весь покрыт трещинами и бурьми пятнами лишайников, сами плиты двора, где прежде стояли княжеские слоны, были приподняты и раздвинуты травами и молодыми деревьями. За дворцом были видны ряд за рядом дома без кровель и весь город, похожий на пустые соты, заполненные только тьмой; бесформенная каменная колода, которая была прежде идолом, валялась теперь на площади, где перекрещивались четыре дороги; только ямы и выбоины остались на углах улиц, где когда-то стояли колодцы, да обветшалые купола храмов, по бокам которых проросли дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, будто презирают Народ Джунглей за то, что он живёт в лесу. И всё-таки они не знали, для чего построены все эти здания и как ими пользоваться. Они усаживались в кружок на помосте

в княжеской зале совета, искали друг у дружки блох и играли в людей: вбегали в дома и опять выбегали из них, натаскивали куски штукатурки и всякого старья в угол и забывали, куда они всё это спрятали; дрались и кричали, нападая друг на друга, потом разбегались играть по террасам княжеского сада, трясли там апельсиновые деревья и кусты роз для того только, чтобы посмотреть, как посыплются лепестки и плоды. Они обегали все переходы и тёмные коридоры во дворце и сотни небольших тёмных покоев, но не могли запомнить, что они уже видели, а чего ещё не видали, и шатались везде поодиночке, попарно или кучками, хвастаясь друг перед другом, что ведут себя совсем как люди. Они пили из водоёмов и мутили в них воду, потом дрались из-за воды, потом собирались толпой и бегали по всему городу, крича:

— Нет в джунглях народа более мудрого, доброго, ловкого, сильного и кроткого, чем Бандар-Логи!

Потом всё начиналось снова, до тех пор пока им не надоедал город, и тогда они убегали на вершины деревьев, всё ещё не теряя надежды, что когда-нибудь Народ Джунглей заметит их.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не понимал такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его в Холодные Берлоги уже к вечеру, и, вместо того чтобы лечь спать, как сделал бы сам Маугли после долгого пути, они схватились за руки и начали плясать и распевать свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь перед своими друзьями и сказала им, что захват Маугли в плен отмечает начало перемены в истории Бандар-Логов, потому что теперь Маугли покажет им, как надо сплестать ветви и тростники для защиты от холода и дождя.

Маугли набрал лиан и начал их сплетать, а обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это наскучило, и они стали дёргать своих друзей за хвосты и, кашляя, скакать на четвереньках.

— Мне хочется есть,— сказал Маугли.— Я чужой в этих местах—принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли, но по дороге они подрались, а возвращаться с тем, что у них осталось, не стоило труда. Маугли обиделся и рассердился, не говоря уже о том, что был голоден, и долго блуждал по

пустынным улицам, время от времени испуская Охотничий Клич Чужака, но никто ему не ответил, и Маугли понял, что он попал в очень дурное место.

«Правда всё то, что Балу говорил о Бандар-Лобах,— подумал он про себя.— У них нет ни Закона, ни Охотничьего Клича, ни вожakov — ничего, кроме глупых слов и цепких воровских лап. Так что если меня тут убьют или я умру голодной смертью, то буду сам виноват. Однако надо что-нибудь придумать и вернуться в мои родные джунгли. Балу, конечно, побьёт меня, но это лучше, чем ловить дурацкие розовые лепестки вместе с Бандар-Лобами».

Как только он подошёл к городской стене, обезьяны сейчас же оттащили его обратно, говоря, что он сам не понимает, как ему повезло, и стали щипать его, чтобы он почувствовал к ним благодарность. Он стиснул зубы и промолчал, но всё-таки пошёл с громко вопившими обезьянами на террасу, где были водоёмы из красного песчаника, наполовину полные дождевой водой. Там посередине террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для княжеских жён, которых давно уже не было на свете. Купол беседки провалился и засыпал подземный ход из дворца, по которому женщины приходили сюда, но стены из мрамора ажурной работы остались целы. Чудесную резьбу молочной белизны, лёгкую, как кружево, украшали агаты, сердолики, яшма и лазурит, а когда над холмом взошла луна, её лучи проникли сквозь резьбу, и густые тени легли на землю узором чёрного бархата. Обиженный, сонный и голодный Маугли всё же не мог не смеяться, когда обезьяны начинали в двадцать голосов твердить ему, как они мудры, сильны и добры и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

— Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим — значит, это правда! — кричали они.— Сейчас мы тебе расскажем про себя, какие мы замечательные, раз ты нас слушаешь и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы в будущем он обращал на нас внимание.

Маугли с ними не спорил, и сотни обезьян собрались на террасе послушать, как их говоруны будут петь хвалы Бандар-Лобам, и когда болтуны-обезьяны

останавливались, чтобы перевести дух, остальные подхватывали хором:

— Это правда, мы все так говорим!

Маугли кивал головой, моргал глазами и поддакивал, когда его спрашивали о чём-нибудь, и голова у него кружилась от шума.

«Шакал Табаки, должно быть, перекусал их всех,— думал он про себя,— и они теперь взбесились. Это у них бешенство, «дивани». Неужели они никогда не спят? Вот сейчас это облако закроет луну. Если оно большое, я бы успел убежать в темноте. Но я устал».

За этим самым облаком следили два верных друга в полузасыпанном рву под городской стеной. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, выжидали, чтобы не рисковать понапрасну. Обезьяны ни за что не станут драться, если их меньше сотни против одного, а в джунглях мало кому нравится такой перевес.

— Я поползу к западной стене,— шепнул Каа,— и быстро скачусь по склону вниз, там мне будет легче. Они, конечно, не бросятся мне на спину всем скопом, но всё же...

— Я знаю,— сказала Багира.— Если бы Балу был здесь! Но всё-таки мы сделаем что можем. Когда это облако закроет луну, я выйду на террасу. Они там о чём-то совещаются между собой.

— Доброй охоты,— мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене.

Она оказалась разрушенной меньше других, и большой удав замешкался, пробираясь между камнями. Облако закрыло луну, и как раз в то время, когда Маугли раздумывал, что будет дальше, он услышал лёгкие шаги Багиры на террасе. Чёрная пантера взбежала по склону почти без шума и, не тратя времени на то, чтобы кусаться, раздавала удары направо и налево обезьянам, сидевшим вокруг Маугли в пятьдесят—шестьдесят рядов. Раздался общий вопль испуга и ярости, и, в то время как Багира шагала по катящимся и барахтающимся телам, одна обезьяна крикнула:

— Она тут одна! Убьём её! Убьём!

Клубок дерущихся обезьян, кусаясь, царапаясь, дёргая и терзая Багиру, сомкнулся над ней, а пять или шесть обезьян крепко ухватили Маугли, подтащили его к стене беседки и впихнули в пролом купола.

Мальчик, воспитанный людьми, был бы весь в синяках, потому что падать ему пришлось с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал так, как Балу учил его падать, и сразу стал на ноги.

— Посиди тут,— кричали обезьяны,— пока мы не убьём твоих приятелей! А после мы поиграем с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых!

— Мы с вами одной крови, я и вы! — быстро шепнул Маугли Змеиное Слово.

Он слышал шорох и шипение вокруг в кучах щебня и для верности ещё раз повторил Змеиное Слово.

— Ссслышим! Уберите клобуки! — произнесли тихие голоса (все развалины в Индии рано или поздно становятся обиталищем змей, и ветхая беседка кише-ла кобрами).— Стой смирно, Маленький Брат, иначе ты раздавишь нас!

Маугли стоял спокойно, глядя в отверстия ажурной резьбы и прислушиваясь к шуму драки вокруг чёрной пантеры, к воплям, бормотанию и шлепкам и к густому, хриплому кашлю Багиры, которая рвалась и металась взад и вперёд, задыхаясь под кучей навалившихся на неё обезьян.

Впервые со дня своего рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть.

«Балу должен быть близко: Багира не пришла бы одна»,— подумал Маугли и крикнул громко:

— К водоёму, Багира! Скатись к водоёму! Скатись и нырни! Бросайся в воду!

Багира его услышала, и этот крик, сказавший ей, что Маугли жив, придал ей силы. Она дралась отчаянно, шаг за шагом прокладывая себе дорогу к водоёму. И вот у подножия разрушенной стены, ближе к джунглям, раздался, как гром, боевой клич Балу. Как ни спешил старый медведь, он не мог поспеть раньше.

— Багира, — кричал он,— я здесь! Я лезу вверх! Я спешу! Камни скользят у меня из-под ног! Дайте только до вас добраться, о вы, подлые Бандар-Логи!

Медведь, пыхтя, взобрался на террасу и исчез под волной обезьян, но тут же, присев на корточки, расставил передние лапы и загрёб ими столько обезьян, сколько мог удержать. Потом посыпались равномерные удары — хлоп-хлоп-хлоп! — с чмоканьем, словно гребное колесо било по воде. Шум падения и всплеск сказали Маугли, что Багира пробила к водоёму, куда обезьяны не могли полезть за ней. Пантера лежала в воде, выставив только голову, и

жадно ловила ртом воздух, а обезьяны, стоя в три ряда на красных ступенях, приплясывали от злобы на месте, готовые наброситься на неё со всех сторон разом, если она выйдет из воды на помощь Балу.

Вот тогда-то Багира подняла мокрый подбородок и в отчаянии крикнула, зовя на помощь Змеиный Народ:

— Мы с вами одной крови, я и вы!

Она думала, что Каа струсил в последнюю минуту. Даже Балу на краю террасы, едва дыша под навалившимися на него обезьянами, не мог не засмеяться, услышав, что чёрная пантера просит помощи.

Каа только что перевалился через западную стену и с такой силой рухнул на землю, что большой камень свалился в ров. Он не намерен был отступать и раза два свернулся и развернулся, проверяя, насколько каждый фут его длинного тела готов к бою. Тем временем Балу продолжал бой, и обезьяны вопили над водоёмом вокруг Багиры, и нетопырь Манг, летая взад и вперёд, разносил по джунглям вести о великой битве, так что затрубил даже дикий слон Хатхи. Далеко в лесу проснулись отдельные стайки обезьян и помчались по верхушкам деревьев к Холодным Берлогам на помощь своим родичам, и шум битвы разбудил дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся быстро, напрямик, горя жаждой убийства. Вся сила удава — в тяжком ударе головой, удвоенном силой и тяжестью всего тела. Если вы можете себе представить копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, обитающим в его ручке, вы можете себе представить, каким был Каа в бою. Удав длиной в четыре или пять футов может сбить с ног человека, если ударит его головой в грудь, а в Каа было целых тридцать футов, как вам известно. Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу, был нанесён молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком:

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Не одно поколение обезьян воспитывалось в страхе и вело себя примерно, наслушавшись от старших рассказов про Каа, ночного вора, который умел проскользнуть среди ветвей так же бесшумно, как растёт мох, и утащить самую сильную обезьяну; про

старого Каа, который умел прикидываться сухим суком или гнилым пнём, так что самые мудрые ничего не подозревали до тех пор, пока этот сук не хватал их. Обезьяны боялись Каа больше всего на свете, ибо ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему в глаза и ни одна не вышла живой из его объятий. И потому, дрожа от страха, они бросились на стены и на крыши домов, а Баллу глубоко вздохнул от облегчения. Шерсть у него была гораздо гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал в бою. И тут Каа, впервые раскрыв пасть, прошипел одно долгое, свистящее слово, и обезьяны, далеко в лесу спешившие на помощь к Холодным Берлогам, замерли на месте, дрожа так сильно, что ветви под их тяжестью согнулись и затрещали. Обезьяны на стенах и на крышах домов перестали кричать, в городе стало тихо, и Маугли услышал, как Багира отряхивает мокрые бока, выйдя из водоема. Потом снова поднялся шум. Обезьяны полезли выше на стены, уцепились за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, приплясывая на месте, приложился глазом к ажурной резьбе и начал ухать по-совиному, выражая этим презрение и насмешку.

— Достанем детёныша из западни, я больше не могу! — тяжело дыша, сказала Багира. — Возьмём детёныша и бежим. Как бы они опять не напали!

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Сстойте на мессте! — прошипел Каа, и кругом опять стало тихо. — Я не мог прийти раньше, Сестра, но мне показалось, что я слышу твой зов, — сказал он Багире.

— Я... я, может быть, и звала тебя в разгаре боя, — ответила Багира. — Баллу, ты ранен?

— Не знаю, как это они не разорвали меня на сотню маленьких медведей, — сказал Баллу, степенно отряхивая одну лапу за другой. — Ооу! Мне больно! Каа, мы тебе обязаны жизнью, мы с Багирой...

— Это пустяки. А где же человек?

— Здесь, в западне! Я не могу выбраться! — крикнул Маугли.

Над его головой закруглялся купол, провалившийся по самой середине.

— Возьмите его отсюда! Он танцует, как павлин Мор! Он передавит ногами наших детей! — сказали кобры снизу.

— Ха! — засмеялся Каа. — У него везде друзья, у этого человечка. Отойди подальше, человечек, а вы спрячьтесь, о Ядовитый Народ! Сейчас я пробью стену.

Каа хорошенько осмотрелся и нашёл почерневшую трещину в мраморной резьбе, там, где стена была сильнее всего разрушена, раза два-три слегка оттолкнулся головой, примериваясь, потом приподнялся на шесть футов над землёй и ударил изо всей силы десять раз подряд. Мраморное кружево треснуло и рассыпалось облаком пыли и мусора, и Маугли выскочил в пробоину и бросился на землю между Багирой и Балу, обняв обоих за шею.

— Ты не ранен? — спросил Балу, ласково обнимая Маугли.

— Меня обидели, я голоден и весь в синяках. Но как жестоко они вас потрепали, братья мои! Вы все в крови!

— Не одни мы, — сказала Багира, облизываясь и глядя на трупы обезьян на террасе и вокруг водоёма.

— Это пустяки, всё пустяки, если ты жив и здоров, о моя гордость, лучший из лягушат! — прохныкал Балу.

— Об этом мы поговорим после, — сказала Багира сухо, что вовсе не понравилось Маугли. — Однако здесь Каа, которому мы с Балу обязаны победой, а ты — жизнью. Поблагодари его, как полагается по нашим обычаям, Маугли.

Маугли обернулся и увидел, что над ним раскачивается голова большого удава.

— Так это и есть человечек? — сказал Каа. — Кожа у него очень гладкая, и он похож на Бандар-Логов. Смотри, человечек, чтоб я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерках, после того как я сменю свою кожу.

— Мы с тобой одной крови, ты и я, — отвечал Маугли. — Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат, — сказал Каа, хотя глаза его смеялись. — А что может убить такой храбрый охотник? Я прошу позволения следовать за ним, когда он выйдет на ловлю.

— Сам я не убиваю, я ещё мал, но я загоняю коз для тех, кому они нужны. Когда захочешь есть,

приходи ко мне и увидишь, правда это или нет. У меня ловкие руки,—он вытянул их вперёд,—и если ты попадёшься в западню, я смогу уплатить долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты вам всем, учителя мои!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, ибо Маугли благодарил как полагается.

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь,—сказал он.— С ними ты далеко пойдёшь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдёт луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Луна садилась за холмами, и ряды дрожащих обезьян, которые жались по стенам и башням, походили на рваную, колеблющуюся бахрому. Балу сошёл к водоёму напиться, а Багира начала вылизывать свой мех. И тут Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щёлкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

— Луна заходит,—сказал он.— Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронёсся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа!

— Хорошо! Начнём же пляску Каа — Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!

Он дважды или трижды свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выдвигать петли и восьмёрки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая ни на минуту негромкого гудения. Становилось всё темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как извивается и свивается Каа, слышно было только, как шуршит его чешуя.

Балу и Багира словно обратились в камень, ошетилившись и глухо ворча, а Маугли смотрел и дивился.

— Бандар-Логи,—наконец послышался голос Каа,—можете вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Говорите.

— Без твоего слова мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Хорошо! Подойдите на один шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперёд, и Балус с Багирой невольно сделали шаг вперёд вместе с ними.

— Ближе! — прошипел Каа.

И обезьяны шагнули ещё раз.

Маугли положил руки на плечи Багиры и Балус, чтобы увести их прочь, и оба зверя вздрогнули, словно проснувшись.

— Не снимай руки с моего плеча, — шепнула Багира, — не снимай, иначе я пойду... пойду к Каа. А-ах!

— Это всего только старый Каа выделяет круги в пыли, — сказал Маугли. — Идём отсюда.

И все трое выскользнули в пролом стены и ушли в джунгли.

— Уу-ф! — вздохнул Балус, снова очутившись среди неподвижных деревьев. — Никогда больше не стану просить помощи у Каа! — И он весь содрогнулся с головы до ног.

— Каа знает больше нас, — вся дрожа, сказала Багира. — Ещё немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

— Многие отправятся туда же, прежде чем луна взойдёт ещё раз, — ответил Балус. — Он хорошо поохотится — на свой лад.

— Но что же всё это значит? — спросил Маугли, который не знал ничего о притягательной силе змеи. — Я видел только большую змею, которая выписывала зачем-то круги по земле, пока не стемнело. И нос у Каа был весь разбит. Ха-ха!

— Маугли, — сердито сказала Багира, — нос он разбил ради тебя, так же как мои уши, бока и лапы, плечи и шея Балус искусаны ради тебя. И Балус и Багире трудно будет охотиться в течение многих дней.

— Это пустяки, — сказал Балус. — Зато детёныш опять с нами!

— Правда, но он нам дорого обошёлся: ради него мы были изранены, пожертвовали временем, удачной охотой, собственной шкурой — у меня выпитана вся спина — и даже нашей честью. Ибо, не забывай этого, мне, чёрной пантере, пришлось просить помощи у Каа, и мы с Балус потеряли разум, как малые птенцы, увидев Пляску Голода. А всё оттого, что ты играл с Бандар-Логам!

— Правда, всё это правда,— сказал Маугли опечалившись.— Я плохой детёныш, и в животе у меня горько.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не желал новой беды для Маугли, но с Законом не шутят, и потому он проворчал:

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он ещё мал!

— Не забуду! Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему с десяток шлепков, лёгких, на взгляд пантеры (они даже не разбудили бы её собственного детёныша), но для семилетнего мальчика это были суровые побои, от которых всякий рад был бы избавиться. Когда всё кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь,— сказала Багира,— прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счёты. После него не бывает никаких придинок.

Маугли опустил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что даже не проснулся, когда его положили на землю в родной берлоге.

„ТИГР, ТИГР!“

После драки на Скале Совета Маугли ушёл из волчьего логова и спустился вниз, к пашням, где жили люди, но не остался там — джунгли были слишком близко, а он знал, что на Совете нажил себе не одного лютого врага. И потому он побежал дальше, держась дороги по дну долины, и отмахал около двадцати миль ровной рысью, пока не добрался до мест, которых ещё не знал. Тут начиналась широкая равнина, усеянная скалами и изрезанная оврагами. На одном краю равнины стояла маленькая деревушка, с другого края густые джунгли дугой подступали к самому выгону и сразу обрывались, словно срезанные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и мальчики, сторожившие стадо, завидев Маугли, убежали с кри-

ком, а бездомные жёлтые псы, которых много возле каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли пошёл дальше, потому что был голоден, и, дойдя до деревенской околицы, увидел, что большой терновый куст, которым в сумерки загораживают ворота, отодвинут в сторону.

— Гм! — сказал Маугли (он не в первый раз натёкался на такие заграждения во время своих ночных вылазок за едой). — Значит, люди и здесь боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот и, как только за ворота вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и показал на него пальцем в знак того, что хочет есть. Человек посмотрел на него, побежал обратно по единственной деревенской улице и позвал жреца — высокого и толстого человека, одетого во всё белое, с красным и жёлтым знаком на лбу. Жрец подошёл к воротам, а за ним прибежало не меньше сотни жителей деревушки: они глазели, болтали, кричали и показывали на Маугли пальцами.

«Какие они невежи, эти люди! — сказал про себя Маугли. — Только серые обезьяны так себя ведут». И, отбросив назад свои длинные волосы, он хмуро посмотрел на толпу.

— Чего же тут бояться? — сказал жрец. — Видите знаки у него на руках и на ногах? Это волчьи укусы. Он волчий приёмыш и прибежал к нам из джунглей.

Играя с Маугли, волчата нередко кусали его сильнее, чем хотели, и руки и ноги мальчика были сплошь покрыты белыми рубцами. Но Маугли никогда в жизни не назвал бы эти рубцы укусами: он хорошо знал, какие бывают настоящие укусы.

— Ой! Ой! — сказали в один голос две-три женщины. — Весь искусан волками, бедняжка! Красивый мальчик. Глаза у него как огоньки. Право, Мессуа, он очень похож на твоего сына, которого унёс тигр.

— Дайте мне взглянуть, — сказала женщина с тяжёлыми медными браслетами на запястьях и щиколотках и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на Маугли. — Да, очень похож! Он худее, зато лицом он точь-в-точь мой сын.

Жрец был человек ловкий и знал, что муж Мессуи — один из первых деревенских богачей. И потому он возвёл глаза к небу и произнёс торжественно:

— Что джунгли взяли, то джунгли и отдали.

Возьми мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забывай оказывать почёт жрецу, которому открыто всё будущее человека.

«Клянусь буйволом, выкупившим меня,— подумал Маугли,— все это очень похоже на то, как меня осматривала Стая! Что ж, если я человек, то и буду человеком».

Толпа расступилась, и женщина сделала Маугли знак, чтобы он шёл за ней в хижину, где стояла красная лакированная кровать. А ещё там было много вещей: большой глиняный сосуд для зерна, покрытый забавным выпуклым узором, с полдюжины медных котелков для стряпни, божок в маленькой нише и на стене — настоящее зеркало, какое можно купить на деревенской ярмарке за восемь центов.

Она дала Маугли вволю молока и кусочек хлеба, потом положила руку ему на голову и заглянула в глаза; ей всё-таки думалось, что, может быть, это и в самом деле её родной сын вернулся из джунглей, куда его унёс тигр. И она позвала:

— Натху! О Натху!

Маугли ничем не показал, что это имя ему знакомо.

— Разве ты забыл тот день, когда я подарила тебе новые башмаки? — Она дотронулась до его ступни, твёрдой почти как рог. — Нет, — сказала она с грустью, — эти ноги никогда не знали башмаков. Но ты очень похож на моего Натху и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, оттого что он до сих пор никогда ещё не бывал под крышей. Но, взглянув на соломенную кровлю, он увидел, что сможет её разобрать, если захочет выбраться на волю, и что окно не запирается.

«Что толку быть человеком, если не понимаешь человеческой речи? — сказал он себе. — Здесь я так же глуп и нем, как человек у нас в джунглях. Надо научиться их языку».

Недаром, живя с волками, он выучился подражать боевому кличу оленей в джунглях и хрюканью диких свиней. Как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень похоже повторял его за ней и ещё до темноты заучил названия многих предметов в хижине.

Пришло время спать, но Маугли ни за что не хотел ложиться в хижине, похожей на ловушку для пантеры, и, когда заперли дверь, он выскочил в окно.

— Оставь его,— сказал муж Мессуи.— Не забывай, что он никогда еще не спал на кровати. Если он вправду послан нам вместо сына, он никуда не убежит.

И Маугли растянулся среди высокой чистой травы на краю поля. Но не успел он закрыть глаза, как чей-то мягкий серый нос толкнул его в шею.

— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из детёнышей Матери Волчицы).— Стоило ради этого бежать за тобой двадцать миль! От тебя пахнет дымом и хлебом — совсем как от человека. Проснись, Маленький Брат, я принёс тебе новости.

— Все ли здоровы в джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, кроме волков, которые обожглись Красным Цветком. Теперь слушай, Шер-Хан ушёл охотиться в дальние леса, пока не заживёт его шкура, — он весь в ожогах. Он поклялся, что побросает твои кости в реку, когда вернётся.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Я тоже кое в чём поклялся. Однако новости всегда приятно слышать. Я устал сегодня, очень устал от всего нового, Серый Брат, но ты мне всегда рассказывай, что знаешь нового.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть нас? — тревожно спросил Серый Брат.

— Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи...

— ...и что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. Люди есть люди, и речь их похожа на речь лягушек в пруду. Когда я приду сюда снова, я буду ждать тебя в бамбуках на краю выгона.

В течение трёх месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят, изучая повадки и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть повязку вокруг бёдер, что очень его стесняло, потом выучиться считать деньги, непонятно зачем, потом пахать землю, в чём он не видел пользы. Деревенские дети постоянно дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил Маугли сдерживаться, ибо в джунглях от этого зависит жизнь и пропитание. Но когда дети дразнили его за то, что он не хотел играть с ними или пускать змея, или за то, что он не так выговаривал какое-нибудь слово, одна только мысль, что недостойно охотника убивать ма-

леньких, беззащитных детёнышей, не позволяла ему схватить и разорвать их пополам.

Маугли сам не знал своей силы. В джунглях он чувствовал себя гораздо слабее зверей, а в деревне люди говорили, что он силен, как бык. Он не понимал, что такое страх, и когда деревенский жрец сказал ему, что бог в храме разгневается на Маугли, если он будет красть у жреца сладкие плоды манго, Маугли схватил статую божка, притащил её к жрецу в дом и попросил сделать так, чтобы бог разгневался и Маугли можно было бы подраться с ним. Соблазн был большой, но жрец замял дело, а мужу Мессуи пришлось заплатить немало серебра, чтобы успокоить бога.

Кроме того, Маугли не имел никакого понятия о тех различиях между людьми, которые создаёт каста. Когда осёл гончара свалился в яму, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для отправки на рынок в Канхивару. Это было уже из рук вон плохо, потому что гончар принадлежал к низшей касте, а про осла и говорить нечего. Когда жрец стал бранить Маугли, тот пригрозил посадить и его на осла, и жрец сказал мужу Мессуи, что самое лучшее — поскорее приставить Маугли к какому-нибудь делу. После этого деревенский староста велел Маугли отправляться завтра утром на пастбище стеречь буйволов. Больше всех был доволен этим Маугли. В тот же вечер, считая себя уже на службе у деревни, он присоединился к кружку, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, куда сходились курить и староста, и цирюльник, и сторож, знавшие наперечёт все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого имелся английский мушкет. Обезьяны сидели и болтали на верхних ветвях смоковницы, а в норе под площадкой жила кобра, которой каждый вечер ставили блюдечко молока, потому что она считалась священной. Старики рассаживались вокруг дерева, болтали до поздней ночи и курили табак из больших кальянов. Они рассказывали удивительные истории о людях, богах и привидениях, а Балдео рассказывал ещё более удивительные истории о повадках зверей в джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало. Больше всего рассказов было про зверей, потому что джунгли подходили вплотную к деревне. Олени и дикие свиньи подкапывали посевы, и

время от времени в сумерках тигр уносил человека на глазах у всех, чуть ли не от самых деревенских ворот.

Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чём здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеётся. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной удивительной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха.

Балдео толковал о том, что тигр, который унёс сына Мессуи, был оборотень и что в него вселилась душа злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад...

— И это верно, я знаю,— говорил он,— потому что Пуран Дас всегда хромал. Ему зашибли ногу во время бунта, когда сожгли все его счётные книги, а тот тигр, о котором я говорю, тоже хромает: его лапы оставляют неровные следы.

— Верно, верно, так оно и есть! — подтвердили седые бороды, дружно кивая головами.

— Неужели все ваши рассказы такая старая труха? — сказал Маугли. — Этот тигр хромает потому, что родился хромым, как всем известно: Болтать, будто душа ростовщика живёт в звере, который всегда был трусливее шакала, могут только малые дети.

Балдео на минуту онемел от изумления, а староста вытаращил глаза.

— Ого! Это ведь мальчишка из джунглей! — сказал Балдео. — Если уж ты так умён, тогда лучше отнеси шкуру этого тигра в Канхивару — правительство назначило сто рупий за его голову. А ещё лучше помолчи, когда говорят старшие.

Маугли встал, собираясь уходить.

— Весь вечер я лежал тут и слушал, — отозвался он, оглянувшись через плечо, — и за всё это время, кроме одного или двух раз, Балдео не сказал ни слова правды о джунглях, а ведь они у него за порогом. Как же я могу поверить сказкам о богах, привидениях и злых духах, которых он будто бы видел?

— Этому мальчику давно пора к стаду, — сказал староста. А Балдео пыхтел и фыркал, возмущаясь дерзостью Маугли.

Во многих индийских деревнях мальчики с раннего утра выгоняют коров и буйволов на пастбище, а вечером пригоняют их обратно, и те самые буйволы,

которые затоптали бы белого человека насмерть, позволяют колотить и гонять себя детям, которые едва достают им до морды. Пока мальчишки держатся возле буйволов, им не грозит никакая опасность — даже тигр не посмеет напасть на целое стадо. Но если они отойдут собирать цветы или ловить ящериц, их может унести тигр.

Ранним утром Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине Рамы, самого большого буйвола в стаде. Сине-серые буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диковатым взглядом один за другим выбирались из хлевов и шли за вожакom Рамой, и Маугли дал понять остальным мальчишкам, что хозяин здесь он. Он колотил буйволов длинной отполированной бамбуковой палкой и сказал одному из мальчишек, по имени Камия, что проедет дальше с буйволами, а мальчишки пусть пасут коров без него и ни в коем случае не отходят от стада.

Индийское пастбище — это сплошные камни, кусты, пучки жёсткой травы и неглубокие овраги, по которым разбредается и прячется стадо. Буйволы обычно держатся вблизи болот, где много ила, и целыми часами лежат и греются в горячей от солнца грязи. Маугли пригнал стадо на тот край равнины, где Вайнганга выходит из джунглей, соскочил с шеи Рамы, подбежал к бамбуковой рощице и нашёл там Серого Брата.

— Ага, — сказал Серый Брат, — я уже много дней жду тебя здесь. Для чего тебе эта возня со стадом?

— Так мне приказано, — сказал Маугли. — Пока что я деревенский пастух. А где Шер-Хан?

— Он вернулся в эти места и долго подстерегал тебя здесь. Теперь он опять ушёл, потому что дичи мало. Он хочет убить тебя.

— Отлично! — сказал Маугли. — Пока его здесь нет, ты или кто-нибудь из четверых братьев должен сидеть на этой скале, чтобы я тебя видел, когда выхожу из деревни. Когда он вернётся, ждите меня в овраге посреди равнины, под деревом дхак. Незачем лезть в самую пасть Шер-Хану.

После этого Маугли выбрал тенистое место и уснул, а буйволы паслись вокруг него. Пастись скот в Индии — занятие для лентяев. Коровы передвигаются с места на место и жуют, потом ложатся, потом опять двигаются дальше и даже не мычат. Они только

фыркают, а буйволы очень редко говорят что-нибудь. Они входят в илистые заводи один за другим и забираются в грязь по самую морду, так что видны только нос да синие, словно фарфоровые, глаза, и лежат там, как колоды. Нагретые солнцем скалы словно струятся от зноя, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) незримо посвистывает у них над головой, и знают, что, если кто-нибудь из них умрёт или издохнет корова, этот коршун слетит вниз и соседний коршун за много миль отсюда увидит, как тот спустился, и тоже полетит за ним, а потом ещё один, и ещё, так что едва успеет кто-нибудь умереть, как двадцать голодных коршунов являются неизвестно откуда. Мальчики дремлют, просыпаются и снова засыпают, плетут маленькие корзиночки из сухой травы и сажают в них кузнечиков; а то поймают двух богомоллов и заставляют их драться; а то нижут бусы из красных и чёрных лесных орехов или смотрят, как ящерица греется на солнце, или как змея возле лужи охотится за лягушкой. Потом они поют долгие, протяжные песни со странными переливами в конце, и день кажется им длиннее, чем вся жизнь другим людям. А иногда вылепят дворец или храм из глины с фигурками людей, лошадей и буйволов, вложат тростинки людям в руки, будто бы это владетельные князья, а остальные фигурки — их войско, или будто бы это боги, а остальные им молятся. Потом наступает вечер, дети сзывают стадо, и буйволы один за другим поднимаются из густой грязи с шумом пушечного выстрела, и всё стадо тянется вереницей через серую равнину обратно, к мерцающим огонькам деревни.

День за днём водил Маугли буйволов к илистым заводям, день за днём видел Серого Брата на равнине (и потому знал, что Шер-Хан ещё не вернулся), день за днём он лежал в траве, прислушиваясь к звукам вокруг него, и думал о прежней жизни в кунглях. Если бы Шер-Хан оступился своей хромой лапой где-нибудь в зарослях на берегу Вайнганги, Маугли услышал бы его в эти долгие тихие утра.

Настал наконец день, когда Маугли не увидел Серого Брата на условленном месте, и, засмеявшись, он погнал буйволов к оврагу под деревом дхак, сплошь покрытым золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат, и каждый волосок на его спине поднялся дыбом.

— Он прятался целый месяц, чтобы сбить тебя со следа. Вчера ночью он перешёл горы вместе с Табаки и теперь идёт по горячим следам за тобой,— сказал волк, тяжело дыша.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитёр.

— Не бойся,— сказал Серый Брат, слегка облизнув губы.— Я повстречал Табаки на рассвете. Теперь он рассказывает все свои хитрости коршунам. Но, прежде чем я сломал ему хребет, он всё рассказал мне. Шер-Хан намерен ждать тебя сегодня вечером у деревенских ворот, только тебя и никого другого. А теперь он залёг в большом пересохшем овраге у реки.

— Ел он сегодня или охотится на пустой желудок?— спросил Маугли, потому что от ответа зависела его жизнь или смерть.

— Он зарезал свинью на рассвете, а теперь ещё и напился вволю. Не забудь, что Хер-Хан не может пробыть и одного дня без еды даже ради мести.

— О глупец, глупец! Щенок из щенков! Наелся да ещё и напился и думает, что я стану ждать, пока он выпится! Так где же он залёг? Если бы нас было хоть десятеро, мы сбили бы с него спесь. Эти буйволы не захотят нападать, если не почуют тигра, а я не умею говорить на их языке. Нельзя ли нам пойти по его следу, чтобы буйволы его почуяли?

— Он проплыл далеко вниз по Вайнганге, чтобы след потерялся,— ответил Серый Брат.

— Это Табаки его надоумил, я знаю. Сам он никогда не догадался бы.— Маугли стоял, положив палец в рот, и раздумывал.— Большой овраг у Вайнганги — он выходит на равнину почти за полмили отсюда. Я могу повести стадо кругом, через джунгли, к верху оврага, а потом спуститься вниз, но тогда он уйдёт от нас по дну оврага. Надо загородить тот конец. Серый Брат, можешь ты разделить стадо пополам?

— Не знаю, может быть, и не сумею, но я привёл тебе умного помощника.

Серый Брат отбежал в сторону и соскочил в яму. Оттуда поднялась большая серая голова, хорошо знакомая Маугли, и знойный воздух наполнился самым тоскливым воем, какой только можно услышать в джунглях,— то был охотничий клич волка в полуденное время.

— Акела! Акела! — крикнул Маугли, хлопая в ладоши. — Я так и знал, что ты меня не забудешь! Нам предстоит большая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Собери коров с телятами, а быков и рабочих буйволов — отдельно.

Оба волка, делая петли, забегали в стаде среди буйволов и коров, которые фыркали и закидывали вверх головы, и разделили его на две группы. В одной стояли коровы, окружив телят кольцом, и, злобно глядя, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и растоптать его насмерть, если только он остановится. В другой группе фыркали и рыли землю быки и молодые бычки, которые казались страшнее, но были далеко не так опасны, потому что не защищали своих телят. Люди и вшестером не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что прикажешь ещё? — спросил Акела, задыхаясь. — Они хотят опять сойтись вместе.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Отгони быков подальше налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдём, не давай коровам разбежаться и загоняй их в устье оврага.

— Далеко ли? — спросил Серый Брат, тяжело дыша и щёлкая зубами.

— До того места, где склоны всего круче, чтобы Шер-Хан не мог выскочить! — крикнул Маугли. — Задержи их там, пока мы не подойдём.

Быки рванулись вперёд, услышав голос Акелы, а Серый Брат вышел и стал перед коровами. Те бросились на него, и он побежал перед самым стадом к устью оврага, а в это время Акела отогнал быков далеко влево.

— Хорошо сделано! Ещё раз — и они дружно двинутся вперёд. Осторожней теперь, осторожней, Акела! Стоит только щёлкнуть зубами, и они бросятся на тебя! Ого! Бешеная работа, хуже, чем гонять чёрных оленей! Думал ли ты, что эти твари могут так быстро двигаться? — спросил Маугли.

— Я... я охотился и на них в своё время, — задыхаясь от пыли, отозвался Акела. — Повернуть их в джунгли?

— Да, поверни. Поверни их скорее! Рама бесится от злости. О, если б я только мог сказать ему, что мне от него нужно!

Быки повернули, на этот раз направо, и с шумом бросились в чащу. Мальчики-пастухи, сторожившие стадо полумилей дальше, со всех ног бросились в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

План Маугли был довольно прост. Он хотел сделать большой круг по холмам и дойти до верха оврага, а потом согнать быков вниз, чтобы Шер-Хан попал между быками и коровами. Он знал, что, наевшись и напившись вволю, Шер-Хан не сможет драться и не вскарабкается по склонам оврага. Теперь Маугли успокаивал буйволов голосом, а Акела бежал позади, подвывая изредка, чтобы подогнать отстающих. Пришлось делать большой-большой круг, потому что они не хотели подходить слишком близко к оврагу, чтобы не испугнуть Шер-Хана. Наконец Маугли повернул стадо на поросший травой обрыв, круто спускавшийся к оврагу. С обрыва из-за вершин деревьев была видна равнина внизу, но Маугли смотрел только на склоны оврага и с немалым удовольствием видел, что они очень круты, почти отвесны, и что плющ и лианы, которые их заплели, не удержат тигра, если он захочет выбраться наверх.

— Дай им вздохнуть, Акела,— сказал он, поднимая руку.— Они ещё не почувяли тигра. Дай им вздохнуть. Надо же сказать Шер-Хану, кто идёт. Мы поймали его в западню.

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было всё равно что кричать в туннель,— и эхо покатилося от скалы к скале.

Очень не скоро в ответ послышалось протяжное сонное ворчание сытого тигра, который только что проснулся.

— Кто зовёт? — рявкнул Шер-Хан, и великолепный павлин с резким криком выпорхнул из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе явиться на Скалу Совета, коровий вор! Вниз! Гони их вниз, Акела! Вниз, Рама, вниз!

На миг стадо замерло на краю обрыва, но Акела провыл во весь голос охотничий клич, и буйволы один за другим нырнули в овраг, как пароходы ныряют через пороги. Песок и камни полетели фонтаном во все стороны.

Раз двинувшись, стадо уже не могло остановиться, и не успело оно спуститься на дно оврага, как Рама замычал, почувяв Шер-Хана.

— Ага! — сказал Маугли, сидевший на его спине. — Теперь ты понял!

И поток чёрных рогов, морд, покрытых пеной, и выпученных глаз покотился по оврагу точно так, как катятся валуны в половодье: буйволов послабее оттеснили к бокам оврага, где они с трудом продирались сквозь лианы. Буйволы поняли, что им предстоит: напасть всем стадом и со всех сил, чего не выдержит ни один тигр. Шер-Хан, заслышав топот копыт, вскочил и неуклюже затрусил вниз по оврагу, озираясь по сторонам в поисках выхода. Но откосы поднимались почти отвесно, и он бежал дальше и дальше, отяжелев от еды и питья, готовый на всё, лишь бы не драться. Стадо уже расплёскивало лужу, по которой он только что прошёл, и мычало так, что стон стоял в узком проходе. Маугли услышал ответное мычание в конце оврага и увидел, как повернул Шер-Хан (тигр понимал, что лучше встретиться с быками, чем с коровами и телятами). Потом Рама оступился, споткнулся и прошёл по чему-то мягкому и, подгоняемый остальными быками, на всём ходу врезался в другую половину стада. Буйволов послабее это столкновение просто сбilo с ног. И оба стада вынеслись на равнину, бодаясь, фыркая и топоча копытами.

Маугли выждал сколько надо и соскользнул со спины Рама, колотя направо и налево своей палкой.

— Живо, Акела, разводи стадо! Разгоняй их, не то они начнут бодать друг друга! Отгони их подальше, Акела. Эй, Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тихонько теперь, тихонько! Всё уже кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад и вперёд, кусая буйволов за ноги, и хотя стадо опять направилось было в овраг, Маугли сумел повернуть Раму, а остальные буйволы побрели за ним к болотам.

Шер-Хана не нужно было больше топтать. Он был мёртв, и коршуны уже слетались к нему.

— Братья, вот это была собачья смерть! — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в ножнах на шее, с тех пор как стал жить с людьми. — Но он всё равно был трус, и не стал бы драться. Да! Его шкура будет очень хороша на Скале Совета. Надо скорей приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда не пришлось бы в голову одному свежевать десятифутового тигра, но Маугли лучше всякого другого знал, как

прилажена шкура животного и как её надо снимать. Однако работа была трудная, и Маугли старался целый час, отдирая и полосую шкуру ножом, а волки смотрели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, когда он приказывал им.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Маугли, и, подняв глаза, мальчик увидел Балдео с английским мушкетом. Пастухи рассказали в деревне о том, что буйволы взбесились и убежали, и Балдео вышел сердитый, заранее приготовившись наказать Маугли за то, что он плохо смотрел за стадом. Волки скрылись из виду, как только заметили человека.

— Что это ещё за глупости? — сердито спросил Балдео. — Да разве тебе ободрать тигра! Где буйволы его убили? К тому же это хромой тигр, и за его голову назначено сто рупий. Ну-ну, мы не взыщем с тебя за то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию, после того как отвезу шкуру в Канхивару.

Он нацупал за поясом кремень и огниво и нагнулся, чтобы опалить Шер-Хану усы. Почти все охотники в Индии подпаливают тигру усы, чтобы его призрак не тревожил их.

— Гм! — сказал Маугли вполголоса, снимая кожу с передней лапы. — Так ты отвезёшь шкуру в Канхивару, получишь награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А я так думаю, что шкура понадобится мне самому. Эй, старик, убирайся с огнём подальше!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твоё счастье и глупость буйволов помогли тебе заполучить такую добычу. Тигр только что наелся, иначе он был бы сейчас в двадцати милях отсюда. Ты даже ободрать его не сумеешь как следует, нищий мальчишка, да ещё смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не подпаливал тигру усов! Нет, Маугли, я не дам тебе из награды ни одного медяка, зато поколочу тебя как следует. Отойди от туши!

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, — сказал Маугли, снимая шкуру с лопатки, — неужели я потрачу весь полдень на болтовню с этой старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоел мне!

Балдео, который всё ещё стоял, нагнувшись над головой Шер-Хана, вдруг растянулся на траве, а когда пришёл в себя, то увидел, что над ним стоит серый волк, а Маугли по-прежнему снимает шкуру, как будто он один во всей Индии.

— Да-а,—сказал Маугли сквозь зубы,—ты прав, Балдео: ты не дашь мне ни одного медяка из награды. Я давно воюю с этим хромым тигром, очень давно, и верх теперь мой!

Надо отдать Балдео справедливость — будь он лет на десять помоложе, он бы не побоялся схватиться с Акелой, повстречав его в лесу, но волк, повинующийся слову мальчика, у которого есть личные счёты с тигром-людоедом, — не простой зверь. Тут колдовство, самые опасные чары, думал Балдео и уже не надеялся, что амулет на шее защитит его. Он лежал едва дыша и ждал, что Маугли вот-вот превратится в тигра.

— Махараджа! Владыка! — произнёс он наконец хриплым шёпотом.

— Да? — ответил Маугли, не поворачивая головы и слегка посмеиваясь.

— Я уже старик. Откуда я знал, что ты не простой пастушонок? Можно ли мне встать и уйти отсюда или твой слуга разорвёт меня в клочки?

— Ступай, да будет мир с тобой. Только в другой раз не мешайся в мои дела. Пусти его, Акела!

Балдео заковылял в деревню, спеша и поминутно оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-нибудь страшное. Добравшись до деревни, он рассказал такую историю о напущенных на него чарах, волшебстве и колдовстве, что жрец не на шутку испугался.

Маугли работал не отдыхая, однако надвигались уже сумерки, когда он вместе с волками снял с туши большую пёструю шкуру.

— Теперь надо спрятать шкуру и гнать буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо собрали в сумеречной мгле, и, когда оно приближалось к деревне, Маугли увидел огни и услышал, как в храме звонят в колокола и трубят в раковины. Казалось, полдеревни собралось к воротам встречать Маугли.

«Это потому, что я убил Шер-Хана», — подумал он.

Но целый дождь камней просвистел мимо него, и люди закричали:

— Колдун! Оборотень! Волчий выкормыш! Ступай прочь! Да поживее, не то жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Балдео, стреляй!

Старый английский мушкет громко хлопнул, и в ответ замычал от боли раненый буйвол.

— Опять колдовство! — закричали люди. — Он умеет отводить пули! Балдео, ведь это твой буйвол!

— Это ещё что такое? — спросил растерянно Маугли, когда камни полетели гуще.

— А ведь они похожи на Стаю, эти твои братья, — сказал Акела, спокойно усаживаясь на земле. — Если пули что-нибудь значат, они как будто собираются прогнать тебя.

— Волк! Волчий выкормьш! Ступай прочь! — кричал жрец, размахивая веткой священного растения тулси.

— Опять? Прошлый раз меня гнали за то, что я человек. На этот раз за то, что я волк. Пойдём, Акела!

Женщина — это была Мессуа — перебежала через дорогу к стаду и крикнула:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун и можешь, когда захочешь, превращаться в волка! Я им не верю, но всё-таки уходи, а то они убьют тебя. Балдео говорит, что ты чародей, но я знаю, что ты отомстил за смерть моего Натху.

— Вернись, Мессуа! — кричала толпа. — Вернись, не то мы побьём тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким, злым смехом — камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа. Это глупая сказка из тех, какие рассказывают под большим деревом в сумерки. Я всё-таки отомстил за твоего сына. Прощай и беги скорее, потому что я сейчас пошлю на них стадо, а оно движется быстрее, чем камни. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Ну, ещё раз, Акела! — крикнул он. — Гони стадо в ворота!

Буйволы и сами рвались в деревню. Они не нуждались в том, чтобы их подгонял вой Акелы, и вихрем влетели в ворота, расшвыряв толпу направо и налево.

— Читайте! — презрительно крикнул Маугли. — Может быть, я украл у вас буйвола? Читайте, потому что больше я не стану пасти для вас стадо. Прощайте, люди, и скажите спасибо Мессуе, что я не позвал своих волков и не стал гонять вас взад и вперёд по деревенской улице.

Он повернулся и пошёл прочь вместе с волком-одиночкой и, глядя вверх на звёзды, чувствовал себя счастливым.

— Больше я уж не стану спать в ловушках, Акела. Давай возьмём шкуру Шер-Хана и пойдём отсюда

Нет, деревню мы не тронем, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда луна взошла над равниной, залив её словно молоком, напуганные крестьяне увидели, как Маугли с двумя волками позади и с узлом на голове бежал к лесу волчьей рысью, пожирающей милую за милую, как огонь. Тогда они зазвонили в колокола и затрубили в раковины пуще прежнего. Мессуа плакала. Балдео всё больше привирал, рассказывая о своих приключениях в джунглях, и кончил тем, что рассказал, будто Акела стоял на задних лапах и разговаривал, как человек.

Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка подошли к холму, где была Скала Совета, и остановились перед логовом Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из человечесьей стаи, мать! — крикнул ей Маугли. — Но я сдержал своё слово и вернулся со шкурой Шер-Хана.

Мать Волчица не спеша вышла из пещеры со своими волчатами, и глаза её загорелись, когда она увидела шкуру.

— В тот день, когда он втиснул голову и плечи в наше логово, охотясь за тобой, Лягушонок, я сказала ему, что из охотника он станет добычей. Ты сделал как надо.

— Хорошо сделал, Маленький Брат, — послышался чей-то низкий голос в зарослях. — Мы скучали в джунглях без тебя. — Багира подбежала и потёрлась о босые ноги Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и на том плоском камне, где сживал прежде Акела, Маугли растянул тигровую шкуру, прикрепив её четырьмя бамбуковыми кольшками. Акела улёгся на шкуру и по-старому стал сзывать волков на Совет: «Смотрите, смотрите, о волки!» — совсем как в ту ночь, когда Маугли впервые привели сюда.

С тех пор как сместили Акелу, Стая оставалась без вожака и волки охотились или дрались как кому вздумается. Однако волки по привычке пришли на зов. Одни из них охромели, попавшись в капкан, другие едва ковыляли, раненные дробью, третьи запаршивели, питаясь всякой дрянью, многих недосчитывались совсем. Но все, кто остался в живых, пришли на Скалу Совета и увидели полосатую шкуру

Шер-Хана на скале и громадные когти, болтающиеся на концах пустых лап.

— Смотрите хорошенько, о волки! Разве я не сдержал слово? — сказал Маугли.

И волки пролаяли: «Да!», а один, самый захудалый, провыл:

— Будь снова нашим вожакom, о Акела! Будь нашим вожакom, о детёныш! Нам опротивело беззаконие, и мы хотим снова стать Свободным Народом!

— Нет, — промурлыкала Багира, — этого нельзя. Если вы будете сыты, вы можете опять взбеситься. Недаром вы зовётесь Свободным Народом. Вы дрались за Свободу, и она ваша. Ешьте её, о волки!

— Человечья стая и волчья стая прогнали меня, — сказал Маугли. — Теперь я буду охотиться в джунглях один.

— И мы станем охотиться вместе с тобой, — сказали четверо волчат.

И Маугли ушёл и с этого дня стал охотиться в джунглях вместе с четырьмя волчатами.

Но он не всегда оставался один: спустя много лет он стал взрослым и женился.

Но это уже — рассказ для больших!

КАК СТРАХ ПРИШЕЛ В ДЖУНГЛИ

oo

Закон Джунглей, который много старше всех других законов на земле, предвидел почти все случайности, какие могут выпасть на долю Народа Джунглей, и теперь в этом Законе есть всё, что могли дать время и обычай. Если вы читали другие рассказы про Маугли, то помните, что он провёл большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стае, обучаясь Закону у бурого медведя Балугу. Это Балугу сказал мальчику, когда тому наскучило выполнять его приказания, что Закон подобен цепкой лиане: он хватает всякого и никому от него не уйти.

— Когда ты проживёшь с моё, Маленький Брат, то увидишь, что все джунгли повинуются одному Закону. И это будет не очень приятно видеть, — сказал Балугу.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вышли в другое: мальчик, у которого вся жизнь уходит на еду и сон, не станет особенно тревожиться, пока беда не

подойдёт к нему вплотную. Но настал год, когда слова Балу подтвердились, и Маугли увидел, что все джунгли повинуются одному Закону.

Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое вкусное и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:

— А мне какое дело?

— Сейчас — почти никакого, — сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами, — а там будет видно. Можно ли ещё нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову, — сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов, вместе взятых.

— Тебе же хуже: в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума.

Сахи быстро увернулся, чтобы Маугли не дёрнул его за щетинки на носу. Когда Маугли передал Балу слова Сахи, медведь на минуту задумался и проворчал:

— Будь я один, я переменял бы место охоты, прежде чем другие об этом догадаются. Но только охота среди чужих всегда кончается дракой — как бы они не повредили детёнышу. Подождём, посмотрим, как будет цвести махуа.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем, прежде чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих бутонов упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели. Зелёная поросль по склонам оврагов выгорела, помертвела и свернулась кусками чёрной проволоки; потаённые озёра высохли до дна, покрылись коркой, и даже самые лёгкие следы по их берегам сохранялись долго, словно вылитые из чугуна; сочные стебли плюща, обвивавшие деревья, упали к их подножию и увяли; бамбук засох и тревожно шелестел на знойном ветру; мох сошёл со скал в глубине джунглей, и они стали

такими же голыми и горячими, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года, понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забирались далеко в сохнувшие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали было очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые места, что солнце убило джунгли на три дня полёта во все стороны.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, принялся за старый мёд, трёхлетней давности; он выгребал из опустелых ульев среди скал мёд, чёрный,

как терновые ягоды, и покрытый налётом застывшего сахара. А ещё он доставал личинок, забравшихся глубоко под кору деревьев, и таскал у ос их детву. От дичи в джунглях остались кости да кожа, и Багира убивала трижды в ночь и всё не могла наесться досыта. Но хуже всего было то, что не хватало воды, ибо Народ Джунглей пьёт хоть и редко, но вволю.

А зной всё держался и держался и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеек воды между мёртвыми берегами; и когда дикий слон Хатхи, который живёт сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет

назад объявил это Перемирие его отец. Олени, дикие свиньи и буйволы хрипло подхватили его призыв, а коршун Чиль, летая над землёй большими кругами, свистом и криком извещал джунгли о Перемирии.

По Закону Джунглей за убийство у водопоя полагается смерть, если Перемирие уже объявлено. Это потому, что питьё важнее еды. Каждый зверь в джунглях сможет как-нибудь перебиться, если мало дичи, но вода есть вода, и если остался только один источник, всякая охота прекращается, пока Народ Джунглей ходит к нему на водопой. В хорошие времена, когда воды бывало много, зверям, ходившим на водопой к Вайнганге или в другое место, грозила смерть, и эта опасность много прибавляла к прелестям ночной жизни. Спуститься к реке так ловко, чтобы не зашелестел ни один листок; бродить по колено в грохочущей воде порогов, которая глушит всякий шум; пить, оглядываясь через плечо, в страхе напрягая все мускулы для первого отчаянного прыжка, а потом покататься по песчаному берегу и вернуться с мокрой мордой и полным животом к восхищённому стаду,— всё это с восторгом проделывали молодые олени с блестящими гладкими рожками именно потому, что в любую минуту Багира или Шер-Хан могли броситься на них и унести. Но теперь эта игра в жизнь и смерть была кончена, и Народ Джунглей подходил голодный и измученный к обмелевшей реке — тигр и медведь вместе с оленями, буйволами и кабанами,— пил загрязнённую воду и долго стоял над рекой, не в силах двинуться с места.

Олени и кабаны напрасно искали целыми днями чего-нибудь получше сухой коры и завядших листьев. Буйволы не находили больше ни прохлады в илистых заводях, ни зелёных всходов на полях. Змеи ушли из джунглей и приползли к реке в надежде поймать чудом уцелевшую лягушку. Они обвинялись вокруг мокрых камней и даже не шевелились, когда дикая свинья в поисках корней задевала их рылом. Речных черепах давным-давно переловила Багира, самая ловкая из зверей-охотников, а рыба спряталась глубоко в потрескавшийся ил. Одна только Скала Мира длинной змеей выступала над мелями, и вялые волны едва слышно шипели, касаясь её горячих боков.

Сюда-то и приходил Маугли каждый вечер, ища прохлады и общества. Самые голодные из его врагов

теперь едва ли польстились бы на мальчика. Из-за гладкой, безволосой кожи он казался ещё более худым и жалким, чем его товарищи. Волосы у него выгорели на солнце, как пенька; рёбра выступали, словно прутья на плетёной корзине; высохшие ноги и руки стали похожи на узловатые стебли трав — ползая на четвереньках, он натёр себе шишки на коленях и локтях. Зато глаза смотрели из-под спутанных волос спокойно и ясно, потому что Багира, его друг и советчик, в это трудное время велела ему двигаться спокойно, охотиться не спеша и никогда ни в коем случае не раздражаться.

— Времена сейчас плохие, — сказала чёрная пантера в один раскалённый, как печка, вечер, — но они пройдут, если мы сумеем продержаться до конца. Полон ли твой желудок, детёныш?

— В желудке у меня не пусто, но пользы от этого мало. Как ты думаешь, Багира, дожди совсем забыли нас и никогда не вернуться?

— Не думаю. Мы ещё увидим махуа в цвету и оленят, разжиревших на молодой травке. Пойдём на Скалу Мира, послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Сейчас не время носить тяжести. Я ещё могу держаться на ногах, хотя, правда, мы с тобой не похожи на жирных волов.

Багира искоса посмотрела на свой взъерошенный, пыльный бок и проворчала:

— Вчера ночью я убила вола под ярмом. Я так ослабела, что не посмела бы броситься на него, если бы он был на свободе. Вау!

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь смелые охотники. У меня хватает храбрости ловить и есть личинок.

И они вдвоём с Багирой спустились сухим и ломким кустарником на берег реки, к кружевным отмелям, которые разбегались во всех направлениях.

— Эта вода не проживёт долго, — сказал Балу, подходя к ним. — Посмотрите на тот берег!

На ровной низине дальнего берега жёсткая трава джунглей засохла на корню и стояла мёртвая. Протоптанные оленями и кабанами тропы, ведущие к реке, исполосовали рыжую низину пыльными ущельями, проложенными в высокой траве, и хотя было ещё рано, все тропы были полны зверьём, спешившим к

воде. Слышно было, как лани и их детёныши кашляют от пыли, мелкой, как нюхательный табак.

Выше по реке, у тихой заводи, огибавшей Скалу Мира, хранительницу Водяного Перемирия, стоял дикий слон Хатхи со своими сыновьями. Худые и серые в лунном свете, они покачивались взад и вперёд, покачивались не переставая. Немного ниже стояли рядами олени, ещё ниже — кабаны и дикие буйволы, а на том берегу, где высокие деревья подступали к самой воде, было место, отведённое для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и всех прочих.

— Правда, что мы повинемся одному Закону, — сказала Багира, заходя в воду и поглядывая искоса на ряды стучащих рогов и насторожённых глаз там, где толкались у воды олени и кабаны. — Доброй охоты всем, кто со мной одной крови, — прибавила она, ложась и вытягиваясь во весь рост. Выставив один бок из воды, она шепнула сквозь зубы: — А если б не этот Закон, можно бы очень хорошо поохотиться.

Чуткие уши оленей услышали последние слова, и по рядам пробежал испуганный шёпот:

— Перемирие! Не забывайте о Перемирии!

— Тише, тише! — пробурчал дикий слон Хатхи. — Перемирие продолжается, Багира. Не время сейчас говорить об охоте.

— Кому это лучше знать, как не мне? — ответила Багира, поводя жёлтыми глазами вверх по реке. — Я теперь ем черепах, ловлю лягушек. Нгайя! Хорошо бы мне выучиться жевать ветки!

— Нам бы тоже очень этого хотелось, о-очень! — проблеял молоденький оленёнок, который родился только этой весной и не одобрял старых порядков.

Как ни плохо было Народу Джунглей, но даже слон Хатхи невольно улыбнулся, а Маугли, который лежал в тёплой воде, опираясь на локти, громко расхохотался и взбил ногами пену.

— Хорошо сказано, Маленькие Рожки! — промурлыкала Багира. — Когда Перемирие кончится, это будет зачтено в твою пользу. — И она зорко посмотрела в темноту, чтобы узнать оленёнка при встрече.

Мало-помалу говор пошёл по всему водопою, вверх и вниз по реке. Слышно было, как свиньи, возясь и фыркая, просили потесниться; как мычали буйволы, переговариваясь между собой на песчаных отмелях;

как олени рассказывали друг другу жалостные истории о том, что совсем сбились с ног в поисках пищи. Время от времени они спрашивали о чём-нибудь хищников, стоявших на том берегу, но новости были плохие, и жаркий ветер джунглей с шумом проносился между скалами и деревьями, засыпая воду пылью и ветками.

— И люди тоже умирают за плугом,— сказал молодой олень.— От заката до темноты я видел троих. Они лежали не двигаясь, и их буйволы—рядом с ними. Скоро и мы тоже ляжем и не встанем больше.

— Река убyla со вчерашней ночи,—сказал Балу.— О Хатхи, приходилось ли тебе видеть засуху, подобную этой?

— Она пройдёт, она пройдёт,—отвечал Хатхи, поливая водой из хобота спину и бока.

— У нас тут есть один, которому не вытерпеть долго,—сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого очень любил.

— Мне?—возмущённо крикнул Маугли, садясь в воде.— У меня нет длинной шерсти, прикрывающей кости, но если бы содрать с тебя шкуру, Балу...

Хатхи весь затрясся от смеха, а Балу сказал строго:

— Детёныш, этого не подобает говорить учителю Закона! Меня ещё никто не видел без шкуры.

— Да нет, я не хотел сказать ничего обидного, Балу. Только то, что ты похож на кокосовый орех в шелухе, а я на тот же орех без шелухи. А если эту твою бурую шелуху...

Маугли сидел скрестив ноги и объяснял свою мысль, по обыкновению засунув палец в рот, но тут Багира протянула мягкую лапу и опрокинула его в воду.

— Ещё того хуже,—сказала чёрная пантера, когда мальчик поднялся отфыркиваясь.— То с Балу надо содрать шкуру, то он похож на кокосовый орех. Смотри, как бы он не сделал того, что делают кокосовые орехи!

— А что?—спросил Маугли, позабывшись на минуту, хотя это одна из самых старых шуток в джунглях.

— Не разбил бы тебе голову,—невозмутимо ответила Багира, снова опрокидывая мальчика в воду.

— Нехорошо смеяться над своим учителем,—сказал медведь, после того как Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо! А чего же вы хотите? Этот голыш бегают по лесу и насмехается, как обезьяна, над тем, кто был когда-то добрым охотником, да ещё дёргает за усы забавы ради.

Это спускался к реке, ковыляя, Шер-Хан, хромой тигр. Он подождал немножко, наслаждаясь переполохом, который поднялся среди оленей на том берегу, потом опустил к воде усатую квадратную голову и начал лакать, ворча:

— Джунгли теперь логово для голых щенят! Взгляни на меня, человеческий детёныш!

Маугли взглянул на него — вернее, посмотрел в упор и очень дерзко, — и через минуту Шер-Хан беспокойно отвернулся.

— Маугли то, Маугли сё! — проворчал он, продолжая лакать воду. — Он не человек и не волк, не то он испугался бы. Будущим летом мне придётся просить у него позволения напиться! Уф!

— Может быть, и так, — сказала Багира, пристально глядя тигру в глаза. — Может быть, и так... Фу, Шер-Хан! Что это за новую пакость ты принёс сюда?

Хромой тигр окунул в воду подбородок и щёки, и тёмные маслянистые полосы поплыли вниз по реке.

— Час назад я убил человека, — нагло ответил Шер-Хан.

Он продолжал лакать воду, мурлыкая и ворча себе под нос.

Ряды зверей дрогнули и заколебались, над ними пронёсся шёпот, который перешёл в крик:

— Он убил человека! Убил человека!

И все посмотрели на дикого слона Хатхи, но тот, казалось, не слышал. Хатхи никогда не торопится, оттого он и живёт так долго.

— В такое время убивать человека! Разве нет другой дичи в джунглях? — презрительно сказала Багира, выходя из осквернённой воды и по-кошачьи отряхивая одну лапу за другой.

— Я убил его не для еды, а потому, что мне так хотелось.

Опять поднялся испуганный ропот, и внимательные белые глазки Хатхи сурово посмотрели в сторону Шер-Хана.

— Потому, что мне так хотелось, — протянул Шер-Хан. — А теперь я пришёл сюда, чтобы утолить жажду и очиститься. Кто мне запретит?

Спина Багиры изогнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хатхи спокойно поднял свой хобот.

— Ты убил потому, что тебе так хотелось? — спросил он.

А когда Хатхи спрашивает, лучше отвечать.

— Вот именно. Это было моё право и моя ночь. Ты это знаешь, о Хатхи, — отвечал Шер-Хан почти вежливо. _

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, спросил: — Ты напился вволю?

— На эту ночь — да.

— Тогда уходи. Река для того, чтобы пить, а не для того, чтобы осквернять её. Никто, кроме хромого тигра, не стал бы хвастаться своим правом в такое время... В такое время, когда все мы страдаем вместе — и человек и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, ступай в свою берлогу, Шер-Хан! .

Последние слова прозвучали, как серебряные трубы. И три сына Хатхи качнулись вперёд на полшага, хотя в этом не было нужды. Шер-Хан ушёл крадучись, не смея даже ворчать, ибо он знал то, что известно всем: если дойдёт до дела, то хозяин джунглей — Хатхи.

— Что это за право, о котором говорил Шер-Хан? — шепнул Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда стыдно. Так сказано в Законе. А как же Хатхи говорит...

— Спроси его сам. Я не знаю, Маленький Брат. Есть такое право или нет, а я бы проучила как следует Хромого Мясника, если бы не Хатхи. Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да ещё хвастаться этим — выходка, достойная шакала! Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли подождал с минуту, набираясь храбрости, потому что все в джунглях побаивались обращаться прямо к Хатхи, потом крикнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Оба берега подхватили его слова, ибо Народ Джунглей очень любопытен, а на глазах у всех произошло нечто такое, чего не понял никто, кроме Балу, который принял самый глубокомысленный вид.

— Это старая история, — сказал Хатхи, — она много старше джунглей. Помолчите там, на берегах, и я расскажу её вам.

Минута или две прошли, пока буйволы и кабаны толкались и отпихивали друг друга, потом вожаки стада повторили один за другим:

— Мы ждём!

И Хатхи шагнул вперёд и стал по колено в воде посреди заводи у Скалы Мира. Несмотря на худобу, морщины и жёлтые бивни, сразу было видно, что именно он — хозяин джунглей.

— Вы знаете, дети мои, — начал он, — что больше всего на свете вы боитесь человека.

Послышался одобрителный ропот.

— Это тебя касается, Маленький Брат, — сказала Багира Маугли.

— Меня? Я охотник Свободного Народа и принадлежу к Стае, — ответил Маугли. — Какое мне дело до человека?

— А знаете ли вы, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи. — Вот почему. В начале джунглей, так давно, что никто не помнит, когда это было, все мы паслись вместе и не боялись друг друга. В то время не было засухи, листья, цветы и плоды вырастали на дереве в одно время, и мы питались только листьями, цветами и плодами да корой и травой.

— Как я рада, что не родилась в то время! — сказала Багира. — Кора хороша только точить когти.

— А Господин Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Своим хоботом он вытащил джунгли из глубоких вод, и там, где он провёл по земле борозды своими бивнями, побежали реки, и там, где он топнул ногой, наполнились водою озёра, а когда он затрубил в хобот — вот так, — народились деревья. Вот так Тха сотворил джунгли, и вот так рассказывали мне эту историю.

— Она не стала короче от пересказа! — шепнула Багира.

А Маугли засмеялся, прикрывая рот ладонью.

— В то время не было ни маиса, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, какие видел каждый из вас, и Народы Джунглей жили в лесах дружно, как один народ, не зная ничего о человеке. Но скоро звери начали ссориться из-за пищи, хотя пастбищ хватало на всех. Они обленились. Каждому хотелось пастись там, где он отдыхал, как бывает иногда и у нас, если весенние дожди прошли дружно. У Тха, Первого из Слонов, было много дела:

он создавал новые джунгли и прокладывал русла рек. Он не мог поспеть всюду, и потому сделал Первого из Тигров властелином и судьёй над джунглями, и Народ Джунглей приходил к нему со своими спорами. В то время Первый из Тигров ел плоды и траву вместе со всеми. Он был ростом с меня и очень красив: весь жёлтый, как цветы жёлтой лианы. В то доброе старое время, когда джунгли только что народились, на шкуре тигра ещё не было ни полос, ни пятен. Весь Народ Джунглей приходил к нему без страха, и слово его было законом для всех. Не забывайте, что все мы были тогда один народ.

И всё же однажды ночью между двумя быками вышел спор из-за пастбища, такой спор, какие вы теперь решаете с помощью рогов и передних копыт. Говорят, что когда оба быка пришли жаловаться к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, один из них толкнул его рогами, и Первый из Тигров, забыв о том, что он властелин и судья над джунглями, бросился на этого быка и сломал ему шею.

До той ночи никто из нас не умирал, и Первый из Тигров, увидев, что он наделал, и потеряв голову от запаха крови, убежал в болота на север; а мы, Народ Джунглей, остались без судьи и начали ссориться и драться между собой. Тха слышал шум и пришёл к нам. И одни из нас говорили одно, а другие — другое, но он увидел мёртвого быка среди цветов и спросил нас, кто его убил, а мы не могли ему сказать, потому что потеряли разум от запаха крови, как теряем его и теперь. Мы метались и кружились по джунглям, скакали, кричали и мотали головами. И Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам джунглей отметить убийцу, чтобы Первый из Слонов мог узнать его.

И Тха спросил:

«Кто хочет быть Господином Джунглей?»

Выскочила Серая Обезьяна, которая живёт на ветвях, и крикнула:

«Я хочу быть Госпожой Джунглей!»

Тха усмехнулся и ответил:

«Пусть будет так!» — и в гневе ушёл прочь.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда она была такая же, как и теперь. Сначала она построила умное лицо, но через минуту начала почёсываться и скакать вверх и вниз, и, возвратившись, Тха увидел, что она

висит на дереве головой вниз и передразнивает всех, кто стоит под деревом, и они тоже её дразнят. И так в джунглях не стало больше Закона — одна глупая болтовня и слова без смысла.

Тогда Тха созвал нас всех и сказал:

«Первый ваш Господин принёс в джунгли Смерть, второй — Позор. Теперь пора дать вам Закон, и такой Закон, которого вы не смели бы нарушать. Теперь вы познаете Страх и, увидев его, поймёте, что он господин над вами, а всё остальное придёт само собой».

Тогда мы, Народ Джунглей, спросили:

«Что такое Страх?»

И Тха ответил:

«Ищите и отыщите».

И мы исходили все джунгли вдоль и поперёк в поисках Страха, и вскоре буйволы...

— Уф! — отозвался со своей песчаной отмели Меса, вожак буйволов.

— Да, Меса, то были буйволы. Они принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и Страх стоял там у входа. Да, он был безволосый, как рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот страх, который мы знаем теперь, и мы ринулись прочь, топча и нанося раны друг другу. В ту ночь Народ Джунглей не улёгся отдыхать весь вместе, как было у нас в обычае, но каждое племя легло отдельно — свиньи со свиньями и олени с оленями: рога с рогами и копыта с копытами. Свои залегли со своими и дрожали от страха всю ночь.

Только Первого из Тигров не было с нами: он всё ещё прятался в болотах на севере, и когда до него дошла весть о том, кого мы видели в пещере, он сказал:

«Я пойду к нему и сломаю ему шею».

И он бежал всю ночь, пока не достиг пещеры, но деревья и лианы на его пути, помня повеление Тха, низко опускали свои ветви и метили его на бегу, проводя пальцами по его спине, бокам, лбу и подбородку. И где бы ни дотронулись до него лианы, оставалась метка или полоса на его жёлтой шкуре. И эти полосы его дети носят до наших дней! Когда он подошёл к пещере, Безволосый Страх протянул руку и

назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый из Тигров испугался Безволосого и с воем убежал обратно в болота...

Тут Маугли тихонько засмеялся, опустив подбородок в воду.

— ...Он был так громко, что Тха услышал его и спросил:

«О чём ты?»

И Первый из Тигров, подняв морду к только что сотворённому небу, которое теперь так старо, сказал:

«Верни мне мою власть, о Тха! Меня опозорили перед всеми джунглями: я убежал от Безволосого, а он назвал меня позорным именем».

«А почему?» — спросил Тха.

«Потому, что я выпачкался в болотной грязи», — ответил Первый из Тигров.

«Так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, она, конечно, сойдёт», — сказал Тха.

И Первый из Тигров плавал и плавал, и катался по траве, так что джунгли завертелись у него перед глазами, но ни одно пятнышко не сошло с его шкуры, и Тха засмеялся, глядя на него. Тогда Первый из Тигров спросил:

«Что же я сделал и почему это случилось со мной?»

Тха ответил:

«Ты убил быка и впустил Смерть в джунгли, а вместе со Смертью пришёл Страх, и потому Народы Джунглей теперь боятся один другого, как ты боишься Безволосого».

Первый из Тигров сказал:

«Они не побоятся меня, потому что я давно их знаю».

«Поди и посмотри», — ответил Тха.

Тогда Первый из Тигров стал бегать взад и вперёд по джунглям и громко звать оленей, кабанов, дикобразов и все Народы Джунглей. И все они убежали от тигра, который был прежде их Судьёй, потому что боялись его теперь.

Тогда Первый из Тигров вернулся к Тха. Гордость его была сломлена, и, ударившись головой о землю, он стал рыть её всеми четырьмя лапами и провыл:

«Вспомни, что я был когда-то Властелином Джунглей! Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что когда-то я не знал ни стыда, ни страха!»

И Тха сказал:

«Это я сделаю, потому что мы вдвоём с тобой видели, как создавались джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей такая же, как была прежде, пока ты не убил быка. Если ты повстречаешь Безволосого в эту единственную ночь — а имя ему Человек, — ты не испугаешься его, зато он будет бояться тебя и твоих детей, словно вы судьи джунглей и хозяева всего, что в них есть. Будь милосерден к нему в эту ночь Страха, ибо теперь ты знаешь, что такое Страх».

И тогда Первый из Тигров ответил:

«Хорошо. Я доволен».

Но после того, подойдя к реке напиться, он увидел полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и пришёл в ярость. Целый год он прожил в болотах, ожидая, когда Тха исполнит своё обещание. И в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над джунглями, тигр почувствовал, что настала его ночь, и пошёл к той пещере, где жил Безволосый. И всё случилось так, как обещал Первый из Слонов: Безволосый упал на колени перед ним и распростёрся на земле, а Первый из Тигров бросился на него и сломал ему хребет, думая, что в джунглях больше нет Безволосых и что он убил Страх. И тогда, обнюхав свою добычу, он услышал, что Тха идёт из лесов севера. И вскоре раздался голос Первого из Слонов, тот самый голос, который мы слышим сейчас...

Гром прокатился по иссохшим и растрескавшимся холмам, но не принёс с собой дождя — только зарницы блеснули за дальними горами. И Хатхи продолжал:

— Вот этот голос он и услышал. И голос сказал ему:

«Это и есть твоё милосердие?»

Первый из Тигров облизнулся и ответил:

«Что за беда? Я убил Страх».

И Тха сказал:

«О слепой и неразумный! Ты развязал ноги Смерти, и она станет ходить за тобою по пятам, пока ты не умрёшь. Ты научил человека убивать!»

Первый из Тигров наступил на свою добычу и сказал:

«Он теперь такой же, как тот бык. Страха больше нет, и я по-прежнему буду судить Народы Джунглей».

Но Тха сказал:

«Никогда больше не придут к тебе Народы Джун-

глей. Никогда не скрестятся их пути с твоими, никогда не будут они спать рядом с тобой, ни ходить за тобой, ни пастись возле твоей берлоги. Только Страх будет ходить за тобой по пятам и, когда ему вздумается, поражать тебя оружием, которого ты не увидишь. Он сделает так, что земля разверзнется у тебя под ногами, и лиана захлестнёт твою шею, и стволы деревьев нагромождаются вокруг тебя так высоко, что ты не сможешь через них перепрыгнуть. А напоследок он снимет с тебя шкуру и прикроет ею своих детёнышей, чтобы согреть их. Ты не пощадил его, и он тебе не даст пощады».

Первый из Тигров был очень отважен, потому что его ночь ещё не прошла, и он сказал:

«Обещание Тха остаётся в силе. Ведь он не отнимет у меня моей ночи?»

И Тха сказал:

«Твоя ночь остаётся твоей, как я обещал, но за неё придется заплатить. Ты научил человека убивать, а он всё перенимает быстро».

Первый из Тигров ответил:

«Вот он, у меня под ногой, и хребет его сломен. Пусть узнают все Джунгли, что я убил Страх».

Но Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих и сам скажешь об этом Джунглям, потому что твоя ночь прошла!»

И вот наступил день — из пещеры вышел другой Безволосый, и, увидев убитого на тропинке и тигра, стоящего над ним, он взял палку с острым концом...

— Теперь они бросают такую острую штуку, — сказал дикобраз Сахи, с шорохом спускаясь к реке.

Гонды¹ считают Сахи самой вкусной едой — они зовут его Хо-Игу, — и ему известно кое-что о коварном топорике гондов, который летит через просеку, блестя, как стрекоза.

— Это была палка с острым концом, какие втыкают на дно ловчей ямы, — сказал Хатхи. — Безволосый бросил её, и она воткнулась в бок Первому из Тигров. Всё случилось, как сказал Тха: Первый из Тигров с воем бегал по лесу, пока не вырвал палку, и все Джунгли узнали, что Безволосый может поражать издали, и стали бояться больше прежнего. Так вышло, что Первый из Тигров научил Безволосого убивать — а

¹ Гонды — один из древнейших народов Индии.

вы сами знаете, сколько вреда это принесло всем нам,—убивать и петлей, и ловушкой, и спрятанным капканом, и кусачей мухой, которая вылетает из белого дыма (Хатхи говорил о пуле), и Красным Цветком, который выгоняет нас из лесу. И всё же одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и тигр ничего не сделал, чтобы прогнать его Страх. Где он найдёт Безволосого, там и убивает, помня, как опозорили Первого из Тигров.

И теперь Страх свободно разгуливает по джунглям днём и ночью.

— Ахи! Ао! — вздохнули олени, думая, как важно всё это для них.

— И только когда один Великий Страх грозит всем, как теперь, мы в джунглях забываем свои мелкие страхи и сходимся в одно место, как теперь.

— Человек только одну ночь боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хатхи.

— Но ведь я... но ведь мы... но ведь все в джунглях знают, что Шер-Хан убивает человека дважды и трижды в месяц.

— Это так. Но тогда он бросается на него сзади и, нападая, отворачивает голову, потому что боится. Если человек посмотрит на тигра, он убежит. А в свою ночь он входит в деревню не прячась. Он идёт между домами, просовывает голову в дверь, а люди падают перед ним на колени, и тогда он убивает. Один раз — в ту ночь.

«О! — сказал Маугли про себя, перевёртываясь в воде с боку на бок. — Теперь я понимаю, почему Шер-Хан попросил меня взглянуть на него. Ему это не помогло, он не мог смотреть мне в глаза, а я... я, разумеется, не упал перед ним на колени. Но ведь я не человек, я принадлежу к Свободному Народу».

— Гм-м! — глухо проворчала Багира. — А тигр знает свою ночь?

— Нет, не знает, пока Лунный Шакал не выйдет из ночного тумана. Иногда эта ночь бывает летом, в сухое время, а иногда зимой, когда идут дожди. Если бы не Первый из Тигров, этого не случилось бы и никто из нас не знал бы Страха.

Олени грустно вздохнули, а Багира коварно улыбнулась.

— Люди знают эту... сказку? — спросила она.

— Никто её не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Тха. Теперь и вы, те, что на берегах, слышали её, и больше мне нечего сказать вам.

Хатхи окунул хобот в воду в знак того, что не желает больше разговаривать.

— Но почему же, почему,—спросил Маугли, обращаясь к Балу,—почему Первый из Тигров перестал есть траву, плоды и листья? Ведь он только сломал шею быку. Он не сожрал его. Что же заставило его отведасть свежей крови?

— Деревья и лианы заклеямили тигра, Маленький Брат, и он стал полосатым, каким мы видим его теперь. Никогда больше не станет он есть их плодов, и с того самого дня он мстит оленям, буйволам и другим травоедам,—сказал Балу.

— Так ты тоже знаешь эту сказку? Да? Почему же я никогда её не слышал?

— Потому, что джунгли полны таких сказок. Стоит только начать, им и конца не будет. Пусти моё ухо, Маленький Брат!

НАШЕСТВИЕ ДЖУНГЛЕЙ

oo

Вы, конечно, помните, что Маугли, пригвоздив шкуру Шер-Хана к Скале Совета, сказал всем волкам, сколько их осталось от Сионийской Стаи, что с этих пор будет охотиться в джунглях один, а четверо волчат Матери Волчицы пообещали охотиться вместе с ним. Но не так-то легко сразу переменить свою жизнь, особенно в джунглях. После того как Стая разбежалась кто куда, Маугли прежде всего отправился в родное логово и залёг спать на весь день и на всю ночь. Проснувшись, он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице о своих приключениях среди людей ровно столько, сколько они могли понять. Когда Маугли стал играть перед ними своим охотничьим ножом так, что утреннее солнце заиграло и заблестало на его лезвии — это был тот самый нож, которым он снял шкуру с Шер-Хана,— волки сказали, что он кое-чему научился. После того Акеле и Серому Брату пришлось рассказать, как они помогали Маугли гнать буйволов по-оврагу, и Балу вскарабкался на холм послушать их,

а Багира почёсывалась от удовольствия при мысли о том, как ловко Маугли воевал с тигром.

Солнце давно уже взошло, но никто и не думал ложиться спать, а Мать Волчица время от времени закидывала голову кверху и радостно вдыхала запах шкуры Шер-Хана, доносимый ветром со Скалы Совета.

— Если бы не Акела с Серым Братом,—сказал в заключение Маугли,—я бы ничего не смог сделать. О Мать Волчица, если б ты видела, как серые буйволы неслись по оврагу и как они ломились в деревенские ворота, когда человечья стая бросала в меня камнями!

— Я рада, что не видела этого,—сурово сказала Мать Волчица.—Не в моём обычае терпеть, чтобы моих волчат гоняли, как шакалов! Я бы заставила человечью стаю поплатиться за это, но пощадила бы женщину, которая кормила тебя молоком. Да, я пощадила бы только её одну!

— Тише, тише, Ракша! — лениво заметил Отец Волк.— Наш Лягушонок опять вернулся к нам и так поумнел, что родной отец должен лизать ему пятки. А не всё ли равно — одним шрамом на голове больше или меньше? Оставь человека в покое.

И Балус с Багирой отозвались, как эхо:

— Оставь человека в покое!

Маугли, положив голову на бок Матери Волчицы, улыбнулся довольной улыбкой и сказал, что и он тоже не хочет больше ни видеть, ни слышать, ни чувствовать человека.

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? — сказал Акела, приподняв одно ухо.

— Нас пятеро, — сказал Серый Брат, оглянувшись на всех сидящих и щёлкнув зубами.

— Мы тоже могли бы принять участие в охоте, — сказала Багира, пошевеливая хвостом и глядя на Балуса. — Но к чему думать теперь о человеке, Акела?

— А вот к чему, — ответил волк-одиночка. — После того как шкуру этого жёлтого вора повесили на Скале Совета, я пошёл обратно к деревне по нашим следам; чтобы запутать их на тот случай, если за нами кто-нибудь погонится, я ступал в свои следы, а иногда сворачивал в сторону и ложился. Но когда я запутал след так, что и сам не мог бы в нём разобраться, прилетел нетопырь Манг и стал кружить надо мной.

Он сказал:

«Деревня человеческой стаи, откуда прогнали Маугли, гудит, как осиное гнездо».

— Это оттого, что я бросил туда большой камень,—посмеиваясь, сказал Маугли, который часто забавлялся тем, что кидал спелые папавы в осиное гнездо, а потом бросался бегом к ближайшей заводи, чтобы осы его, чего доброго, не догнали.

— Я спросил нетопыря, что он видел. Он сказал, что перед деревенскими воротами цветёт Красный Цветок и люди сидят вокруг него с ружьями. Я говорю недаром: я ведь знаю по опыту,—тут Акела взглянул на старые рубцы на своих боках,—что люди носят ружья не для забавы. Скоро, Маленький Брат, человек с ружьём пойдёт по нашему следу.

— Но зачем это? Люди прогнали меня. Чего ещё им нужно? — сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат,—возразил Акела.— Не нам, Вольным Охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои братья.

Он едва успел отдернуть лапу, как охотничий нож глубоко вонзился в землю на том месте, где она лежала. Маугли бросил нож так быстро, что за ним не уследил бы человеческий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которой далеко до дикого волка, её прапрадеда, может проснуться от крепкого сна, когда колесо телеги слегка коснётся её бока, и отпрыгнуть в сторону невредимой, прежде чем это колесо наедет на неё.

— В другой раз,—спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны,—не говори о человеческой стае, когда говоришь с Маугли.

— Пфф! Зуб острый,—сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом в земле,—но только житьё с человеческой стаей испортило тебе глаз, Маленький Брат. Я бы успел убить оленя, пока ты замахивался.

Багира вдруг вскочила, вытянула шею вперёд, понюхала воздух и вся напряглась. Серый Волк быстро повторил все её движения, повернувшись немного влево, чтобы уловить ветер, который дул справа. Акела же отпрыгнул шагов на пятьдесят в сторону ветра, присел и тоже напрягся всем телом. Маугли смотрел на них с завистью. Чутьё у него было такое, какое редко встречается у людей, но этому чутью не хватало той необычайной тонкости, какая свойственна каждому носу в джунглях, а за три

месяца житья в дымной деревне оно сильно притупи-лось. Однако он смочил палец, потёр им нос и выпрямился, чтобы уловить ветер верхним чутьём, которое всего вернее.

— Человек! — проворчал Акела, присаживаясь на задние лапы.

— Балдео! — сказал Маугли, садясь. — Он идёт по нашему следу. А вон и солнце блестит на его ружье. Смотрите!

Солнце только блеснуло на долю секунды на медных скрепах старого мушкета, но ничто в джунглях не даёт такой вспышки света, разве только если облака бегут по небу. Тогда чешуйка слюды, маленькая лужица и даже блестящий лист сверкают, как гелиограф. Но день был безоблачный и тихий.

— Я знал, что люди погонятся за нами, — торжествуя, сказал Акела. — Недаром я был Вожаком Стаи!

Четверо волков Маугли, не сказав ничего, легли на брюхо, поползли вниз по холму и вдруг пропали, словно растаяли среди терновника и зелёной поросли.

— Скажите сначала, куда вы идёте? — окликнул их Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп ещё до полудня! — отозвался Серый Брат.

— Назад! Назад! Стойте! Человек не ест человека! — крикнул Маугли.

— А кто был только что волком? Кто бросил в меня нож за то, что его называли человеком? — сказал Акела.

Но вся четвёрка послушалась и угрюмо повернула назад.

— Неужели я должен объяснять вам, почему я делаю то или другое? — спросил Маугли, рассердившись.

— Вот вам человек! Это говорит человек! — проворчала Багира себе в усы. — Вот так же говорили люди вокруг княжеского зверинца в Удайпуре. Нам в джунглях давно известно, что человек всех умней. А если б мы верили своим ушам, то знали бы, что он глупей всех на свете. — И, повысив голос, она прибавила: — На этот раз детёныш прав: люди охотятся стаей. Плохая охота убивать одного, когда мы не знаем, что собираются делать остальные. Пойдём посмотрим, чего хочет от нас этот человек.

— Мы не пойдём, — заворчал Серый Брат. — Охоть-

ся один, Маленький Брат! Мы-то знаем, чего хотим! Мы бы давно принесли сюда череп.

Маугли обвёл взглядом всех своих друзей. Грудь его тяжело поднималась и глаза были полны слёз. Он сделал шаг вперёд и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Взгляните на меня!

Они неохотно взглянули на Маугли, потом отвели глаза в сторону, но он снова заставил их смотреть себе в глаза, пока шерсть не поднялась на них дыбом и они не задрожали всем телом, а Маугли всё смотрел да смотрел.

— Ну, так кто же вожак из нас пятерых? — сказал он.

— Ты вожак, Маленький Брат, — ответил Серый Брат и лизнул Маугли ногу.

— Тогда идите за мной, — сказал Маугли.

И вся четвёрка, поджав хвосты, побрела за ним по пятам.

— Вот что бывает от житья в человечесьей стае, — сказала Багира, неслышно спускаясь по холму вслед за ними. — Теперь в джунглях не один Закон, Балу.

Старый медведь не ответил ничего, но подумал очень многое.

Маугли бесшумно пробирался по лесу, пересекая его под прямым углом к тому пути, которым шёл Балдео. Наконец, раздвинув кусты, он увидел старика с мушкетом на плече: он трусил собачьей побегжой по старому, двухдневному следу.

Вы помните, что Маугли ушёл из деревни с тяжёлой шкурой Шер-Хана на плечах, а позади него бежали Акела с Серым Братом, так что след был очень ясный. Скоро Балдео подошёл к тому месту, где Акела повернул обратно и запутал след. Тут Балдео сел на землю, долго кашлял и ворчал, потом стал рыскать вокруг, стараясь снова напасть на след, а в это время те, которые наблюдали за ним, были так близко, что он мог бы попасть в них камнем. Ни один зверь не может двигаться так тихо, как волк, когда он не хочет, чтобы его слышали, а Маугли, хотя волки считали его очень неуклюжим, тоже умел появляться и исчезать, как тень. Они окружили старика кольцом, как стая дельфинов окружает пароход на полном ходу, и разговаривали не стесняясь, потому что их речь начинается ниже самой низкой ноты, какую может

уловить непривычное человеческое ухо. На другом конце ряда находится тончайший писк летучей мыши, которого многие люди не слышат совсем. С этой ноты начинается разговор всех птиц, летучих мышей и насекомых.

— Это лучше всякой другой охоты,— сказал Серый Брат, когда Балдео нагнулся, пыхтя и что-то разглядывая.— Он похож на свинью, которая заблудилась в джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео сердито бормотал что-то.

Маугли объяснил:

— Он говорит, что вокруг меня, должно быть, плясала целая стая волков. Говорит, что никогда в жизни не видел такого следа. Говорит, что очень устал.

— Он отдохнёт, прежде чем снова отыщет след,— равнодушно сказала Багира, продолжая игру в прятки и прокрадываясь за стволом дерева.

— А теперь что делает этот убогий?

— Собирается есть или пускать дым изо рта. Люди всегда что-нибудь делают ртом,— сказал Маугли.

Молчаливые следопыты увидели, как старик набил трубку, зажёг и стал курить. Они постарались хорошенько запомнить запах табака, чтобы потом узнать Балдео даже в самую тёмную ночь.

Потом по тропе прошли угольщики и, конечно, остановились поболтать с Балдео, который считался первым охотником в этих местах. Все они уселись в кружок и закурили, а Багира и остальные подошли поближе и смотрели на них, пока Балдео рассказывал сначала и до конца, с прибавлениями и выдумками, всю историю Маугли, мальчика-оборотня. Как он, Балдео, убил Шер-Хана и как Маугли обернулся волком и дрался с ним целый день, а потом снова превратился в мальчика и околдовал ружьё Балдео, так что, когда он прицелился в Маугли, пуля свернула в сторону и убила одного из буйволов Балдео; и как деревня послала Балдео, самого храброго охотника в Сионийских горах, убить волка-оборотня. А Мессуа с мужем, родители оборотня, сидят под замком, в собственной хижине, и скоро их начнут пытать, для того чтобы они сознались в колдовстве, а потом сожгут на костре.

— Когда? — спросили угольщики, которым тоже очень хотелось посмотреть на эту церемонию.

Балдео сказал, что до его возвращения ничего не станут делать: в деревне хотят, чтобы он сначала убил лесного мальчика. После того они расправятся с Мессуей и с её мужем и поделят между собой их землю и буйволов.

А буйволы у мужа Мессуи, кстати сказать, очень хороши. Ведьм и колдунов всего лучше убивать, говорил Балдео, а такие люди, которые берут в приёмышы волков-оборотней из лесу, и есть самые злые колдуны.

Угольщики боязливо озирались по сторонам, благодаря судьбу за то, что не видали оборотня; однако они не сомневались, что такой храбрец, как Балдео, разыщет оборотня скорее всякого другого.

Солнце спустилось уже довольно низко, и угольщики решили идти в ту деревню, где жил Балдео, посмотреть на ведьму и колдуна. Балдео сказал, что, конечно, он обязан застрелить мальчика-оборотня, однако он и думать не хочет о том, чтобы безоружные люди шли одни через джунгли, где волк-оборотень может повстречаться им каждую минуту. Он сам их проводит, и если сын колдуньи встретится им, они увидят, как первый здешний охотник с ним расправится. Жрец дал ему такой амулет против оборотня, что бояться нечего.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? — то и дело спрашивали волки.

А Маугли объяснял, пока дело не дошло до колдунов, что было для него не совсем понятно, и тогда он сказал, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, пойманы в ловушку.

— Разве люди ловят людей? — спросил Серый Брат.

— Так он говорит. Я что-то не понимаю. Все они, должно быть, просто взбесились. Зачем понадобилось сажать в ловушку Мессую с мужем и что у них общего со мной? И к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Надо подумать. Что бы они ни собирались делать с Мессуей, они ничего не начнут, пока Балдео не вернётся. Так, значит... — И Маугли глубоко задумался, постукивая пальцами по рукоятке охотничьего ножа.

А Балдео и угольщики храбро пустились в путь, прячась один за другим.

— Я сейчас же иду к человечесьей стае,— сказал наконец Маугли.

— А эти? — спросил Серый Брат, жадно глядя на смуглые спины угольщиков.

— Проводите их с песней,— сказал Маугли ухмыляясь.— Я не хочу, чтоб они были у деревенских ворот раньше темноты. Можете вы задержать их?

Серый Брат пренебрежительно оскалил белые зубы:

— Мы можем без конца водить их кругом, всё кругом, как коз на привязи!

— Этого мне не нужно. Спойте им немножко, чтобы они не скучали дорогой. Пускай песня будет и не очень весёлая, Серый Брат. Ты тоже иди с ними, Багира, и подпевай им. А когда настанет ночь, встречайте меня у деревни — Серый Брат знает место.

— Нелёгкая это работа — быть загонщиком для детёныша. Когда же я выплусь? — сказала Багира, зевая, хотя по глазам было видно, как она рада такой забаве.— Я должна петь для каких-то гольшей! Что ж, попробуем!

Пантера нагнула голову, чтобы её голос разнёсся по всему лесу, и раздалось протяжное-протяжное «Доброй охоты!» — полуночный зов среди белого дня, довольно страшный для начала. Маугли послушал, как этот зов прокатился по джунглям, то усиливаясь, то затихая, и замер где-то у него за спиной на самой тоскливой ноте, и улыбнулся, пробегая лесом. Он видел, как угольщики сбились в кучку, как задрожало ружьё старого Балдео, словно банановый лист на ветру, потом Серый Брат провыл: «Йа-ла-хи! Йа-ла-хи!» — охотничий клич, который раздаётся, когда Стая гонит перед собой нильгау — большую серую антилопу.

Этот клич, казалось, шёл со всех концов леса разом и слышался всё ближе, ближе и ближе, пока наконец не оборвался рядом, совсем близко, на самой пронзительной ноте. Остальные трое волков подхватили его, так что даже Маугли мог бы поклясться, что вся Стая гонит дичь по горячему следу. А потом все четверо запели чудесную утреннюю Песню Джунглей, со всеми трелями, переливами и переходами, какие умеет выводить мощная волчья глотка.

Никакой пересказ не может передать ни впечатление от этой песни, ни насмешку, какую вложили волки в каждую ноту, услышав, как затрещали сучья, когда угольщики от страха полезли на деревья, а Балдео начал бормотать заговоры и заклинания. Потом волки улеглись и заснули, потому что вели правильный образ жизни, как и все, кто живёт собственным трудом: не выспавшись; нельзя работать как следует.

Тем временем Маугли отмахивал миллю за милей, делая по девяти миль в час, и радовался, что несколько не ослабел после стольких месяцев жизни среди людей. У него осталась одна только мысль: выручить Мессую с мужем из западни, какова бы она ни была,—он опасался всяких ловушек. После этого, обещал себе Маугли, он расплатится и со всей остальной деревней.

Спустились уже сумерки, когда он увидел знакомое пастбище и дерево дхак, под которым ожидал его Серый Брат в то утро, когда Маугли убил Шер-Хана. Как ни был он зол на всех людей, всё же при первом взгляде на деревенские кровли у него перехватило дыхание. Он заметил, что все вернулись с поля раньше времени и, вместо того чтобы взяться за вечернюю стряпню, собрались толпой под деревенской смоковницей, откуда слышались говор и крик.

— Людям непременно надо расставлять ловушки для других людей, а без этого они всё будут недовольны,—сказал Маугли.—Две ночи назад они ловили Маугли, а сейчас мне кажется, что эта ночь была много дождей назад. Сегодня черёд Мессуи с мужем. А завтра, и послезавтра, и на много ночей после того опять настанет черёд Маугли.

Он прополз под оградой и, добравшись до хижины Мессуи, заглянул в окно. В комнате лежала Мессуа, связанная по рукам и ногам, и стонала, тяжело дыша; её муж был привязан ремнями к пёстро раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходящая на улицу, была плотно припёрта, и трое или четверо людей сидели, прислонившись к ней спиной.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он сообразил, что пока люди едят, курят и разговаривают, ничего другого они делать не станут; но после того, как они поедят, их нужно остерегаться. Скоро вернётся и Балдео, и если его провожатые хорошо сослужили свою службу, ему будет о чём

порассказать. Мальчик влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, разрезал связывавшие их ремни, вынул затычки изо рта и поискал, нет ли в хижине молока.

— Я знала, я знала, что он придёт! — зарыдала Мессуа. — Теперь я знаю наверное, что он мой сын! — И она прижала Маугли к груди.

До этой минуты Маугли был совершенно спокоен, но тут он весь задрожал, чему и сам несказанно удивился.

— Для чего эти ремни? За что они связали тебя? — спросил он, помолчав.

— В наказание за то, что мы приняли тебя в сыновья, за что же ещё? — сказал муж сердито. — Посмотри — я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли взглянул на её раны, и они услышали, как он скрипнул зубами.

— Чьё это дело? — спросил он. — За это они поплатятся!

— Это дело всей деревни. Меня считали богачом. У меня было много скота. Потому мы с ней колдуны, что приютили тебя.

— Я не понимаю! Пусть расскажет Мессуа.

— Я кормила тебя молоком, Натху, ты помнишь? — робко спросила Мессуа. — Потому что ты мой сын, которого унёс тигр, и потому что я крепко тебя люблю. Они говорят, что я твоя мать, мать оборотня, и за это должна умереть.

— А что такое оборотень? — спросил Маугли. — Смерть я уже видел.

Муж угрюмо взглянул на него исподлобья, но Мессуа засмеялась.

— Видишь? — сказала она мужу. — Я знала, я тебе говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын или колдун — какая нам от этого польза? — отвечал муж. — Теперь мы с тобой всё равно что умерли.

— Вон там идёт дорога через джунгли, — показал Маугли в окно. — Руки и ноги у вас развязаны. Уходите.

— Мы не знаем джунглей, сын мой, так, как... как ты их знаешь, — начала Мессуа. — Мне не уйти далеко.

— А люди погонятся за нами и опять приведут нас сюда, — сказал её муж.

— Гм! — сказал Маугли, водя кончиком охотничьего ножа по своей ладони. — Пока что я не хочу зла никому в этой деревне. Не думаю, однако, что тебя остановят. Ещё немного времени — и у них найдётся о чём подумать. Ага! — Он поднял голову и прислушался к крикам и беготне за дверями. — Наконец-то они отпустили Балдео домой!

— Его послали утром убить тебя, — сказала Мессуа. — Разве ты его не встретил?

— Да, мы... я встретил его. Ему есть о чём рассказать. А пока он разговаривает, можно сделать очень много. Но сначала надо узнать, чего они хотят. Подумайте, куда вам лучше уйти, и скажите мне, когда я вернусь.

Он прыгнул в окно и опять побежал, прячась под деревенской стеной, пока ему не стал слышен говор толпы, собравшейся под смоковницей.

Балдео кашлял и стонал, лёжа на земле, а все остальные обступили его и расспрашивали. Волосы у него растрепались, руки и ноги он ободрал, влезая на дерево, и едва мог говорить, зато отлично понимал всю значительность своего положения. Время от времени он начинал говорить что-то о поющих чертях, оборотнях и колдовстве только для того, чтобы раздражить любопытство и намеренно толпе, о чём он будет рассказывать. Потом он попросил воды.

— Так! — сказал Маугли. — Слова и слова! Одна болтовня! Люди — кровные братья обезьянам. Сначала он будет полоскать рот водой, потом курить, а управившись со всем этим, он начнёт рассказывать. Ну и дурачье эти люди! Они не поставят никого стеречь Мессуу, пока Балдео забивает им уши своими рассказами. И я становлюсь таким же лентяем!

Он встряхнулся и проскользнул обратно к хижине. Он был уже под окном, когда почувствовал, что кто-то лизнул ему ногу.

— Мать, — сказал он, узнав Волчицу, — что здесь делаешь ты?

— Я услышала, как мои дети поют в лесу, и пошла за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая кормила тебя молоком, — сказала Мать Волчица, вся мокрая от росы.

— Её связали и хотят убить. Я разрезал ремни, и она с мужем уйдёт через джунгли.

— Я тоже провожу их. Я стара, но ещё не совсем

беззуба.—Мать Волчица стала на задние лапы и заглянула через окно в тёмную хижину.

Потом она бесшумно опустилась на все четыре лапы и сказала только:

— Я первая кормила тебя молоком, но Багира говорит правду: человек в конце концов уходит к человеку.

— Может быть,—сказал Маугли очень мрачно,—только я сейчас далёк от этого пути. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушонок,—сказала Мать Волчица, отступая на шаг и пропадая в высокой траве, что она отлично умела делать.

— А теперь,—весело сказал Маугли, снова прыгнув в окно,—все собрались вокруг Балдео, и он рассказывает то, чего не было. А когда он кончит, они непременно придут сюда с Красным... с огнём и сожгут вас обоих. Как же быть?

— Мы поговорили с мужем,—сказала Мессуа.—Канхивара в тридцати милях отсюда. Если мы доберёмся туда сегодня, мы останемся живы. Если нет—умрём.

— Вы останетесь живы. Ни один человек не выйдет сегодня из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуи, стоя на четвереньках, копал землю в углу хижины.

— Там у него деньги,—сказала Мессуа.—Больше мы ничего не можем взять с собой.

— Ах, да! Это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей. Разве оно бывает нужно и в других местах?

Муж сердито оглянулся.

— Какой он оборотень? Он просто дурак! — проворчал он.— На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не уйдём далеко, а деревня погонится за нами.

— Говорю вам, что не погонится, я этого не позволю, но лошадь—это хорошо, потому что Мессуа устала.

Её муж встал, завязывая в пояс последнюю рупию. Маугли помог Мессуе выбраться в окно, и прохладный ночной воздух оживил её. Но джунгли при свете звёзд показались ей очень тёмными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — прошептал Маугли.

Они кивнули.

— Хорошо. Помните же, что бояться нечего. И торопиться тоже не надо. Только... только в джунглях позади вас и впереди вас вы, быть может, услышите пение.

— Неужели ты думаешь, что мы посмели бы уйти ночью в джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми,— сказал муж Мессуи.

Но сама Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вам,—продолжал Маугли, словно он был медведь Балу и в сотый раз твердил невнимательному волчонку древний Закон Джунглей,—говорю вам, что ни один зуб в джунглях не обнажится против вас, ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не остановит вас, пока вы не завидите Канхивару. Вас будут охранять.— Он быстро повернулся к Мессуе, говоря:— Муж твой не верит мне, но ты согласишься?

— Да, конечно, сын мой. Человек ли ты или волк из джунглей, но я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего народа. А ты узнаешь и всё поймёшь. Ступайте же и не торопитесь, потому что спешить нет нужды: ворота закрыты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он быстро поднял её, весь дрожа. Тогда она повисла у него на шее, называя его всеми ласковыми именами, какие только ей вспомнились.

Они пошли, направляясь к джунглям, и Мать Волчица выскочила из своей засады.

— Проводи их! — сказал Маугли.— И смотри, чтобы все джунгли знали, что их нельзя трогать. Подай голос, а я позову Багиру.

Глухой, протяжный вой раздался и замер, и Маугли увидел, как муж Мессуи вздрогнул и повернулся, готовый бежать обратно к хижине.

— Иди, иди! — ободряюще крикнул Маугли.— Я же сказал, что вы услышите песню. Она вас проводит до самой Канхивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа подтолкнула своего мужа вперёд, и тьма спустилась над ними и Волчицей, как вдруг Багира выскочила чуть ли не из-под ног Маугли.

— Мне стыдно за твоих братьев! — сказала она мурлыча.

— Как? Разве они плохо пели для Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком! Они даже меня заставили забыть всякую гордость, и, клянусь сломанным замком, который освободил меня, я бегала по джунглям и пела, словно весной. Разве ты нас не слышал?

— У меня было другое дело. Спроси лучше Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же вся четвёрка? Я хочу, чтобы ни один из человеческой стаи не вышел сегодня за ворота.

— Зачем же тебе четвёрка? — сказала Багира. Глядя на него горящими глазами, она переминалась с ноги на ногу и мурлыкала всё громче. — Я могу задержать их, Маленький Брат. Это пение и люди, которые лезли на деревья, раззадорили меня. Я гналась за ними целый день — при свете солнца, в полуденную пору. Я стерегла их, как волки стерегут оленей. Я Багира, Багира, Багира! Я плясала с ними, как пляшу со своей тенью. Смотри!

И большая пантера подпрыгнула, как котёнок, и погналась за падающим листом, она била по воздуху лапами то вправо, то влево, и воздух свистел под её ударами, потом бесшумно стала на все четыре лапы, опять подпрыгнула вверх, и опять, и опять, и её мурлыканье и ворчанье становилось всё громче и громче, как пение пара в закипающем котле.

— Я Багира — среди джунглей, среди ночи! — и моя сила вся со мной! Кто выдержит мой натиск? Детёныш, одним ударом лапы я могла бы размозжить тебе голову, и она стала бы плоской, как дохлая лягушка летней порой!

— Что ж, ударь! — сказал Маугли на языке деревни, а не на языке джунглей.

И человечески слова разом остановили Багиру. Она отпрянула назад и, вся дрожа, присела на задние лапы, так что её голова очутилась на одном уровне с головой Маугли. И опять Маугли стал смотреть, как смотрел на непокорных волчат, прямо в зелёные, как изумруд, глаза, пока в глубине зелёных зрачков не погас красный огонь, как гаснет огонь на маяке, пока пантера не отвела взгляда. Её голова опускалась всё

ниже и ниже, и наконец красная тёрка языка царапнула ногу Маугли.

— Багира, Багира, Багира! — шептал мальчик, настойчиво и легко поглаживая шею и дрожащую спину. — Успокойся, успокойся! Это ночь виновата, а вовсе не ты!

— Это всё ночные запахи, — сказала Багира, приходя в себя. — Воздух словно зовёт меня. Но откуда ты это знаешь?

Воздух вокруг индийской деревни полон всяких запахов, а для зверя, который привык чуют и думать носом, запахи значат то же, что музыка или вино для человека.

Маугли ещё несколько минут успокаивал пантеру, и наконец она улеглась, как кошка перед огнём, сложив лапы под грудью и полузакрыв глаза.

— Ты наш и не наш, из джунглей и не из джунглей, — сказала она наконец. — А я только чёрная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго разговаривают под деревом, — сказал Маугли, не обращая внимания на её последние слова. — Балдео, должно быть, рассказал им не одну историю. Они скоро придут затем, чтобы вытащить эту женщину с мужем из ловушки и бросить их в Красный Цветок. И увидят, что ловушка опустела. Хо-хо!

— Нет, послушай, — сказала Багира. — Пускай они найдут там меня! Не многие посмеют выйти из дому, после того как увидят меня. Не первый раз мне сидеть в клетке, и вряд ли им удастся связать меня верёвками.

— Ну, так будь умницей! — сказал Маугли смеясь.

А пантера уже прокралась в хижину.

— Брр! — принялась Багира. — Здесь пахнет человеком, но кровать как раз такая, на какой я лежала в княжеском зверинце в Удайпуре. А теперь я лягу!

Маугли услышал, как заскрипела верёвочная сетка под тяжестью крупного зверя.

— Клянусь сломанным замком, который освободил меня, они подумают, что поймали важную птицу! Поди сядь рядом со мной, Маленький Брат, и мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья стая не должна знать, что я тоже участвую в этой игре. Охоться одна. Я не хочу их видеть.

— Пусть будет так,— сказала Багира.— Вот они идут!

Беседа под смоковницей на том конце деревни становилась всё более шумной. В заключение поднялся крик, и толпа повалила по улице, размахивая дубинками, бамбуковыми палками, серпами и ножами. Впереди всех бежал Балдео, но и остальные не отставали от него, крича:

— Колдуна и колдунью сюда! Подожгите крышу над их головой! Мы им покажем, как нянчиться с

оборотнями! Нет, сначала побьём их! Факелов! Побольше факелов!

Тут вышла небольшая заминка с дверной щеколдой. Дверь была заперта очень крепко, но толпа вырвала щеколду вон, и свет факелов залил комнату, где, растянувшись во весь рост на кровати, скрестив лапы и слегка свесив их с одного края, чёрная и страшная, лежала Багира. Минута прошла в молчании, полном ужаса, когда передние ряды всеми силами продирались обратно на улицу. И в эту минуту Багира зевнула, старательно и всем напоказ, как зевнула бы, желая оскорбить равного себе. Усатые губы приподнялись и раздвинулись, красный язык завернулся, нижняя челюсть обвисала всё ниже и ниже, так что видно было жаркую глотку; огромные клыки выделялись в чёрном провале рта, пока не лязгнули как стальные затворы. В следующую минуту улица опустела. Багира выскочила в окно и стала рядом с Маугли. А люди, обезумев от страха, рвались в хижины, спотыкаясь и толкая друг друга.

— Они не двинутся с места до рассвета,— спокойно сказала Багира.— А теперь что?

Казалось, безмолвие полуденного сна нависло над деревней, но, если прислушаться, было слышно, как двигают по земляному полу тяжёлые ящики с зерном, заставляя ими двери. Багира права: до самого утра в деревне никто не шевельнётся.

Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось всё мрачнее.

— Что я такое сделала? — сказала наконец Багира, ласкаясь к нему.

— Ничего, кроме хорошего. Постереги их теперь до рассвета, а я усну.

И Маугли убежал в лес, повалился на камень и уснул — он проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним сидела Багира, и у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством смотрела, как Маугли работал охотничьим ножом, как он ел и пил, а потом снова улёгся, опершись подбородком на руку.

— Женщина с мужчиной добрались до Канхивары целы и невредимы,— сказала Багира.— Твоя мать прислала весточку с коршуном Чилем. Они нашли лошадь ещё до полуночи, в тот же вечер, и уехали очень быстро. Разве это не хорошо?

— Это хорошо,— сказал Маугли.

— А твоя человечья стая не пошевелинулась, пока солнце не поднялось высоко сегодня утром. Они приготовили себе поесть, а потом опять заперлись в своих домах.

— Они, может быть, увидели тебя?

— Может быть. На рассвете я каталась в пыли перед воротами и, кажется, даже пела. Ну, Маленький Брат, больше здесь нечего делать. Идём на охоту со мной и с Балу. Он нашёл новые ульи и собирается показать их тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-старому был с нами... Не смотри так, я боюсь тебя! Мужчину с женщиной не бросят в Красный Цветок, и всё в джунглях остаётся по-старому. Разве это не правда? Забудем про человечью стаю!

— Про неё забудут, и очень скоро. Где кормится Хатхи нынче ночью?

— Где ему вздумается. Кто может знать, где теперь Молчаливый? А зачем он тебе? Что такого может сделать Хатхи, чего бы не могли сделать мы?

— Скажи, чтобы он пришёл сюда ко мне вместе со своими тремя сыновьями.

— Но, право же, Маленький Брат, не годится приказывать Хатхи, чтобы он «пришёл» или «ушёл». Не забывай, что он Хозяин Джунглей и что он научил тебя Заветным Словам Джунглей раньше, чем человечья стая изменила твоё лицо.

— Это ничего. У меня тоже есть для него Заветное Слово. Скажи, чтобы он пришёл к Лягушонку Маугли, а если он не сразу расслышит, скажи ему, чтобы пришёл ради вытоптанных полей Бхаратпура.

— «Ради вытоптанных полей Бхаратпура»,— повторила Багира дважды или трижды, чтобы запомнить.—Иду! Хатхи только рассердится, и больше ничего, а я с радостью отдала бы добычу целого месяца, лишь бы услышать, какое Заветное Слово имеет власть над Молчаливым.

Она ушла, а Маугли остался, в ярости роя землю охотничьим ножом. Маугли ни разу в жизни не видел человеческой крови и—что значило для него гораздо больше—ни разу не слышал её запаха до тех пор, пока не почуял запах крови на связывавших Мессую ремнях. А Мессуа была добра к нему, и он её любил. Но как ни были ему ненавистны жестокость, трусость и болтливость людей, он бы ни за что не согласился

отнять у человека жизнь и снова почуять этот страшный запах, чем бы ни наградили его за это джунгли. Его план был гораздо проще и гораздо вернее, и он засмеялся про себя, вспомнив, что его подсказал ему один из рассказов старого Балдео под смоковницей.

— Да, это было Заветное Слово,— вернувшись, шепнула Багира ему на ухо.— Они паслись у реки и послушались меня, как буйволы. Смотри, вон они идут!

Хатхи и его три сына появились, как всегда, без единого звука. Речной ил ещё не высох на их боках, и Хатхи задумчиво дожёвывал зелёное банановое деревцо, которое вырвал бивнями. Но каждое движение его громадного тела говорило Багире, которая понимала всё с первого взгляда, что не Хозяин Джунглей пришёл к мальчику-волчонку, а пришёл тот, кто боится, к тому, кто не боится ничего. Трое сыновей Хатхи покачивались плечом к плечу позади отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи пожелал ему доброй охоты. Прежде чем сказать хоть слово, он заставил Хатхи долго переминаясь с ноги на ногу, покачиваться и встряхиваться, а когда заговорил, то с Багирой, а не со слонами.

— Я хочу рассказать вам одну историю, а слышал я её от охотника, за которым вы охотились сегодня,— начал Маугли.— Это история о том, как старый и умный слон попал в западню и острый кол на дне ямы разорвал ему кожу от пятки до плеча, так что остался белый рубец.

Маугли протянул руку, и когда Хатхи повернулся, при свете луны стал виден длинный белый шрам на сером, как грифель, боку, словно его стегнули раскалённым бичом.

— Люди вытащили слона из ямы,— продолжал Маугли,— но он был силен и убежал, разорвав путы, и прятался, пока рана не зажила. Тогда он вернулся ночью на поля охотников. Теперь я припоминаю, что у него было три сына. Всё это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда— на полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями в следующую жатву, Хатхи?

— Жатву собрал я с моими тремя сыновьями,— сказал Хатхи.

— А что было с посевом, который следует за жатвой? — спросил Маугли.

— Посева не было,—сказал Хатхи.

— А с людьми, которые живут на полях рядом с посевами? — спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых спали люди? — спросил Маугли.

— Мы разметали крыши домов, а джунгли поглотили стены.

— А что же было потом? — спросил Маугли.

— Мы напустили джунгли на пять деревень; и в этих деревнях, и на их землях, и на пастбищах, и на мягких, вспаханных полях не осталось теперь ни одного человека, который получал бы пищу от земли. Вот как были вытоптаны бхаратпурские поля, и это сделал я с моими тремя сыновьями. А теперь скажи мне, Маугли, как ты узнал про это? — спросил Хатхи.

— Мне сказал один человек, и теперь я вижу, что даже Балдео не всегда лжёт. Это было хорошо сделано, Хатхи с белым рубцом, а во второй раз выйдет ещё лучше, потому что распоряжаться будет человек. Ты знаешь деревню человеческой стаи, что выгнала меня? Не годится им жить там больше. Я их ненавижу!

— А убивать никого не нужно? Мои бивни покраснели от крови, когда мы топтали поля в Бхаратпуре, и мне бы не хотелось снова будить этот запах.

— Мне тоже. Я не хочу даже, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле. Пусть ищут себе другое логово. Здесь им нельзя оставаться. Я слышал, как пахнет кровь женщины, которая меня кормила,— женщины, которую они убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на порогах домов может заглушить запах крови. От него у меня горит во рту. Напустим на них джунгли, Хатхи!

— А! — сказал Хатхи.— Вот так же горел и рубец на моей коже, пока мы не увидели, как погибли деревни под весенней порослью. Теперь я понял: твоя война станет нашей войной. Мы напустим на них джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание — он весь дрожал от ненависти и злобы,—как то место, где стояли слоны, опустело, и только Багира смотрела на Маугли с ужасом.

А Хатхи и его трое сыновей повернули каждый в свою сторону и молча зашагали по долинам. Они шли всё дальше и дальше через джунгли и сделали шесть-

десять миль, то есть целый двухдневный переход. И каждый их шаг и каждое покачивание хобота были замечены и истолкованы Мангом, Чилем, Обезьяньим Народом и всеми птицами. Потом слоны стали кормиться и мирно паслись не меньше недели. Хатхи и его сыновья похожи на горного удава Каа: они не станут торопиться, если в этом нет нужды.

Через неделю — и никто не знает, откуда это пошло, — по джунглям пронёсся слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода всего лучше. Свиньи, которые готовы идти на край света ради сытной кормёжки, тронулись первые, отряд за отрядом, переваливаясь через камни; за ними двинулись олени, а за оленями — маленькие лисицы, которые питаются падалью. Рядом с оленями шли неповоротливые антилопы-нильгау, а за нильгау двигались дикие буйволы с болот. Вначале легко было бы повернуть обратно рассеянные и разбросанные стада, которые щипали траву, брели дальше, пили и снова щипали траву, но как только среди них поднималась тревога, кто-нибудь являлся и успокаивал их. То это был дикобраз Сахи с вестью о том, что хорошие корма начинаются чуть подальше; то нетопырь Манг с радостным писком проносился, трепеща крыльями, по прогалине, чтобы показать, что там никого нет; то Балу с полным ртом кореньев подходил, переваливаясь, к стаду и в шутку или всерьёз пугал его, направляя на настоящую дорогу. Многие повернули обратно, разбежались или не захотели идти дальше, но прочие остались и по-прежнему шли вперёд.

Прошло дней десять, и к концу этого времени дело обстояло так: олени, свиньи и нильгау топтались, двигаясь по кругу радиусом в восемь или десять миль, а хищники нападали на них с краёв. А в центре круга была деревня, а вокруг деревни созревали хлеба на полях, а в полях сидели люди на вышках, похожих на голубятни и построенных для того, чтобы пугать птиц и других воришек.

Была тёмная ночь, когда Хатхи и его трое сыновей без шума вышли из джунглей, сломали хоботами жерди, и вышки упали, как падает сломанный стебель болиголова, а люди, свалившись с них, услышали глухое урчанье слонов. Потом авангард напуганной армии оленей примчался и вытоптал деревенское пастбище и вспаханные поля; а за ними пришли

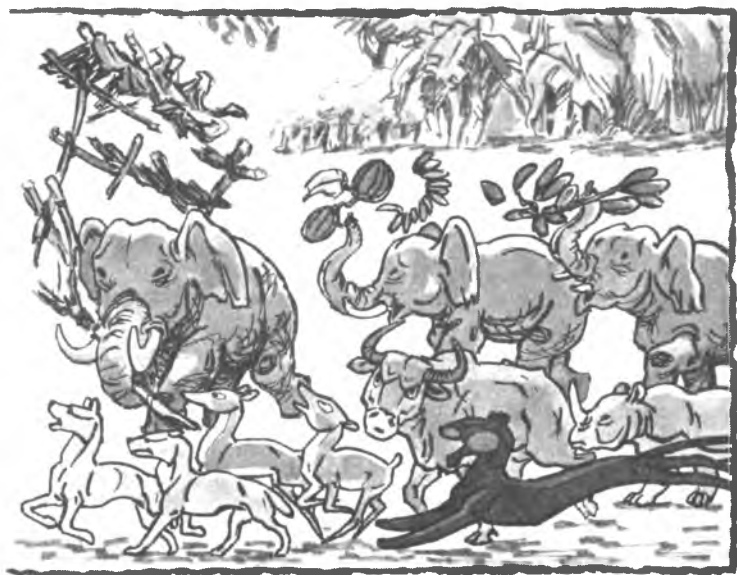
тупорылые свиньи с острыми копытами, и что осталось после оленей, то уничтожили свиньи. Время от времени волки тревожили стада, и те, обезумев, бросались из стороны в сторону, топчя зелёный ячмень и ровняя с землёй края оросительных каналов. Перед рассветом в одном месте на краю круга хищники отступили, оставив открытой дорогу на юг, и олени ринулись по ней, стадо за стадом. Другие, посмелей, залегли в чаще, чтобы покормиться следующей ночью.

Но дело было уже сделано. Утром крестьяне, взглянув на свои поля, увидели, что все посевы погибли. Это грозило смертью, если люди не уйдут отсюда, потому что голод был всегда так же близко от них, как и джунгли. Когда буйволов выгнали на пастбища, голодное стадо увидело, что олени дочиста съели всю траву, и разбрелось по джунглям вслед за своими дикими товарищами. А когда наступили сумерки, оказалось, что три или четыре деревенские лошади лежат в стойлах с проломленной головой. Только Багира умела наносить такие удары, и только ей могла прийти в голову дерзкая мысль вытащить последний труп на середину улицы.

В эту ночь крестьяне не посмели развести костры на полях, и Хатхи с сыновьями вышел подбирать то, что осталось; а там, где пройдёт Хатхи, уже нечего больше подбирать. Люди решили питаться зерном, припасённым для посева, пока не пройдут дожди, а потом наняться в работники, чтобы наверстать потерянный год. Но пока хлеботорговец думал о своих корзинах, полных зерна, и о ценах, какие он будет брать с покупателей, острые клыки Хатхи ломали угол его глинобитного амбара и крушили большой плетёный заком, где хранилось зерно.

После того как обнаружили эту потерю, пришла очередь жреца сказать своё слово. Богам он уже молился, но напрасно. Возможно, говорил он, что деревня, сама того не зная, оскорбила какого-нибудь бога джунглей: по всему видно, что джунгли против них. Тогда послали за главарём соседнего племени бродячих гондов, маленьких, умных, чёрных, как уголь, охотников, живущих в глубине джунглей, чьи предки происходят от древнейших народностей Индии — от первоначальных владельцев земли. Гонда угостили тем, что нашлось, а он стоял на одной ноге, с луком в руках и двумя-тремя отравленными стрела-

ми, воткнувшись в волосы, и смотрел не то с испугом, не то с презрением на встревоженных людей и на их опустошённые поля. Люди хотели узнать, не сердятся ли на них его боги, старые боги, и какие жертвы им нужны. Гонд ничего не ответил, но сорвал длинную плеть ползучей дикой тыквы, приносящей горькие плоды, и заплёл ею двери храма на глазах у изумлённого божка. Потом он несколько раз махнул рукой по воздуху в ту сторону, где была дорога в Канхивару, и ушёл обратно к себе в джунгли смотреть, как стада животных проходят по ним. Он знал, что когда джунгли наступают, только белые люди могут остановить их движение.

Незачем было спрашивать, что он хотел этим сказать. Дикая тыква вырастет там, где люди молились своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но нелегко деревне сняться с насиженного места. Люди оставались до тех пор, пока у них были летние запасы. Они пробовали собирать орехи в джунглях, но тени с горящими глазами следили за ними даже среди дня, а когда люди в испуге повернули обратно, со стволов деревьев, мимо которых они проходили всего пять минут назад, оказалась содранной кора ударами чьей-то большой, когтистой лапы. Чем больше люди жались к деревне, тем смелей становились дикие звери, с рёвом и топотом гулявшие по пастбищам у Вайнганги. У крестьян не хватало духа чинить и латать задние стены опустелых хлевов, выходившие в лес. Дикие свиньи топтали развалины, и узловатые корни лиан спешили захватить только что отвоёванную землю и забрасывали через стены хижин цепкие побеги, а вслед за лианами щетинилась жёсткая трава. Холостяки сбежали первыми и разнесли повсюду весть, что деревня обречена на гибель. Кто мог бороться с джунглями, когда даже деревенская кобра покинула свою нору под смоковницей!

Люди всё меньше и меньше общались с внешним миром, а протоптанные через равнину тропы становились всё уже и уже. И трубный зов Хатхи и его троих сыновей больше не тревожил деревню по ночам: им больше незачем было приходить. Поля за оклицей зарастали травой, сливаясь с джунглями, и для деревни настала пора уходить в Канхивару.

Люди откладывали уход со дня на день, пока

первые дожди не захватили их врасплох. Нечинёные крыши стали протекать, выгон покрылся водой по щиколотку, и всё, что было зелено, пошло сразу в рост после летней засухи. Тогда люди побрели вброд — мужчины, женщины и дети — под слепящим и тёплым утренним дождём и, конечно, обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на свои дома.

И как раз когда последняя семья, нагруженная узлами, проходила в ворота, с грохотом рухнули балки и кровли за деревенской оградой. Люди увидели, как мелькнул на мгновение блестящий, чёрный, как змея, хобот, размётывая мокрую солому крыши. Он исчез, и опять послышался грохот, а за грохотом — визг. Хатхи срывал кровли с домов, как мы срываем водяные лилии, и отскочившая балка ушибла его. Только этого ему и не хватало, чтобы разойтись вовсю, потому что из диких зверей, живущих в джунглях, взбесившийся дикий слон всех больше буйствует и разрушает. Он лягнул задней ногой глинобитную стену, и стена развалилась от удара, а потоки дождя превратили её в жёлтую грязь. Хатхи кружился и трубил, и метался по узким улицам, наваливаясь на хижины справа и слева, ломая шаткие двери, круша стропила; а три его сына бесновались позади отца, как бесновались при разгроме полей Бхаратпура.

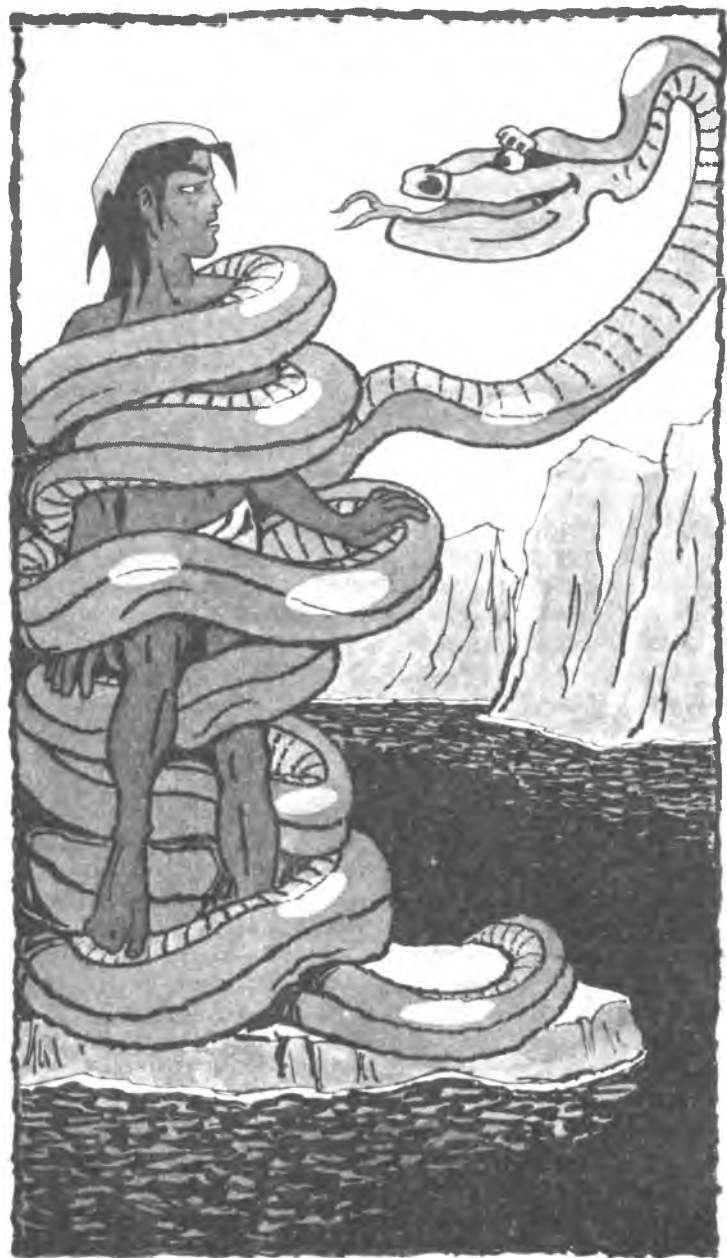
— Джунгли поглотят эти скорлупки, — сказал спокойный голос среди развалин. — Сначала нужно свалить ограду.

И Маугли, блестя мокрыми от дождя плечами, отскочил от стены, которая осела на землю, как усталый буйвол.

— Всё в своё время, — прохрипел Хатхи. — О да, в Бхаратпуре мои клыки покраснели от крови! К ограде, дети мои! Головой! Все вместе! Ну!

Все четверо налегли, стоя рядом. Ограда пошатнулась, треснула и упала, и люди, онемев от ужаса, увидели в неровном проломе измазанные глиной головы разрушителей. Люди бросились бежать вниз по долине, оставшись без приюта и без пищи, а их деревня словно таяла позади, растоптанная, размётанная и разнесённая в клочки.

Через месяц от деревни остался рыхлый холмик, поросший нежной молодой зеленью, а когда прошли дожди, джунгли буйно раскинулись на том самом месте, где всего полгода назад были вспаханные поля.

КНЯЖЕСКИЙ АНКАС

Каа, большой горный удав, переменял кожу.— верно, в двухсотый раз со дня рождения,— и Маугли, который никогда не забывал, что Каа спас ему жизнь однажды ночью в Холодных Берлогах, о чём, быть может, помните и вы, пришёл его поздравить. Меняя кожу, змея бывает угрюма и раздражительна, до тех пор пока новая кожа не станет блестящей и красивой. Каа больше не подсмеивался над Маугли. Как и все в джунглях, он считал его Хозяином Джунглей и рассказывал ему все новости, какие, само собой, приходится слышать удаву его величины. То, чего Каа не знал о средних джунглях, как их называют, о жизни, которая идёт у самой земли или под землёй, о жизни около валунов, кочек и лесных пней, уместилось бы на самой маленькой из его чешуек.

В тот день Маугли сидел меж больших колец Каа, перебирая пальцами чешуйчатую старую кожу, сброшенную удавом среди камней. Каа очень любезно подставил своё тело под широкие голые плечи Маугли, и мальчик сидел словно в живом кресле.

— Она вся целая, даже и чешуйки на глазах целы,— негромко сказал Маугли, играя сброшенной кожей.— Как странно видеть у своих ног то, что покрывало голову!

— Да, только ног у меня нет,— ответил Каа,— и я не вижу тут ничего странного, это в обычае моего народа. Разве ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя сухая и жёсткая?

— Тогда я иду купаться, Плоскоголовый, хотя, правда, в сильную жару мне хочется сбросить кожу совсем и бегать без кожи.

— Я и купаюсь и меняю кожу. Ну, как тебе нравится моя новая одежда?

Маугли провёл рукой по косым клеткам огромной спины.

— У черепахи спина твёрже, но не такая пёстрая,— сказал он задумчиво.— У лягушки, моей тёзки, она пестрей, но не такая твёрдая. На вид очень красиво, точно пёстрый узор в чашечке лилии.

— Новой коже нужна вода. До первого купанья цвет всё ещё не тот. Идём купаться!

— Я понесу тебя,— сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы приподнять большое тело Каа там, где оно казалось всего толще.

Это было всё равно что поднять водопроводную трубу двухфутовой толщины, и Каа лежал неподвижно, тихо пыхтя от удовольствия. Потом у них началась привычная вечерняя игра — мальчик в расцвете сил и удав в великолепной новой коже стали бороться друг с другом, пробуя зоркость и силу. Разумеется, Каа мог раздавить сотню таких, как Маугли, если бы дал себе волю, но он играл осторожно, никогда не пользуясь и десятой долей своей мощи.

Как только Маугли стал достаточно крепок, чтобы с ним можно было бороться, Каа научил мальчика этой игре, и его тело сделалось от этого необыкновенно гибким. Иной раз Маугли стоял, захлестнутый почти до горла гибкими кольцами Каа, силясь высвободить одну руку и ухватить его за шею... Тогда Каа, весь обмякнув, ослаблял хватку, а Маугли своими быстрыми ногами не давал найти точку опоры огромному хвосту, который тянулся назад, нащупывая камень или пенёк. Они качались взад и вперёд, голова к голове, каждый выжидая случая напасть, и наконец, прекрасная, как изваяние, группа превращалась в вихрь чёрных с жёлтым колец и мелькающих ног и рук, чтобы снова и снова подняться.

— Ну-ну-ну! — говорил Каа, делая головой выпады, каких не могла отразить даже быстрая рука Маугли. — Смотри! Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат! Вот и вот! Разве руки у тебя онемели? Вот опять!

Эта игра всегда кончалась одинаково: прямым, быстрым ударом головы Каа всегда сбивал мальчика с ног. Маугли так и не выучился обороняться против этого молниеносного выпада; и, по словам Каа, на это не стоило тратить время.

— Доброй охоты! — проворчал наконец Каа.

И Маугли, как всегда, отлетел шагов на десять в сторону, задыхаясь и хохоча.

Он поднялся, набрав полные руки травы, и пошёл за Каа к любимому месту купанья мудрой змеи — глупой, чёрной, как смоль, заводи, окружённой скалами и особенно привлекательной из-за потонувших стволов. По обычаю джунглей мальчик бросился в воду без звука и нырнул; потом вынырнул, тоже без

звука, лёг на спину, заложив руки под голову, и, глядя на луну, встающую над скалами, начал разбивать пальцами ног её отражение в воде. Треугольная голова Каа разрезала воду, как бритва, и, поднявшись из воды, легла на плечо Маугли. Они лежали неподвижно, наслаждаясь обволакивающей их прохладой.

— Как хорошо! — сонно сказал Маугли. — А в человечесьей стае в это время, помню, ложились на жёсткое дерево внутри земляных ловушек и, закрывшись хорошенько со всех сторон от свежего ветра, укутывались с головой затхлыми тряпками и заводили носом скучные песни. В джунглях лучше!

Торопливая кобра проскользнула мимо них по скале, напилась, пожелала им доброй охоты и скрылась.

— О-о-ш! — сказал Каа, словно вспомнив о чём-то. — Так, значит, джунгли дают тебе всё, чего тебе только хочется, Маленький Брат?

— Не всё, — сказал Маугли, засмеявшись, — а не то можно было бы каждый месяц убивать нового Шер-Хана. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося помощи у буйволов. Ещё мне хочется иногда, чтобы солнце светило во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце в разгаре лета. А когда я голоден, мне всегда хочется убить козу, а если убью козу, хочется, чтобы это был олень, а если это олень, хочется, чтобы это был нильгау. Но ведь так бывает и со всеми.

— И больше тебе ничего не хочется? — спросил Каа.

— А чего мне больше хотеть? У меня есть джунгли и Милость Джунглей! Разве есть ещё что-нибудь на свете между востоком и западом?

— А кобра говорила... — начал Каа.

— Какая кобра? Та, что уползла сейчас, ничего не говорила: она охотилась.

— Не эта, а другая.

— И много у тебя дел с Ядовитым Народом? Я их не трогаю, пусть идут своей дорогой. Они носят смерть в передних зубах, и это нехорошо — они такие маленькие. Но с какой же это коброй ты разговаривал?

Каа медленно покачивался на воде, как пароход на боковой волне.

— Три или четыре месяца назад, — сказал он, — я охотился в Холодных Берлогах — ты, может быть, ещё

не забыл про них,— и тварь, за которой я охотился, с визгом бросилась мимо водоёмов к тому дому, который я когда-то проломил ради тебя, и убежала под землю.

— Но в Холодных Берлогах никто не живёт под землёй.— Маугли понял, что Каа говорит про Обезьяний Народ.

— Эта тварь не жила, а спасала свою жизнь,— ответил Каа, высовывая дрожащий язык.— Она уползла в нору, которая шла очень далеко. Я пополз за ней, убил её, а потом уснул. А когда проснулся, то пополз вперёд.

— Под землёй?

— Да. И наконец набрёл на Белый Клубук — белую кобру, которая говорила со мной о непонятных вещах и показала мне много такого, чего я никогда ещё не видел.

— Новую дичь? И хорошо ты поохотился? — Маугли быстро перевернулся на бок.

— Это была не дичь, я обломал бы об неё все зубы, но Белый Клубук сказал, что люди — а говорил он так, будто знает эту породу,— что люди отдали бы последнее дыхание, лишь бы взглянуть на эти вещи.

— Посмотрим! — сказал Маугли.— Теперь я вспоминаю, что когда-то был человеком.

— Тихонько, тихонько! Торопливость погубила Жёлтую Змею, которая съела солнце. Мы поговорили под землёй, и я рассказал про тебя, называя тебя человеком. Белая кобра сказала (а она поистине стара, как джунгли): «Давно уже не видала я человека. Пускай придёт, тогда и увидит все эти вещи. За самую малую из них многие люди не пожалели бы жизни».

— Значит, это новая дичь. А ведь Ядовитый Народ никогда не говорит нам, где есть вспугнутая дичь. Они недружелюбны.

— Это не дичь. Это... это... я не могу сказать, что это такое.

— Мы пойдём туда. Я ещё никогда не видел белой кобры, да и на всё остальное мне тоже хочется посмотреть. Это она их убила?

— Они все неживые. Кобра сказала, что она сторожит их.

— А! Как волк сторожит добычу, когда притащит её в берлогу. Идём!

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве,

чтобы обсушиться, и они вдвоём отправились к Холодным Берлогам — заброшенному городу, о котором вы, быть может, читали.

Маугли теперь ничуть не боялся обезьян, зато обезьяны дрожали от страха перед Маугли. Однако обезьянье племя рыскало теперь по джунглям, и Холодные Берлоги стояли в лунном свете пустые и безмолвные.

Каа подполз к развалинам княжеской беседки на середине террасы, перебрался через кучи щебня и скользнул вниз по засыпанной обломками лестнице, которая вела в подземелье. Маугли издал Змеиный Крик: «Мы с вами одной крови, вы и я!» — и пополз за ним на четвереньках. Оба они долго ползли по наклонному коридору, который несколько раз сворачивал в сторону, и наконец добрались до такого места, где корень старого дерева, поднимавшегося над землёй футов на тридцать, вытеснил из стены большой камень. Они пролезли в дыру и очутились в просторном подземелье, своды которого, раздвинутые корнями деревьев, тоже были все в трещинах, так что сверху в темноту падали тонкие лучики света.

— Надёжное убежище! — сказал Маугли, выпрямляясь во весь рост. — Только оно слишком далеко, чтобы каждый день в нём бывать. Ну, а что же мы тут увидим?

— Разве я ничто? — сказал чей-то голос в глубине подземелья.

Перед Маугли мелькнуло что-то белое, и мало-помалу он разглядел такую огромную кобру, каких он до сих пор не встречал, — почти в восемь футов длиной, вылинявшую от жизни в темноте до желтизны старой слоновой кости. Даже очки на раздутом клобуке стали у неё бледно-жёлтыми. Глаза у кобры были красные, как рубины, и вся она была такая диковинная с виду.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, у которого вежливые слова, как и охотничий нож, были всегда наготове.

— Что нового в городе? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствия. — Что нового в великом городе, обнесённом стеной, в городе сотни слонов, двадцати тысяч лошадей и несметных стад, — в городе князя над двадцатью князьями? Я становлюсь туга на ухо и давно уже не слыхала боевых гонгов.

— Над нами джунгли,— сказал Маугли.— Из слов я знаю только Хатхи и его сыновей. А что такое «князь»?

— Я говорил тебе,— мягко сказал Каа,— я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города уже нет.

— Город, великий город в лесу, чьи врата охраняются княжескими башнями, не может исчезнуть. Его построили ещё до того, как дед моего деда вылупился из яйца, и он будет стоять и тогда, когда сыновья моих сыновей побелеют, как я. Саладхи, сын Чандрабиджи, сына Вийеджи, сына Ягасари, построил его в давние времена. А кто ваш господин?

— След потерялся,— сказал Маугли, обращаясь к Каа.— Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Она очень стара... Прародительница Кобр, тут кругом одни только джунгли, как и было всегда, с самого начала.

— Тогда кто же он,— спросила белая кобра,— тот, что сидит передо мной и не боится? Тот, что не знает имени князя и говорит на нашем языке устами человека? Кто он, с ножом охотника и языком змеи?

— Меня зовут Маугли,— был ответ.— Я из джунглей. Волки — мой народ, а это Каа, мой брат. А ты кто, мать Кобр?

— Я страж княжеского сокровища. Каран Раджа положил надо мной камни ещё тогда, когда у меня была тёмная кожа, чтобы я убивала тех, что придут сюда воровать. Потом сокровища опустили под камень, и я услышала пение жрецов, моих учителей.

«Гм! — сказал про себя Маугли.— С одним жрецом я уже имел дело в человечесьей стае, и я знаю, что знаю. Скоро сюда придёт беда».

— Пять раз поднимали камень с тех пор, как я стерегу сокровище, но всегда для того, чтобы прибавить ещё, а не унести отсюда. Нигде нет таких богатств, как эти — сокровища ста князей. Но давно-давно уже не поднимали камень, и мне кажется, что про мой город забыли.

— Города нет. Посмотри вокруг — вон корни больших деревьев раздвинули камни. Деревья и люди не растут вместе,— уговаривал её Каа.

— Дважды и трижды люди находили сюда дорогу,— злобно ответила кобра,— но они ничего не говорили, пока я не находила их ощупью в темноте, а тогда кричали, только совсем недолго. А вы оба пришли ко

мне с ложью, и человек и змея, и хотите, чтобы я вам поверила, будто моего города больше нет и пришёл конец моей службе. Люди мало меняются с годами. А я не меняюсь! Пока не поднимут камень, и не придут жрецы с пением знакомых мне песен, и не напоят меня тёплым молоком, и не вынесут отсюда на свет, я, я, я — и никто другой! — буду Стражем Княжеского Сокровища! Город умер, говорите вы, и сюда проникли корни деревьев? Так нагнитесь же и возьмите что хотите! Нет нигде на земле таких сокровищ! Человек со змеиным языком, если ты сможешь уйти отсюда живым той дорогой, какой пришёл, князя будут тебе слугами!

— След опять потерялся, — спокойно сказал Маугли. — Неужели какой-нибудь шакал прорылся так глубоко и укусил большой Белый Клобук? Она, верно, взбесилась... Мать Кобр, я не вижу, что можно отсюда унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик потерял разум! — прошипела кобра. — Прежде чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри — и увидишь то, чего не видел ещё никто из людей!

— Худо бывает тому, кто говорит Маугли о милостях, — ответил мальчик сквозь зубы, — но в темноте всё меняется, я знаю. Я посмотрю, если тебе так хочется.

Прищурив глаза, он обвел пристальным взглядом подземелье, потом поднял с полу горсть чего-то блестящего.

— Ого! — сказал он. — Это похоже на те штучки, которыми играют в человеческой стае. Только эти жёлтые, а те были коричневые.

Он уронил золото на пол и сделал шаг вперёд. Всё подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет толщиной в пять-шесть футов, высыпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался и выровнялся, как песок во время отлива. На монетах и под ними, зарывшись в них, как обломки крушения в песке, были чеканного серебра сёдла для слонов с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для княгинь, окованные и отделанные серебром и эмалью, с нефритовыми ручками и янтарными кольцами для занавесей; там были золотые светильники с изумрудными подвесками, колыхавши-

мися на них; там были пятифутовые статуи давно забытых богов, серебряные, с изумрудными глазами; были кольчуги, стальные, с золотой насечкой и с бахромой из почерневшего мелкого жемчуга; там были шлемы с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, окованные червонным золотом, с изумрудами по краям; охалки сабель, кинжалов и охотничьих ножей с алмазными рукоятками; золотые чаши и ковши и переносные алтари, никогда не видевшие дневного света; нефритовые чаши и браслеты; кадила, гребни, сосуды для духов, хны и сурьмы, все чеканного золота; множество колец для носа, обручей, перстней и поясов; пояса в семь пальцев шириной из гранёных алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом, дерево которых распалось в прах и остались груды опалов, кошачьего глаза, сапфиров, рубинов, брильянтов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права: никакими деньгами нельзя было оценить такое сокровище — плоды многих столетий войн, грабежей, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря уже о драгоценных камнях; золота и серебра тут было не меньше двухсот или трёхсот тонн чистым весом.

Но Маугли, разумеется, не понял, что значат эти вещи. Ножи заинтересовали его немножко, но они были не так удобны, как его собственный нож, и потому он их бросил. Наконец он отыскал нечто в самом деле пленительное, лежавшее перед слоновым седлом, полузарытым в монетах. Это был двухфутовый анкас, или бодило для слонов, похожий на маленький лодочный багор. На его верхушке сидел круглый сверкающий рубин, а восьмидюймовой длины ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой, так что держать её было очень удобно. Ниже был нефритовый ободок, а кругом него шёл узор из цветов, только листья были изумрудные, а цветы — рубины, вделанные в прохладный зелёный камень. Остальная часть ручки была из чистой слоновой кости, а самый конец — остриё и крюк — был стальной, с золотой насечкой, изображавшей охоту на слонов. Картинки и пленили Маугли, который увидел, что они изображают его друга Хатхи.

Белая кобра следовала за ним по пятам.

— Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы это увидеть? — сказала она. — Правда, я оказала тебе великую милость?

— Я не понимаю, — ответил Маугли. — Они все твёрдые и холодные и совсем не годятся для еды. Но вот это, — он поднял анкас, — я хотел бы унести с собой, чтобы разглядеть при солнце. Ты говоришь, что это всё твоё. Так подари это мне, а я принесу тебе лягушек для еды.

Белая кобра вся затряслась от злобной радости.

— Конечно, я подарю это тебе, — сказала она. — Всё, что здесь есть, я дарю тебе — до тех пор, пока ты не уйдёшь.

— Но я уйду сейчас. Здесь темно и холодно, а я хочу унести эту колючую штуку с собой в джунгли.

— Взгляни себе под ноги! Что там лежит?

Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

— Это человеческий череп, — сказал он равнодушно. — А вот и ещё два.

— Много лет назад эти люди пришли, чтобы унести сокровище. Я поговорила с ними в темноте, и они успокоились.

— Но разве мне нужно что-нибудь из того, что ты называешь сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкас, это будет добрая охота. Если нет, всё равно это будет добрая охота. Я не вражду с Ядовитым Народом, а кроме того, я знаю Заветное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Заветное Слово, и это Слово — моё!

Каа метнулся вперёд, сверкнув глазами:

— Кто просил меня привести человека?

— Я, конечно, — прошелестела старая кобра. — Давно уже не видала я человека, а этот человек говорит по-нашему.

— Но о том, чтобы убивать, не было уговора. Как же я вернусь в джунгли и расскажу, что отвёл его на смерть?

— Я и не убью его раньше времени. А если тебе надо уйти, вон дыра в стене. Помолчи-ка теперь, жирный убийца обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли тебя больше не увидят. Никогда ещё человек не уходил отсюда живым. Я Страж Сокровищ в Княжеском городе!

— Но говорят тебе, ты, белый ночной червяк, что нет больше ни князя, ни города! Вокруг нас одни только джунгли! — воскликнул Каа.

— А сокровище есть. Но вот что можно сделать. Не уходи ещё, Каа, — посмотришь, как будет бегать мальчик. Здесь есть где поохотиться. Жизнь хороша, мальчик! Побегай взад и вперёд, порезвись!

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Эта белая тварь до сих пор видела только людей

из человеческой стаи. Меня она не знает,—прошептал он.— Она сама напросилась на охоту. Пусть получает!

Маугли стоял, держа в руках анкас остриём вниз. Он быстро метнул анкас, и тот упал наискось, как раз за кlobуком большой змеи, пригвоздив её к земле. В мгновение ока удав налёг всей своей тяжестью на извивающееся тело кобры, прижав его от кlobука до хвоста. Красные глаза кобры горели, и голова на свободной шее бешено моталась вправо и влево.

— Убей её! — сказал Каа, видя, что Маугли берётся за нож.

— Нет,—сказал Маугли, доставая нож,—больше я не хочу убивать, разве только для пищи. Посмотри сам, Каа!

Он схватил кобру пониже кlobука, раскрыл ей рот лезвием ножа и показал, что страшные ядовитые зубы в верхней челюсти почернели и выкрошились. Белая кобра пережила свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхунтх (Гнилая Колода),—сказал Маугли и, сделав Каа знак отстраниться, выдернул анкас из земли и освободил белую кобру.

— Княжескому сокровищу нужен новый страж,—сказал он сурово.—Тхунтх, ты оплошала. Побегай взад и вперёд, порезвись, Гнилая Колода!

— Мне стыдно! Убей меня! — прошипела белая кобра.

— Слишком много было разговоров про убийство. Теперь мы уйдём. Я возьму эту колючую штуку, Тхунтх, потому что я дрался и одолел тебя.

— Смотри, чтоб она не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! В ней довольно силы, чтобы убить всех людей в моём городе. Недолго ты удержишь её, Человек из Джунглей, или тот, кто отнимет её у тебя. Ради неё будут убивать, убивать и убивать! Моя сила иссякла, зато колючка сделает моё дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли выбрался через дыру в подземный коридор и, обернувшись, увидел, как белая кобра яростно кусает потерявшими силу зубами неподвижные лица золотых идолов, лежащих на полу, и шипит:

— Это смерть!

Маугли и Каа были рады, что снова выбрались на дневной свет.

Как только они очутились в родных джунглях и анкас в руках мальчика засверкал на утреннем

солнце, он почувствовал почти такую же радость, как если б нашёл пучок новых цветов, для того чтобы воткнуть их себе в волосы.

— Это ярче глаз Багиры,— сказал он с восхищением, поворачивая рубин.— Я покажу ей эту штуку. Но что хотела сказать Гнилая Колода своими словами о смерти?

— Не знаю. Мне до кончика хвоста обидно, что она не попробовала твоего ножа. Всегда в Холодных Берлогах таится какая-нибудь беда — и на земле и под землёй... А теперь я хочу есть. Ты поохотишься вместе со мною нынче на заре? — сказал Каа.

— Нет, надо показать эту штуку Багире. Доброй охоты!

Маугли приплясывал на бегу, размахивая большим анкасом, и останавливался время от времени, чтобы полюбоваться на него. Добравшись наконец до тех мест в джунглях, где отдыхала обычно Багира, он нашёл её у водопоя, после охоты на крупного зверя. Маугли стал рассказывать ей обо всех своих приключениях, а Багира слушала и время от времени обнюхивала анкас. Когда Маугли дошёл до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Значит, Белый Клобук говорил правду? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в княжеском зверинце в Удайпуре и, кажется, знаю кое-что о человеке. Многие люди убивали бы трижды в ночь ради одного этого красного камня.

— Но от камня ручку только тяжелее держать. Мой блестящий ножик гораздо лучше, и — слушай! — красный камень не годится для еды. Так для чего же убивать?

— Маугли, ступай спать. Ты жил среди людей, и...

— Я помню. Люди убивают, потому что не охотятся, — от безделья, ради забавы. Проснись же, Багира! Для чего сделана эта колючая штука?

Багира приоткрыла сонные глаза, и в них сверкнула лукавая искорка.

— Ее сделали люди для того, чтобы колоть голову сыновьям Хатхи. Я видела такие на улицах Удайпура перед зверинцем. Эта вещь отведала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем же колоть ею головы слонов?

— Затем, чтобы научить их Закону Человека.

У людей нет ни когтей, ни зубов, оттого они и делают вот такие штуки и даже хуже.

— Если бы я это знал, то не взял бы его. Я не хочу его больше. Смотри!

Анкас полетел, сверкая, и зарылся в землю в пятидесяти шагах от них, среди деревьев.

— Теперь я очистил мои руки от смерти,— сказал Маугли, вытирая руки о свежую влажную землю.— Белая кобра говорила, что смерть будет ходить за мной по пятам. Она состарилась, побелела и выжила из ума.

— Смерть или жизнь, почернела или побелела, а я пойду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и быть весь день, как другие.

Багира знала удобное логово в двух милях от водопоя и отправилась туда отдыхать. Маугли недолго думая забрался на дерево, связав вместе две-три лианы, и гораздо скорее, чем можно об этом рассказать, качался в гамаке в пятидесяти футах над землёю. Хотя Маугли не боялся яркого дневного света, он всё же следовал обычаю своих друзей и старался как можно меньше бывать на солнце. Когда его разбудили громкие голоса обитателей деревьев, были опять сумерки, и во сне ему снились те красивые камешки, что он выбросил.

— Хоть погляжу на них ещё раз,— сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира опередила его: Маугли было слышно, как она обнюхивает землю в полумраке.

— А где же колючая штука?— воскликнул Маугли.

— Её взял человек. Вот и след.

— Теперь мы увидим, правду ли говорила белая кобра. Если колючая тварь и вправду смерть, этот человек умрёт. Пойдём по следу.

— Сначала поохотимся,— сказала Багира,— на пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются очень медленно, а в джунглях так сыро, что самый лёгкий след продержится долго.

Они постарались покончить с охотой как можно скорее, и всё же прошло почти три часа, прежде чем они наелись, напились и пошли по следу. Народ Джунглей знает, что торопиться во время еды не следует, потому что упущенного не вернёшь.

— Как ты думаешь, колючая тварь обернётся в руках человека и убьёт его? — спросил Маугли. — Белая кобра говорила, что это смерть.

— Увидим, когда догоним, — сказала Багира. Она бежала рысью, нагнув голову. — След одиночный (она хотела сказать, что человек был один), и от тяжёлой ноши пятка ушла глубоко в землю.

— Гм! Это ясно, как летняя молния, — согласился с ней Маугли.

И они помчались по следам двух босых ног быстрой рысью, попадая то во тьму, то в полосы лунного света.

— Теперь он бежит быстро, — сказал Маугли, — пальцы растопырены. — Они бежали дальше по сырой низине. — А почему здесь он свернул в сторону?

— Погоди! — сказала Багира и одним великолепным прыжком перемахнула через лужайку.

Первое, что нужно сделать, когда след становится непонятным, — это прыгнуть вперёд, чтобы не оставлять путаных следов на земле. После прыжка Багира повернулась к Маугли и крикнула:

— Здесь второй след идёт ему навстречу. На этом втором следу нога меньше и пальцы поджаты.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда, — сказал он. — Гляди! Здесь он протащил свой лук по траве. Вот почему первый след свернул в сторону. Большая Нога пряталась от Маленькой Ноги.

— Да, верно, — сказала Багира. — Теперь, чтобы не наступать друг другу на следы и не путаться, возьмём каждый по одному следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты — Маленькая Нога.

Багира перепрыгнула на первый след, а Маугли нагнулся, разглядывая странные следы ног с поджатыми пальцами.

— Вот, — сказала Багира, шаг за шагом продвигаясь вперёд по цепочке следов, — я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону. Вот я прячусь за скалу и стою тихо, не смея переступить с ноги на ногу. Говори, что у тебя, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале, — говорил Маугли, идя по следу. — Вот я сажусь под скалой, опираясь на правую руку, и ставлю свой лук между большими пальцами ног. Я жду долго, и потому мои ноги оставляют здесь глубокий отпечаток.

— Я тоже,— сказала Багира, спрятавшись за скалой.— Я жду, поставив колючку острым концом на камень. Она скользит: на камне осталась царапина. Скажи, что у тебя, Маленький Брат.

— Одна-две ветки и большой сучок сломаны здесь,— сказал Маугли шёпотом.— А как рассказать вот это? А! Теперь понял. Я, Маленькая Нога, ухожу с шумом и топотом, чтобы Большая Нога слышала меня.

Маугли шаг за шагом отходил от скалы, прячась между деревьями и повышая голос, по мере того как приближался к маленькому водопаду.

— Я — отхожу — далеко — туда, — где — шум — водопада — заглушает — мои — шаги, — и здесь — я — жду. Говори, что у тебя, Багира, Большая Нога!

Пантера металась во все стороны, разглядывая, куда ведёт отпечаток большой ноги из-за скалы. Потом подала голос:

— Я ползу из-за скалы на четвереньках и тащу за собой колючую тварь. Не видя никого, я бросаюсь бежать. Я, Большая Нога, бегу быстро. Путь ясно виден. Идём каждый по своему следу. Я бегу!

Багира помчалась по ясно видимому следу, а Маугли побежал по следу охотника. На время в джунглях наступило молчание.

— Где ты, Маленькая Нога? — окликнула Багира.

Голос Маугли отозвался в пятидесяти шагах справа.

— Гм! — произнесла Багира, глухо кашляя. — Оба они бегут бок о бок и сходятся всё ближе!

Они пробежали ещё с полмили, оставаясь на том же расстоянии, пока Маугли, который не пригибался так низко к земле, не крикнул:

— Они сошлись! Доброй охоты! Смотри-ка! Тут стояла Маленькая Нога, опираясь коленом на камень, а там — Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них, растянувшись на гряде камней, лежало тело крестьянина здешних мест. Тонкая оперённая стрела охотника-гонда пронзила ему насквозь спину и грудь.

— Так ли уж одряхлаела и выжила из ума белая кобра? — мягко спросила Багира. — Вот, по крайней мере, одна смерть.

— Идём дальше. А где же та, что пьёт слоновью кровь, — где красноглазая колючка?

— Может быть, у Маленькой Ноги. Теперь след опять одиночный.

Одинокий след легконогого человека, быстро бежавшего с ношей на левом плече, шёл по длинному пологому откосу, поросшему сухой травой, где каждый шаг был словно выжжен калёным железом.

Оба молчали, пока след не привёл их к золе костра, укрытого в овраге.

— Опять! — сказала Багира и остановилась, словно окаменев.

Тело маленького сморщенного охотника лежало пятками в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палкой, — сказал Маугли, взглянув на тело. — У меня тоже была такая, когда я служил человеческой стае и пас буйволов. Мать Кобр — мне жаль, что я посмеялся над нею, — знает эту породу, и я мог бы об этом догадаться. Разве я не говорил, что люди убивают от безделья?

— Право же, его убили ради красных и голубых камней, — ответила Багира. — Не забудь, что я была в княжеском зверинце в Удайпуре.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагибаясь над пеплом костра. — Четыре следа обутых людей. Они ходят не так быстро, как охотники-гонды. Ну что худого сделал им маленький лесной человек? Смотри, они разговаривали все впятером, стоя вокруг костра, прежде чем убили его. Багира, идём обратно. На желудке у меня тяжело, и, однако, он скачет то вверх, то вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

— Плохая охота — упускать добычу. Идём за ними! — сказала пантера. — Эти восемь обутых ног недалеко ушли.

Они бежали целый час молча по широкой тропе, протоптанной четырьмя обутыми людьми.

Уже настал ясный, жаркий день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда охотнее едят, чем бегают, — ответил Маугли, то скрываясь, то показываясь среди невысоких кустарников, где они теперь рыскали, обходя незнакомые джунгли. Багира, слева от Маугли, издала какой-то странный звук горлом.

— Вот этот покончил с едой! — сказала она.

Смятый ворох пёстрой одежды лежал под кустом, а вокруг него была рассыпана мука.

— Также сделано бамбуковой палкой. Гляди! Белый порошок — это то, что едят люди. Они отняли добычу у этого — он нёс их пищу — и отдали его в добычу коршуну Чилу.

— Это уже третий, — сказала Багира.

«Я отнесу свежих, крупных лягушек Матери Кобр и накормлю её до отвала, — сказал себе Маугли. — Этот

кровопийца — сама Смерть, и всё же я ничего не понимаю!»

— Идём по следу! — сказала Багира.

Они не прошли и полумили, как услышали ворона Кауа, распевавшего Песню Смерти на вершине тамариска, в тени которого лежало трое людей. Полупотухший костёр дымился в середине круга, под чугунной сковородкой с почерневшей и обгорелой пресной лепёшкой. Возле костра, сверкая на солнце, лежал бирюзово-рубиновый анкас.

— Эта тварь работает быстро: всё кончается здесь, — сказала Багира. — Отчего они умерли, Маугли? Ни на ком из них нет ни знака, ни ссадины.

Житель джунглей по опыту знает о ядовитых растениях и ягодах не меньше, чем многие врачи. Маугли понюхал дым над костром, отломил кусочек почерневшей лепёшки, попробовал её и сплюнул.

— Яблоко Смерти, — закашлялся он. — Первый из них, должно быть, положил его в пищу для тех, которые убили его, убив сначала охотника.

— Добрая охота, право! Одна добыча следует за другой! — сказала Багира.

«Яблоко Смерти» — так называется в джунглях дурман, самый сильный яд во всей Индии.

— Что же будет дальше? — сказала пантера. — Неужели и мы с тобой умертвим друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве эта тварь умеет говорить? — спросил Маугли шёпотом. — Что плохого я ей сделал, когда выбросил? Нам двоим она не повредит, потому что мы не гонимся за ней. Если её оставить здесь, она, конечно, станет убивать людей одного за другим так же быстро, как падают орехи в бурю. Я не хочу, чтобы люди умирали по шестеро в ночь.

— Что за беда? Это же только люди. Они сами убивали друг друга — и были очень довольны, разве не так? — сказала Багира.

— Но всё-таки они ещё щенки, а щенок готов утопиться, лишь бы укусить луну в воде. Я виноват, — сказал Маугли, — говоря так, как будто знаю всё на свете. Никогда больше не принесу в джунгли то, чего не знаю, хотя бы оно было красиво, как цветок. Это, — он быстрым движением схватил анкас, — отправится обратно к Прародительнице Кобр. Но сначала нам надо выпасться, а мы не можем лечь рядом с

этими спящими. Кроме того, нам нужно зарыть эту тварь, чтобы она не убежала и не убила ещё шестерых. Вырой яму вон под тем деревом.

— Но, Маленький Брат,— сказала Багира, подходя к дереву,— говорю тебе, что кровопийца не виноват. Всё дело в людях.

— Это всё равно,— сказал Маугли.— Вырой яму поглубже. Когда мы выспимся, я возьму его и отнесу обратно.

На третью ночь, когда белая кобра сидела, горюя, во мраке подземелья, пристыжённая, обобранная и одинокая, бирюзовый анкас влетел в пролом стены и зазвенел, ударившись о золотые монеты, устилавшие пол.

— Мать Кобр,— сказал Маугли (из осторожности он оставался по ту сторону стены),— добудь себе молодую, полную яда змею твоего племени, чтобы она помогала тебе стеречь княжеские сокровища и чтобы ни один человек больше не вышел отсюда живым.

— Ах-ха! Значит, он вернулся. Я говорила, что это смерть! Как же вышло, что ты ещё жив? — прошеле-стела старая кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анкаса.

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, я и сам не знаю! Эта тварь убила шестерых за одну ночь. Не выпускай её больше!

ДИКИЕ СОБАКИ

Самое приятное время жизни началось для Маугли после того, как он напустил на деревню джунгли. Совесть у него была спокойна, как и следует после уплаты справедливого долга, и все джунгли были с ним в дружбе, потому что все джунгли его боялись. Из того, что он видел, слышал и делал, странствуя от одного народа к другому со своими четырьмя спутниками или без них, вышло бы многое множество рассказов, и каждый рассказ был бы не короче этого. Так что вам не придется услышать о том, как он спасся от бешеного слона из Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших в казначейство одиннадцать возов серебра, и расшвырял по пыльной дороге блестящие рупии; как он бился долгой ночью с

крокодиллом Джакалой в болотах на севере и сломал охотничий нож о его спинные щитки; как он нашёл себе новый нож, ещё длиннее старого, на шее у человека, убитого диким кабаном; как он погнался за этим кабаном и убил его, потому что нож этого стоил; как во время Великого Голода он попал в бегущее оленье стадо и едва не был задавлен насмерть разгорячёнными оленями; как он спас Молчальника Хатхи из ловчей ямы с колом на дне; как на другой день он сам попался в хитрую ловушку для леопардов и как Хатхи освободил его, разломав толстые деревянные бруссы; как он доил диких буйволиц на болоте; как...

Однако полагается рассказывать о чём-нибудь одном.

Отец и Мать Волки умерли, и Маугли, завалив устье пещеры большим камнем, пропел над ними Песню Смерти. Балу совсем одряхлел и едва двигался, и даже Багира, у которой нервы были стальные, а мускулы железные, уже не так быстро убивала добычу.

Акела из седого стал молочно-белым, похудел от старости так, что видны были рёбра, и едва ходил, словно деревянный; для него охотился Маугли. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, преуспевали и множились. Когда их набралось голов сорок, своевольных, гладконогих волков-пятилеток, не знавших вожака, Акела посоветовал им держаться вместе, соблюдать Закон и слушаться одного предводителя, как и подобает Свободному Народу.

В этом деле Маугли не пожелал быть советчиком: он уже набил себе оскомину и знал, на каком дереве растут кислые плоды. Но когда Пхао, сын Пхаоны (его отцом был Серый Следопыт, когда Акела водил Стаю), завоевал место Вожака Стаи, как того требует Закон Джунглей, и снова зазвучали под звёздами старые песни и старые зовы, Маугли стал ходить на Скалу Совета в память о прошлом и садился рядом с Акелой. То было время удачной охоты и крепкого сна. Ни один чужак не смел вторгаться во владения Народа Маугли, как называлась теперь Стая; молодые волки жирели и набирались сил, и на каждый смотр волчицы приводили много волчат.

Маугли всегда приходил на смотр: он не забыл ещё ту ночь, когда чёрная пантера ввела в Стаю голого смуглого ребёнка и от протяжного клича: «Смотрите, смотрите, о волки!» — его сердце билось странно и

тревожно. Если б не это, он ушёл бы в глубину джунглей, чтобы трогать и пробовать, видеть и слышать новое.

Однажды в сумерки, когда он бежал не спеша через горы и нёс Акеле половину убитого им оленя, а четверо волков трусили за ним рысцой и в шутку дрались и кувыркались друг через друга, радуясь жизни, он услышал вой, какого ему не приходилось слышать со времён Шер-Хана. Это было то, что в джунглях зовётся «пхиал»,— вой, который издаёт шакал, когда охотится вместе с тигром или когда начинается большая охота. Представьте себе ненависть, смешанную с торжеством, страхом и отчаянием и пронизанную чем-то вроде насмешки, и вы получите понятие о пхиае, который разносился над Вайнгангой, поднимаясь и падая, дрожа и замирая. Четвёрка волков оцетинилась и заворчала. Маугли схватился за нож и замер на месте, словно окаменев.

— Ни один Полосатый не смеет охотиться здесь,— сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника,— сказал Серый Брат.— Это какая-то большая охота. Слушай!

Снова раздался вой, наполовину рыдание, наполовину смех, как будто у шакала были мягкие человеческие губы. Тут Маугли перевёл дыхание и бросился к Скале Совета, обгоняя по дороге спешивших туда волков.

Пхао и Акела лежали вместе на скале, а ниже, напрягшись каждым нервом, сидели остальные волки. Матери с волчатами пустились бегом к пещерам: когда раздаётся пхиал, слабым не место вне дома.

Сначала не слышно было ничего, кроме журчания Вайнганги во тьме и ночного ветра в вершинах деревьев, как вдруг за рекой провыл волк. Это был волк не из Стаи, потому что вся Стая собралась на Скале Совета. Вой перешёл в протяжный, полный отчаяния лай.

— Собаки! — лаял вожак. — Дикие Собаки! Дикие Собаки!

Через несколько минут послышались усталые шаги по камням, и поджарый волк, весь в поту, с пятнами крови на боках и белой пеной у рта, ворвался в круг и, поджимая переднюю лапу и тяжело дыша, бросился к ногам Маугли.

— Доброй охоты! Из чьей ты стаи? — степенно спросил Пхао.

— Доброй охоты! Я Вантала,— был ответ.

Это значило, что он волк-одиночка, который сам промышляет для себя, своей подруги и волчат, живя где-нибудь в уединённой пещере. «Вантала» и значит «одиночка» — тот, кто живёт вне стаи. При каждом вздохе видно было, как от толчков сердца его бросает то вперёд, то назад.

— Кто идёт? — спросил Пхао (об этом всегда спрашивают в джунглях после пхиаала).

— Дикие Собаки из Декана — рыжие собаки, убийцы! Они пришли на север с юга; говорят, что в Декане голод, и убивают всех по пути. Когда народилась луна, у меня было четверо — моя подруга и трое волчат. Мать учила детей охотиться в открытом поле, учила прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, волки равнин. В полночь я ещё слышал, как мои волчата выли полным голосом, идя по следу. А когда поднялся предрассветный ветер, я нашёл всех четверых в траве, и они уже окоченели. А все четверо были живы, когда народилась луна, о Свободный Народ! Тогда я стал искать, кому отомстить, и нашёл рыжих собак.

— Сколько их? — спросил Маугли, а вся Стая глухо заворчала.

— Не знаю. Трое из них уже не убьют больше никого, но под конец они гнали меня, как оленя, гнали, и я бежал на трёх ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул вперёд искалеченную лапу, тёмную от засохшей крови. Весь бок снизу был у него жестоко искусан, а горло разодрано и истерзано.

— Ешь! — сказал Акела, отходя от мяса, которое принёс ему Маугли.

Волк-одиночка набросился на еду с жадностью.

— Это не пропадёт,— сказал он смиренно, утолив первый голод.— Дайте мне набраться сил, и я тоже смогу убивать! Опустела моя берлога, которая была полна, когда родился месяц, и Долг Крови ещё не весь уплачен.

Пхао, услышав, как захрустела бедренная кость оленя на зубах Вантала, одобрительно заворчал.

— Нам понадобятся эти челюсти,— сказал он.— С собаками были их щенята?

— Нет, нет, одни рыжие охотники: только взрослые псы из их стаи, крепкие и сильные.

Это значило, что рыжие собаки из Декана идут войной, а волки знают очень хорошо, что даже тигр

уступает этим собакам свою добычу. Они бегут напрямик через джунгли и всё, что попадается им навстречу, сбивают с ног и разрывают в клочья. Хотя Дикие Собаки не так крупны и не так ловки, как волки, они очень сильны, и их бывает очень много. Дикие Собаки только тогда называют себя Стаей, когда их набирается до сотни, а между тем сорок волков—это уже настоящая Стая.

В своих странствиях Маугли побывал на границе травянистых нагорий Декана и видел, как эти свирепые псы спали, играли и рылись среди кочек и ям, служивших им вместо логова. Он презирал и ненавидел Диких Собак за то, что от них пахло не так, как от волков, и за то, что они жили в пещерах, а главное, за то, что у них между пальцами растёт шерсть, тогда как у Маугли и у его друзей ноги гладкие. Однако он знал, потому что Хатхи рассказал ему об этом, какая страшная сила охотничья стая диких псов. Хатхи и сам сторонится с их дороги, и пока всех собак не перебьют или дичи не станет мало, они бегут вперёд, а по пути убивают.

Акела тоже знал кое-что о диких собаках. Он спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть в Стае, чем без вожака и одному. Это будет славная охота, а для меня—последняя. Но ты—человек, и у тебя ещё много ночей и дней впереди, Маленький Брат. Ступай на север, заляг там, и если кто-нибудь из волков останется жив после того, как уйдут собаки, он принесёт тебе весть о битве.

— Да, не знаю только,—сказал Маугли без улыбки,—уйти ли мне в болота ловить там мелкую рыбу и спать на дереве или просить помощи у обезьян и грызть орехи, пока Стая будет биться внизу.

— Это не на жизнь, а на смерть,—сказал Акела.—Ты ещё не знаешь этих рыжих убийц. Даже Полосатый...

— Аова! Аова! — крикнул Маугли обиженно.— Одну полосатую обезьяну я убил. Теперь слушай: жили-были Волк, мой отец, и Волчица, моя мать, а ещё жил-был старьёй серый Волк (не слишком мудрый: он теперь поседел), который был для меня отцом и матерью. И потому,—он повысил голос,—я говорю: когда собаки придут, если только они придут, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. Я говорю—клянусь буйволом, выкупившим меня,

буйволом, отданным за меня Багирой в те дни, о которых вы в Стае забыли,—я говорю, и пусть слышат мои слова река и деревья и запомнят их, если я позабуду,—я говорю, что вот этот мой нож будет зубом Стаи. По-моему, он ещё не притупился. Вот моё Слово, и я его сказал!

— Ты не знаешь собак, человек с волчьим языком! — крикнул Вантала.— Я хочу только заплатить им Долг Крови, прежде чем они растерзают меня. Они движутся медленно, уничтожая всё на своём пути, но через два дня у меня прибавится силы, и я начну платить им Долг Крови. А вам, Свободный Народ, советую бежать на север и жить впроголодь до тех пор, пока не уйдут рыжие собаки.

— Слушайте Одиночку! — воскликнул Маугли со смехом.— Свободный Народ, мы должны бежать на север, питаться ящерицами и крысами с отмелей, чтобы как-нибудь не повстречаться с собаками. Они опустошат все наши леса, а мы будем прятаться на севере до тех пор, пока им не вздумается отдать нам наше добро! Они собаки, и собачьи дети — рыжие, желтобрюхие, бездомные, у них шерсть растёт между пальцев. Да, конечно, мы, Свободный Народ, должны бежать отсюда и выпрашивать у народов севера объедки и всякую падаль! Выбирайте же, выбирайте. Славная будет охота! За Стаю, за всю Стаю, за волчиц и волчат в логове и на воле, за подругу, которая гонит лань, и за самого малого волчонка в пещере мы принимаем бой!

Стая ответила коротким, оглушительным лаем, прогремевшим во тьме, словно треск падающего дерева.

— Мы принимаем бой! — пролаяли волки.

— Оставайтесь тут, — сказал Маугли своей четвёрке.— Нам понадобится каждый зуб. А Пхао с Акелой пусть готовятся к бою. Я иду считать собак.

— Это смерть! — крикнул Вантала, привстав.— Что может сделать такой голыш против рыжих собак? Даже Полосатый и тот...

— Ты и вправду чужак, — отозвался Маугли.— Но мы ещё поговорим, когда псы будут перебиты. Доброй охоты всем вам!

Он умчался во тьму, весь охваченный буйным весельем, почти не глядя, куда ступает, и, как и следовало ожидать, растянулся во весь рост, спо-

ткнувшись о Каа, сторожившего оленью тропу близ реки.

— Кш-ша! — сердито сказал Каа. — Разве так водится в джунглях — топать и хлопать, губя охоту всей ночи, да ещё когда дичь так быстро бегаёт?

— Вина моя, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги. — Правда, я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как я тебя вижу, ты становишься длиннее и толще на длину моей руки. Нет другого такого, как ты, во всех джунглях, о мудрый, сильный и красивый Каа!

— А куда же ведёт этот след? — Голос Каа смягчился. — Не прошло и месяца с тех пор, как один человек с ножом бросал в меня камнями и шипел на меня, как злощный лесной кот, за то, что я уснул на открытом месте.

— Да, и разогнал оленей на все четыре стороны, а Маугли охотился, а Плоскоголовый совсем оглох и не слышал, как ему свистели, чтоб он освободил оленью тропу, — спокойно ответил Маугли, усаживаясь среди пёстрых колец.

— А теперь этот человечек приходит с ласковыми, льстивыми словами к этому же Плоскоголовому и говорит ему, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и Плоскоголовый верит ему и свёртывается кольцом, чтобы устроить удобное сиденье для того, кто бросал в него камнями... Теперь тебе хорошо? Разве Багира может так удобно свернуться?

Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлёк его голову к себе на плечо, а потом рассказал ему всё, что произошло в джунглях этой ночью.

— Я, может быть, и мудр, — сказал Каа, выслушав рассказ, — а что глух, так это верно. Не то я услышал бы пхиал. Неудивительно, что травоеды так встревожились. Сколько же всего собак?

— Я ещё не видел. Я пришёл прямо к тебе. Ты старше Хатхи. Зато, о Каа, — тут Маугли завертелся от радости, — это будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну.

— И ты тоже сюда вмешался? Не забывай, что ты человек. Не забывай также, какая стая тебя выгнала. Пускай волки гоняют собак. Ты человек.

— Прошлогодние орехи стали в этом году чёрной землёй,— ответил Маугли.— Это правда, что я человек, но нынче ночью я сказал, что я волк. Это у меня в крови. Я призвал реку и деревья, чтобы они запомнили мои слова. Я охотник Свободного Народа, Каа, и останусь им, пока не уйдут собаки...

— Свободный Народ! — проворчал Каа.— Свободные воры! А ты связал себя смертным узлом в память о волках, которые умерли! Плохая это охота!

— Это моё Слово, и я уже сказал его. Деревья знают, и знает река. Пока не уйдут собаки, моё Слово не вернётся ко мне.

— Ссшш! От этого меняются все следы. Я думал взять тебя с собой на северные болота, но Слово — хотя бы даже Слово маленького голого, безволосого человечка — есть Слово. Теперь и я, Каа, говорю...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтоб и тебе не связать себя смертным узлом. Мне не нужно от тебя Слова, я и без того знаю...

— Пусть будет так,— сказал Каа.— Я не стану давать Слово. Но что ты думаешь делать, когда придут рыжие собаки?

— Они должны переплыть Вайнгангу. Я хочу встретить их на отмелях, а за мной была бы Стая. Ножом и зубами мы заставили бы их отступить вниз по течению реки и немножко охладили бы им глотки.

— Эти собаки не отступят, и глотки им не остудишь,— сказал Каа.— После этой охоты не будет больше ни человечка, ни волчонка, останутся одни голые кости.

— Алала! Умирать так умирать! Охота будет самая славная! Но я ещё молод и видел мало дождей. У меня нет ни мудрости, ни силы. Ты придумал что-нибудь получше, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выпали молочные бивни, я уже оставлял в пыли длинный след. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел всё, что делалось в джунглях.

— Но такой охоты ещё никогда не бывало,— сказал Маугли.— Никогда ещё рыжие собаки не становились нам поперёк дороги.

— Что есть, то уже было. То, что будет,— это только забытый год, вернувшийся назад. Посиди смирно, пока я пересчитаю мои года.

Целый долгий час Маугли отдыхал среди колен Каа, играя ножом, а Каа, уткнувшись неподвижной головой в землю, вспоминал обо всём, что видел и узнал с того дня, как вылупился из яйца. Глаза его, казалось, угасли и стали похожи на тусклые опалы, и время от времени он резко дёргал головой то вправо, то влево, словно ему снилась охота. Маугли спокойно дремал: он знал, что нет ничего лучше, чем выспаться перед охотой, и привык засыпать в любое время дня и ночи.

Вдруг он почувствовал, что тело Каа становится толще и шире под ним, оттого что огромный удав надулся, шипя, словно меч, выходящий из стальных ножен.

— Я видел все мёртвые времена,— сказал наконец Каа,— и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голыми и островерхими, прежде чем поросли мхом. Ты ещё жив, человек?

— Луна только что взошла,— сказал Маугли.— Я не понимаю...

— Кшш! Я снова Каа. Я знаю, что времени прошло немного. Сейчас мы пойдём к реке, и я покажу тебе, что надо делать с собаками.

Прямой, как стрела, он повернул к главному руслу Вайнганги и бросился в воду немного выше плёса, открывавшего Скалу Мира, а вместе с ним бросился в воду и Маугли.

— Нет, не плыви сам—я двигаюсь быстрее. На спину ко мне, Маленький Брат!

Левой рукой Маугли обнял Каа за шею, правую руку прижал плотно к телу и вытянул ноги в длину. И Каа поплыл против течения, как умел плавать только он один, и струи бурлящей воды запенились вокруг шеи Маугли, а его ноги закачались на волне, разведённой скользящими боками удава. Немного выше Скалы Мира Вайнганга сужается в теснине меж мраморных утёсов от восьмидесяти до ста футов высотой, и вода там бешено мчится между скалами по большим и малым камням. Но Маугли не думал об этом; не было такой воды на свете, которой он испугался бы хоть на минуту. Он смотрел на утёсы по берегам реки и тревожно нюхал воздух, в котором стоял сладковато-кислый запах, очень похожий на запах муравейника в жаркий день. Он невольно спустился пониже в воду, высовывая голову только

для того, чтобы вздохнуть. Каа стал на якорь, дважды обернувшись хвостом вокруг подводной скалы и поддерживая Маугли, а вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти,—сказал Мальчик.—Зачем мы здесь?

— Они спят,—сказал Каа.—Хатхи не уступает дороги Полосатому, однако и Хатхи и Полосатый уступают дорогу рыжим собакам. Собаки же говорят, что никому не уступят дороги. А кому уступает дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто же у нас самый главный?

— Вот эти,—прошептал Маугли.—Здесь Место Смерти. Уйдём отсюда.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Тут всё так же, как было, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшиеся от времени и непогоды утёсы в ущелье Вайнганги с самого начала джунглей были жилищем Маленького Народа Скал—хлопотливых, злых чёрных диких пчёл Индии, и, как хорошо знал Маугли, все тропинки сворачивали в сторону за полмили от их владений. Много веков Маленький Народ ютился и роился тут, переселялся из расщелины в расщелину и снова роился, пятная белый мрамор старым мёдом и лепя свои чёрные соты всё выше и глубже во тьме пещер. Ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь ни разу не посмели их тронуть. По обоим берегам реки ущелье во всю свою длину было словно занавешено мерцающим чёрным бархатом, и Маугли дрогнул, подняв глаза, потому что над ним висели сцепившиеся миллионы спящих пчёл. Там были ещё глыбы и гирлянды и что-то похожее на гнилые пни, лепившиеся к утёсам. Это были старые соты прежних лет или новые города, построенные в тени укрытого от ветра ущелья. Целые горы губчатых гнилых отбросов скатились вниз и застряли между деревьями и лианами, которыми поросли утёсы. Прислушавшись, Маугли не раз ловил ухом шорох и звук падения полных мёдом сот, срывавшихся вниз где-нибудь в тёмной галерее, потом—сердитое гудение крыльев и мрачное «кап-кап-кап» вытекающего мёда, который переливался через край и густыми каплями медленно падал на ветви.

На одном берегу реки была маленькая песчаная отмель, не шире пяти футов, и на ней громоздились

горы мусора, накопившиеся за сотни лет. Там лежали мёртвые пчёлы, трутни, отбросы, старые соты, крылья бабочек и жуков, забравшихся воровать мёд. Всё это слежалось в ровные груды тончайшей чёрной пыли. Однако острого запаха было довольно, чтобы отпугнуть всякого, кто не мог летать и знал, что такое Маленький Народ.

Каа плыл вверх по реке, пока не добрался до песчаной отмели у входа в ущелье.

— Вот добыча этого года,— сказал он.— Смотри!

На песке лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не тронули костей, которые обнажились сами собой, от времени.

— Они перешли границу, они не знали,— прошептал Маугли,— и Маленький Народ убил их. Уйдём отсюда, пока пчёлы не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета,— сказал Каа.— Теперь я тебе расскажу. Много-много дождей назад загнанный олень забежал сюда с юга, не зная джунглей, а за ним по пятам гналась Стая. Ничего не видя от страха, он прыгнул с высоты. Солнце стояло высоко, и пчёл было очень много, и очень злых. И в Стае тоже много было таких, которые прыгнули в Вайнгангу, но все они умерли, ещё не долетев до воды. Те, которые не прыгнули, тоже умерли в скалах наверху. Но олень остался жив.

— Почему?

— Потому, что он бежал впереди, прыгнул прежде, чем Маленький Народ почуял его, и был уже в реке, когда они собрались жалить. А Стаю, гнавшуюся за ним, сплошь облепили пчёлы, которых вспугнул топот оленя.

— Этот олень остался жив? — в раздумье повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не ждал его внизу, готовясь поддержать на воде, как будет ждать человечка один старый толстый, глухой, жёлтый плоскоголовый удав — да-да, хотя бы за ним гнались собаки всего Декана! Что ты на это скажешь?

Голова Каа лежала на мокром плече мальчика, а его язык дрожал возле уха Маугли. Молчание длилось долго, потом Маугли прошептал:

— Это значит дёргать Смерть за усы, но... Каа, ты и вправду самый мудрый во всех джунглях.

— Так говорили многие. Смотри же, если собаки погонятся за тобой...

— А они, конечно, погонятся. Хо-хо! У меня под языком набралось много колючек, найдётся что воткнуть им в шкуру!

— Если собаки погонятся за тобой, ничего не разбирая, глядя только на твои плечи, они бросятся в воду либо здесь, либо ниже, потому что Маленький Народ проснётся и погонится за ними. А Вайнганга— жадная река, и у них не будет Каа, чтобы удержать их на воде, поэтому тех, кто останется жив, понесёт вниз, к отмелям у Сионийских Пещер, и там твоя Стая может схватить их за горло.

— О-о! Лучше и быть не может, разве если только дожди выпадут в сухое время. Теперь остаются только сущие пустяки: пробег и прыжок. Я сделаю так, что собаки меня узнают и побегут за мной по пятам.

— А ты осмотрел утёсы наверху, со стороны берега?

— Верно, не осмотрел. Про это я забыл.

— Ступай посмотри. Там плохая земля, вся неровная, в ямах. Ступишь хоть раз своей неуклюжей ногой не глядя—и конец охоте. Видишь, я оставляю тебя здесь и только ради тебя передам восточку твоей Стае, чтобы знали, где искать собак. Мне твои волки не родня.

Если Каа не нравился кто-нибудь, он бывал неприветлив, как никто в джунглях, исключая, быть может, Багиры. Он поплыл вниз по реке и против Скалы Совета увидел Пхао и Акелу, слушающих ночные звуки.

— Кшш, волки! — весело окликнул он их.— Рыжие собаки поплывут вниз по реке. Если не боитесь, можете убивать их на отмелях.

— Когда они поплывут? — спросил Пхао.

— А где мой детёныш? — спросил Акела.

— Приплывут, когда вздумают,—сказал Каа.— Подождите и увидите. А твой детёныш, с которого ты взял Слово и тем обрёк его на Смерть, твой детёныш со мной, и если он ещё жив, так ты в этом не виноват, седая собака! Дожидайся своих врагов здесь и радуйся, что мы с детёнышем на твоей стороне!

Каа снова понёсся стрелой по реке и остановился на середине ущелья, глядя вверх на линию утёсов. Скоро он увидел, как на звёздном небе показалась

голова Маугли; потом в воздухе что-то прощумело, и с резким звуком ударило по воде тело, падая ногами вперёд. Мгновением позже Маугли уже отдыхал в петле, подставленной Каа.

— Какой это прыжок ночью! — невозмутимо сказал Маугли. — Я прыгал вдвое дальше ради забавы. Только наверху плохое место: низкие кусты и овраги, уходящие глубоко вниз, и всё это битком набито Маленьким Народом. Я нагромоздил большие камни один на другой по краям трёх оврагов. Я столкну их ногой вниз, когда побегу, и Маленький Народ, осердясь, поднимется позади меня.

— Это человечья хитрость, — сказал Каа. — Ты мудр, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки всё крылатое засыпает ненадолго и здесь и повсюду. Я начну игру с собаками в сумерки, потому что днём они лучше бегают. Сейчас они гонятся по кровавому следу за Ванталой.

— Коршун Чиль не оставит издохшего буйвола, а Дикая Собака — кровавого следа, — сказал Каа.

— Так я поведу их по новому следу — по их же крови, если удастся, и заставлю их наестся грязи. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с моими псами.

— Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьёт тебя прежде, чем ты спрыгнешь в реку?

— Когда я умру, — ответил Маугли, — тогда и наступит пора петь Песню Смерти. Доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею удава и поплыл вниз по ущелью, как плывёт бревно в половодье, гребя к дальней отмели и хохоча от радости. Больше всего на свете Маугли любил «дёргать Смерть за усы», как говорил он сам, и давать джунглям почувствовать, что он здесь хозяин. С помощью Балу он часто обирал пчелиные дупла и знал, что Маленький Народ не любит запаха дикого чеснока. И потому он нарвал небольшой пучок чесноку, связал его ленточкой коры и побежал по кровавому следу Ванталы, идущему к югу от берлог. Время от времени он поглядывал на деревья, склонив голову набок, и посмеивался при этом.

«Лягушонок Маугли я был, — сказал он про себя, — Волчонком Маугли я называл себя сам. Теперь я должен стать Обезьяной Маугли, прежде чем стану Маугли Оленем. А в конце концов я стану Человеком

Маугли. Хо!» — И он провёл большим пальцем по длинному лезвию своего ножа.

След Ванталы, очень заметный по тёмным пятнам крови, шёл по лесу среди толстых деревьев, которые росли здесь близко одно от другого, но к северо-востоку редели всё больше и больше. За две мили от Пчелиных Утёсов лес кончился. От последнего дерева до низких кустов у Пчелиного Ущелья шло открытое место, где трудно было бы укрыться даже волку. Маугли бежал под деревьями, меряя глазом расстояние от ветки до ветки, иногда забираясь вверх по стволу и для пробы перепрыгивая с одного дерева на другое, пока не добежал до открытого места, на осмотр которого у него ушёл целый час. Потом он вернулся на след Ванталы, в том же месте, где бросил его, залез на дерево с выступающей далеко вперёд веткой футах в восьми над землёй, повесил пучок чеснока на развилину и уселся смирно, точа нож о босую подошву.

Незадолго до полудня, когда солнце стало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял противный запах собачьей стаи, упорно и безжалостно преследовавшей Ванталу. Если смотреть сверху, Дикая Собака из Декана кажется вдвое меньше волка, но Маугли знал, какие сильные у неё лапы и челюсти. Разглядывая острую рыжую морду вожака, обнюхивавшего след, он крикнул ему:

— Доброй охоты!

Вожак поднял голову, а его спутники столпились позади, десятки и сотни рыжих тварей с поджатыми хвостами, широкой грудью и тощим задом. Дикие псы обыкновенно очень молчаливы и неприветливы даже в своём родном Декане.

Под деревом собралось не меньше двух сотен собак, но Маугли видел, что вожаки жадно обнюхивают след и стараются увлечь всю стаю вперёд. Это не годилось, потому что они прибежали бы к берлогам среди дня, а Маугли был намерен продержать их под своим деревом до сумерек.

— С чьего позволения вы явились сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и тот, кто это сказал, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел вниз, в совершенстве подражая резкой трескотне Чикаи, крысы-прыгуна из степей Декана, давая собакам понять, что считает их

не лучше крыс. Стая сгрудилась вокруг дерева, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул вниз голую ногу и пошевелил гладкими пальцами как раз над головой вожака. Этого было довольно, и даже больше чем довольно, чтобы разбудить тупую ярость собак. Те, у кого растут волосы между пальцами, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли отдернул ногу, когда вожак подпрыгнул кверху, и сказал ласково:

— Пёс, рыжий пёс! Убирайся обратно к себе в Декан есть ящериц. Ступай к своему брату Чикаи, пёс, пёс, рыжий пёс! У тебя шерсть между пальцами! — И он ещё раз пошевелил ногой.

— Сойди вниз, пока мы не заморили тебя голодом, безволосая обезьяна! — завывла стая, а этого как раз и добивался Маугли.

Он лёг, вытянувшись вдоль сука и прижавшись щекой к коре, высвободил правую руку и минут пять выкладывал собакам всё, что он про них знает и думает: про них самих, про их нравы и обычаи, про их подруг и щенят.

Нет на свете языка более ядовитого и колкого, чем тот, каким говорит Народ Джунглей, желая оскорбить и выказать презрение. Подумав немного, вы и сами поймёте, отчего это так. Маугли и сам говорил Каа, что у него набралось много колючек под языком, и мало-помалу медленно, но верно он довёл молчаливых псов до того, что они заворчали, потом залаяли, потом завывли хриплым, захлёбывающимся воём. Они пробовали отвечать на его насмешки, но это было всё равно, как если бы волчонок отвечал разъярённому Каа. Всё это время Маугли держал правую руку согнутой в локте, готовясь к действию, а его ноги крепко сжимали сук. Крупный тёмно-рыжий вожак много раз подскакивал в воздух, но Маугли медлил, боясь промахнуться. Наконец, от ярости превзойдя самого себя, вожак подскочил футов на семь, на восемь кверху от земли. Тогда рука Маугли взметнулась, как голова древесной змеи, схватила рыжего пса за шиворот, и сук затрясся и погнулся под его тяжестью так, что Маугли чуть не свалился на землю. Но он не разжал руки и мало-помалу втащил рыжего пса, повисшего, как дохлый шакал, к себе на сук. Левой рукой Маугли достал нож и, отрубив рыжий косматый хвост, швырнул вожака обратно на землю.

Только этого и хотел Маугли. Теперь собаки не побегут по следу Ванталы, пока не прикончат Маугли или пока Маугли не прикончит их. Он видел, как собаки уселись в кружок, подрагивая ляжками, что означало намерение мстить до смерти, и поэтому забрался на развилину повыше, прислонился поудобнее спиной к дереву и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал собак. Все они были тут, молчаливые, свирепые, беспощадные, с лютыми глазами. Солнце уже садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить с дневными трудами, а, как вам известно, Дикие Собаки плохо дерутся в сумерках.

— Мне не нужны такие верные сторожа, — сказал Маугли, становясь на суку, — но я этого не забуду. Вы настоящие псы, только, на мой взгляд, слишком уж похожи друг на друга. Вот потому я и не отдам пожирателю ящериц его хвоста. Разве ты не доволен, рыжий пёс?

— Я сам вырву тебе кишки! — прохрипел вожак, кусая дерево у корней.

— Нет, ты подумай, мудрая крыса Декана: теперь народится много куцых рыжих щенят с красным обрубок вместо хвоста. Ступай домой, рыжий пёс, и кричи везде, что это сделала обезьяна. Не хочешь? Тогда пойдём со мной, и я научу тебя уму-разуму!

Он перепрыгнул по-обезьяньи на соседнее дерево, и потом опять на соседнее, и опять, и опять, а стая следовала за ним, подняв алчные морды. Время от времени он притворялся, будто падает, и псы натянулись один на другого, спеша прикончить его. Это было странное зрелище — мальчик с ножом, сверкающим в лучах заката, которые проникали сквозь верхние ветви, а внизу — молчаливая стая рыжих псов, словно охваченная огнём. Перебравшись на последнее дерево, Маугли взял чеснок и хорошенько натёрся им с головы до пят, а собаки презрительно завопили:

— Обезьяна с волчьим языком, уж не думаешь ли ты замести свой след? Всё равно мы будем гнать тебя до смерти!

— Возьми свой хвост, — сказал Маугли, бросая обрубок в направлении, обратном тому, по которому собирался бежать.

Стая отшатнулась, почуяв запах крови.

— А теперь следуйте за мной — до смерти!

Он соскользнул с дерева и вихрем помчался к Пчелиным Утёсам, прежде чем собаки поняли, что он собирается делать.

Они глухо завывли и пустились бежать неуклюжей, размашистой рысью, которая может в конце концов доконать кого угодно. Маугли знал, что стая псов бежит гораздо медленнее волчьей стаи, иначе он никогда не отважился бы на двухмильный пробег на глазах у собак. Они были уверены, что мальчик наконец достанется им, а он был уверен, что может играть ими, как хочет. Вся задача состояла в том, чтобы держать стаю достаточно близко позади себя и не дать ей свернуть в сторону раньше времени. Он бежал ловко, ровно и упруго, а за ним, меньше чем в пяти шагах,— куцый вожак. Вся же стая растянулась больше чем на четверть мили, потеряв рассудок и ослепнув от жажды крови. Маугли проверял расстояние на слух, сберегая силы напоследок, чтобы промчаться по Пчелиным Утёсам.

Маленький Народ уснул с началом сумерек, потому что ночные цветы уже не цвели, но как только первые шаги Маугли раздались по гулкому грунту, он услышал такой шум, словно под ним загудела вся земля. Тогда он побежал, как никогда в жизни не бегал, по дороге, столкнув ногой одну, две, три кучки камней в тёмные, сладко пахнущие ущелья, услышал гул, похожий на гул моря под сводом пещеры, увидел уголком глаза, что воздух позади него почернел, увидел течение Вайнганги далеко внизу и плоскую треугольную голову в воде, прыгнул вперёд изо всех сил и упал в спасительную воду, задыхаясь и торжествуя. Ни одного пчелиного укуса не было на его теле, потому что чеснок отпугнул Маленький Народ на те несколько секунд, когда Маугли проносился по утесам.

Когда Маугли вынырнул, его поддерживал Каа, а с уступа скалы падали в реку, как гири, большие глыбы сцепившихся пчёл, и лишь только глыба касалась воды, пчёлы взлетали кверху, а труп собаки, кружась, уплывал вниз по течению. Над утёсами то и дело слышался короткий яростный лай, тонувший в гуле, подобном грому, в гудении крыльев Маленького Народа Скал. Другие собаки свалились в овраги, сообщавшиеся с подземными пещерами, и там задыхались, бились, щёлкали зубами среди рухнувших сот и, наконец, полумёртвые, облепленные роями подняв-

шихся пчёл, выбегали из какого-нибудь хода к реке, чтобы скатиться вниз, на чёрные груды мусора. Некоторые упали на деревья, растущие на утёсах, и пчёлы облепили их сплошь; но большинство, обезумев от пчелиных укусов, бросались в воду, а Вайнганга, как сказал Каа, была жадная река.

Каа крепко держал Маугли, пока мальчик не отдышался.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал Каа. — Маленький Народ развоевался не на шутку. Поплывём!

Держась глубоко в воде и ныряя как можно чаще, Маугли поплыл вниз по течению с ножом в руке.

Почти половина стаи увидела западню, в которую попали их собратья, и, круто свернув в сторону, бросилась в воду там, где теснина, становясь шире, переходила в крутые берега. Их яростный лай и угрозы «лесной обезьяне», которая довела их до такого позора, смешивались с воем и рычанием собак, казнимых Маленьким Народом. Остаться на берегу грозило смертью, и все собаки понимали это. Стаю уносило по течению всё дальше и дальше, к Заводи Мира, но даже и туда сердитый Маленький Народ летел за собаками и загонял их в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим не отступать и уничтожить всех сионийских волков.

— Кто-то убивает в темноте позади нас! — пролаял один из псов. — Вода здесь помутнела!

Маугли нырнул, бросившись вперёд, как выдра, утянул барахтавшегося пса под воду прежде, чем тот успел разинуть пасть, и темные, маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира, когда тело собаки выплыло из воды, перевернувшись на бок. Псы хотели было повернуть назад, но течение сносило их вниз, Маленький Народ жалил в головы и уши, а клич Сионийской Стаи звучал всё громче и громче в надвигающейся тьме. Маугли снова нырнул, и снова один из псов ушёл под воду и выплыл мёртвым, и снова шум поднялся в тылу стаи — одни вопили, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вожак вёл их обратно в Декан, остальные кричали, чтобы Маугли показался им и дал себя убить.

— Когда они выходят драться, то становятся вдвое злее и голосистее, — сказал Каа. — Остальное сделают

твои братья там, внизу. Маленький Народ полетел на ночлег, и я тоже ухожу. Я не помогаю волкам.

По берегу пробежал волк на трёх ногах, то приплясывая, то припадая боком к земле, то выгибая спину и подпрыгивая фута на два кверху, словно играл со своими волчатами. Это был вожак Вантала. Он ни разу не промолвил ни слова, но продолжал свою страшную пляску на глазах у псов.

Собаки долго пробыли в воде и плыли с трудом: их шкуры намокли и отяжелели, косматые хвосты разбухли, как губки, а сами они так устали и ослабели, что молча смотрели на два горящих глаза, которые провожали их неотступно.

— Плохая это охота,—сказал наконец один из псов.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, смело выскакивая из воды рядом с ним и всаживая длинный нож ему под лопатку, но так, чтобы издыхающий пёс не огрызнулся.

— Это ты, человек-волк? — спросил Вантала с берега.

— Спроси у мёртвых, Чужак,—отвечал Маугли.—Разве они не плывут вниз по реке? Я досыта накормил этих псов грязью, я обманул их среди бела дня, а их вожак остался без хвоста, но всё же и на твою долю ещё хватит. Куда их гнать?

— Я подожду,—сказал Вантала.—Вся долгая ночь передо мной, там посмотрим.

Всё ближе и ближе раздавался лай сионийских волков:

— За Стаю, за всю Стаю мы принимаем бой!

И наконец излучина Вайнганги вынесла рыжих собак на пески и отмели против Сионийских Пещер.

Тут они поняли свою ошибку. Им надо было выбраться из воды раньше и напасть на волков на берегу. Теперь было слишком поздно. По всей отмели светились горящие глаза и, кроме страшного пхиаля, не утихавшего с самого заката, в джунглях не слышно было ни звука. Со стороны казалось, будто Вантала упрощивает собак выйти на берег. И вожак псов крикнул им:

— Повернитесь и нападайте!

Вся стая бросилась к берегу, расплёскивая и разбрызгивая мелкую воду, так что поверхность Вайнганги вскипела пеной и крупные волны пошли по

реке, словно разведённые пароходом. Маугли врезался в свалку, колот и кромсал собак, которые, сбившись в кучу, волной хлынули на прибрежный песок.

И началась долгая битва.

Волки бились на мокром красном песке, между спутанными корнями деревьев, в кустах, в гуще травы, ибо даже и теперь псов было двое на одного волка. Но противники-волки бились не на живот, а на смерть, и бились не одни только широкогрудые, клыкастые охотники, но и волчицы с дикими глазами бились за своих волчат, а кое-где рядом с ними и годовалый волчонок, ещё не перелинявший и весь лохматый, тоже хватал зубами и теребил врага. Надо вам сказать, что волк обычно хватается за горло или вцепляется в бок, а псы больше кусают за ноги, поэтому, пока собаки барахтались в воде и должны были высоко держать голову, перевес был на стороне волков; на суше волкам приходилось туго, но и в воде и на суше нож Маугли поднимался и разил одинаково.

Четвёрка пробилась к Маугли на помощь. Серый Брат, припав к коленям мальчика, защищал его живот, остальные трое охраняли его спину и бока или стояли над ним, когда обозлённый, воющий пёс, бросаясь прямо на нож, скачком сбивал Маугли с ног. А дальше всё смешалось, сбилось в кучу, метавшуюся справа налево и слева направо по берегу. Один раз Маугли мельком видел Акелу: на него с двух сторон напали псы, а сам он вцепился беззубыми челюстями в ляжку третьего.

Ночь проходила, и быстрый, головокружительный бег на месте всё ускорялся. Собаки притомились и уже боялись нападать на волков посильнее, хотя ещё не смели спасаться бегством; но Маугли чувствовал, что близится конец, и довольствовался тем, что выводил собак из строя. Годовалые волки теперь нападали смелей, можно было вздохнуть свободнее, и уже один блеск ножа иногда обращал собаку в бегство.

— Мясо обглодано почти до кости! — прохрипел Серый Брат.

— Но кость ещё надо разгрызть, — отвечал ему Маугли. — Вот как делается у нас в джунглях! — Красное лезвие ножа скользнуло, как пламя, по боку пса, задние ляжки которого исчезли под тяжестью навалившегося на него волка.

— Моя добыча! — огрызнулся волк, сморщив нос. — Оставь её мне!

— Неужели тебе всё ещё мало, Чужак? — сказал Маугли.

Вантала был страшно истерзан, но держал собаку словно в тисках, и она не могла пошевеливаться.

— Клянусь буйволом, выкупившим меня, — зло-
радно смеясь, крикнул Маугли, — это Куцый!

И в самом деле, это был большой тёмно-рыжий вожак.

Один из псов подскочил на помощь вожаку, но, прежде чем его зубы вонзились в бок Ванталы, нож Маугли уже торчал в его груди, а Серый Брат закончил остальное.

— Вот как делается у нас в джунглях! — сказал Маугли.

Вантала не ответил ни слова, только его челюсти сжимались всё крепче и крепче, по мере того как жизнь уходила от него. Собака вздрогнула, уронила голову и замерла, и Вантала замер над ней.

— Тише! Долг Крови уплачен! — сказал Маугли. — Спой свою песню, Вантала!

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат. — И Акела тоже молчит, уже давно.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаоны. — Они бегут! Убивайте, убивайте их, Охотники Свободного Народа!

Псы один за другим разбегались, крадучись, с потемневших от крови отмелей к реке, в густые джунгли, вверх по течению или вниз по течению — туда, где дорога была свободна.

— Долг! Долг! — крикнул Маугли. Платите Долг! Они убили Акелу! Пусть ни один из них не уйдёт живым!

Он помчался к берегу с ножом в руке, чтобы не дать уйти ни одному псу, который отважился бы броситься в реку. Но тут из-под горы мёртвых тел показались голова и передние лапы Акелы, и Маугли опустил перед ним на колени.

— Разве я не говорил, что это будет моя последняя битва? — прошептал Акела. — Славная была охота! А как ты, Маленький Брат?

— Я жив, Акела...

— Да будет так. Я умираю, и я хотел бы... хотел бы умереть ближе к тебе, Маленький Брат.

Маугли положил страшную, всю в ранах голову Акелы себе на колени и обхватил руками его истерзанную шею.

— Давно прошли времена, когда жив был Шер-Хан, а человеческий детёныш катался голый в пыли,— кашляя, сказал Акела.

— Нет, нет, я волк! Я одной крови со Свободным Народом! — воскликнул Маугли. — Не по своей воле я стал человеком!

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, возвращённый мною. Ты человек, иначе Стая бежала бы от Диких Собак. Тебе я обязан жизнью, а сегодня ты спас всю Стаю, как я когда-то спас тебя. Разве ты не помнишь? Теперь уплачены все долги. Уходи к своему народу. Говорю тебе ещё раз, зеница моего ока, охота кончена. Уходи к своему народу.

— Я не уйду. Я стану охотиться один в джунглях. Я уже говорил.

— За летом приходят дожди, а за дождями — весна. Уходи, пока тебя не заставят уйти. Уходи к своему народу. Уходи к человеку. Больше мне нечего тебе сказать. Теперь я буду говорить со своими. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Ведь я тоже Вождь Свободного Народа.

Очень осторожно и ласково Маугли поднял Акелу на ноги, обхватив его обеими руками, но волк испустил глубокий вздох и начал Песню Смерти, которую надлежит петь каждому вожаку, умирая. Песня становилась всё громче и громче, звучала всё сильнее и сильнее, прогремела далеко за рекой, а когда умолкло последнее «Доброй охоты!», Акела высвободился на мгновение из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал мёртвым на свою последнюю, страшную добычу.

Маугли сидел, опустив голову на колени, забыв обо всём, а тем временем последнего из раненых псов настигли и прикончили беспощадные волчицы. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромая, вернулись считать мёртвых. Пятнадцать волков из Стаи, а с ними шесть волчиц лежали мёртвыми у реки, и из всех остальных ни один не остался невредимым. Маугли просидел всю ночь, до холодного рассвета. Влажная от крови морда Пхао легла ему на руку, и Маугли отодвинулся, чтобы тот мог видеть распростёртое тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, словно Акела был ещё жив, а потом, обернувшись, кинул через искусанное плечо остальным: — Войте, собаки! Сегодня умер Волк!

Зато из всей стаи рыжих собак, из двухсот охотников Декана, которые хвастались тем, что ничто живое в джунглях не смеет им противиться, ни один не вернулся в Декан с этой вестью.

ВЕСЕННИЙ БЕГ

На второй год после большой битвы с Дикими Собаками и смерти Акелы Маугли было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его на бок, ухватив за рога. Мог даже сбить с ног большого дикого кабана из тех, что живут в болотах на севере. Народ Джунглей, раньше боявшийся Маугли из-за его ума, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли спокойно шёл по своим делам, шёпот о его приходе расчищал перед ним лесные тропинки. И всё же его взгляд оставался всегда мягким. Даже когда он дрался, его глаза не вспыхивали огнём, как у чёрной пантеры Багиры. Его взгляд становился только более внимательным и оживлённым, и это было непонятно даже самой Багире.

Однажды она спросила об этом Маугли, и тот ответил ей, засмеявшись:

— Когда я промахнусь на охоте, то бываю зол. Когда поголодаю дня два, то бываю очень зол. Разве по моим глазам это не заметно?

— Рот у тебя голодный, — сказала ему Багира, — а по глазам этого не видно. Охотишься ты, ешь или плаваешь — они всегда одни и те же, как камень в дождь и в ясную погоду.

Маугли лениво взглянул на пантеру из-под длинных ресниц, и она, как всегда, опустила голову. Багира знала, кто её хозяин.

Они лежали на склоне горы высоко над рекой Вайнгангой, и утренние туманы расстилались под ними зелёными и белыми полосами. Когда взошло солнце, эти полосы тумана превратились в волнующееся красно-золотое море, потом поднялись кверху, и низкие, косые лучи легли на сухую траву, где отдыхали Маугли с Багирой. Холодное время подходило к концу, листва на деревьях завяла и потускнела, и от ветра в ней поднимался сухой, однообразный шорох. Один маленький листок бешено бился о ветку, захваченный ветром. Это разбудило Багиру. Она вдохнула утренний воздух с протяжным, глухим кашлем, опрокинулась на спину и передними лапами ударила бьющийся листок.

— Год пришёл к повороту,— сказала она.— Джунгли двинулись вперёд. Близится Время Новых Речей. И листок это знает. Это очень хорошо!

— Трава ещё суха,— отвечал Маугли, выдёргивая с корнем пучок травы.— Даже Весенний Глазок (маленький красный цветок, похожий на восковой колокольчик),— даже Весенний Глазок ещё не раскрылся... Багира, пристало ли чёрной пантере валяться на спине и бить лапами по воздуху, словно лесной кошкё?

— Аюу!— отозвалась Багира. Видно было, что она думает о чем-то другом.

— Послушай, ну пристало ли чёрной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве? Не забывай, что мы с тобой хозяева джунглей.

— Да, это правда, я слышу, детёныш.— Багира торопливо перевернулась и стряхнула пыль со своих взъерошенных чёрных боков (она как раз линяла после зимы).— Разумеется, мы с тобой хозяева джунглей! Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

Её голос был странно протяжен, и Маугли обернулся посмотреть, не смеётся ли над ним чёрная пантера, ибо в джунглях много слов, звук которых расходится со смыслом.

— Я сказала, что мы с тобой, конечно, хозяева джунглей,— повторила Багира.— Разве я ошиблась? Я не знала, что детёныш больше не ходит по земле. Значит, он летает?

Маугли сидел, опершись локтями на колени, и смотрел на долину, освещённую солнцем. Где-то в лесу под горой птица пробовала хриплым, неверным голосом первые ноты своей весенней песни. Это была

только тень полнозвучной, переливчатой песни, которая разольётся по джунглям после. Но Багира услышала её.

— Это Ферао, красный дятел,— сказала Багира.— Он помнит. Мне тоже надо припомнить мою песню.— И она начала мурлыкать и напевать про себя, время от времени умолкая и прислушиваясь.

В джунглях Индии времена года переходят одно в другое почти незаметно. Их как будто всего два: сухое и дождливое, но если приглядеться к потокам дождя и облакам сора и пыли, то окажется, что все четыре времени года сменяют друг друга в установленном порядке. Всего удивительнее в джунглях весна, потому что ей не приходится покрывать голое, чистое поле новой травой и цветами, ей надо пробиться сквозь перезимовавшую, ещё зелёную листву, которую пощадил мягкая зима, чтобы утомлённая, полуодетая земля снова почувствовала себя юной и свежей. Нет на свете другой такой весны, как в джунглях.

Наступает день, когда всё в джунглях блёкнет и самые запахи, которыми налит тяжёлый воздух, словно стареют и выдыхаются. Этого не объяснишь, но это чувствуется. Потом наступает другой день, когда все запахи новы и пленительны и зимняя шерсть сходит у зверей длинными свалывшимися клочьями. После этого выпадает иной раз небольшой дождик, и все деревья, кусты, бамбук, мох и сочные листья растений, проснувшись, пускаются в рост с шумом, который можно слышать. А за этим шумом и ночью и днём струится негромкий гул. Это шум весны, трепетное гудение — не жужжанье пчёл, и не журчанье воды, и не ветер в вершинах деревьев, но голос пригретого солнцем, счастливого мира.

Прежде Маугли всегда радовался смене времён года. Это он всегда замечал первый Весенний Глазок глубоко в гуще травы и первую гряду весенних облаков, которую в джунглях ни с чем не спутаешь. Его голос можно было слышать по ночам, при свете звёзд, в сырых низинах, густо усеянных цветами; там он подпевал хору больших лягушек или передразнивал маленьких сов-перевертней, что ухают всю весеннюю ночь напролёт. Как и весь его народ, из четырёх времён года он выбирал весну для своих скита-

ний — просто ради удовольствия бегать, рассекая тёплый воздух, от сумерек до утренней звезды и возвращаться, хохоча и задыхаясь, в венке из свежих цветов. Четвёрка волчат не кружила вместе с ним по джунглям — она уходила петь песни с другими волками.

У обитателей джунглей бывает много хлопот весной, и Маугли слышал, как они мычат, вопят или свищут, смотря по тому, что полагается их породе. Их голоса звучат тогда не так, как в другие времена года, и это одна из причин, почему весна зовётся Временем Новых Речей.

Наступило первое утро весны, и павлин Мор, сверкая бронзой, синевою и золотом, возвестил новые запахи. Другие птицы подхватили его клич, и с утёсов над Байнгангой Маугли услышал хриплый визг Багиры, похожий и на клёкот орла и на конское ржание.

Вверху, среди налитых соком ветвей, кричали и возились обезьяны.

Маугли озирался вокруг, но видел только, как насмешливые обезьяны дразнятся и прыгают среди деревьев и как павлин Мор пляшет внизу, на склоне горы, раскинув свой радужный хвост.

— В джунглях пахнет по-новому! — крикнул павлин Мор. — Доброй охоты, Маленький Брат! Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, доброй охоты! — просвистел коршун Чиль, слетая вниз вместе со своей подругой.

Оба они проскользнули под самым носом у Маугли, так что пучок белых пушистых перьев слегка задел его.

Лёгкий весенний дождик — его называют Слоновым Дождиком — прошёл по джунглям полосой в полмили, оставив позади себя намокшие и качающиеся молодые листья, и закончился двойной радугой и лёгким раскатом грома. Весенний шум прервался на минуту и примолк, зато весь Народ Джунглей, казалось, гомонил разом.

Маугли кликнул клич Стаи, но ни один из четверых волков не отозвался. Они были далеко и не слышали его, распевая весенние песни вместе с другими волками.

«Да, — сказал Маугли сам себе, хотя в душе и сознавал, что не прав, — вот если Дикие Собаки придут из Декана или Красный Цветок запляшет в бамбуках,

тогда все джунгли, хныча, бегут к Маугли и называют его большими, как слон, именами. А теперь, оттого что покраснел Весенний Глазок, все джунгли взбесились, как шакал Табаки...»

Маугли поохотился рано в этот вечер и ел немного, чтобы не отяжелеть перед весенним бегом. Это была настоящая белая ночь, как её называют. Все растения с утра, казалось, успели вырасти больше, чем за месяц. Из ветки, которая ещё накануне была вся в жёлтых листьях, закапал сок, когда Маугли сломал её. Мох густо и тепло курчавился под его ногами, острые края молодой травы не резали рук.

Маугли громко запел от восторга, начиная свой бег. Это было больше всего похоже на полёт, потому что Маугли выбрал длинный склон, спускавшийся к северным болотам через густую чащу, где упругая почва заглушала звук его шагов. Человек, воспитанный человеком, не раз споткнулся бы, выбирая дорогу при обманчивом лунном свете, а ноги Маугли, приученные долгими годами жизни в лесу, несли его легко, как пёрышко. Когда гнилой ствол или скрытый камень подвёртывался ему под ноги, он не замедлял шага и перескакивал через них без напряжения, без усилия. Если ему надоедало бежать по земле, он по-обезьяньи хватался руками за прочную лиану и скорее взлетал, чем взбирался, на верхние тонкие ветви и путешествовал по древесным дорогам, пока у него не менялось настроение. Тогда он снова спускался вниз, к земле, по длинной, обросшей листьями дуге лиан.

Ему встречались ещё полные зноя ложбины, окружённые влажными скалами, где трудно было дышать от тяжёлого аромата ночных цветов; лианы, сплошь покрытые цветами; тёмные просеки, где лунный свет лежал полосами, правильными, как клетки мраморного пола; чащи, где молодая поросль была ему по грудь и словно руками обнимала его за талию; и вершины холмов, увенчанные распавшимися на куски утёсами, где он перепрыгивал с камня на камень над норами перепуганных лисиц. До него доносилось слабое, отдалённое «чух-чух» кабана, точившего клыки о ствол, а немного погодя он встречал и самого зверя, в полном одиночестве с пеной на морде и горящими глазами рвавшего и раздиравшего рыжую кору дерева. А не то он сворачивал в сторону, заслышав стук рогов, ворчание и шипение, и пролетал

мимо двух разъярённых буйволов. Они раскачивались взад и вперёд, нагнув головы, все в полосах крови, которая кажется чёрной при лунном свете. Или где-нибудь у речного брода он слышал рёв Джакалы, крокодила, который мычит, как бык. А иногда ему случалось потревожить клубок ядовитых змей, но, прежде чем они успевали броситься на Маугли, он уже убегал прочь по блестящей речной гальке и снова углублялся в лес.

Так он бежал в эту ночь, то распевая, то выкрикивая и чувствуя себя счастливее всех в джунглях, пока запах цветов не сказал ему, что близко болота,— а они лежали гораздо дальше самых дальних лесов, где он обычно охотился.

И здесь тоже человек, воспитанный человеком, через три шага ушёл бы с головой в трясину, но у Маугли словно были глаза на ногах, и эти ноги несли его с кочки на кочку и с островка на трясинный островок, не прося помощи у глаз. Он держал путь к середине болота, спугивая на бегу диких уток, и там уселся на поросший мхом ствол, наклонно торчавший из чёрной воды.

Всё болото вокруг Маугли бодрствовало, потому что весенней порой птичий народ спит очень чутко и стайки птиц реют над болотом всю ночь напролёт. Но никто не замечал Маугли, который сидел среди высоких тростников, напевая песню без слов, и, разглядывая жёсткие подошвы смуглых ног, искал старую занозу.

Дикая буйволица в тростниках привстала на колени и фыркнула:

— Человек!

— У-у!—сказал дикий буйвол Меса (Маугли было слышно, как он ворочается в грязи).—Это не человек. Это только безволосый волк из Сионийской Стаи. В такие ночи он всегда бегаёт взад и вперёд.

— У-у!—отвечала буйволица, вновь нагибая голову к траве.—А я думала, что это человек.

— Говорю тебе, что нет. О Маугли, разве тут опасно?—промычал Меса.

— «О Маугли, разве тут опасно»!—передразнил его мальчик.—Только об одном и думает Меса: не опасно ли тут! Кроме Маугли, который бегаёт взад и вперёд по лесу и стережёт вас, никто ни о чём не думает!

Маугли не устоял перед искушением подкрасться из-за тростников к буйволу и кольнуть его остриём ножа. Большой, весь облитый грязью буйвол выскочил из лужи с треском разорвавшегося снаряда, а Маугли расхохотался так, что ему пришлось сесть.

— Рассказывай теперь, как безволосый волк из Сионийской Стаи пас тебя, Меса!—крикнул он.

— Волк? Ты?—фыркнул буйвол, мяся ногами грязь.—Все джунгли знают, что ты пас домашнюю скотину. Ты такой же мальчишка, какие кричат в пыли вон там, на засеянных полях. Ты—волк из джунглей! Разве охотник станет ползать, как змея, среди пиявок и ради скверной шутки, достойной шакала, позорить меня перед моей подругой? Выходи на твёрдую землю, и я... я...—Буйвол говорил с пеной у рта, потому что во всех джунглях нет зверя вспыльчивее.

Маугли, не меняя выражения глаз, смотрел, как пытит и фыркает буйвол. Когда стало можно что-нибудь расслышать сквозь шум летевших во все стороны брызг, он спросил:

— Какая человечья стая живёт здесь у болота, Меса? Этих джунглей я не знаю.

— Ступай на север!—проревел сердито буйвол, потому что Маугли кольнул его довольно сильно.—Так шутят коровьи пастухи! Ступай расскажи про это в деревне у болота.

— Человечья стая не любит слушать про джунгли, да я и сам думаю, что лишняя царапина на твоей шкуре—не такая важность, чтобы про неё рассказывать. А всё же я пойду посмотрю на эту деревню. Да, пойду! Успокойся! Не каждую ночь Хозяин Джунглей приходит пасти тебя.

Он перешагнул на тряскую почву на краю болота, хорошо зная, что буйвол не бросится туда за ним, и побежал дальше, смеясь над его яростью.

— Вон там звезда сидит над самой землёй,—сказал он и пристально взгляделся в неё, сложив руки трубкой.—Клянусь буйволом, который выкупил меня, это Красный Цветок, тот самый Красный Цветок, возле которого я лежал ещё до того, как попал в Сионийскую Стаю! А теперь я всё видел и надо кончать мой бег.

Болото переходило в широкую луговину, где мерцал огонёк. Уже очень давно Маугли перестал интере-

соваться людскими делами, но в эту ночь мерцание Красного Цветка влекло его к себе, словно новая добыча.

— Посмотрю,— сказал он себе,— очень ли переменилась человечья стая.

Позабыв о том, что он не у себя в джунглях, где может делать всё, что вздумается, Маугли беззаботно ступал по отягчённым росой травам, пока не дошёл до той хижины, где горел огонёк. Три-четыре собаки подняли лай—Маугли был уже на окраине деревни.

— Хо!—сказал Маугли, бесшумно садясь и посылая им в ответ волчье глухое ворчание, сразу усмирившее собак.—Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог человечьей стаи?

Он потёр губы, вспоминая о том камне, который рассек их много лет назад, когда другая человечья стая изгнала его.

Дверь хижины открылась, и на пороге появилась женщина, вглядывающаяся в темноту. Заплакал ребёнок, и женщина сказала, обернувшись к нему:

— Спи! Это просто шакал разбудил собак. Скоро настанет утро.

Маугли, сидя в траве, задрожал, словно в лихорадке. Он хорошо помнил этот голос, но, чтобы знать наверное, крикнул негромко, удивляясь, как легко человеческий язык вернулся к нему:

— Мессуа! О, Мессуа!

— Кто меня зовёт?—спросила женщина дрожащим голосом.

— Разве ты забыла?—сказал Маугли; в горле у него пересохло при этих словах.

— Если это ты, скажи, какое имя я дала тебе? Скажи!—Она прикрыла дверь наполовину и схватилась рукой за грудь.

— Натху! О, Натху!—ответил Маугли, ибо, как вы помните, этим именем назвала его Мессуа, когда он впервые пришёл в человечью стаю.

— Поди сюда, сынок!—позвала она.

И Маугли, выйдя на свет, взглянул в лицо Мессуе, той женщины, которая была добра к нему и которую он спас когда-то от человечьей стаи.

Она постарела, и волосы у неё поседели, но глаза и голос остались те же. Как все женщины, Мессуа думала, что найдёт Маугли таким же, каким оставила,

и удивлённо подняла глаза от груди Маугли к его голове, касавшейся притолоки.

— Мой сын...— пролепетала она, падая к его ногам.— Но это уже не мой сын, это лесное божество! Ах!

Он стоял в красном свете масляной лампы, высокий, сильный, красивый, с ножом на шее, с чёрными длинными волосами, разметававшимися по плечам, в венке из белого жасмина, и его легко было принять за сказочное божество лесов. Ребёнок, дремавший на койке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшины и горшки, на ларь с зерном и на всю людскую утварь, так хорошо ему памятную.

— Что ты будешь есть или пить?— прошептала Мессуа.— Это всё твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но тот ли ты, кого я называла Натху, или ты и вправду лесной бог?

— Я Натху,— сказал Маугли,— и я зашёл очень далеко от дома. Я увидел этот свет и пришёл сюда. Я не знал, что ты здесь.

— Когда мы пришли в Канхивару,— робко сказала Мессуа,— мой муж поступил на службу к англичанам, и мы получили здесь немного земли. Она не такая хорошая, как в старой деревне, но нам не много надо— нам вдвоём.

— Где же он, тот человек, что так испугался в ту ночь?

— Вот уже год, как он умер.

— А этот?— Маугли указал на ребёнка.

— Это мой сын, что родился две зимы назад. Если ты бог, подари ему Милость Джунглей, чтобы он оставался невредимым среди твоего... твоего народа, как мы остались невредимы в ту ночь.

Она подняла ребёнка, и тот, забыв о своём страхе, потянулся к ножу, висевшему на груди Маугли. Маугли бережно отвёл в сторону маленькие руки.

— А если ты Натху, которого унёс тигр,— с запинкой продолжала Мессуа,— тогда он твой младший брат. Я разведу огонь, и ты напьёшься горячего молока. Сними жасминовый венок, он пахнет слишком сильно для такой маленькой комнаты.

Маугли пил тёплое молоко долгими глотками, а Мессуа время от времени поглаживала его по плечу, не будучи вполне уверена, её ли это сын Натху или

какое-нибудь чудесное божество джунглей, но радуясь уже тому, что он жив.

— Сынок,— сказала наконец Мессуа, и её глаза блеснули гордостью,— кто-нибудь уже говорил тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что?— отозвался Маугли, ибо, разумеется, никогда не слышал ничего подобного.

Мессуа ласково и радостно засмеялась. Ей довольно было взглянуть на его лицо.

— Значит, я первая? Так и следует, хотя редко бывает, чтобы сын услышал от матери такую приятную весть. Ты очень красив. Я в жизни не видывала такой красоты.

Маугли вертел головой, стараясь оглядеть себя через плечо, а Мессуа снова рассмеялась и смеялась так долго, что Маугли, сам не зная почему, начал смеяться вместе с ней, а ребёнок перебежал от одного к другому, тоже смеясь.

— Нет, не насмехайся над братом,— сказала Мессуа, поймав ребёнка и прижимая его к груди.— Если ты вырастешь хоть вполтину таким же красивым, мы женим тебя на младшей дочери князя, и ты будешь кататься на больших слонах.

Маугли понимал едва одно слово из трёх в её разговоре. Тёплое молоко усыпило его после сорока-мильного пробега, он лёг на бок, свернулся и через минуту уснул глубоким сном, а Мессуа откинула волосы с его глаз, накрыла его одеялом и была счастлива.

По обычаю джунглей, он проспал конец этой ночи и весь следующий день, потому что чутьё, никогда не засыпавшее вполне, говорило ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, сделав скачок, от которого затряслась хижина: прикрытый одеялом, он видел во сне ловушки. Остановившись, он вдруг схватился за нож, готовый биться с кем угодно, а сон ещё глядел из его расширенных глаз.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним ужин. У неё были только жёсткие лепёшки, испечённые на дымном огне, рис и горсточка квашеных тамариндов — ровно столько, чтобы продержаться до вечера, когда Маугли добудет что-нибудь на охоте.

Запах росы с болот пробудил в нём голод и тревогу. Ему хотелось кончить весенний бег, но ребёнок ни за что не сходил с его рук, а Мессуа непременно желала

расчесать его длинные иссиня-чёрные волосы. Она расчёсывала их и пела простенькие детские песенки, то называя Маугли сыном, то прося его уделить ребёнку хоть ничтожную долю его власти над джунглями.

Дверь хижины была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук и увидел, как рот Мессуи раскрылся от страха, когда большая серая лапа показалась из-под двери, а за дверью Серый Брат завыл приглушенно и жалобно.

— Уходи и жди! Вы не захотели прийти, когда я вас звал,—сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не... не приводи с собой твоих... твоих слуг,—сказала Мессуа.—Я... мы всегда жили в мире с джунглями.

— И сейчас мир,—сказал Маугли, вставая.—Вспомни ту ночь на дороге в Канхивару. Тогда были десятки таких, как он, и позади и впереди тебя. Однако я вижу, что и весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Мать. Я ухожу!

Мессуа смиренно отступила в сторону—он и впрямь казался ей лесным божеством,—но едва его рука коснулась двери, как материнское чувство заставило её забросить руки на шею Маугли и обнимать его, обнимать без конца.

— Приходи! —прошептала она.—Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя! И смотри, он тоже горюет.

Ребёнок плакал, потому что человек с блестящим ножом уходил от него.

— Приходи опять,—повторила Мессуа.—И ночью и днём эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжалось, словно его давило изнутри, и голос его прозвучал напряжённо, когда он ответил:

— Я непременно приду опять... А теперь,—продолжал он уже за дверью, отстраняя голову ластящегося к нему волка,—я тобой недоволен, Серый Брат. Почему вы не пришли все четверо, когда я позвал вас, уже давно?

— Давно? Это было только вчера ночью. Я... мы... пели в джунглях новые песни. Разве ты не помнишь?

— Верно, верно!

— И как только песни были спеты,—горячо продолжал Серый Брат,—я тут же побежал по твоему

следу. Я бросил остальных и побежал к тебе со всех ног. Но что же ты наделал, о Маленький Брат! Зачем ты ел и спал с человечесьей стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого не случилось бы,—сказал Маугли, прибавляя шагу.

— А что же будет теперь?—спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но на тропинке показалась девушка в белой одежде. Серый Брат сразу пропал в кустах, а Маугли бесшумно отступил в высокий тростник и исчез как дух. Девушка вскрикнула — ей показалось, что она увидела привидение, а потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул руками длинные стебли и следил за ней, пока она не скрылась из вида.

— А теперь я не знаю,—сказал Маугли, вздохнув.—Почему вы не пришли, когда я вас звал?..

— Мы всегда с тобой... всегда с тобой,—проворчал Серый Брат, лизнув пятку Маугли.

— А пойдёте вы со мной к человечесьей стае?—прошептал Маугли.

— Разве я не пошёл за тобой в ту ночь, когда наша Стая прогнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты уснул в поле?

— Да, но ещё раз?

— Разве я не пошёл за тобой сегодня ночью?

— Да, но ещё и ещё раз, Серый Брат, и, может быть, ещё?

Серый Брат молчал. Потом он проворчал, словно про себя:

— Та, чёрная, сказала правду.

— А что она сказала?

— Человек уходит к человеку в конце концов. И наша мать говорила то же.

— То же говорил и Акела в Ночь Диких Собак,—пробормотал Маугли.

— То же говорил и Каа, который умнее нас всех.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

Серый Брат некоторое время бежал рысью, не отвечая, потом сказал с расстановкой от прыжка к прыжку:

— Детёныш — Хозяин Джунглей — мой сводный брат! Твой путь — это мой путь, твоё жильё — моё жильё, твоя добыча — моя добыча и твой смертный бой — мой смертный бой. Я говорю за нас троих. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты об этом подумал. Нечего долго ждать, когда видишь добычу. Ступай вперёд и созови всех на Скалу Совета, а я расскажу им, что у меня на уме.

Во всякое другое время на зов Маугли собрались бы, оцетинив загривки, все джунгли, но теперь им было не до того — они пели новые песни.

И когда Маугли с тяжёлым сердцем взобрался по хорошо знакомым скалам на то место, где его когда-то приняли в Стаю, он застал там только свою четвёрку волков, Балугу, почти совсем ослепшего от старости, и тяжеловесного, хладнокровного Каа, свернувшегося кольцом вокруг опустевшего места Акелы.

— Значит, твой путь кончается здесь? — сказал Каа, когда Маугли бросился на землю. — Ещё когда мы встретились в Холодных Берлогах, я это знал. Человек в конце концов уходит к человеку, хотя джунгли его и не гонят.

Четверо волков поглядели друг на друга, потом на Маугли — удивлённо, но покорно.

— Так джунгли не гонят меня? — с трудом вымолвил Маугли.

Серый Брат и остальные трое волков яростно заворчали и начали было: «Пока мы живы, никто не посмеет...», но Балуга остановил их.

— Я учил тебя Закону. Слово принадлежит мне, — сказал он, — и хотя я теперь не вижу скал перед собою, зато вижу дальше. Лягушонок, ступай своей собственной дорогой, живи там, где живёт твоя кровь, твоя Стая и твой Народ. Но когда тебе понадобится коготь, или зуб, или глаз, или слово, быстро переданное ночью, то помни, Хозяин Джунглей, что джунгли — твои, стоит только позвать.

— И средние джунгли тоже твои, — сказал Каа. — Я не говорю о Маленьком Народe.

— О братья мои! — воскликнул Маугли, с рыданием простирая к ним руки. — Я не хочу уходить, но меня словно тянет за обе ноги. Как я уйду от этих ночей?

— Нет, смотри сам, Маленький Брат, — повторил Балуга. — Ничего постыдного нет в этой охоте. Когда мёд съеден, мы оставляем пустой улей.

— Сбросив кожу, уже не влезешь в неё снова. Таков Закон, — сказал Каа.

— Послушай, моё сокровище, — сказал Балуга. — Никто здесь не будет удерживать тебя — ни сло-

вом, ни делом. Смотри сам! Кто станет спорить с Хозяином Джунглей? Я видел, как ты играл вон там белыми камешками, когда был маленьким Лягушонком. И Багира, которая отдала за тебя молодого, только что убитого буйвола, видела тебя тоже. После того смотря остались только мы одни, ибо твоя приёмная мать умерла, умер и твой приёмный отец. Старой Волчьей Стаи давно уже нет. Ты сам знаешь, чем кончил Шер-Хан, Акелу же убили Дикие Собаки; они погубили бы и всю Сионийскую Стаю, если бы не твои мудрость и сила. Остались только старики. И уже не детёныш просит позволения у Стаи, но Хозяин Джунглей избирает новый путь. Кто станет спорить с человеком и его обычаями?

— А как же Багира и буйвол, который выкупил меня?— сказал Маугли.— Мне не хотелось бы...

Его слова были прерваны рёвом и треском в чаще под горой, и появилась Багира, лёгкая, сильная и грозная, как всегда.

— Вот почему,— сказала пантера, вытягивая вперёд окровавленную правую лапу,— вот почему я не приходила. Охота была долгая, но теперь он лежит убитый в кустах — буйвол по второму году,— тот буйвол, который освободит тебя, Маленький Брат. Все долги уплачены теперь сполна. Что же касается остального, то я скажу то же, что и Балу.— Она лизнула ногу Маугли.— Не забывай, что Багира любила тебя!— крикнула она и скачками понеслась прочь.

У подножия холма она снова крикнула громко и протяжно:

— Доброй охоты на новом пути, Хозяин Джунглей! Не забывай, что Багира любила тебя!

— Ты слышал?— сказал Балу.— Больше ничего не будет. Ступай теперь, но сначала подойди ко мне. О мудрый Маленький Лягушонок, подойди ко мне!

— Нелегко сбрасывать кожу,— сказал Каа.

А Маугли в это время рыдал и рыдал, уткнувшись головой в бок слепого медведя и обняв его за шею, а Балу всё пытался лизнуть его ноги.

— Звёзды редеют,— сказал Серый Брат, нюхая предрассветный ветерок.— Где мы заляжем сегодня? Отныне мы пойдём по новому пути.

И это — последний из рассказов о Маугли.

АСТРИД ЛИНДГРЕН

**МАЛЫШ
И КАРЛСОН**

СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО

А.ЛУНГИНОЙ

ХУДОЖНИКИ

Ю.БУТЫРИН

А.САВЧЕНКО

КАРАСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свántесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трёх самых обыкновенных ребят — Боссе, Бétан и Мальшша.

— Я вовсе не самый обыкновенный мальшш, — говорит Мальшш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, немывтые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Мальшш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у неё косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всём доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живёт на крыше. Да, он живёт на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да ещё в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живёт именно там.

Карлсон — это маленький толстенький самоуверенный человечек, и к тому же он умеет летать. На самолётах и вертолётах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живётся в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звёзды. С крыши, разумеется, звёзды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живёт на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нём не вспоминал.

Мальш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались

необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Мальшом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да ещё в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: «Привет, Карлсон!», когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных дней, когда быть Мальшом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Мальшом чудесно. Ведь Мальш — любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день всё шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал штаны, Бетан крикнула ему: «Вытри нос!», а папа рассердился, потому что Мальш поздно пришёл из школы.

— По улицам слоняешься! — сказал папа.

«По улицам слоняешься!» Но ведь папа не знал, что по дороге домой Мальшу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который обнюхал Мальша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком.

Если бы это зависело от Мальша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тётка и закричала: «Рики! Рики! Сюда!» — и тогда Мальшу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

— Похоже, что так всю жизнь и проживёшь без собаки, — с горечью сказал Мальш, когда всё обернулось против него. — Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Мальш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с ещё большей горечью произнёс Мальш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете.

Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звёздами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Мальш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он

думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Мальш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: «Рики, ты чудесный пёс!»

Мальш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось всё громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. Это и был Карлсон, который живёт на крыше. Но ведь в то время Мальш ещё не знал его.

Карлсон окинул Мальша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрав высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронёсся мимо Мальша, как настоящий маленький самолёт. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Мальш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человечек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

— Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста, — поспешно ответил Мальш и добавил: — А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки, — важно произнёс Карлсон, — потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, подражать мне.

Мальш подумал, что на «мешок с сеном» обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Мальш. Хотя по-настоящему меня зовут Свάνте Свантесон.

— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и всё. Привет, Мальш!

— Привет, Карлсон! — сказал Мальш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь, — ответил Мальш.

— Отлично. Продолжим разговор, — сказал Карлсон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенные ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет?—спросил Мальш, решив, что Карлсон ведёт себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет?—переспросил Карлсон.— Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Мальш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только ещё не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— В любом!—ответил Карлсон с довольной улыбкой.— В любом, во всяком случае, когда речь идёт обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошёл к книжной полке Мальша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим её,—предложил Карлсон.

— Без папы нельзя,—сказал Мальш.— Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живёт на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам—это Карлсон, который живёт на крыше. Так и передай своему папе!—сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажёт фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали весёлые голубые язычки пламени. Мальш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие!—сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Мальш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка!— озабоченно произнёс Мальш.— Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке— это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустился на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

— Сейчас она начнёт работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут...— пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам её изобрёл.

— Я должен проверить предохранительный клапан,— вдруг произнёс Карлсон и принялся крутить какую-то маленькую ручку.— Если не проверить предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут...— пыхтела машина всё быстрее и быстрее.— Футфутфут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Мальш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил её предохранительный клапан.

— Ну, Мальш,— сказал Карлсон,— вот это действительно «фут-фут-фут»! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки её разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась!— в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус.— Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Вот здорово!

Но Мальш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слёз.

— Моя паровая машина...— всхлипывал он.— Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское!— И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пужлой рукой.— Я тебе дам ещё лучшую машину,— успокаивал он Мальша.

— Ты?— удивился Мальш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху, в моём домике на крыше.

— У тебя есть домик на крыше?— переспросил Мальш.— И несколько тысяч паровых машин?

— Ну да. Уж сотни две наверняка.

— Как бы мне хотелось побывать в твоём домике!— воскликнул Мальш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нём живёт Карлсон...

— Подумать только, дом, набитый паровыми машинами!— воскликнул Мальш.— Две сотни машин!

— Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось,— уточнил Карлсон,— но уж никак не меньше нескольких дюжин.

— И ты мне дашь одну машину?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас!

— Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну, и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях.

Мальш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

— Представляю, как рассердится папа,— озабоченно пробормотал он.

Карлсон удивлённо поднял брови:

— Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

— Это очень хорошо, что ты попал ко мне,— сказал Мальш.— Хотя, конечно, паровая машина... Ты ещё когда-нибудь залетишь сюда?

— Спокойствие, только спокойствие!— сказал Карлсон и нажал кнопку на своём животе.

Мотор загудел, но Карлсон всё стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я всё-таки загляну в мастерскую.

Мальш тоже подумал, что так будет разумнее.

Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенькая фигурка чётко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звёздами небе.

— Привет, Мальш!— крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

КАРЛСОН СТРОИТ БАШНЮ

— Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живёт там, наверху, на крыше,— сказал Мальш.— Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

— Не упрямясь, Мальш,— сказала мама.— Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, но всё равно Карлсон—лучший в мире специалист по паровым машинам,— ответил Мальш и серьёзно посмотрел на свою маму.

Ну как она не понимает, что невозможно сказать «нет», когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

— Надо отвечать за свои поступки,— строго сказал папа,— а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

— Нет,— сказал Мальш,— существует!

— Да ещё и летать умеет!— насмешливо подхватил Боссе.

— Представь себе, умеет,— отрезал Мальш.— Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

— Хорошо бы он залетел завтра,— сказала Бетан.— Я дам тебе крону, Мальш, если увижу своими глазами Карлсона, который живёт на крыше.

— Нет, завтра ты его не увидишь—завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

— Ну, хватит рассказывать сказки,— сказала мама.— Ты лучше погляди, на что похожа твоя книжная полка.

— Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское!—И Мальш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Мальша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

— Вот, значит, как говорит Карлсон?— строго сказала она.— Тогда передай ему, что, если он ещё раз сунет сюда свой нос, я его так отшлёпаю— век будет помнить.

Мальш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама собирается отшлёпать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хорошего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когда буквально всё шло шиворот-навыворот.

И вдруг Мальш почувствовал, что он очень соскучился по Карлсону— бодрому, весёлому человечку, который так потешно махал своей маленькой рукой, приговаривая: «Неприятности— это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего». «Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?»— с тревогой подумал Мальш.

— Спокойствие, только спокойствие!— сказал себе Мальш, подражая Карлсону.— Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денёк-другой он прилетит, наверняка прилетит.

...Мальш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то весёлую песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

— Красивые картины,— сказал он наконец.— Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Мальш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

— А у тебя там на крыше много картин?— спросил он.

— Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик

петухов,—сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Мальшом.

— Что ты говоришь!—удивился Мальш.— А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется увидеть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

— Конечно, можно,—ответил Карлсон,—само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем... как-нибудь в другой раз.

— Поскорей бы!—воскликнул Мальш.

— Спокойствие, только спокойствие!—сказал Карлсон.— Я должен сначала прибраться у себя в доме. Но на это не уйдёт много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

— Наверно, ты,—робко сказал Мальш.

— «Наверно»!—возмутился Карлсон.— Ты ещё говоришь «наверно»! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живёт на крыше,—лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Мальш не сомневался, что Карлсон во всём «лучший в мире». И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм. В этом Мальш убедился на собственном опыте... Правда, Кристер, и Гунилла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живёт на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Ёффой, и Мальш ему давно завидует.

«Если он завтра опять будет хвастаться Ёффой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Ёффа по сравнению с Карлсоном, который живёт на крыше! Так я ему и скажу».

И всё же ничего на свете Мальш так страстно не желал иметь, как собаку...

Карлсон прервал размышления Мальша.

— Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься,—сказал он и с любопытством огляделся вокруг.— Тебе не купили новой паровой машины?

Мальш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: «Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует». А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

— Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой?—спросил Мальш.

— Конечно! С восторгом!— ответил Карлсон.— Им будет очень приятно меня увидеть—ведь я такой красивый и умный...—Карлсон с довольным видом прошёлся по комнате.— И в меру упитанный,—добавил он.— Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Во-первых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постарается втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и всё поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

«Будьте добры,—скажет Малыш,—пойдёмте ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живёт на крыше».

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принохиваться, словно ищейка.

— Мясные тефтели,—сказал он.— Обожаю сочные вкусные тефтели!

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: «Если хочешь, останься и пообедай с нами». Но Малыш не решился произнести такую фразу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предварительного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гунилли—это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: «Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилли горохового супа и блинов». Но привести к обеду совершенно незнакомого маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожёл книжную полку,—нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные вкусные мясные тефтели,—значит, надо во чтобы то ни стало угостить его тефтелями, а то он ещё обидится на Мальшша и больше не захочет с ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих вкусных мясных тефтелей!

— Подожди минутку,—сказал Мальшш.— Я сбегаю на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

— Неси скорей!—крикнул он вслед Мальшшу.— Одними картинками сыт не будешь!

Мальшш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на другую сторону.

— А, это ты, Мальшш?—сказала мама.— Скоро будем обедать.

— Мамочка,—произнёс Мальшш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен,— мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелек на блюдо, и я отнесу их в свою комнату.

— Сейчас, сынок, мы сядем за стол,—ответила мама.

— Я знаю, но всё равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чём дело.

— Ну ладно, ладно,—сказала мама и положила на маленькую тарелочку шесть тефтелей.— На, возьми.

О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные — словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тефтели!

Мальшш взял тарелку обеими руками и осторожно понёс её в свою комнату.

— Вот и я, Карлсон!—крикнул Мальшш, отворяя дверь.

Но Карлсон исчез. Мальшш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Мальшша сразу же испортилось настроение.

— Он ушёл,—сказал вслух Мальшш.— Он ушёл! Но вдруг...

— Пип!—донёсся до Мальшша какой-то странный писк.

Мальшш повернул голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комок и пищал:

— Пип! Пип!

А затем из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

— Хи-хи! Ты сказал: «он ушёл», «он ушёл»... Хи-хи! А «он» вовсе не ушёл — «он» только спрятался!.. — пропищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Мальшша тарелочку и мигом нажал кнопку на животе. Мотор загудел, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

— Восхитительные тефтельки! — воскликнул Карлсон. — На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, — добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял ещё одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

— Мальшш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

— Мне надо идти, — сказал Мальшш Карлсону и поставил тарелочку на пол. — Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождёшься.

— Хорошо, дождусь, — сказал Карлсон. — Но что мне здесь делать без тебя? — Карлсон спланировал на пол и приземлился возле Мальшша. — Пока тебя не будет, я хочу заняться чем-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

— Нет, — ответил Мальшш. — Машин нет, но есть кубики.

— Покажи, — сказал Карлсон.

Мальшш достал из шкафа, где лежали игрушки, ящик со строительным набором. Это был и в самом деле великолепный строительный материал — разноцветные детали различной формы. Их можно было соединять друг с другом и строить всевозможные вещи.

— Вот, играй, — сказал Мальшш. — Из этого набора можно сделать и автомобиль, и подъёмный кран, и всё, что хочешь...

— Неужели лучший в мире строитель не знает,—прервал Мальшша Карлсон,—что можно построить из этого строительного материала!

Карлсон сунул себе в рот ещё одну тефтельку и кинулся к ящику с кубиками.

— Сейчас ты увидишь,—проговорил он и вывалил все кубики на пол.—Сейчас ты увидишь...

Но Мальшшу надо было идти обедать. Как охотно он остался бы здесь понаблюдать за работой лучшего в мире строителя! С порога он ещё раз оглянулся на Карлсона и увидел, что тот уже сидит на полу возле горы кубиков и радостно напевает себе под нос:

Ура, ура, ура!
Прекрасная игра!
Красив я и умён,
И ловок, и силён!
Люблю играть, люблю... жевать.

Последние слова он пропел, проглотив четвертую тефтельку.

Когда Мальшш вошёл в столовую, мама, папа, Боссе и Бетан уже сидели за столом. Мальшш шмыгнул на своё место и повязал вокруг шеи салфетку.

— Обещай мне одну вещь, мама. И ты, папа, тоже,—сказал он.

— Что же мы должны тебе обещать?—спросила мама.

— Нет, ты раньше обещай!

Папа был против того, чтобы обещать вслепую.

— А вдруг ты опять попросишь собаку?—сказал папа.

— Нет, не собаку,—ответил Мальшш.—А кстати, собаку ты мне тоже можешь обещать, если хочешь!.. Нет, это совсем другое и нисколько не опасное. Обещайте, что вы обещаете!

— Ну ладно, ладно,—сказала мама.

— Значит, вы обещали,—радостно подхватил Мальшш,—ничего не говорить насчёт паровой машины Карлсону, который живёт на крыше...

— Интересно,—сказала Бетан,—как они могут что-нибудь сказать или не сказать Карлсону о паровой машине, раз они никогда с ним не встретятся?

— Нет, встретятся,—спокойно ответил Мальшш,—потому что Карлсон сидит в моей комнате.

— Ой, я сейчас подавлюсь!—воскликнул Боссе.— Карлсон сидит в твоей комнате?

— Да, представь себе, сидит!— И Мальш с торжествующим видом поглядел по сторонам.

Только бы они поскорее пообедали, и тогда они увидят...

— Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном,— сказала мама.

— Карлсон тоже так думает!— ответил Мальш.

Наконец доели компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

— Пойдёмте все,— предложил Мальш.

— Тебе не придётся нас упрашивать,— сказала Бетан.— Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона.

Мальш шёл впереди.

— Только исполните, что обещали,— сказал он, подойдя к двери своей комнаты.— Ни слова о паровой машине!

Затем он нажал дверную ручку и открыл дверь.

Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Мальша не шевелился маленький комок.

Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъёмные краны и любые другие вещи, на этот раз он просто ставил один кубик на другой, так что в конце концов получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПАЛАТКУ

Да, это была для Мальша очень тяжёлая минута. Маме, конечно, не понравилось, что её тефтелями украшают башни из кубиков, и она не сомневалась, что это была работа Мальша.

— Карлсон, который живёт на крыше...— начал было Мальш, но папа строго прервал его:

— Вот что, Мальш: мы больше не хотим слушать твои выдумки про Карлсона!

Боссе и Бетан рассмеялись.

— Ну и хитрец же этот Карлсон!—сказала Бетан.— Он скрывается как раз в ту минуту, когда мы приходим.

Огорчённый Мальш съел холодную тефтельку и собрал свои кубики. Говорить о Карлсоне сейчас явно не стоило.

Но как нехорошо поступил с ним Карлсон, как нехорошо!

— А теперь мы пойдём пить кофе и забудем про Карлсона,—сказал папа и в утешение потрепал Мальша по щеке.

Кофе пили всегда в столовой у камина. Так было и сегодня вечером, хотя на дворе стояла тёплая, ясная весенняя погода и липы на улице уже оделись маленькими клейкими зелёными листочками. Мальш не любил кофе, но зато очень любил сидеть вот так с мамой, и папой, и Боссе, и Бетан перед огнём, горящим в камине...

— Мама, отвернись на минутку,—попросил Мальш, когда мама поставила на маленький столик перед камином поднос с кофейником.

— Зачем?

— Ты же не можешь видеть, как я грызу сахар, а я сейчас возьму кусок,—сказал Мальш.

Мальшу надо было чем-то утешиться. Он был очень огорчён, что Карлсон удрал. Ведь действительно нехорошо так поступать — вдруг исчезнуть, ничего не оставив, кроме башни из кубиков, да ещё с мясной тефтелькой наверху!

Мальш сидел на своём любимом месте у камина — так близко к огню, как только возможно.

Вот эти минуты, когда вся семья после обеда пила кофе, были, пожалуй, самыми приятными за весь день. Тут можно было спокойно поговорить с папой и с мамой, и они терпеливо выслушивали Мальша, что не всегда случалось в другое время. Забавно было следить за тем, как Боссе и Бетан подтрунивали друг над другом и болтали о «зубрёжке». «Зубрёжкой», должно быть, назывался другой, более сложный способ приготовления уроков, чем тот, которому учили Мальша в начальной школе. Мальшу тоже очень хотелось рассказать о своих школьных делах, но никто, кроме мамы и папы, этим не интересовался. Боссе и Бетан только смеялись над его рассказами, и Мальш замол-

кал — он боялся говорить то, над чем так обидно смеются. Впрочем, Боссе и Бетан старались не дразнить Мальшша, потому что он им отвечал тем же. А дразнить Мальшша умел прекрасно, — да и как может быть иначе, когда у тебя такой брат, как Боссе, и такая сестра, как Бетан!

— Ну, Мальшш, — спросила мама, — ты уже выучил уроки?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы были Мальшшу по душе, но раз уж мама так спокойно отнеслась к тому, что он съел кусок сахара, то и Мальшш решил мужественно выдержать этот неприятный разговор.

— Конечно, выучил, — хмуро ответил он.

Всё это время Мальшш думал только о Карлсоне. И как это люди не понимают, что пока он не узнает, куда исчез Карлсон, ему не до уроков!

— А что вам задали? — спросил папа.

Мальшш окончательно рассердился. Видно, этим разговорам сегодня конца не будет. Ведь не затем же они так уютно сидят сейчас у огня, чтобы только и делать, что говорить об уроках!

— Нам задали алфавит, — торопливо ответил он, — целый длиннющий алфавит. И я его знаю: сперва идёт «А», а потом все остальные буквы.

Он взял ещё кусок сахара и снова принялся думать о Карлсоне. Пусть себе болтают о чём хотят, а он будет думать только о Карлсоне.

От этих мыслей его оторвала Бетан:

— Ты что, не слышишь, Мальшш? Хочешь заработать двадцать пять эре?¹

Мальшш не сразу понял, что она ему говорит. Конечно, он был не прочь заработать двадцать пять эре. Но всё зависело от того, что для этого надо сделать.

— Двадцать пять эре — это слишком мало, — твёрдо сказал он. — Сейчас ведь такая дороговизна... Как ты думаешь, сколько стоит, например, пятидесятиэровый стаканчик мороженого?

— Я думаю, пятьдесят эре, — хитро улыбнулась Бетан.

— Вот именно, — сказал Мальшш. — И ты сама прекрасно понимаешь, что двадцать пять эре — это очень мало.

¹ Эре — мелкая монета в Швеции.

— Да ты ведь даже не знаешь, о чём идёт речь,— сказала Бетан.— Тебе ничего не придётся делать. Тебе нужно будет только кое-чего не делать.

— А что я должен буду не делать?

— Ты должен будешь в течение всего вечера не переступать порога столовой.

— Понимаешь, придёт Пелле, новое увлечение Бетан,— сказал Боссе.

Мальши кивнул. Ну ясно, ловко они всё рассчитали: мама с папой пойдут в кино, Боссе — на футбольный матч, а Бетан со своим Пелле проворкуют весь вечер в столовой. И лишь он, Мальши, будет изгнан в свою комнату, да ещё за такое ничтожное вознаграждение, как двадцать пять эре... Вот как к нему относятся в семье!

— А какие уши у твоего нового увлечения? Он что, такой же лопаухий, как и тот, прежний?

Это было сказано специально для того, чтобы позлить Бетан.

— Вот, слышишь, мама?— сказала она.— Теперь ты сама понимаешь, почему мне нужно убрать отсюда Мальшиа. Кто бы ко мне ни пришёл — он всех отпугивает!

— Он больше не будет так делать,— неуверенно сказала мама; она не любила, когда её дети ссорились.

— Нет, будет, наверняка будет!— стояла на своём Бетан.— Ты что, не помнишь, как он выгнал Клааса? Он уставился на него и сказал: «Нет, Бетан, такие уши одобрить невозможно». Ясно, что после этого Клаас и носа сюда не кажет.

— Спокойствие, только спокойствие!— проговорил Мальши тем же тоном, что и Карлсон.— Я останусь в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Если вы не хотите меня видеть, то и ваших денег мне не нужно.

— Хорошо,— сказала Бетан.— Тогда поклянись, что я не увижу тебя здесь в течение всего вечера.

— Клянусь!— сказал Мальши.— И поверь, что мне вовсе не нужны все твои Пелле. Я сам готов заплатить двадцать пять эре, только бы их не видеть.

И вот мама с папой отправились в кино, а Боссе умчался на стадион. Мальши сидел в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Когда он приоткрывал

дверь, до него доносилось невнятное бормотание из столовой — там Бетан болтала со своим Пелле. Мальш постарался уловить, о чём они говорят, но это ему не удалось. Тогда он подошёл к окну и стал вглядываться в сумерки. Потом посмотрел вниз, на улицу, не играют ли там Кристер и Гунилла. У подъезда возились мальчишки, кроме них, на улице никого не было. Пока они дрались, Мальш с интересом следил за ними, но, к сожалению, драка быстро кончилась, и ему опять стало очень скучно.

И тогда он услышал божественный звук. Он услышал, как жужжит моторчик, и минуту спустя Карлсон влетел в окно.

— Привет, Мальш! — беззаботно произнёс он.

— Привет, Карлсон! Откуда ты взялся?

— Что?.. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Да ведь ты исчез и как раз в тот момент, когда я собирался тебя познакомить с моими мамой и папой. Почему ты удрал?

Карлсон явно рассердился.

Он подбоченился и воскликнул:

— Нет, в жизни не слышал ничего подобного! Может быть, я уже не имею права взглянуть, что делается у меня дома? Хозяин обязан следить за своим домом. Чем я виноват, что твои мама и папа решили познакомиться со мной как раз в тот момент, когда я должен был заняться своим домом?

Карлсон оглядел комнату.

— А где моя башня? Кто разрушил мою прекрасную башню и где моя тефтелька?

Мальш смутился.

— Я не думал, что ты вернёшься, — сказал он.

— Ах, так! — закричал Карлсон. — Лучший в мире строитель воздвигает башню, и что же происходит? Кто ставит вокруг неё ограду? Кто следит за тем, чтобы она осталась стоять во веки веков? Никто! Совсем наоборот: башню ломают, уничтожают да к тому же ещё и съедают чужую тефтельку!

Карлсон отошёл в сторону, присел на низенькую скамеечку и надулся.

— Пустяки, — сказал Мальш, — дело житейское! — И он махнул рукой точно так же, как это делал Карлсон. — Есть из-за чего расстраиваться!..

— Тебе хорошо рассуждать! — сердито пробурчал Карлсон. — Сломать легче всего. Сломать и сказать,

что это, мол, дело житейское и не из-за чего расстраиваться. А каково мне, строителю, который воздвиг башню вот этими бедными маленькими руками!

И Карлсон ткнул свои пухленькие ручки прямо в нос Мальшцу. Потом он снова сел на скамеечку и надулся пуще прежнего.

— Я просто вне себя,— проворчал он,— ну просто выхожу из себя!

Мальшш совершенно растерялся. Он стоял, не зная, что предпринять.

Молчание длилось долго.

В конце концов Карлсон сказал грустным голосом:

— Если я получу какой-нибудь небольшой подарок, то, быть может, опять повеселею. Правда, ручаться я не могу, но, возможно, всё же повеселею, если мне что-нибудь подарят...

Мальшш подбежал к столу и начал рыться в ящике, где у него хранились самые драгоценные вещи: коллекция марок, разноцветные морские камешки, цветные мелки и оловянные солдатики.

Там же лежал и маленький электрический фонарик. Мальшш им очень дорожил.

— Может быть, тебе подарить вот это?— сказал он.

Карлсон метнул быстрый взгляд на фонарик и оживился:

— Вот-вот, что-то в этом роде мне и нужно, чтобы у меня исправилось настроение. Конечно, моя башня была куда лучше, но, если ты мне дашь этот фонарик, я постараюсь хоть немножко повеселеть.

— Он твой,— сказал Мальшш.

— А он зажигается?— с сомнением спросил Карлсон, нажимая кнопку.— Ура! Горит!— вскричал он, и глаза его тоже загорелись.— Подумай только, когда тёмными осенними вечерами мне придётся идти к своему маленькому домику, я зажгу этот фонарик. Теперь я уже не буду блуждать в потёмках среди труб,— сказал Карлсон и погладил фонарик.

Эти слова доставили Мальшцу большую радость, и он мечтал только об одном—хоть раз погулять с Карлсоном по крышам и поглядеть, как этот фонарик будет освещать им путь в темноте.

— Ну, Мальшш, вот я и снова весел! Зови своих маму и папу, и мы познакомимся.

— Они ушли в кино,— сказал Мальшш.

— Пошли в кино, вместо того чтобы встретиться со мной?— изумился Карлсон.

— Да, все ушли. Дома только Бетан и её новое увлечение. Они сидят в столовой, но мне туда нельзя заходить.

— Что я слышу!— воскликнул Карлсон.— Ты не можешь пойти куда хочешь? Ну, этого мы не потерпим. Вперёд!..

— Но ведь я поклялся...— начал было Мальш.

— А я поклялся,— перебил его Карлсон,— что если замечу какую-нибудь несправедливость, то в тот же миг, как ястреб, кинусь на неё...

Он подошёл и похлопал Мальша по плечу:

— Что же ты обещал?

— Я обещал, что меня весь вечер не увидят в столовой.

— Тебя никто и не увидит,— сказал Карлсон.— А ведь тебе небось хочется посмотреть на новое увлечение Бетан?

— По правде говоря, очень!— с жаром ответил Мальш.— Прежде она дружила с мальчиком, у которого уши были оттопырены. Мне ужасно хочется поглядеть, какие уши у этого.

— Да и я бы охотно поглядел на его уши,— сказал Карлсон.— Подожди минутку! Я сейчас придумаю какую-нибудь штуку. Лучший в мире мастер на всевозможные проказы—это Карлсон, который живёт на крыше.— Карлсон внимательно огляделся по сторонам.— Вот то, что нам нужно!— воскликнул он, указав головой на одеяло.— Именно одеяло нам и нужно. Я не сомневался, что придумаю какую-нибудь штуку...

— Что же ты придумал?— спросил Мальш.

— Ты поклялся, что тебя весь вечер не увидят в столовой? Так? Но, если ты накроешься одеялом, тебя ведь никто и не увидит.

— Да... но...— попытался возразить Мальш.

— Никаких «но»!— резко оборвал его Карлсон.— Если ты будешь накрыт одеялом, увидят одеяло, а не тебя. Я тоже буду накрыт одеялом, поэтому и меня не увидят. Конечно, для Бетан нет худшего наказания. Но поделом ей, раз она такая глупая... Бедная, бедная малютка Бетан, так она меня и не увидит!

Карлсон стащил с кровати одеяло и накинул его себе на голову.

— Иди сюда, иди скорее ко мне,— позвал он Малыша.— Войди в мою палатку.

Малыш юркнул под одеяло к Карлсону, и они оба радостно захихикали.

— Ведь Бетан ничего не говорила о том, что она не хочет видеть в столовой палатку. Все люди радуются, когда видят палатку. Да ещё такую, в которой горит огонёк!— И Карлсон зажёл фонарик.

Малыш не был уверен, что Бетан уж очень обрадуется, увидев палатку. Но зато стоять рядом с Карлсоном в темноте под одеялом и светить фонариком было так здорово, так интересно, что просто дух захватывало.

Малыш считал, что можно с тем же успехом играть в палатку в его комнате, оставив в покое Бетан, но Карлсон никак не соглашался.

— Я не могу мириться с несправедливостью,— сказал он.— Мы пойдём в столовую, чего бы это ни стоило!

И вот палатка начала двигаться к двери. Малыш шёл вслед за Карлсоном. Из-под одеяла показалась маленькая пухлая ручка и тихонько отворила дверь. Палатка вышла в прихожую, отделённую от столовой плотной занавесью.

— Спокойствие, только спокойствие!— прошептал Карлсон.

Палатка неслышно пересекла прихожую и остановилась у занавеси. Бормотание Бетан и Пелле слышалось теперь явственнее, но всё же слов нельзя было разобрать. Лампа в столовой не горела. Бетан и Пелле сумерничали—видимо, им было достаточно света, который проникал через окно с улицы.

— Это хорошо,— прошептал Карлсон.— Свет моего фонарика в потёмках покажется ещё ярче.

Но пока он на всякий случай погасил фонарик.

— Мы появимся, как радостный, долгожданный сюрприз...— И Карлсон хихикнул под одеялом.

Тихо-тихо палатка раздвинула занавесь и вошла в столовую. Бетан и Пелле сидели на маленьком диванчике у противоположной стены. Тихо-тихо приближалась к ним палатка.

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан,— услышал Малыш хриплый мальчишечий голос.

Какой он чудной, этот Пелле!

— Ладно,— сказала Бетан, и снова наступила тишина.

Тёмное пятно палатки бесшумно скользило по полу; медленно и неумолимо надвигалось оно на диван. До дивана оставалось всего несколько шагов, но Бетан и Пелле ничего не замечали. Они сидели молча.

— А теперь ты меня поцелуй, Бетан,— послышался робкий голос Пелле.

Ответа так и не последовало, потому что в этот момент вспыхнул яркий свет фонарика, который разогнал серые сумеречные тени и ударил Пелле в лицо. Пелле вскочил, Бетан вскрикнула. Но тут раздался взрыв хохота и топот ног, стремительно удаляющихся по направлению к прихожей.

Ослеплённые ярким светом, Бетан и Пелле не могли ничего увидеть, зато они услышали смех, дикий, восторженный смех, который доносился из-за занавеси.

— Это мой несносный маленький братишка,— объяснила Бетан.— Ну, сейчас я ему задам!

Мальш надрывался от хохота.

— Конечно, она тебя поцелует!— крикнул он.— Почему бы ей тебя не поцеловать? Бетан всех целует, это уж точно.

Потом раздался грохот, сопровождаемый новым взрывом смеха.

— Спокойствие, только спокойствие!— прошептал Карлсон, когда во время своего стремительного бегства они вдруг споткнулись и упали на пол.

Мальш старался быть как можно более спокойным, хотя смех так и клекотал в нём: Карлсон свалился прямо на него, и Мальш уже не разбирал, где его ноги, а где ноги Карлсона. Бетан могла их вот-вот настичь, поэтому они поползли на четвереньках. В панике ворвались они в комнату Мальша как раз в тот момент, когда Бетан уже норовила их схватить.

— Спокойствие, только спокойствие!— шептал под одеялом Карлсон, и его коротенькие ножки стучали по полу, словно барабанные палочки.— Лучший в мире бегун— это Карлсон, который живёт на крыше!— добавил он, едва переводя дух.

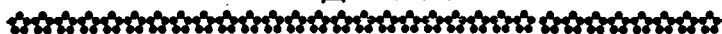
Мальши тоже умел очень быстро бегать, и, право, сейчас это было необходимо. Они спаслись, захлопнув дверь перед самым носом Бетан. Карлсон торопливо повернул ключ и весело засмеялся, в то время как Бетан изо всех сил колотила в дверь.

— Подожди, Мальши, я ещё доберусь до тебя!— сердито крикнула она.

— Во всяком случае, меня никто не видел!— ответил Мальши из-за двери, и до Бетан снова донёсся смех.

Если бы Бетан не так сердилась, она бы услышала, что смеются двое.

КАРЛСОН ДЕРЖИТ ПАРИ

Однажды Мальши вернулся из школы злой, с шишкой на лбу. Мама хлопотала на кухне. Увидев шишку, она, как и следовало ожидать, огорчилась.

— Бедный Мальши, что это у тебя на лбу?— спросила мама и обняла его.

— Кристер швырнул в меня камнем,— хмуро ответил Мальши.

— Камнем? Какой противный мальчишка!— воскликнула мама.— Что же ты сразу мне не сказал?

Мальши пожал плечами:

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями. Ты даже не сможешь попасть камнем в стену сарая.

— Ах ты глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристера?

— А чем же ещё ты хочешь в него бросить? Ничего другого тебе не найти, во всяком случае, ничего более подходящего, чем камень.

Мама вздохнула. Было ясно, что не один Кристер при случае швыряется камнями. Её любимец был ничуть не лучше. Как это получается, что маленький мальчик с такими добрыми голубыми глазами — драчун?

— Скажи, а нельзя ли вообще обойтись без драки? Мирно можно договориться о чём угодно. Знаешь, Мальши, ведь, собственно говоря, на свете нет такой вещи, о которой нельзя было бы договориться, если всё как следует обсудить.

— Нет, мама, такие вещи есть. Вот, например, вчера я как раз тоже дрался с Кристером...

— И совершенно напрасно,— сказала мама.— Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами, а не кулаками.

Мальш присел к кухонному столу и обхватил руками свою разбитую голову.

— Да? Ты так думаешь?— спросил он и неодобрительно взглянул на маму.— Кристер мне сказал: «Я могу тебя отлупить». Так он и сказал. А я ему ответил: «Нет, не можешь». Ну скажи, могли ли мы разрешить наш спор, как ты говоришь, словами?

Мама не нашла, что ответить, и ей пришлось оборвать свою умиротворяющую проповедь. Её драчун сын сидел совсем мрачный, и она поспешила поставить перед ним чашку горячего шоколада и свежие плюшки.

Всё это Мальш очень любил. Ещё на лестнице он уловил сладостный запах только что испечённой сдобы. А от маминых восхитительных плюшек с корицей жизнь делалась куда более терпимой.

Преисполненный благодарности, он откусил кусочек. Пока он жевал, мама залепила ему пластырем шишку на лбу. Затем она тихонько поцеловала больное место и спросила:

— А что вы не поделили с Кристером сегодня?

— Кристер и Гунилла говорят, что я всё сочинил про Карлсона, который живёт на крыше. Они говорят, что это выдумка.

— А разве это не так?— осторожно спросила мама.

Мальш оторвал глаза от чашки с шоколадом и гневно посмотрел на маму.

— Даже ты не веришь тому, что я говорю! — сказал он.— Я спросил у Карлсона, не выдумка ли он...

— Ну и что же он тебе ответил?— поинтересовалась мама.

— Он сказал, что, если бы он был выдумкой, это была бы самая лучшая выдумка на свете. Но дело в том, что он не выдумка.— И Мальш взял ещё одну булочку.— Карлсон считает, что, наоборот, Кристер и Гунилла—выдумка. «На редкость глупая выдумка»,— говорит он. И я тоже так думаю.

Мама ничего не ответила—она понимала, что бессмысленно разубеждать Мальша в его фантазиях.

— Я думаю,— сказала она наконец,— что тебе лучше побольше играть с Гуниллой и Кристером и поменьше думать о Карлсоне.

— Карлсон, по крайней мере, не швыряет в меня камнями,— проворчал Мальш и потрогал шишку на лбу. Вдруг он что-то вспомнил и радостно улыбнулся маме.— Да, я чуть было не забыл, что сегодня впервые увижу домик Карлсона!

Но он тут же раскаялся, что сказал это. Как глупо говорить с мамой о таких вещах!

Однако эти слова Мальша не показались маме более опасными и тревожными, чем всё остальное, что он обычно рассказывал о Карлсоне, и она беззаботно сказала:

— Ну что ж, это, вероятно, будет очень забавно.

Но вряд ли мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что именно сказал ей Мальш. Ведь подумать только, где жил Карлсон!

Мальш встал из-за стола сытый, веселый и вполне довольный жизнью. Шишка на лбу уже не болела, во рту был изумительный вкус плюшек с корицей, через кухонное окно светило солнце, и мама выглядела такой милой в своём клетчатом переднике.

Мальш подошёл к ней, чмокнул её полную руку и сказал:

— Как я люблю тебя, мамочка!

— Я очень рада,— сказала мама.

— Да... Я люблю тебя, потому что ты такая милая.

Затем Мальш пошёл к себе в комнату и стал ждать Карлсона. Они должны были сегодня вместе отправиться на крышу, и, если бы Карлсон был только выдумкой, как уверяет Кристер, вряд ли Мальш смог бы туда попасть.

«Я прилечу за тобой приблизительно часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в коем случае не раньше шести»,— сказал ему Карлсон.

Мальш так толком и не понял, когда же, собственно, Карлсон намеревается прилететь, и переспросил его.

«Уж никак не позже семи, но едва ли раньше восьми... Ожидай меня примерно к девяти, после того как пробьют часы».

Мальш ждал чуть ли не целую вечность, и в конце концов ему начало казаться, что Карлсона и в самом деле не существует. И когда Мальш уже был готов

поверить, что Карлсон — всего лишь выдумка, послышалось знакомое жужжание, и в комнату влетел Карлсон, весёлый и бодрый.

— Я тебя совсем заждался, — сказал Мальш. — В котором часу ты обещал прийти?

— Я сказал приблизительно, — ответил Карлсон. — Так оно и вышло: я пришёл приблизительно.

Он направился к аквариуму Мальша, в котором кружились пёстрые рыбки, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно! Мои рыбки! — крикнул Мальш; он испугался, что Карлсон нечаянно проглотит несколько рыбок.

— Когда у человека жар, ему надо много пить, — сказал Карлсон. — И если он даже проглотит две-три или там четыре рыбки, это пустяки, дело житейское.

— У тебя жар? — спросил Мальш.

— Ещё бы! Потрогай. — И он положил руку Мальша на свой лоб.

Но Мальшу его лоб не показался горячим.

— Какая у тебя температура? — спросил он.

— Тридцать — сорок градусов, не меньше!

Мальш недавно болел корью и хорошо знал, что значит высокая температура. Он с сомнением покачал головой:

— Нет, по-моему, ты не болен.

— Ух, какой ты гадкий! — закричал Карлсон и топнул ногой. — Что, я уж и захворать не могу, как все люди?

— Ты хочешь заболеть?! — изумился Мальш.

— Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать в постели с высокой-превысокой температурой. Ты придёшь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжёлый больной в мире. И ты меня спросишь, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно. Ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья, горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Карлсон с надеждой посмотрел на Мальша, но тот стоял совершенно растерянный, не зная, где он сможет достать всё, чего хочет Карлсон.

— Ты должен стать мне родной матерью, — продолжал Карлсон. — Ты будешь меня уговаривать выпить горькое лекарство и обещаешь мне за это пять эре. Ты

обернёшь мне горло тёплым шарфом. Я скажу, что он кусается, и только за пять эре соглашусь лежать с замотанной шеей.

Мальшу очень захотелось стать Карлсону родной матерью, а это значило, что ему придётся опустошить свою копилку. Она стояла на книжной полке, прекрасная и тяжёлая. Мальш сбегал на кухню за ножом и с его помощью начал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлсон помогал ему с необычайным усердием и ликовал по поводу каждой монеты, которая выкатывалась на стол. Попадались монеты в десять и двадцать пять эре, но Карлсона больше всего радовали пятиэровые монетки.

Мальш помчался в соседнюю лавочку и купил на все деньги леденцов, засахаренных орешков и шоколаду. Когда он отдал продавцу весь свой капитал, то вдруг вспомнил, что копил эти деньги на собаку, и тяжело вздохнул. Но он тут же подумал, что тот, кто решил стать Карлсону родной матерью, не может позволить себе роскошь иметь собаку.

Вернувшись домой с карманами, набитыми сладостями, Мальш увидел, что в столовой вся семья — и мама, и папа, и Бетан, и Боссе — пьёт послеобеденный кофе. Но у Мальша не было времени посидеть с ними. На мгновение ему в голову пришла мысль пригласить их всех к себе в комнату, чтобы познакомить наконец с Карлсоном. Однако, хорошенько подумав, он решил, что сегодня этого делать не стоит, — ведь они могут помешать ему отправиться с Карлсоном на крышу. Лучше отложить знакомство до другого раза.

Мальш взял из вазочки несколько миндальных печений в форме ракушек — ведь Карлсон сказал, что печенья ему тоже хочется, — и отправился к себе.

— Ты заставляешь меня так долго ждать! Меня, такого больного и несчастного, — с упрёком сказал Карлсон.

— Я торопился как только мог, — оправдывался Мальш, — и столько всего накупил...

— И у тебя не осталось ни одной монетки? Я ведь должен получить пять эре за то, что меня будет кусать шарф! — испуганно перебил его Карлсон.

Мальш успокоил его, сказав, что приберёт несколько монет.

Глаза Карлсона засияли, и он запрыгал на месте от удовольствия.

— О, я самый тяжёлый в мире больной! — закричал он. — Нам надо поскорее уложить меня в постель.

И тут Малыш впервые подумал: как же он попадёт на крышу, раз он не умеет летать?

— Спокойствие, только спокойствие! — бодро ответил Карлсон. — Я посажу тебя на спину, и — раз, два, три! — мы полетим ко мне. Но будь осторожен, следи, чтобы пальцы не попали в пропеллер.

— Ты думаешь, у тебя хватит сил долететь со мной до крыши?

— Там видно будет, — сказал Карлсон. — Трудно, конечно, предположить, что я, такой больной и несчастный, смогу пролететь с тобой и половину пути. Но выход из положения всегда найдётся: если почувствую, что выбиваюсь из сил, я тебя сброшу...

Малыш не считал, что сбросить его вниз — наилучший выход из положения, и вид у него стал озабоченный.

— Но, пожалуй, всё обойдётся благополучно. Лишь бы мотор не отказал.

— А вдруг откажет? Ведь тогда мы упадём! — сказал Малыш.

— Безусловно упадём, — подтвердил Карлсон. — Но это пустяки, дело житейское! — добавил он и махнул рукой.

Малыш подумал и тоже решил, что это пустяки, дело житейское.

Он написал на клочке бумаги записку маме и папе и оставил её на столе:

Я на верху у Карсона
который живёт на крыше

Конечно, лучше всего было бы успеть вернуться домой, прежде чем они найдут эту записку. Но если его случайно хватятся раньше, то пусть знают, где он находится. А то может получиться так, как уже было однажды, когда Малыш гостил за городом у бабушки и вдруг решил сесть в поезд и вернуться домой.

Тогда мама плакала и говорила ему:

«Уж если тебе, Малыш, так захотелось поехать на поезде, почему ты мне не сказал об этом?»

«Потому, что я хотел ехать один»,— ответил Малыш.

Вот и теперь то же самое. Он хочет отправиться с Карлсоном на крышу, поэтому лучше всего не просить разрешения. А если обнаружится, что его нет дома, он сможет оправдаться тем, что написал записку.

Карлсон был готов к полёту. Он нажал кнопку на животе, и мотор загудел.

— Залезай скорее мне на плечи,— крикнул Карлсон,— мы сейчас взлетим!

И правда, они вылетели из окна и набрали высоту. Сперва Карлсон сделал небольшой круг над ближайшей крышей, чтобы испытать мотор. Мотор тарахтел так ровно и надёжно, что Малыш ни капельки не боялся.

Наконец Карлсон приземлился на своей крыше.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты найти мой дом. Я тебе не скажу, за какой трубой он находится. Отыщи его сам.

Малышу никогда не случалось бывать на крыше, но он не раз видел, как какой-то мужчина, привязав себя верёвкой к трубе, счищал с крыши снег. Малыш всегда завидовал ему, а теперь он сам был таким счастливецом, хотя, конечно, не был обвязан верёвкой и внутри у него что-то сжималось, когда он переходил от одной трубы к другой. И вдруг за одной из них он действительно увидел домик. Очень симпатичный домик с зелёными ставенками и маленьким крылечком. Малышу захотелось как можно скорее войти в этот домик и своими глазами увидеть все паровые машины и все картины с изображением петухов, да и вообще всё, что там находилось.

К домику была прибита табличка, чтобы все знали, кто в нём живёт. Малыш прочёл:

**Карлсон,
который живёт на крыше**

Карлсон распахнул настежь дверь и с криком: «Добро пожаловать, дорогой Карлсон, и ты, Мальш, тоже!» — первым вбежал в дом.

— Мне нужно немедленно лечь в постель, потому что я самый тяжёлый больной в мире! — воскликнул он и бросился на красный деревянный диванчик, который стоял у стены.

Мальш вбежал вслед за ним; он готов был лопнуть от любопытства.

В домике Карлсона было очень уютно — это Мальш сразу заметил. Кроме деревянного диванчика, в комнате стоял верстак, служивший также и столом, шкаф, два стула и камин с железной решёткой и таганком. На нём Карлсон готовил пищу. Но паровых машин видно не было. Мальш долго оглядывал комнату, но не мог их нигде обнаружить и, наконец, не выдержав, спросил:

— А где же твои паровые машины?

— Гм... — промычал Карлсон, — мои паровые машины... Они все вдруг взорвались. Виноваты предохранительные клапаны. Только клапаны, ничто другое. Но это пустяки, дело житейское, и огорчаться нечего.

Мальш вновь огляделся по сторонам.

— Ну, а где твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — язвительно спросил он Карлсона.

— Нет, они не взорвались, — ответил Карлсон. — Вот, гляди. — И он указал на пришпиленный к стене возле шкафа лист картона.

На большом, совершенно чистом листе в нижнем углу был нарисован крохотный красный петушок.

— Картина называется: «Очень одинокий петух», — объяснил Карлсон.

Мальш посмотрел на этого крошечного петушка. А ведь Карлсон говорил о тысячах картин, на которых изображены всевозможные петухи, и всё это, оказывается, свелось к одной красненькой петухообразной козявке!

— Этот «Очень одинокий петух» создан лучшим в мире рисовальщиком петухов, — продолжал Карлсон, и голос его дрогнул. — Ах, до чего эта картина прекрасна и печальна!.. Но нет, я не стану сейчас плакать, потому что от слёз поднимается температура... — Карлсон откинулся на подушку и схватился за голову. — Ты собирался стать мне родной матерью, ну так действуй, — простонал он.

Мальш толком не знал, с чего ему следует начать, и неуверенно спросил:

— У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Да, но я не хочу его принимать... А пятиэровая монетка у тебя есть?

Мальш вынул монетку из кармана штанов.

— Дай сюда.

Мальш протянул ему монетку. Карлсон быстро схватил её и зажал в кулаке; вид у него был хитрый и довольный.

— Сказать тебе, какое лекарство я бы сейчас принял?

— Какое? — поинтересовался Мальш.

— «Приторный порошок» по рецепту Карлсона, который живёт на крыше. Ты возьмёшь немного шоколаду, немного конфет, добавишь такую же порцию печенья, всё это истолчёшь и хорошенько перемешаешь. Как только ты приготовишь лекарство, я приму его. Это очень помогает от жара.

— Сомневаюсь, — заметил Мальш.

— Давай поспорим. Спорю на шоколадку, что я прав.

Мальш подумал, что, может быть, именно это мама и имела в виду, когда советовала ему разрешать споры словами, а не кулаками.

— Ну, давай держать пари! — настаивал Карлсон.

— Давай, — согласился Мальш.

Он взял одну из шоколадок и положил её на верстак, чтобы было ясно, на что они спорят, а затем принялся готовить лекарство по рецепту Карлсона. Он бросил в чашку несколько леденцов, несколько сахаренных орешков, добавил кусочек шоколаду, растолок всё это и перемешал. Потом раскрошил миндальные ракушки и тоже высыпал их в чашку. Такого лекарства Мальш ещё в жизни не видел, но оно выглядело так аппетитно, что он и сам согласился бы слегка поболеть, чтобы принять это лекарство.

Карлсон уже привстал на своём диване и, как птенец, широко разинул рот. Мальшу показалось совестным взять у него хоть ложку «приторного порошка».

— Всыпь в меня большую дозу, — попросил Карлсон.

Мальш так и сделал. Потом они сели и молча принялись ждать, когда у Карлсона упадёт температура.

Спустя полминуты Карлсон сказал:

— Ты был прав, это лекарство не помогает от жара. Дай-ка мне теперь шоколадку.

— Тебе? — удивился Мальш. — Ведь я выиграл пари!

— Ну да, пари выиграл ты, значит, мне надо получить в утешение шоколадку. Нет справедливости на этом свете! А ты всего-навсего гадкий мальчишка, ты хочешь съесть шоколад только потому, что у меня не упала температура.

Мальш с неохотой протянул шоколадку Карлсону, который мигом откусил половину и, не переставая жевать, сказал:

— Нечего сидеть с кислой миной. В другой раз, когда я выиграю спор, шоколадку получишь ты.

Карлсон продолжал энергично работать челюстями и, проглотив последний кусок, откинулся на подушку и тяжело вздохнул:

— Как несчастны все больные! Как я несчастен! Ну что ж, придётся попробовать принять двойную дозу «приторного порошка», хоть я и ни капельки не верю, что он меня вылечит.

— Почему? Я уверен, что двойная доза тебе поможет. Давай поспорим! — предложил Мальш.

Честное слово, теперь и Мальшу было не грех немножко схитрить. Он, конечно, совершенно не верил, что у Карлсона упадёт температура даже и от тройной порции «приторного порошка», но ведь ему так хотелось на этот раз поспорить! Осталась ещё одна шоколадка, и он её получит, если Карлсон выиграет спор.

— Что ж, давай поспорим! Приготовь-ка мне поскорее двойную дозу «приторного порошка». Когда нужно сбить температуру, ничем не следует пренебрегать. Нам ничего не остаётся, как испробовать все средства и терпеливо ждать результата.

Мальш смешал двойную дозу порошка и всыпал его в широко раскрытый рот Карлсона.

Затем они снова уселись, замолчали и стали ждать.

Полминуты спустя Карлсон с сияющим видом соскочил с дивана.

— Свершилось чудо! — крикнул он. — У меня упала температура! Ты опять выиграл. Давай сюда шоколад.

Мальш вздохнул и отдал Карлсону последнюю плиточку. Карлсон недовольно взглянул на него:

— Упрямцы вроде тебя вообще не должны держать пари. Спорить могут только такие, как я. Проиграл ли, выиграл ли Карлсон, он всегда сияет, как начищенный пятак.

Воцарилось молчание, во время которого Карлсон дожёвывал свой шоколад. Потом он сказал:

— Но раз ты такой лакомка, такой обжора, лучше всего будет по-братски поделить остатки. У тебя ещё есть конфеты?

Мальшш пошарил в карманах.

— Вот, три штуки.— И он вытащил два засахаренных орешка и один леденец.

— Три пополам не делится,—сказал Карлсон,—это знают даже малые дети.— И, быстро схватив с ладони Мальшша леденец, проглотил его.— Вот теперь можно делить,—продолжал Карлсон и с жадностью поглядел на оставшиеся два орешка: один из них был чуточку больше другого.— Так как я очень милый и очень скромный, то разрешаю тебе взять первому. Но помни: кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше,—закончил Карлсон и строго взглянул на Мальшша.

Мальшш на секунду задумался, но тут же нашёлся:

— Уступаю тебе право взять первым.

— Хорошо, раз ты такой упрямый! — вскрикнул Карлсон и, схватив больший орешек, мигом засунул его себе в рот.

Мальшш посмотрел на маленький орешек, одиноко лежавший на его ладони.

— Послушай,—сказал он,—ведь ты же сам говорил, что тот, кто берёт первым, должен взять то, что поменьше.

— Эй ты, маленький лакомка, если бы ты выбирал первым, какой бы орешек ты взял себе?

— Можешь не сомневаться, я взял бы меньший,—твёрдо ответил Мальшш.

— Так что ж ты волнуешься? Ведь он тебе и достался!

Мальшш вновь подумал о том, что, видимо, это и есть то самое разрешение спора словами, а не кулаками, о котором говорила мама.

Но Мальшш не умел долго дуться. К тому же он был очень рад, что у Карлсона упала температура. Карлсон тоже об этом вспомнил.

— Я напишу всем врачам на свете,— сказал он,— и сообщу им, какое лекарство помогает от жара. «Принимайте «приторный порошок», приготовленный по рецепту Карлсона, который живёт на крыше». Так я и напишу: «Лучшее в мире средство против жара».

Мальш ещё не съел свой засахаренный орешек. Он лежал у него на ладони, такой заманчивый, аппетитный и восхитительный, что Мальшу захотелось сперва им немного полюбоваться. Ведь стоит только положить в рот конфетку, как её уже нет.

Карлсон тоже смотрел на засахаренный орешек Мальша. Он долго не сводил глаз с этого орешка, потом наклонил голову и сказал:

— Давай поспорим, что я смогу взять этот орешек так, что ты и не заметишь.

— Нет, ты не сможешь, если я буду держать его на ладони и всё время смотреть на него.

— Ну, давай поспорим,— повторил Карлсон.

— Нет,— сказал Мальш.— Я знаю, что выиграю, и тогда ты опять получишь конфету.

Мальш был уверен, что такой способ спора неправильный. Ведь когда он спорил с Боссе или Бетан, награду получал тот, кто выигрывал.

— Я готов спорить, но только по старому, правильному способу, чтобы конфету получил тот, кто выигрывает.

— Как хочешь, обжора. Значит, мы спорим, что я смогу взять этот орешек с твоей ладошки так, что ты и не заметишь.

— Идёт! — согласился Мальш.

— Фокус-покус-филипокус! — крикнул Карлсон и схватил засахаренный орешек.— Фокус-покус-филипокус,— повторил он и сунул орешек себе в рот.

— Стоп! — закричал Мальш.— Я видел, как ты его взял.

— Что ты говоришь! — сказал Карлсон и поспешно проглотил орешек.— Ну, значит, ты опять выиграл. Никогда не видел мальчишки, которому бы так везло в споре.

— Да... но конфета...— растерянно пробормотал Мальш.— Ведь её должен был получить тот, кто выиграл.

— Верно,— согласился Карлсон.— Но её уже нет, и я готов спорить, что мне уже не удастся её вернуть назад.

Мальшш промолчал, но подумал, что слова — никуда не годное средство для выяснения, кто прав, а кто виноват; и он решил сказать об этом маме, как только её увидит. Он сунул руку в свой пустой карман. Подумать только! — там лежал ещё один засахаренный орех, которого он раньше не заметил. Большой, липкий, прекрасный орех.

— Спорим, что у меня есть засахаренный орех! Спорим, что я его сейчас съем! — сказал Мальшш и быстро засунул орех себе в рот.

Карлсон сел. Вид у него был печальный.

— Ты обещал, что будешь мне родной матерью, а занимаешься тем, что набиваешь себе рот сладостями. Никогда ещё не видел такого прожорливого мальчишки!

Минуту он просидел молча и стал ещё печальнее.

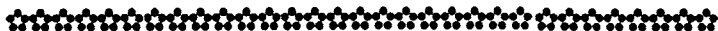
— Во-первых, я не получил пятиэровой монеты за то, что кусается шарф.

— Ну да. Но ведь тебе не завязывали горло, — сказал Мальшш.

— Я же не виноват, что у меня нет шарфа! Но если бы нашёлся шарф, мне бы наверняка завязали им горло, он бы кусался, и я получил бы пять эре... — Карлсон умоляюще посмотрел на Мальшша, и его глаза наполнились слезами. — Я должен страдать оттого, что у меня нет шарфа? Ты считаешь, это справедливо?

Нет, Мальшш не считал, что это справедливо, и он отдал свою последнюю пятиэровую монетку Карлсону, который живёт на крыше.

ПРОДЕЛКИ КАРЛСОНА

— Ну, а теперь я хочу немного поразвлечься, — сказал Карлсон минуту спустя. — Давай побегаем по крышам и там уж сообразим, чем заняться.

Мальшш с радостью согласился. Он взял Карлсона за руку, и они вместе вышли на крышу. Начинало смеркаться, и всё вокруг выглядело очень красиво: небо было таким синим, каким бывает только весной; дома, как всегда в сумерках, казались какими-то таинственными. Внизу зеленел парк, в котором часто играл Мальшш, а от высоких тополей, растущих во дворе, поднимался чудесный, острый запах листвы.

Этот вечер был прямо создан для прогулок по крышам. Из раскрытых окон доносились самые разные звуки и шумы: тихий разговор каких-то людей; детский смех и детский плач; звяканье посуды, которую кто-то мыл на кухне; лай собаки; бренчание на пианино. Где-то загрохотал мотоцикл, а когда он промчался и шум затих, донёсся цокот копыт и тарахтение телеги.

— Если бы люди знали, как приятно ходить по крышам, они давно бы перестали ходить по улицам,— сказал Малыш.— Как здесь хорошо!

— Да, и очень опасно,— подхватил Карлсон,— потому что легко сорваться вниз. Я тебе покажу несколько мест, где сердце прямо ёкает от страха.

Дома так тесно прижались друг к другу, что можно было свободно перейти с крыши на крышу. Выступы, мансарды, трубы и углы придавали крышам самые причудливые формы.

И правда, гулять здесь было так опасно, что дух захватывало. В одном месте между домами была широкая щель, и Малыш едва не свалился в неё. Но в

последнюю минуту, когда нога Мальшша уже соскользнула с карниза, Карлсон схватил его за руку.

— Весело?— крикнул он, втаскивая Мальшша на крышу.— Вот как раз такие места я и имел в виду. Что ж, пойдём дальше?

Но Мальшшу не захотелось идти дальше — сердце у него билось слишком сильно. Они шли по таким трудным и опасным местам, что приходилось цепляться руками и ногами, чтобы не сорваться. А Карлсон, желая позабавить Мальшша, нарочно выбирал дорогу потруднее.

— Я думаю, что настало время нам немножко повеселиться,— сказал Карлсон.— Я частенько гуляю по вечерам на крышах и люблю подшутить над людьми, живущими вот в этих мансардах.

— Как подшутить?— спросил Мальшш.

— Над разными людьми по-разному. И я никогда не повторяю дважды одну и ту же шутку. Угадай, кто лучший в мире шутник?

Вдруг где-то поблизости раздался громкий плач грудного младенца. Мальшш ещё раньше слышал, что кто-то плакал, но потом плач прекратился. Видимо,

ребёнок на время успокоился, а сейчас снова принялся кричать. Крик доносился из ближайшей мансарды и звучал жалостно и одиноко.

— Бедная малютка!— сказал Малыш.— Может быть, у неё болит живот.

— Это мы сейчас выясним,— отозвался Карлсон.

Они поползли вдоль карниза, пока не добрались до окна мансарды. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату.

— Чрезвычайно заброшенный младенец,— сказал он.— Ясное дело, отец с матерью где-то бегают.

Ребёнок прямо надрывался от плача.

— Спокойствие, только спокойствие!— Карлсон приподнялся над подоконником и громко произнёс:— Идёт Карлсон, который живёт на крыше,— лучшая в мире нянька.

Малышу не захотелось оставаться одному на крыше, и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном, со страхом думая о том, что будет, если вдруг появятся родители малютки.

Зато Карлсон был совершенно спокоен. Он подошёл к кроватке, в которой лежал ребёнок, и пощекотал его под подбородком своим толстеньким указательным пальцем.

— Плюти-плюти-плют!— сказал он шаловливо, затем, обернувшись к Малышу, объяснил:— Так всегда говорят грудным детям, когда они плачут.

Младенец от изумления на мгновение затих, но тут же разревелся с новой силой.

— Плюти-плюти-плют!— повторил Карлсон и добавил:— А ещё с детьми вот как делают...

Он взял ребёнка на руки и несколько раз энергично его встряхнул.

Должно быть, малютке это показалось забавным, потому что она вдруг слабо улыбнулась беззубой улыбкой.

Карлсон был очень горд.

— Как легко развеселить крошку!— сказал он.— Лучшая в мире нянька— это...

Но закончить ему не удалось, так как ребёнок опять заплакал.

— Плюти-плюти-плют!— раздражённо прорычал Карлсон и стал ещё сильнее трясти девочку.— Слышишь, что я тебе говорю? Плюти-плюти-плют! Понятно?

Но девочка орала во всю глотку, и Малыш протянул к ней руки.

— Дай-ка я её возьму,— сказал он.

Малыш очень любил маленьких детей и много раз просил маму и папу подарить ему маленькую сестрёнку, раз уж они наотрез отказываются купить собаку.

Он взял из рук Карлсона кричащий свёрток и нежно прижал его к себе.

— Не плачь, маленькая! — сказал Малыш. — Ты ведь такая милая...

Девочка затихла, посмотрела на Малыша серьёзными блестящими глазами, затем снова улыбнулась своей беззубой улыбкой и что-то тихонько залепетала.

— Это мой плюти-плюти-плют подействовал,— произнёс Карлсон. — Плюти-плюти-плют всегда действует безотказно. Я тысячи раз проверял.

— Интересно, а как её зовут? — сказал Малыш и легонько провёл указательным пальцем по маленькой нежной щёчке ребёнка.

— Гюль-фия, — ответил Карлсон. — Маленьких девочек чаще всего зовут именно так.

Малыш никогда не слышал, чтобы какую-нибудь девочку звали Гюль-фия, но он подумал, что уж кто-кто, а лучшая в мире нянька знает, как обычно называют таких малюток.

— Малышка Гюль-фия, мне кажется, что ты хочешь есть, — сказал Малыш, глядя, как ребёнок норовит схватить губами его указательный палец.

— Если Гюль-фия голодна, то вот здесь есть колбаса и картошка, — сказал Карлсон, заглянув в буфет. — Ни один младенец в мире не умрёт с голоду, пока у Карлсона не переведутся колбаса и картошка.

Но Малыш сомневался, что Гюль-фия станет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей кормят, по-моему, молоком, — возразил он.

— Значит, ты думаешь, лучшая в мире нянька не знает, что детям дают и чего не дают? — возмутился Карлсон. — Но если ты так настаиваешь, я могу слезть за коровой... — Тут Карлсон недовольно взглянул на окно и добавил: — Хотя трудно будет протащить корову через такое маленькое окошко.

Гюль-фия тисцетно ловила палец Малыша и жалобно хныкала. Действительно, похоже было на то, что она голодна.

Мальш пошарил в буфете, но молока не нашёл: там стояла лишь тарелка с тремя кусочками колбасы.

— Спокойствие, только спокойствие!— сказал Карлсон.— Я вспомнил, где можно достать молока... Мне придётся кое-куда слетать... Привет, я скоро вернусь!

Он нажал кнопку на животе и, прежде чем Мальш успел опомниться, стремительно вылетел из окна.

Мальш страшно перепугался. Что, если Карлсон, как обычно, пропадёт на несколько часов? Что, если родители ребёнка вернутся домой и увидят свою Гюль-фию на руках у Мальша?

Но Мальшу не пришлось сильно волноваться— на этот раз Карлсон не заставил себя долго ждать. Гордый, как петух, он влетел в окно, держа в руках маленькую бутылочку с соской, такую, из которой обычно поят грудных детей.

— Где ты её достал?— удивился Мальш.

— Там, где я всегда беру молоко,— ответил Карлсон,— на одном балконе в Остермальме¹.

— Как, ты её просто стащил?— воскликнул Мальш.

— Я её... взял взаймы.

— Взаймы? А когда ты собираешься её вернуть?

— Никогда!

Мальш строго посмотрел на Карлсона. Но Карлсон только махнул рукой:

— Пустяки, дело житейское... Всего-навсего одна крошечная бутылочка молока. Там есть семья, где родилась тройня, и у них на балконе в ведре со льдом полным-полно таких бутылочек. Они будут только рады, что я взял немного молока для Гюль-фии.

Гюль-фия протянула свои маленькие ручки к бутылке и нетерпеливо зачмокала.

— Я сейчас погрею молочко,— сказал Мальш и передал Гюль-фию Карлсону, который снова стал вопить: «Плюти-плюти-плют» и трясти малютку.

А Мальш тем временем включил плитку и стал греть бутылочку.

Несколько минут спустя Гюль-фия уже лежала в своей кроватке и крепко спала. Она была сыта и довольна. Мальш суетился вокруг неё. Карлсон яростно раскачивал кроватку и громко распевал:

— Плюти-плюти-плют... Плюти-плюти-плют...

¹ Остермальм—пригород Стокгольма.

Но, несмотря на весь этот шум, Гюль-фия заснула, потому что она наелась и устала.

— А теперь, прежде чем уйти отсюда, давай попроказничаем,— предложил Карлсон.

Он подошёл к буфету и вынул тарелку с нарезанной колбасой. Мальш следил за ним, широко раскрыв глаза от удивления. Карлсон взял с тарелки один кусочек.

— Вот сейчас ты увидишь, что значит проказничать.— И Карлсон нацепил кусочек колбасы на дверную ручку.— Номер первый,— сказал он и с довольным видом кивнул головой.

Затем Карлсон подбежал к шкафчику, на котором стоял красивый белый фарфоровый голубь, и, прежде чем Мальш успел вымолвить слово, у голубя в клюве тоже оказалась колбаса.

— Номер второй,— проговорил Карлсон.— А номер третий получит Гюль-фия.

Он схватил с тарелки последний кусок колбасы и сунул его в ручку спящей Гюль-фии. Это и в самом деле выглядело очень смешно. Можно было подумать, что Гюль-фия сама встала, взяла кусочек колбасы и заснула с ним.

Но Мальш всё же сказал:

— Прощу тебя, не делай этого.

— Спокойствие, только спокойствие!— ответил Карлсон.— Мы отучим её родителей убегать из дому по вечерам.

— Почему?— удивился Мальш.

— Ребёнка, который уже ходит и берёт себе колбасу, они не решатся оставить одного. Кто может предвидеть, что она захочет взять в другой раз? Быть может, папин воскресный галстук?

И Карлсон проверил, не выпадет ли колбаса из маленькой ручки Гюль-фии.

— Спокойствие, только спокойствие!— продолжал он.— Я знаю, что делаю. Ведь я—лучшая в мире нянька.

Как раз в этот момент Мальш услышал, что кто-то поднимается по лестнице, и подскочил от испуга.

— Они идут!— прошептал он.

— Спокойствие, только спокойствие!— сказал Карлсон и потащил Мальша к окну.

В замочную скважину уже всунули ключ. Мальш решил, что всё пропало. Но, к счастью, они всё-таки

успели вылезти на крышу. В следующую секунду хлопнула дверь, и до Малыша долетели слова:

— А наша милая маленькая Сусанна спит себе да спит!— сказала женщина.

— Да, дочка спит,— отозвался мужчина.

Но вдруг раздался крик. Должно быть, папа и мама Гюль-фии заметили, что девочка сжимает в ручке кусок колбасы.

Мальш не стал ждать, что скажут родители Гюль-фии о проделках лучшей в мире няньки, которая, едва заслышав их голоса, быстро спряталась за трубу.

— Хочешь увидеть жуликов?— спросил Карлсон Малыша, когда они немного отдышались.— Тут у меня в одной мансарде живут два первоклассных жулика.

Карлсон говорил так, словно эти жулики были его собственностью. Мальш в этом усомнился, но, так или иначе, ему захотелось на них поглядеть.

Из окна мансарды, на которое указал Карлсон, доносился громкий говор, смех и крики.

— О, да здесь царит веселье!— воскликнул Карлсон.— Пойдём взглянем, чем это они так забавляются.

Карлсон и Мальш опять поползли вдоль карниза. Когда они добрались до мансарды, Карлсон поднял голову и посмотрел в окно. Оно было занавешено. Но Карлсон нашёл дырку, сквозь которую была видна вся комната.

— У жуликов гость,— прошептал Карлсон.

Мальш тоже посмотрел в дырку. В комнате сидели два субъекта, по виду вполне похожие на жуликов, и славный скромный мальш вроде тех парней, которых Мальш видел в деревне, где жила его бабушка.

— Знаешь, что я думаю?— прошептал Карлсон.— Я думаю, что мои жулики затеяли что-то нехорошее. Но мы им помешаем...— Карлсон ещё раз поглядел в дырку.— Готов поспорить — они хотят обобрать этого беднягу в красном галстуке!

Жулики и парень в галстуке сидели за маленьким столиком у самого окна. Они ели и пили.

Время от времени жулики дружески похлопывали своего гостя по плечу, приговаривая:

— Как хорошо, что мы тебя встретили, дорогой Оскар!

— Я тоже очень рад нашему знакомству,— отвечал Оскар.— Когда впервые приезжаешь в город, очень

хочется найти добрых друзей, верных и надёжных. А то налетишь на каких-нибудь мошенников, и они тебя мигом облапошат.

Жулики одобрительно поддакивали:

— Конечно. Недолго стать жертвой мошенников. Тебе, парень, здорово повезло, что ты встретил Филле и меня.

— Ясное дело, не повстречай ты Рулле и меня, тебе бы худо пришлось. А теперь ешь да пей в своё удовольствие,— сказал тот, которого звали Филле, и вновь хлопнул Оскара по плечу.

Но затем Филле сделал нечто такое, что совершенно изумило Мальшша: он как бы случайно сунул свою руку в задний карман брюк Оскара, вынул оттуда бумажник и осторожно засунул его в задний карман своих собственных брюк. Оскар ничего не заметил, потому что как раз в этот момент Рулле стиснул его в своих объятиях. Когда же Рулле наконец разжал объятия, у него в руке оказались часы Оскара. Рулле их также отправил в задний карман своих брюк. И Оскар опять ничего не заметил.

Но вдруг Карлсон, который живёт на крыше, осторожно просунул свою пухлую руку под занавеску и вытащил из кармана Филле бумажник Оскара. И Филле тоже ничего не заметил. Затем Карлсон снова просунул под занавеску свою пухлую руку и вытащил из кармана Рулле часы. И тот тоже ничего не заметил. Но несколько минут спустя, когда Рулле, Филле и Оскар ещё выпили и закусили, Филле сунул руку в свой карман и обнаружил, что бумажник исчез. Тогда он злобно взглянул на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую. Нам надо кое о чём потолковать.

А тут как раз Рулле полез в свой карман и заметил, что исчезли часы. Он, в свою очередь, злобно поглядел на Филле и произнёс:

— Пошли! И у меня есть к тебе разговор.

Филле и Рулле вышли в прихожую, а бедняга Оскар остался совсем один. Ему, должно быть, стало скучно сидеть одному, и он тоже вышел в прихожую, чтобы посмотреть, что там делают его новые друзья.

Тогда Карлсон быстро перемахнул через подоконник и положил бумажник в суповую миску. Так как Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, то бумажник не намок. Что же касается часов, то их Карлсон

прицепил к лампе. Они висели на самом виду, слегка раскачиваясь, и Филле, Рулле и Оскар увидели их, как только вернулись в комнату.

Но Карлсона они не заметили, потому что он залез под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Под столом сидел и Малыш, который, несмотря на свой страх, ни за что не хотел оставить Карлсона одного в таком опасном положении.

— Гляди-ка, на лампе болтаются мои часы!—удивлённо воскликнул Оскар.—Как они могли туда попасть?

Он подошёл к лампе, снял часы и положил их в карман своей куртки.

— А здесь лежит мой бумажник, честное слово!—ещё больше изумился Оскар, заглянув в суповую миску.—Как странно!

Рулле и Филле уставились на Оскара.

— А у вас в деревне парни, видно, тоже не промах!—воскликнули они хором.

Затем Оскар, Рулле и Филле опять сели за стол.

— Дорогой Оскар,—сказал Филле,—ешь и пей досыта!

И они снова стали есть и пить и похлопывать друг друга по плечу.

Через несколько минут Филле, приподняв скатерть, бросил бумажник Оскара под стол. Видно, Филле полагал, что на полу бумажник будет в большей сохранности, чем в его кармане. Но вышло иначе: Карлсон, который сидел под столом, поднял бумажник и сунул его в руку Рулле. Тогда Рулле сказал:

— Филле, я был к тебе несправедлив, ты благородный человек.

Через некоторое время Рулле просунул руку под скатерть и положил на пол часы. Карлсон поднял часы и, толкнув Филле ногой, вложил их ему в руку. Тогда и Филле сказал:

— Нет товарища надёжнее тебя, Рулле!

Но тут Оскар завопил:

— Где мой бумажник? Где мои часы?

В тот же миг и бумажник и часы вновь оказались на полу под столом, потому что ни Филле, ни Рулле не хотели быть пойманными с поличным, если Оскар поднимет скандал. А Оскар уже начал выходить из себя, громко требуя, чтобы ему вернули его вещи. Тогда Филле закричал:

— Почём я знаю, куда ты дел свой паршивый бумажник!

А Рулле добавил:

— Мы не видели твоих дрянных часов! Ты сам должен следить за своим добром.

Тут Карлсон поднял с пола сперва бумажник, а потом часы и сунул их прямо в руки Оскару. Оскар схватил свои вещи и воскликнул:

— Спасибо тебе, милый Филле, спасибо, Рулле, но в другой раз не надо со мной так шутить!

Тут Карлсон изо всей силы стукнул Филле по ноге.

— Ты у меня за это поплатишься, Рулле!— завопил Филле.

А Карлсон тем временем ударил Рулле по ноге так, что тот прямо завыл от боли.

— Ты что, рехнулся? Чего ты дерёшься?— крикнул Рулле.

Рулле и Филле выскочили из-за стола и принялись тузить друг друга так энергично, что все тарелки попадали на пол и разбились, а Оскар, до смерти перепугавшись, сунул в карман бумажник и часы и убрался восвояси.

Больше он сюда никогда не возвращался.

Мальпи тоже очень испугался, но он не мог убраться восвояси и поэтому, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рулле, и он вытолкнул Рулле в прихожую, чтобы там окончательно с ним расправиться.

Тогда Карлсон и Мальпи быстро вылезли из-под стола. Карлсон, увидев осколки тарелок, разбросанные по полу, сказал:

— Все тарелки разбиты, а суповая миска цела. Как, должно быть, одиноко этой бедной суповой миске!

И он изо всех сил трахнул суповую миску об пол.

Потом они с Мальпом кинулись к окну и быстро вылезли на крышу.

Мальпи услышал, как Филле и Рулле вернулись в комнату и как Филле спросил:

— А чего ради ты, болван, ни с того ни с сего отдал ему бумажник и часы?

— Ты что, спятил?— ответил Рулле.— Ведь это же ты сделал!

Услышав их ругань, Карлсон расхохотался так, что у него затрясся живот.

— Ну, на сегодня хватит развлечений!— проговорил он сквозь смех.

Мальш тоже был сыт по горло сегодняшними проделками.

Уже совсем стемнело, когда Мальш и Карлсон, взявшись за руки, побрели к маленькому домику, притаившемуся за трубой на крыше того дома, где жил Мальш. Когда они уже почти добрались до места, то слышали, как, сигналя сиреной, по улице мчится пожарная машина.

— Должно быть, где-то пожар,— сказал Мальш.— Слышишь, проехали пожарные.

— А может быть, даже в твоём доме,— с надеждой в голосе проговорил Карлсон.— Ты только сразу же скажи мне. Я им охотно помогу, потому что я лучший в мире пожарный.

С крыши они увидели, как пожарная машина остановилась у подъезда. Вокруг неё собралась толпа, но огня что-то нигде не было заметно. И всё же от машины до самой крыши быстро выдвинулась длинная лестница, точь-в-точь такая, какая бывает у пожарных.

— Может, это они за мной?— с тревогой спросил Мальш, вдруг вспомнив о записке, которую он оставил у себя; ведь сейчас уже было так поздно.

— Не понимаю, чего все так переполошились. Неужели кому-то могло не понравиться, что ты отправился немного погулять по крыше?— возмутился Карлсон.

— Да,— ответил Мальш,— моей маме. Знаешь, у неё нервы...

Когда Мальш подумал об этом, он пожалел маму, и ему очень захотелось поскорее вернуться домой.

— А было бы неплохо слегка поразвлечься с пожарными...— заметил Карлсон.

Но Мальш не хотел больше развлекаться. Он тихо стоял и ждал, когда наконец доберётся до крыши пожарный, который уже лез по лестнице.

— Ну что ж,— сказал Карлсон,— пожалуй, мне тоже пора ложиться спать. Конечно, мы вели себя очень тихо, прямо скажу— примерно. Но не надо забывать, что у меня сегодня утром был сильный жар, не меньше тридцати—сорока градусов.

И Карлсон поскакал к своему домику.

— Привет, Мальш!—крикнул он.

— Привет, Карлсон!—отозвался Мальш, не отводя взгляда от пожарного, который поднимался по лестнице всё выше и выше.

— Эй, Мальш,—крикнул Карлсон, прежде чем скрыться за трубой,— не рассказывай пожарным, что я здесь живу! Ведь я лучший в мире пожарный и боюсь, они будут посылать за мной, когда где-нибудь загорится дом.

Пожарный был уже близко.

— Стой на месте и не шевелись!—приказал он Мальшу.— Слышишь, не двигайся с места! Я сейчас поднимусь и сниму тебя с крыши.

Мальш подумал, что со стороны пожарного предостерегать его было очень мило, но бессмысленно. Ведь весь вечер он разгуливал по крышам и, уж конечно, мог бы и сейчас сделать несколько шагов, чтобы подойти к лестнице.

— Тебя мама послала?—спросил Мальш пожарного, когда тот, взяв его на руки, стал спускаться.

— Ну да, мама. Конечно. Но... мне показалось, что на крыше было два маленьких мальчика.

Мальш вспомнил просьбу Карлсона и серьёзно сказал:

— Нет, здесь не было другого мальчика.

У мамы действительно были «нервы». Она, и папа, и Боссе, и Бетан, и ещё много всяких чужих людей стояли на улице и ждали Мальша. Мама кинулась к нему, обняла его; она и плакала, и смеялась. Потом папа взял Мальша на руки и понёс домой, крепко прижимая к себе.

— Как ты нас напугал!—сказал Боссе.

Бетан тоже заплакала и проговорила сквозь слёзы:

— Никогда больше так не делай. Запомни, Мальш, никогда!

Мальша тут же уложили в кровать, и вся семья собралась вокруг него, как будто сегодня был день его рождения. Но папа сказал очень серьёзно:

— Неужели ты не понимал, что мы будем волноваться? Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать?

Мальш съёжился в своей постели.

— Ну, чего вы беспокоились?—пробормотал он.

Мама очень крепко обняла его.

— Подумай только!— сказала она.— А если бы ты упал с крыши? Если бы мы тебя потеряли?

— Вы бы тогда огорчились?

— А как ты думаешь?— ответила мама.— Ни за какие сокровища в мире мы не согласились бы расстаться с тобой. Ты же и сам это знаешь.

— И даже за сто тысяч миллионов крон?— спросил Мальш.

— И даже за сто тысяч миллионов крон!

— Значит, я так дорого стою?— изумился Мальш.

— Конечно,— сказала мама и обняла его ещё раз.

Мальш стал размышлять: сто тысяч миллионов крон—какая огромная куча денег! Неужели он может стоять так дорого? Ведь щенка, настоящего, прекрасного щенка, можно купить всего за пятьдесят крон...

— Послушай, папа,— сказал вдруг Мальш,— если я действительно стою сто тысяч миллионов, то не могли ли я получить сейчас наличными пятьдесят крон, чтобы купить себе маленького щеночка?

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕНИЯ

Только на следующий день, во время обеда, родители спросили Мальша, как он всё-таки попал на крышу.

— Ты что ж, пролез через слуховое окно на чердаке?— спросила мама.

— Нет, я полетел с Карлсоном, который живёт на крыше,— ответил Мальш.

Мама и папа переглянулись.

— Так дальше продолжаться не может!— воскликнула мама.— Этот Карлсон сведёт меня с ума!

— Послушай,— сказал папа,— никакого Карлсона, который бы жил на крыше, не существует.

— «Не существует!»— повторил Мальш.— Вчера он, во всяком случае, существовал.

Мама озабоченно покачала головой:

— Хорошо, что скоро начнутся каникулы и ты уедешь к бабушке. Надеюсь, что там Карлсон не будет тебя преследовать.

Об этой неприятности Мальш ещё не думал. Ведь скоро его на всё лето пошлют в деревню к бабушке! А это значит, что он два месяца не увидит Карл-

сона. Конечно, летом у бабушки очень хорошо, там всегда бывает весело, но Карлсон... А вдруг Карлсон уже не будет жить на крыше, когда Мальшш вернётся в город?

Мальшш сидел, опершись локтями о стол и обхватив ладонями голову. Он не мог себе представить жизни без Карлсона.

— Ты разве не знаешь, что нельзя класть локти на стол? — спросила Бетан.

— Следи лучше за собой! — огрызнулся Мальшш.

— Мальшш, убери локти со стола, — сказала мама. — Положить тебе цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Ох! — вздохнул папа. — Надо сказать: «Нет, спасибо».

«Чего это они так раскомандовались мальчиком, который стоит сто тысяч миллионов», — подумал Мальшш, но вслух этого не высказал.

— Вы же сами прекрасно понимаете, что, когда я говорю: «Лучше умереть, чем есть капусту», я хочу сказать: «Нет, спасибо», — пояснил он.

— Так воспитанные люди не говорят, — сказал папа. — А ты ведь хочешь стать воспитанным человеком?

— Нет, папа, я хочу стать таким, как ты, — ответил Мальшш.

Мама, Боссе и Бетан расхохотались.

Мальшш не понял, над чем они смеются, но решил, что смеются над его папой, а этого он уже никак не мог стерпеть.

— Да, я хочу быть таким, как ты, папа. Ты такой хороший! — произнёс Мальшш, глядя на отца.

— Спасибо тебе, мой мальчик, — сказал папа. — Так ты действительно не хочешь цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Но ведь она очень полезна, — вздохнула мама.

— Наверно, — сказал Мальшш. — Я давно заметил: чем еда невкусней, тем она полезней. Хотел бы я знать, почему все эти витамины содержатся только в том, что невкусно?

— Витамины, конечно, должны быть в шоколаде и в жевательной резинке, — сострил Боссе.

— Это самое разумное из всего, что ты сказал за последнее время, — огрызнулся Мальшш.

После обеда Мальшш отправился к себе в комнату. Всем сердцем он желал, чтобы Карлсон прилетел

поскорее. Ведь на днях Мальш уедет за город, поэтому теперь они должны встречаться как можно чаще.

Должно быть, Карлсон почувствовал, что Мальш его ждёт: едва Мальш высунул нос в окошко, как Карлсон уже был тут как тут.

— Сегодня у тебя нет жара?— спросил Мальш.

— У меня? Жара?.. У меня никогда не бывает жара! Это было внушение.

— Ты внушил себе, что у тебя жар?— удивился Мальш.

— Нет, это я тебе внушил, что у меня жар,— радостно ответил Карлсон и засмеялся.— Угадай, кто лучший в мире выдумщик?

Карлсон ни минуты не стоял на месте. Разговаривая, он всё время кружил по комнате, трогал всё, что попадалось под руку, с любопытством открывал и закрывал ящики и разглядывал каждую вещь с большим интересом.

— Нет, сегодня у меня нет никакого жара. Сегодня я здоров как бык и расположен слегка поразвлечься.

Мальш тоже был не прочь поразвлечься. Но он хотел, чтобы прежде папа, мама, Боссе и Бетан увидели наконец Карлсона и перестали бы уверять Мальша, что Карлсон не существует.

— Подожди меня минуточку,— поспешно сказал Мальш,— я сейчас вернусь.

И он стремглав побежал в столовую.

Боссе и Бетан дома не оказалось—это, конечно, было очень досадно,—но зато мама и папа сидели у камина. Мальш сказал им, сильно волнуясь:

— Мама и папа, идите скорей в мою комнату!

Он решил пока ничего не говорить им о Карлсоне—будет лучше, если они увидят его без предупреждения.

— А может, ты посидишь с нами?— предложила мама.

Но Мальш потянул её за руку:

— Нет, вы должны пойти ко мне. Там вы увидите одну вещь...

Недолгие переговоры завершились успешно. Папа и мама пошли вместе с ним. Счастливый Мальш с радостью распахнул дверь своей комнаты—наконец-то они увидят Карлсона!

И тут Мальш едва не заплакал, так он был обескуражен. Комната оказалась пустой, как и в тот

раз, когда он привёл всю семью знакомиться с Карлсоном.

— Ну, что же мы должны здесь увидеть?— спросил папа.

— Ничего особенного...— пробормотал Мальш.

К счастью, в эту минуту раздался телефонный звонок. Папа пошёл говорить по телефону, а мама вспомнила, что в духовке у неё сидит сладкий пирог, и поспешила на кухню. Так что на этот раз Мальшу не пришлось объясняться.

Оставшись один, Мальш присел у окна. Он очень сердился на Карлсона и решил высказать ему всё начистоту, если тот снова прилетит.

Но никто не прилетел. Вместо этого открылась дверца шкафа, и оттуда высунулась лукавая физиономия Карлсона.

Мальш просто остолбенел от изумления:

— Что ты делал в моём шкафу?

— Сказать тебе, что я там высиживал цыплят? Но это было бы неправдой. Сказать, что я думал о своих грехах? Это тоже было бы неправдой. Может быть, сказать, что я лежал на полке и отдыхал? Вот это будет правда!— ответил Карлсон.

Мальш тотчас же забыл, что сердился на Карлсона. Он был так рад, что Карлсон нашёлся.

— Этот прекрасный шкаф прямо создан для игры в прятки. Давай поиграем? Я опять лягу на полку, а ты будешь меня искать,— сказал Карлсон.

И, не дожидаясь ответа Мальша, Карлсон скрылся в шкафу. Мальш услышал, как он там карабкается, забираясь, видимо, на верхнюю полку.

— Ну, а теперь ищи!— крикнул Карлсон.

Мальш распахнул дверцы шкафа и, конечно, сразу же увидел лежащего на полке Карлсона.

— Фу, какой ты противный!— закричал Карлсон.— Ты что, не мог сначала хоть немножко поискать меня под кроватью, за письменным столом или ещё где-нибудь? Ну, раз ты такой, я с тобой больше не играю. Фу, какой ты противный!

В эту минуту раздался звонок у входной двери, и из передней послышался мамин голос:

— Мальш, к тебе пришли Кристер и Гунилла.

Этого сообщения было достаточно, чтобы у Карлсона улучшилось настроение.

— Подожди, мы сейчас с ними сыграем штуку! — прошептал он Мальшу. — Притвори-ка за мной поплотнее дверцу шкафа...

Мальш едва успел закрыть шкаф, как в комнату вошли Гунилла и Кристер. Они жили на той же улице, что и Мальш, и учились с ним в одном классе. Мальшу очень нравилась Гунилла, и он часто рассказывал своей маме, какая она «ужасно хорошая». Кристера Мальш тоже любил и давно уже простил ему шишку на лбу. Правда, с Кристером они частенько дрались, но всегда тут же мирились. Впрочем, дрался Мальш не только с Кристером, а почти со всеми ребятами с их улицы. Но вот Гунилле он никогда не бил.

— Как это получается, что ты ещё ни разу не стукнул Гунилле? — спросила как-то мама.

— Она такая ужасно хорошая, что её незачем бить, — ответил Мальш.

Но всё же и Гунилла могла иногда вывести Мальша из себя. Вчера, например, когда они втроём возвращались из школы и Мальш рассказывал им о Карлсоне, Гунилла расхохоталась и сказала, что всё это выдумки. Кристер с ней согласился, и Мальш был вынужден его стукнуть. В ответ на это Кристер и швырнул в него камнем.

Но сейчас они как ни в чём не бывало пришли к Мальшу в гости, а Кристер привёл даже своего щенка Ёффу. Увидев Ёффу, Мальш так обрадовался, что совсем забыл про Карлсона, который лежал на полке в шкафу. «Ничего нет на свете лучше собаки», — подумал Мальш. Ёффа прыгал и лаял, а Мальш обнимал его и гладил. Кристер стоял рядом и совершенно спокойно наблюдал, как Мальш ласкает Ёффу. Он ведь знал, что Ёффа — это его собака, а не чья-нибудь ещё, так что пусть себе Мальш играет с ней сколько хочет.

Вдруг, в самый разгар возни Мальша с Ёффой, Гунилла, ехидно посмеиваясь, спросила:

— А где же твой друг Карлсон, который живёт на крыше? Мы думали, что застанем его у тебя.

И только теперь Мальш вспомнил, что Карлсон лежит на полке в его шкафу. Но так как он не знал, какую проделку на этот раз затеял Карлсон, то ничего не сказал об этом Кристеру и Гунилле.

— Вот ты, Гунилла, думаешь, что я всё сочинил про Карлсона, который живёт на крыше. Вчера ты говорила, что он — выдумка...

— Конечно, он и есть выдумка, — ответила Гунилла и расхохоталась; на её щеках появились ямочки.

— Ну, а если он не выдумка? — хитро спросил Мальш.

— Но ведь он в самом деле выдумка! — вмешался в разговор Кристер.

— А вот и нет! — закричал Мальш.

И не успел он обдумать, стоит ли попытаться разрешить этот спор словами, а не кулаками или лучше сразу стукнуть Кристера, как вдруг из шкафа раздалось громко и отчётливо:

— Ку-ка-ре-ку!

— Что это такое? — воскликнула Гунилла, и её красный, как вишня, ротик широко раскрылся от удивления.

— Ку-ка-ре-ку! — послышалось снова из шкафа, точь-в-точь как кричат настоящие петухи.

— У тебя что, петух живёт в гардеробе? — удивился Кристер.

Ёффа заворчал и покосился на шкаф.

Мальш расхохотался. Он так смеялся, что не мог говорить.

— Ку-ка-ре-ку! — раздалось в третий раз.

— Я сейчас открою шкаф и погляжу, что там, — сказала Гунилла и отворила дверцу.

Кристер подскочил к ней и тоже заглянул в шкаф. Вначале они ничего не заметили, кроме висящей одежды, но потом с верхней полки раздалось хихиканье. Кристер и Гунилла посмотрели наверх и увидели на полке маленького толстого человечка. Удобно примостившись, он лежал, подперев рукой голову, и покачивал правой ножкой. Его весёлые голубые глаза сияли.

Кристер и Гунилла молча смотрели на человечка, не в силах вымолвить ни слова, и лишь Ёффа продолжал тихонько рычать.

Когда к Гунилле вернулся дар речи, она проговорила:

— Это кто такой?

— Всего лишь маленькая выдумка, — ответил странный человечек и стал ещё энергичнее болтать

ножкой.— Маленькая фантазия, которая лежит себе да отдыхает. Короче говоря, выдумка!

— Это... это...— проговорил Кристер, запинаясь.

— ...маленькая выдумка, которая лежит себе и кричит по-петушину, — сказал человек.

— Это Карлсон, который живёт на крыше! — прошептала Гунилла.

— Конечно, а кто же ещё! Уж не думаешь ли ты, что старая фру Густавсон, которой девяносто два года, незаметно пробралась сюда и разлеглась на полке?

Мальш просто зашёлся от смеха — уж очень глупо выглядели растерянные Кристер и Гунилла.

— Они, наверное, онемели, — едва выговорил Мальш.

Одним прыжком Карлсон соскочил с полки. Он подошёл к Гунилле и ущипнул её за щёку:

— А это что за маленькая выдумка?

— Мы...— пробормотал Кристер.

— Ну, а тебя, наверно, зовут Август? — спросил Карлсон у Кристера.

— Меня зовут вовсе не Август, — ответил Кристер.

— Хорошо. Продолжим!... — сказал Карлсон.

— Их зовут Гунилла и Кристер, — объяснил Мальш.

— Да, просто трудно поверить, до чего иногда не везёт людям. Но теперь уж ничего не попишешь. А кроме того, не могут же всех звать Карлсонами!..

Карлсон огляделся, словно что-то ища, и поспешно объяснил:

— А теперь я был бы не прочь немного поразвлечься. Может, пошвыряем стулья из окна? Или затеем ещё какую-нибудь игру в этом роде?

Мальш не считал, что это будет очень весёлая игра. К тому же он твёрдо знал, что мама и папа не одобряют такой забавы.

— Ну, я вижу, вы трусы. Если вы будете такими нерешительными, у нас ничего не выйдет. Раз вам не нравится моё предложение, придумайте что-нибудь другое, а то я с вами не буду водиться. Я должен чем-нибудь позабавиться, — сказал Карлсон и обиженно надул губы.

— погоди, мы сейчас что-нибудь придумаем! — умоляюще прошептал Мальш.

Но Карлсон, видимо, решил обидеться всерьёз.

— Вот возьму и улечу сейчас отсюда... — проворчал он.

Все трое понимали, какая это будет беда, если Карлсон улетит, и хором принялись уговаривать его остаться.

Карлсон с минуту сидел молча, продолжая дуться.

— Это, конечно, не наверняка, но я, пожалуй, смог бы остаться, если вот она,— и Карлсон показал своим пухлым пальчиком на Гуниллу,— погладит меня по голове и скажет: «Мой милый Карлсон».

Гунилла с радостью погладила его и ласково попросила:

— Миленький Карлсон, останься! Мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Ну ладно,— сказал Карлсон,— я, пожалуй, останусь.

У детей вырвался вздох облегчения.

Мама и папа Мальшша обычно гуляли по вечерам. Вот и теперь мама крикнула из прихожей:

— Мальшш! Кристер и Гунилла могут остаться у тебя до восьми часов, потом ты быстро ляжешь в постель. А когда мы вернёмся, я зайду к тебе пожелать «спокойной ночи».

И дети услышали, как хлопнула входная дверь.

— А почему она не сказала, до какого часа я могу здесь остаться? — спросил Карлсон и выпятил нижнюю губу. — Если все ко мне так несправедливы, то я с вами не буду водиться.

— Ты можешь остаться здесь до скольких хочешь,— ответил Мальшш.

Карлсон ещё больше выпятил губу.

— А почему меня не выставят отсюда ровно в восемь, как всех? — сказал Карлсон обиженным тоном. — Нет, так я не играю!

— Хорошо, я попрошу маму, чтобы она отправила тебя домой в восемь часов,— пообещал Мальшш. — Ну, а ты придумал, во что мы будем играть?

Дурное настроение Карлсона как рукой сняло.

— Мы будем играть в привидения и пугать людей. Вы даже не представляете себе, что я могу сделать с помощью одной небольшой простыни. Если бы все люди, которых я пугал до смерти, давали мне за это по пять эре, я мог бы купить целую гору шоколада. Ведь я лучшее в мире привидение! — сказал Карлсон, и глаза его весело заблестели.

Мальшш, Кристер и Гунилла с радостью согласились играть в привидения. Но Мальшш сказал:

— Вовсе не обязательно так ужасно пугать людей.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Не тебе учить лучшее в мире привидение, как должны вести себя привидения. Я только слегка попугаю всех до смерти, никто этого даже и не заметит. — Он подошёл к кровати Мальши и взял простыню. — Материал подходящий, можно сделать вполне приличную одежду для привидения.

Карлсон достал из ящика письменного стола цветные мелки и нарисовал в одном углу простыни страшную рожу. Потом он взял ножницы и, прежде чем Мальш успел его остановить, быстро прорезал две дырки для глаз.

— Простыня — это пустяки, дело житейское. А привидение должно видеть, что происходит вокруг, иначе оно начнёт блуждать и попадёт в конце концов невесту куда.

Затем Карлсон закутался с головой в простыню, так что видны были только его маленькие пухлые ручки.

Хотя дети и знали, что это всего-навсего Карлсон, закутанный в простыню, они всё же слегка испугались; а что касается Ёффы, то он бешено залаял. Когда же Карлсон включил свой моторчик и принялся летать вокруг люстры — простыня на нём так и развевалась, — стало ещё страшнее. Это было и вправду жуткое зрелище.

— Я небольшое привидение с мотором! — кричал он. — Дикое, но симпатичное!

Дети притихли и боязливо следили за его полётом. А Ёффа просто надрывался от лая.

— Вообще говоря, — продолжал Карлсон, — я люблю, когда во время полёта жужжит мотор, но, поскольку я привидение, следует, вероятно, включить глушитель. Вот так!

Он сделал несколько кругов совершенно бесшумно и стал ещё больше похож на привидение.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы найти, кого пугать.

— Может быть, мы отправимся на лестничную площадку? Кто-нибудь войдёт в дом и испугается до смерти!

В это время зазвонил телефон, но Мальш решил не подходить. Пусть себе звонит!

Между тем Карлсон принялся громко вздыхать и стонать на разные лады.

— Грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать,— пояснил он.— Это первое, чему учат юное привидение в привиденческой школе.

На все эти приготовления ушло немало времени. Когда они уже стояли перед входной дверью и собирались выйти на лестничную площадку, чтобы пугать прохожих, послышалось какое-то слабое царапанье. Мальш было подумал, что это мама и папа возвращаются домой. Но вдруг он увидел, как в щель ящика для писем кто-то просовывает стальную проволоку. И Мальш сразу понял, что к ним лезут воры. Он вспомнил, что на днях папа читал маме статью из газеты. Там говорилось, что в городе появилось очень много квартирных воров. Они сперва звонят по телефону. Убедившись, что дома никого нет, воры взламывают замок и выносят из квартиры всё ценное.

Мальш страшно испугался, когда понял, что происходит. Кристер и Гунилла испугались не меньше. Кристер запер Ёффу в комнате Мальша, чтобы он своим лаем не испортил игру в привидения, и теперь очень пожалел об этом. Один только Карлсон ничуть не испугался.

— Спокойствие, только спокойствие!— прошептал он.— Для такого случая привидение — незаменимая вещь. Давайте тихонько пойдём в столовую — наверно, там твой отец хранит золотые слитки и бриллианты.

Карлсон, Мальш, Гунилла и Кристер на цыпочках пробрались в столовую и, стараясь не шуметь, спрятались за мебелью, кто где. Карлсон залез в красивый старинный буфет — там у мамы лежали скатерти и салфетки — и кое-как прикрыл за собой дверцу. Плотно закрыть он её не успел, потому что как раз в этот момент в столовую крадучись вошли воры. Мальш, который лежал под диваном у камина, осторожно высунулся и посмотрел: посреди комнаты стояли двое парней весьма мерзкого вида. И представьте себе, это были Филле и Рулле!

— Теперь надо узнать, где у них лежат деньги,— сказал Филле хриплым шёпотом.

— Ясное дело, здесь,— отозвался Рулле, указывая на старинный секретер со множеством ящиков.

Мальш знал, что в одном из этих ящиков мама

держала деньги на хозяйство, а в другом хранила красивые драгоценные кольца и брошки, которые ей подарила бабушка, и папины золотые медали, полученные им в награду за меткую стрельбу. «Как будет ужасно, если всё это унесут воры»,—подумал Мальши.

— Поищи-ка здесь,—сказал Филле,—а я пойду на кухню, посмотрю, нет ли там серебряных ложек и вилок.

Филле исчез, а Рулле начал выдвигать ящики секретера, и вдруг он прямо свистнул от восторга.

«Наверно, нашёл деньги»,—подумал Мальши.

Рулле выдвинул другой ящик и снова свистнул—он увидел кольца и брошки.

Но больше он уже не свистел, потому что в это мгновение распахнулись дверцы буфета и оттуда, издавая страшные стоны, выпорхнуло привидение. Когда Рулле обернулся и увидел, он хрюкнул от ужаса и уронил на пол деньги, кольца, брошки и всё остальное. Привидение порхало вокруг него, стонало и вздыхало; потом оно вдруг устремилось на кухню. Секунду спустя в столовую ворвался Филле. Он был бледен как полотно.

— Прулле, там ривидение!—завопил он.

Он хотел крикнуть: «Рулле, там привидение!», но от страха у него заплетался язык, и получилось: «Прулле, там ривидение!»

Да и немудрено было испугаться! Следом за ним в комнату влетело привидение и принялось так жутко вздыхать и стонать, что просто дух захватывало.

Рулле и Филле бросились к двери, а привидение вилося вокруг них. Не помня себя от страха, они выскочили в прихожую, а оттуда на лестничную площадку. Привидение преследовало их по пятам, гнало вниз по лестнице и выкрикивало время от времени глухим, страшным голосом:

— Спокойствие, только спокойствие! Сейчас я вас настигну, и тут-то вам будет весело!

Но потом привидение устало и вернулось в столовую. Мальши собрал с пола деньги, кольца, брошки и положил всё это обратно в секретер. А Гунилла и Кристер подобрали все вилки и ложки, которые уронил Филле, когда он метался между кухней и столовой.

— Лучшее в мире привидение — это Карлсон, который живёт на крыше, — сказала привидение и сняло с себя простыню.

Дети смеялись; они были счастливы.

А Карлсон добавил:

— Ничто не может сравниться с привидением, когда надо пугать воров. Если бы люди это знали, то непременно привязали бы по маленькому злобному привидению к каждой кассе в городе.

Мальш прыгал от радости, что всё обернулось так хорошо.

— Люди настолько глупы, что верят в привидения. Просто смешно! — воскликнул он. — Папа говорит, что вообще ничего сверхъестественного не существует. — И Мальш, как бы в подтверждение этих слов, кивнул головой. — Дураки эти воры — они подумали, что из буфета вылетело привидение! А на самом деле это был просто Карлсон, который живёт на крыше. Ничего сверхъестественного!

КАРЛСОН ВЫСТУПАЕТ С УЧЕНОЙ СОБАКОЙ АЛЬБЕРГ

На следующее утро, едва проснувшись, взъерошенный мальчуган в полосатой голубой пижаме пришлёпал босиком к маме на кухню. Папа уже ушёл на службу, а Боссе и Бетан — в школу. У Мальша уроки начинались позже, и это было очень кстати, потому что он любил оставаться вот так по утрам вдвоём с мамой, пусть даже ненадолго. В такие минуты хорошо разговаривать, вместе петь песни или рассказывать друг другу сказки. Хотя Мальш уже большой мальчик и ходит в школу, он с удовольствием сидит у мамы на коленях, но только если этого никто не видит.

Когда Мальш вошёл в кухню, мама, примостившись у кухонного стола, читала газету и пила кофе. Мальш молча влез к ней на колени. Мама обняла его и нежно прижала к себе. Так они и сидели, пока Мальш окончательно не проснулся.

Мама и папа вернулись вчера с прогулки позже, чем предполагали. Мальш уже лежал в своей кровати и спал.

Во сне он разметался. Укрывая его, мама заметила дырки, прорезанные в простыне. А сама простыня была такая грязная, словно её кто-то нарочно исчертил углем. И тогда мама подумала: «Неудивительно, что Мальши поспешил лечь спать». А теперь, когда озорник сидел у неё на коленях, она твёрдо решила не отпускать его без объяснений.

— Послушай, Мальши, мне бы хотелось знать, кто прорезал дырки в твоей простыне. Только не вздумай, пожалуйста, говорить, что это сделал Карлсон, который живёт на крыше.

Мальши молчал и напряжённо думал. Как быть? Ведь дырки прорезал именно Карлсон, а мама запретила о нём говорить. Мальши решил также ничего не рассказывать и о ворах, потому что мама всё равно этому не поверит.

— Ну, так что же?— настойчиво повторила мама, так и не дождавшись ответа.

— Не могла бы ты спросить об этом Гуниллу?— хитро сказал Мальши и подумал: «Пусть-ка лучше Гунилла расскажет маме, как было дело. Ей мама скорее поверит, чем мне».

«А! Значит, это Гунилла разрежала простыню»,— подумала мама. И ещё она подумала, что её Мальши — хороший мальчик, потому что он не желает наговаривать на других, а хочет, чтобы Гунилла сама всё рассказала.

Мама обняла Мальшу за плечи. Она решила сейчас больше ни о чём его не спрашивать, но при случае поговорить с Гуниллой.

— Ты очень любишь Гуниллу?— спросила мама.

— Да, очень,— ответил Мальши.

Мама вновь принялась читать газету, а Мальши молча сидел у неё на коленях и думал.

Кого же, собственно говоря, он действительно любит? Прежде всего маму... и папу тоже... Ещё он любит Боссе и Бетан... Ну да, чаще всего он их всё-таки любит, особенно Боссе. Но иногда он на них так сердится, что вся любовь пропадает. Любит он и Карлсона, который живёт на крыше, и Гуниллу тоже любит. Да, быть может, он женится на ней, когда вырастет, потому что хочешь не хочешь, а жену иметь надо. Конечно, больше всего он хотел бы жениться на маме, но ведь это невозможно.

Вдруг Мальшу пришла в голову мысль, которая его встревожила.

— Послушай, мама,—сказал он,—а когда Боссе вырастет большой и умрёт, мне нужно будет жениться на его жене?

Мама подвинула к себе чашку и с удивлением взглянула на Мальшу.

— Почему ты так думаешь?—спросила она, сдерживая смех.

Мальш, испугавшись, что сморозил глупость, решил не продолжать. Но мама настаивала:

— Скажи, почему ты это подумал?

— Ведь когда Боссе вырос, я получил его старый велосипед и его старые лыжи... И коньки, на которых он катался, когда был таким, как я... Я донашиваю его старые пижамы, его ботинки и всё остальное...

— Ну, а от его старой жены я тебя избавлю; это я тебе обещаю,—сказала мама серьёзно.

— А нельзя ли мне будет жениться на тебе?—спросил Мальш.

— Пожалуй, это невозможно,—ответила мама.—Ведь я уже замужем за папой.

Да, это было так.

— Какое неудачное совпадение, что и я и папа любим тебя!—недовольно произнёс Мальш.

Тут мама рассмеялась и сказала:

— Раз вы оба меня любите, значит, я хорошая.

— Ну, тогда я женюсь на Гунилле,—вздыхнул Мальш.—Ведь надо же мне будет на ком-нибудь жениться!

И Мальш вновь задумался. Он думал о том, что ему, наверно, будет не очень приятно жить вместе с Гуниллой, потому что с ней иногда трудно ладить. Да и вообще ему больше всего хотелось жить вместе с мамой, папой, Боссе и Бетан, а не с какой-то там женой.

— Мне бы гораздо больше хотелось иметь собаку, чем жену,—сказал Мальш.—Мама, ты не можешь мне подарить щенка?

Мама вздохнула. Ну вот, опять Мальш заговорил о своей вожаденной собаке! Это было почти так же невыносимо, как и разговоры о Карлсоне, который живёт на крыше.

— Знаешь что, Мальш,—сказала мама,—тебе уже пора одеваться, а то ты опоздаешь в школу.

— Ну, ясно,— ответил Мальш.— Стоит мне только заговорить о собаке, как ты заводишь разговор о школе!

...В тот день Мальшу было приятно идти в школу, потому что ему многое надо было обсудить с Кристером и Гуниллой.

Домой они шли, как всегда, вместе. И Мальша это особенно радовало, потому что теперь Кристер и Гунилла тоже были знакомы с Карлсоном.

— Он такой весёлый, правда? Как ты думаешь, сегодня он опять прилетит?— спросила Гунилла.

— Не знаю,— ответил Мальш.— Он сказал, что прилетит «приблизительно». А это значит — когда ему вздумается.

— Надеюсь, что он прилетит «приблизительно» сегодня,— сказал Кристер.— Можно, мы с Гуниллой пойдём к тебе?

— Конечно, можно,— сказал Мальш.

Тут появилось ещё одно существо, которое тоже захотело пойти вместе с ними. Когда ребята собрались перейти улицу, к Мальшу подбежал маленький чёрный пудель. Он обнюхал колени Мальша и дружески тявкнул.

— Поглядите, какой славный щенок!— радостно воскликнул Мальш.— Он, наверно, испугался уличного движения и просит меня перевести его на ту сторону.

Мальш был бы счастлив переводить щенка через все перекрёстки города. Должно быть, щенок это почувствовал: он бежал вприпрыжку по мостовой, норовя прижаться к ноге Мальша.

— Какой он симпатичный,— сказала Гунилла.— Иди сюда, маленький пёсик!

— Нет, он хочет идти рядом со мной,— сказал Мальш и взял щенка за ошейник.— Он меня полюбил.

— Меня он тоже полюбил,— сказала Гунилла.

У маленького щенка был такой вид, будто он готов любить всех на свете, только бы его любили. И Мальш полюбил этого щенка. О, как он его полюбил! Он нагнулся к щенку и принялся его ласкать, и гладить, и тихонько присвистывать, и причмокивать. Все эти нежные звуки должны были означать, что чёрный пудель — самый симпатичный, самый распрекрасный пёс на свете. Щенок вилял хвостом, всячески давая понять, что он тоже так думает. Он радостно прыгал и

лаял, а когда дети свернули на свою улицу, побежал вслед за ними.

— Может быть, ему негде жить?— сказал Мальш, цепляясь за последнюю надежду: он ни за что не хотел расставаться с щенком.— И, может быть, у него нет хозяина?

— Ну да, наверно, нет,— согласился с Мальшом Кристер.

— Да замолчи ты!— раздражённо оборвал его Мальш.— Ты-то откуда знаешь?

Разве мог понять Кристер, у которого был Ёффа, что значит не иметь собаки — совсем никакой собаки!

— Иди сюда, милый пёсик!— позвал Мальш, всё больше убеждая себя в том, что щенку негде жить.

— Смотри, как бы он не увязался за тобой,— предупредил Кристер.

— Пусть идёт. Я и хочу, чтобы он шёл за мной,— ответил Мальш.

И щенок пошёл за ним. Так он оказался у дверей дома, где жил Мальш. Тут Мальш взял его на руки и понёс по лестнице.

«Сейчас я спрошу у мамы, можно ли мне оставить его у себя».

Но мамы не было дома. В записке, которую Мальш нашёл на кухонном столе, было сказано, что она в прачечной и что он может туда зайти, если ему что-нибудь понадобится.

Тем временем щенок, как ракета, ворвался в комнату Мальша. Ребята помчались за ним.

— Видите, он хочет жить у меня!— закричал Мальш, обезумев от радости.

В эту самую минуту в окно влетел Карлсон, который живёт на крыше.

— Привет!— крикнул он.— Вы что, постирали эту собаку? Ведь у неё вся шерсть села!

— Это же не Ёффа, разве ты не видишь?— сказал Мальш.— Это моя собака!

— Нет, не твоя,— возразил Кристер.

— У тебя нет собаки,— подтвердила Гунилла.

— А вот у меня там, наверху, тысячи собак,— сказал Карлсон.— Лучший в мире собаковод — это...

— Что-то я не видал у тебя никаких собак,— перебил Мальш Карлсона.

— Их просто не было дома — они все разлетелись. Ведь у меня летающие собаки.

Мальш не слушал Карлсона. Тысячи летающих собак ничего не значили для него по сравнению с этим маленьким милым щенком.

— Нет, не думаю, чтобы у него был хозяин,— вновь сказал Мальш.

Гунилла склонилась над собакой.

— Во всяком случае, на ошейнике у него написано «Альберг»,— сказала она.

— Ясно, это фамилия его хозяина,— подхватил Кристер.

— Может быть, этот Альберг уже умер! — возразил Мальш и подумал, что, даже если Альберг существует, он, конечно, не любит щенка. И вдруг Мальшу пришла в голову прекрасная мысль. — А может быть, самого щенка зовут Альберг? — спросил он, умоляюще взглянув на Кристера и Гуниллу.

Но те лишь обидно рассмеялись в ответ.

— У меня есть несколько собак по кличке Альберг,— сказал Карлсон.— Привет, Альберг!

Щенок подскочил к Карлсону и весело залаял.

— Вот видите,— крикнул Мальш,— он знает своё имя!.. Альберг, Альберг, сюда!

Гунилла схватила щенка.

— Тут на ошейнике выгравирован номер телефона,— безжалостно сказала она.

— Конечно, у собаки есть личный телефон,— объяснил Карлсон.— Скажи ей, чтобы она позвонила своей экономке и предупредила, что вернётся поздно. Мои собаки всегда звонят по телефону, когда задерживаются.

Карлсон погладил щенка своей пухлой ручкой.

— Одна из моих собак, которую, кстати, тоже зовут Альберг, как-то на днях задержалась,— продолжал Карлсон.— Она решила позвонить домой, чтобы предупредить меня, но спутала номер телефона и попала к одному старому майору в отставке, проживающему в Кунгсхольме. «Это кто-нибудь из собак Карлсона?» — осведомилась Альберг. Майор обиделся и стал ругаться: «Осёл! Я майор, а не собака!» — «Так чего ж вы меня облаяли?» — вежливо спросила Альберг. Вот какая она умница!

Мальш не слушал Карлсона. Его сейчас ничто не интересовало, кроме маленького щенка. И даже когда Карлсон сказал, что он не прочь слегка поразвлечься,

Мальшш не обратил на это никакого внимания. Тогда Карлсон выпятил нижнюю губу и заявил:

— Нет, так я не играю! Ты всё время возишься с этой собакой, а я тоже хочу чем-нибудь заняться.

Гунилла и Кристер поддержали Карлсона.

— Давайте устроим «Вечер чудес»,— сказал Карлсон, перестав дуться.— Угадайте, кто лучший в мире фокусник?

— Конечно, Карлсон!— наперебой закричали Мальшш, Кристер и Гунилла.

— Значит, мы решили, что устроим представление под названием «Вечер чудес»?

— Да,— сказали дети.

— Мы решили также, что вход на это представление будет стоить одну конфетку?

— Да,— подтвердили дети.

— И ещё мы решили, что собранные конфеты пойдут на благотворительные цели.

— Как?— удивились дети.

— А существует только одна настоящая благотворительная цель— забота о Карлсоне.

Дети с недоумением переглянулись.

— А может быть...— начал было Кристер.

— Нет, мы решили!— перебил его Карлсон.— А то я не играю.

Итак, они решили, что все конфеты получит Карлсон, который живёт на крыше.

Кристер и Гунилла выбежали на улицу и рассказали всем детям, что наверху у Мальшша сейчас начнётся большое представление «Вечер чудес». И все, у кого было хотя бы пять эре, побежали в лавку и купили там «входные конфеты».

У двери в комнату Мальшша стояла Гунилла; она отбирала у всех зрителей конфеты и клала их в коробку с надписью: «Для благотворительных целей».

Посреди комнаты Кристер расставил стулья для публики. Угол комнаты был отгорожен одеялом, и оттуда доносились шёпот и собачий лай.

— Что нам здесь будут показывать?— спросил мальчик по имени Кирре.— Если какую-нибудь чепуху, я потребую назад свою конфетку.

Мальшш, Гунилла и Кристер не любили этого Кирре— он вечно был всем недоволен.

Но вот из-за одеяла вышел Мальшш. На руках он держал маленького щенка.

— Сейчас вы все увидите лучшего в мире фокусника и учёную собаку Альберг,— торжественно произнёс он.

— Как уже было объявлено, выступает лучший в мире фокусник,— послышался голос из-за одеяла, и перед публикой появился Карлсон.

Его голову украшал цилиндр папы Мальпша, а на плечи был накинут мамин клетчатый фартук, завязанный под подбородком пышным бантом. Этот фартук заменял Карлсону чёрный плащ, в котором обычно выступают фокусники.

Все дружно захлопали. Все, кроме Кирре.

Карлсон поклонился. Вид у него был очень самодовольный. Но вот он снял с головы цилиндр и показал всем, что цилиндр пуст,— точь-в-точь как это обычно делают фокусники.

— Будьте добры, господа, убедитесь, что в цилиндре ничего нет. Абсолютно ничего,— сказал он.

«Сейчас он вынет оттуда живого кролика,— подумал Мальпш. Он видел однажды в цирке выступление фокусника.— Вот будет забавно, если Карлсон и правда вынет из цилиндра кролика!»

— Как уже было сказано, здесь ничего нет,— мрачно продолжал Карлсон.— И здесь никогда ничего не будет, если вы сюда ничего не положите. Я вижу, передо мной сидят маленькие обжоры и едят конфеты. Сейчас мы пустим этот цилиндр по кругу, и каждый из вас кинет в него по одной конфете. Вы сделаете это в благотворительных целях.

Мальпш с цилиндром в руках обошёл всех ребят. Конфеты так и сыпались в цилиндр. Затем он передал цилиндр Карлсону.

— Что-то он подозрительно гремит!— сказал Карлсон и потряс цилиндр.— Если бы он был полон, он бы так не гремел.

Карлсон сунул в рот конфетку и принялся жевать.

— Вот это, я понимаю, благотворительность!— воскликнул он и ещё энергичнее заработал челюстями.

Один Кирре не положил конфеты в шляпу, хотя в руке у него был целый кулёк.

— Так вот, дорогие мои друзья, и ты, Кирре,— сказал Карлсон,— перед вами учёная собака Альберг. Она умеет делать всё: звонить по телефону, летать, печь булочки, разговаривать и поднимать ножку. Словом, всё.

В этот момент щенок и в самом деле поднял ножку — как раз возле стула Кирре, и на полу образовалась маленькая лужица.

— Теперь вы видите, что я не преувеличиваю: это действительно ученая собака.

— Ерунда! — сказал Кирре и отодвинул свой стул от лужицы. — Любой щенок сделает такой фокус. Пусть этот Альберг немножко поговорит. Это будет потруднее, ха-ха!

Карлсон обратился к щенку:

— Разве тебе трудно говорить, Альберг?

— Нет, — ответил щенок. — Мне трудно говорить, только когда я курю сигару.

Ребята прямо подскочили от изумления. Казалось, говорит сам щенок. Но Малыш всё же решил, что за него говорит Карлсон. И он даже обрадовался, потому что хотел иметь обыкновенную собаку, а не какую-то говорящую.

— Милый Альберг, не можешь ли ты рассказать что-нибудь из собачьей жизни нашим друзьям и Кирре? — попросил Карлсон.

— Охотно, — ответил Альберг и начал свой рассказ. — Позавчера вечером я ходил в кино, — сказал он и весело запрыгал вокруг Карлсона.

— Конечно, — подтвердил Карлсон.

— Ну да! И рядом со мной на стуле сидели две блохи, — продолжал Альберг.

— Что ты говоришь! — удивился Карлсон.

— Ну да! — сказал Альберг. — И когда мы вышли потом на улицу, я услышал, как одна блоха сказала другой: «Ну как, пойдём домой пешком или поедем на собаке?»

Все дети считали, что это хорошее представление, хотя и не совсем «Вечер чудес». Один лишь Кирре сидел с недовольным видом.

— Он ведь уверял, что эта собака умеет печь булочки, — насмешливо проговорил Кирре.

— Альберг, ты испечёшь булочку? — спросил Карлсон.

Альберг зевнул и лёг на пол.

— Нет, не могу... — ответил он.

— Ха-ха! Так я и думал! — закричал Кирре.

— ...потому что у меня нет дрожжей, — пояснил Альберг.

Всем детям Альберг очень понравился, но Кирре продолжал упорствовать.

— Тогда пусть полетает — для этого дрожжей не нужно, — сказал он.

— Полетаешь, Альберг? — спросил Карлсон собаку.

Щенок, казалось, спал, но на вопрос Карлсона всё же ответил:

— Что ж, пожалуйста, но только если ты полетишь вместе со мной, потому что я обещал маме никогда не летать без взрослых.

— Тогда иди сюда, маленький Альберг, — сказал Карлсон и поднял щенка с пола.

Секунду спустя Карлсон и Альберг уже летели. Сперва они поднялись к потолку и сделали несколько кругов над люстрой, а затем вылетели в окно. Кирре даже побледнел от изумления.

Все дети кинулись к окну и стали смотреть, как Карлсон и Альберг летают над крышей дома.

А Мальши в ужасе крикнул:

— Карлсон, Карлсон, лети назад с моей собакой!

Карлсон послушался. Он тут же вернулся назад и положил Альберга на пол. Альберг встряхнулся. Вид у него был очень удивлённый — можно было подумать, что это его первый в жизни полёт.

— Ну, на сегодня хватит. Больше нам нечего показывать. А это тебе. Получай! — И Карлсон толкнул Кирре.

Кирре не сразу понял, чего хотел Карлсон.

— Дай конфету! — сердито проговорил Карлсон.

Кирре вытащил свой кулёк и отдал его Карлсону, успев, правда, сунуть себе в рот ещё одну конфету.

— Позор жадному мальчишке!.. — сказал Карлсон и стал поспешно искать что-то глазами. — А где коробка для благотворительных сборов? — с тревогой спросил он.

Гунилла подала ему коробку, в которую она собирала «входные конфеты». Она думала, что теперь, когда у Карлсона оказалось столько конфет, он угостит всех ребят. Но Карлсон этого не сделал. Он схватил коробку и принялся жадно считать конфеты.

— Пятнадцать штук, — сказал он. — На ужин хватит... Привет! Я отправляюсь домой ужинать.

И он вылетел в окно.

Дети стали расходиться. Гунилла и Кристер тоже ушли. Мальш и Альберг остались вдвоём, чему Мальш был очень рад. Он взял щенка на колени и стал ему что-то нащёптывать. Щенок лизнул Мальша в лицо и заснул, сладко посапывая.

Потом пришла мама из прачечной, и сразу всё изменилось. Мальшу сделалось очень грустно: мама вовсе не считала, что Альбергу негде жить, — она позвонила по номеру, который был выгравирован на ошейнике Альберга, и рассказала, что её сын нашёл маленького чёрного щенка-пуделя.

Мальш стоял возле телефона, прижимая Альберга к груди, и шептал:

— Только бы это был не их щенок...

Но, увы, это оказался их щенок!

— Знаешь, сыночек, кто хозяин Бобби? — сказала мама, положив трубку. — Мальчик, которого зовут Стафан Альберг.

— Бобби? — переспросил Мальш.

— Ну да, так зовут щенка. Всё это время Стафан проплакал. В семь часов он придёт за Бобби.

Мальш ничего не ответил, но сильно побледнел и глаза его заблестели. Он ещё крепче прижал к себе щенка и тихонько, так, чтобы мама не слышала, зашептал ему на ухо:

— Маленький Альберг, как бы я хотел, чтобы ты был моей собакой!

Когда пробило семь, пришёл Стафан Альберг и унёс щенка.

А Мальш лежал ничком на кровати и плакал так горько, что просто сердце разрывалось.

КАРЛСОН ПРИХОДИТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Настало лето. Занятия в школе кончились, и Мальша собирались отправить в деревню, к бабушке. Но до отъезда должно было ещё произойти одно важное событие — Мальшу исполнилось восемь лет. О, как долго ждал Мальш своего дня рождения! Почти с того дня, как ему исполнилось семь.

Удивительно, как много времени проходит между днями рождения, — почти столько же, сколько между рождественскими праздниками.

Вечером накануне этого торжественного дня у Мальша был разговор с Карлсоном.

— Завтра день моего рождения, — сказал Мальш. — Ко мне придут Гунилла и Кристер, и нам накроют стол в моей комнате... — Мальш помолчал; вид у него был мрачный. — Мне бы очень хотелось и тебя пригласить, — продолжал он, — но...

Мама так сердилась на Карлсона, что бесполезно было просить у неё разрешения.

Карлсон выпятил нижнюю губу больше, чем когда бы то ни было:

— Я с тобой не буду водиться, если ты меня не позовёшь! Я тоже хочу повеселиться.

— Ладно, ладно, приходи, — торопливо сказал Мальш.

Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угощать? — спросил Карлсон, перестав дуться.

— Ну конечно, сладким пирогом. У меня будет именинный пирог, украшенный восемью свечами.

— Хорошо! — воскликнул Карлсон. — Знаешь, у меня есть предложение.

— Какое? — спросил Мальш.

— Нельзя ли попросить твою маму приготовить нам вместо одного пирога с восемью свечами восемь пирогов с одной свечой?

Но Мальш не думал, чтобы мама на это согласилась.

— Ты, наверно, получишь хорошие подарки? — спросил Карлсон.

— Не знаю, — ответил Мальш и вздохнул.

Он знал: то, чего он хотел, хотел больше всего на свете, он всё равно не получит...

— Собаку мне, видно, не подарят никогда в жизни, — сказал Мальш. — Но я, конечно, получу много других подарков. Поэтому я решил весь день веселиться и совсем не думать о собаке.

— А кроме того, у тебя есть я. Я куда лучше собаки, — сказал Карлсон и взглянул на Мальша, наклонив голову. — Хотелось бы знать, какие ты получишь подарки. Если тебе подарят конфеты, то, помоему, ты должен их тут же отдать на благотворительные цели.

— Хорошо, если я получу коробку конфет, я тебе её отдам.

Для Карлсона Мальш был готов на всё, особенно теперь, когда предстояла разлука.

— Знаешь, Карлсон, — сказал Мальш, — послезавтра я уезжаю к бабушке на всё лето.

Карлсон сперва помрачнел, а потом важно произнёс:

— Я тоже еду к бабушке, и моя бабушка гораздо больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Мальш.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и всю ночь скачет?

Больше им не удалось поговорить ни о бабушке Карлсона, ни о дне рождения Мальша, ни о чём другом, потому что уже стемнело и Мальшу нужно было поскорее лечь в постель, чтобы не проспать день своего рождения.

Проснувшись на следующее утро, Мальш лежал в кровати и ждал: он знал — сейчас отворится дверь, и

все войдут к нему в комнату и принесут именинный пирог и другие подарки. Минуты тянулись мучительно долго. У Мальшпа даже живот заболел от ожидания, так ему хотелось скорее увидеть подарки.

Но вот наконец в коридоре раздались шаги и послышались слова: «Да он, наверно, уже проснулся». Дверь распахнулась, и появились все: мама, папа, Боссе и Бетан.

Мальшп сел на кровати, и глаза его заблестели.

— Поздравляем тебя, дорогой Мальшп! — сказала мама.

И папа, и Боссе, и Бетан тоже сказали: «Поздравляем!» И перед Мальшпом поставили поднос. На нём был пирог с восемью горящими свечками и другие подарки.

Много подарков — хотя, пожалуй, меньше, чем в прошлые дни рождения: на подносе лежало всего четыре свёртка; Мальшп их быстро сосчитал.

Но папа сказал:

— Не обязательно все подарки получать утром — может быть, ты получишь ещё что-нибудь днём...

Мальшп был очень рад четырём свёрткам. В них оказались: коробка с красками, игрушечный пистолет, книга и новые синие штанишки. Всё это ему очень понравилось. «Какие они милые — мама, и папа, и Боссе, и Бетан! — подумал Мальшп. — Ни у кого на свете нет таких милых мамы и папы и брата с сестрой».

Мальшп несколько раз стрельнул из пистолета. Выстрелы получались очень громкие. Вся семья сидела у его кровати и слушала, как он стреляет. О, как они все друг друга любили!

— Подумай, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой... — сказал папа.

— Да, — сказала мама, — как быстро идёт время! Помнишь, какой дождь хлестал в тот день в Стокгольме?

— Мама, я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Мальшп.

— Конечно, — ответила мама.

— Но ведь Боссе и Бетан родились в Мalmö?

— Да, в Мalmö.

— А ведь ты, папа, родился в Гётеборге? Ты мне говорил...

— Да, я гётеборгский мальчишка,— сказал папа.

— А ты, мама, где родилась?

— В Эскильстуне,— сказала мама.

Мальши горячо обнял её.

— Какая удача, что мы все встретились! — проговорил он.

И все с этим согласились.

Потом они пропели Мальшу «Многие лета», а Мальши выстрелил, и треск получился оглушительный.

Всё утро Мальши то и дело стрелял из пистолета, ждал гостей и всё время размышлял о словах папы, что подарки могут появиться и днём. На какой-то счастливый миг он вдруг поверил, что свершится чудо — ему подарят собаку. Но тут же понял, что это невозможно, и даже рассердился на себя за то, что так глупо размышлял. Ведь он твёрдо решил не думать сегодня о собаке и всему радоваться.

И Мальши действительно всему радовался.

Сразу же после обеда мама стала накрывать на стол у него в комнате. Она поставила в вазу большой букет цветов и принесла самые красивые розовые чашки. Три штуки.

— Мама,— сказал Мальши,— нужно четыре чашки.

— Почему? — удивилась мама.

Мальши замаялся. Теперь ему надо было рассказать, что он пригласил на день рождения Карлсона, хотя мама, конечно, будет этим недовольна.

— Карлсон, который живёт на крыше, тоже придёт ко мне,— сказал Мальши и смело посмотрел маме в глаза.

— О! — вздохнула мама. — О! Ну что ж, пусть приходит. Ведь сегодня день твоего рождения.

Мама провела ладонью по светлым волосам Мальша:

— Ты всё ещё носишься со своими детскими фантазиями. Трудно поверить, что тебе исполнилось восемь. Сколько тебе лет, Мальши?

— Я мужчина в самом расцвете сил,— важно ответил Мальши — точь-в-точь как Карлсон.

Медленно катился этот день. Уже давно настало то «днём», о котором говорил папа, но никаких новых подарков никто не приносил.

В конце концов Мальши получил ещё один подарок.

Боссе и Бетан, у которых ещё не начались летние каникулы, вернулись из школы и тут же заперлись в комнате Боссе.

Мальпша они туда не пустили. Стоя в коридоре, он слышал, как за запертой дверью раздавалось хихиканье сестры и шуршание бумаги. Мальпш чуть не лопнул от любопытства.

Некоторое время спустя они вышли, и Бетан, смеясь, протянула Мальпшу свёрток. Мальпш очень обрадовался и хотел уже разорвать бумажную обёртку, но Боссе сказал:

— Нет, сперва прочти стихи, которые здесь наклеены.

Стихи были написаны крупными печатными буквами, чтобы Мальпш смог их сам разобрать, и он прочёл:

Брат и сестра тебе дарят собаку.
Она не вступает с собаками в драку,
Не лает, не прыгает и не кусается,
Ни на кого никогда не бросается.
И хвостик, и лапы, и морда, и уши
У этой собаки из чёрного плюша.

Мальпш молчал; он словно окаменел.

— Ну, а теперь развяжи свёрток,— сказал Боссе.

Но Мальпш швырнул свёрток в угол, и слёзы градом покатились по его щекам.

— Ну что ты, Мальпш, что ты? — испуганно сказала Бетан.

— Не надо, не плачь, не плачь, Мальпш! — растерянно повторял Боссе; видно было, что он очень огорчён.

Бетан обняла Мальпша:

— Прости нас! Мы хотели только пошутить. Понимаешь?

Мальпш резким движением вырвался из рук Бетан; лицо его было мокрым от слёз.

— Вы же знали,— бормотал он, всхлипывая,— вы же знали, что я мечтал о живой собаке! И нечего было меня дразнить...

Мальпш побежал в свою комнату и бросился на кровать. Боссе и Бетан кинулись вслед за ним. Прибежала и мама. Но Мальпш не обращал на них никакого внимания — он весь трясся от плача.

Теперь день рождения был испорчен. Мальпш решил быть целый день весёлым, даже если ему и не

подарят собаку. Но получить в подарок плюшевого щенка — это уж слишком! Когда он об этом вспоминал, его плач превращался в настоящий стон, и он всё глубже зарывался головой в подушку.

Мама, Боссе и Бетан стояли вокруг кровати. Всем им было тоже очень грустно.

— Я сейчас позвоню папе и попрошу его пораньше прийти с работы, — сказала мама.

Мальш плакал... Что толку, если папа придёт домой? Всё сейчас казалось Мальшу безнадежно грустным. День рождения был испорчен, и ничем уже нельзя было тут помочь.

Он слышал, как мама пошла звонить по телефону, но он всё плакал и плакал. Слышал, как папа вернулся домой, но всё плакал и плакал. Нет, никогда Мальш теперь уже не будет весёлым. Лучше всего ему сейчас умереть, и пусть тогда Боссе и Бетан возьмут себе плюшевого щенка, чтобы вечно помнить, как они зло подшутили над своим маленьким братом в тот день рождения, когда он был ещё жив...

Вдруг Мальш заметил, что все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — стоят вокруг его постели, но он ещё глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Мальш, там возле входной двери тебя кто-то ждёт... — сказал папа.

Мальш не ответил.

Папа потряс его за плечо:

— Ты что, не слышишь, что тебя у двери ждёт один приятель?

— Наверно, Гунилла или там Кристер, — ворчливо отозвался Мальш.

— Нет, того, кто тебя ждёт, зовут Бимбо, — сказала мама.

— Не знаю я никакого Бимбо! — пробурчал Мальш.

— Возможно, — сказала мама. — Но он очень хочет с тобой познакомиться.

Именно в эту минуту из передней донеслось негромкое тьяканье.

Мальш напряг все свои мускулы и упрямо не отрывался от подушки. Нет, ему и в самом деле пора бросить все эти выдумки...

Но вот опять в прихожей раздалось тьяканье. Резким движением Мальш сел на постели.

— Это что, собака? Живая собака? — спросил он.

— Да,—сказал папа,—это собака. Твоя собака. Тут Боссе кинулся в прихожую и минуту спустя влетел в комнату Мальшша, держа на руках—о, наверно, Мальшшу это всё только снится! — маленькую короткошёрстую таксу.

— Это моя живая собака?—прошептал Мальшш.

Слёзы застилали ему глаза, когда он протянул свои руки к Бимбо. Казалось, Мальшш боится, что щенок вдруг превратится в дым и исчезнет.

Но Бимбо не исчез. Мальшш держал Бимбо на руках, а тот лизал ему щёки, громко тявкал и обнюхивал уши. Бимбо был совершенно живой.

— Ну, теперь ты счастлив, Мальшш?—спросил папа.

Мальшш только вздохнул. Как мог папа об этом спрашивать! Мальшш был так счастлив, что у него заньло где-то внутри, то ли в душе, то ли в животе. А может быть, так всегда бывает, когда ты счастлив?

— А эта плюшевая собака будет игрушкой для Бимбо. Понимаешь, Мальшш! Мы не хотели дразнить тебя... так ужасно,—сказала Бетан.

Мальшш всё простил. И вообще он почти не слышал, что ему говорят, потому что разговаривал с Бимбо:

— Бимбо, маленький Бимбо, ты—моя собака!

Затем Мальшш сказал маме:

— Я думаю, что мой Бимбо гораздо милее Альберга, потому что короткошёрстые таксы наверняка самые лучшие собаки в мире.

Но тут Мальшш вспомнил, что Гунилла и Кристер должны прийти с минуты на минуту...

О! Он и не представлял себе, что один день может принести с собой столько счастья. Подумать только, ведь они сейчас узнают, что у него есть собака, на этот раз действительно его собственная собака, да к тому же ещё самая-самая прекрасная в мире!

Но вдруг Мальшш забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой Бимбо, когда я поеду к бабушке?

— Ну конечно. Ты повезёшь его в этой маленькой корзинке,—ответила мама и показала специальную корзинку для перевозки собак, которую вместе со щенком принёс в комнату Боссе.

— О! —сказал Мальшш.—О!

Раздался звонок. Это пришли Гунилла и Кристер. Мальшш бросился им навстречу, громко крича:

— Мне подарили собаку! У меня теперь есть своя собственная собака!

— Ой, какая она миленькая! — воскликнула Гунилла, но тут же спохватилась и торжественно произнесла: — Поздравляю с днём рождения. Вот тебе подарок от Кристера и от меня. — И она протянула Малышу коробку конфет, а потом снова села на корточки перед Бимбо и повторила: — Ой, до чего же она миленькая!

Малышу это было очень приятно слышать.

— Почти такая же милая, как Ёффа, — сказал Кристер.

— Что ты, она куда лучше Ёффы и даже куда лучше Альберга! — сказала Гунилла.

— Да, она куда лучше Альберга, — согласился с ней Кристер.

Малыш подумал, что и Гунилла и Кристер очень хорошие друзья, и пригласил их к празднично убранному столу.

Как раз в эту минуту мама принесла блюдо маленьких аппетитных бутербродов с ветчиной и сыром и вазу с целой горой печенья. Посреди стола уже красовался именинный пирог с восемью зажжёнными свечами. Потом мама взяла большой кофейник с горячим шоколадом и стала разливать шоколад в чашки.

— А мы не будем ждать Карлсона? — осторожно спросил Малыш.

Мама покачала головой:

— Нет, я думаю, ждать не стоит. Я уверена, что он сегодня не прилетит. И вообще давай поставим на нём крест. Ведь у тебя ж теперь есть Бимбо.

Конечно, теперь у Малыша был Бимбо, но всё же он очень хотел, чтобы Карлсон пришёл на его праздник.

Гунилла и Кристер сели за стол, и мама стала их угощать бутербродами. Малыш положил Бимбо в корзинку и тоже сел за стол.

Когда мама вышла и оставила детей одних, Боссе сунул свой нос в комнату и крикнул:

— Не съедайте весь пирог — оставьте и нам с Бетан!

— Ладно, оставляю по кусочку, — ответил Малыш. — Хотя, по правде говоря, это несправедливо:

ведь вы столько лет ели сладкие пироги, когда меня ещё и на свете не было.

— Только смотри, чтобы это были большие куски! — крикнул Боссе, закрывая дверь.

В этот самый момент за окном послышалось знакомое жужжание мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Вы уже сидите за столом? — воскликнул он. — Наверно, всё уже съели?

Мальшш успокоил его, сказав, что на столе ещё полным-полно угощений.

— Превосходно! — сказал Карлсон.

— А ты разве не хочешь поздравить Мальшша с днём рождения? — спросила его Гунилла.

— Да-да, конечно, поздравляю! — ответил Карлсон. — Где мне сесть?

Мама так и не поставила на стол четвёртой чашки. И когда Карлсон это заметил, он выпятил нижнюю губу и сразу надулся:

— Нет, так я не играю! Это несправедливо. Почему мне не поставили чашку?

Мальшш тут же отдал ему свою, а сам тихонько пробрался в кухню и принёс себе оттуда другую чашку.

— Карлсон, — сказал Мальшш, вернувшись в комнату, — я получил в подарок собаку. Её зовут Бимбо. Вот она. — И Мальшш показал на щенка, который спал в корзинке.

— Это отличный подарок, — сказал Карлсон. — Передай мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, и этот, и этот... Да! — воскликнул вдруг Карлсон. — Я чуть не забыл! Ведь и я принёс тебе подарок. Лучший в мире подарок... — Карлсон вынул из кармана брюк свисток и протянул его Мальшшу: — Теперь ты сможешь свистеть своему Бимбо. Я всегда свищу своим собакам. Хотя моих собак зовут Альбергами и они умеют летать...

— Как, всех собак зовут Альбергами? — удивился Кристер.

— Да, всю тысячу! — ответил Карлсон. — Ну что ж, теперь, я думаю, можно приступить к пирогу.

— Спасибо, милый, милый Карлсон, за свисток! — сказал Мальшш. — Мне будет так приятно свистеть Бимбо.

— Имей в виду, — сказал Карлсон, — что я буду

часто брать у тебя этот свисток. Очень, очень часто.— И вдруг спросил с тревогой:— Кстати, ты получил в подарок конфеты?

— Конечно,— ответил Мальш.— От Гуниллы и Кристера.

— Все эти конфеты пойдут на благотворительные цели,— сказал Карлсон и сунул коробку себе в карман; затем вновь принялся поглощать бутерброды.

Гунилла, Кристер и Мальш тоже ели очень торопливо, боясь, что им ничего не достанется. Но, к счастью, мама приготовила много бутербродов.

Тем временем мама, папа, Боссе и Бетан сидели в столовой.

— Обратите внимание, как тихо у детей,— сказала мама.— Я просто счастлива, что Мальш получил наконец собаку. Конечно, с ней будет большая возня, но что поделаешь!

— Да, теперь-то уж, я уверен, он забудет свои глупые выдумки про этого Карлсона, который живёт на крыше,— сказал папа.

В этот момент из комнаты Мальша донеслись смех и детская болтовня. И тогда мама предложила:

— Давайте пойдём и посмотрим на них. Они такие милые, эти ребята.

— Давайте, давайте пойдём! — подхватила Бетан.

И все они — мама, папа, Боссе и Бетан — отправились поглядеть, как Мальш празднует свой день рождения.

Дверь открыл папа. Но первой вскрикнула мама, потому что она первая увидела маленького толстого человечка, который сидел за столом возле Мальша.

Этот маленький толстый человечек был до ушей вымазан взбитыми сливками.

— Я сейчас упаду в обморок...— сказала мама.

Папа, Боссе и Бетан стояли молча и глядели во все глаза.

— Видишь, мама, Карлсон всё-таки прилетел ко мне,— сказал Мальш.— Ой, какой у меня чудесный день рождения получился!

Маленький толстый человечек стёр пальцами с губ сливки и так энергично принялся махать своей пухлой ручкой маме, папе, Боссе и Бетан, что хлопья сливок полетели во все стороны.

— Привет! — крикнул он.— До сих пор вы ещё не имели чести меня знать. Меня зовут Карлсон, который

живёт на крыше... Эй, Гунилла, Гунилла, ты слишком много накладываешь себе на тарелку! Я ведь тоже хочу пирога...

И он схватил за руку Гуниллу, которая уже взяла с блюда кусочек сладкого пирога, и заставил её положить всё обратно.

— Никогда не видел такой прожорливой девчонки! — сказал Карлсон и положил себе на тарелку куда больший кусок. — Лучший в мире истребитель пирогов — это Карлсон, который живёт на крыше! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Давайте уйдём отсюда, — прошептала мама.

— Да, пожалуй, уходите, так будет лучше. А то я при вас стесняюсь, — заявил Карлсон.

— Обещай мне одну вещь, — сказал папа, обращаясь к маме, когда они вышли из комнаты Малыша. — Обещайте мне все — и ты, Боссе, и ты, Бетан. Обещайте мне никогда никому не рассказывать о том, что мы сейчас видели.

— Почему? — спросил Боссе.

— Потому, что нам никто не поверит, — сказал папа. — А если кто-нибудь и поверит, то своими расспросами не даст нам покоя до конца наших дней!

Папа, мама, Боссе и Бетан пообещали друг другу, что они не расскажут ни одной живой душе об удивительном товарище, которого нашёл себе Малыш.

И они сдержали своё обещание.

Никто никогда не услышал ни слова о Карлсоне. И именно поэтому Карлсон продолжает жить в своём маленьком домике, о котором никто ничего не знает, хотя домик этот стоит на самой обыкновенной крыше самого обыкновенного дома на самой обыкновенной улице в Стокгольме. Поэтому Карлсон до сих пор спокойно гуляет, где ему вздумается, и проказничает сколько хочет. Ведь известно, что он лучший в мире проказник!

Когда с бутербродами, печеньем и пирогом было покончено и Кристер с Гуниллой ушли домой, а Бимбо крепко спал в своей корзинке, Малыш стал прощаться с Карлсоном.

Карлсон сидел на подоконнике, готовый к отлёту. Ветер раскачивал занавески, но воздух был тёплый, потому что уже наступило лето.

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Мальш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Буду, если только моя бабушка меня отпустит. А это ещё неизвестно, потому что она считает меня лучшим в мире внуком.

— А ты и вправду лучший в мире внук?

— Конечно. А кто же ещё, если не я? Разве ты можешь назвать кого-нибудь другого? — спросил Карлсон.

Тут он нажал кнопку на животе, и моторчик заработал.

— Когда я прилечу назад, мы съедим ещё больше пирогов! — крикнул Карлсон. — От пирогов не толстеют!.. Привет, Мальш!

— Привет, Карлсон! — крикнул в ответ Мальш. И Карлсон улетел.

Но в корзинке, рядом с кроваткой Мальша, лежал Бимбо и спал.

Мальш наклонился к щенку и тихонько погладил его по голове своей маленькой обветренной рукой.

— Бимбо, завтра мы поедем к бабушке, — сказал Мальш. — Доброй ночи, Бимбо! Спи спокойно.

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ОПЯТЬ ПРИЛЕТЕЛ

Земля такая огромная, и на ней столько домов! Большие и маленькие. Красивые и уродливые. Новостройки и развалюшки. И есть ещё совсем крошечный домик Карлсона, который живёт на крыше. Карлсон уверен, что это лучший в мире домик и что живёт в нём лучший в мире Карлсон. Мальш тоже в этом уверен.

Что до Мальша, то он живёт с мамой и папой, Боссе и Бетан в самом обыкновенном доме, на самой обыкновенной улице в городе Стокгольме, но на крыше этого обыкновенного дома, как раз за трубой, прячется крошечный домик с табличкой над дверью:

**Карлсон,
который живёт на крыше,
лучший в мире Карлсон**

Наверняка найдутся люди, которым покажется странным, что кто-то живёт на крыше, но Мальшш говорит:

— Ничего тут странного нет. Каждый живёт там, где хочет.

Мама и папа тоже считают, что каждый человек может жить там, где ему заблагорассудится. Но сперва они не верили, что Карлсон на самом деле существует. Боссе и Бетан тоже в это не верили. Они даже представить себе не могли, что на крыше живёт маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и что он умеет летать.

— Не болтай, Мальшш,—говорили Боссе и Бетан,—твой Карлсон—просто выдумка.

Для верности Мальшш как-то спросил у Карлсона, не выдумка ли он, на что Карлсон сердито буркнул:

— Сами они—выдумка!

Мама и папа решили, что Мальшшу бывает тоскливо одному, а одинокие дети часто придумывают себе разных товарищей для игр.

— Бедный Мальшш,—сказала мама.—Боссе и Бетан настолько старше его! Ему не с кем играть, вот он и фантазирует.

— Да,—согласился папа.—Во всяком случае, мы должны подарить ему собаку. Он так давно о ней мечтает. Когда Мальшш получит собаку, он тотчас забудет про своего Карлсона.

И Мальшшу подарили Бимбо. Теперь у него была собственная собака, и получил он её в день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет.

Именно в этот день мама, и папа, и Боссе, и Бетан увидели Карлсона. Да-да, они его увидели. Вот как это случилось.

Мальшш праздновал день рождения в своей комнате. У него в гостях были Кристер и Гунилла—они учатся с ним в одном классе. И когда мама, и папа, и Боссе, и Бетан услышали звонкий смех и весёлую болтовню, доносившиеся из комнаты Мальшша, мама предложила:

— Давайте пойдём и посмотрим на них, они такие милые, эти ребята.

— Пошли!—подхватил папа.

И что же увидели мама, и папа, и Боссе, и Бетан, когда они, приоткрыв дверь, заглянули к Мальшшу?

Кто сидел во главе праздничного стола, до ушей вымазанный взбитыми сливками, и уплетал так, что любо-дорого было глядеть? Конечно, не кто иной, как маленький толстый человечек, который тут же загорланил что было мочи:

— Привет! Меня зовут Карлсон, который живёт на крыше. Вы, кажется, до сих пор ещё не имели чести меня знать?

Мама едва не лишилась чувств. И папа тоже разнервничался.

— Только никому об этом не рассказывайте,— сказал он,— слышите, никому ни слова.

— Почему? — спросил Боссе.

И папа объяснил:

— Подумайте сами, во что превратится наша жизнь, если люди узнают про Карлсона. Его, конечно, будут показывать по телевизору и снимать для кинохроники. Подъмаясь по лестнице, мы будем спотыкаться о телевизионный кабель и о провода осветительных приборов, а каждые полчаса к нам будут являться корреспонденты, чтобы сфотографировать Карлсона и Мальшца. Бедный Мальшц, он превратится в «мальчика, который нашёл Карлсона, который живёт на крыше...». Одним словом, в нашей жизни больше не будет ни одной спокойной минуты.

Мама, и Боссе, и Бетан поняли, что папа прав, и обещали никому ничего не рассказывать о Карлсоне.

А как раз на следующий день Мальшц должен был уехать на всё лето к бабушке в деревню. Он был очень этому рад, но беспокоился за Карлсона. Мало ли что тот вздумает выкинуть за это время! А вдруг он исчезнет и больше никогда не прилетит!

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Мальшц.

— Как знать? — ответил Карлсон. — Спокойствие, только спокойствие. Я ведь тоже поеду к своей бабушке, и моя бабушка куда больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Мальшц.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и скачет по ночам?

Так Мальшцу ничего не удалось узнать про бабушку Карлсона. А на следующий день Мальшц уехал в деревню. Бимбо он взял с собой. Целые дни он играл

с деревенскими ребятами и о Карлсоне почти не вспоминал. Но когда кончились летние каникулы и Мальш вернулся в город, он спросил, едва переступив порог:

— Мама, за это время ты хоть раз видела Карлсона?

Мама покачала головой:

— Ни разу. Он не вернётся назад.

— Не говори так! Я хочу, чтобы он жил на нашей крыше. Пусть он опять прилетит!

— Но ведь у тебя теперь есть Бимбо,— сказала мама, пытаясь утешить Мальша. Она считала, что настал момент раз и навсегда покончить с Карлсоном.

Мальш погладил Бимбо.

— Да, конечно, у меня есть Бимбо. Он мировой пёс, но у него нет пропеллера, и он не умеет летать, и вообще с Карлсоном играть интересней.

Мальш помчался в свою комнату и распахнул окно.

— Эй, Карлс-о-он! Ты там, наверху? Откликнись! — завопил он во всё горло, но ответа не последовало. А на другое утро Мальш отправился в школу. Он теперь учился во втором классе. После обеда он уходил в свою комнату и садился за уроки. Окно он никогда не закрывал, чтобы не пропустить жужжание моторчика Карлсона, но с улицы доносился только рокот автомобилей да иногда гул самолёта, пролетающего над крышами. А знакомого жужжания всё не было слышно.

— Всё ясно, он не вернулся,— печально твердил про себя Мальш.— Он никогда больше не прилетит.

Вечером, ложась спать, Мальш думал о Карлсоне, а иногда, накрывшись с головой одеялом, даже тихо плакал от мысли, что больше не увидит Карлсона. Шли дни, была школа, были уроки, а Карлсона всё не было и не было.

Как-то после обеда Мальш сидел у себя в комнате и возился со своей коллекцией марок. Перед ним лежал альбом и целая куча новых марок, которые он собирался разобрать. Мальш усердно взялся за дело и очень быстро наклеил все марки. Все, кроме одной, самой лучшей, которую нарочно оставил напоследок. Это была немецкая марка с изображением Красной Шапочки и Серого волка, и Мальшу она очень-очень

нравилась. Он положил её на стол перед собой и любовался ею.

И вдруг Мальш услышал какое-то слабое жужжание, похожее...— да-да, представьте себе — похожее на жужжание моторчика Карлсона! И в самом деле это был Карлсон. Он влетел в окно и крикнул:

— Привет, Мальш!

— Привет, Карлсон! — завопил в ответ Мальш и вскочил с места. Не помня себя от счастья, он глядел на Карлсона, который несколько раз облетел вокруг люстры и неуклюже приземлился.. Как только Карлсон выключил моторчик — а для этого ему достаточно было нажать кнопку на животе, — так вот, как только Карлсон выключил моторчик, Мальш кинулся к нему, чтобы его обнять, но Карлсон отпихнул Мальша своей пухленькой ручкой и сказал:

— Спокойствие, только спокойствие! У тебя есть какая-нибудь еда? Может, мясные тефтельки или что-нибудь в этом роде? Сойдёт и кусок торта со взбитыми сливками.

Мальш покачал головой:

— Нет, мама сегодня не делала мясных тефтелек. А торт со сливками бывает у нас только по праздникам.

Карлсон надулся:

— Ну и семейка у вас! «Только по праздникам»... А если приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев? Думаю, твоя мама могла бы и постараться ради такого случая.

— Да, конечно, но ведь мы не знали...— оправдывался Мальш.

— «Не знали»! — ворчал Карлсон. — Вы должны были надеяться! Вы всегда должны надеяться, что я навещу вас, и потому твоей маме каждый день надо одной рукой жарить тефтели, а другой сбивать сливки.

— У нас сегодня на обед жареная колбаса, — сказал пристыжённый Мальш. — Хочешь колбаски?

— Жареная колбаса, когда в гости приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев! — Карлсон ещё больше надулся. — Понятно! Попадёшь к вам в дом — научишься набивать брюхо чем попало... Валяй, тащи свою колбасу.

Мальш со всех ног помчался на кухню. Мамы дома не было — она пошла к доктору, — так что он не мог спросить у неё разрешения. Но ведь Карлсон согла-

сился есть колбасу. А на тарелке как раз лежали пять ломтиков, оставшихся от обеда. Карлсон накиннулся на них, как ястреб на цыплёнка. Он набил рот колбасой и засиял как медный грош.

— Что ж, колбаса так колбаса. А знаешь, она недурна. Конечно, с тефтелями не сравнишь, но от некоторых людей нельзя слишком многого требовать.

Мальшш прекрасно понял, что «некоторые люди» — это он, и поэтому поспешил перевести разговор на другую тему.

— Ты весело провёл время у бабушки? — спросил он.

— Так весело, что и сказать не могу. Поэтому я говорить об этом не буду, — ответил Карлсон и жадно откусил ещё кусок колбасы.

— Мне тоже было весело, — сказал Мальшш. И он начал рассказывать Карлсону, как он проводил время у бабушки. — Моя бабушка, она очень, очень хорошая, — сказал Мальшш. — Ты себе и представить не можешь, как она мне обрадовалась. Она обнимала меня крепко-крепко.

— Почему? — спросил Карлсон.

— Да потому, что она меня любит. Как ты не понимаешь? — удивился Мальшш.

Карлсон перестал жевать:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка любит меня меньше? Уж не думаешь ли ты, что она не кинулась на меня и не стала так крепко-крепко меня обнимать, что я весь посинел? Вот как меня любит моя бабушка. А я должен тебе сказать, что у моей бабушки ручки маленькие, но хватка железная, и если бы она меня любила ещё хоть на капельку больше, то я бы не сидел сейчас здесь — она бы просто задушила меня в своих объятиях.

— Вот это да! — изумился Мальшш. — Выходит, твоя бабушка чемпионка по обниманию.

Конечно, бабушка Мальшша не могла с ней сравниться, она не обнимала его так крепко, но всё-таки она тоже любила своего внука и всегда была к нему очень добра. Это Мальшш решил ещё раз объяснить Карлсону.

— А ведь моя бабушка бывает и самой ворчливой в мире, — добавил Мальшш, минуту подумав. — Она всегда ворчит, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

Карлсон оставил пустую тарелку:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка менее ворчливая, чем твоя? Да будет тебе известно, что, ложась спать, она заводит будильник и вскакивает в пять утра только для того, чтобы всласть наворчаться, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

— Как, ты знаешь Лассе Янсона? — с удивлением спросил Мальш.

— К счастью, нет, — ответил Карлсон.

— Но почему же ворчит твоя бабушка?.. — ещё больше изумился Мальш.

— Потому, что она самая ворчливая в мире, — отрезал Карлсон. — Пойми же наконец! Раз ты знаешь Лассе Янсона, как же ты можешь утверждать, что твоя бабушка самая ворчливая? Нет, куда ей до моей бабушки, которая может целый день ворчать: «Не дерись с Лассе Янсоном, не дерись с Лассе Янсоном...» — хотя я никогда не видел этого мальчика и нет никакой надежды, что когда-либо увижу.

Мальш погрузился в размышления. Как-то странно получалось... Ему казалось, что, когда бабушка на него ворчит, это очень плохо, а теперь выходит, что он должен доказывать Карлсону, что его бабушка ворчливей, чем на самом деле.

— Стоит мне только чуть-чуть промочить ноги, ну самую капельку, а она уже ворчит и пристаёт ко мне, чтобы я переодел носки, — убеждал Мальш Карлсона.

Карлсон понимающе кивнул:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не требует, чтобы я всё время переодевал носки? Знаешь ли ты, что, как только я подхожу к луже, моя бабушка бежит ко мне со всех ног через деревню и ворчит и бубнит одно и то же: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...» Что, не веришь?

Мальш поёжился:

— Нет, почему же...

Карлсон пихнул Мальша, потом усадил его на стул, а сам стал перед ним, упёршись руками в бока:

— Нет, я вижу, ты мне не веришь. Так послушай, я расскажу тебе всё по порядку. Вышел я на улицу и шлёпаю себе по лужам... Представляешь? Веселюсь вовсю. Но вдруг, откуда ни возьмись, мчится бабушка и орёт на всю деревню: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки!..»

— А ты что? — снова спросил Мальш.

— А я говорю: «Не буду переодевать, не буду!..» — потому что я самый непослушный внук в мире, — объяснил Карлсон. — Я ускакал от бабушки и залез на дерево, чтобы она оставила меня в покое.

— А она, наверно, растерялась, — сказал Мальш.

— Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки, — возразил Карлсон. — Ничуть она не растерялась, а полезла за мной.

— Как — на дерево? — изумился Мальш.

Карлсон кивнул.

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не умеет лазить на деревья? Так знай: когда можно поворчать, она хоть куда взберётся, не то что на дерево, но и гораздо выше. Так вот, ползёт она по ветке, на которой я сижу, ползёт и бубнит: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...»

— А ты что? — снова спросил Мальш.

— Делать было нечего, — сказал Карлсон. — Пришлось переодевать, иначе она нипочём не отвязалась бы. Высоко-высоко на дереве я кое-как примостился на тоненьком сучке и, рискуя жизнью, переодел носки.

— Ха-ха! Врёшь ты всё, — рассмеялся Мальш. — Откуда же ты взял на дереве носки, чтобы переодеть?

— А ты не дурак, — заметил Карлсон. — Значит, ты утверждаешь, что у меня не было носков?

Карлсон засучил штаны и показал свои маленькие толстенькие ножки в полосатых носках:

— А это что такое? Может, не носки? Два, если не ошибаюсь, носочка? А почему это я не мог сидеть на сучке и переодевать их: носок с левой ноги надевать на правую, а с правой — на левую? Что, по-твоему, я не мог это сделать, чтобы угодить бабушке?

— Мог, конечно, но ведь ноги у тебя от этого не стали суше, — сказал Мальш.

— А разве я говорил, что стали? — возмутился Карлсон. — Разве я это говорил?

— Но ведь тогда... — и Мальш даже запнулся от растерянности, — ведь тогда выходит, что ты совсем зря переодевал носки.

Карлсон кивнул.

— Теперь ты понял наконец, у кого самая ворчливая в мире бабушка? Твоя бабушка просто вынуждена ворчать: разве без этого сладишь с таким противным внуком, как ты? А моя бабушка самая ворчливая в

мире, потому что она всегда зря на меня ворчит,— как мне это вбить тебе в голову?

Карлсон тут же расхохотался и легонько ткнул Мальшу в спину.

— Привет, Мальш! — воскликнул он. — Хватит нам спорить о наших бабушках, теперь самое время немного поразвлечься.

— Привет, Карлсон! — ответил Мальш. — Я тоже так думаю.

— Может, у тебя есть новая паровая машина? — спросил Карлсон. — Помнишь, как нам было весело, когда та, старая, взорвалась? Может, тебе подарили новую и мы снова сможем её взорвать?

Увы, Мальшу не подарили новой машины, и Карлсон тут же надулся. Но вдруг взгляд его упал на пылесос, который мама забыла унести из комнаты, когда кончила убирать. Вскрикнув от радости, Карлсон кинулся к пылесосу и вцепился в него.

— Знаешь, кто лучший пылесосчик в мире? — спросил он и включил пылесос на полную мощь. — Я привык, чтобы вокруг меня всё так и сияло чистотой, — сказал Карлсон. — А ты развёл такую грязь! Без уборки не обойтись. Как вам повезло, что вы напали на лучшего в мире пылесосчика!

Мальш знал, что мама только что как следует убрала его комнату, и сказал об этом Карлсону, но тот лишь язвительно рассмеялся в ответ.

— Женщины не умеют обращаться с такой тонкой аппаратурой, это всем известно. Гляди, как надо браться за дело, — сказал Карлсон и направил шланг пылесоса на белые тюлевые занавески, которые с лёгким шелестом тут же наполовину исчезли в трубе.

— Не надо, не надо, — закричал Мальш, — занавески такие тонкие... Да ты что, не видишь, что пылесос их засосал! Прекрати!..

Карлсон пожал плечами.

— Что ж, если ты хочешь жить в таком хлеву, пожалуйста, — сказал он.

Не выключая пылесоса, Карлсон начал вытаскивать занавески, но тщетно — пылесос решительно не хотел их отдавать.

— Зря упираешься, — сказал Карлсон пылесосу. — Ты имеешь дело с Карлсоном, который живёт на крыше, — с лучшим в мире вытаскивателем занавесок!

Он потянул ещё сильнее, и ему удалось в конце концов выдернуть их из шланга. Занавески стали чёрными, да к тому же у них появилась бахрома.

— Ой, гляди, на что они похожи! — воскликнул Мальш в ужасе. — Они же совсем чёрные.

— Вот именно, и ты ещё утверждаешь, грязнуля, что их не надо пылесосить? — Карлсон покровительственно похлопал Мальша по щеке и добавил: — Но не унывай, у тебя всё впереди, ты ещё можешь исправиться и стать отличным парнем, хотя ты и ужасный неряха. Для этого я должен тебя пропылесосить... Тебя сегодня уже пылесосили?

— Нет, — признался Мальш.

Карлсон взял в руки шланг и двинулся на Мальша.

— Ах эти женщины! — воскликнул он. — Часами убирают комнату, а такого грязнулю обработать забывают! Давай начнём с ушей.

Никогда прежде Мальша не обрабатывали пылесосом, и это оказалось так щекотно, что Мальш стонал от смеха.

А Карлсон трудился усердно и методично — начал с ушей и волос Мальша, потом принялся за шею и подмышки, прошёлся по спине и животу и напоследок занялся ногами.

— Вот именно это и называется «генеральная уборка», — заявил Карлсон.

— Ой, до чего щекотно! — визжал Мальш.

— По справедливости, моя работа требует вознаграждения, — сказал Карлсон.

Мальш тоже захотел произвести «генеральную уборку» Карлсона.

— Теперь моя очередь, — заявил он. — Иди сюда, для начала я пропылесосу тебе уши.

— В этом нет нужды, — запротестовал Карлсон. — Я мыл их в прошлом году в сентябре. Здесь есть вещи, которые куда больше моих ушей нуждаются в чистке.

Он окинул взглядом комнату и обнаружил лежащие на столе марки.

— У тебя повсюду разбросаны какие-то разноцветные бумажки, не стол, а помойка! — возмущился он.

И, прежде чем Мальш успел его остановить, он засосал пылесосом марку с Красной Шапочкой и Серым волком.

Мальш был в отчаянии.

— Моя марка! — завопил он. — Ты засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлсон выключил пылесос и скрестил руки на груди.

— Прости, — сказал он, — прости меня за то, что я, такой милый, услужливый и чистоплотный человечек, хочу всё сделать как лучше. Прости меня за это...

Казалось, он сейчас заплачет.

— Но я зря стараюсь, — сказал Карлсон, и голос его дрогнул. — Никогда я не слышу слов благодарности... одни только попреки...

— О Карлсон! — сказал Малыш. — Не расстраивайся, пойми, это же Красная Шапочка.

— Что ещё за Красная Шапочка, из-за которой ты поднял такой шум? — спросил Карлсон и тут же перестал плакать.

— Она была изображена на марке, — объяснил Малыш. — Понимаешь, это была моя лучшая марка.

Карлсон стоял молча — он думал. Вдруг глаза его засияли, и он хитро улыбнулся.

— Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!.. В Красную Шапочку и волка! Пылесос будет волком, а я — охотником, который придёт, распорет волку брюхо, и оттуда — ап! — выскочит Красная Шапочка.

Карлсон нетерпеливо обвёл взглядом комнату.

— У тебя есть топор? Ведь пылесос твёрдый, как бревно.

Топора у Малыша не было, и он был этому даже рад.

— Но ведь пылесос можно открыть — как будто мы распороли брюхо волку.

— Конечно, если халтурить, то можно и открыть, — пробурчал Карлсон. — Не в моих правилах так поступать, когда случается вспарывать брюхо волкам, но раз в этом жалком доме нет никаких инструментов, придётся как-то выходить из положения.

Карлсон навалился животом на пылесос и вцепился в его ручку.

— Болван! — закричал он. — Зачем ты всосал Красную Шапочку?

Малыш удивился, что Карлсон, как маленький, играет в такие детские игры, но смотреть на это было всё же забавно.

— Спокойствие, только спокойствие, милая Красная Шапочка! — кричал Карлсон. — Надень скорей свою шапочку и галоши, потому что сейчас я тебя выпущу.

Карлсон открыл пылесос и высыпал всё, что в нём было, прямо на ковёр. Получилась большая куча серо-чёрной пыли.

— О, ты должен был высыпать всё это на газету! — сказал Мальш.

— На газету?.. Разве так сказано в сказке? — возмущился Карлсон. — Разве там сказано, что охотник подстелил газету, прежде чем распороть волку брюхо и выпустить на свет божий Красную Шапочку? Нет, отвечай!

— Конечно, в сказке так не сказано, — вынужден был признать Мальш.

— Тогда молчи! — сказал Карлсон. — Выдумываешь, чего нет в сказке! Так я не играю!

Больше он уже не смог ничего добавить, потому что в открытое окно ворвался ветер, взметнул пыль, она забилась Карлсону в нос, и он чихнул. От его чиханья пыль снова взметнулась, над полом покружил маленький разноцветный квадратик и упал к ногам Мальша.

— Ой, гляди, гляди, вот она, Красная Шапочка! — закричал Мальш и кинулся, чтобы поднять запятлённую марку.

Карлсон был явно доволен.

— Видал миндал! — воскликнул он хвастливо. — Стоит мне чихнуть, и вещь найдена... Не будем больше ругаться из-за бедной Красной Шапочки!

Мальш обдул пыль со своей драгоценной марки — он был совершенно счастлив.

Вдруг Карлсон ещё раз чихнул, и с пола снова поднялось целое облако пыли.

— Угадай, кто лучший в мире чихальщик? — сказал Карлсон. — Я могу чиханьем разогнать всю пыль по комнате — пусть лежит, где ей положено. Сейчас увидишь!

Но Мальш его не слушал. Он хотел только одного — как можно скорее наклеить Красную Шапочку в альбом.

А Карлсон стоял в облаке пыли и чихал. Он всё чихал и чихал до тех пор, пока не «расчихал» пыль по всей комнате.

— Вот видишь, зря ты говорил, что нужно было подстилать газету. Пыль теперь снова лежит на своём месте, как прежде. Во всём должен быть порядок — мне он, во всяком случае, необходим. Не выношу грязи и всякого свинства — я к этому не привык.

Но Мальш не мог оторваться от своей марки. Он её уже наклеил и сейчас любовался ею — до чего хороша!

— Бижу, мне снова придётся пылесосить тебе уши! — воскликнул Карлсон. — Ты ничего не слышишь!

— Что ты говоришь? — переспросил Мальш.

— Глухая тетеря! Я говорю, что несправедливо, чтобы я один работал до седьмого пота! Гляди, я скоро набью себе мозоли на ладонках! Я из кожи лезу вон, чтобы почище убрать твою комнату. Теперь ты должен полететь со мной и помочь мне убрать мою, а то будет несправедливо.

Мальш отложил альбом. Полететь с Карлсоном на крышу — об этом можно было только мечтать! Лишь однажды довелось ему побывать у Карлсона, в его маленьком домике на крыше. Но в тот раз мама почему-то ужасно испугалась и вызвала пожарников.

Мальш погрузился в размышления. Ведь всё это было уже так давно, он теперь стал куда старше и может, конечно, преспокойно лезть на любую крышу. Но поймёт ли это мама? Вот в чём вопрос. Её нет дома, так что спросить её нельзя. Наверно, правильнее всего было бы отказаться...

— Ну, полетели? — спросил Карлсон.

Мальш ещё раз всё взвесил.

— А вдруг ты меня уронишь? — сказал он с тревогой.

Это предположение ничуть не смутило Карлсона.

— Велика беда! — воскликнул он. — Ведь на свете столько детей. Одним мальчиком больше, одним меньше — пустяки, дело житейское!

Мальш всерьёз рассердился на Карлсона.

— Я — дело житейское? Нет, если я упаду...

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон и похлопал Мальша по плечу. — Ты не упадёшь. Я обниму тебя так крепко, как меня обнимает моя бабушка. Ты, конечно, всего-навсего маленький грязнуля, но всё же ты мне нравишься.

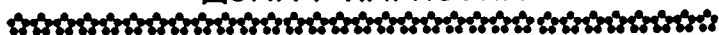
И он ещё раз похлопал Мальша по плечу.

— Да, странно, но всё-таки я очень к тебе привязался, глупый мальчишка. Вот подожди, мы доберёмся до моего домика на крыше, и я тебя так стисну, что ты посинеешь. Чем я в конце концов хуже бабушки?

Карлсон нажал кнопку на животе — моторчик за-тархтел. Тогда он обхватил Мальшца своими пухленькими ручками, они вылетели в окно и стали набирать высоту.

А тюлевые занавески с чёрной бахромой раскачивались так, словно махали им на прощание.

ДОМА У КАРЛСОНА

Маленькие домики на крышах всегда очень уютны, а домик Карлсона — особенно. Представьте себе зелёные ставенки и крохотное крылечко, на котором так приятно сидеть по вечерам и глядеть на звёзды, а днём пить сок и грызть пряники, конечно, если они есть. Ночью на этом крылечке можно спать, если в домике слишком жарко. А утром, когда проснёшься, любоваться, как солнце встаёт над крышами домов где-то за Остермальмом.

Да, это в самом деле очень уютный домик, и он так удачно примостился за выступом, что обнаружить его трудно. Конечно, если просто так бродишь по крышам, а не ищешь привидений за дымовыми трубами. Но ведь этим никто и не занимается.

— Здесь, наверну, всё ни на что не похоже, — сказал Мальш, когда Карлсон приземлился с ним на крылечке своего дома.

— Да, к счастью, — ответил Карлсон.

Мальш посмотрел вокруг.

— Куда ни глянь, крыши! — воскликнул он.

— Несколько километров крыш, где можно гулять и проказничать.

— Мы тоже будем проказничать? Ну, хоть немножко, а? — в восторге спросил Мальш.

Он вспомнил, как захватывающе интересно было на крыше в тот раз, когда они проказничали там вместе с Карлсоном.

Но Карлсон строго посмотрел на него:

— Понятно, лишь бы увильнуть от уборки, да? Я работаю на тебя как каторжный, выбиваюсь из

сил, чтобы хоть немного прибрать твой хлев, а ты потом предлагаешь гулять и проказничать. Ловко ты это придумал, ничего не скажешь!

Но Мальш ровным счётом ничего не придумывал.

— Я охотно тебе помогу и тоже буду убирать, если нужно.

— То-то,— сказал Карлсон и отпер дверь.

— Не беспокойся, пожалуйста,— повторил Мальш,— конечно, я помогу, если нужно...

Мальш вошёл в дом к лучшему в мире Карлсону и замер. Он долго стоял молча, и глаза его всё расширялись.

— Да, это нужно,— вымолвил он наконец.

В домике Карлсона была только одна комната. Там стоял верстак, вещь незаменимая,— и строгать на нём можно, и есть, а главное, вываливать на него что попало. Стоял и диванчик, чтобы спать, прыгать и кидать туда всё барахло. Два стула, чтобы сидеть, класть всякую всячину и влезать на них, когда нужно засунуть что-нибудь на верхнюю полку шкафа. Впрочем, обычно это не удавалось, потому что шкаф был до отказа забит тем, что уже не могло валяться просто на полу или висеть на гвоздях вдоль стен: ведь весь пол был заставлен, а стены завешаны несметным количеством вещей! У Карлсона в комнате был камин, и в нём — таганок, на котором он готовил еду. Каминная полка тоже была заставлена самыми разными предметами. А вот с потолка почти ничего не свисало: только коловорот, да ещё кошелёк с орехами, и пакет пистонов, и клещи, и пара башмаков, и рубанок, и ночная рубашка Карлсона, и губка для мытья посуды, и кочерга, и небольшой саквояж, и мешок сушёных вишен,— а больше ничего.

Мальш долго молча стоял у порога и растерянно всё разглядывал.

— Что, прикусил язык? Да, тут есть на что посмотреть, не чета твоей комнате— у тебя там, внизу, настоящая пустыня.

— Это правда, твоя на пустыню не похожа,— согласился Мальш.— Я понимаю, что ты хочешь убрать свой дом.

Карлсон кинулся на диванчик и удобно улёгся.

— Нет, ты меня не так понял,— сказал он.— Я вовсе ничего не хочу убирать. Это ты хочешь убирать... Я уже наубирался там, у тебя. Так или не так?

— Ты что, даже и помогать мне не будешь? — с тревогой спросил Мальш.

Карлсон облокотился о подушку и засопел так, как сопят, только когда очень уютно устроятся.

— Нет, почему же, конечно, я тебе помогу, — успокоил он Мальша, перестав сопеть.

— Вот и хорошо, — обрадовался Мальш. — А то я уж испугался, что ты...

— Нет, конечно, я тебе помогу, — подхватил Карлсон. — Я буду всё время петь и подбадривать тебя поощрительными словами. Раз, два, три, и ты закружишься по комнате. Будет очень весело.

Мальш не был в этом уверен. Никогда в жизни ему ещё не приходилось так много убирать. Конечно, дома он всегда убирал свои игрушки — только всякий раз маме надо было напомнить об этом раза три, четыре, а то и пять, и он тут же всё убирал, хотя считал, что занятие это скучное, а главное, совершенно бессмысленное. Но убирать у Карлсона — совсем другое дело.

— С чего мне начать? — спросил Мальш.

— Эх, ты! Всякий дурак знает, что начинать надо с ореховой скорлупы, — ответил Карлсон. — Генеральной уборки вообще не стоит устраивать, потому что потом я никогда уже не смогу всё так хорошо расставить. Ты только немного прибери.

Ореховая скорлупа валялась на полу вперемешку с апельсиновыми корками, вишнёвыми косточками, колбасными шкурками, скомканными бумажками, обгоревшими спичками и тому подобным мусором, так что самого пола и видно не было.

— У тебя есть пылесос? — спросил Мальш, немного подумав.

Этот вопрос был Карлсону явно не по душе. Он хмуро поглядел на Мальша:

— А среди нас, оказывается, завелись лентяи! Лучшая в мире половая тряпка и лучший в мире совок их почему-то не устраивают. Пылесосы им, видите ли, подавай, только бы от работы отлынивать! — И Карлсон даже фыркнул от возмущения. — Если бы я захотел, у меня могло быть хоть сто пылесосов. Но я не такой бездельник, как некоторые. Я не боюсь физической работы.

— А разве я боюсь? — сказал Мальш, оправдываясь. — Но... да ведь всё равно у тебя нет электричества, значит, и пылесоса быть не может.

Мальши вспомнил, что домик Карлсона лишён всех современных удобств. Там не было ни электричества, ни водопровода.

По вечерам Карлсон зажигал керосиновую лампу, а воду брал из кадки, которая стояла у крылечка, под водосточной трубой.

— У тебя и мусоропровода нет,— продолжал Мальш,— хотя тебе он очень нужен.

— У меня нет мусоропровода? — возмутился Карлсон.— Откуда ты взял? Подмети-ка пол, и я покажу тебе лучший в мире мусоропровод.

Мальш вздохнул, взял веник и принялся за дело. А Карлсон вытянулся на диванчике, подложив руки под голову, и наблюдал за ним. Вид у него был очень довольный.

И он запел, чтобы помочь Мальшу,— точь-в-точь как обещал:

Долог день для того,
Кто не сделал ничего.
Кончил дело — гуляй смело!

— Золотые слова,— сказал Карлсон и зарылся в подушку, чтобы улечься поудобнее.

А Мальш всё подметал и подметал. В самый разгар уборки Карлсон прервал своё пение и сказал:

— Ты можешь устроить себе небольшую переменуку и сварить мне кофе.

— Сварить кофе? — переспросил Мальш.

— Да, пожалуйста,— подтвердил Карлсон.— Я не хочу тебя особенно утруждать. Тебе придётся только развести огонь под таганком, принести воды и приготовить кофе. А уж пить его я буду сам.

Мальш печально посмотрел на пол, на котором почти не было видно следов его усилий:

— Может, ты сам займёшься кофе, пока я буду подметать?

Карлсон тяжело вздохнул.

— Как это только можно быть таким ленивым, как ты? — спросил он.— Раз уж ты устраиваешь себе переменуку, неужели так трудно сварить кофе?

— Нет, конечно, нетрудно,— ответил Мальш,— но дай мне сказать. Я думаю...

— Не дам,— перебил его Карлсон.— Не трать понапрасну слов! Лучше бы ты постарался хоть чем-то услужить человеку, который в поте лица пылесосил твои уши и вообще из кожи вон лез ради тебя.

Мальш отложил веник, взял ведро и побежал за водой. Потом принёс из чулана дрова, сложил их под таганком и попытался развести огонь, но у него ничего не получалось.

— Понимаешь, у меня нет опыта,— начал Мальш смущённо,— не мог бы ты... Только огонь развести, а?

— И не заикайся,— отрезал Карлсон.— Вот если бы я был на ногах, тогда дело другое, тогда бы я тебе показал, как разводить огонь, но ведь я лежу, и ты не можешь требовать, чтобы я плясал вокруг тебя.

Мальшу это показалось убедительным. Он ещё раз чиркнул спичкой, и вдруг взметнулось пламя, дрова затрещали и загудели.

— Взялись! — радостно воскликнул Мальш.

— Вот видишь! Надо только действовать энергичней и не рассчитывать на чью-то помощь,— сказал Карлсон.— Теперь поставь на огонь кофейник, собери всё, что нужно для кофе, на этот вот красивый подносик, да не забудь положить булочки, и продолжай себе подметать; пока кофе закипит, ты как раз успеешь всё убрать.

— Скажи, а ты уверен, что сам будешь кофе пить? — спросил Мальш с издёвкой.

— О да, кофе пить я буду сам,— уверил его Карлсон.— Но и ты получишь немного, ведь я на редкость гостеприимен.

Когда Мальш всё подмёл и высypал ореховую скорлупу, вишнёвые косточки и грязную бумагу в большое помойное ведро, он присел на край диванчика, на котором лежал Карлсон, и они стали вдвоём пить кофе и есть булочки — много булочек. Мальш блаженствовал — до чего же хорошо у Карлсона, хотя убирать у него очень утомительно!

— А где же твой мусоропровод? — спросил Мальш, проглотив последний кусочек булки.

— Сейчас покажу,— сказал Карлсон.— Возьми помойное ведро и иди за мной.

Они вышли на крыльцо.

— Вот,— сказал Карлсон и указал на крыши.

— Как... что ты хочешь сказать? — растерялся Мальш.

— Съдь прямо туда,— сказал Карлсон.— Вот тебе и лучший в мире мусоропровод.

— Ведь получится, что я кидаю мусор на улицу,— возразил Мальш.— А этого нельзя делать.

Карлсон решительно придвинул к себе ведро:

— Нельзя, говоришь? Сейчас увидишь. Беги за мной!

Схватив ведро, он помчался вниз по крутому скату крыши. Мальш испугался, подумав, что Карлсон не сумеет остановиться, когда добежит до края.

— Тормози! — крикнул Мальш. — Тормози!

И Карлсон затормозил. Но только когда очутился на самом-самом краю.

— Чего ты ждешь? — крикнул Карлсон Мальшу. — Беги ко мне.

Мальш сел на крышу и осторожно пополз вниз.

— Лучший в мире мусоропровод!.. Высота падения мусора двадцать метров, — сообщил Карлсон и быстро опрокинул ведро.

Ореховая скорлупа, вишнёвые косточки, скомканная бумага устремились по лучшему в мире «мусоропроводу» могучим потоком на улицу и угодили прямо на голову элегантному господину, который шёл по тротуару и курил сигару.

— Ой,—воскликнул Малыш,—ой, ой, гляди, всё попало ему на голову!

Карлсон только пожал плечами:

— Кто ему велел гулять под мусоропроводом?

У Малыша был всё же озабоченный вид.

— Наверно, у него ореховая скорлупа набилась в ботинки, а в волосах застряли вишнёвые косточки. Это не так уж приятно!

— Пустяки, дело житейское,—успокоил Малыша Карлсон.— Если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым.

Но что-то было не похоже, чтобы господин с сигарой чувствовал себя счастливым. С крыши они видели, как он долго и тщательно отряхивается, а потом услышали, что он зовёт полицейского.

— Некоторые способны подымать шум по пустякам,—сказал Карлсон.— А ему бы, напротив, благодарить нас надо. Ведь если вишнёвые косточки прорастут и пустят корни в его волосах, у него на голове вырастет красивое вишнёвое деревцо, и тогда он сможет день-деньской гулять где захочет, рвать всё время вишни и выплёвывать косточки.

Но полицейского поблизости не оказалось, и господину с сигарой пришлось отправиться домой, так и не высказав никому своего возмущения по поводу ореховой скорлупы и вишнёвых косточек.

А Карлсон и Малыш полезли вверх по крыше и благополучно добрались до домика за трубой.

— Я тоже хочу выплёвывать вишнёвые косточки,—заявил Карлсон, едва они переступили порог комнаты.— Раз ты так настаиваешь, лезь за вишнями—они там, в мешке, подвешенном к потолку.

— Думаешь, я достану?—спросил Малыш.

— А ты заберись на верстак.

Малыш так и сделал, а потом они с Карлсоном сидели на крыльчке, ели сухие вишни и выплёвывали косточки, которые, подсакивая с лёгким стуком, весело катились вниз по крыше.

Вечерело. Мягкие, тёплые осенние сумерки спускались на крыши и дома. Малыш придвинулся поближе к Карлсону. Было так уютно сидеть на крыльце и есть вишни, но становилось всё темней и темней. Дома выглядели теперь совсем иначе, чем прежде,—сперва они посерели, сделались какими-то таинственными, а

под конец стали казаться уже совсем чёрными. Словно кто-то вырезал их огромными ножницами из чёрной бумаги и только кое-где наклеил кусочки золотой фольги, чтобы изобразить светящиеся окна. Этих золотых окошек становилось всё больше и больше, потому что люди зажигали свет в своих комнатах. Мальши попытался было пересчитать эти светящиеся прямоугольнички. Сперва было только три, потом оказалось десять, а потом так много, что зарябило в глазах. А в окнах были видны люди — они ходили по комнатам и занимались кто чем, и можно было гадать, что же они делают, какие они и почему живут именно здесь, а не в другом месте.

Впрочем, гадал только Мальш. Карлсону всё было ясно.

— Где-то же им надо жить, беднякам,— сказал он.— Ведь не могут же все жить на крыше и быть лучшими в мире Карлсонами.

КАРЛСОН ШУМИТ

Пока Мальш гостил у Карлсона, мама была у доктора. Она задержалась дольше, чем рассчитывала, а когда вернулась домой, Мальш уже преспокойно сидел в своей комнате и рассматривал марки.

— А ты, Мальш, всё возишься с марками?

— Ага,— ответил Мальш, и это была правда.

А о том, что он всего несколько минут назад вернулся с крыши, он просто умолчал. Конечно, мама очень умная и почти всё понимает, но поймёт ли она, что ему обязательно нужно было лезть на крышу,— в этом Мальш всё же не был уверен. Поэтому он решил ничего не говорить о появлении Карлсона. Во всяком случае, не сейчас. Во всяком случае, не раньше, чем соберётся вся семья. Он преподнесёт этот роскошный сюрприз за обедом. К тому же мама показалась ему какой-то невесёлой. На лбу, между бровями, залегла складка, которой там быть не должно, и Мальш долго ломал себе голову, откуда она взялась.

Наконец собралась вся семья, и тогда мама позвала всех обедать; все вместе сели за стол: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Мальш. На обед были голубцы — опять капуста! А Мальш любил только то, что

не полезно. Но под столом у его ног лежал Бимбо, который ел всё без разбору. Мальш развернул голубец, скомкал капустный лист и тихонько швырнул его на пол, для Бимбо.

— Мама, скажи ему, что нельзя это делать,— сказала Бетан,— а то Бимбо вырастет таким же невоспитанным, как Мальш.

— Да, да, конечно,— рассеянно сказала мама. Сказала так, словно и не слышала, о чём речь.

— А вот меня, когда я была маленькой, заставляли съедать всё до конца,— не унималась Бетан.

Мальш показал ей язык.

— Вот, вот, полюбуйтесь. Что-то я не замечаю, чтобы слово мамы произвело на тебя хоть какое-нибудь впечатление, Мальш.

Глаза у мамы вдруг наполнились слезами.

— Не ругайтесь, прошу вас,— сказала она.— Я не могу этого слышать.

И тут выяснилось, почему у мамы невесёлый вид.

— Доктор сказал, что у меня сильное малокровие. От переутомления. Он сказал, что мне необходимо уехать за город и как следует отдохнуть.

За столом воцарилось молчание. Долгое время никто не проронил ни слова. Какая печальная новость! Мама, оказывается, заболела, стряслась настоящая беда — вот что думали все. А Мальш думал ещё и о том, что теперь маме надо уехать, и от этого становилось ещё ужасней.

— Я хочу, чтобы ты стояла на кухне всякий раз, когда я прихожу из школы, и чтобы на тебе был передник, и чтобы каждый день ты пекла плюшки,— сказал наконец Мальш.

— Ты думаешь только о себе,— строго осадил его Боссе.

Мальш прижался к маме.

— Конечно, ведь без мамы не получишь плюшек,— сказал он.

Но мама этого не слышала. Она разговаривала с папой.

— Постараемся найти домашнюю работницу на время моего отъезда.

И папа и мама были очень озабочены. Обед прошёл не так хорошо, как обычно. Мальш понимал, что надо что-то сделать, чтобы хоть немножко всех развеселить, а кто лучше его сможет с этим справиться?

— Послушайте теперь приятную новость,— начал он.— Угадайте-ка, кто сегодня вернулся?

— Кто вернулся?.. Надеюсь, не Карлсон? — с тревогой спросила мама.— Не доставляй нам ещё лишних огорчений!

Мальш с укором посмотрел на неё:

— Я думал, появление Карлсона всех обрадует, а не огорчит.

Боссе расхохотался:

— Хорошая у нас теперь будет жизнь! Без мамы, но зато с Карлсоном и домработницей, которая наведёт здесь свои порядки.

— Не пугайте меня,— сказала мама.— Подумайте только, что станет с домработницей, если она увидит Карлсона.

Папа строго посмотрел на Мальш.

— Этого не будет,— сказал он.— Домработница никогда не увидит Карлсона и ничего не услышит о нём, обещаю, Мальш.

— Вообще-то Карлсон летает куда хочет,— сказал Мальш.— Но я могу обещать никогда ей о нём не рассказывать.

— И вообще ни одной живой душе ни слова,— сказал папа.— Не забывай наш уговор.

— Если живой душе нельзя, то, значит, нашей школьной учительнице можно.

Но папа покачал головой:

— Нет, ни в коем случае, и ей нельзя.

— Понятно! — воскликнул Мальш.— Значит, мне и о домработнице тоже нельзя никому рассказывать? Потому что с ней наверняка будет не меньше хлопот, чем с Карлсоном.

Мама вздохнула:

— Ещё неизвестно, сможем ли мы найти домработницу.

На следующий день они дали объявление в газете. Но позвонила им только одна женщина. Звали её фрекен Бок. Несколько часов спустя она пришла договариваться о месте. У Мальша как раз разболелось ухо, и ему хотелось быть возле мамы. Лучше всего было бы сесть к ней на колени, хотя, собственно говоря, для этого он уже был слишком большой.

«Когда болят уши, то можно», — решил он наконец и забрался к маме на колени.

Тут позвонили в дверь. Это пришла фрекен Бок. Мальшгу пришлось слезть с коленей. Но всё время, пока она сидела, Мальш не отходил от мамы ни на шаг, висел на спинке её стула и прижимался большим ухом к её руке, а когда становилось особенно больно, тихонько хныкал.

Мальш надеялся, что домработница будет молодая, красивая и милая девушка, вроде учительницы в школе. Но всё вышло наоборот. Фрекен Бок оказалась суровой пожилой дамой высокого роста, грузной, да к тому же весьма решительной и в мнениях и в действиях. У неё было несколько подбородков и такие злющие глаза, что Мальш поначалу даже испугался. Он сразу ясно понял, что никогда не полюбит фрекен Бок. Бимбо это тоже понял и всё лаял и лаял, пока не охрип.

— Ах, вот как! У вас, значит, собачка? — сказала фрекен Бок.

Мама заметно встревожилась.

— Вы не любите собак, фрекен Бок? — спросила она.

— Нет, отчего же, я их люблю, если они хорошо воспитаны.

— Я не уверена, что Бимбо хорошо воспитан, — смущённо призналась мама.

Фрекен Бок энергично кивнула.

— Он будет хорошо воспитан, если я поступлю к вам. У меня собаки быстро становятся шёлковыми.

Мальш молился про себя, чтобы она к ним никогда не поступила. К тому же снова больно кольнуло в ухе, и он тихонько захныкал.

— Что-что, а выпшколить собаку, которая лает, и мальчика, который ноет, я сумею, — заявила фрекен Бок и усмехнулась.

Видно, этим она хотела пристыдить его, но он считал, что стыдиться ему нечего, и поэтому сказал тихо, как бы про себя:

— А у меня скрипучие ботинки.

Мама услышала это и густо покраснела.

— Надеюсь, вы любите детей, фрекен Бок, да?

— О да, конечно, если они хорошо воспитаны, — ответила фрекен Бок и уставилась на Мальша.

И снова мама смутилась.

— Я не уверена, что Мальш хорошо воспитан, — пробормотала она.

— Он будет хорошо воспитан,—успокоила маму фрекен Бок.— Не беспокойтесь, у меня и дети быстро становятся шёлковыми.

Тут уж Мальш покраснел от волнения: он так жалел детей, которые стали шёлковыми у фрекен Бок! А вскоре он и сам будет одним из них. Чего же удивляться, что он так перепугался?

Впрочем, у мамы тоже был несколько обескураженный вид. Она погладила Мальша по голове и сказала:

— Что касается мальчика, то с ним легче всего справиться лаской.

— Опыт подсказывает мне, что ласка не всегда помогает,—решительно возразила фрекен Бок.— Дети должны чувствовать твёрдую руку.

Затем фрекен Бок сказала, сколько она хочет получать в месяц, и оговорила, что её надо называть не домработницей, а домоправительницей. На этом переговоры закончились.

Как раз в это время папа вернулся с работы, и мама их познакомила.

— Наша домоправительница, фрекен Бок.

— Наша... домомучительница,—прошипел Мальш и со всех ног бросился из комнаты.

На другой день мама уехала к бабушке. Провожая её, все плакали, а Мальш больше всех.

— Я не хочу оставаться один с этой домомучительницей! — всхлипывал он.

Но делать было нечего, это он и сам понимал. Ведь Боссе и Бетан приходили из школы поздно, а папа не возвращался с работы раньше пяти часов. Каждый день Мальшу придётся проводить много-много часов с глазу на глаз с домомучительницей. Вот почему он так плакал.

Мама поцеловала его:

— Постарайся быть молодцом... ради меня! И, пожалуйста, не зови её домомучительницей.

Неприятности начались со следующего же дня, как только Мальш пришёл из школы. На кухне не было ни мамы, ни какао с плюшками — там теперь царила фрекен Бок, и нельзя сказать, что появление Мальша её обрадовало.

— Всё мучное портит аппетит,—заявила она.— Никаких плюшек ты не получишь.

А ведь сама их испекла: целая гора плюшек стыла на блюде перед открытым окном.

— Но...— начал было Мальш.

— Никаких «но», — перебила его фрекен Бок.— Прежде всего, на кухне мальчику делать нечего. Отправляйся-ка в свою комнату и учи уроки. Повесь куртку и помой руки! Ну, поживей!

И Мальш ушёл в свою комнату. Он был злой и голодный. Бимбо лежал в корзине и спал. Но едва Мальш переступил порог, как он стрелой вылетел ему навстречу.

«Хоть кто-то рад меня видеть»,— подумал Мальш и обнял пёсика.

— Она с тобой тоже плохо обошлась? Терпеть её не могу! «Повесь куртку и помой руки»! Может, я должен ещё проветрить шкаф и вымыть ноги? И вообще я вешаю куртку без напоминаний! Да, да!

Он швырнул куртку в корзину Бимбо, и Бимбо удобно улёгся на ней, вцепившись зубами в рукав.

Мальш подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Он стоял и думал о том, как он несчастен и как тоскливо без мамы. И вдруг ему стало весело: он увидел, что над крышей дома, на той стороне улицы, Карлсон отрабатывает сложные фигуры высшего пилотажа. Он кружил между трубами и время от времени делал в воздухе мёртвую петлю.

Мальш бешено ему замахал, и Карлсон тут же прилетел, да на таком бреющем полёте, что Мальшу пришлось отскочить в сторону, иначе Карлсон прямо врезался бы в него.

— Привет, Мальш! — крикнул Карлсон.— Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь? Почему у тебя такой хмурый вид? Ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет, не в этом дело,— ответил Мальш и рассказал Карлсону о своих несчастьях и о том, что мама уехала и что вместо неё появилась какая-то домомучительница, до того противная, злая и жадная, что даже плюшек у неё не выпросишь, когда приходишь из школы, хотя на окне стоит целое блюдо ещё тёплых плюшек.

Глаза Карлсона засверкали.

— Тебе повезло,— сказал он.— Угадай, кто лучший в мире укротитель домомучительниц?

Мальш сразу догадался, но никак не мог себе представить, как Карлсон справится с фрекен Бок.

— Я начну с того, что буду её низводить.

— Ты хочешь сказать «изводить»? — переспросил Мальш.

Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть.

— Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог бы понять по самому слову, — значит делать то же самое, но только гораздо смешнее.

Мальш подумал и вынужден был признать, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

— Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками, — сказал Карлсон. — И ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Мальш.

— Отправляйся на кухню и заведи разговор с домохозяйницей.

— Да, но... — начал Мальш.

— Никаких «но», — остановил его Карлсон. — Говори с ней о чём хочешь, но так, чтобы она хоть на миг отвела глаза от окна.

Тут Карлсон захохотал, он прямо кудахтал от смеха, потом нажал кнопку, пропеллер завертелся, и, всё ещё весело кудахча, Карлсон вылетел в окно.

А Мальш храбро двинулся на кухню. Теперь, когда ему помогал лучший в мире укротитель домохозяйниц, ему нечего было бояться.

На этот раз фрекен Бок ещё меньше обрадовалась его появлению. Она как раз варила себе кофе, и Мальш прекрасно понимал, что она собиралась провести в тишине несколько приятных минут, заедая кофе свежими плюшками. Должно быть, есть мучное вредно только детям.

Фрекен Бок взглянула на Мальша. Вид у неё был весьма кислый.

— Что тебе надо? — спросила она ещё более кислым голосом.

Мальш подумал, что теперь самое время с ней заговорить. Но он решительно не знал, с чего начать.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — сказал он.

И в это мгновение он услышал знакомое слабое жужжание у окна. Но Карлсона не было видно. Только маленькая пухлая ручка вдруг мелькнула в

окне и схватила плюшку с блюда. Мальш захихикал. Фрекен Бок ничего не заметила.

— Так что же ты будешь делать, когда вырастешь большой? — спросила она нетерпеливо. Было ясно, что её это совершенно не интересует. Она только хотела как можно скорее отделаться от Мальша.

— Нет, сами угадайте! — настаивал Мальш.

И тут он снова увидел, как та же маленькая пухлая ручка взяла ещё одну плюшку с блюда. И Мальш снова хихикнул. Он старался сдержаться, но ничего не получалось. Оказывается, в нём скопилось очень много смеха, и этот смех неудержимо рвался наружу. Фрекен Бок с раздражением подумала, что он самый утомительный в мире мальчик. Принесла же его нелёгкая именно теперь, когда она собиралась спокойно попить кофейку.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — повторил Мальш и захихикал пуще прежнего, потому что теперь уже две маленькие пухленькие ручки утащили с блюда несколько оставшихся плюшек.

— Мне некогда стоять здесь с тобой и выслушивать твои глупости, — сказала фрекен Бок. — И я не собираюсь ломать себе голову над тем, что ты будешь делать, когда вырастешь большой. Но пока ты ещё маленький, изволь слушаться и поэтому сейчас же уходи из кухни и учи уроки.

— Да, само собой, — сказал Мальш и так расхохотался, что ему пришлось даже прислониться к двери. — Но когда я вырасту такой большой, как вы, фрекен Бок, я буду всё время ворчать, уж это точно.

Фрекен Бок изменилась в лице, казалось, она сейчас накинется на Мальша, но тут с улицы донёсся какой-то странный звук, похожий на мычание. Она стремительно обернулась и обнаружила, что плюшек на блюде не было.

Фрекен Бок завопила в голос:

— О боже, куда девались мои плюшки?

Она кинулась к подоконнику. Может, она надеялась увидеть, как удирает вор, сжимая в охапке сдобные плюшки. Но ведь семья Свантесон живёт на четвёртом этаже, а таких длинноногих воров не бывает, этого даже она не могла не знать.

Фрекен Бок опустилась на стул в полной растерянности.

— Неужто голуби? — пробормотала она.

— Судя по мычанию, скорее корова, — заметил Мальш. — Какая-нибудь летающая коровка, которая очень любит плюшечки. Вот она их увидела и слизала язычком.

— Не болтай глупости, — буркнула фрекен Бок.

Но тут Мальш снова услышал знакомое жужжание у окна и, чтобы заглушить его и отвлечь фрекен Бок, запел так громко, как только мог:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Сушек, плюшек,
Сладеньких ватрушек.

Мальш часто сочинял вместе с мамой стишки и сам понимал, что насчёт божьей коровки, сушек и плюшек они удачно придумали. Но фрекен Бок была другого мнения.

— Немедленно замолчи! Мне надоели твои глупости! — закричала она.

Как раз в этот момент у окна что-то так звякнуло, что они оба вздрогнули от испуга. Они обернулись и увидели, что на пустом блюде лежит монетка в пять эре.

Мальш снова захихикал.

— Какая честная коровка,—сказал он сквозь смех.—Она заплатила за плюшки.

Фрекен Бок побагровела от злости.

— Что за идиотская шутка! — заорала она и снова кинулась к окну. — Наверно, это кто-нибудь из верхней квартиры забавляется тем, что крадёт у меня плюшки и швыряет сюда пятиэровые монетки.

— Над нами никого нет,—заявил Мальш.—Мы живём на верхнем этаже, над нами только крыша.

Фрекен Бок совсем взбесилась.

— Ничего не понимаю! — вопила она.—Решительно ничего.

— Да это я уже давно заметил,—сказал Мальш.—Но стоит ли огорчаться, не всем же быть понятливыми.

За эти слова Мальш получил пощёчину.

— Я тебе покажу, как дерзить! — кричала она.

— Нет-нет, не надо, не показывайте, — взмолился Малыш и заплакал, — а то мама меня не узнает, когда вернётся домой.

Глаза у Малыша блестели. Он продолжал плакать. Никогда в жизни он ещё не получал пощёчин, и ему было очень обидно. Он злобно поглядел на фрекен Бок. Тогда она схватила его за руку и потащила в комнату.

— Сиди здесь, и пусть тебе будет стыдно, — сказала она. — Я запру дверь и выну ключ, теперь тебе не удастся бегать каждую минуту на кухню.

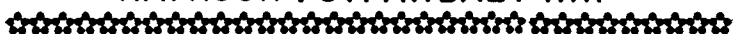
Она посмотрела на свои часы.

— Надеюсь, часа хватит, чтобы сделать тебя шёлковым. В три часа я тебя выпущу. А ты тем временем вспомни, что надо сказать, когда просят прощения.

И фрекен Бок ушла. Малыш услышал, как щёлкнул замок: он просто заперт и не может выйти. Это было ужасно. Он ненавидел фрекен Бок. Но в то же время совесть у него была не совсем чиста, потому что и он вёл себя не безупречно. А теперь его посадили в клетку. Мама решит, что он дразнил домомучительницу, дерзил ей. Он подумал о маме, о том, что ещё долго её не увидит, и ещё немножко поплакал.

Но тут он услышал жужжание, и в комнату влетел Карлсон.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ПИР

— Как бы ты отнёсся к скромному завтраку на моём крыльце? — спросил Карлсон. — Какао и свежие плюшки. Я тебя приглашаю.

Малыш поглядел на него с благодарностью. Лучше Карлсона нет никого на свете! Малышу захотелось его обнять, и он попытался даже это сделать, но Карлсон отпихнул его.

— Спокойствие, только спокойствие. Я не твоя бабушка. Ну, полетели?

— Ещё бы! — воскликнул Малыш. — Хотя, собственно говоря, я заперт. Понимаешь, я вроде как в тюрьме.

— Выходки домомучительницы, понятно. Её воля — ты здесь насиделся бы!

Глаза Карлсона вдруг загорелись, и он запрыгал от радости.

— Знаешь что? Мы будем играть, будто ты в тюрьме и терпишь страшные муки из-за жестокого надзирателя — домомучительницы, понимаешь? А тут вдруг появляется самый смелый в мире, сильный, прекрасный, в меру упитанный герой и спасает тебя.

— А кто он, этот герой? — спросил Мальш.

Карлсон укоризненно посмотрел на Мальша:

— Попробуй угадать! Слабó?

— Наверно, ты, — сказал Мальш. — Но ведь ты можешь спасти меня сию минуту, верно?

Против этого Карлсон не возражал.

— Конечно, могу, потому что герой этот к тому же очень быстрый, — объяснил он. — Быстрый, как ястреб, да, да, честное слово, и смелый, и сильный, и прекрасный, и в меру упитанный, и он вдруг появляется и спасает тебя, потому что он такой необычайно храбрый. Гоп-гоп, вот он!

Карлсон крепко обхватил Мальша и стрелой взмыл с ним ввысь. Что и говорить, бесстрашный герой! Бимбо залаял, когда увидел, как Мальш вдруг исчез в окне, но Мальш крикнул ему:

— Спокойствие, только спокойствие! Я скоро вернусь.

Наверху, на крыльце Карлсона, рядом лежали десять румяных плюшек. Выглядели они очень аппетитно.

— И к тому же я за них честно заплатил, — похвастался Карлсон. — Мы их поделим поровну — семь тебе и семь мне.

— Так не получится, — возразил Мальш. — Семь и семь — четырнадцать, а у нас только десять плюшек.

В ответ Карлсон поспешно сложил семь плюшек в горку.

— Вот мои, я их уже взял, — заявил он и прикрыл своей пухлой ручкой сдобную горку. — Теперь в школах так по-дурацки считают. Но я из-за этого страдать не намерен. Мы возьмём по семь штук, как я сказал — мои вот.

Мальш миролюбиво кивнул.

— Хорошо, всё равно я не смогу съесть больше трёх. А где же какао?

— Внизу, у домомучительницы, — ответил Карлсон. — Сейчас мы его принесём.

Мальш посмотрел на него с испугом. У него не было никакой охоты снова увидеть фрекен Бок и получить от неё, чего доброго, ещё пощёчину. К тому же он не понимал, как они смогут раздобыть банку с какао. Она ведь стоит не у открытого окна, а на полке, возле плиты, на виду у фрекен Бок.

— Как же это можно сделать? — недоумевал Мальш.

Карлсон завизжал от восторга:

— Куда тебе это сообразить, ты всего-навсего глупый мальчишка! Но если за дело берётся лучший в мире проказник, то беспокоиться нечего.

— Да, но как... — начал Мальш.

— Скажи, ты знаешь, что в нашем доме есть маленькие балкончики? — спросил Карлсон.

Конечно, Мальш это знал. Мама частенько выбивала на таком балкончике половики. Попастъ на эти балкончики можно было только с лестницы чёрного хода.

— А знаешь ли ты, что от чёрного хода до балкончика один лестничный пролёт, всего десять ступенек? — спросил Карлсон.

Мальш всё ещё ничего не понимал.

— А зачем мне надо забираться на этот балкончик?

Карлсон вздохнул.

— Ох, до чего же глупый мальчишка, всё-то ему нужно разжевать. Раствори-ка пошире уши и слушай, что я придумал.

— Ну, говори, говори! — поторопил Мальш, он явно сгорал от нетерпения.

— Так вот, — не спеша начал Карлсон, — один глупый мальчишка прилетает на вертолёте системы «Карлсон» на этот балкончик, затем сбегает вниз всего на десять ступенек и трезвонит во всю мочь у вашей двери. Понимаешь? Злющая домомучительница слышит звонок и твёрдым шагом идёт открывать дверь. Таким образом на несколько минут кухонный плацдарм очищен от врага. А храбрый и в меру упитанный герой влетает в окно и тут же вылетает назад с банкою какао в руках. Глупый мальчишка трезвонит ещё разок долго-предолго и убегает назад на балкончик. А злющая домомучительница открывает дверь и становится ещё злее, когда обнаруживает, что на площадке никого нет. А она, может, надеялась получить букет красных роз! Выругавшись, она захлопывает дверь.

Глупый мальчишка на балкончике смеётся, поджидая появления в меру упитанного героя, который переправит его на крышу, а там их ждёт роскошное угощение — свежие плюшки... Привет, Малыш, угадай, кто лучший в мире проказник? А теперь за дело!

И прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним на балкончик! Они сделали такой резкий вираж, что у Малыша загудело в ушах и засосало под ложечкой ещё сильнее, чем на «американских горах». Затем всё произошло точь-в-точь так, как сказал Карлсон.

Моторчик Карлсона жужжал у окна кухни, а Малыш трезвонил у двери чёрного хода что было сил. Он тут же услышал приближающиеся шаги, бросился бежать и очутился на балкончике. Секунду спустя приоткрылась входная дверь, и фрекен Бок высунула голову на лестничную площадку. Малыш осторожно вытянул шею и увидел её сквозь стекло балконной двери. Он убедился, что Карлсон как в воду глядел: злоющая домохозяйка просто позеленела от бешенства, когда увидела, что никого нет. Она стала громко браниться и долго стояла в открытых дверях, словно ожидая, что тот, кто только что потревожил её звонком, вдруг появится снова. Но тот, кто звонил, притаился на балкончике и беззвучно смеялся до тех пор, пока в меру упитанный герой не прилетел за ним и не доставил его на крыльцо домика за трубой, где их ждал настоящий пир.

Это был лучший в мире пир — на таком Малышу и не снилось побывать.

— До чего здорово! — сказал Малыш, когда он уже сидел на ступеньке крыльца рядом с Карлсоном, жевал плюшку, прихлёбывал какао и глядел на сверкающие на солнце крыши и башни Стокгольма.

Плюшки оказались очень вкусными, какао тоже удалось на славу. Малыш сварил его на таганке у Карлсона. Молоко и сахар, без которых какао не сварить, Карлсон прихватил на кухне у фрекен Бок вместе с банкой какао.

— И, как полагается, я за всё честно уплатил пятиэровой монеткой, она и сейчас ещё лежит на кухонном столе, — с гордостью заявил Карлсон. — Кто честен, тот честен, тут ничего не скажешь.

— Где ты только взял все эти пятиэровые монетки? — удивился Малыш.

— В кошельке, который я нашёл на улице,— объяснил Карлсон.— Он битком набит этими монетками, да ещё и другими тоже.

— Значит, кто-то потерял кошелёк. Вот бедняга! Он, наверно, очень огорчился.

— Ещё бы,—подхватил Карлсон.— Но извозчик не должен быть разиней.

— Откуда ты знаешь, что это был извозчик? — изумился Мальш.

— Да я же видел, как он потерял кошелёк,— сказал Карлсон.— А что это извозчик, я понял по шляпе. Я ведь не дурак.

Мальш укоризненно поглядел на Карлсона. Так себя не ведут, когда на твоих глазах кто-то теряет вещь,—это он *должен* объяснить Карлсону. Но только не сейчас... как-нибудь в другой раз! Сейчас ему хочется сидеть на ступеньке рядом с Карлсоном и радоваться солнышку и плюшкам с какао.

Карлсон быстро справился со своими семью плюшками. У Мальша дело продвигалось куда медленнее. Он ел ещё только вторую, а третья лежала возле него на ступеньке.

— До чего мне хорошо! — сказал Мальш.

Карлсон наклонился к нему и пристально поглядел ему в глаза:

— Что-то, глядя на тебя, этого не скажешь. Выглядишь ты плохо, да, очень плохо, на тебе просто лица нет.

И Карлсон озабоченно пощупал лоб Мальша.

— Так я и думал! Типичный случай плюшечной лихорадки..

Мальш удивился:

— Это что ещё за... плюшечная лихорадка?

— Страшная болезнь, она валит с ног, когда объедаешься плюшками.

— Но тогда эта самая плюшечная лихорадка должна быть прежде всего у тебя!

— А вот тут ты как раз ошибаешься. Видишь ли, я ею переболел, когда мне было три года, а она бывает только один раз, ну, как корь или коклюш.

Мальш совсем не чувствовал себя больным, и он попытался сказать это Карлсону.

Но Карлсон всё же заставил Мальша лечь на ступеньку и как следует побрызгал ему в лицо какао.

— Чтобы ты не упал в обморок,—объяснил Карлсон и придвинул к себе третью плюшку Малыша.—Тебе больше нельзя съесть ни кусочка, ты можешь тут же умереть. Но подумай, какое счастье для этой бедной маленькой плюшечки, что есть я, не то она лежала бы здесь на ступеньке в полном одиночестве,—сказал Карлсон и мигом проглотил её.

— Теперь она уже не одинока,—заметил Малыш.

Карлсон удовлетворённо похлопал себя по животу.

— Да, теперь она в обществе своих семи товаров и чувствует себя отлично.

Малыш тоже чувствовал себя отлично. Он лежал на ступеньке, и ему было очень хорошо, несмотря на плюшечную лихорадку. Он был сыт и охотно простил Карлсону его выходку с третьей плюшкой.

Но тут он взглянул на башенные часы. Было без нескольких минут три. Он расхохотался:

— Скоро появится фрекен Бок, чтобы меня выпустить из комнаты. Мне бы так хотелось посмотреть, какую она скорчит рожу, когда увидит, что меня нет.

Карлсон дружески похлопал Малыша по плечу:

— Всегда обращай со всеми своими желаниями к Карлсону, он всё уладит, будь спокоен. Сбегай только в дом и возьми мой бинокль. Он висит, если считать от диванчика, на четырнадцатом гвозде под самым потолком; ты залезай на верстак.

Малыш лукаво улыбнулся.

— Но ведь у меня плюшечная лихорадка, разве при ней не полагается лежать неподвижно?

Карлсон покачал головой.

— «Лежать неподвижно, лежать неподвижно»! И ты думаешь, что это помогает от плюшечной лихорадки? Наоборот, чем больше ты будешь бегать и прыгать, тем быстрее поправишься, это точно, посмотри в любом врачебном справочнике.

А так как Малыш хотел как можно скорее выздороветь, он послушно сбежал в дом, залез на верстак и достал бинокль, который висел на четырнадцатом гвозде, если считать от диванчика. На том же гвозде висела и картина, в нижнем углу которой был изображён маленький красный петух. И Малыш вспомнил, что Карлсон лучший в мире рисовальщик петухов: ведь это он сам написал портрет «очень одинокого петуха», как указывала надпись на картине. И в самом деле, этот петух был куда краснее и куда более одинок,

чем все петухи, которых Мальшшу довелось до сих пор видеть. Но у Мальшша не было времени рассмотреть его получше, потому что стрелка подходила к трём и медлить было нельзя.

Когда Мальшш вынес на крыльцо бинокль, Карлсон уже стоял готовый к отлёту, и прежде чем Мальшш успел опомниться, Карлсон полетел с ним через улицу и приземлился на крыше дома напротив.

Тут только Мальшш понял, что задумал Карлсон.

— О, какой отличный наблюдательный пост, если есть бинокль и охота следить за тем, что происходит в моей комнате!

— Есть и бинокль и охота,—сказал Карлсон и посмотрел в бинокль. Потом он передал его Мальшшу.

Мальшш увидел свою комнату, увидел, как ему показалось, чётче, чем если бы он в ней был. Вот Бимбо—он спит в корзине, а вот его, Мальшшова, кровать, а вот стол, за которым он делает уроки, а вот часы на стене. Они показывают ровно три. Но фрекен Бок что-то не видно.

— Спокойствие, только спокойствие,—сказал Карлсон.—Она сейчас появится, я это чувствую: у меня дрожат рёбра, и я весь покрываюсь гусиной кожей.

Он выхватил у Мальшша из рук бинокль и поднёс к глазам:

— Что я говорил? Вот открывается дверь, вот она входит с милой и приветливой улыбкой людоедки.

Мальшш завизжал от смеха.

— Гляди, гляди, она всё шире открывает глаза от удивления. Не понимает, где же Мальшш. Небось, решила, что он удрал через окно.

Видно, и в самом деле фрекен Бок это подумала, потому что она с ужасом подбежала к окну. Мальшш даже её пожалел. Она высунулась чуть ли не по пояс и уставилась на улицу, словно ожидала увидеть там Мальшша.

— Нет, там его нет,—сказал Карлсон.—Что, перепугалась?

Но фрекен Бок так легко не теряла спокойствия. Она отошла от окна в глубь комнаты.

— Теперь она ищет,—сказал Карлсон.—Ищет в кровати... и под столом... и под кроватью... Вот здорово!.. Ой, подожди, она подходит к шкафу... Небось,

думает, что ты там лежишь, свернувшись в клубочек, и плачешь...

Карлсон вновь захохотал.

— Пора нам позабавиться,— сказал он.

— А как?— спросил Мальшш.

— А вот как,— сказал Карлсон и, прежде чем Мальшш успел опомниться, полетел с ним через улицу и кинул Мальшша в его комнату.— Привет, Мальшш!— крикнул он, улетаая.— Будь, пожалуйста, поласковой с домоучительницей.

Мальшш не считал, что это лучший способ позабавиться. Но ведь он обещал помогать Карлсону чем сможет. Поэтому он тихонько подкрался к своему столу, сел на стул и открыл задачник. Он слышал, как фрекен Бок обшаривает шкаф. Сейчас она обернётся—он ждал этого момента с огромным напряжением.

И в самом деле, она тут же вынырнула из недр шкафа, и первое, что она увидела, был Мальшш. Она попятилась назад и прислонилась к дверцам шкафа. Так она простояла довольно долго, не говоря ни слова и не сводя с него глаз. Она только несколько раз опускала веки, словно проверяя себя, не обман ли это зрение.

— Скажи, ради бога, где ты прятался?— выговорила она наконец.

— Я не прятался. Я сидел за столом и решал примеры. Откуда я мог знать, фрекен Бок, что вы хотите поиграть со мной в прятки? Но я готов... Лезьте назад в шкаф, я с удовольствием вас поищу.

Фрекен Бок на это ничего не ответила. Она стояла молча и о чём-то думала.

— Может, я больна,— пробормотала она наконец.— В этом доме происходят такие странные вещи.

Тут Мальшш услышал, что кто-то осторожно запер снаружи дверь его комнаты. Мальшш расхохотался. Лучший в мире укротитель домоучительниц явно влетел в квартиру через кухонное окно, чтобы помочь домоучительнице понять на собственном опыте, что значит сидеть взаперти.

Фрекен Бок ничего не заметила. Она всё ещё стояла молча и, видно, что-то обдумывала. Наконец она сказала:

— Странно! Ну ладно, теперь ты можешь пойти поиграть, пока я приготовлю обед.

— Спасибо, это очень мило с вашей стороны,— сказал Мальш.— Значит, я больше не заперт?

— Нет, я разрешаю тебе выйти,— сказала фрекен Бок и подошла к двери.

Она взялась за ручку, нажала раз, другой, третий. Но дверь не открывалась. Тогда фрекен Бок навалилась на неё всем телом, но и это не помогло.

Фрекен Бок взревела:

— Кто запер дверь?

— Наверно, вы сами,— сказал Мальш.

Фрекен Бок даже фыркнула от возмущения:

— Что ты болтаешь! Как я могла запереть дверь снаружи, когда сама нахожусь внутри!

— Этого я не знаю,— сказал Мальш.

— Может, это сделали Боссе или Бетан? — спросила фрекен Бок.

— Нет, они ещё в школе,— заверил её Мальш.

Фрекен Бок тяжело опустилась на стул.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что в доме появилось привидение,— сказала она.

Мальш радостно кивнул.

«Вот здорово получилось! — думал он. — Раз она считает Карлсона привидением, она, наверно, уйдёт от нас: вряд ли ей захочется оставаться в доме, где есть привидения».

— А вы, фрекен Бок, боитесь привидений? — осведомился Мальш.

— Наоборот,— ответила она.— Я так давно о них мечтаю! Подумай только, теперь мне, может быть, тоже удастся попасть в телевизионную передачу! Знаешь, есть такая особая передача, когда телезрители выступают и рассказывают о своих встречах с привидениями. А ведь того, что я пережила здесь за один-единственный день, хватило бы на десять телевизионных передач.

Фрекен Бок так и светилась радостью.

— Вот уж я досажу своей сестре Фриде, можешь мне поверить! Ведь Фрида выступала по телевидению и рассказывала о привидениях, которых ей довелось увидеть, и о каких-то потусторонних голосах, которые ей довелось услышать. Но теперь я нанесу ей такой удар, что она не оправится.

— Разве вы слышали потусторонние голоса? — спросил Мальш.

— А ты что, не помнишь, какое мычание раздалось

у окна, когда исчезли плюшки? Я постараюсь воспроизвести его по телевидению, чтобы телезрители услышали, как оно звучит.

И фрекен Бок издала такой звук, что Мальш от неожиданности подскочил на стуле.

— Как будто похоже, — с довольным видом сказала фрекен Бок.

Но тут до них донеслось ещё более страшное мычание, и фрекен Бок побледнела как полотно.

— Оно мне отвечает, — прошептала она. — Оно... привидение... оно мне отвечает! Вот что я расскажу по телевидению! О боже, как разозлится Фрида, как она будет завидовать!

И она не стала скрывать от Мальша, как расхвсталась Фрида по телевидению со своим рассказом о привидениях.

— Если ей верить, то весь район Вазастана кишмя кишит привидениями, и все они теснятся в нашей квартире, но почему-то только в её комнате, а в мою и не заглядывают. Подумай только, она уверяла, что однажды вечером увидела у себя в комнате руку на стене, понимаешь, руку привидения, которая написала целых восемь слов! Впрочем, сестра и в самом деле нуждалась в предостережении, — сказала фрекен Бок.

— А что это было за предостережение? — любопытно спросил Мальш.

Фрекен Бок напрягла память:

— Как же это... ах да, вот как: «Берегись! Жизнь так коротка, а ты недостаточно серьёзна!»

Судя по виду Мальша, он ничего не понял, да так оно и было.

Фрекен Бок решила объяснить ему, что всё это значит.

— Понимаешь, это было предостережение Фриде, что, мол, надо измениться, обрести покой, вести более размеренную жизнь.

— И она изменилась? — спросил Мальш.

Фрекен Бок фыркнула:

— Конечно, нет, во всяком случае, я этого не вижу. Только и знает что хвастаться, считает себя звездой телевидения, хотя и выступала там всего один раз. Но теперь-то я уж знаю, как сбить с неё спесь.

Фрекен Бок потирала руки. Она нисколько не волновалась из-за того, что сидит взаперти вместе с Мальшом, — наконец-то она собьёт спесь с Фриды.

Она сияла как медный грош и всё сравнивала свой опыт общения с привидениями с тем, что рассказывала Фрида по телевидению; этим она с увлечением занималась до тех пор, пока Боссе не пришёл из школы.

— Боссе, открой дверь, выпусти нас! Я заперт вместе с домому... с фрекен Бок.

Боссе отпер дверь — он был очень удивлён таким происшествием.

— Вот те раз! Кто же это вас здесь запер?

— Об этом ты вскоре услышишь по телевидению.

Но пускаться в более подробные объяснения ей было некогда, — она и так не успела вовремя приготовить обед. Торопливым шагом пошла она на кухню.

В следующее мгновение там раздался громкий крик.

Мальш со всех ног кинулся вслед за ней.

Фрекен Бок сидела на стуле, она была ещё бледнее прежнего. Молча указала она на стену.

Оказывается, привидение сделало предупреждение не только Фриде. Фрекен Бок тоже получила предупреждение.

На стене было написано большими неровными буквами:

«Ну и плюшки! Деньги дерёшь, а корицу жалеешь. Берегись!»

КАРЛСОН И ТЕЛЕВИЗОР

Папа пришёл домой обедать и рассказал за столом о своём новом огорчении.

— Бедняжки, вам, видно, придётся побыть несколько дней совсем одним. Мне надо срочно лететь по делам в Лондон. Я могу надеяться, что всё будет в порядке?

— Конечно, в полном, — заверил его Мальш. — Если только ты не станешь под пропеллер.

— Да нет, — рассмеялся папа, — я спрашиваю про дом. Как вы здесь будете жить без меня и без мамы?

Боссе и Бетан тоже заверили его, что всё будет в полном порядке. А Бетан сказала, что провести несколько дней без родителей даже забавно.

— Да, но подумайте о Малыше, — сказал папа.

Бетан нежно похлопала Мальшша по светлой макушке.

— Я буду ему родной матерью,—заявила она.

Но папа этому не очень поверил, да и Мальшш тоже.

— Тебя вечно нет дома, ты всё бегаешь со своими мальчишками,—пробормотал он.

Боссе попытался его утешить:

— Зато у тебя есть я.

— Ну да, только ты всегда торчишь на стадионе в Остермальме, там ты у меня есть,—уточнил Мальшш.

Боссе расхохотался:

— Итак, остаётся одна домомучительница. Она не бегаёт с мальчишками и не торчит на стадионе.

— Да, к сожалению,—сказал Мальшш.

Мальшш хотел было объяснить, какого он мнения о фрекен Бок. Но тут он вдруг обнаружил, что, оказываясь, он на неё уже не сердится. Мальшш даже сам изумился: ну ни капельки не сердится! Как это случилось? Выходит, достаточно просидеть с человеком взаперти часа два, и ты готов с ним примириться. Не то чтобы он вдруг полюбил фрекен Бок—о, нет!—но он всё же стал относиться к ней гораздо добрее. Бедняжка, ей приходится жить с этой Фридой! Уж кто-кто, а Мальшш хорошо знает, что значит иметь сестру с тяжёлым характером. А ведь Бетан ещё не хвастается, как эта Фрида, что выступала по телевидению.

— Я не хотел бы, чтобы вы ночью были одни,—сказал папа.—Придётся спросить фрекен Бок, не согласится ли она ночевать здесь, пока меня не будет.

— Теперь мне мучиться с ней не только днём, но и ночью,—сокрушённо заметил Мальшш. Но в глубине души он чувствовал, что всё же лучше, если кто-нибудь будет жить с ними, пусть даже домомучительница.

Фрекен Бок с радостью согласилась пожить с детьми. Когда они остались вдвоём с Мальшшом, она объяснила ему, почему она это сделала так охотно.

— Понимаешь, ночью привидений бывает больше всего, и я смогу собрать у вас такой материал для телевизионной передачи, что Фрида упадёт со стула, когда увидит меня на экране!

Мальшш был всем этим очень встревожен. Его мучила мысль, что фрекен Бок в отсутствие папы

приведёт в дом массу людей с телевидения и что кто-нибудь из них пронюхает про Карлсона и — ой, подумать страшно! — сделает о нём передачу, потому что ведь никаких привидений в доме нет. И тогда придёт конец их мирной жизни, которой мама и папа так дорожат. Мальшш понимал, что он должен предостеречь Карлсона и попросить его быть поосторожнее.

Однако ему удалось это сделать только на завтра вечером. Он был дома один. Папа уже улетел в Лондон, Боссе и Бетан ушли каждый по своим делам, а Фрекен Бок отправилась к себе домой, на Фрёйгатен, узнать у Фриды, посещали ли её новые привидения.

— Я скоро вернусь, — сказала она, уходя, Мальшшу. — А если в моё отсутствие появятся привидения, попроси их меня подождать, да не забудь предложить им сесть, ха-ха-ха!

Фрекен Бок теперь почти не сердилась, она всё время смеялась. Правда, иногда она всё же ругала Мальшша, но он был ей благодарен уже за то, что это случалось лишь изредка. Она и на этот раз ушла в приподнятом настроении. Мальшш долго ещё слышал её шаги на лестнице — от них стены дрожали.

Вскоре в окно влетел Карлсон.

— Привет, Мальшш! Что мы сегодня будем делать? — спросил он. — Нет ли у тебя паровой машины, чтобы её взорвать, или домомучительницы, чтобы её низводить? Мне всё равно, что делать, но я хочу позабавиться, а то я не играю!

— Мы можем посмотреть телевизор, — предложил Мальшш.

Представьте себе, Карлсон просто понятия не имел, что такое телевидение! Он в жизни не видел телевизора! Мальшш повёл его в столовую и с гордостью показал их новый, прекрасный телевизор.

— Погляди!

— Это что ещё за коробка? — спросил Карлсон.

— Это не коробка, это телевизор, — объяснил Мальшш.

— А что сюда кладут? Плюшки?

Мальшш расхохотался.

— Подожди, сейчас увидишь, что это такое.

Он включил аппарат, и тут же на стеклянном экране появился дяденька, который рассказывал, какая погода в Нурланде.

Глаза Карлсона стали круглыми от удивления.

— Как это вы умудрились его засунуть в этот ящик?

Мальш давился от смеха.

— Тебя это удивляет? Он залез сюда, когда был ещё маленький, понимаешь?

— А на что он вам нужен? — не унимался Карлсон.

— Ах, ты не понимаешь, что я шучу! Конечно, он не залезал сюда, когда был маленьким, и нам он ни на что не нужен. Просто он появляется здесь и рассказывает, какая завтра будет погода. Он, как старик-лесовик, всё знает, ясно?

Карлсон захихикал.

— Вы запихали вот этого дяденьку в ящик только для того, чтобы он вам рассказывал, какая завтра будет погода... С тем же успехом вы можете и меня спросить!.. Будет гром, и дождь, и град, и буря, и землетрясение — теперь ты доволен?

— Вдоль побережья Нурланда завтра ожидается буря с дождём, — сказал «лесовик» в телевизоре.

Карлсон захохотал ещё пуще прежнего.

— Ну вот, и я говорю... буря с дождём.

Он подошёл вплотную к телевизору и прижался носом к носу «старика-лесовика».

— Не забудь сказать про землетрясение! Бедные нурландцы, ну и погоду он им пророчит, не позавидуешь! Но, с другой стороны, пусть радуются, что у них будет хоть какая-нибудь. Подумай, что было бы, если бы им пришлось обходиться вообще без погоды. — Он дружески похлопал дяденьку на экране. — Какой миленький старичок! — сказал он. — Да он меньше меня. Он мне нравится.

Потом Карлсон опустился на колени и осмотрел низ телевизора:

— А как же он всё-таки сюда попал?

Мальш попытался объяснить, что это не живой человек, а только изображение, но Карлсон даже рассердился:

— Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, это такой особый человечек. Да и с чего обычные люди стали бы говорить, какая будет погода в Нурланде?

Мальш мало что знал о телевидении, но он всё же очень старался объяснить Карлсону, что это такое. А кроме того, он хотел предостеречь Карлсона от грозящей ему опасности.

— Ты и представить себе не можешь, до чего фрекен Бок хочет попасть в телевизор,— начал он.

Но Карлсон прервал его новым взрывом хохота:

— Домомучительница хочет залезть в такую маленькую коробочку?! Такая громадина! Да её пришлось бы сложить вчетверо!

Мальш вздохнул. Карлсон явно ничего не понял. Мальш начал объяснять всё сначала. Особым успехом эта попытка не увенчалась, но в конце концов ему всё же удалось втолковать Карлсону, как удивительно действует эта штукавина.

— Чтобы попасть в телевизор, фрекен Бок вовсе не надо самой лезть в ящик, она может преспокойно сидеть себе в нескольких милях от него, и всё же она будет видна на экране как живая,— объяснил Мальш.

— Домомучительница... как живая... вот ужас!— воскликнул Карлсон.— Лучше разбей этот ящик либо сменяй его на другой, полный плюшек, они нам пригодятся.

Как раз в этот момент на экране появилось личико хорошенькой дикторши. Она так приветливо улыбалась, что Карлсон широко открыл глаза.

— Пожалуй, надо ещё подумать,— сказал он.— Во всяком случае, уж если менять, то только на очень свежие плюшки. Потому что я вижу, этот ящик ценней, чем сперва кажется.

Дикторша продолжала улыбаться Карлсону, и он улыбался ей в ответ. Потом он оттолкнул Мальша в сторону:

— Погляди только на неё! Я ей нравлюсь, да-да, она ведь видит, что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Вдруг дикторша исчезла. Вместо неё на экране возникли два серьёзных полных господина, которые всё болтали и болтали. Карлсону это пришлось не по душе. Он начал нажимать на все кнопки и вертеть все ручки.

— Не крути, этого нельзя делать,— сказал Мальш.

— Как так— нельзя? Я хочу выкрутить обратно ту милую девушку,— сказал Карлсон.

Он крутил ручки во все стороны, но дикторша не появлялась. Добился он только того, что полные господа стали на глазах ещё больше полнеть, ноги у них сделались короткими-прекороткими, а лбы нелепо вытянулись. Эти изменения очень развеселили

Карлсона — он довольно долго забавлялся такой игрой с телевизором.

— Старики во всём слушаются моей команды, — сказал он с довольным видом.

А господа на экране, меняя облик, продолжали без умолку болтать, пока Карлсон им не помешал.

— Я лично считаю... — начал один из них.

— А какое мне дело, что ты считаешь? — перебил его Карлсон. — Отправляйся-ка лучше домой и ложись спать!

Он с треском выключил аппарат и радостно засмеялся.

— Вот он, наверно, разозлился! Так я и не дал ему сказать, что он лично считает!

Телевизор явно надоел Карлсону, он уже жаждал новых развлечений.

— Где домомучительница? Позови её, я её разыграю.

— Разыграешь... это как? — с тревогой спросил Мальш.

— Существуют три способа укрощать домомучительниц, — объяснил Карлсон. — Их можно низводить, дразнить и разыгрывать. Собственно говоря, всё это одно и то же, но разыгрывать — самый прямой путь борьбы с ними.

Мальш встревожился ещё больше. Если Карлсон вступит в прямую борьбу с фрекен Бок, она его непременно увидит, а именно этого не должно случиться. Пока папа и мама в отъезде, Мальш, как бы ему ни было трудно, обязан помешать этой встрече. Надо как-то напугать Карлсона, чтобы он сам старался не попадаться на глаза фрекен Бок. Мальш подумал, а потом сказал не без лукавства:

— Карлсон, ты, видно, хочешь попасть в телевизор?

Карлсон энергично замотал головой.

— В этот вот ящик? Я? Ни за что на свете! Пока я буду в силах защищаться, меня туда не затащат. — Но он тут же задумался и добавил: — Хотя, может быть... Если я там оказался бы рядом с этой милой девчонкой...

Мальш стал уверять его, что на это надеяться нечего. Напротив, если он попадёт в телевизор, то не иначе, как с домомучительницей.

Карлсон вздрогнул.

— Домомучительница и я в такой маленькой коробке?.. Ой, ой! Вот тут-то и произойдёт землетрясение в Нурланде! Как только тебе в голову взбрела такая дурацкая мысль?

Тогда Мальш рассказал ему о намерениях фрекен Бок сделать для телевидения передачу о привидениях, да ещё такую, чтобы Фрида со стула упала.

— Разве домомучительница видела у вас привидения? — удивился Карлсон.

— Нет, видеть не видела, — сказал Мальш, — но слышала, как оно мычало перед окном. Понимаешь, она решила, что ты — привидение.

И Мальш стал объяснять, какая связь между Фридой, домомучительницей и Карлсоном, но он жестоко ошибся в своих расчётах.

Карлсон опустился на колени и немножко повыл от удовольствия, а кончив выть, хлопнул Мальша по спине:

— Береги домомучительницу! Она самая ценная мебель в вашем доме. Береги как зеницу ока! Потому что теперь мы и в самом деле сумеем позабавиться.

— А как? — с испугом спросил Мальш.

— О! — вопил Карлсон. — Не одна только Фрида упадёт со стула. Все телевизионные старики и вообще всё на свете бледнеет перед тем, что вы увидите!

Мальш встревожился ещё больше.

— Что же мы увидим?

— Маленькое привидение из Вазастана! — провозгласил Карлсон и загорланил: — Гоп, гоп, ура!

И тут Мальш сдался. Он предостерёг Карлсона, он честно пытался поступить так, как хотели папа и мама. Но теперь пусть будет так, как хочет Карлсон. Всё равно в конце концов всегда всё получается по его. Пусть Карлсон выкидывает любые штуки, изображает привидение и разыгрывает фрекен Бок сколько ему будет угодно. Мальш больше не собирается его останавливать. А приняв это решение, он подумал, что они и в самом деле смогут позабавиться на славу. Он вспомнил, как однажды Карлсон уже изображал привидение и прогнал воров, которые хотели украсть мамины деньги на хозяйство и всё столовое серебро. Карлсон тоже не забыл этого случая.

— Помнишь, как нам тогда было весело? — спросил он. — Да, кстати, где же мой привиденческий костюм?

Мальшу пришлось сказать, что его взяла мама. Она очень сердилась тогда из-за испорченной простыни. Но потом она поставила заплатки и снова превратила привиденческий костюм в простыню.

Карлсон фыркнул от возмущения:

— Меня просто бесит эта любовь к порядку! В вашем доме ничего нельзя оставить.— Он сел на стул и надулся.— Нет, так дело не пойдёт, так я не играю. Можешь сам стать привидением, если хочешь.

Но он тут же вскочил со стула, подбежал к бельевому шкафу и распахнул дверцы:

— Здесь наверняка найдётся ещё какая-нибудь простынка.

И он вытащил было одну из лучших маминых льняных простыней, но Мальш остановил его:

— О нет, эту не надо! Положи её... Вот тут есть и старые, чинёные.

Карлсон скорчил недовольную мину:

— Старые, чинёные простыни! Я думал, маленькое привидение из Вазастана должно щеголять в нарядных воскресных одеждах. Впрочем... раз уж у вас такой дом... давай сюда эти лохмотья.

Мальш вынул две старенькие простыни и дал их Карлсону:

— Если ты их сошьёшь, то вполне может получиться одежда для привидения.

Карлсон угрюмо стоял с простынями в руках.

— Если я их сошью? Ты хочешь сказать, если *ты* их сошьёшь... Давай полетим ко мне, чтобы домохозяйка не застала нас врасплох!

Около часа Мальш сидел у Карлсона и шил костюм для привидения. В школе на уроках труда он научился шить разными стежками, но никто никогда не учил его, как из двух стареньких простыней сшить приличный костюм для привидения. Это ему пришлось продумать самому.

Он, правда, попытался было обратиться за помощью к Карлсону.

— Ты бы хоть скроил,—попросил Мальш.

Но Карлсон покачал головой.

— Уж если что кроить, то я охотнее всего раскроил бы твою маму! Да, да! Зачем это ей понадобилось загубить мой привиденческий костюм? Теперь ты должен сшить мне новый. Это только справедливо. Ну, живей за дело и, пожалуйста, не ной!

Для пущей убедительности Карлсон добавил, что ему и некогда шить, потому что он намерен срочно нарисовать картину.

— Всегда надо всё бросать, если тебя посетило вдохновение, понимаешь, а меня оно сейчас посетило. «Ла, ла, ла», — поёт что-то во мне, и я знаю, что это вдохновение.

Мальшш не знал, что это за штука такая — вдохновение. Но Карлсон объяснил ему, что вдохновение охватывает всех художников, и тогда им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, вместо того чтобы шить одежды для привидения.

И Мальшшу ничего не оставалось, как сесть на верстак, согнув спину и поджав ноги, словно заправский портной, и шить, в то время как Карлсон, забившись в угол, рисовал свою картину.

Уже совсем стемнело, но в комнате Карлсона было светло, тепло и уютно — горела керосиновая лампа, а в камине пылал огонь.

— Надеюсь, ты в школе не ленился на уроках труда, — сказал Карлсон. — Потому что я хочу получить красивый костюм для привидения. Учти это. Вокруг шеи можно бы сделать небольшой воротничок или даже оборки.

Мальшш ничего не ответил. Он усердно шил, огонь в камине потрескивал, а Карлсон рисовал.

— А что ты, собственно говоря, рисуешь? — спросил Мальшш, нарушая воцарившуюся тишину.

— Увидишь, когда всё будет готово, — ответил Карлсон.

Наконец Мальшш смастерил какую-то одежду.

«Пожалуй, для привидения сойдёт», — подумал он. Карлсон померил и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате, чтобы Мальшш мог как следует оценить его костюм.

Мальшш содрогнулся. Ему показалось, что Карлсон выглядит на редкость таинственно — совсем по-привиденчески.

Бедная фрекен Бок, она увидит такое привидение, которое хоть кого испугает!

— Домомучительница может тут же посылать за дяденьками из телевизора, — заявил Карлсон. — Потому что сейчас внизу появится малютка привидение из Вазастана — моторизованное, дикое, прекрасное и ужасно, ужасно опасное.

Карлсон снова облетел комнату и даже закудахтал от удовольствия. О своей картине он и думать забыл. Мальш подошёл к камину поглядеть, что же Карлсон нарисовал. Внизу было написано неровными буквами: «Портрет моего кролика». Но Карлсон нарисовал маленького красного зверька, скорее напоминающего лисицу.

— Разве это не лисица? — спросил Мальш.

Карлсон спланировал на пол и стал рядом с ним. Склонив голову набок, любовался он своей картиной.

— Да, конечно, это лисица. Без всякого сомнения это лисица, да к тому же сделанная лучшим в мире рисовальщиком лисиц.

— Да, но... Ведь здесь написано: «Портрет моего кролика»... Так где ж он, этот кролик?

— Она его съела, — сказал Карлсон.

ЗВОНК КАРЛСОНА

На следующее утро Боссе и Бетан проснулись с какой-то странной сыпью по всему телу.

— Скарлатина, — сказала фрекен Бок.

То же самое сказал доктор, которого она вызвала.

— Скарлатина! Их надо немедленно отправить в больницу!

Потом доктор показал на Мальша:

— А его придётся пока изолировать.

Услышав это, Мальш заплакал. Он вовсе не хотел, чтобы его изолировали. Правда, он не знал, что это такое, но самое слово звучало отвратительно.

— Балда, — сказал Боссе, — ведь это значит только, что ты пока не будешь ходить в школу и встречаться с другими детьми. Чтобы никого не заразить, понятно?

Бетан лежала и тоже плакала.

— Бедный Мальш, — сказала она, глотая слёзы. — Как тебе будет тоскливо! Может, позвонить маме?

Но фрекен Бок и слушать об этом не хотела.

— Ни в коем случае, — заявила она. — Фру Свантесон нуждается в покое и отдыхе. Не забывайте, что она тоже больна. Уж как-нибудь я с ним сама справлюсь.

При этом она кивнула зарёванному Мальшу, который стоял у кровати Бетан.

Но толком поговорить они так и не успели, потому что приехала машина «Скорой помощи». Мальш плакал. Конечно, он иногда сердился на брата и сестру, но ведь он их так любил! И ему было очень грустно оттого, что Боссе и Бетан увозят в больницу.

— Привет, Мальш,— сказал Боссе, когда санитары понесли его вниз.

— До свиданья, дорогой братик, не горюй! Ведь мы скоро вернёмся,— сказала Бетан.

Мальш разрыдался.

— Ты только так говоришь! А вдруг вы умрёте?

Фрекен Бок накинулась на него. Как можно быть таким глупым! Да разве от скарлатины умирают!

Когда «Скорая помощь» уехала, Мальш пошёл к себе в комнату. Ведь там был Бимбо. И Мальш взял щенка на руки.

— Теперь у меня остался только ты,— сказал Мальш и крепко прижал Бимбо к себе.— Ну, и конечно, Карлсон.

Бимбо прекрасно понял, что Мальш чем-то огорчён. Он лизнул его в нос, словно хотел сказать: «Да, я у тебя есть. Это точно. И Карлсон тоже!»

Мальш сидел и думал о том, как чудесно, что у него есть Бимбо. И всё же он так скучал по маме. И тут он вспомнил, что обещал ей написать письмо. И решил, не откладывая, сразу же за это взяться.

*Дорогая мама,— начал он.— Похоже, что нашей семье пришёл конец Боссе и Бетан больны какой-то тинной и их увезли в больницу а меня изолировали это совсем не болно но я конечно заболею этой тинной а папа в Лондоне жив ли он теперь не знаю хотя пока не слышно что он заболел но наверно болен раз все наши больны я скучаю по тебе как ты себя чувствуешь ты очень больна или не очень разговаривать я могу толко с Карлсоном но я стараюс говорить поменьше потому что ты будеш волноваться а тебе надо покой говорит домогучительница она не болна и Карлсон тоже но и они скоро заболеют
прощай мамочка будь здорова.*

— Подробно я писать не буду,— объяснил Мальш Бимбо,— потому что не хочу её пугать.

Он подошёл к окну и позвонил Карлсону. Да, да, он

в самом деле позвонил. Дело в том, что накануне вечером Карлсон сделал одну очень замысловатую штуку: он провёл звонок между своим домиком на крыше и комнатой Мальшиа.

— Привидение не должно появляться с бухты-барахты,— сказал Карлсон.— Но теперь Карлсон подарил тебе лучший в мире звонок, и ты всегда сможешь позвонить и заказать привидение как раз в тот момент, когда домомучительница сидит в засаде и высматривает, не видно ли в темноте чего-нибудь ужасного. Вроде меня, например.

Звонок был устроен таким образом: под карнизом своего домика Карлсон прибил колокольчик — из тех, что подвязывают коровам,— а шнур от него протянул к окну Мальшиа.

— Ты дёргаешь за шнур,— объяснил Карлсон,— у меня наверху звякает колокольчик, и тут же к вам прилетает малютка привидение из Вазастана, и домомучительница падает в обморок. Колоссально, да?

Конечно, это было колоссально, Мальши тоже так думал. И не только из-за игры в привидение. Раньше ему подолгу приходилось ждать, пока не появится Карлсон. А теперь достаточно было дёрнуть за шнурок, и он тут как тут.

И вдруг Мальши почувствовал, что ему во что бы то ни стало надо поговорить с Карлсоном. Он дёрнул за шнурок раз, другой, третий... С крыши донеслось звяканье колокольчика. Вскоре послышалось жужжание моторчика, и Карлсон влетел в окно. Видно было, что он не выспался и что настроение у него прескверное.

— Ты, наверно, думаешь, что это не колокольчик, а будильник? — проворчал он.

— Прости,— сказал Мальши,— я не знал, что ты спишь.

— Вот и узнал бы прежде, чем будить. Сам небось дрыхнешь, как сурок, и не можешь понять таких, как я, которым за ночь ни на минуту не удаётся сомкнуть глаз. И когда человек наконец хоть ненадолго забывается сном, он вправе ожидать, что друг будет оберегать его покой, а не трезвонить почём зря, словно пожарная машина...

— Разве ты плохо спишь? — спросил Мальши.

Карлсон угрюмо кивнул.

— Представь себе, да.

«Как это печально»,— подумал Мальш и сказал:

— Мне так жаль... У тебя в самом деле так плохо со сном?

— Хуже быть не может,— ответил Карлсон.— Собственно говоря, ночью я сплю беспробудно и перед обедом тоже, а вот после обеда дело обстоит из рук вон плохо, лежу с открытыми глазами и ворочаюсь с боку на бок.

Карлсон умолк, бессонница, видно, его доконала, но мгновение спустя он с живым интересом принялся оглядывать комнату.

— Правда, если бы я получил небольшой подарок, то, может, перестал бы огорчаться, что ты меня разбудил.

Мальш не хотел, чтобы Карлсон сердился, и стал искать, что бы ему подарить.

— Вот губная гармошка. Может, хочешь её?

Карлсон схватил гармошку:

— Я всегда мечтал о музыкальном инструменте, спасибо тебе за этот подарок... Ведь контрабаса у тебя, наверно, всё равно нет?

Он приложил гармошку к губам, издал несколько ужасающих трелей и посмотрел на Мальша сияющими глазами:

— Слышишь? Я сейчас сочиню песню под названием «Плач малютки привидения».

Мальш подумал, что для дома, где все больны, подходит печальная мелодия, и рассказал Карлсону про скарлатину.

Но Карлсон возразил, что скарлатина — дело житейское и беспокоиться здесь ровным счётом не о чем. Да и к тому же очень удачно, что болезнь отправила Боссе и Бетан в больницу именно в тот день, когда в доме появится привидение.

Едва он успел всё это сказать, как Мальш вздрогнул от испуга, потому что услышал за дверью шаги фрекен Бок. Было ясно, что домомучительница вот-вот окажется в его комнате. Карлсон тоже понял, что надо срочно действовать. Недолго думая, он плюхнулся на пол и, словно колобок, покатился под кровать. Мальш в тот же миг сел на кровать и набросил на колени своё купальное полотенце, так что его края, спадая на пол, с грехом пополам скрывали Карлсона.

Тут дверь открылась, и в комнату вошла фрекен Бок с половой щёткой и совком в руках.

— Я хочу убрать твою комнату,— сказала она.— Пойди-ка пока на кухню.

Мальш так разволновался, что стал пунцовым.

— Не пойду,— заявил он.— Меня ведь изолировали, вот я и буду здесь сидеть.

Фрекен Бок посмотрела на Мальша с раздражением.

— Погляди, что у тебя делается под кроватью,— сказала она.

Мальш разом вспотел... Неужели она уже обнаружила Карлсона?

— Ничего у меня под кроватью нет...— пробормотал он.

— Ошибаешься,— оборвала его фрекен Бок.— Там скопились целые горы пыли. Дай мне подмести. Марш отсюда!

Но Мальш упёрся:

— А я всё равно буду сидеть на кровати, раз меня изолировали!

Ворча, фрекен Бок начала подметать другой конец комнаты.

— Сиди себя на кровати сколько влезет, пока я не дойду до неё, но потом тебе придётся убратсья отсюда и изолировать себя где-нибудь ещё, упрямый мальчишка!

Мальш грыз ногти и ломал себе голову: что же делать? Но вдруг он заёрзал на месте и захихикал, потому что Карлсон стал его щекотать под коленками, а он так боялся щекотки.

Фрекен Бок вытаращила глаза.

— Так-так, смейся, бесстыдник! Мать, брат и сестра тяжело больны, а ему всё нипочём. Правду люди говорят: с глаз долой—из сердца вон!

А Карлсон щекотал Мальша всё сильнее, и Мальш так хохотал, что даже повалился на кровать.

— Нельзя ли узнать, что тебя так рассмешило?— хмуро спросила фрекен Бок.

— Ха-ха-ха...— Мальш едва мог слово вымолвить.— Я вспомнил одну смешную штуку.

Он весь напрягся, силясь вспомнить хоть что-нибудь смешное.

— ...Однажды бык гнался за лошадьё, а лошадьё так перепугалась, что со страху залезла на дерево... Вы не знаете этого рассказа, фрекен Бок?

Боссе часто рассказывал эту историю, но Мальш

никогда не смеялся, потому что ему всегда было очень жалко бедную лошадь, которой пришлось лезть на дерево.

Фрекен Бок тоже не смеялась.

— Не заговаривай мне зубы! Дурацкие рассказы! Виданное ли дело, чтобы лошади лазили по деревьям?

— Конечно, они не умеют,— согласился Мальш, повторяя слово в слово то, что говорил Боссе.— Но ведь за ней гнался разъярённый бык, так что же, чёрт возьми, ей оставалось делать?

Боссе утверждал, что слово «чёрт» можно произнести, раз оно есть в рассказе. Но фрекен Бок так не считала. Она с отвращением посмотрела на Мальша:

— Расселся тут, хохочет, сквернословит, в то время как мать, сестра и брат лежат больные и мучаются. Диву даёшься, что за...

Мальш так и не узнал, чему она диву даётся, потому что в этот миг раздалась песня «Плач малютки привидения» — всего лишь несколько резких трелей, которые зазвучали из-под кровати, но и этого было достаточно, чтобы фрекен Бок подскочила на месте.

— Боже праведный, что это такое?

— Не знаю,— сказал Мальш.

Зато фрекен Бок знала!

— Это звуки потустороннего мира. Ясно, как божий день.

— А что это значит «потустороннего мира»? — спросил Мальш.

— Мира привидений,— сказала фрекен Бок.— В этой комнате находимся только мы с тобой, но никто из нас не мог бы издать такие странные звуки. Это звуки не человеческие, это звуки привидений. Разве ты не слышал?.. Это вопли души, не нашедшей покоя.

Она поглядела на Мальша широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Боже праведный, теперь я просто обязана написать в телевидение.

Фрекен Бок отшвырнула щётку и совок, села за письменный стол Мальша, взяла бумагу, ручку и принялась писать.

Писала она долго и упорно.

— Послушай-ка, что я написала,— сказала она, закончив письмо.— «Шведскому радио и телевидению. Моя сестра Фрида Бок выступала в вашем цикле передач о духах и привидениях. Не думаю, чтобы эта

передача была хорошей, потому что Фриде чудится всё, что ей хочется. Но, к счастью, всё всегда можно исправить, и эту передачу тоже. Потому что теперь я сама живу в доме, битком набитом привидениями. Вот список моих встреч с духами:

1. Из нашего кухонного окна раздалось странное мычание, которое не могла издать корова, поскольку мы живём на четвёртом этаже. Значит, этот звук был просто похож на мычание.

2. Тайнственным образом исчезают из-под самого носа разные вещи, как-то: сдобные плюшки и маленькие, запёртые на замок мальчики.

3. Дверь оказывается запёртой снаружи, в то время как я нахожусь в комнате,— ума не приложу, как это происходит!

4. На кухонной стене тайнственным образом появляются надписи.

5. Неожиданно раздаются какие-то душераздирающие звуки, от которых хочется плакать.

Приезжайте сюда не откладывая, может получиться такая передача, что все о ней будут говорить.

С глубоким уважением
Хильдур Бок.

И как это только вам могла прийти мысль пригласить Фриду выступать по телевидению?»

Фрекен Бок, исполненная рвения, тут же побежала отправить письмо. Мальш заглянул под кровать, чтобы выяснить, что же делает Карлсон. Он преспокойно лежал там, и глаза его сияли. Он выполз, весёлый и довольный.

— Ого-го! — завопил он. — Дождёмся вечера. Когда стемнеет, у домомучительницы и в самом деле появится материальчик для письма на телевидение.

Мальш снова начал смеяться и нежно посмотрел на Карлсона.

— Оказывается, быть изолированным очень весело, если изолирован вместе с тобой,— сказал Мальш.

Тут он вспомнил о Кристере и Гунилле. Собственно говоря, он должен был бы огорчиться, что некоторое время не сможет с ними играть, как обычно.

«Неважно,— подумал Мальш.— Играть с Карлсоном всё равно веселей».

Но Карлсон тут заявил, что больше играть ему некогда. Он сказал, что ему надо срочно лететь домой, приделать к моторчику глушитель.

— Нельзя, чтобы привидение из Вазастана прилетело, громыхая, как железная бочка. Понимаешь? Привидение должно появиться беззвучно и таинственно, как и положено привидению. Тогда у домомучительницы волосы встанут дыбом.

Потом Карлсон и Малыш договорились о тайной системе сигналов, которые будут передаваться с помощью звонков.

— Один звонок — это «Немедленно прилетай!», два звонка — «Ни в коем случае не прилетай!», а три звонка значит — «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!».

— А зачем мне для этого звонить? — удивился Малыш.

— А затем, что друзьям надо говорить приятные и ободряющие вещи примерно каждые пять минут, а ты сам понимаешь, что я не могу прилетать к тебе так часто.

Малыш задумчиво поглядел на Карлсона:

— Я ведь тоже твой друг, да? Но я не помню, чтобы ты говорил мне что-нибудь в этом роде.

Карлсон рассмеялся:

— Как ты можешь сравнивать? Да кто ты есть?.. Ты всего-навсего глупый мальчишка, и всё...

Малыш молчал. Он знал, что Карлсон прав.

— Но ты всё-таки любишь меня?

— Конечно, люблю, честное слово! — воскликнул Карлсон. — Сам не знаю, за что, хотя и ломал голову над этим, когда лежал после обеда и мучился бессонницей. — Он потрепал Малыша по щеке. — Конечно, я тебя люблю, и даже догадываюсь, почему. Потому, что ты так не похож на меня, бедный мальчуган!

Он вылетел в окно и на прощание помахал Малышу.

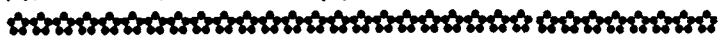
— А если ты опять начнёшь трезвонить, как пожарная машина, — крикнул он, — то это будет означать, что либо и в самом деле пожар, либо: «Я тебя снова разбудил, дорогой Карлсон, лети скорее ко мне да прихвати с собой мешок побольше, чтобы положить в него мои игрушки... Я тебе их дарю!»

На этом Карлсон улетел.

А Бимбо лёг на пол перед Мальшом и принялся энергично стучать хвостом по ковру. Щенок так делал всегда, когда хотел показать, что он чему-то очень рад и просит уделить ему немного внимания. Мальш улёгся на пол рядом с ним. Тогда Бимбо вскочил и даже затыкался от удовольствия. Потом он уткнулся в плечо Мальша и закрыл глаза.

— Ты радуешься, что меня изолировали, что я не хожу в школу, а сижу дома? — спросил Мальш. — Ты, Бимбо, наверно, думаешь, что я самый лучший в мире...

МАЛЮТКА ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ВАЗАСТАНА

День для Мальша тянулся бесконечно долго, он провёл его совсем один и никак не мог дожидаться вечера.

«Похоже на сочельник», — подумал он.

Он играл с Бимбо, возился с марками и даже немного позанимался арифметикой, чтобы не отстать от ребят в классе. А когда Кристер должен был, по его расчётам, вернуться из школы, он позвонил ему по телефону и рассказал о скарлатине.

— Я не могу ходить в школу, потому что меня изолировали, понимаешь?

Это звучало очень заманчиво — так считал сам Мальш, и Кристер, видно, тоже так считал, потому что он даже не сразу нашёлся, что ответить.

— Расскажи это Гунилле, — добавил Мальш.

— А тебе не скучно? — спросил Кристер, когда к нему вернулся дар речи.

— Ну что ты! У меня ведь есть... — начал Мальш, но тут же осекся.

Он хотел было сказать: «Карлсон», но не сделал этого из-за папы. Правда, прошлой весной Кристер и Гунилла несколько раз видели Карлсона, но это было до того, как папа сказал, что о нём нельзя говорить ни с кем на свете.

«Может быть, Кристер и Гунилла давно о нём забыли, вот бы хорошо! — думал Мальш. — Тогда он стал бы моим личным тайным Карлсоном». И Мальш поторопился попрощаться с Кристером.

— Привет, мне сейчас некогда с тобой разговаривать,— сказал он.

Обедать вдвоём с фрекен Бок было совсем скучно, но зато она приготовила очень вкусные тефтели. Мальшш уплетал за двоих. На сладкое он получил яблочную запеканку с ванильным соусом. И он подумал, что фрекен Бок, может быть, не так уж плоха.

«Лучшее, что есть в домохозяйстве,— это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке—это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе—это то, что я его ем»,—думал Мальшш.

И всё же это был невесёлый обед, потому что столько мест за столом пустовало. Мальшш скучал по маме, по папе, по Боссе и по Бетан—по всем вместе и по каждому отдельно. Нет, обед был совсем невесёлый, к тому же фрекен Бок без умолку болтала о Фриде, которая уже успела изрядно надоесть Мальшшу.

Но вот наступил вечер. Была ведь осень, и темнело рано. Мальшш стоял у окна своей комнаты, бледный от волнения, и глядел на звёзды, мерцавшие над крышами. Он ждал. Это было хуже, чем сочельник. В сочельник тоже устаёшь ждать, но разве это может сравниться с ожиданием прилёта маленького привидения из Вазастана!.. Куда там! Мальшш в нетерпении грыз ногти. Он знал, что там, наверху, Карлсон тоже ждёт. Фрекен Бок уже давно сидела на кухне, опустив ноги в таз с водой,—она всегда подолгу принимает ножные ванны. Но потом она придёт к Мальшшу пожелать ему спокойной ночи, это она обещала. Вот тут-то и надо подать сигнал. И тогда—о боже праведный, как всегда говорила фрекен Бок,—о боже праведный, до чего же это было захватывающе!

— Если её ещё долго не будет, я лопну от нетерпения,—пробормотал Мальшш.

Но вот она появилась. Прежде всего Мальшш увидел в дверях её большие, чисто вымытые босые ноги. Мальшш затрепетал, как пойманная рыбка, так он испугался, хотя ждал её и знал, что она сейчас придёт.

Фрекен Бок мрачно поглядела на него.

— Почему ты стоишь в пижаме у открытого окна? Немедленно марш в постель!

— Я... я глядел на звёзды,—пробормотал Мальшш.— А вы, фрекен Бок, не хотите на них взглянуть?

Это он так схитрил, чтобы заставить её подойти к окну, а сам тут же незаметно сунул руку под занавес.

веску, за которой был спрятан шнур, и дёрнул его из всех сил. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик. Фрекен Бок это тоже услышала.

— Где-то там, наверху, звенит колокольчик,— сказала она.— Как странно!

— Да, странно! — согласился Мальш.

Но тут у него прямо дух захватило, потому что от крыши вдруг отделилось и медленно полетело по тёмному небу небольшое, белое, круглое привидение. Его полёт сопровождался тихой и печальной музыкой. Да, ошибки быть не могло, заунывные звуки «Плача малютки привидения» огласили тёмную, осеннюю ночь.

— Вот... О, гляди, гляди... Боже праведный! — воскликнула фрекен Бок.

Она побелела как полотно, ноги у неё подогнулись, и она плюхнулась на стул. А ещё уверяла, что не боится привидений!

Мальш попытался её успокоить.

— Да, теперь я тоже начинаю верить в привидения,— сказал он.— Но ведь это такое маленькое, оно не может быть опасным!

Однако фрекен Бок не слушала Мальша. Её обезумевший взгляд был прикован к окну — она следила за причудливым полётом привидения.

— Уберите его! Уберите! — шептала она задыхаясь.

Но маленькое привидение из Вазастана нельзя было убрать. Оно кружило в ночи, удалялось, вновь приближалось, то взмывая ввысь, то спускаясь пониже, и время от времени делало в воздухе небольшой кульбит. А печальные звуки не смолкали ни на мгновение.

«Маленькое белое привидение, тёмное звёздное небо, печальная музыка — до чего всё это красиво и интересно!» — думал Мальш.

Но фрекен Бок так не считала. Она вцепилась в Мальша:

— Скорее в спальню, мы там спрячемся!

В квартире семьи Свантесон было пять комнат, кухня, ванная и передняя. У Боссе, у Бетан и у Мальша были свои комнатки, мама и папа спали в спальне, а кроме того, была столовая, где они собирались все вместе. Теперь, когда мама и папа были

в отъезде, фрекен Бок спала в их комнате. Окно её выходило в сад, а окно комнаты Мальшша — на улицу.

— Пошли,— шептала фрекен Бок, всё ещё задыхаясь,— пошли скорее, мы спрячемся в спальне.

Мальшш сопротивлялся: нельзя же допустить, чтобы всё сорвалось теперь, после такого удачного начала! Но фрекен Бок упрямо стояла на своём:

— Ну, живей, а то я сейчас упаду в обморок!

И как Мальшш ни сопротивлялся, ему пришлось тащиться в спальню. Окно и там было открыто, но фрекен Бок кинулась к нему и с грохотом его запахнула. Потом она опустила шторы, задёрнула занавески, а дверь попыталась забаррикадировать мебелью. Было ясно, что у неё пропала всякая охота иметь дело с привидением, а ведь ещё совсем недавно она ни о чём другом не мечтала.

Мальшш никак не мог этого понять, он сел на папину кровать, поглядел на перепуганную фрекен Бок и покачал головой.

— А Фрида, наверно, не такая трусиха,— сказал он наконец.

Но сейчас фрекен Бок и слышать не хотела о Фриде. Она продолжала придвигать всю мебель к двери — за комодом последовали стол, стулья и этажерка. Перед столом образовалась уже настоящая баррикада.

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны,— сказала фрекен Бок с удовлетворением.

Но тут из-под папиной кровати раздался глухой голос, в котором звучало ещё больше удовлетворения:

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны! Мы заперты на ночь.

И маленькое привидение стремительно, со свистом вылетело из-под кровати.

— Помогите! — завопила фрекен Бок. — Помогите!

— Что случилось? — спросило привидение. — Мебель сами двигаете, да неужели помочь некому?

И привидение разразилось долгим глухим смехом. Но фрекен Бок было не до смеха. Она кинулась к двери и стала расшвыривать мебель. В мгновение ока разобрав баррикаду, она с громким криком выбежала в переднюю.

Привидение полетело следом, а Мальшш побежал за ним. Последним мчался Бимбо и залиvisto лаял. Он

узнал привидение по запаху и думал, что началась весёлая игра. Привидение, впрочем, тоже так думало.

— Гей, гей! — кричало оно, летая вокруг головы фрекен Бок и едва не касаясь её ушей.

Но потом оно немного поотстало, чтобы получилась настоящая погоня. Так они носились по всей квартире — впереди скакала фрекен Бок, а за ней мчалось привидение: в кухню и из кухни, в столовую и из столовой, в комнату Мальшша и из комнаты Мальшша, и снова в кухню, большую комнату, комнату Мальшша, и снова, и снова...

Фрекен Бок всё время вопила так, что в конце концов привидение даже попыталось её успокоить:

— Ну, ну, ну, не реви! Теперь-то уж мы повеселимся всласть!

Но все эти утешения не возымели никакого действия. Фрекен Бок продолжала голосить и метаться по кухне. А там всё ещё стоял на полу таз с водой, в котором она мыла ноги. Привидение преследовало её по пятам. «Гей, гей», — так и звенело в ушах; в конце концов фрекен Бок споткнулась о таз и с грохотом упала. При этом она издала вопль, похожий на вой сирены, но тут привидение просто возмутилось:

— Как тебе только не стыдно! Орёшь как маленькая. Ты насмерть перепугала меня и соседей. Будь осторожней, не то сюда нагрянет полиция!

Весь пол был залит водой, а посреди огромной лужи барахталась фрекен Бок. Не пытаясь даже встать на ноги, она удивительно быстро поползла из кухни.

Привидение не могло отказать себе в удовольствии сделать несколько прыжков в тазу — ведь там уже почти не было воды.

— Подумаешь, стены чуть-чуть забрызгали,— сказала привидение Мальшу.— Все люди, как правило, спотыкаются о тазы, так чего же она воёт?

Привидение сделало последний прыжок и снова кинулось за фрекен Бок. Но её что-то нигде не было видно. Зато на паркете в передней темнели отпечатки ступней.

— Домомучительница сбежала! — воскликнуло привидение.— Но вот её мокрые следы. Сейчас увидим, куда они ведут. Угадай, кто лучший в мире следопыт!

Следы вели в ванную комнату. Фрекен Бок заперлась там, и в прихожую доносился её торжествующий смех.

Привидение постучало в дверь ванной:

— Открой! Слышишь, немедленно открой!

Но за дверью раздавался только громкий, ликующий хохот.

— Открой! А то я не играю! — крикнуло привидение.

Фрекен Бок замолчала, но двери не открыла. Тогда привидение обернулось к Мальшу, который всё ещё не мог отдышаться.

— Скажи ей, чтоб она открыла! Какой же интерес играть, если она будет так себя вести!

Мальш робко постучал в дверь.

— Это я,— сказал он.— Долго ли вы, фрекен Бок, собираетесь просидеть здесь взаперти?

— Всю ночь,— ответила фрекен Бок.— Я постелю себе в ванне все полотенца, чтобы там спать.

Тут привидение заговорило по-другому:

— Стели! Пожалуйста, стели! Делай всё так, чтобы испортить нам удовольствие, чтобы расстроить нашу игру! Но угадай-ка, кто в таком случае немедленно

отправится к Фриде, чтобы дать ей материал для новой передачи?

В ванной комнате долго царило молчание. Видно, фрекен Бок обдумывала эту ужасную угрозу. Но в конце концов она сказала жалким, умоляющим тоном:

— Нет-нет, пожалуйста, не делай этого!.. Этого я не вынесу.

— Тогда выходи! — сказала привидение. — Не то привидение тут же улетит на Фрейгатен. И твоя сестра Фрида будет снова сидеть в телевизоре, это уж точно!

Слышно было, как фрекен Бок несколько раз тяжело вздохнула. Наконец она позвала:

— Мальш! Приложи ухо к замочной скважине, я хочу тебе кое-что шепнуть по секрету.

Мальш сделал, как она просила.

Он приложил ухо к замочной скважине, и фрекен Бок прошептала ему:

— Понимаешь, я думала, что не боюсь привидений, а оказалось, что боюсь. Но ты-то храбрый! Может, попросишь, чтобы это привидение сейчас исчезло и явилось в другой раз? Я хочу к нему немного привыкнуть. Но главное, чтобы оно не посетило за это время Фриду! Пусть оно поклянётся, что не отправится на Фрейгатен!

— Постараюсь, но не знаю, что получится, — сказал Мальш и обернулся, чтобы начать переговоры с привидением.

Но его и след простыл.

— Его нету! — крикнул Мальш. — Оно улетело к себе домой. Выходите.

Но фрекен Бок не решалась выйти из ванной, пока Мальш не обошёл всю квартиру и не убедился, что привидения нигде нет.

Потом фрекен Бок, дрожа от страха, ещё долго сидела в комнате Мальша. Но постепенно она пришла в себя и собралась с мыслями.

— О, это было ужасно... — сказала она. — Но подумай, какая передача для телевидения могла бы из этого получиться! Фрида в жизни не видела ничего похожего!

Она радовалась, как ребёнок. Но время от времени вспоминала, как за ней по пятам гналось привидение, и содрогалась от ужаса.

— В общем, хватит с меня привидений,— решила она в конце концов.— Я была бы рада, если б судьба избавила меня от подобных встреч.

Едва она успела это сказать, как из шкафа Малыша послышалось что-то вроде мычания. И этого было достаточно, чтобы фрекен Бок вновь завопила:

— Слышишь? Клянусь, привидение притаилось у нас в шкафу! Ой, я, кажется, сейчас умру...

Малышу стало её очень жаль, но он не знал, что сказать, чтобы её утешить.

— Да нет...— начал он после некоторого раздумья,— это вовсе не привидение... Это... это... считайте, что это телёночек. Да, будем надеяться, что это телёночек.

Но тут из шкафа раздался голос:

— Телёночек! Этого ещё не хватало! Не выйдет! И не надейтесь!

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда выпорхнуло малютка привидение из Вазастана, одетое в белые одежды, которые Малыш сшил своими собственными руками. Глухо и таинственно вздыхая, оно взмыло к потолку и закружилось вокруг люстры.

— Гей, гей, я не телёнок, а самое опасное в мире привидение!

Фрекен Бок кричала. Привидение описывало круги, оно порхало всё быстрее и быстрее, всё ужасней и ужасней вопила фрекен Бок, и всё стремительней, в диком вихре, кружилось привидение.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Изогнравясь в сложных фигурах, привидение сделало чересчур маленький круг, и его одежды зацепились за люстру.

Хлоп! — старенькие простыни тут же поползли, спали с Карлсона и повисли на люстре, а вокруг неё летал Карлсон в своих обычных синих штанах, клетчатой рубашке и полосатых носках. Он был до того увлечён игрой, что даже не заметил, что с ним случилось. Он летал себе и летал, вздыхал и стонал по-привиденчески пуще прежнего. Но, завершая очередной круг, он вдруг заметил, что на люстре что-то висит и развевается от колебания воздуха, когда он пролетает мимо.

— Что это за лоскут вы повесили на лампу? — спросил он.— От мух, что ли?

Малыш только жалобно вздохнул:

— Нет, Карлсон, не от мух...

Тогда Карлсон поглядел на своё упитанное тело, увидел синие штанишки и понял, какая случилась беда, понял, что он уже не малютка привидение из Вазастана, а просто Карлсон.

Он неуклюже приземлился возле Мальшша: вид у него был несколько сконфуженный.

— Ну да,— сказал он,— неудача может сорвать даже самые лучшие замыслы. Сейчас мы в этом убедились... Ничего не скажешь, это дело житейское!

Фрекен Бок, бледная как мел, уставилась на Карлсона. Она судорожно глотала воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Но в конце концов она всё же выдавила из себя несколько слов:

— Кто... кто... боже праведный, а это ещё кто?

И Мальшш сказал, едва сдерживая слёзы:

— Это Карлсон, который живёт на крыше.

— Кто это? Кто этот Карлсон, который живёт на крыше? — задыхаясь, спросила фрекен Бок.

Карлсон поклонился:

— Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Представьте себе, это я.

КАРЛСОН НЕ ПРИВИДЕНИЕ, А ПРОСТО КАРЛСОН

Этот вечер Мальшш запомнит на всю жизнь. Фрекен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущённый. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени», — подумал Мальшш, потому что мама часто так говорила. Это бывало, когда Боссе приносил домой сразу три двойки, или когда Бетан ныла, выпрашивая новую кожаную курточку на меху как раз в те дни, когда папа вносил деньги за телевизор, купленный в рассрочку, или когда Мальшш разбивал в школе окно и родителям надо было платить за огромное стекло. Вот в этих случаях мама обычно вздыхала и говорила:

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени!»

Именно такое чувство овладело сейчас Мальшшом. Ух, до чего же всё нескладно вышло! Фрекен Бок безутешно рыдала, слёзы катились градом. И из-за

чего? Только из-за того, что Карлсон оказался не привидением.

— Подумать только! Эта телевизионная передача была уже у меня в кармане,— всхлипывая, сказала фрекен Бок и злобно поглядела на Карлсона.— А я-то, дура, специально ходила к себе домой и рассказала всё Фриде...

Она закрыла лицо руками, громко зарыдала, и никто не расслышал, что же она сказала Фриде.

— Но я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил,— сказал Карлсон, пытаясь хоть чем-то её утешить.— И меня можно показывать в этом ящике...

Фрекен Бок поглядела на Карлсона и злобно зашипела:

— «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина»! Да таких на телевидении хоть пруд пруди, с этим к ним и соваться нечего.

И она снова поглядела на Карлсона сердито и недоверчиво... А ведь этот маленький толстый мальчишка и впрямь похож на мужчину...

— Кто он, собственно говоря, такой? — спросила она Мальшша.

И Мальшш ответил истинную правду:

— Мой товарищ, мы с ним играем.

— Это я и без тебя знаю,— отрезала фрекен Бок и снова заплакала.

Мальшш был удивлён: ведь папа и мама вообразили, что у них начнётся кошмарная жизнь, если только кто-нибудь узнает о существовании Карлсона, что все тут же захотят его увидеть и его будут показывать по телевидению; но вот теперь, когда наконец его увидела посторонняя женщина, она льёт слёзы и уверяет, что раз Карлсон не привидение, он не представляет никакого интереса. А что на спине у него пропеллер и что он умеет летать — на это ей, видно, наплевать. А тут как раз Карлсон поднялся к потолку и принялся снимать с абажура свои привиденческие одежды, но фрекен Бок посмотрела на него уже совсем свирепым глазом и сказала:

— Подумаешь, пропеллер, кнопка... а что же ещё может быть у мальчишки в наше-то время! Скоро они будут летать на Луну, не начав ходить в школу!

Домомучительница по-прежнему сидела на стуле и накалялась всё больше и больше. Она вдруг поняла,

кто ставил плюшки, кто мычал у окна и кто писал на стене в кухне. Это же надо додуматься — дарить детям такие игрушки, чтобы они летали куда им заблагорассудится и так бесстыдно издевались над старыми людьми. А все таинственные истории с привидениями, о которых она писала в шведское телевидение, оказались проказами сорванца. Нет, она не намерена терпеть здесь этого негодного маленького толстяка.

— Немедленно отправляйся домой, слышишь!.. Как тебя звать-то?

— Карлсон! — ответил Карлсон.

— Это я знаю, — сердито сказала фрекен Бок. — Но у тебя, кроме фамилии, надо думать, и имя есть?

— Меня зовут Карлсон, и всё!

— Ой, не зли меня, не то я совсем рассержусь, я и так уже на последнем предделе, — буркнула фрекен Бок. — Имя — это то, как тебя зовут дома, понимаешь? Ну, как тебя кличет папа, когда пора идти спать?

— Хулиган, — ответил Карлсон с улыбкой.

Фрекен Бок с удовлетворением кивнула:

— Точно сказано! Лучше и не придумать!

Карлсон с ней согласился:

— Да, да, в детстве мы все ужасно хулиганили. Но это было так давно, а теперь я самый послушный в мире!

Но фрекен Бок больше не слушала его. Она сидела молча, глубоко задумавшись, и, видимо, начинала постепенно успокаиваться.

— Да, — сказала она наконец, — один человек будет от всего этого на седьмом небе.

— Кто? — спросил Мальш.

— Фрида, — горько ответила фрекен Бок. Потом, глубоко вздохнув, она направилась на кухню, чтобы вытереть пол и унести таз.

Карлсон и Мальш были рады, что остались одни.

— И чего это люди волнуются по пустякам? — сказал Карлсон и пожал плечами. — Я ведь ей ничего плохого не сделал.

— Ну да, — неуверенно согласился Мальш. — Только пониживал её немножко. Зато теперь мы станем самыми послушными.

Карлсон тоже так думал.

— Конечно, станем. Но я хочу немного позабавиться, а то не буду играть!

Мальшш напряжённо выдумывал какое-нибудь забавное занятие для Карлсона. Но он зря старался, потому что Карлсон всё придумал сам и вдруг, ни с того ни с сего, кинулся к шкафу Мальшша.

— Погоди! — крикнул он. — Когда я был привидением, я видел там одну толковую штуку!

Он вернулся с маленькой мышеловкой. Мальшш нашёл её в деревне у бабушки и привёз в город.

«Я хочу поймать мышку и приручить её, чтобы она у меня осталась жить», — объяснил Мальшш маме. Но мама сказала, что в городских квартирах мыши, к счастью, не водятся, у них, во всяком случае, мышей точно нет.

Мальшш пересказал всё это Карлсону, но Карлсон возразил:

— Мыши заводятся незаметно. Твоя мама только обрадуется, если вдруг, откуда ни возьмись, в доме появится маленькая неожиданная мышка.

Он объяснил Мальшшу, как было бы хорошо, если бы они поймали эту неожиданную мышку. Ведь Карлсон мог бы держать её у себя наверху, а когда у неё народятся мышата, можно будет устроить настоящую мышшину ферму.

— И тогда я помещу в газете объявление, — заключил Карлсон. — «Кому нужны мыши, обращайтесь в мышшину ферму Карлсона».

— Ага! И тогда можно будет расплодить мышшей во всех городских домах! — радостно подхватил Мальшш и объяснил Карлсону, как заряжают мышеловку. — Только в неё надо обязательно положить кусочек сыру или шкурку от свиного сала», а то мышшь не придёт.

Карлсон полез в карман и вытащил оттуда маленький огрызок шпика.

— Как хорошо, что я его сберёг. После обеда я всё собирался кинуть его в помойное ведро.

Он зарядил мышеловку и поставил её под кровать Мальшша.

— Теперь мышшь может прийти когда захочет.

Они совсем забыли про фрекен Бок. Но вдруг услышали какой-то шум на кухне.

— Похоже, что она готовит еду, — сказал Карлсон. — Она грохочет сковородками.

Так оно и было, потому что из кухни донёсся слабый, но чарующий запах жарящихся тефтелей.

— Она обжаривает тефтели, оставшиеся от обеда,— объяснил Мальш.— Ой, до чего же есть хочется!

Карлсон со всех ног кинулся к двери.

— Вперёд, на кухню! — крикнул он.

Мальш подумал, что Карлсон и в самом деле храбрец, если он отважился на такой шаг. Быть трусом Мальшу не хотелось, и он тоже нерешительно поплёлся на кухню.

— Гей, гей, мы, я вижу, пришли как раз кстати. Нас ждёт скромный ужин,— сказал Карлсон.

Фрекен Бок стояла у плиты и переворачивала тефтели, но, увидев Карлсона, она бросила сковородку и двинулась на него. Вид у неё был угрожающий.

— Убирайся! — крикнула она.— Убирайся отсюда немедленно!

У Карлсона дрогнули губы, и он надулся.

— Так я не играю! Так я не играю! Так себя не ведут! Я тоже хочу съесть несколько тефтелек. Разве ты не понимаешь, что, когда целый вечер играешь в привидение, просыпается зверский аппетит?

Он сделал шаг к плите и взял со сковородки одну тефтельку. Вот этого ему не следовало делать. Фрекен Бок взревела от бешенства и кинулась на Карлсона, схватила его за шиворот и вытолкнула за дверь.

— Убирайся! — кричала она.— Убирайся домой и носа сюда больше не показывай!

Мальш был просто в отчаянии.

— Ну, чего вы, фрекен Бок, так злитесь? — сказал он со слезами в голосе.— Карлсон мой товарищ, разве можно его прогонять?

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь кухни распахнулась и ворвался Карлсон, тоже злой как чёрт.

— Так я не играю! — кричал он.— Нет, так я не играю! Выставлять меня с чёрного хода!.. Не выйдет!

Он подлетел к фрекен Бок и топнул ногой об пол.

— Подумать только, с чёрного хода!.. Я хочу, чтобы меня выставили с парадного, как приличного человека!

Фрекен Бок снова схватила Карлсона за шиворот.

— С парадного? Охотно! — воскликнула она, потащила Карлсона через всю квартиру и вытолкнула его через парадный ход, не обращая никакого внимания на слёзы и гневные вопли бегущего за ней Мальша. Так Карлсон добился своего.

— Ну вот, теперь с тобой обошлись достаточно благородно? — осведомилась фрекен Бок.

— Достаточно, — подтвердил Карлсон, и тогда фрекен Бок захлопнула за ним дверь с таким грохотом, что было слышно во всём доме.

— Ну наконец-то, — сказала она и пошла на кухню. Мальш бежал за ней, он очень сердился:

— Ой! До чего вы, фрекен Бок, злая и несправедливая! Карлсон имеет право быть на кухне!

Он там и был! Он стоял у плиты и ел тефтели.

— Да, да, меня надо было выставить через парадную дверь, чтобы я смог вернуться с чёрного хода и съесть несколько превосходных тефтелей, — объяснил он.

Тогда фрекен Бок схватила Карлсона за шиворот и в третий раз вытолкнула за дверь, теперь опять с чёрного хода.

— Просто удивительно, — возмущалась она, — никакого с ним сладу нет!.. Но я сейчас запру двери, и он всё же останется с носом.

— Это мы ещё посмотрим, — спокойно сказал Карлсон.

Фрекен Бок захлопнула дверь и проверила, защёлкнулся ли замок.

— Тьфу, до чего же вы злая, фрекен Бок, — не унимался Мальш.

Но она не обращала никакого внимания на его слова. Она быстро подошла к плите, на которой так аппетитно румянились тефтели.

— Может, и мне наконец-то удастся съесть хоть одну тефтельку после всего того, что пришлось пережить в этот вечер, — сказала она.

Но тут из открытого окна раздался голос:

— Эй! Хозяева дома? Не найдётся ли у вас двух-трёх тефтелек?

На подоконнике сидел довольный Карлсон и широко улыбался. Увидев его, Мальш не смог удержаться от смеха.

— Ты прилетел сюда с балкончика?

Карлсон кивнул:

— Точно. И вот я опять с вами! Вы, конечно, мне рады... особенно ты, женщина, стоящая у плиты!

Фрекен Бок держала в руке тефтельку — она как раз собиралась сунуть её в рот, но при виде Карлсона застыла, уставившись на него.

— Никогда в жизни не видел такой прожорливой особы, — сказал Карлсон и, сделав большой круг над плитой, схватил на лету несколько тефтелей и быстро сунул их в рот. Потом он стремительно взмыл к самому потолку.

Но тут фрекен Бок как с цепи сорвалась. Она заорала не своим голосом, схватила выбивалку для ковров и, размахивая ею, погналась за Карлсоном:

— Ах ты озорник! Да что же это такое! Неужели мне так и не удастся тебя выгнать?

Карлсон, ликуя, кружил вокруг лампы.

— Гей, гей, вот теперь-то мы позабавимся на славу! — крикнул он. — Так весело мне не было с тех пор, как папочка гнался за мной с мухобойкой! Я тогда был маленький, но помню, тогда мы тоже здорово позабавились!

Карлсон метнулся в большую комнату, и снова началась бешеная погоня по всей квартире. Впереди летел Карлсон — он кудахтал и визжал от удовольствия, за ним мчалась фрекен Бок с выбивалкой для ковров, за ней еле поспевал Мальш, а позади всех скакал Бимбо, бешено таякая.

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

Фрекен Бок не отставала от него, но всякий раз, когда она уже готова была его схватить, Карлсон взмывал вверх, под самый потолок. А когда фрекен Бок начинала размахивать выбивалкой, ему всегда удавалось пролететь мимо, едва её не коснувшись.

— Эй, эй, чур, не бить по ногам, так я не играю! — кричал Карлсон.

Фрекен Бок запыхалась, но продолжала подпрыгивать, и её большие босые ноги шлёпали по паркету. Она, бедняжка, так и не успела ещё обуться — ведь весь вечер ей пришлось гонять по квартире. Она очень устала, но сдаваться не собиралась.

— Ты у меня дождёшься! — кричала она, продолжая погоню за Карлсоном.

Время от времени она подпрыгивала, чтобы стукнуть его выбивалкой, но он только смеялся и набирал высоту. Мальш тоже хохотал до слёз и никак не мог остановиться. От смеха у него даже заболел живот, и, когда все они в третий раз очутились в его комнате, он кинулся на кровать, чтобы хоть немножко передохнуть. Смеяться у него уже не было сил, но он всё же

стонал от смеха, глядя, как фрекен Бок мечется вдоль стен, пытаясь поймать Карлсона.

— Гей, гей! — подбадривал её Карлсон.

— Я тебе всыплю за это «гей, гей»! — кричала, едва переводя дыхание, фрекен Бок. Она с остервенением размахивала выбивалкой, и в конце концов ей удалось загнать Карлсона в угол, где стояла кровать Мальшша.

— Ну вот, — воскликнула она с торжеством, — попался, голубчик!

Но вдруг она издала такой вопль, что у Мальшша загудело в ушах. Он перестал хохотать.

«Эх, Карлсон попался», — подумал он.

Но попался не Карлсон. Попалась фрекен Бок; большой палец её правой ноги угодил в мышеловку.

— Ой, ой, ой! — стонала фрекен Бок. — Ой, ой, ой!

Она подняла ногу и в ужасе уставилась на странную вещь, вцепившуюся в её большой палец.

— Ой, ой, ой! — завопил уже Мальшш. — Подождите, я сейчас её раскрою... Простите, я этого не хотел...

— Ой, ой, ой! — продолжала вопить фрекен Бок, когда Мальшш помог ей высвободить палец и к ней вернулся дар речи. — Почему у тебя мышеловка под кроватью?

Мальшшу было очень жаль мышеловки, и он сказал, запинаясь:

— Потому что... потому что... мы хотели поймать неожиданную мышку.

— Но, конечно, не такую большую, — объяснил Карлсон. — Маленькую мышку с длинным хвостиком.

Фрекен Бок покосилась на Карлсона и застонала:

— Опять ты... Когда же ты уберёшься отсюда в конце концов?

И она снова погналась за ним с выбивалкой.

— Гей, гей! — закричал Карлсон.

Он вылетел в переднюю, а оттуда в большую комнату, а потом из неё в комнату Мальшша, и снова началась погоня по всей квартире: в кухню и из кухни, в спальню и из спальни...

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

— Ты у меня сейчас получишь «гей, гей»! — погрозила фрекен Бок, задыхаясь от быстрого бега.

Она замахнулась выбивалкой и прыгнула что было сил, но, забыв в азарте погони, что сдвинула всю мебель к дверям спальни, споткнулась о книжную

полку, стукнулась обо что-то головой и с грохотом рухнула на пол.

— Всё! Теперь в Нурланде снова будет землетрясение,— сказал Карлсон.

Но Мальшш в испуге кинулся к фрекен Бок.

— Ой, вы не расшиблись? — спросил он.— Бедная, бедная фрекен Бок...

— Помоги мне добраться до кровати... Будь добр...— прошептала фрекен Бок.

И Мальшш это сделал, вернее, попытался сделать. Но фрекен Бок была такая грузная, а Мальшш такой маленький, что у него ничего не вышло. Но тут к ним подлетел Карлсон.

— Один и не пытайся,— сказал он Мальшшу.— Я тоже хочу помочь её тащить. Ведь самый послушный в мире я, а вовсе не ты!

Карлсон и Мальшш собрались с силами и в конце концов доволокли фрекен Бок до кровати.

— Бедная фрекен Бок! — вздохнул Мальшш.— Как вы себя чувствуете? Вам больно?

Фрекен Бок ответила не сразу, словно собираясь с мыслями.

— Мне кажется, у меня во всём теле нет ни одной целой косточки,— сказала она наконец.— Но болеть, пожалуй, ничего не болит... Вот только, когда смеюсь...

И она так захохотала, что кровать под ней затряслась.

Мальшш с испугом глядел на неё— что это с ней такое?

— Как хотите, молодые люди, но такая тренировка, как нынче вечером, не часто выдаётся,— сказала она.— И, боже праведный, до чего же это взбадривает! — Она энергично кивнула:— Мы с Фридой занимаемся гимнастикой по программе «упражнения для домашних хозяек». Теперь Фрида узнает, что значит бегать. Подождите-ка...

— Гей, гей! — завопил Карлсон.— Ты прихвати с собой эту выбивалку и тогда сможешь гонять Фриду по всему гимнастическому залу и так взбодрить её, что она своих не узнает!

Фрекен Бок вытаращила на него глаза.

— Ты ещё со мной разговариваешь? Ты бы лучше помолчал да пошёл бы на кухню и принёс мне несколько тефтелек!

Мальшш радостно засмеялся.

— Да, после таких прыжков появляется зверский аппетит,— сказала она.

— Угадай, кто лучший в мире подносчик тефтелей?— сказал Карлсон, убегая на кухню.

Потом Карлсон, Мальш и фрекен Бок, сидя на кровати, уплетали прекрасный ужин с таким аппетитом, что за ушами трещало. Карлсон принёс из кухни полный поднос еды.

— Я обнаружил яблочную запеканку с ванильным соусом. Кроме того, я прихватил ветчины, сыра, колбасы, солёных огурчиков, несколько сардин и кусочек печёночного паштета. Но, скажи на милость, куда ты засунула торт со взбитыми сливками? Его я не нашёл...

— У нас торта нет,— ответила фрекен Бок.

У Карлсона дрогнули губы.

— И ты полагаешь, что можно наесться тефтелями, яблочной запеканкой с ванильным соусом, ветчиной, сыром, колбасой, солёными огурцами да двумя жалкими крохотными сардинками?

Фрекен Бок поглядела на него в упор.

— Нет,— сказала она подчёркнуто спокойным тоном.— Но ведь есть ещё и печёночный паштет.

Никогда ещё Мальшу не было так вкусно. Мальш, и Карлсон, и фрекен Бок сидели рядком на кровати и жевали, глотали, и им было так уютно втроём! Но вдруг фрекен Бок вскрикнула:

— Боже праведный, ведь Мальш должен быть изолирован, а мы притащили сюда этого малого.— И она указала пальцем на Карлсона.

— Никто его не тащил,— сказал Мальш,— он сам прилетал.— Но всё же Мальш встревожился.— Подумай, Карлсон, а вдруг ты заболеешь этой самой тиней?

— Угу... угу,— промычал Карлсон, потому что его рот был набит яблочной запеканкой, и он не сразу смог заговорить.— Что мне какая-то тина!.. Эге-гей! Подумаешь! К тому, кто переболел плюшечной лихорадкой, никакая зараза не липнет.

— Нет, всё равно нельзя,— сказала фрекен Бок со вздохом.

Карлсон проглотил последнюю тефтельку, облизал пальцы и сказал:

— Что и говорить, в этом доме живут, конечно, впроголодь, но в остальном мне здесь хорошо. Так что я готов себя здесь тоже изолировать.

— О боже праведный! — воскликнула фрекен Бок. Она поглядела на Карлсона, потом на пустой поднос. — После тебя мало что остаётся, — сказала она.

Карлсон соскочил на пол и похлопал себя по животу.

— После того, как я поем, остаётся стол, — сказал он. — Единственное, что остаётся, — это стол.

Потом Карлсон нажал свою кнопку, мотор заработал, и Карлсон полетел к раскрытому окну.

— Привет! — крикнул он. — Теперь вам волей-неволей придётся некоторое время обойтись без меня. Я тороплюсь.

— Привет, Карлсон! — крикнул Мальш. — Тебе в самом деле пора улетать?

— Так скоро? — печально добавила фрекен Бок.

— Да, мне надо поторопиться! — крикнул Карлсон. — А то я опоздаю к ужину. Привет! — И он улетел.

ГОРДАЯ ЮНАЯ ДЕВИЦА УЛЕТАЕТ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО!

На следующее утро Мальш долго спал. Его разбудил телефонный звонок, и он побежал в переднюю, чтобы взять трубку.

Звонила мама.

— Бедный сынок... О, как это ужасно...

— Что ужасно? — спросил Мальш спросонок.

— Всё, что ты пишешь в своём письме. Я так за вас волнуюсь...

— Почему? — спросил Мальш.

— Сам понимаешь, — сказала мама. — Бедный мой мальчик... Завтра утром я приеду домой.

Мальш обрадовался и приободрился, хотя он так и не понял, почему мама назвала его «бедный мой мальчик».

Едва Мальш успел снова лечь и задремать, как опять раздался звонок. Это папа звонил из Лондона.

— Как ты поживаешь? — спросил папа. — Хорошо ли себя ведут Боссе и Бетан?

— Не думаю, — сказал Мальш, — но точно не знаю, потому что они лежат в эпидемии.

Мальш понял, что папа встревожился от его слов.

— Лежат в эпидемии? Что ты хочешь сказать?

А когда Мальши объяснил, что он хочет сказать, папа повторил мамины слова:

— Бедный мой мальчик... Завтра утром я буду дома.

На этом разговор кончился. Но вскоре опять зазвонил телефон. На этот раз это был Боссе.

— Можешь передать домохозяйке и её старенькому доктору, что, хотя они и воображают себя знатоками, у нас всё же не скарлатина. Мы с Бетан завтра вернёмся домой.

— У вас не тина? — переспросил Мальши.

— Представь себе, нет. Мы просто чем-то объелись, так сказал здешний доктор. От этого у некоторых тоже бывает сыпь.

— Понятно, типичный случай плюшечной лихорадки, — сказал Мальши.

Но Боссе уже повесил трубку.

Мальши оделся и пошёл на кухню, чтобы рассказать фрекен Бок, что его больше не надо изолировать. Она уже готовила завтрак.

В кухне сильно пахло пряностями.

— И я смогу уйти, — сказала фрекен Бок, когда Мальши сообщил ей, что завтра вся семья будет в сборе. — Вот и хорошо, а то у вас я совсем испорчу себе нервы.

Она бешено что-то мешала в кастрюле, стоящей на плите. Оказалось, там варился какой-то густой мясной соус, и онаправляла его солью, перцем и какими-то травами.

— Вот видишь, — сказала она, — его надо посолить, и поперчить как следует, да поварить подольше, только тогда он вкусный. — Потом она с тревогой посмотрела на Мальша. — Как ты думаешь, этот ужасный Карлсон сегодня опять прилетит? Так хотелось бы спокойно провести последние часы в вашем доме.

Прежде чем Мальши успел ответить, за окном послышалась весёлая песенка, которую кто-то пел во весь голос:

Солнце, солнце,
Загляни в оконце!

На подоконнике снова сидел Карлсон.

— Привет! Вот оно, ваше солнце, можете больше не волноваться.

Но тут фрекен Бок молитвенно протянула к нему руки:

— Нет, нет, нет, умоляю, что угодно, но сегодня нам нужен покой.

— Покой, а то как же! Но прежде всего нам нужен, конечно, завтрак,— сказал Карлсон и одним прыжком оказался у кухонного стола.

Там фрекен Бок уже положила приборы для себя и Мальшша. Карлсон сел перед одним из них и взял в руки нож и вилку.

— Начинаем! Давайте завтракать! — Он приветливо кивнул фрекен Бок.— Ты тоже можешь сесть с нами за стол. Возьми себе тарелку и иди сюда.

Он раздул ноздри и вдохнул пряный запах.

— Что нам дадут? — спросил он, облизываясь.

— Хорошую взбучку,— ответила фрекен Бок и ещё яростней принялась мешать соус.— Её ты, уж во всяком случае, заслужил. Но у меня так ноет всё тело, что, боюсь, я уже не смогу гоняться за тобой сегодня.

Она вылила соус в миску и поставила её на стол.

— Ешьте,— сказала она.— А я подожду, пока вы кончите, потому что доктор сказал, что мне во время еды нужен полный покой.

Карлсон сочувственно кивнул.

— Ну да, в доме, наверно, найдётся несколько завалявшихся сухариков, которые ты сможешь погрызть, когда мы покончим со всем, что на столе... Примостишься на краешке стола и погрызёшь, наслаждаясь тишиной и покоем.

И он торопливо наложил себе полную тарелку густого мясного соуса. Но Мальшш взял совсем капельку. Он всегда с опаской относился к новым блюдам, а такого соуса он ещё никогда не ел.

Карлсон начал строить из мяса башню, а вокруг башни крепостной ров, заполненный соусом. Пока он этим занимался, Мальшш осторожно попробовал кусочек. Ой! Он задохнулся, слёзы выступили на глазах. Рот горел огнём. Но рядом стояла фрекен Бок и глядела на него с таким видом, что он только глотнул воздух и промолчал.

Тут Карлсон оторвался от своей крепости:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Я... я вспомнил одну печальную вещь,— запинаясь, пробормотал Мальшш.

— Понятно,— сказал Карлсон и отправил в рот

огромный кусок своей башни. Но едва он проглотил его, как завопил не своим голосом, и из его глаз тоже брызнули слёзы.

— Что случилось? — спросила фрекен Бок.

— На вкус это лисий яд... Впрочем, тебе самой лучше знать, что ты сюда подсыпала, — сказал Карлсон. — Бери скорее большой шланг, у меня в горле огонь! — Он утёр слёзы.

— О чём ты плачешь? — спросил Мальш.

— Я тоже вспомнил очень печальную вещь, — ответил Карлсон.

— Какую именно? — полюбопытствовал Мальш.

— Вот этот мясной соус, — сказал Карлсон.

Но весь этот разговор не пришелся по душе фрекен Бок.

— Как вам только не стыдно, мальчики! Десятки тысяч детей на свете были бы просто счастливы получить хоть немного этого соуса.

Карлсон засунул руку в карман и вытащил карандаш и блокнот.

— Пожалуйста, продиктуйте мне имена и адреса хотя бы двоих из этих тысяч, — попросил он.

Но фрекен Бок не желала давать адреса.

— Наверно, речь идёт о маленьких дикарях из племени огнеедов, всё понятно, — сказал Карлсон. — Они всю жизнь только и делают, что глотают огонь и серу.

Как раз в эту минуту раздался звонок у двери, и фрекен Бок пошла открывать.

— Пойдём посмотрим, кто пришёл, — предложил Карлсон. — Быть может, это кто-нибудь из тех тысяч маленьких огнеедов, которые готовы отдать всё, что у них есть, за эту пламенную кашу. Нам надо быть начеку, вдруг она продешевит... Ведь она всыпала туда столько лисьего яда, а ему цены нет!

И Карлсон отправился вслед за фрекен Бок, а Мальш не захотел от него отстать. Они стояли в передней за её спиной и слышали, как чей-то незнакомый голос произнёс:

— Моя фамилия Пек. Я сотрудник шведского радио и телевидения.

Мальш почувствовал, что холодеет. Он осторожно выглянул из-за юбки фрекен Бок и увидел, что в дверях стоит какой-то господин — один из тех красивых, умных и в меру упитанных мужчин в самом

расцвете сил, о которых фрекен Бок сказала, что ими на телевидении можно пруд прудить.

— Могу я видеть фрекен Хильдур Бок? — спросил господин Пек.

— Это я, — ответила фрекен Бок. — Но я уплатила и за радио, и за телевидение, так что проверять вам нечего.

Господин Пек любезно улыбнулся.

— Я пришёл не в связи с оплатой, — объяснил он. — Нет, меня привела сюда история с привидениями, о которых вы нам писали... Мы хотели бы сделать на этом материале новую программу.

Фрекен Бок густо покраснела; она не могла вымолвить ни слова.

— Что с вами, вам стало нехорошо? — прервал наконец молчание господин Пек.

— Да, да, мне нехорошо, — подхватила фрекен Бок. — Это самая ужасная минута в моей жизни.

Мальш стоял за ней и чувствовал примерно то же, что она. Боже праведный, вот и свершилось! Через несколько секунд этот вот Пек наверняка заметит Карлсона, а когда завтра утром мама и папа вернутся домой, они увидят, что весь дом опутан разными там кабелями, забит телевизионными камерами и такими вот господами, и поймут, что покоя им уже не дождаться. О боже праведный, надо немедленно убрать Карлсона любым способом.

Тут взгляд Мальша упал на старый деревянный ящик, который стоял в прихожей и в котором Бетан хранила самодельные театральные костюмы, старый реквизит и тому подобный хлам. Она организовала вместе с ребятами из своего класса какой-то дурацкий клуб: в свободное время они переодевались в странные костюмы и разыгрывали нелепые сцены. Всё это, по мнению Мальша, было очень глупо, но у них это называлось играть в театр. Зато сейчас этот ящик с костюмами оказался здесь как нельзя более кстати!.. Мальш приоткрыл его крышку и взволнованно шепнул Карлсону:

— Спрячься!.. Лезь в этот вот ящик! Скорее!

И прежде чем Карлсон успел понять, почему он должен прятаться, он уже сообразил, что это пахнет какой-то проказой. Он хитро поглядел на Мальша и залез в ящик. Мальш быстро прикрыл его крышкой. Потом он испуганно посмотрел на тех двоих, которые

всё ещё стояли в дверях... Успели ли они что-нибудь заметить?

Но они ничего не заметили, так они были поглощены своей беседой. Фрекен Бок как раз объясняла господину Пеку, почему она чувствует себя дурно.

— Это было не привидение,— сказала фрекен Бок, с трудом сдерживая слёзы.— Это были всего-навсего отвратительные детские проказы.

— Так, значит, никаких привидений не было?— разочарованно переспросил господин Пек.

Фрекен Бок не могла больше сдерживать слёзы—она разрыдалась.

— Нет, привидений не было... И я не смогу выступить по телевидению... никогда, только Фрида!..

Господин Пек похлопывал её по руке, чтобы успокоить:

— Не принимайте это так близко к сердцу, милая фрекен Бок. Кто знает, может, вам ещё и придётся выступить.

— Нет, нет, все надежды рухнули...— сказала фрекен Бок и, закрыв лицо руками, опустилась на ящик с костюмами.

Так она долго просидела, безутешно рыдая. Мальши её очень пожалел, и ему было стыдно, потому что он чувствовал себя во всём виноватым.

И вдруг из ящика раздалось негромкое урчание.

— Ох, простите!— сказала сконфуженная фрекен Бок.— Это у меня, наверно, с голоду.

— Да, с голоду всегда бурчит в животе,— любезно подтвердил господин Пек,— но ваш завтрак, должно быть, уже готов: я слышу такой изумительный аромат. Что у вас сегодня на завтрак?— полюбопытствовал господин Пек.

— Ах, всего лишь мясной соус... Блюдо моего изобретения... «Соус по рецепту Хильдур Бок» — так я его назвала,— скромно, но с достоинством ответила фрекен Бок и вздохнула.

— Пахнет на редкость вкусно,— сказал господин Пек.— Просто возбуждает аппетит.

Фрекен Бок поднялась с ящика.

— Отведайте, прошу вас... А эти глупые карапузы ещё нос воротят,— обиженно добавила она.

Господин Пек немного поцеремонился— всё утвердил, что ему, мол, неловко,— но дело кончилось тем, что они вместе удалились на кухню.

Мальш приподнял крышку и поглядел на Карлсона, который, удобно устроившись на костюмах, негромко урчал.

— Умоляю тебя, лежи тихо, пока он не уйдёт,— прошептал Мальш,— не то попадёшь в телевизор.

— Ну да, тебе легко говорить,— сказал Карлсон.— Здесь не менее тесно и душно, чем в том ящике, так что мне теперь терять нечего.

Тогда Мальш немного приоткрыл крышку ящика, чтобы туда проникал воздух, и помчался на кухню. Он хотел посмотреть, какой будет вид у господина Пека, когда он отведаёт соус фрекен Бок.

Трудно поверить, но господин Пек преспокойно сидел за столом и уплетал за двоих, словно за всю жизнь ему не довелось есть ничего вкуснее. И на глазах у него не было никаких слёз. Зато у фрекен Бок они катились градом, но, конечно, не из-за соуса. Нет, нет, просто она продолжала оплакивать провал своей телевизионной передачи. И даже похвалы, которые господин Пек так щедро расточал её огненному блюду, не могли её утешить. Она чувствовала себя бесконечно несчастной.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Господин Пек вдруг уставился в потолок и воскликнул:

— Придумал! Придумал! Вы будете выступать завтра вечером!

Фрекен Бок подняла на него заплаканные глаза.

— Где это я буду выступать завтра вечером? — мрачно спросила она.

— Как — где? По телевидению! — сказал господин Пек. — В передаче «Искусный кулинар». Вы расскажете всем шведам, как приготовить «Соус Хильдур Бок»...

И тут фрекен Бок потеряла сознание и грохнулась на пол. Но вскоре она пришла в себя и вскочила на ноги. Глаза её сияли.

— Вы говорите, завтра вечером... По телевидению? Мой соус... Я расскажу о нём по телевидению всему шведскому народу? О господи!... Подумать только! А Фрида ничего не понимает в готовке, она говорит, что моими кушаньями можно только свиней кормить!

Мальш слушал затаив дыхание, потому что всё это было ему очень интересно. Он едва не забыл про Карлсона, спрятанного в ящике. Но тут вдруг, к его

великому ужасу, в прихожей раздался какой-то скрип. Ну да, этого следовало ожидать... Карлсон! Дверь из кухни была приоткрыта, и Мальшш увидел, что Карлсон разгуливает по прихожей. Но ни фрекен Бок, ни господин Пек ещё ничего не заметили.

Да, это был Карлсон! И в то же время не Карлсон!.. Боже праведный, на кого он был похож в старом маскарадном костюме Бетан! На нём была длинная бархатная юбка, которая путалась в ногах, мешая ходить, и две тюлевые накидки: одна украшала его спереди, другая — сзади! Он казался маленькой кругленькой бойкой девочкой. И эта маленькая бойкая девочка неумолимо приближалась к кухне.

Мальшш в отчаянии делал знаки, чтобы Карлсон не шёл на кухню, но тот будто не понимал их, только кивал в ответ и подходил всё ближе.

— Гордая юная девица входит в парадный зал! — произнёс Карлсон и застыл в дверях, играя своими накидками.

Вид у него был такой, что господин Пек широко раскрыл глаза:

— Батюшки, кто же это?.. Что это за милая девочка?

Но тут фрекен Бок как заорёт:

— Милая девочка! Нет, извините, это не милая девочка, а самый отвратительный сорванец из всех, которых мне довелось видеть на своём веку! Убирайся немедленно, дрянной мальчишка!

Но Карлсон её не послушался.

— Гордая юная девица танцует и веселится, — продолжал он своё.

И он пустился в пляс. Такого танца Мальшш никогда прежде не видел, да, надо думать, что и господин Пек тоже.

Карлсон носился по кухне, высоко поднимая колени. Время от времени он подпрыгивал и взмахивал своими тюлевыми накидками.

«Что за дурацкий танец, — подумал Мальшш. — Но это ещё куда ни шло, только бы он не вздумал летать. О, только бы он не летал!»

Карлсон завесил себя накидками так, что пропеллера вовсе не было видно, чему Мальшш был очень рад. Если он всё же вдруг взлетит к потолку, то господин Пек наверняка упадёт в обморок, а потом, едва придя в себя, пришлёт сюда людей с телевизионными камерами.

Господин Пек смотрел на этот странный танец и смеялся, смеялся всё громче и громче. Тогда Карлсон тоже стал хихикать в ответ, да ещё подмигивать господину Пеку, когда проносился мимо него, размахивая своими накидками.

— До чего весёлый мальчишка! — воскликнул господин Пек. — Он наверняка мог бы участвовать в какой-нибудь детской передаче.

Ничто не могло бы больше рассердить фрекен Бок.

— Он будет выступать по телевидению?! Тогда я попрошу освободить меня от этого дела. Если вы хотите найти кого-нибудь, кто перевернёт вверх тормашками телевизионную студию, то лучшего кандидата вам не сыскать.

Мальш кивнул:

— Да, это правда. А когда эта студия перевернется вверх тормашками, он скажет: «Пустяки, дело житейское». Так что лучше остерегайтесь его!

Господин Пек не настаивал.

— Если так, то не надо. Я только предложил... Мальчишек полным-полно!..

И господин Пек вдруг заторопился. У него, оказывается, скоро передача, и ему пора идти.

Но тут Мальш увидел, что Карлсон нащупывает кнопку на животе, и до смерти испугался, что в последнюю минуту всё выяснится.

— Нет, Карлсон... нет, не надо, — шептал ему в тревоге Мальш.

Карлсон с невозмутимым видом продолжал искать кнопку, ему трудно было добраться до неё из-за всех этих тюлевых накидок.

Господин Пек уже стоял в дверях, когда вдруг зажуужал моторчик Карлсона.

— Я и не знал, что над Вазастаном проходит маршрут вертолётов, — сказал господин Пек. — Не думаю, чтобы им следовало здесь летать, многим этот шум мешает. Прощайте, фрекен Бок. До завтра!

И господин Пек ушёл.

А Карлсон взмыл к потолку, сделал несколько кругов, облетел лампу и на прощание помахал фрекен Бок тюлевыми накидками.

— Гордая юная девица улетаёт далеко-далеко! — крикнул он. — Привет, гей-гей!

КРАСИВЫЙ, УМНЫЙ И В МЕРУ УПИТАННЫЙ

Время после обеда Малыш провёл наверху у Карлсона, в его домике на крыше. Он объяснил Карлсону, почему надо оставить в покое фрекен Бок.

— Понимаешь, она хочет сделать торт со взбитыми сливками, потому что мама, и папа, и Боссе, и Бетан возвращаются завтра домой.

Карлсону это показалось убедительно.

— Да, если она делает торт со взбитыми сливками, её надо оставить в покое. Опасно низводить домохозяйку, когда она взбивает сливки, а то она скиснет, а вместе с ней и сливки.

Вот почему последние часы в семье Свантесон фрекен Бок провела в полном покое — так, как она хотела. Малыш и Карлсон тоже спокойно сидели у камина в домике на крыше. Им было очень хорошо и уютно. Карлсон быстро слетал на улицу Хетерге и купил там яблок.

— Я за них честно отдал пять эре, — сказал он Малышу. — Не хочу, чтобы меня заподозрили в краже. Ведь я самый честный в мире!

— Разве эти яблоки стоят всего пять эре?

— Видишь ли, я не мог спросить их цену, — объяснил Карлсон, — потому что продавщица как раз пошла пить кофе.

Нанизав яблоки на проволоку, Карлсон пёк их над огнём.

— Угадай, кто лучший в мире специалист по печёным яблокам? — спросил Карлсон.

— Ты, Карлсон, — ответил Малыш.

И они ели печёные яблоки, и сидели у огня, а сумерки всё сгущались. «Как хорошо, когда трещат поленья! — подумал Малыш. — Дни стали холодными. По всему видно, что пришла осень».

— Я всё собираюсь слетать в деревню и купить дров у какого-нибудь крестьянина. Знаешь, какие дорогие эти крестьяне, но, к счастью, они тоже иногда уходят пить кофе, — сказал Карлсон.

Он встал и подбросил в огонь два больших берёзовых полена.

— Я люблю, чтобы было жарко натоплено, — сказал он. — Остаться зимой без дров — нет, так я не играю. И, не стесняясь, скажу это крестьянину.

Когда камин прогорел, в комнате стало темно, и Карлсон зажёл керосиновую лампу, которая висела у самого потолка над верстаком. Она осветила тёплым, живым светом комнату и все те вещи, которые валялись на верстаке.

Мальш спросил, не могут ли они чем-нибудь обменяться, и Карлсон сказал, что он готов.

— Но когда ты захочешь что-нибудь взять, ты должен сперва спросить у меня разрешения. Иногда я буду говорить «да», а иногда — «нет»... Хотя чаще всего я буду говорить «нет», потому что всё это моё и я не хочу ни с чем расставаться, а то я не играю.

И тогда Мальш начал спрашивать разрешения подряд на все вещи, которые лежали на верстаке, а получил всего-навсего на старый разбитый будильник, который Карлсон сам разобрал, а потом снова собрал. Но всё равно игра эта была такой интересной, что Мальш даже представить себе не мог ничего более увлекательного.

Но потом Карлсону это наскучило, и он предложил постолярничать.

— Это самое весёлое на свете занятие, и можно сделать так много чудесных вещей,— сказал Карлсон.— Во всяком случае, я могу.

Он скинул всё, что валялось на верстаке, прямо на пол и вытащил из-под диванчика доски и чурки. И оба они — и Карлсон и Мальш — принялись пилить, и строгать, и сколачивать, так что всё загудело вокруг.

Мальш делал пароход. Он сбил две досточки, а сверху приладил круглую чурочку. Пароход и в самом деле получился очень хороший.

Карлсон сказал, что должен сделать скворечник и повесить его возле своего домика, чтобы там жили маленькие птички. Но то, что у него вышло, совсем не походило ни на скворечник, ни, впрочем, на что-либо другое. Весьма трудно было сказать, что за штуку он смастерил.

— Это что? — спросил Мальш.

Карлсон склонил набок голову и поглядел на своё произведение.

— Так, одна вещь,— сказал он.— Отличная маленькая вещица. Угадай, у кого в мире самые золотые руки?

— У тебя, Карлсон.

Наступил вечер. Мальшу пора было идти домой и ложиться спать. Приходилось расставаться с Карлсоном и с его маленьким домиком, где было так уютно, и со всеми его вещами: и с его верстаком, и с его коптящей керосиновой лампой, и с его дровяным сарайчиком, и с его камином, в котором так долго не прогорали головешки, согревая и освещая комнату. Трудно было всё это покинуть, но ведь он знал, что скоро снова вернётся сюда. О, как чудесно, что домик Карлсона находился на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Они вышли. Над ними сверкало звёздное небо. Никогда прежде Мальш не видел столько звёзд, да таких ярких, да так близко! Нет, конечно, не близко, до них было много тысяч километров, Мальш это знал, и всё же... О, над домиком Карлсона раскинулся звёздный шатёр, и до него, казалось, рукой подать, и вместе с тем так бесконечно далеко!

— На что ты глазеешь? — нетерпеливо спросил Карлсон. — Мне холодно. Ну, ты летишь или раздумал?

— Лечу, — ответил Мальш. — Спасибо.

А на следующий день... Что это был за день! Сперва вернулись Боссе и Бетан, потом папа, а последней — но всё равно это было самое главное! — мама. Мальш кинулся к ней и крепко её обнял. Пусть она больше никогда от него не уезжает! Все они — и папа, и Боссе, и Бетан, и Мальш, и фрекен Бок, и Бимбо — окружили маму.

— А твоё переутомление уже прошло? — спросил Мальш. — Как это оно могло так быстро пройти?

— Оно прошло, как только я получила твоё письмо, — сказала мама. — Когда я узнала, что вы все больны и изолированы, я почувствовала, что тоже всерьёз захвораю, если немедленно не вернусь домой.

Фрекен Бок покачала головой.

— Вы поступили неразумно, фру Свантесон. Но я буду время от времени приходить к вам помогать немного по хозяйству, — сказала фрекен Бок. — А теперь я должна немедленно уйти. Сегодня вечером я выступаю по телевидению.

Как все удивились: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан.

— В самом деле? Мы все хотим на вас посмотреть. Обязательно будем смотреть,— сказал папа.

Фрекен Бок гордо вскинула голову.

— Надеюсь. Надеюсь, весь шведский народ будет смотреть на меня.

И она заторопилась.

— Ведь мне надо успеть сделать причёску, и принять ванну, и побывать у массажистки и маникюриши, и купить новые стельки. Необходимо привести себя в порядок перед выступлением по телевидению.

Бетан рассмеялась.

— Новые стельки?.. Да кто их увидит по телевизору?

Фрекен Бок посмотрела на неё неодобрительно.

— А разве я сказала, что их кто-нибудь увидит? Во всяком случае, мне нужны новые стельки... Чувствуешь себя уверенней, когда знаешь, что у тебя всё с головы до ног в порядке. Хотя это, может, и не всем понятно. Но мы — те, что всегда выступают по телевидению,— мы-то хорошо это знаем.

Фрекен Бок торопливо попрощалась и ушла.

— Вот и нет больше домомучительницы,— сказал Боссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Мальш задумчиво кивнул.

— А я к ней уже привык,— сказал он.— И торт со взбитыми сливками она сделала хороший — такой большой, воздушный — и украсила его кусочками ананаса.

— Мы оставим торт на вечер. Будем пить кофе, есть торт и смотреть по телевизору выступление Фрекен Бок.

Так всё и было. Когда подошло время передачи, Мальш позвонил Карлсону. Он дёрнул шнурок, спрятанный за занавесками, один раз, что означало: «Прилетай скорее». И Карлсон прилетел. Вся семья собралась у телевизора, кофейные чашки и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

— Вот и мы с Карлсоном,— сказал Мальш, когда они вошли в столовую.

— Да, вот и я,— повторил Карлсон и развалился в самом мягком кресле. — Наконец-то, я вижу, здесь появился тортик со сливками, и, надо сказать, весьма кстати. Могу ли я получить немедленно кусочек... очень большой кусочек?

— Мальчики получают торт в последнюю очередь,— сказала мама. А кроме того, это моё место. Вы с Мальшом можете оба сесть прямо на пол перед телевизором, а потом я дам вам по куску.

Карлсон обратился к Мальшу:

— Слышал? Она что, всегда так с тобой обращается? Бедное дитя!

Потом он улыбнулся, вид у него был довольный.

— Хорошо, что она и со мной так обращается, потому что это справедливо, а иначе я не играю.

И они оба, Мальш и Карлсон, сели на пол перед телевизором и ели торт, ожидая выступления фрекен Бок.

— Сейчас начнётся,— сказал папа.

И в самом деле, на экране появилась фрекен Бок. А рядом с ней господин Пек. Он вёл программу.

— Домомучительница как живая!— воскликнул Карлсон.— Гей, гей! Вот сейчас-то мы позабавимся!

Фрекен Бок вздрогнула. Казалось, она услышала слова Карлсона. А может, она просто очень волновалась, потому что стояла перед всем шведским народом и должна была ему поведать, как приготовить «Соус Хильдур Бок».

— Скажите, пожалуйста,— начал господин Пек,— как вам пришла мысль сделать именно это блюдо?

— Очень просто,— сказала фрекен Бок.— Когда у тебя есть сестра, которая ничего не смыслит в кулинарии...

Тут она умолкла, потому что Карлсон протянул вперёд свою маленькую пухлую ручку и выключил телевизор.

— Домомучительница появляется и исчезает по моему желанию,— сказал он.

Но вмешалась мама.

— Немедленно снова включи,— сказала она.— И больше так не делай, а то тебе придётся уйти.

Карлсон толкнул Мальша в бок и прошептал:

— А чего ещё нельзя делать в вашем доме?

— Молчи. Посмотрим на фрекен Бок,— сказал Мальш.

— ...а чтобы было вкусно, его надо как следует посолить, поперчить, и пусть кипит подольше,— договорила фрекен Бок.

И у всех на глазах она солила, и перчила, и кипятила всласть, а когда соус был готов, поглядела с экрана лукавым взглядом и спросила:

— Может, попробуете?

— Спасибо, только не я,— сказал Карлсон.— Но так и быть, если ты мне дашь имена и адреса, я приведу к тебе двух-трёх маленьких огнеёдов, о которых ты говорила. Они охотно попробуют!

Потом господин Пек поблагодарил фрекен Бок за то, что она согласилась прийти и рассказать, как она готовит этот соус, и на этом передача явно должна была кончиться, но тут фрекен Бок вдруг спросила:

— Скажите, пожалуйста, я могу передать привет сестре?

Господин Пек выглядел растерянным.

— Ну ладно, передавайте, только побыстрее!

И тогда фрекен Бок на экране помахала рукой и сказала:

— Привет, Фрида, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не упала со стула?

— Я тоже на это надеюсь,— сказал Карлсон.— А то не миновать землетрясения в Нурланде.

— Ну что ты болтаешь?— спросил Мальш.— Ты ведь не знаешь, какая эта Фрида. Может, она вовсе не такая огромная, как фрекен Бок.

— Представь себе, знаю,— сказал Карлсон.— Я ведь несколько раз был у них дома, на Фрейгатен, и играл там в привидение.

Потом Карлсон и Мальш съели ещё по куску торта и смотрели, как жонглёр на экране кидает в воздух одновременно пять тарелок и потом ловит все пять на лету. Мальшу было скучно смотреть на жонглёра, но у Карлсона глаза так и сияли, и поэтому Мальш тоже был счастлив.

Всё было очень приятно, и Мальш так радовался, что все сидели вместе с ним — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Бимбо... и даже Карлсон!

Когда с тортом было покончено, Карлсон схватил блюдо, слизал с него крем, потом подкинул вверх, как на экране жонглёр тарелки.

— Тот парень в ящике не промах,— сказал Карлсон.— До чего же здорово! Угадай, кто лучший в мире кидальщик блюд?

Он подбросил блюдо так высоко, что оно едва не ударилось о потолок, и Мальш испугался:

— Довольно, Карлсон, не надо... ну, не надо!

Мама и все остальные смотрели телевизор. Там танцевала балерина, и никто не заметил, что вытворяет Карлсон.

А Мальш всё шептал: «Брось, Карлсон, не надо», но это не помогало, и Карлсон безмятежно продолжал кидать блюдо.

— Какое у вас красивое блюдо! — воскликнул Карлсон и снова подбросил его к потолку. — Точнее сказать, у вас было красивое блюдо, — поправился он и нагнулся, чтобы собрать осколки. — Ну ничего, это пустяки, дело житейское...

Но мама услышала, как блюдо стукнулось об пол и разбилось. Она как следует отшлёпала Карлсона и сказала:

— Это было моё любимое блюдо, а вовсе не пустяки и не дело житейское.

Мальш был недоволен, что так обходятся с лучшим в мире жонглёром, но он понимал, что маме жаль блюдо, и попытался её утешить:

— Я достану из своей копилки деньги и куплю тебе новое блюдо.

Но тут Карлсон сунул руку в карман, вынул пятиэровую монетку и протянул её маме.

— Я сам плачу за то, что было. Вот! Пожалуйста! Купи новое блюдо, а сдачу можешь оставить себе.

— Спасибо, милый Карлсон, — сказала мама.

— Знаешь что, купи на оставшиеся деньги несколько дешёвых вазочек и швыряй ими в меня, когда снова будешь сердиться.

Мальш прижался к маме:

— Мама, ты не сердись на Карлсона, скажи?

Мама потрепала по руке сперва Карлсона, потом Мальша и сказала, что больше на них не сердится.

Потом Карлсон стал прощаться:

— Привет, мне пора домой, а то я опоздаю к ужину.

— А что у тебя сегодня на ужин? — спросил Мальш.

— «Соус Карлсона, который живёт на крыше», — сказал Карлсон. — Только я не положу в него столько лисьего яда, сколько кладёт домомучительница, можешь мне поверить. Угадай, кто лучший в мире мастер по соусам?

— Ты, Карлсон, — сказал Мальш.

Час спустя Мальш уже лежал в своей кроватке, а рядом стояла корзинка, где спал Бимбо. Все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — пришли к нему в комнату пожелать спокойной ночи. Мальша уже одолевал сон. Но он ещё не спал, а думал о Карлсоне. Что он сейчас делает, Карлсон? Может, как раз что-нибудь мастерит... скворечник или ещё что...

«Завтра, когда я приду из школы, — думал Мальш, — я позвоню Карлсону и спрошу, нельзя ли мне слетать к нему и тоже ещё что-нибудь смастерить».

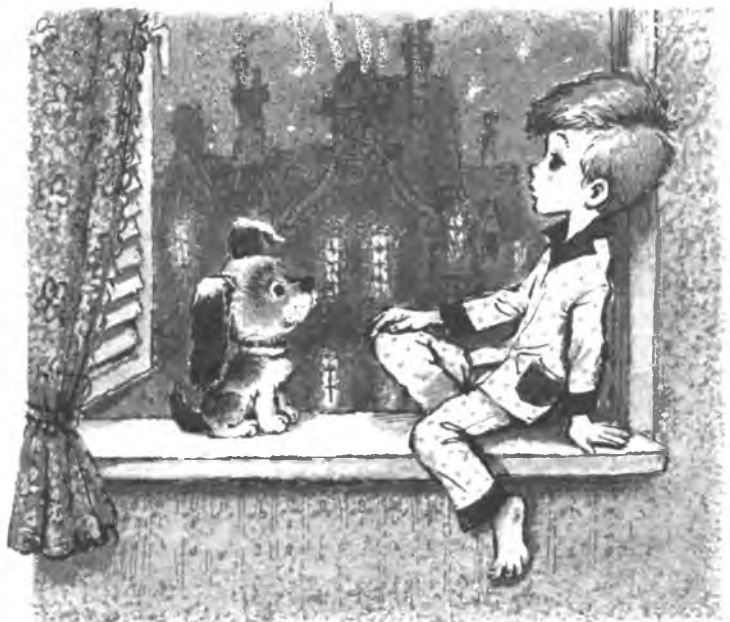
А потом Мальш подумал: «Как хорошо, что Карлсон провёл звонок, я позвоню ему всегда, когда захочу». И вдруг понял, что он уже захотел.

Он вскочил с постели, босиком подбежал к окну и дёрнул за шнурок. Три раза. Этот сигнал означал: «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человек, как ты, лучший в мире Карлсон!»

Мальш ещё постоял немного у окна, не потому что ждал ответа, а просто так, и вдруг, представьте себе, прилетел Карлсон.

— Да, ты прав, — сказал он, — это и в самом деле очень хорошо.

Больше Карлсон ничего не сказал и тут же улетел назад, в свой зелёный домик на крыше.

КАРАСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРОКАЗНИЧАЕТ ОПЯТЬ

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО БЫТЬ КАРАСОНОМ

Однажды утром спросонья Малыш услышал взволнованные голоса, доносившиеся из кухни. Папа и мама явно были чем-то огорчены.

— Ну вот, дождались! — сказал папа. — Ты только погляди, что написано в газете. Нă, прочти сама.

— Ужасно! — воскликнула мама. — Просто ужас какой-то!

Мальши мигом соскочил с постели. Ему не терпелось узнать, что же именно ужасно. И он узнал.

На первой странице газеты огромными буквами был набран заголовок:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

А под заголовком — статья:

«Странный неопознанный объект летает над Стокгольмом. Очевидцы сообщают, что за последнее время неоднократно видели в районе Вазастана некий летающий предмет, напоминающий по виду маленький пивной бочонок. Он издаёт звуки, похожие на гул мотора. Представители Авиакомпании ничего не смогли сообщить нам относительно этих полётов. Поэтому возникло предположение, что это иностранный спутник-шпион, запущенный в воздушное пространство с разведывательными целями. Тайна этих полётов должна быть раскрыта, а неопознанный объект — пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки полиции.

Кто раскроет летающую тайну Вазастана?

Редакция газеты назначает вознаграждение в 10 000 крон. Тот, кому посчастливится поймать этот таинственный предмет, получит премию в 10 000 крон. Ловите его, несите в редакцию, получайте деньги!»

— Бедный Карлсон, который живёт на крыше, — сказала мама. — Теперь начнётся на него охота.

Мальши разом и испугался, и рассердился, и огорчился.

— Почему Карлсона не могут оставить в покое! — закричал он. — Он ведь не делает ничего плохого. Живёт себе в своём домике на крыше и летает взад-вперёд. Разве Карлсон в чём-то виноват?

— Нет, — сказал папа, — Карлсон ни в чём не виноват. Только он... как бы это сказать... ну, несколько необычен, что ли...

Да, что и говорить, Карлсон несколько необычен, с этим Мальши был вынужден согласиться. Разве обычно, когда в домике на крыше живёт маленький толстенький человечек да ещё с пропеллером на спине и с кнопкой на животе?

А ведь Карлсон был как раз таким человечком. И он был лучшим другом Мальши. Да, именно Карлсон, а не Кристер и Гунилла, которых Мальши

тоже очень любил и с которыми играл, когда Карлсон вдруг исчезал куда-то или просто был занят.

Карлсон уверял, что Кристер и Гунилла не идут с ним ни в какое сравнение, и всякий раз сердился, когда Малыш о них заговаривал.

— Ставить этих карапузов на одну доску со мной! — возмущался Карлсон. — Со мной, таким красивым и в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил! Многим ли глупым мальчишкам посчастливилось иметь такого лучшего друга, как я? Ну, отвечай!

— Нет, нет, только мне одному, — говорил Малыш, и всякий раз сердце его замирало от радости. Как ему повезло, что Карлсон поселился на крыше именно его дома! Ведь в Вазастане полно таких вот старых, некрасивых домов, как тот, в котором жила семья Свантесонов! Какая удача, что Карлсон случайно оказался на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Правда, мама и папа Малыша сперва вовсе не были в восторге от того, что в доме появился Карлсон. И Боссе и Бетан поначалу его тоже невзлюбили. Вся семья — за исключением Малыша, конечно, — считала, что Карлсон — самый вздорный, самый дерзкий, самый несносный озорник, какой только бывает на свете. Но постепенно все к нему привыкли. Теперь Карлсон, пожалуй, им даже нравился, а главное, они понимали, что он необходим Малышу. Ведь Боссе и Бетан были гораздо старше его, поэтому Малыш никак не мог обойтись без лучшего друга. И хотя у него была собака — изумительный щенок Бимбо, — Карлсон ему был совершенно необходим.

— Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша, — сказала мама.

Но с самого начала мама и папа решили никому не говорить о существовании Карлсона. Они прекрасно понимали, что будет твориться в их доме, если о Карлсоне узнают на телевидении, а газеты и журналы захотят печатать о нём статьи, скажем, под заголовком: «Карлсон у себя дома».

— Вот будет смешно, — сказал Боссе, — если мы вдруг увидим в каком-нибудь журнале фотографию Карлсона... Представляешь, он сидит у себя в гостиной, любуется букетом красных роз...

— Заглохни! — оборвал его Малыш. — Ты же знаешь, что у Карлсона никакой гостиной нет, у него всего-навсего одна комнатуха, и никаких роз там нет.

Да, всё это Боссе знал и сам. Однажды все они — и Боссе, и Бетан, и мама, и папа — правда, только один раз, видели домик Карлсона. Они вылезли на крышу через слуховое окно — обычно так лазают только трубочисты, — и Мальшш показал им маленький домик за трубой.

Мама немножко испугалась, когда поглядела с крыши вниз, на улицу. У неё даже закружилась голова, и ей пришлось схватиться рукой за трубу.

— Мальшш, обещаю тебе сейчас же, что ты никогда не полезешь на крышу один, — сказала она.

— Ладно, — буркнул Мальшш, подумав. — Я никогда не полезу на крышу один... раз я полезу туда с Карлсоном, — добавил он шёпотом.

Но мама, видно, не расслышала его последних слов; ну и ладно, пусть она пеняет на себя. Как она может требовать, чтобы Мальшш никогда не бывал у Карлсона? Мама ведь и понятия не имеет, как весело сидеть в тесной комнатке Карлсона, битком набитой всякими диковинными и чуждыми вещами.

«А теперь, после этой дурацкой статьи, всё, наверное, кончится!» — с горечью думал Мальшш.

— Ты должен предупредить Карлсона, — сказал папа, — пусть будет поосторожней. Некоторое время ему лучше не летать по Вазастану. Вы можете играть в твоей комнате, тогда его никто не увидит.

— Но если он начнёт безобразничать, я его живо выставлю вон, — добавила мама и протянула Мальшшу тарелку с кашей.

Бимбо тоже получил свою порцию каши. Папа попрощался и пошёл на работу. И маме, как выяснилось, тоже надо было уходить.

— Я иду в бюро путешествий, чтобы узнать, нет ли там для нас какого-нибудь интересного маршрута. Папа на днях уходит в отпуск, — сказала она и поцеловала Мальшша. — Я скоро вернусь.

И Мальшш остался один. Один с Бимбо, с тарелкой каши и со своими мыслями. И с газетой. Он придвинул её к себе и стал разглядывать. Под заметкой о Карлсоне была напечатана фотография огромного белого парохода, который прибыл с туристами в Стокгольм и стоял теперь на якоре в Стремене. Мальшш долго глядел на снимок — белый пароход был невероятно красив! Как Мальшшу захотелось поднять-

ся на борт этого прекрасного корабля и уплыть куда-нибудь далеко-далеко!

Он старался смотреть только на эту фотографию, но взгляд его то и дело соскальзывал на крупные буквы заголовка:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

Мальш очень разволновался. Необходимо как можно скорее поговорить с Карлсоном, но сделать это надо осторожно, чтобы не испугать его, а то он вдруг улетит и никогда больше не вернётся!

Мальш вздохнул. И нехотя сунул в рот ложку каши. Но кашу не проглотил, а держал её на языке, словно желал получше распробовать. Мальш был маленьким худеньким мальчиком с плохим аппетитом — таких ведь немало. Он мог часами сидеть перед тарелкой с едой и вяло ковырять ложкой или вилкой, но так и не доесть до конца.

«Что-то каша невкусная,— подумал Мальш.— Может, будет вкуснее, если добавить сахарку...» Он потянулся за сахарницей, но в эту минуту услышал гул мотора у окна, и тут же в кухню влетел Карлсон.

— Привет, Мальш! — крикнул он. — Ты знаешь, кто лучший в мире друг? А ещё угадай, почему этот друг появился здесь именно сейчас!

Мальш поспешно проглотил кашу, которую так долго держал во рту.

— Лучший в мире друг — это ты, Карлсон! Но я не знаю, почему ты прилетел именно сейчас.

— Чур, гадать до трёх раз! — сказал Карлсон. — Может, потому что я соскучился по тебе, глупый мальчишка? Может, я попал сюда по ошибке, а собирался вовсе слетать в Королевский парк? А может, я почуял, что здесь пахнет кашей? Раз, два, три, говори, не задерживайся!..

Мальш засиял.

— Наверное, потому что ты по мне соскучился,— сказал он смущённо.

— А вот и нет! И в Королевский парк я тоже лететь не собирался. Так что гадать тебе больше нечего.

«Королевский парк! — с ужасом подумал Мальш. — Туда Карлсону никак нельзя лететь. Да и вообще ему нельзя туда, где полным-полно народа, где его увидят. Придётся ему это сейчас объяснить».

— Слушай, Карлсон... — начал Мальш и тут же

умолк, потому что вдруг заметил, что Карлсон чем-то явно недоволен.

Он угрюмо глядел на Мальшша и чмокал губами.

— Приходишь голодный как пёс, — ворчал Карлсон, — а этот сидит себе как ни в чём не бывало перед полной тарелкой каши, вокруг шеи у него повязана салфетка, и он бубнит себе под нос, что надо съесть ложку за маму, ложку за папу, ложку за тётю Августу...

— За какую тётю Августу? — спросил Мальшш, стоя от любопытства.

— Понятия не имею, — ответил Карлсон.

— Так зачем же есть кашу за её здоровье? — рассмеялся Мальшш.

Но Карлсону было не до смеха.

— Ах, вот как! Значит, твой друг должен умереть с голоду только потому, что ты не знаешь каких-то там старых тёток, которые живут где-то у чёрта на рогах!

Мальшш вскочил, вынул из буфета тарелку и сказал Карлсону, чтобы он сам положил себе сколько хочет. Всё ещё мрачный как туча, Карлсон взял кастрюлю и принялся накладывать кашу в тарелку. Он накладывал и накладывал, а когда выскреб всё до дна, стал водить указательным пальцем по стенке кастрюли, отколупывая и то, что прилипло.

— У тебя не мама, а золото, — сказал Карлсон, — жаль только, что она такая жадная. Никогда не видел, чтобы варили так мало каши.

Только после того как вся каша до последней крупинки оказалась у Карлсона в тарелке, он приступил к еде, да так, что за ушами трещало. На несколько минут все звуки в кухне заглушило громкое чавканье, которое всегда раздаётся, когда кто-нибудь очень жадно уплетает кашу.

— К сожалению, за здоровье тёти Августы уже съесть нечего, — заявил Карлсон и вытер ладонью рот. — Но что я вижу! Здесь есть булочки! Спокойствие, только спокойствие. Милая тётя Августа, всё в порядке, живи спокойно-преспокойно в своём далёком городке Тумбе или где хочешь. Я съем за твоё здоровье вместо каши две булочки. А может, даже три... или четыре... или пять!

Пока Карлсон заглатывал одну за другой булочки, Мальшш тихо сидел и обдумывал, как ему поумнее предостеречь своего друга. «Может, правильное всего

просто дать Карлсону газету? Пусть сам всё прочтёт», — решил он и после некоторого колебания придвинул газету к Карлсону.

— Погляди-ка на первую страницу, — сказал Мальш мрачно. Карлсон поглядел. И надо сказать, с большим интересом, а потом ткнул пухлым пальчиком в фотографию белого парохода.

— Ба-бах! Пароход перевернулся! — воскликнул он. — Катастрофа за катастрофой!

— Да ты же держишь газету вверх ногами, — мягко сказал Мальш.

Он давно подозревал, что Карлсон не умеет читать. Но Мальш был добрым мальчиком, он никого не хотел обижать, и, уж конечно, не хотел обижать Карлсона, поэтому он не стал кричать: «Ха-ха-ха, ты не умеешь читать!» — а молча перевернул газету так, что Карлсон тут же увидел, что никакого несчастья не произошло.

— Но здесь написано про другое несчастье, — сказал Мальш. — Послушай только!

И он прочёл вслух про летающий бочонок и про спутника-шпиона, которого необходимо было поймать, и про вознаграждение, назначенное газетой, — всю заметку от начала до конца...

— «Доставьте его в редакцию, и вы получите указанную сумму», — закончил он чтение и вздохнул.

Но Карлсон не вздыхал, совсем наоборот, он был в восторге.

— Гоп-гоп! — выкрикивал он и прыгал на месте от радости. — Гоп-гоп, можно считать, что спутник-шпион уже пойман! Звони в редакцию и скажи, что я приду к ним после обеда.

— Что ты задумал? — с испугом спросил Мальш.

— Знаешь, кто лучший в мире охотник за спутниками-шпионами? — И Карлсон с гордым видом ткнул себя пальцем в грудь. — Вот он, грозный Карлсон! Никто не спасётся, когда я лечу со своим большим сачком. Раз спутник-шпион кружится где-то здесь, в районе Вазастана, я до вечера наверняка поймаю его сачком... Кстати, у тебя есть чемодан, чтобы нам унести десять тысяч?

Мальш вновь вздохнул. Всё оказалось куда сложнее, чем он думал. Карлсон ничего не подозревал.

— Милый Карлсон, неужели ты не догадался, что «летающий бочонок» — это ты, что это они за тобой охотятся? Теперь понял?

Карлсон очередной раз подпрыгнул от радости, и вдруг до него дошёл смысл этих слов. В горле у него что-то заклокотало, словно он поперхнулся, и он окинул Мальшша яростным взглядом.

— «Летающий бочонок»! — завопил он. — Ты меня обзываешь летающим бочонком! Ты, мой лучший друг!

Он вскинул руки, чтобы казаться как можно длиннее, и одновременно втянул живот.

— Ты, я вижу, забыл, — начал он свысока, — что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Так или не так?

— Конечно, Карлсон, т-так... — залепетал Мальшш, заикаясь от волнения. — Но я не виноват, что они это пишут в газете. А они имеют в виду тебя, это точно.

Карлсон злился всё больше и больше.

— «Кому посчастливится поймать этот таинственный предмет...» — с горечью повторил он снова слова заметки. — «Предмет»! — выкрикнул он, окончательно выходя из себя. — Кто-то смеет обзывать меня предметом! Я этому гаду так врежу по переносице, что у него глаза на лоб полезут!

И Карлсон сделал несколько маленьких, но угрожающих прыжков в сторону Мальшша. И зря. Потому что Бимбо тут же вскочил. Уж он-то никому не позволит тронуть Мальшша.

— Бимбо, на место, успокойся! — скомандовал Мальшш. И Бимбо послушался, только поворчал немного, чтобы Карлсон понял, что он на страже.

А Карлсон сел на скамеечку. Вид у него был мрачный и невыразимо печальный.

— Я так не играю, — сказал он. — Я так не играю, раз ты такой злой и называешь меня предметом, и натавливаешь на меня своих дурацких собак.

Мальшш совсем растерялся. Он не знал, что сказать, что сделать.

— Я не виноват, что так пишут в газете, — пробормотал он снова и умолк.

Карлсон тоже молчал и с печальным видом сидел на скамеечке. В кухне воцарилась тягостная тишина.

И вдруг Карлсон громко расхохотался. Он вскочил со скамеечки и добродушно ткнул Мальшша кулачком в живот.

— Уж если я предмет, то, во всяком случае, самый лучший в мире предмет, который стоит десять тысяч крон! Понял? Да?

Мальпи тоже стал смеяться — от радости, что Карлсон снова развеселился.

— Да, это верно, — подтвердил он, — ты стоишь десять тысяч крон. Думаю, мало кто стоит так дорого.

— Никто в мире, — твёрдо заявил Карлсон. — Спорим, что такой вот глупый мальчишка, как ты, стоит не больше ста двадцати пяти крон.

От избытка чувств он нажал стартовую кнопку на животе, взмыл к потолку и с радостными воплями сделал несколько кругов вокруг лампы.

— Гей-гоп! — кричал он. — Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон! Гей-гоп!

Мальпи решил махнуть на всё рукой. Ведь Карлсон на самом деле вовсе не был шпионом — значит, его могут задержать только за то, что он Карлсон. Мальпи вдруг понял, что мама и папа испугались не за Карлсона, а за свой покой. Они просто боялись, что если все будут ловить Карлсона, то скрывать его существование уже не удастся. Мальпу показалось, что Карлсону всерьёз ничего не угрожает.

— Тебе нечего бояться, Карлсон, — сказал он, стараясь его успокоить. — Тебе ничего не могут сделать за то, что ты — это ты.

— Конечно, каждый имеет право быть Карлсоном, — подхватил Карлсон. — Хотя до сих пор нашёлся только один такой хороший и в меру упитанный экземпляр.

Они снова стояли рядом посреди комнаты Малыша, и Карлсон с надеждой и нетерпением оглядывался по сторонам.

— Нет ли у тебя новой паровой машины, которую мы могли бы взорвать? Или ещё чего-нибудь интересного? Главное, чтобы загрохотало вовсю. Давай устроим сейчас немыслимый грохот. Я хочу позабавиться: а то я не играю, — сказал он, и в ту же секунду взгляд его упал на пакетик, который лежал на столе у Малыша.

Он кинулся на него, словно коршун на добычу. Мама положила Мальпу этот пакетик вчера вечером, а в нём был прекрасный персик. И вот теперь этот персик Карлсон жадно сжимал пухленькими пальцами.

— Мы его разделим, ладно?— торопливо предложил Мальш. Он тоже любил персики и знал, что нельзя зевать, если хочешь его хоть попробовать.

— Хорошо,— согласился Карлсон,— разделим! Я возьму себе персик, а ты — пакетик. Учти, я уступаю тебе лучшую часть: с пакетиком можно знаешь сколько интересных штук придумать!

— Нет, спасибо!— твёрдо сказал Мальш.— Мы сперва разделим персик, а потом я тебе схотно уступлю пакетик.

Карлсон неодобрительно покачал головой.

— Никогда ещё не встречал таких прожорливых мальчишек, как ты!— вздохнул он.— Ну ладно, раз уж ты так настаиваешь...

Чтобы разделить персик, нужен был нож, и Мальш побежал в кухню. А когда он вернулся с ножом, Карлсон исчез. Но Мальш тут же услышал, что из-под стола доносилось чавканье и причмокивание, словно кто-то торопливо ел что-то очень сочное.

— Послушай, что ты там делаешь?— с тревогой спросил Мальш.

Когда Карлсон вылез из-под стола, персиковый сок стекал у него с подбородка. Он протянул свою пухлую ручку и сунул Мальшу большую шершавую тёмно-красную косточку.

— Заметь, я всегда отдаю тебе самое лучшее,— заявил он.— Если ты посадишь эту косточку, у тебя вырастет целое персиковое дерево, всё увешанное сочными персиками. Ну, кто самый большой добряк в мире? Я ведь даже не устраиваю никакого скандала, хоть и получил от тебя только один паршивенький персик!

Но Мальш, если бы и захотел, не успел бы ничего ответить, потому что в мгновение ока Карлсон очутился у окна, где на подоконнике стоял горшок с бегонией, и схватил цветок за стебель.

— Я такой добрый, что сам помогу тебе посадить эту косточку,— заявил он.

— Не трогай!— крикнул Мальш.

Но было уже поздно: Карлсон вырвал бегонию с корнем и вышвырнул в окно.

— Ты что, ты что?!— завопил Мальш, но Карлсон его не слушал.

— Целое большое персиковое дерево! Представляешь? На своём пятидесятилетии ты каждому го-

стю — каждому-каждому, понял! — дашь по персику. Разве это не интересно?

— Но ещё интересней будет, когда мама заметит, что ты выбросил её бегонию, — сказал Мальш. — И подумай, вдруг сейчас мимо дома шёл какой-нибудь старичок и цветок угодил ему как раз по башке. Что он скажет, как ты считаешь?

— «Спасибо, дорогой Карлсон!» — вот что он скажет, — уверял Карлсон Мальша. — «Спасибо, дорогой Карлсон, что ты вырвал бегонию с корнем, а не швырнул её вниз прямо в горшке... как этого хотела бы глупая мама Мальша».

— Вовсе она этого не хотела бы! — запротестовал Мальш. — Почему ты так говоришь?

Карлсон успел тем временем ткнуть косточку в горшок и теперь энергично засыпал её землёй.

— Нет, хотела! — не сдавался Карлсон. — Она, видите ли, не позволяет вытаскивать бегонии из горшка. А что это может стоить жизни ни в чем не повинному старичку, мирно идущему по улице, — это твою маму не волнует. «Одним стариком больше, одним меньше — это пустяки, дело житейское, — говорит она, — только бы никто не трогал мою бегонию».

Карлсон гневно глядел на Мальша.

— И в конце концов, если бы я выкинул бегонию с горшком, куда мы посадили бы персиковую косточку? Подумал ли ты об этом?

Мальш об этом не подумал, поэтому он не знал, что ответить. Спорить с Карлсоном было нелегко, особенно когда он бывал в настроении спорить. Но, к счастью, настроение у него менялось каждые пятнадцать минут. Вот и теперь он вдруг издал какой-то странный, но явно радостный звук, похожий на кудахтанье.

— Мы же забыли про пакет! — воскликнул он. — А с пакетом можно отлично позабавиться.

Этого Мальш прежде не знал.

— Ну да? — удивился он. — Что же можно сделать с пакетом?

Глаза Карлсона заблестели.

— Издать самый громкий в мире хлоп! — объявил он. — Гей-гоп, какой сейчас будет изумительный хлоп! Вот этим мы и займёмся.

Он схватил пакет и со всех ног побежал в ванную комнату. Мальш, раздираемый любопытством, бро-

сился за ним. Ему очень хотелось узнать, как делают самый громкий в мире хлоп.

Карлсон стоял, наклонившись над ванной, и наполнял пакет водой.

— Ты глупый, да? Разве можно лить воду в бумажный пакет? Неужели ты этого не понимаешь?

— А что такое?—спросил Карлсон и помахал пакетом с водой у Мальшша перед носом, чтобы Мальшш воочию убедился, что в бумажный пакет можно лить воду, а потом стремглав кинулся назад в комнату Мальшша.

Мальшш побежал за ним, полный дурных предчувствий. И они оправдались... Карлсон весь высунулся из окна так, что видны были только его толстые, короткие, пухленькие ножки.

— Гей-гоп,—завопил он,—погляди вниз, сейчас я произведу самый сильный в мире хлоп!

— Стой!—крикнул Мальшш и тоже лёг на подоконник.— Не надо, Карлсон, не надо!—молил он испуганно.

Но было уже поздно. Мешок полетел вниз, и Мальшш увидел, как он разорвался, словно бомба, у ног какой-то тётеньки, которая шла в молочное кафе в соседний дом. И было ясно, что этот самый громкий в мире хлоп ей решительно не понравился.

— Гляди,—сказал Карлсон,—она ахнула, словно мы сбросили горшок с фикусом, а не полтора стакана воды.

Мальшш с грохотом захлопнул окно. Он не хотел, чтобы Карлсон продолжал выбрасывать на улицу разные вещи.

— Я думаю, что этого нельзя делать,—сказал Мальшш серьёзно, но Карлсон в ответ только расхохотался.

Он несколько раз облетел вокруг лампы и, не переставая хихикать, приземлился возле Мальшша.

— «Я думаю, что этого делать нельзя»!—передразнил он Мальшша.— А что, по-твоему, можно? Швырнуть вниз пакеты с тухлыми яйцами? Это тоже одна из странных фантазий твоей мамы?

Карлсон снова взлетел и снова грузно шмякнулся на пол как раз перед Мальшшом.

— Могу сказать, что вообще ты и твоя мама самые странные люди на свете, но всё же я вас люблю.— Карлсон потрепал Мальшша по щеке.

Мальши покраснел, так он был счастлив. Карлсон его любил, это замечательно! Да и маму он любил тоже, это ясно, хотя часто плёл про неё невесть что.

— Да сам удивляюсь,— подтвердил Карлсон, продолжая похлопывать Мальшпа по щеке.

Он хлопал его долго и всё более и более увлечённо. Последний хлопок походил уже скорее на пощёчину, и тогда Карлсон сказал:

— Ой, до чего же я милый! Я самый милый в мире! И я думаю, что поэтому мы сейчас поиграем во что-нибудь совсем милое, ты согласен?

Мальши был, конечно, согласен, и он тут же стал лихорадочно соображать, во что бы такое милое поиграть с Карлсоном.

— Вот, например,— предложил Карлсон,— мы могли бы играть, что стол — это наш плот, на котором мы спасаемся от наводнения... а оно, кстати, как раз и начинается.

И он показал на струйку воды, которая подтекла под дверь.

У Мальшпа перехватило дыхание.

— Ты что, не закрыл кран в ванной?— спросил он с ужасом.

Карлсон наклонил голову и ласково поглядел на Мальшпа.

— Угадай, закрыл ли я кран или нет! До трёх раз!

Мальши распахнул дверь в прихожую. Карлсон был прав. Великое наводнение началось. Ванная и прихожая были залиты водой, она стояла уже так высоко, что в ней можно было плескаться, если была охота. А Карлсону была охота. Он с восторгом прыгнул прямо в воду.

— Гей-гоп!— кричал он.— Бывают же дни, когда случаются только прекрасные вещи!

Мальши закрыл кран в ванной и выпустил из неё воду, а потом опустился на стул в прихожей и с отчаянием уставился на пол.

— Ой,— сказал он тихо,— ой, что скажет мама?

Карлсон перестал прыгать в воде и с обидой посмотрел на Мальшпа.

— Ну знаешь, это уж слишком!— возмутился он.— Что же она такая ворчунья, твоя мама! Несколько вёдер самой обыкновенной воды... есть о чём говорить!

Он снова подпрыгнул, да так высоко, что обрызгал Мальшпа с головы до ног.

— Приятная водичка,— сказал он.— А заодно и ножная ванна. Она что, возражает против мытья ног?

И он еще раз прыгнул, и снова Мальшша обдало брызгами.

— Неужели твоя мама никогда не делает ножных ванн? И все дни напролёт швыряет из окон цветочные горшки? Так, что ли?

Мальшш ничего не ответил. Он думал. Надо было во что бы то ни стало всё убрать до прихода мамы.

— Карлсон, мы должны поскорее...

Он не договорил, а вскочил со стула и помчался на кухню. И тут же вернулся с половой тряпкой.

— Давай, Карлсон, помогай...— начал он, но вдруг обнаружил, что Карлсона в комнате нет.

Его не было ни в прихожей, ни в ванной — нигде. Но всё время Мальшш слышал гул моторчика. Он подбежал к окну и увидел, что ввысь взмыло нечто напоминающее толстенную сардельку.

— Летающий бочонок или нечто другое?— пробормотал Мальшш.

Нет, это был не летающий бочонок, а всего-навсего Карлсон, который возвращался в свой зелёный домик на крыше.

Но тут Карлсон заметил Мальшша. Он спикировал вниз и промчался мимо окна на такой скорости, что воздух засвистел. Мальшш восторженно замахал ему тряпкой, и Карлсон махнул в ответ своей пухленькой ручкой.

— Гей-гоп! — кричал он. — Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон. Гей-гоп!

И он улетел. А Мальшш стал собирать тряпкой воду с пола прихожей.

КАРЛСОН ВСПОМИНАЕТ, ЧТО У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Карлсону повезло, что его не было, когда мама вернулась из бюро путешествий, потому что она всерьёз рассердилась и из-за исчезнувшей бегонии, и из-за наводнения, хотя Мальшш успел кое-как вытереть пол.

Мама сразу поняла, кто всё это натворил, и даже рассказала папе, когда он пришёл обедать.

— Может, это и нехорошо с моей стороны,— сказала мама,— потому что я к Карлсону за последнее время стала понемногу привыкать, но знаете, я сейчас сама готова заплатить десять тысяч крон, только бы от него отделаться.

— Ой, что ты!— воскликнул Мальш.

— Ладно, не будем сейчас больше об этом говорить,— сказала мама,— потому что во время еды надо, чтобы было весело.

Мама часто это повторяла: «Во время еды надо, чтобы было весело». И Мальш тоже так думал. А им, право же, всегда было весело, когда они все вместе сидели за столом и болтали о чём попало. Мальш больше говорил, чем ел, особенно когда на обед была варёная треска, или овощной суп, или селёдочные котлеты. Но сегодня мама подала им телячьи отбивные, а на сладкое — клубнику, потому что начались летние каникулы и Боссе и Бетан уезжали из дома. Боссе — в яхтклуб, учиться парусному спорту, а Бетан — на крестьянский хутор, где много лошадей. Так что это был прощальный обед, и мама постаралась, чтобы он превратился в маленький пир.

— Не огорчайся, Мальш,— сказал папа.— Мы тоже уедем втроём — мама, ты и я.

И он рассказал — великая новость! — что мама была в бюро путешествий и заказала билеты на точно такой же пароход, как тот, что был изображён на фотографии в газете. Через неделю он уйдёт в море, и целых пятнадцать дней они будут плыть на этом огромном белом пароходе и заходить в разные порты.

— Разве это не замечательно?— спросила мама Мальша.

И папа его спросил. И Боссе и Бетан тоже.

— Разве это не колоссально, Мальш?

— Ага!— согласился Мальш.

И он в самом деле думал, что это наверняка будет колоссально. Но вместе с тем понимал, что что-то во всём этом есть и не очень колоссальное, даже знал, что именно: Карлсон! Как он может бросить Карлсона одного именно в тот момент, когда он действительно ему нужен! И хотя Карлсон никакой не шпион, а просто Карлсон, опасность ему всё равно угрожает, если люди начнут за ним охотиться, чтобы получить десять тысяч крон. Мальш думал об этом всё время, пока вытирал пол после великого наводнения. Кто

знает, что кому может взбрести в голову. Вдруг они посадят Карлсона в клетку в зоопарке или придумают что-нибудь ещё более ужасное. Во всяком случае они не дадут Карлсону спокойно жить в маленьком домике на крыше. Уж это точно!

И Мальшш решил остаться дома и охранять Карлсона. Он тут же, ещё сидя за столом и уплетая телячью отбивную, объяснил всем, почему он не может никуда ехать.

Боссе расхохотался.

— Карлсон в клетке, это да!.. Ой, представь себе, Мальшш, что ты с классом придёшь в зоопарк поглядеть на разных зверей и вы будете читать, что написано на табличках. Вот ты и прочтёшь на одной: «Медведь белый», а на другой: «Лось сохатый», или: «Волк степной», или там «Бобёр обыкновенный», и вдруг: «Карлсон летающий».

— Не смей!—вскипел Мальшш.

Но Боссе продолжал хохотать.

— «Карлсон летающий, просьба этого зверя не кормить». Представляешь, как бы он озверел, если бы это написали на его клетке!

— Дурак,—сказал Мальшш.—Просто дурак.

— Но, Мальшш, пойми, если ты не поедешь, значит, и мы не сможем поехать,—сказала мама.

— Спокойно сможете,—возразил Мальшш.—А мы с Карлсоном будем вместе вести хозяйство.

— Ха-ха! И затопим весь дом, да? И вышвырнем из окон всю мебель на улицу!—захохотала Бетан.

— Дура,—сказал Мальшш.

На этот раз сидеть за обеденным столом оказалось не так весело, как обычно. И хотя Мальшш был мальчишкой милым и добрым, он мог иногда вдруг удивительно заупрямиться. Вот и сейчас он стал твёрд как камень и не проявлял никакой склонности вести переговоры.

— Но послушай, Козлёнок...—начал было папа, но так и не смог закончить, потому что в эту минуту что-то опустили в почтовый ящик на двери и Бетан выскочила из-за стола, даже не попросив разрешения.

Она ждала письмо от какого-то длинноволосого мальчишки, поэтому пулей вылетела в прихожую. В ящике и в самом деле лежало письмо, но не Бетан от длинноволосого мальчишки, а папе от дяди Юлиуса, который был совершенно лысый.

— Во время еды должно быть весело,— сказал Боссе.— А это значит, что во время еды не должны приходить письма от дяди Юлиуса.

Дядя Юлиус был дальним родственником папы и раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посоветоваться со своим врачом и погостить у Свантесонов. Дядя Юлиус не желал жить в гостинице, он считал, что это слишком дорого. Впрочем, денег у него было очень много, но он не любил их тратить.

Никто у Свантесонов не радовался приезду дяди Юлиуса. И меньше всех папа. Но мама всегда при этом говорила:

«Ты ведь его единственный родственник, у него никого нет, кроме тебя, его просто жаль. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу».

Но стоит бедному дяде Юлиусу прожить в доме дня два, мучить детей своими непрерывными замечаниями, привередничать за столом и ныть по всякому поводу, как у мамы на лбу появляется складка и она становится такой же молчаливой и напряжённой, каким всегда бывал папа с той самой минуты, как дядя Юлиус переступал порог их дома. А Боссе и Бетан так стараются не попадаться на глаза старику, что почти не бывают дома, когда он у них гостит.

«Только Мальш к нему добр»,— говорила мама.

Но и у Мальша стало иссякать терпение, и когда дядя Юлиус гостил у них в прошлый раз, он нарисовал его портрет в своём альбоме, а под рисунком написал: «Болван».

Дядя Юлиус случайно увидел этот рисунок и сказал:

«Плохо ты нарисовал лошадь».

Ну конечно, дядя Юлиус считал, что все всё делают плохо. Короче, это уж точно был нелёгкий гость, и, когда он уложил наконец свои вещи в чемодан и уехал домой, в Вестергетланд, Мальшу показалось, что дом вдруг расцвёл и в комнатах зазвенела весёлая музыка. Все стали оживлённы и общительны, словно случилось что-то очень приятное, а ведь на самом-то деле ничего не случилось, просто уехал бедный дядя Юлиус.

И вот теперь, как было написано в письме, он снова собирался приехать и пробыть у них никак не меньше двух недель. Пусть они не беспокоятся, он уверен, что приятно и с пользой проведёт это время, тем более что

доктор предписал ему курс уколов и массаж: по утрам у него почему-то немеет тело.

— Ну вот, в кои это веки собрались попутешествовать...— вздохнула мама.— А Мальшш не хочет с нами ехать, да ещё приезжает в гости дядя Юлиус!

Но тут папа стукнул кулаком по столу и сказал, что лично он непременно отправится в путешествие и во что бы то ни стало возьмёт с собой маму, даже если ему для этого придётся её похитить. А Мальшш может поступать, как ему вздумается: захочет — поедет с ними, нет — останется дома. Пусть сам решает. Что же касается дяди Юлиуса, то он волен приезжать и жить у них в квартире и ходить к докторам столько, сколько его душе угодно, а если ему это не подходит, может с тем же успехом остаться у себя в Вестергетланде, во всяком случае — папа это заявил со всей определённо-стью — он отправится в положенный день на пристань, сядет на пароход, и даже десять дядей Юлиусов его не остановят.

— Да, конечно,— сказала мама,— но всё это надо как следует обдумать.

А когда мама всё обдумала, то сказала, что попросит фрекен Бок: может быть, она согласится помогать по хозяйству двум упрямым холостякам — Мальшшу и дяде Юлиусу.

— Не двум, а трём,— сказал папа.— Третьего упрямого холостяка зовут Карлсон, который живёт на крыше. Не забудьте про Карлсона, ведь он будет торчать здесь целыми днями.

Боссе так хохотал, что чуть не свалился со стула.

— Домомучительница, дядя Юлиус и Карлсон — вот какая компания подобралась!

— И плюс Мальшш. Не забывайте про него, пожалуйста,— сказала Бетан.

Она обхватила Мальшша обеими руками и с неподдельным изумлением поглядела ему в глаза.

— Ведь бывают же на свете такие люди, как мой младший брат! — сказала она.— Он отказывается от замечательного путешествия с мамой и папой ради того, чтобы остаться дома в обществе домомучительницы, дяди Юлиуса и Карлсона, который живёт на крыше.

— Раз у тебя есть лучший друг, его нельзя бросать.

Не думайте, что Мальшш не понимал, как ему будет трудно! Немыслимо трудно будет с Карлсоном, кото-

рый начнёт летать вокруг дяди Юлиуса и фрекен Бок. Нет, что и говорить, кто-нибудь должен остаться дома и всё распутывать.

— И этим «кто-нибудь» буду я, больше некому, понимаешь, Бимбо?—сказал Мальш, когда он уже лежал в постели, а рядом, в корзинке, сопел Бимбо.

Мальш протянул указательный палец и почесал Бимбо под ошейником.

— А теперь нам лучше всего поспать,—сказал он,—утро вечера мудренее.

Но тут послышался шум мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Ну и история со мной приключилась!—воскликнул он.—Решительно всё надо самому держать в голове: если что забудешь—конец, рассчитывать не на кого!..

Мальш сел в кровати.

— А что ты забыл?

— Я забыл, что у меня день рождения! Весь длинный сегодняшний день у меня, оказывается, день рождения, я просто об этом совершенно забыл, и никто, никто не сказал: «Поздравляю тебя, дорогой Карлсон».

— Не понимаю,—удивился Мальш,—как у тебя может быть день рождения сегодня, восьмого июня? Я же помню, что у тебя день рождения в апреле.

— Точно, был,—подтвердил Карлсон.—Но почему день рождения должен у меня быть всегда в один и тот же день, когда есть столько других прекрасных дней. Восьмого июня, например,—вполне прекрасный день, почему же мне его не выбрать для дня рождения? Может, ты против?

Мальш рассмеялся.

— Нет, я «за»! Пусть у тебя будет день рождения всегда, когда тебе хочется.

— Тогда,—начал Карлсон и умильно склонил голову набок,—тогда я попрошу дать мне мои подарки.

Мальш вылез из постели в глубокой задумчивости. Не так-то легко было тут же найти для Карлсона подходящий подарок, но он решил всё же попробовать.

— Сейчас погляжу у себя в ящиках,—сказал он.

— Хорошо,—согласился Карлсон и приготовился терпеливо ждать. Но тут взгляд его упал на цветочный горшок, в который он посадил персиковую косточку.

Недолго думая Карлсон кинулся к горшку и пальцем быстро выковырял косточку из земли.— Нужно посмотреть, растёт она или нет. Ой, гляди, по-моему, она стала намного больше,— отметил он и, снова сунув косточку в землю, обтёр грязные пальцы о пижаму Мальшца.— Лет через двадцать тебе будет здорово,— сказал он.

— Почему?— удивился Мальш.

— Потому что ты сможешь спать днём в тени персикового дерева! Здорово, правда? Да, кровать тебе, конечно, придётся выбросить, мебель вообще как-то не подходит к персиковому дереву... Так, а где мои подарки?

Мальш вытащил одну из своих маленьких машинок, но Карлсон покачал головой. Тогда Мальш показал ему сперва игру-головоломку, потом «Конструктор», потом мешочек с разноцветными камушками, но Карлсон всякий раз молча качал головой. И тогда Мальш наконец догадался, что Карлсон хочет получить: пистолет! Он давно уже лежал в верхнем ящике письменного стола в спичечном коробке. Это был самый маленький в мире пистолет и, конечно, самый прекрасный. Папа привёз его Мальшцу из-за границы, и Кристер, и Гунилла в своё время ему очень завидовали, потому что они в жизни не видели таких малюсеньких пистолетов. Он выглядел точь-в-точь как самый настоящий, а стрелял почти так же громко, как большой. Совершенно непонятно, говорил папа, как эта малютка может так громко стрелять.

— Будь осторожен и не стреляй, а то люди вокруг будут пугаться,— сказал папа, когда положил эту крохотульку Мальшцу на ладонь.

По понятной причине Мальш решил тогда не показывать этот пистолетик Карлсону. Впрочем, Мальш и сам знал, что не очень красиво с его стороны таить от друга игрушку. Да к тому же это оказалось бессмысленным, потому что Карлсон сам обнаружил пистолетик, когда рылся в его ящике.

Карлсону этот пистолетик, конечно, тоже необычайно понравился. «Может, поэтому он и решил устроить себе сегодня день рождения»,— подумал Мальш и, глубоко вздохнув, достал коробок из ящика.

— Поздравляю тебя, дорогой Карлсон!— сказал он.

Карлсон издал дикий вопль, бросился к Мальшцу и поцеловал его в обе щеки, потом открыл коробок и с радостным кудахтаньем вынул пистолетик.

— Ты лучший в мире друг!— сказал он.

И Мальшц вдруг почувствовал себя счастливым, таким счастливым, словно у него было ещё сто таких пистолетиков.

— Понимаешь,— сказал Карлсон,— он мне в самом деле нужен. Сегодня вечером.

— Зачем?— с тревогой спросил Мальшц.

— Чтобы, лёжа в постели, считать овец,— объяснил Карлсон.

Тут надо сказать, что Карлсон не раз жаловался Мальшцу, что плохо спит.

— По ночам, правда, я сплю как убитый,— говорил он.— И по утрам тоже. Но вот после обеда я лежу и ворочаюсь и не могу сомкнуть глаз.

Тогда-то Мальшц и научил его, как надо бороться с бессонницей. Если вам не удаётся сразу заснуть, то нужно притвориться спящим и представить себе, что видишь стадо овец, которые прыгают через заборчик. И всех овец надо пересчитать одну за одной, как раз в момент, когда они взлетают над заборчиком, и в конце концов сон тебя обязательно одолеет.

— Понимаешь, я никак не мог заснуть сегодня вечером,— сказал Карлсон.— Я лежал и считал овец. И вот среди них была одна паршивая овца, которая никак не хотела прыгать, ну никак.

Мальшц рассмеялся.

— Почему она не хотела прыгать?

— Чтобы меня помучить. Стоит себе у заборчика, переминается с ноги на ногу и ни с места. Тогда я подумал, что, если бы у меня был пистолет, я заставил бы её прыгнуть. И вспомнил, что у тебя, Мальшц, в ящике письменного стола лежит маленький пистолетик, и тогда я решил, что сегодня у меня день рождения,— сказал Карлсон и радостно потрогал пистолетик.

Конечно, Карлсон тут же захотел испытать свой подарок.

— Проверка!— сказал он.— Сейчас как бабахну, знаешь, как будет весело! А не то я не играю.

Но Мальшц сказал очень твёрдо:

— Нет! Мы перебудим весь дом.

Карлсон пожал плечами.

— Ну и что ж? Пустяки, дело житейское! Снова заснут. А если у них нет овец, чтобы считать, я им одолжу своих.

Но Мальпи упёрся и ни за что не соглашался на испытание пистолета. Тогда Карлсон придумал такой выход.

— Мы полетим ко мне,—заявил он.—Всё равно ведь надо отпраздновать мой день рождения... Не найдётся ли у вас пирога?

Но пирога на этот раз не было, а когда Карлсон стал ворчать, Мальпи сказал, что это, мол, пустяки, дело житейское.

— Запомни,—строго оборвал его Карлсон.—«Пустяки, дело житейское» про пироги не говорят. Но делать нечего, попробуем обойтись булочками. Беги и носи всё, что найдёшь!

Мальпи пробрался в кухню и вернулся, нагруженный булочками. Мама разрешила ему в случае необходимости давать Карлсону булочку-другую. А сейчас необходимость в этом была.

Правда, мама не разрешала летать с Карлсоном на крышу, но об этом Мальпи совсем забыл и искренне удивился бы, если бы кто-нибудь ему об этом напомнил. Он привык летать с Карлсоном и совсем не боялся, и даже сердце у него не ёкало, когда он, обхватив Карлсона руками за шею, стремительно взлетал ввысь, прямо к домику на крыше.

Таких июньских вечеров, как в Стокгольме, не бывает нигде. Нигде в мире небо не светится этим особым светом, нигде сумерки не бывают такими ясными, такими прозрачными, такими синими, что город и небо, отражённые в блёклых водах залива, кажутся совсем сказочными.

Такие вечера словно специально созданы для празднования дней рождения Карлсона в его домике на крыше. Мальпи любовался сменой красок на небе, а Карлсон не обращал на это никакого внимания. Но когда они сидели вот так рядышком на крылечке, уплетали булочки и запивали их соком, Мальпи ясно понимал, что этот вечер совсем не похож на другие вечера. А Карлсон так же ясно понимал, что эти булочки совсем не похожи на другие булочки, которые печёт мама Мальпи.

«И домик Карлсона не похож ни на один домик в мире», — думал Мальш. Нигде нет такой уютной комнаты, и такого крылечка, и такого удивительного вида вокруг, и нигде не собрано вместе столько удивительных и на первый взгляд бессмысленных вещей, как здесь: Карлсон, как белка, набивал свой домик бог знает чем. Мальш не имел понятия, где Карлсон раздобыл все эти предметы. Большинство своих сокровищ Карлсон развешивал по стенам, чтобы их легко было найти в нужный момент.

— Видишь, какой у меня порядок. Всё-всё висит слева, кроме инструментов, а инструменты — справа, — объяснил Карлсон Мальшу. — И картины тоже.

Да, на стене у Карлсона висели две прекрасные картины. Мальш очень любил на них смотреть. Их нарисовал сам Карлсон. На одной в самом углу листа была нарисована крошечная крылатая козьявка, и картина называлась «Очень одинокий петух». На другой была изображена лисица, но картина при этом называлась «Портрет моих кроликов».

— Кроликов не видно, потому что они все у лисицы в животе, — пояснял Карлсон.

Набив рот булочкой, Карлсон сказал:

— Когда у меня будет время, я нарисую третью картину: «Портрет маленькой упрямой овцы, которая не хочет прыгать».

Но Мальш слушал его рассеянно, у него кружилась голова от звуков и запахов летнего вечера. Он уловил аромат цветущих лип с их улицы, слышал стук каблуков о плиты тротуара — много людей гуляло в этот ясный вечер. «Какой летний звук!» — подумал Мальш. Вечер был совсем тихий, и каждый шорох из соседних домов доносился до него удивительно отчетливо: люди болтали, и кричали, и пели, и бранились, и смеялись, и плакали — всё вперемешку. И никто из них не знал, что на крыше высокого дома сидит мальчишка и вслушивается в это сплетение звуков, как в самую настоящую музыку.

«Нет, они не знают, что я сижу здесь с Карлсоном, и что мне так хорошо, и что я жую булочки и пью сок», — подумал счастливый Мальш.

Вдруг в ближайшей к ним мансарде раздались какие-то вопли.

— Слышал? Это мои хулиганы-сороканы, — объяснил Карлсон.

— Кто?.. Кто? Филле и Рулле?

Мальш тоже знал Филле и Рулле. Это были самые отпетые хулиганы и воры во всем Вазастане. Они тащили всё, что плохо лежало. Словно сороки. Поэтому Карлсон их звал «хулиганы-сороканы». Год назад они как-то вечером забрались в квартиру Свантесонов, чтобы обокрасть её, но Карлсон тогда поиграл с ними в привидения и так их напугал, что они это, верно, и по сей день не забыли. Даже серебряной ложечки им не удалось унести.

Когда Карлсон услышал вопли Филле и Рулле в мансарде, он решил вмешаться.

— Я думаю, сейчас самое время их немного попугать,— сказал он.— А не то мои хулиганы-сороканы отправятся на охоту за чужими вещами.

И они двинулись по скату крыши к мансарде жуликов. Мальш не предполагал, что можно так ловко прыгать на коротких толстых ногах: угнаться за Карлсоном было просто невозможно, тем более Мальшу, который не так уж часто прыгал по крышам, но он изо всех сил старался не отстать от своего друга.

— Хулиганы-сороканы отвратительные типы,— сказал Карлсон, перепрыгивая с выступа на выступ.— Когда я себе что-нибудь беру, я всегда плачу за это пять эре, потому что я самый честный на свете. Но скоро у меня кончится запас пятиэровых монеток, и что я тогда буду делать, если мне захочется что-нибудь себе взять?.. Просто не знаю..

Окно мансарды Филле и Рулле было открыто, хоть и завешено занавеской. Крик там стоял невообразимый.

— Давай поглядим, чего это они так развеселились,— сказал Карлсон, отодвинул занавеску и заглянул в комнату. Потом он пустил на своё место Мальша. И Мальш увидел Филле и Рулле. Они расположились прямо на полу, а перед ними была разложена газета. Видимо, в такое неистовство их приводило то, что они читали.

— Отхватить десять тысяч просто так, за здорово живёшь, представляешь!— орал Рулле.

— И к тому же летает он здесь, у нас, в Вазастане! Поздравь меня с праздником, Рулле! — орал Филле и корчился от смеха.

— Послушай, Филле,— сказал Рулле,— я знаю одного парня, которому охота получить десять тысяч крон, ха-ха-ха!

Когда Мальшш понял, о чём они говорят, он побледнел от страха, но Карлсон только захихикал.

— А я знаю одного парня, которому охота позабавиться,— сказал он и вытащил пистолетик. Выстрел прогремел по крыше.— Откройте, полиция! — произнёс Карлсон строгим голосом.

Рулле и Филле вскочили как встрёпанные.

— Нулле, рас нет! — закричал Филле.

Он хотел сказать: «Рулле, нас нет», но когда он пугался, он всегда путал буквы в словах.

— Ксорее в робгарде! — скомандовал он, и они оба спрятались в гардеробе и притворили за собой створку, словно их и не было вовсе.

— Филле и Рулле нет дома, они просили передать, что их нет, они ушли! — раздался вдруг испуганный голос Филле.

Карлсон и Мальшш вернулись назад и снова уселись на крыльцо, но Мальшшу уже не было так весело, как прежде: он думал о том, как трудно обеспечить безопасность Карлсона, особенно когда рядом живут такие типы, как Рулле и Филле. А тут ещё в доме будут фрекен Бок и дядя Юлиус... ах да, он ведь совсем забыл рассказать об этом Карлсону!

— Слушай, Карлсон...— начал Мальшш.

Но Карлсон его не слушал. Он вовсю уплетал булочки и запивал их соком из маленького голубенького стаканчика, который прежде принадлежал Мальшшу,— он подарил его Карлсону три месяца тому назад на его прошлый день рождения. Карлсон держал стаканчик обеими руками, как держат маленькие дети, а когда всё выпил, стал его катать по полу, тоже как это делают маленькие дети.

— Ой! — вырвалось у Мальшша, потому что это был маленький голубой стаканчик и ему не хотелось, чтобы он разбился.

Но он и не разбился: Карлсон очень ловко придерживал его большими пальцами ног. Дело в том, что Карлсон снял башмаки и из его драных носков в красную полоску торчали большие пальцы.

— Послушай, Карлсон...— снова начал Мальшш.

Но Карлсон его тут же перебил:

— Вот ты умеешь считать. Прикинь-ка, сколько стоят мои большие пальцы, если всего меня оценили в десять тысяч крон.

Мальшш рассмеялся.

— Не знаю. Ты что, продавать их собираешься?

— Да,— сказал Карлсон.— Тебе. Уступлю по дешёвке, потому что они не совсем новые. И, пожалуй...— продолжал он, подумав,— не очень чистые.

— Глупый,— сказал Мальшш,— как же ты обойдёшься без больших пальцев?

— Да я и не собираюсь обходиться,— ответил Карлсон.— Они останутся у меня, но будут считаться твоими. А я их у тебя вроде как одолжил.

Карлсон положил свои ноги Мальшшу на колени, чтобы Мальшш мог убедиться, насколько хороши его большие пальцы, и убеждённо сказал:

— Подумай только, всякий раз, как ты их увидишь, ты скажешь самому себе: «Эти милые большие пальцы— мои». Разве это не замечательно?

Но Мальшш решительно отказался от такой сделки. Он просто пообещал отдать Карлсону свои пятиэровые монетки— все, что лежали в его копилке. Ему не терпелось рассказать Карлсону то, что он должен был рассказать.

— Послушай, Карлсон,— сказал он,— ты можешь отгадать, кто будет за мной присматривать, когда мама и папа отправятся путешествовать?

— Я думаю, лучший в мире присмотрщик за детьми,— сказал Карлсон.

— Ты что, имеешь в виду себя? — на всякий случай спросил Мальшш, хотя и так было ясно, что Карлсон имел в виду именно это.

И Карлсон кивнул в подтверждение.

— Если ты можешь мне указать лучшего присмотрщика, чем я, получишь пять эре.

— Фрекен Бок,— сказал Мальшш. Он боялся, что Карлсон рассердится, когда узнает, что мама вызвала фрекен Бок, когда лучший в мире присмотрщик за детьми находился под рукой, но, странным образом, Карлсон, напротив, заметно оживился и просиял.

— Гей-гоп! — Вот и всё, что он сказал.— Гей-гоп!

— Что ты хочешь сказать этим «гей-гоп»? — с каким-то смутным беспокойством спросил Мальшш.

— Когда я говорю «гей-гоп», то я и хочу сказать

«гей-гоп»,—заверил Карлсон Мальшша, но глаза его подозрительно заблестели.

— И дядя Юлиус тоже приедет,—продолжал Мальшш.—Ему нужно посоветоваться с доктором и лечиться, потому что по утрам у него немеет тело.

И Мальшш рассказал Карлсону, какой тяжёлый характер у дяди Юлиуса и что он проживёт у них всё время, пока мама и папа будут плавать на белом пароходе, а Боссе и Бетан разъедутся на каникулы кто куда.

— Уж не знаю, как всё это получится,—с тревогой сказал Мальшш.

— Гей-гоп! Они проведут две незабываемые недели, поверь мне,—сказал Карлсон.

— Ты про кого? Про маму и папу или про Боссе и Бетан?—спросил Мальшш.

— Про домомучительницу и дядю Юлиуса,—объяснил Карлсон.

Мальшш ещё больше встревожился, но Карлсон похлопал его по щеке, чтобы ободрить.

— Спокойствие, только спокойствие! Мы с ними поиграем, очень мило поиграем, потому что мы с тобой самые милые в мире... Я-то во всяком случае.

И он выстрелил над самым ухом Мальшша, который от неожиданности даже подпрыгнул на месте.

— И бедному дяде Юлиусу не придётся лечиться у доктора,—сказал Карлсон.—Его лечением займусь я.

— Ты?—удивился Мальшш.—Да разве ты знаешь, как надо лечить дядю Юлиуса?

— Я не знаю?—возмутился Карлсон.—Обещаю тебе, что он у меня в два счёта забегает, как конь... Для этого есть три процедуры.

— Какие такие процедуры?—недоверчиво спросил Мальшш.

— Щекотание, разозление и дуракаваляние,—серьёзно сказал Карлсон.—Никакого другого лечения не потребуется, ручаюсь!

А Мальшш с тревогой глядел вниз, потому что из многих окон стали высовываться головы—видно, люди хотели выяснить, кто это стреляет. И тут он заметил, что Карлсон снова заряжает пистолетик.

— Не надо, Карлсон, прошу тебя,—взмолился Мальшш.—Не стреляй больше!

— Спокойствие, только спокойствие,—сказал Карлсон.—Послушай,—продолжил он, помолчав,—

я вот сижу и обдумываю одну вещь. А как по-твоему, может ли домохозяйка тоже страдать онемением тела?

Но прежде чем Малыш успел ответить, Карлсон, ликуя, поднял руку с пистолетом над головой и выстрелил.

Резкий звук прокатился по крышам и замер. В соседних домах загудели голоса: то испуганные, то сердитые, а кто-то крикнул, что нужно вызвать полицию. Тут Малыш совсем вышел из себя. Но Карлсон сидел с невозмутимым видом и жевал булочку, уже последнюю.

— Чего это они там расшумелись? — недоумевал он. — Разве они не знают, что у меня сегодня день рождения?

Он проглотил последний кусочек булочки и запел песню, милую песенку, которая так хорошо звучала летним вечером.

Пусть всё кругом
Горит огнём,
А мы с тобой споём:
Ути, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём.
Пусть двести булочек несут
На день рожденья к нам,
А мы с тобой устроим тут
Ути, боссé, буссé, капут,
Биссé и тарарам.

КАРЛСОН—ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

В тот вечер, когда мама и папа отправились в путешествие, косой дождь барабанил по стёклам и гудел в водосточных трубах. Ровно за десять минут до их отъезда в квартиру ворвалась фрекен Бок, промокшая до нитки и злая как собака.

— Наконец-то! — прошептала мама. — Наконец-то!

Она целый день прождала фрекен Бок и теперь, конечно, нервничала, но фрекен Бок этого не заметила.

— Я не могла прийти раньше. И в этом виновата Фрида,— хмуро сказала она.

Маме надо было о многом поговорить с фрекен Бок. Но времени на это уже не было: у подъезда их ждало такси.

— Главное, заботьтесь о мальчике,— сказала мама со слезами на глазах.— Надеюсь, с ним ничего не случится за время нашего отсутствия.

— При мне никогда ничего не случается,— заверила фрекен Бок, и папа сказал, что он в этом не сомневается.

Он был уверен, что дома всё будет в порядке. А потом папа и мама обняли на прощание Мальшша, вышли на площадку и исчезли в лифте... И Мальшш остался один с фрекен Бок.

Она сидела за кухонным столом, большая, грузная, раздражённая, и приглаживала мокрые волосы своими большими, красными руками. Мальшш робко посмотрел на неё и попытался улыбнуться, чтобы показать своё дружелюбие. Он помнил, что, когда фрекен Бок в первый раз жила у них, он боялся её и относился к ней сперва очень плохо. Но теперь ведь всё было иначе, надо было скорее радоваться тому, что она здесь, в доме. И хотя встреча фрекен Бок и Карлсона не предвещала ничего хорошего, Мальшш был благодарен домохозяйнице за то, что она согласилась у них пожить. Ведь иначе мама никогда в жизни не разрешила бы ему остаться, чтобы оберегать Карлсона, это уж точно. Поэтому Мальшшу хотелось с самого начала вести себя с фрекен Бок хорошо, и он вежливо спросил её:

— Как поживает Фрида?

Фрекен Бок не ответила, она только фыркнула. Фрида была сестрой фрекен Бок. Мальшш её в жизни не видел. Зато много о ней слышал. Даже очень много. От фрекен Бок, которая жила вместе с сестрой Фридой в квартире на Фрейгатен, но они, видно, не очень-то ладили. Мальшш понял, что фрекен Бок была недовольна сестрой, считала её поведение нескромным и странным. Всё началось с того, что Фрида выступила по телевидению с рассказом о привидениях, а фрекен Бок никак не могла с этим примириться. Правда, потом ей тоже удалось выступить по телевидению и рассказать всей Швеции свой рецепт приготовления соуса. Но всё же этого оказалось недостаточным, чтобы подчинить себе Фриду: она продолжала вести себя нескромно и странно. Поэтому фрекен Бок только фыркала в ответ на вопрос Мальшша: «Как поживает Фрида?»

— Полагаю, что прекрасно,— всё же ответила домочительница, когда отфыркалась.— Завела себе жениха, несчастная.

Мальш толком не знал, что на это надо сказать, но что-то обязательно надо было сказать, а ведь ему хотелось быть внимательным. Поэтому он спросил:

— А у вас, фрекен Бок, тоже есть жених?

Но он явно сделал промах, потому что фрекен Бок резко встала и так при этом двинула стол, что всё на нём задребезжало.

— Слава богу, нет! — сказала она.— Я и не хочу. Не всем же быть такими кокетками, как Фрида.

Она умолкла и с таким усердием стала мыть посуду, что брызги летели во все стороны. Но вдруг она о чём-то вспомнила, с тревогой поглядела на Мальша и спросила:

— Послушай, я надеюсь, что тот невоспитанный толстый мальчишка, с которым ты в тот раз играл, теперь сюда больше не ходит?

Фрекен Бок никак не могла взять в толк, что Карлсон, который живёт на крыше,— красивый, умный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Она считала, что он— ровесник Мальша, его школьный товарищ, самый обыкновенный озорник. Что этот озорник почему-то умеет летать, её не удивляло. Она думала, что такой моторчик можно купить в игрушечном магазине, были бы только деньги, и всё ворчала по поводу того, что теперь так балуют детей. «Скоро дело дойдет до того, что дошкольники станут на Луну летать»,— говорила она. И вот теперь она вспомнила Карлсона и назвала его «этот невоспитанный, толстый мальчишка»... Малышу это совсем не понравилось.

— Карлсон вовсе не такой толстый...— начал он, но тут как раз раздался звонок в дверь.

— О, приехал дядя Юлиус!— сказал Мальш и побежал открывать.

Но в дверях стоял вовсе не дядя Юлиус, а Карлсон. Он был мокрый как гусь, под ногами у него уже натекла лужа, а в глазах был немой упрек.

— Летать бог весть куда только потому, что кто-то не подумал оставить окно открытым!— возмущался Карлсон.

— Да ведь ты же сказал, что тебе пора спать! — защищался Малыш, потому что Карлсон и в самом деле это сказал. — Я, правда, не думал, что тебя ещё можно ждать сегодня.

— А ты мог всё же не терять надежду, — не унимался Карлсон. — Ты мог бы подумать: а вдруг он всё же придёт, милый Карлсончик, ой, как это будет хорошо, да, да, вдруг всё же придёт, потому что захочет встретиться с домохозяйкой. Вот что ты мог бы подумать.

— А ты в самом деле захотел с ней встретиться? — испуганно спросил Малыш.

— Гей-гоп! — крикнул Карлсон. — Ещё бы!

Малыш прекрасно понимал, что он не сумеет надолго отсрочить встречу Карлсона с фрекен Бок, но он не был готов к тому, чтобы это произошло прямо в первый же вечер. Он решил, что поговорит сейчас с Карлсоном, но Карлсон, словно охотничья собака, напавшая на след, неудержимо рвался на кухню. Малыш всё же схватил его за рукав.

— Послушай, Карлсон, — сказал он, стараясь придать своему голосу как можно большую убедительность, — она ведь думает, что ты мой товарищ по школе, и, по-моему, хорошо, чтобы она и дальше так думала.

Карлсон вдруг застыл, а потом в нём что-то заклокотало, как всякий раз, когда он приходил в восторг от новой выдумки.

— Она в самом деле верит, что я хожу в школу? — переспросил он, ликуя. И ринулся на кухню.

Фрекен Бок услышала чьи-то приближающиеся шаги. Она ждала дядю Юлиуса и была немало удивлена, что пожилой господин так стремительно скачет по коридору. Исполненная любопытства, глядела она на дверь: ей казалось, что дядя Юлиус должен быть очень представителен и элегантен. Когда же дверь с шумом распахнулась и в кухню ворвался Карлсон, она вскрикнула, словно увидела змею.

Карлсон не заметил её ужаса. Двумя прыжками он очутился около неё и с рвением заглянул ей в лицо, выражавшее глубокое неодобрение.

— А ты знаешь, кто у нас в классе первый ученик? — спросил Карлсон. — Угадай, кто лучше всех умеет считать, и писать, и... Кто вообще лучше всех?

— Когдаходишь в дом, надо здороваться, — сказала фрекен Бок. — И меня нисколько не интересует,

кто у вас первый ученик. Уж во всяком случае, не ты, это ясно.

— Спасибо за эти слова,— сказал Карлсон и надулся, но со стороны могло показаться, что он думает.— Уж в арифметике-то я; во всяком случае, самый сильный,— мрачно сказал он наконец и пожал плечами.— Пустяки, дело житейское,— добавил он и вдруг весело запрыгал по кухне. Он вертелся вокруг фрекен Бок и что-то бормотал, и так постепенно родилось что-то вроде песенки:

Пусть всё кругом
Горит огнём,
А мы с тобой споём.

— Не надо, Карлсон, не надо,— пытался унять его Мальш, но без толку.

Утй, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём,—

всё увлечённой пел Карлсон. А когда он дошёл до слова «отдохнём», раздался выстрел, а вслед за ним — пронзительный крик. Выстрелил Карлсон из своего пистолетика, а закричала фрекен Бок. Мальш сперва подумал, что она упала в обморок, потому что она плюхнулась на стул и долго сидела молча, с закрытыми глазами, но когда Карлсон снова запел:

Утй, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём,—

она открыла глаза и сказала зло:

— Ты у меня сейчас таких боссé и бассé получишь, дрянной мальчишка, что век помнить будешь!

Карлсон на это ничего не ответил, он только подцепил своим пухленьким указательным пальцем фрекен Бок за подбородок, а потом ткнул в красивую брошь, приколотую у ворота.

— Красивая вещь,— сказал он.— Где ты её стянула?

— Карлсон, перестань, прошу тебя! — в страхе крикнул Мальш, потому что он видел, в каком бешенстве была фрекен Бок.

— Ты всякий... всякий стыд потерял,— проговорила она, запинаясь, с трудом находя слова, а потом закричала:— Убирайся вон! Слышишь? Я сказала: вон!

— Успокойся! — сказал Карлсон. — Я ведь только спросил, а когда вежливо задаёшь вопрос, то можно надеяться на такой же вежливый ответ.

— Вон! — кричала фрекен Бок.

— Во-первых, мне необходимо выяснить одну вещь, — сказал Карлсон. — Не замечала ли ты, что по утрам у тебя немеет тело? А если замечала, то не хочешь ли ты, чтобы я тебя полечил?

Фрекен Бок обвела кухню диким взглядом в поисках какого-нибудь тяжёлого предмета, чтобы швырнуть им в Карлсона, и Карлсон услужливо подбежал к шкафу, вынул оттуда выбивалку для ковров и сунул её домохозяйнице в руки.

— Гей-гоп! — кричал он, снова бегая по кухне. — Гей-гоп, вот теперь наконец всё начнётся!

Но фрекен Бок бросила выбивалку в угол. Она ещё помнила, каково ей пришлось в прошлый раз, когда она гналась за ним с такой вот выбивалкой в руке, и не хотела испытать это снова.

Мальш боялся, что всё это плохо кончится, и гадал, сколько кругов Карлсон успеет сделать прежде, чем фрекен Бок сойдёт с ума. «Не так уж много», — решил Мальш и понял, что главное — как можно быстрее увести Карлсона из кухни. И когда он в одиннадцатый раз промчался с гиканьем мимо него, Мальш схватил его за шиворот.

— Карлсон, — взмолился он, — прошу тебя, пойдём ко мне в комнату!

Карлсон пошёл за ним крайне неохотно.

— Прекратить наши упражнения как раз в тот момент, когда мне удалось наконец вдохнуть в неё жизнь, какая глупость! — ворчал он. — Ещё несколько минут, и она стала бы такой же бодрой, весёлой и игривой, как морской лев, в этом нет сомнений!

Первым делом Карлсон, как всегда, выкопал персиковую косточку, чтобы посмотреть, насколько она выросла. Мальш тоже подошёл, чтобы на неё взглянуть, а оказавшись рядом с Карлсоном, положил ему руку на плечо и только тогда заметил, что бедняжка Карлсон промок до нитки — должно быть, он долго летал под проливным дождем.

— Неужели ты не мёрзнешь, на тебе же сухого места нет? — спросил Мальш.

Карлсон, видно, до сих пор не обращал на это внимания, но он тут же спохватился.

— Конечно, мёрзну,—сказал он.— Но разве это кого-нибудь беспокоит? Разве кто-нибудь пальцем шевельнёт, если лучший друг приходит, промокший до нитки, и у него зуб на зуб не попадает от холода? Разве кто-нибудь заставит его снять мокрую одежду и наденет пушистый, красивый купальный халат? Разве кто-нибудь, спрашивая я, побежит на кухню, и сварит для него шоколад, и принесёт ему побольше плюшек, и силком уложит в постель, и споёт ему красивую, печальную колыбельную песнь, чтобы он скорее заснул?.. Разве кто-нибудь позаботился о друге? — заключил свою тираду Карлсон и с упрёком посмотрел на Мальшша.

— Нет, никто не позаботился,—признался Мальшш, и голос его прозвучал так, что казалось, он вот-вот расплачется.

И Мальшш со всех ног кинулся делать всё то, что, по мнению Карлсона, надо было сделать в этом случае для своего лучшего друга. Труднее всего было получить у фрекен Бок тёплый шоколад и плюшки для Карлсона, но у неё уже не было ни сил, ни времени оказывать дальнейшее сопротивление, потому что она жарила цыплёнка по случаю приезда дяди Юлиуса, который мог появиться в любую минуту.

— Сам себе сделай горячий шоколад, если хочешь,—сказала она.

И Мальшш прекрасно со всем справился. Несколько минут спустя Карлсон уже сидел в белом купальном халате в постели Мальшша, пил обжигающий шоколад и с аппетитом ел плюшки, а в ванной комнате были развешаны для просушки его рубашки, штаны, бельё, носки и даже башмаки.

— Вот что,—сказал Карлсон,—прекрасную, печальную колыбельную можешь не петь, лучше посиди у изголовья моей кровати всю ночь, не смыкая глаз.

— Всю ночь? — спросил Мальшш.

Карлсон не мог ответить. Он как раз засунул в рот целую плюшку и поэтому только энергично закивал. Бимбо надрывался от лая. Ему не нравилось, что Карлсон лежал в постели Мальшша. Но Мальшш взял Бимбо на руки и прошептал ему на ухо:

— Я ведь могу лечь на диванчик, понимаешь? И твою корзинку мы переставим туда.

Фрекен Бок гремела чем-то на кухне, и, когда Карлсон это услышал, он сказал с досадой:

— Она не поверила, что я первый ученик.

— Это неудивительно,— сказал Мальш. Он ведь давно обнаружил, что Карлсон не умеет толком ни читать, ни писать, ни считать, хотя и похвастался фрекен Бок, что всё это он отлично умеет!

— Тебе надо упражняться,— сказал Мальш.— Хочешь, я научу тебя хоть немного сложению?

Карлсон фыркнул, и брызги шоколада обдали всё вокруг.

— А ты хочешь, я научу тебя хоть немного скромности? Неужели ты думаешь, что я не знаю этого слу... сла... Как это называется?

Впрочем, времени для упражнений в устном счёте у них всё равно не оказалось, потому что именно в этот момент раздался долгий звонок в дверь. Мальш сообразил, что это может быть только дядя Юлиус, и со всех ног кинулся открывать. Ему очень хотелось встретить дядю Юлиуса одному—он считал, что Карлсон может спокойно полежать это время в постели. Но Карлсон так не считал. Он уже стоял за спиной Мальша, и полы купального халата путались у него в ногах.

Мальш настежь распахнул дверь, и на пороге действительно стоял дядя Юлиус. В обеих руках он держал по чемодану.

— Добро пожаловать, дядя Юлиус...— начал Мальш, но окончить ему так и не удалось, потому что раздался оглушительный выстрел и дядя Юлиус как подкошенный повалился на пол.

— Карлсон! — в отчаянии прошептал Мальш. Как он жалел теперь, что подарил Карлсону этот пистолетик! — Зачем ты это сделал?

— Это был салют! — воскликнул Карлсон.— Когда приезжают почётные гости, ну, всякие там президенты или короли, их всегда встречают салютом.

Мальш чувствовал себя до того несчастным, что готов был заплакать. Бимбо дико лаял, а фрекен Бок, которая тоже, услышав выстрел, прибежала, всплеснула руками и принялась охать и причитать над бедным дядей Юлиусом, который лежал неподвижно на коврике у входной двери, словно поваленная сосна в лесу. Только Карлсон оставался по-прежнему невозмутим.

— Спокойствие, только спокойствие,— сказал он.— Сейчас мы его взбодрим.

Он взял лейку, из которой мама Мальшша поливала цветы, и стал из неё поливать дядю Юлиуса. Это действительно помогло, дядя Юлиус медленно открыл глаза.

— Всё дождь и дождь,—пробормотал он ещё в полузабытьи. Но когда увидел склонённые над ним встревоженные лица, он совсем очнулся.— А что... что, собственно, было? — спросил он в полном недоумении.

— Был дан салют,—объяснил Карлсон,— хотя для многих лиц церемония салюта теперь сочетается с таким вот душем.

А фрекен Бок занялась тем временем дядей Юлиусом. Она насухо вытерла его полотенцем и повела в комнату, где он будет жить. Оттуда доносился её голос: она объясняла дяде Юлиусу, что этот толстый мальчишка — школьный товарищ Мальшша и что всякий раз он придумывает бог знает какие дикие шалости.

— Карлсон! — сказал Мальшш.— Обещай, что ты никогда больше не будешь устраивать салютов.

— Можете не беспокоиться,—угрюмо буркнул Карлсон.— Приходишь специально для того, чтобы помочь торжественно и празднично встретить гостей, и никто тебя за это не благодарит, никто не целует в обе щеки и не кричит в восторге, что ты — самый весёлый в мире парень. Никто! Все вы слабаки, только и норовите в обморок падать! Плаксы... Вот вы кто!

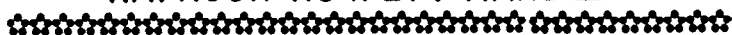
Мальшш ему не ответил. Он стоял и слушал, как дядя Юлиус ворчит в своей комнате. И матрац был жёсток, и кровать коротка, и одеяло слишком тонкое... Одним словом, сразу стало заметно, что дядя Юлиус появился в доме.

— Он никогда ничем не бывает доволен,—сказал Мальшш Карлсону.— Вот разве что самим собой.

— Да я его в два счёта от этого отучу,—сказал Карлсон,— ты только попроси меня как следует.

Но Мальшш попросил Карлсона как следует только об одном: оставить дядю Юлиуса в покое.

КАРЛСОН НОЧУЕТ У МАЛЫША

Час спустя дядя Юлиус уже сидел за столом и уплетал цыплёнка, а фрекен Бок, Мальшш, Карлсон и Бимбо стояли рядом и глядели на него. «Как король»,—подумал Мальшш. Им учительница в школе

рассказывала, что, когда короли едят, вокруг стоят придворные и смотрят на них.

Дядя Юлиус был толстый, и вид у него был очень высокомерный и самодовольный. «Наверно, такой, какой и должен быть у старых королей»,—решил Мальш.

— Собаку прочь! — сказал дядя Юлиус. — Мальш, ты же знаешь, что я терпеть не могу собак.

— Но Бимбо не делает ничего плохого,—возразил Мальш.—Он не лает, и вообще он такой милый.

Дядя Юлиус придал своему лицу насмешливое выражение, как, впрочем, всегда, когда собирался сказать что-нибудь неприятное.

— Да, теперь настали такие времена,—сказал он.—Маленькие мальчики не только не делают то, что им приказано, но ещё и возражают взрослым. Вот как теперь обстоят дела, и мне это решительно не нравится.

До сих пор Карлсон не мог оторвать глаз от цыплёнка, но после этих слов он перевёл взгляд на дядю Юлиуса и долго смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Дядя Юлиус,—проговорил наконец Карлсон,—скажи, тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил?

Дядя Юлиус никак не ожидал услышать такой комплимент. Он очень обрадовался—это было ясно, хотя и попытался виду не подавать. Он только скромно улыбнулся и сказал:

— Нет, этого мне никто ещё не говорил.

— Не говорил, значит? — задумчиво переспросил Карлсон.—Тогда почему тебе в голову пришла такая нелепая мысль?

— Карлсон, перестань...—сказал Мальш с упрёком, потому что считал, что Карлсон и в самом деле ведёт себя безобразно.

Но тут Карлсон обиделся не на шутку.

— «Карлсон, перестань, Карлсон, перестань, Карлсон, перестань»! Только это я от тебя и слышу! — возмутился он.—Почему ты меня всё одёргиваешь? Я не делаю ничего плохого.

Дядя Юлиус строго посмотрел на Карлсона. Но потом, видимо, решил, что он не заслуживает внима-

ния, и снова занялся цыплёнком. А фрекен Бок всё пододвигала ему блюдо и умоляла взять ещё кусочек.

— Надеюсь, вам нравится? — спросила она.

Дядя Юлиус впился зубами в цыплячью ножку, а потом сказал с насмешливым видом:

— Да, спасибо! Хотя этому цыплёнку уж наверняка сровнялось пять лет, зубы позволяют мне это точно определить.

Фрекен Бок вспыхнула и сморщила лоб от обиды.

— У такого цыплёнка вообще нет зубов, — сказала она с горечью.

Дядя Юлиус поглядел на фрекен Бок ещё более насмешливо.

— Зато у меня они есть, — сказал он.

— Только не ночью, — уточнил Карлсон.

Мальш стал красный как рак. Ведь это он рассказывал Карлсону, что когда дядя Юлиус спит, его зубы лежат в стакане с водой на тумбочке у кровати.

К счастью, фрекен Бок в этот момент разревелась — от обиды, что дядя Юлиус нашёл цыплёнка жёстким. Ничто на свете не могло причинить ей такого горя, как непризнание её кулинарного искусства, и теперь она горько плакала.

Дядя Юлиус, конечно, не думал, что она примет это так близко к сердцу. Он торопливо поблагодарил её за еду, смущённо встал из-за стола, уселся в качалку, развернул газету и отгородился ею ото всех.

Карлсон в сердцах уставился на него.

— Какие всё-таки бывают противные люди! — воскликнул он и, подбежав к фрекен Бок, стал её похлопывать по плечу. — Ничего, ничего, моё золотце, — говорил он, стараясь её утешить, — жёсткий цыплёнок — это пустяки, дело житейское. Разве ты виновата, что так и не научилась жарить цыплят?

Но тут фрекен Бок отпихнула Карлсона от себя с такой силой, что он кубарем пролетел через всю комнату и — раз! — очутился прямо на коленях у дяди Юлиуса.

— Гей-гоп! — завопил Карлсон и, не дав дяде Юлиусу опомниться, удобно расположился: он свернулся калачиком и сказал с довольной улыбкой: — Давай играть в дедушку и внука! Рассказывай мне сказку, но только, смотри, не очень страшную, а то я испугаюсь.

Дядя Юлиус меньше всего на свете хотел быть

дедушкой Карлсона, а кроме того, он увидел что-то интересное в газете. Поэтому он недолго думая схватил Карлсона за шиворот и поставил на пол. Повернувшись к фрекен Бок, он громко сказал:

— Знаете, что я сейчас прочёл? — спросил он. — Будто здесь у вас, в районе Вазастана, летает какой-то спутник-шпион. Вы слышали?

Мальшш прямо застыл от ужаса. Только этого ещё не хватало! Почему дяде Юлиусу должна была попасть под руку именно эта злосчастная газета! Ведь с тех пор прошло уже больше недели!

Однако, к счастью, дядя Юлиус пока только издевался над тем, что было написано в газете.

— Они думают, что им всё сойдёт с рук, любой бред,— сказал он. — У них только одна задача — распродать побольше номеров. Шпион... неуловим! Знаем мы эти сказки! Разве вы, фрекен Бок, хоть разок видели этот таинственный летающий бочонок?

У Мальшша перехватило дыхание. «Если она сейчас расскажет дяде Юлиусу, что этот невоспитанный толстый мальчишка тоже умеет летать, всё пропало,— думал Мальшш,— во всяком случае, тогда у дяди Юлиуса обязательно возникнут подозрения».

Но фрекен Бок, видно, вовсе не считала, что в самом Карлсоне и в его умении летать есть что-то необычное, кроме того, она всё ещё так громко всхлипывала, что едва могла говорить.

— Летающий бочонок? Что-то я ничего об этом не слыхала,— проговорила она наконец, глотая слёзы. — Наверно, обычная газетная утка.

У Мальшша вырвался вздох облегчения. Если бы ему только удалось уговорить Карлсона никогда, никогда, никогда не летать при дяде Юлиусе, то, может, всё как-нибудь ещё обошлось бы.

Мальшш обернулся, чтобы тут же попросить об этом Карлсона, но его словно ветром сдуло. Мальшш забеспокоился и решил немедленно начать поиски, но дядя Юлиус подозвал его к себе. Он хотел узнать, как у Мальшша идут дела в школе, и проверить, силен ли он в устном счёте, хотя сейчас были летние каникулы, а значит, не время говорить о занятиях. Но в конце концов Мальшшу всё же удалось вырваться, и он помчался к себе в комнату посмотреть, не там ли Карлсон.

— Карлсон! — крикнул он, переступив порог. — Карлсон, где ты?

— В твоих пижамных штанах, — ответил Карлсон. — Если только эти две узкие кишки можно назвать штанами!

Он сидел на краю кровати и пытался натянуть на себя штаны, но, как ни старался, ничего не получалось.

— Я дам тебе пижаму Боссе, — сказал Мальш, метнулся в комнату брата и принёс оттуда большую пижаму. Она налезла и на такого толстяка, как Карлсон.

Правда, штанины и рукава оказались чересчур длинны, но Карлсон тут же нашёл выход — недолго думая он их обрезал. Мальш не успел и слова вымолвить, но он, по правде говоря, даже не очень огорчился. В конце концов, рассуждал он, пижама — это пустяки, дело житейское, и то, что она погибла, не может омрачить его радости: ведь это такое удивительное событие — Карлсон останется у него ночевать!

Мальш постелил себе на диванчике простыни Боссе и поставил рядом с собой корзинку Бимбо. Бимбо уже улёгся в неё и пытался заснуть, но то и дело открывал глаза и недоверчиво косился на Карлсона.

Карлсон вертелся в кровати Мальша, стараясь устроиться поудобнее.

— Я хочу свить себе тёплое гнёздышко, — сказал он.

«В этой пёстрой пижаме он и в самом деле похож на птицу, — подумал Мальш. — Если со всех сторон подоткнуть одеяло, то он будет лежать, как в гнезде».

Но Карлсон не захотел, чтобы Мальш подоткнул одеяло.

— Пока ещё рано, — сказал он. — Сперва мы позабавимся. Я не согласен скучать, лёжа в постели. Здесь тоже есть, чем заняться. Можно есть бутерброды с жирной колбасой, можно играть в «мешок», можно устроить подушечную битву. Мы начнём с бутербродов.

— Но ты же недавно съел целую гору плюшек.

— Если мы будем лежать и скучать, я не играю, — заявил Карлсон. — Неси бутерброды!

И Мальш прокрался в кухню и приготовил бутерброды. Никто ему не помешал, фрекен Бок сидела в

гостиной и разговаривала с дядей Юлиусом. Видно, она уже простила ему ту обиду, которую он ей нанёс, сказав, что цыплёнок жёсток. Мальш беспрепятственно вернулся в свою комнату и присел на кровать у ног Карлсона. Он глядел, как Карлсон сосредоточенно уплетает бутерброды, и был счастлив. Как приятно, когда твой лучший друг остаётся у тебя ночевать. И Карлсон на этот раз тоже был всем, всем доволен.

— Бутерброды хороши, и ты хорош, и домомучительница тоже хороша,— сказал он.— Хотя она и не поверила, что я первый ученик,— добавил он и помрачнел. Это обстоятельство его явно огорчало.

— Ах, не обращай на это внимания! Вот дядя Юлиус тоже хочет, чтобы я был первым учеником, а я вовсе не первый.

— Нет, спасибо, я так не согласен,— сказал Карлсон.— Вот если бы я хоть немного научил тебя этому слу... слу... как это ты называешь?

— Сложение,— сказал Мальш.— Ты собираешься меня учить?

— Да, потому что я лучший в мире специалист по сложению.

Мальш рассмеялся.

— Сейчас проверим,— сказал он.— Ты согласен? Карлсон кивнул.

— Приступай!

И Мальш приступил.

— Вот мама даёт тебе, допустим, три яблока...

— Я скажу ей спасибо.

— Не перебивай меня,— сказал Мальш.— Если ты получишь три яблока от мамы, и два от папы, и два от Боссе, и три от Бетан, и одно от меня...

Докончить ему не удалось, потому что Карлсон погрозил ему пальцем.

— Так я и знал! — сказал он.— Я всегда знал, что ты самый жадный в семье, а это что-нибудь да значит!

— Подожди, сейчас не об этом речь,— сказал Мальш, но Карлсон упрямо продолжал:

— Вот если бы ты дал мне большой пакет, я быстро развернул бы его, а там кило яблок, и две груши, и горсть таких мелких жёлтых слив, знаешь?

— Перестань,— сказал Мальш.— Я же говорю про яблоки для примера, чтобы научить тебя сложению. Так вот, ты получил одно яблоко от мамы...

— Постой,— сердито закричал Карлсон,— я так не

играю! А куда она дела те два яблока, которые только что собиралась мне дать?

Мальш вздохнул.

— Милый Карлсон, яблоки здесь ни при чём. Они нужны мне только для того, чтобы объяснить тебе, как надо складывать. Теперь ты понял, в чём дело?

Карлсон фыркнул.

— Думаешь, я не понимаю, в чём дело? Мама стащила у меня два яблока, как только я отвернулся.

— Перестань, Карлсон,— снова сказал Мальш.— Итак, если ты получишь три яблока от мамы...

Карлсон довольно кивнул.

— Ну вот видишь! Надо уметь за себя постоять, я всегда это знал. Я люблю порядок: что моё, то моё. Я получил три яблока от твоей мамы, два от папы, два от Боссе, три от Бетан и одно от тебя, потому что ты самый жадный...

— Да, так сколько же у тебя всего яблок? — спросил Мальш.

— А ты как думаешь?

— Я не думаю, я знаю,— твёрдо сказал Мальш.

— Ну тогда скажи! — попросил Карлсон.

— Нет, это ты должен сказать.

— Больно воображаешь! Скажи! Держу пари, что ты ошибёшься.

— Напрасно надеешься! — сказал Мальш.— У тебя будет одиннадцать яблок.

— Ты так думаешь? — переспросил Карлсон.— Вот и попал пальцем в небо. Потому что позавчера вечером я сорвал двадцать шесть яблок в одном саду в Лидингене, но потом я съел три штуки и ещё одно надкусил — ну, что ты теперь скажешь?

Мальш молчал, он просто не знал, что сказать. Но потом он вдруг сообразил.

— Ха-ха! Всё ты врёшь,— сказал он.— Потому что в июне ещё нет яблок на деревьях.

— Верно, нет,— согласился Карлсон.— Но тогда где вы-то их взяли, яблочные воришки!

И Мальш решил отказаться от своего намерения научить Карлсона сложению.

— Но теперь ты хоть знаешь, что это за штука — сложение.

— Ты думаешь, я раньше не знал, что это то же самое, что рвать яблоки,— сказал Карлсон.— А этому меня учить не надо, я сам с этим неплохо справлюсь.

Я ведь лучший в мире мастер по сложению яблок, и, когда у меня выберется свободный часок, мы полетим с тобой за город, и я покажу тебе, как надо браться за сложение.

Карлсон проглотил последний кусок хлеба с колбасой и решил приступить к подушечному бою. Но стоило ему кинуть Мальшу в голову подушку, как Бимбо дико залаял.

«Б-р-р!..» — рычал Бимбо, вцепившись зубами в угол подушки. Но Карлсон схватил её за другой угол и потянул к себе. Так Бимбо и Карлсон рвали подушку друг у друга, пока она не лопнула. Бимбо разжал челюсти. Карлсон подхватил подушку и кинул к потолку. Перья, красиво кружась, осыпали Мальшу, который лежал на кушетке и хохотал.

— Кажется, пошёл снег, — сказал Карлсон. — Смотри, какой густой! — восхитился он и снова подбросил подушку к потолку.

Но Мальш сказал, что надо прекратить подушечный бой и что вообще пора спать. Было уже поздно, они слышали, как дядя Юлиус пожелал фрекен Бок спокойной ночи.

— А теперь я пойду и лягу в свою короткую кровать, — сказал он.

И тут Карлсон вдруг очень оживился.

— Гей-гоп! — воскликнул он. — Я, кажется, придумал ещё одну забавную штуку.

— Что ещё за штуку ты придумал? — удивился Мальш.

— Очень забавную штуку, которую можно выкинуть, если ночуешь не дома, а у кого-нибудь в гостях, — объяснил Карлсон.

— Играть в «мешок»? Подложить что-то в чужую постель, да? Уже поздно. Ты не будешь этого делать, ладно?

— Да, уже поздно, — согласился Карлсон.

— Конечно, уже поздно, — с облегчением сказал Мальш.

— Я теперь уже не буду этого делать, — уверил его Карлсон.

— Вот и хорошо! — обрадовался Мальш.

— Потому что успел это сделать раньше, — закончил Карлсон.

Мальш так и сел.

— Ну да? Неужели дяде Юлиусу?

Карлсон закудаhtал от восторга.

— Хитрый мальчишка, как ты мог догадаться?

Мальш так много смеялся во время подушечного боя, что теперь уже просто застонал от смеха, хотя знал, что Карлсон поступил дурно.

— Ой, как дядя Юлиус рассердится!

— Вот это мы и должны проверить,— сказал Карлсон.— Придётся слетать вокруг дома и поглядеть в окно спальни.

Тут Мальш разом перестал визжать от смеха.

— Ни за что на свете! Вдруг он тебя увидит! Он решит, что ты и есть спутник-шпион... Сам можешь сообразить, что тогда будет...

Но Карлсон был упрям.

— Когда подкладываешь кому-нибудь в постель «мешок», обязательно надо увидеть, как жертва сердится, иначе вся затея не имеет смысла,— уверял он.— Не волнуйся, я прикроюсь зонтиком!

И он побежал в прихожую за маминым красным зонтиком, потому что по-прежнему лил дождь.

— Я не хочу мочить пижаму Боссе,— сказал Карлсон.

Он стоял на подоконнике с открытым зонтиком, готовый к отлёту. «Это очень опасно»,— подумал Мальш и сказал с мольбой:

— Смотри, будь осторожен! Следи, чтобы никому не попасться на глаза, не то всё пропало!

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. И полетел в дождь.

А Мальш остался, и он вовсе не был спокоен, а, наоборот, так волновался, что кусал себе пальцы.

Минуты тянулись мучительно долго. Дождь лил как из ведра. Мальш ждал. И вдруг он услышал душераздирающий крик дяди Юлиуса. И вслед за тем в открытое окно влетел назад Карлсон. Он с довольным видом выключил мотор и пристроил на полovice зонтик, чтобы стекала вода.

— Он видел тебя?—с испугом спросил Мальш.— Он лёг в постель?

— Пытался, он ведь такой упрямый,— объяснил Карлсон.

Тут до них снова донёсся крик дяди Юлиуса.

— Я должен пойти посмотреть, что с ним случилось,— сказал Мальш и побежал в спальню.

Дядя Юлиус сидел, завернувшись в простыню; он был смертельно бледен, в глазах светился ужас, а на полу, рядом с ним, лежала подушка и свёрнутое в валик одеяло.

— Ты мне здесь не нужен,— сказал дядя Юлиус, когда появился Мальш.— Позови фрекен Бок.

Но фрекен Бок, видно, сама услышала его крик, потому что она тоже примчалась из кухни и застыла у двери как вкопанная.

— Боже мой! — воскликнула она.— Неужели вы перестилаете постель?

— Нет, нет,— заверил её дядя Юлиус,— хотя вообще-то я не могу одобрить, что здесь стелят постель по новой моде... Но сейчас мне не до этого.

Он замолчал и тихо застонал. Фрекен Бок подошла поближе к нему и рукой потрогала его лоб.

— Что случилось? Вы больны, господин Иенсен?

— Да, болен,—с трудом произнёс дядя Юлиус.— Надеюсь, что болен... Уходи,— добавил он, обращаясь к Мальшу.

И Мальш ушёл. Но он задержался за дверью, потому что хотел услышать, что ещё скажет дядя Юлиус.

— Я умный и трезвый человек,— продолжал дядя Юлиус.— Таинственные явления, о которых пишут в газетах, разные там глупости, не могут мне задурить голову... потому надеюсь, что я просто болен.

— Что случилось? — повторила фрекен Бок.

— У меня было видение... Наверно, у меня жар, а это — бред,— сказал дядя Юлиус и вдруг понизил голос до шёпота, так что Мальш едва расслышал его слова.— Мне не хотелось бы, фрекен Бок, чтобы вы это кому-либо рассказывали, но мне почудилось, что сюда явился летающий гном с красным зонтиком.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ТАРАРАМ И БЛИНЫ

На следующее утро, когда Мальш проснулся, Карлсона уже не было. Пижамы Боссе валялись скомканной на полу. Окно было распахнуто, так что Мальш сразу решил, что Карлсон полетел к себе домой. Конечно, жаль, но, с другой стороны, может,

это даже хорошо. Фрекен Бок не будет ругаться. Ей вовсе не обязательно знать, что Карлсон ночевал у Мальшша. Всё же удивительно, до чего без Карлсона сразу делалось пусто и скучно, хоть плачь. Правда, навести после него порядок было нелегко. Но стоило ему уйти, каак Мальшш начинал по нему скучать. Вот и сейчас, увидя, что он исчез, Мальшшу тут же захотелось послать ему привет. Он подошёл к окну и трижды дёрнул за верёвочку, скрыгую занавеской. Это была верёвочка от звонка, который смастерил Карлсон, чтобы Мальшш мог подавать ему сигналы. Дёрнешь за верёвочку, и у Карлсона на крыше звонит колокольчик. Карлсон сам определил, сколько звонков что значит.

— Позвонишь раз — это значит: «Приходи», — сказал Карлсон. — Два раза — значит: «Приходи поскорее», а три раза — значит: «Спасибо, что на свете есть такой красивый, умный и в меру упитанный мужчина, и такой смелый, и во всех отношениях прекрасный, как ты, Карлсон».

Вот именно это и хотел сейчас Мальшш сказать Карлсону. Поэтому он три раза дёрнул за верёвочку и услышал, как трижды зазвенел колокольчик на крыше. И представьте себе, он получил ответ. Раздался пистолетный выстрел, а потом Мальшш услышал — правда, едва-едва, ведь расстояние было велико, — как Карлсон запел свою песенку: «Боссе, биссе, биссе, бом!»

— Не надо, Карлсон, не надо! — шептал Мальшш.

Глупый Карлсон! Расхаживает себе по крыше, стреляет, поёт. Как легко его могут услышать Филле и Рулле, подкараулить, поймать, а потом сдать в редакцию, чтобы получить десять тысяч!

— Что ж, сам виноват, — сказал Мальшш, обращаясь к Бимбо, который лежал в своей корзинке и глядел так, что казалось, всё понимает. Мальшш натянул на себя штанишки и рубашку и стал играть с Бимбо, ожидая, пока проснётся дом.

Дядя Юлиус, видно, ещё спал, во всяком случае, из спальни не доносилось ни звука, но из кухни уже тянуло ароматом свежемолотого кофе, и Мальшш пошёл посмотреть, что делает фрекен Бок.

Она сидела, тяжело навалившись на стол, и пила свою первую чашку кофе. Очень странно, но она не возразила, когда Мальшш присел рядом. Никакой

каши, видно, не было, наоборот, фрекен Бок явно встала так рано, чтобы приготовить к завтраку что-то вкусное. И правда, два блюда с тёплыми, пахнущими корицей булочками стояли на буфете, а в хлебной корзинке на столе тоже высилась целая гора булочек. Мальш взял булочку и налил себе стакан молока. Так они сидели друг против друга и завтракали в полном молчании. В конце концов фрекен Бок сказала:

— Интересно, как там живёт Фрида?

Мальш оторвал глаза от стакана с молоком и изумлённо поглядел на домомучительницу. Они с ней такие разные, а оказывается, ей не хватает Фриды, как ему Карлсона.

— Фрекен Бок, вы скучаете по Фриде? — спросил он дружелюбно.

Но фрекен Бок в ответ горько усмехнулась:

— Ты не знаешь Фриды!

Собственно говоря, Фрида Мальша несколько не интересовала. Но фрекен Бок явно хотелось о ней поговорить, поэтому Мальш спросил:

— А кто Фридин жених?

— Негодяй,— сказала фрекен Бок со вздохом.— Да, я знаю, что он негодяй, он зарится на её деньги, это я сразу поняла.

Фрекен Бок заскрипела зубами при одной мысли об этом. «Бедняжка,— думал Мальш,— наверно, ей совсем не с кем поговорить, если она даже меня терпит, когда ей хочется рассказать о Фриде». И Мальшу пришлось долго сидеть на кухне и слушать нескончаемые истории про Фриду и её Филиппа, про то, какой глупой стала Фрида с тех пор, как Филипп ей внушил, что у неё красивые глаза и очаровательный носик, «пленительный в любую погоду», как выразился Филипп.

— «Очаровательный носик»! — повторила фрекен Бок и фыркнула.— Конечно, если считать, что картофелина средней величины украшает лицо, то...

— А как выглядит сам Филипп? — спросил Мальш, чтобы как-то проявить интерес.

— Об этом я, слава богу, не имею ни малейшего представления,— сказала фрекен Бок.— Фрида не потрудилась мне его представить.

Кем Филипп работал, фрекен Бок тоже не знала. Но Фрида рассказывала, что у него есть товарищ по работе, которого зовут Рудольф.

— И этот Рудольф мне бы вполне подошёл, по словам Фриды, но он не захочет водить со мной знакомство, потому что, по мнению Фриды, я совсем не привлекательная. У меня нет очаровательного носика, вообще нет ничего очаровательного,— сказала фрекен Бок, снова фыркнула, встала и направилась за чем-то в прихожую. Как только она вышла, в окно влетел Карлсон.

Мальшш не на шутку рассердился.

— Послушай, Карлсон, я же тебя просил, чтобы ты не летал на глазах у фрекен Бок и дяди Юлиуса!

— Потому я и прилетел сейчас, чтобы никто из них меня не видел,— сказал Карлсон.— Я им даже не покажусь,— добавил он и залез под стол.

Когда в кухню вернулась фрекен Бок, надевая на ходу шерстяную кофту, он тихо сидел под столом, скрытый свисающими концами скатерти.

Она налила себе ещё чашку кофе, взяла ещё булочку и продолжала свой рассказ.

— Я уже говорила, что не могу похвастаться очаровательным носиком-картошкой—это привилегия Фриды.

Тут раздался голос непонятно откуда, этаким искусственный голос, как у чревоушателя:

— Верно, у тебя нос скорее похож на огурец.

Фрекен Бок так подскочила на стуле, что расплескала кофе, и с подозрением поглядела на Мальшша.

— Это ты, бесстыдник?

Мальшш покраснел, он не знал, что сказать.

— Нет,— пробормотал он.— Это, я думаю, по радио передают про овощи—там про помидоры разные и огурцы.

Мальшш нашёл довольно хитрое объяснение, потому что в кухне у Свантесонов действительно было слышно радио от соседей—фрекен Бок уже не раз на это жаловалась.

Она поворчала, но недолго, потому что в кухню вошёл дядя Юлиус, он тоже хотел выпить кофе. Спотыкаясь, он обошёл несколько раз вокруг стола и стонал при каждом шаге.

— Какая кошмарная ночь!—воскликнул он.— Святой Иеремей, что за ночь! Я и до этого страдал онемением тела по утрам, а сейчас, после всего, что было, ой!..

Потом он сел за стол и молча глядел прямо перед собой, словно он погрузился в какие-то серьёзные размышления. «Что-то он на себя не похож», — решил наблюдавший за ним Мальш.

— И всё же я благодарен судьбе за эту ночь, — сказал он после паузы. — Она сделала меня другим человеком.

— Вот и отлично, потому что старый никуда не годился.

Это снова раздался тот странный искусственный голос, и снова Фрекен Бок подпрыгнула на стуле и с недоверием посмотрела на Мальша.

— Это снова радио у Линдбергов... Видно, передача о старых машинах.

Дядя Юлиус ничего не заметил. Он был так поглощён своими мыслями, что ничего не слышал и ничего не говорил. Фрекен Бок подала ему кофе. Он протянул, не глядя, руку, чтобы взять булочку, но сделать этого не сумел, потому что в этот миг из-за стола показалась маленькая пухлая ручка и потянула корзинку к себе. Но дядя Юлиус и этого не заметил. Он по-прежнему был всецело погружён в свои мысли и очнулся, только когда сунул в горячий кофе пальцы вместо булочки и понял, что булочки он так и не взял и макать ему нечего. Он подул на обожжённую руку и рассердился. Но тут же снова углубился в свои мысли.

— Между небом и землёй существует более тесная связь, чем обычно думают, вот что я понял сегодня ночью, — сказал он серьёзно и снова протянул руку, чтобы взять булочку. И снова высунулась пухленькая ручка и отодвинула корзинку с булочками. Но дядя Юлиус опять ничего не заметил, он всё думал и думал и очнулся, только когда сунул в рот пальцы и даже впился в них зубами, поскольку никакой булочки у него в руке не было. Тогда он опять рассердился. Но новый дядя Юлиус был явно добрее старого, потому что он быстро успокоился. Больше он не делал попытки взять булочку, а только всё в той же глубокой задумчивости допил кофе.

А булочки всё же кто-то ел. Во всяком случае, они исчезали одна за другой, но лишь Мальш понимал, куда. Он тихо хихикал и даже осторожно отправил под стол стакан молока, чтобы Карлсону не уплывать булочки всухомятку.

Именно это Карлсон называл «курощение булочками». Как это получается на практике, фрекен Бок уже успела узнать за прежние посещения Карлсона.

— Можно прекрасно курощать людей, поглощая все их булочки,— заявил как-то Карлсон. Собственно, он знал, что нужно говорить «укрощать», но «курощать», уверял он, звучит куда более внушительно.

И теперь Карлсон устроил новое дьявольское «булочное курощение», хотя фрекен Бок этого и не поняла. И дядя Юлиус тоже. Он решительно не замечал «булочного курощения», несмотря на всю его дьявольскую силу, а только всё думал и думал о чём-то своём. Но вдруг он схватил руку фрекен Бок и крепко сжал, словно прося о помощи.

— Я должен с кем-то об этом поговорить,— сказал он наконец.— Теперь я уже не сомневаюсь, это был не бред, я в здравом уме, но я видел гнома.

Фрекен Бок широко раскрыла глаза.

— Вы видели гнома?

— Да,— ответил дядя Юлиус.— Поэтому я теперь новый человек в новом для меня мире. В мире сказок. Поймите меня, фрекен Бок, этот мир мне открылся сегодня ночью со всей очевидностью. Ведь раз в самом деле есть гномы, то, значит, могут быть и ведьмы, и духи, и привидения—одним словом, все те существа, которые описаны в сказках.

— А может, и летающие шпионы,— попыталась вставить фрекен Бок, но это не понравилось дяде Юлиусу.

— Глупости,— сказал он,— всё это выдумки, которые распространяют газеты, чтобы поднять тираж.

Он наклонился к фрекен Бок и заглянул ей в глаза.

— Но рассудите сами,— продолжал он доверительно.— Ведь наши предки верили в домовых, в ведьм, в духов и во всё такое прочее. Как же мы можем внушать себе, что всё это не существует? Неужели мы воображаем, что мы умнее наших дедов? Нет, только толстокожие, самовлюблённые люди могут утверждать такую глупость.

Фрекен Бок никак не хотела показаться толстокожей, потому она поспешила подтвердить, что ведьмы встречаются куда чаще, чем предполагаешь. А если как следует подумать, то станет ясно, что бывают и домовые.

Но тут дяде Юлиусу пришлось прервать свои размышления, потому что он заранее условился с доктором и ему уже пора было уходить. Мальш мило проводил его до передней, и фрекен Бок тоже. Мальш подал ему шляпу, а фрекен Бок помогла ему надеть пальто. Вид бедного дяди Юлиуса действительно вызывал сострадание. «Хорошо, что он идёт к доктору», — подумал Мальш и робко похлопал его по руке. Фрекен Бок тоже явно была озабочена, и она спросила с тревогой:

— Как вы себя чувствуете, господин Иенсен?

— Откуда я знаю? Я ведь ещё не был у врача, — сказал дядя Юлиус так раздражённо, что Мальш подумал: «Хотя ему и открылся ночью мир сказок и он стал новым человеком, кое-что от старого дяди Юлиуса в нём ещё есть».

После ухода дяди Юлиуса Мальш и фрекен Бок возвратились на кухню.

— Теперь мне необходимо выпить ещё кофе с булочками и посидеть немного в полном покое и тишине, — сказала фрекен Бок, обернулась к буфету и вскрикнула: на блюдах не было ни единой булочки. Вместо них лежал большой бумажный пакет, на котором странными кривыми буквами было написано:

Вмири знасок тожи
люди булочки

Гнум

Фрекен Бок прочла записку и мрачно нахмурила брови.

— Никогда не поверю,— сказала она,— что гном может украсть булочки, даже если он действительно существует. Он слишком умен и добр, чтобы позволять себе такие выходы. Нет, меня не проведёшь, я знаю, кто это сделал.

— Кто же? — спросил Мальш.

— Тот невоспитанный, толстый мальчишка, который к тебе ходит, Карлсон или как его там зовут? Погляди, дверь в кухню открыта! Он стоял здесь, притаившись, и подслушивал, а когда мы выходили в переднюю, пробрался сюда.

Она сердито потрясла головой:

— Гном! Вину сваливает на других, а сам едва умеет писать.

Мальш не был склонен поддерживать разговор о Карлсоне, поэтому в ответ он только сказал:

— Я всё же думаю, что это гном. Пошли, Бимбо!

Каждое утро Мальш гулял с Бимбо в парке Вазы, и Бимбо считал, что это самый весёлый час за весь день, потому что в парке он встречал много других симпатичных собак, которых можно было обнюхать и с которыми было весело поболтать.

Мальш обычно играл там с Кристером и Гуниллой, но сегодня он их так и не нашёл. «Может быть, они уже уехали на каникулы», — подумал Мальш. Ну что ж, пусть, ему на это наплевать, пока у него есть Карлсон. Ну и Бимбо, конечно.

Тут к Бимбо подбежала какая-то большая собака с явным намерением напасть на него; Бимбо хотел было смело ринуться в бой, чтобы показать этой глупой псине, что он о ней думает, но Мальш удержал его.

— Назад! — скомандовал он. — Ты ещё мал, чтобы мериться силой с таким телёнком.

Он сгрёб Бимбо в охапку и поискал глазами скамейку, чтобы посидеть, пока Бимбо успокоится. Но всё было занято — люди грелись на солнышке. В поисках свободного местечка Мальш забрёл в дальний конец парка. Там он обнаружил скамейку, на которой расположились всего двое парней, причём каждый держал в руке бутылку пива. Мальш их тут же узнал: это были Филле и Рулле. Мальш испугался и хотел было пройти дальше, но вместе с тем что-то притягивало его именно к этой скамейке. Ему ведь надо узнать, продолжают ли Филле и Рулле охотиться за Карлсоном. Возможно, они будут об этом

говорить. И чего ему, собственно говоря, бояться? Филле и Рулле никогда его не видели и, следовательно, его не знают. Вот и прекрасно! Значит, он может сидеть с ними рядом сколько ему захочется. Так ведь поступают сыщики в детективных романах, когда выслеживают преступников,—сидят себе молча рядом и слушают чужой разговор.

Итак, Малыш сел на скамейку и весь превратился в слух, но в то же время он иногда обращался к Бимбо, чтобы Филле и Рулле не думали, что он ими интересуется.

Однако было похоже, что ему ничего не удастся выведать. Филле и Рулле молча пили пиво. Наконец пиво было выпито, но они всё продолжали молчать. И вдруг Филле сказал:

— Конечно, мы сумеем его поймать, мы ведь знаем, где он живёт. Я много раз видел, как он летел домой.

Малыш так испугался, что едва смог дух перевести. Он был просто в отчаянии. Теперь Карлсону придётся сматывать удочки. Филле и Рулле заметили его маленький домик на крыше! Да, теперь всему наступит конец!

Малыш сжал кулаки, пытаясь сдержать слёзы, и в тот самый момент, когда это перестало ему удаваться, хотя он старался изо всех сил, он услышал, как Рулле сказал:

— Да, я тоже много раз видел, как он влетает в окно, это ведь та самая квартира, куда мы как-то залезли тем летом, сечёшь? На четвёртом этаже, там на дверях табличка медная и фамилию помню — Свантесон.

У Малыша глаза округлились от удивления. Может, он ослышался? Неужели Филле и Рулле в самом деле думают, что Карлсон живёт у Свантесонов? Какое счастье! Это ведь значит, что Карлсон всегда может спрятаться у себя дома и быть там в полной безопасности. Филле и Рулле его не выследили! Да это и не так легко. Ведь никто, кроме трубочиста, не лазает по крышам.

Итак, Филле и Рулле не пронюхали про домик на крыше, и тем не менее всё это ужасно. Бедняга Карлсон, каково ему придётся, если всерьёз начнётся за ним охота! Этот дурачок никогда не умел прятаться.

Филле и Рулле снова долго молчали, а потом Рулле сказал шёпотом (Мальшш едва расслышал):

— Давай сегодня ночью.

Вот тут-то Филле и спохватился, что они сидят не одни на скамейке. Он поглядел на Мальшша и сказал очень громко:

— Да, так давай сегодня ночью отправимся копать червей!

Но так легко Мальшша не проведёшь. Он прекрасно понимал, что именно Филле и Рулле собирались делать сегодня ночью: они попытаются поймать Карлсона, когда он, как они думают, лежит в постели у Свантесонов и мирно спит.

«Надо поговорить об этом с Карлсоном, и как можно скорее!» — решил про себя Мальшш.

Но Карлсон появился только к обеду. На этот раз он не влетел в окно, а бешено затрезвонил во входную дверь. Мальшш побежал открывать.

— Ой, как здорово, что ты пришёл! — начал Мальшш, но Карлсон не стал его слушать. Он двинулся прямым ходом на кухню к фрекен Бок.

— Что ты стряпаешь? — спросил он. — Такое же жёсткое мясо, как обычно? Или ты учиываешь вставные челюсти?

Фрекен Бок стояла у плиты и пекла блины, чтобы подать дяде Юлиусу что-нибудь более лёгкое, чем цыплёнок, а когда она услышала голос Карлсона за спиной, то так резко обернулась, что выплеснула на плиту целый половник жидкого теста.

— Послушай, ты! — в гнев закричала она. — Как тебе только не стыдно! Как это у тебя хватает совести приходить сюда! Как ты можешь глядеть мне в лицо, бессовестный булочный воришка!

Карлсон прикрыл лицо двумя пухленькими ручками и лукаво поглядел на неё в щёлочку между пальцами.

— Нет, ничего, глядеть можно, но только осторожно, — сказал он. — Конечно, ты не первая в мире красавица, но ведь ко всему можно привыкнуть, так что ничего, сойдёт, могу и поглядеть! Ведь главное, что ты милая... Дай мне блинка!

Фрекен Бок окинула Карлсона безумным взглядом, а потом обратилась к Мальшшу:

— Разве твоя мама предупредила меня, что этот

мальчик будет у нас обедать? Неужели она так распорядилась?

Мальши постарался ответить как можно более уклончиво, но дружелюбно:

— Во всяком случае, мама считает... что Карлсон...

— Отвечай, да или нет,—прервала его фрекен Бок.—Твоя мама сказала, что Карлсон должен у нас обедать?

— Во всяком случае, она хотела...— снова попытался уйти от прямого ответа Мальши, но фрекен Бок прервала его жёстким окриком:

— Я сказала, отвечай—да или нет! На простой вопрос всегда можно ответить «да» или «нет», по моему, это не трудно.

— Представь себе, трудно,—вмешался Карлсон.— Я сейчас задам тебе простой вопрос, и ты сама в этом убедишься. Вот, слушай! Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай—да или нет?

У фрекен Бок перехватило дыхание, казалось, она вот-вот упадёт без чувств. Она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Ну вот вам,—сказал Карлсон с торжеством.—Повторяю свой вопрос: ты перестала пить коньяк по утрам?

— Да, да, конечно,—убеждённо заверил Мальши, которому так хотелось помочь фрекен Бок.

Но тут она совсем озверела.

— Нет!—закричала она, совсем потеряв голову.

Мальши покраснел и подхватил, чтобы её поддержать:

— Нет, нет, не перестала!

— Жаль, жаль,—сказал Карлсон.—Пьянство к добру не приводит.

Силы окончательно покинули фрекен Бок, и она в изнеможении опустилась на стул. Но Мальши нашёл наконец нужный ответ.

— Она не перестала пить, потому что никогда не начинала, понимаешь?—сказал он, обращаясь к Карлсону.

— Я-то понимаю,—сказал Карлсон и добавил, повернувшись к фрекен Бок:—Глупая ты, теперь сама убедилась, что не всегда можно ответить «да» или «нет»... Дай мне блинка!

Но меньше всего на свете фрекен Бок была расположена дать Карлсону блинов. Она с диким воплем вскочила со стула и широко распахнула дверь кухни.

— Вон! — закричала она. — Вон!

И Карлсон пошёл к двери. Пошёл с высоко поднятой головой.

— Ухожу, — заявил он. — Ухожу с радостью. Не ты одна умеешь печь блины!

После ухода Карлсона фрекен Бок несколько минут сидела молча. Но когда немного отошла, она с тревогой поглядела на часы.

— А твоего дяди Юлиуса всё нет и нет! — вздохнула она. — Подумай, как давно он ушёл! Боюсь, не случилось ли чего. Ведь он, наверное, плохо знает Стокгольм.

Мальшу передалась её тревога.

— Да, он, может, заблудился...

Тут как раз раздался телефонный звонок.

— Наверное, это дядя Юлиус! — воскликнул Мальш. — Звонит, чтобы сказать, что не знает, как попасть домой.

Фрекен Бок метнулась в прихожую, где был телефон, Мальш — за ней.

Но звонил не дядя Юлиус — это Мальш понял, как только услышал, что фрекен Бок говорит обычным ворчливым тоном:

— Да, да! Это ты, Фрида? Ну, как поживаешь? Ещё не бросила свои глупости?

Мальш не хотел слушать чужие разговоры, поэтому он пошёл к себе в комнату и взял книгу, чтобы почитать, но до него доносилось бормотание из прихожей, и конца этому не было.

Мальш был голоден. Он догадывался, что рано или поздно это раздражающее его бормотание прекратится, и дядя Юлиус придёт домой, и они смогут наконец сесть за стол. Но он хотел обедать немедленно, никого не дожидаясь. И как только фрекен Бок положила трубку, он выскочил в прихожую, чтобы ей это сказать.

— Что ж, могу тебя накормить, — сказала она милостиво и повела его на кухню. Но у дверей она остановилась как вкопанная. Её дородная фигура занимала весь проём двери, поэтому Мальш ничего не увидел. Он услышал только её гневный вопль, а когда он всё же высунул голову из-за её юбки, потому что ему не терпелось узнать, в чём дело, то увидел Карлсона.

Карлсон сидел за столом и преспокойно ел один блин за другим.

Мальш испугался, что фрекен Бок захочет убить Карлсона — во всяком случае, вид у неё был такой. Но она только ринулась вперёд и схватила тарелку с блинами.

— Ты... ты... ты ужасный мальчишка! — кричала она.

Тогда Карлсон стукнул её легонько по пальцам и сказал:

— Не трогай мои блины! Я их честно купил у Линдбергов за пять эре.

Он широко распахнул свою пасть и отправил туда сразу кипу блинов.

— Я же сказал, что не только ты одна умеешь печь блины. Найти блины очень просто: где чад, там и блины.

Мальш снова пожалел фрекен Бок, потому что она никак не могла прийти в себя.

— А где... где... где же тогда мои блины? — просто-нагла она и поглядела на плиту. Там стояло её блюдо из-под блинов, но оно было совершенно пустым. И домомучительница снова пришла в ярость. — Противный мальчишка! — завопила она. — Ты их тоже съел!

— Вовсе нет! — сказал Карлсон возмущённо. — Поблагодари меня, что я этого не сделал. А ты только и умеешь, что меня обвинять.

В эту минуту на лестнице послышались шаги. Наконец-то идёт дядя Юлиус. Мальш был рад, что дядя Юлиус не заблудился в лабиринте улиц. А кроме того, его приход положит конец перебранке.

— Прекрасно! — сказал Мальш. — Он, значит, нашёл дорогу домой.

— Это я позаботился о том, чтобы он мог идти по следу, иначе он никогда бы не дошёл, — сказал Карлсон.

— По какому такому следу? — удивился Мальш.

— А по такому, какой я оставил, — сказал Карлсон. — Потому что я самый заботливый в мире!

Но тут раздался звонок, фрекен Бок торопливо пошла открывать дверь, и Мальш тоже побежал встречать дядю Юлиуса.

— Добро пожаловать домой, — торжественно сказала фрекен Бок.

— Мы уже думали, что ты заблудился,— сказал Мальш.

Но дядя Юлиус не ответил ни фрекен Бок, ни Мальшу, а строго спросил:

— Объясните мне, почему во всём доме на каждой дверной ручке висят блины?

И он с подозрением поглядел на Мальша, а Мальш пробормотал в испуге:

— Может, это гном?

И побежал на кухню спросить Карлсона, что он по этому поводу думает.

Но Карлсона в кухне уже не было. Там стояли два пустых блюда, а на клеёнке темнела одинокая лужица варенья.

Дяде Юлиусу, Мальшу и фрекен Бок пришлось удовольствоваться пудингом. И он оказался совсем недурён.

Мальш сбегал за ним в молочную. Он не возражал, когда его послали, потому что ему хотелось посмотреть, как выглядят дверные ручки, когда на них висят блины.

Но на дверных ручках никаких блинов уже не было. Он обежал все лестницы и нигде не увидел ни одного блина. Он уже решил, что дядя Юлиус всё это выдумал, но вдруг понял, в чём дело... На последней ступеньке сидел Карлсон. Он ел блины.

— Хороши блиночки, но службу свою они уже сослужили,— сказал он.— А дядя Юлиус больше не заблудится, он теперь знает дорогу.

Набив рот, он фыркнул от возмущения.

— Какая она всё же несправедливая, ваша домохозяйка! Сказала, что я съел её блины, а я был невинен как младенец. Из-за неё приходится теперь лопать и вот эти!

Мальш не мог не рассмеяться.

— Ты лучший в мире поедатель блинов, Карлсон,— сказал он, но вдруг что-то вспомнил и сразу стал серьёзным.— Вероятно, они попытаются сегодня ночью поймать тебя. Понимаешь ли ты, что это значит?

Карлсон облизал свои жирные пальцы и издал тихое радостное урчание.

— Это значит, что мы проведём весёлый вечер,— сказал он.— Гей-гоп! Гей-гоп!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ СПЕЦИАЛИСТ ПО ХРАПУ

Медленно сгущались сумерки. Весь день Карлсон отсутствовал. Видно, он хотел, чтобы домомучительница как следует отошла после «курощения блинами».

Мальш пошёл с дядей Юлиусом в железнодорожный музей. Дядя Юлиус очень любил этот музей, и Мальш тоже. А потом они вернулись домой и поужинали вместе с фрекен Бок. Всё шло чин чином — Карлсон не показывался. Но когда Мальш отправился в свою комнату, его там ждал Карлсон.

По правде говоря, Мальш ему даже не обрадовался.

— Ой, до чего же ты неосторожный! — сказал он. — Зачем ты сегодня прилетел?

— Как ты можешь задавать такие глупые вопросы? — удивился Карлсон. — Да потому, что я собираюсь у тебя ночевать, разве это не понятно?

Мальш вздохнул. Весь день он ломал себе голову, как уберечь Карлсона от Филле и Рулле. Может, надо позвонить в полицию? Нет, это не годится, потому что тогда обязательно придётся объяснять, почему Филле и Рулле хотят поймать Карлсона, а это просто опасно.

А вот Карлсон не ломал себе голову и не боялся. Он стоял у окна и с невозмутимым спокойствием выкапывал персиковую косточку, чтобы очередной раз выяснить, насколько она проросла за сутки. Но Мальш был в самом деле очень напуган.

— Я просто не знаю, что нам делать, — сказал он.

— Это ты про Филле и Рулле? — спросил Карлсон. — Зато я знаю. Есть три способа воздействия — курощение, дуракаваляние и озверение, и я собираюсь применить их все.

Мальш считал, что лучше всего притаиться. Он надеялся, что Карлсон просидит эту ночь у себя в домике на крыше, что он притаится как мышь. Но Карлсон ему сказал, что из всех дурных советов, которые ему давали, этот самый худший.

Однако Мальш не сдавался. Дядя Юлиус подарил ему кулёк карамелек, и он рассчитывал, что с его помощью ему удастся переубедить Карлсона. Он

помахал кульком перед самым носом Карлсона, чтобы его соблазнить, и сказал не без задней мысли:

— Ты получишь весь этот кулёк, если полетишь домой и ляжешь спать.

Но Карлсон отпихнул руку Мальпша.

— Фу, до чего же ты противный! — воскликнул он. — Мне не нужны твои паршивые карамельки. Не воображай только, что я хочу их получить!

Он печально скривил рот, отошёл, забился в дальний угол и сел на скамеечку.

— Я и не знал, что ты такой противный, — сказал он. — Так я не играю.

Мальпш пришёл в отчаяние. Ничего более ужасного, чем «так я не играю», быть не могло! Мальпш тут же попросил прощения и постарался снова развеселить Карлсона, но ничего не получалось. Карлсон дулся. Он был упрям.

— Ну, я просто не знаю, что ещё можно сделать, — сказал в конце концов Мальпш в полном отчаянии.

— Я зато знаю, — сказал Карлсон. — Конечно, не наверняка, но вполне возможно, что я буду играть, если ты сделаешь мне что-нибудь приятное... да, пожалуй, сойдёт и кулёк карамелек.

Мальпш сунул ему кулёк, и Карлсон согласился с ним играть.

— Гей-гоп! — крикнул он. — Ты и представить себе не можешь, что будет! Сейчас приготовим всё, что надо.

«Раз Карлсон останется ночевать, я должен постелить себе на диване», — подумал Мальпш и побежал в комнату Боссе, но Карлсон остановил его. Он сказал, что не стоит стелить: сегодня ночью всё равно никто не будет спать.

— Никто, кроме домомучительницы и дядюшки, которые, я надеюсь, будут спать мёртвым сном, потому что нам придётся и пошуметь, — пояснил Карлсон.

Дядя Юлиус действительно рано отправился в спальню. Он очень устал — он ведь так плохо спал прошлой ночью и провёл потом весь день на ногах. И фрекен Бок нуждалась в отдыхе после волнений булочного и блинного «курощения». Она тоже рано ушла к себе, вернее, к Бетан в комнату: мама решила, что фрекен Бок на время их отъезда будет там спать.

Но прежде чем удалиться на покой, они оба, и дядя Юлиус и фрекен Бок, зашли к Мальшшу пожелать ему спокойной ночи, а Карлсон, услышав их приближение, спрятался в шкаф. Он сам счёл, что так будет умнее.

Дядя Юлиус зевнул и сказал:

— Надеюсь, нас опять посетит гном с красным зонтиком и навеет на всех нас сон.

«Можешь не сомневаться»,— подумал Мальшш, но вслух сказал:

— Спокойной ночи, дядя Юлиус, желаю тебе хорошо выспаться! Спокойной ночи, фрекен Бок!

— И ты сейчас же ложись. Спокойной ночи, Мальшш!

И они оба удалились.

Мальшш быстро надел пижаму — на всякий случай, если фрекен Бок или дядя Юлиус вдруг вздумают встать посреди ночи и посмотреть, спит ли он.

Мальшш и Карлсон решили обождать, пока фрекен Бок и дядя Юлиус не заснут, поэтому они сели играть в подкидного дурака. Но Карлсон всё время жульничал и хотел только выигрывать — «а то я не играю». И Мальшш по возможности давал ему выигрывать, а когда в конце концов тот всё же раз проиграл, то быстро смешал карты и сказал:

— Сейчас нам играть некогда, пора приниматься за дело.

За это время дядя Юлиус и фрекен Бок успели уснуть — гном с зонтиком не нарушал их покоя. Карлсон долго ходил от одной двери к другой, прислушиваясь к их храпу.

— Знаешь, кто лучший в мире храпун? А ну-ка, угадай! — скомандовал Карлсон, а потом изобразил для Мальшша, как храпит дядя Юлиус и как фрекен Бок.

— «Брр-пс-пс» — это дядя Юлиус, а у фрекен Бок храп звучит совсем по-другому: «Брр-аш, бррр-аш!»

Но тут Карлсону вдруг пришла в голову новая мысль: у него всё ещё был большой запас карамелек, хотя он и дал одну Мальшшу и сам съел десяток, значит, необходимо спрятать кулёк в какое-нибудь надёжное место, чтобы не думать о нём, когда придёт время действовать.

— Понимаешь, ведь мы ждём воров,— объяснил он.— У вас нет несгораемого шкафа?

Мальшш сказал, что, если бы у них был нестораемый шкаф, он запрятал бы туда прежде всего самого Карлсона, но, к сожалению, нестораемого шкафа у них нет.

Карлсон задумался.

— Я положу кулёк к дядюшке,— решил он наконец.— Когда они услышат его храп, то подумают, это рычит тигр, и не решатся войти.

Когда он приоткрыл дверь спальни, «брр-пс-пс, брр-пс-пс» зазвучало куда громче и ещё более устрашающе. Карлсон довольно захихикал и исчез с кулёчком в темноте. Мальшш стоял и ждал.

Вскоре он вернулся, сжимая в руке вставные челюсти дяди Юлиуса.

— Ну что ты, Карлсон! — ужаснулся Мальшш.— Зачем ты их взял?

— Неужели ты думаешь, что я могу доверить свои карамельки человеку с зубами! — сказал Карлсон.— Представь себе, что дядюшка проснётся ночью и увидит мой кулёчек! Если зубы у него под рукой, он их мигом наденет и начнёт грызть конфеты одну за другой. Но теперь он, к счастью, не сможет этого сделать.

— Дядя Юлиус и так никогда в жизни бы этого не сделал,— поручился Мальшш.— Он ни за что не взял бы ни одной чужой конфетки.

— Дурак, он решил бы, что это его посетила фея из страны сказок и принесла ему гостинцы,— сказал Карлсон.

— Да как он мог бы это подумать, раз он сам купил мне эти карамельки?— возмутился Мальшш, но Карлсон не желал ничего слушать.

— Кроме того, мне всё равно нужны эти челюсти,— сказал он.— А ещё мне нужна крепкая верёвка.

Мальшш сбегал на кухню и принёс верёвку для сушки белья.

— А зачем тебе?— спросил Мальшш, сторя от любопытства.

— Хочу сделать капкан для воров,— ответил Карлсон.— Наводящий ужас, устрашающий, смертельно опасный капкан для воров.

И он показал, где он собирается его соорудить: в узеньком тамбуре у входной двери, соединённой аркой с прихожей.

— Вот именно здесь, и только здесь,— сказал Карлсон.

С каждой стороны арки в прихожей стояло по стулу, и теперь, когда Карлсон приступил к сооружению уникального и весьма хитроумного капкана для воров, он протянул на небольшой высоте от пола несколько раз бельевую верёвку между этими стульями и хорошенько её закрепил. Если кто-нибудь в темноте войдёт в дверь и захочет пройти в прихожую, то обязательно споткнётся об это заграждение и упадёт.

Мальшш помнил, как в прошлом году к ним забрались Филле и Рулле, чтобы их обокрасть. Они открыли дверь с помощью длинной проволоки, которую просунули в щель почтового ящика, и подцепили ею «собачку» замка. Наверно, и на этот раз они захотят попасть в квартиру таким же образом. Что ж, будет только справедливо, если они запутаются в протянутой верёвке.

— И вообще я зря волнуюсь,— сказал он.— Ведь когда Филле и Рулле начнут возиться у дверей, Бимбо так громко залает, что разбудит весь дом, и они бросятся наутёк.

Карлсон поглядел на Мальшша так, словно не верил своим ушам.

— Ах вот как? — сказал он строго.— Выходит, я зря делал капкан для воров! Нет, так я не играю. Собаку надо немедленно убрать.

Мальшш всерьёз рассердился:

— Что ты несёшь! Куда мне её деть! Ты об этом подумал?

Тогда Карлсон сказал, что Бимбо может провести ночь в его домике на крыше. Ляжет на его диванчик, будет себе спать и тихо посапывать. А утром, когда Бимбо проснётся, Карлсон принесёт ему фарш, он обещает. Пусть только Мальшш образумится и согласится отправить к нему Бимбо.

Но Мальшш не образумился. Он считал, что отсылать Бимбо из дома — безобразие. А кроме того, как здорово, если Филле и Рулле наткнутся на лающую собаку!

— Ты хочешь всё испортить...— горько сказал Карлсон.— Никогда не даёшь мне повеселиться вволю! На всё ты говоришь: «Нет, нет, нельзя». Ты мне только мешаешь. Я не могу уже ни курощать, ни

низводить, ни валять дурака, ничего не могу! Тебе на всё наплевать, лишь бы твой щенок налаялся всласть и поднял бы ночью переполох.

— Да разве ты не понимаешь...— начал было Мальш, но Карлсон его перебил:

— Так я не играю! Низводи сам, как умеешь, а я так не играю.

Бимбо сердито заворчал, когда Мальш вынул его из корзинки, потому что ему хотелось спать, и последнее, что увидел Мальш, когда Карлсон вылетел с собакой в руках, были два больших недоумевающих глаза.

— Не бойся, Бимбо! Я скоро возьму тебя назад! — кричал Мальш, чтобы утешить не то себя, не то Бимбо.

Карлсон вернулся через несколько минут в прекрасном настроении.

— Привет тебе от Бимбо. Угадай, что он сказал? «Как у тебя уютно, Карлсон,— вот что он сказал. И добавил:— Не могу ли я стать твоей собакой?»

— Ха-ха, не мог он это сказать!

Мальш хохотал: он знал, чей Бимбо, и Бимбо это тоже знал.

— Что ж, теперь всё в порядке,— сказал Карлсон. Он был доволен.— Ты же понимаешь, что такие добрые друзья, как мы с тобой, должны уступать друг другу: один всегда поступает так, как хочется другому.

— Да, конечно, но другим почему-то всегда оказываешься ты! — сказал Мальш со смешком. Он был поражён поведением Карлсона.

Ведь любой человек должен был понять, что в таком положении, в каком был Карлсон, лучше всего спокойно лежать себе ночью на диванчике в своём домике на крыше и предоставить Бимбо возможность спугнуть бешеным лаем Филле и Рулле, если они и вправду вздумают лезть в квартиру. Но Карлсон сделал всё буквально наоборот да ещё внушил Мальшу, что так лучше. И Мальш ему охотно поверил, потому что в Мальше тоже жила жажда приключений и он сгорал от желания узнать, как они будут «курошать» на этот раз.

Карлсон спешил: он считал, что Филле и Рулле могут явиться в любую минуту.

— Я сейчас устрою нечто такое, что их с самого начала испугает насмерть,—сказал он.—И глупая собака нам здесь совсем не нужна, поверь мне.

Он побежал на кухню и стал рыться в шкафу. Мальш попросил его делать всё потише, потому что фрекен Бок спит в комнате Бетан, прямо за стеной. Карлсон об этом не подумал.

— Тогда ты стой на страже! —скомандовал он.—Как перестанешь слышать «брр-ж-ж» или «брр-аш», дай мне как-нибудь незаметно знать.

Он задумался, и вдруг ему пришла мысль.

— Знаешь, что ты сделаешь? Ты сам начнёшь храпеть, да как можно громче. Вот так: «Гррр-ах-ах, гррр-ах-ах».

— Зачем? —недоумевал Мальш.

— А вот зачем: если проснётся дядюшка, он решит, что это храпит фрекен Бок, а если проснётся фрекен Бок, она подумает на дядюшку, и ни у кого не возникнет подозрения. Но я-то буду знать, что «гррр-ах-ах» — это значит, ты мне подаёшь сигнал: кто-то из них проснулся, надо быть начеку! И тогда я залезу в

шкаф и притаюсь! Ха-ха, угадай, кто лучший в мире проказник?

— А если придут Филле и Рулле, что мне тогда делать? — спросил Мальш испуганно, потому что не так уж приятно стоять одному в прихожей, когда залезут воры, а Карлсон будет находиться в другом конце квартиры, на кухне.

— Тоже будешь храпеть, — сказал Карлсон, — но иначе. Вот так: «Грр-о-го, рр-ого».

«Запомнить все эти храпы, пожалуй, труднее, чем выучить таблицу умножения», — подумал Мальш. Как легко спутать все эти «брр-пс-пс», «грр-ах-ах», «грр-о-го», но он постарается изо всех сил не ошибиться.

Карлсон порылся на полках, где лежало бельё, и сгрёб в охапку все кухонные полотенца.

— Этих полотенец не хватит, — заявил он. — Но, к счастью, ещё есть полотенца в ванной.

— Что ты задумал? — допытывался Мальш.

— Мумию! — ответил Карлсон. — Вселяющую ужас, устрашающую, смертоносную мумию. Ещё более опасную, чем капкан.

Мальш толком не знал, что такое мумия, но ему помнилось, что это что-то связанное с египетскими пирамидами. Он знал, что в пирамидах хоронили царей и военачальников, они там лежали, словно задубевшие футляры с пустыми глазницами. Папа как-то раз об этом рассказывал. Царей этих и военачальников бальзамировали, как он сказал, чтобы они сохранились точно такими же, какими были при жизни. И их обматывали потом холстинами, как бинтами, сказал папа. «Но Карлсон вряд ли умеет бальзамировать», — подумал Мальш и спросил с удивлением:

— Как ты будешь делать мумию?

— Запеленаю её в кухонные полотенца как мильенькую... Да ты об этом не заботься, — сказал Карлсон. — Стой на страже и выполняй своё дело, а уж со своим я справлюсь.

И Мальш стал на страже. Он прислушивался к звукам, доносящимся из-за дверей: «Брр-пс-пс», «грр-ах-ах». Вроде всё как надо. Но потом дяде Юлиусу приснился, видимо, кошмар, потому что его храп стал звучать так жалобно: «Грр-мм, грр-мм», вместо протяжного «пс-пс-пс». Мальш подумал, не

надо ли пойти доложить об этом лучшему в мире специалисту по храпу, который орудовал на кухне, но как раз в тот момент, когда он больше всего забеспокоился, что делать, он услышал чьи-то торопливые шаги по лестнице, потом ужасный грохот и поток ругательств. Это явно сработал капкан воров, значит, Филле и Рулле уже здесь, в квартире. Вместе с этим он обнаружил, к великому своему ужасу, что звуки «грр-ах-грр-ах» совсем смолкли. Ой, что же ему делать? В отчаянии он повторил про себя все звуки, которые ему велел запомнить Карлсон, и в конце концов попытался издать какое-то жалкое «гр-о-го» вперемешку с такими же жалкими «грр-ах», но всё это совсем не было похоже на храп.

Он снова попытался:

— Грр-ах, грр-ах...

— Заткнись! — донеслось до него откуда-то со стороны капкана, и в темноте он постепенно разглядел очертания чего-то маленького и толстого, что барахталось в натянутых верёвках и отчаянно пыталось выбраться. Это был Карлсон.

Мальпи подбежал к нему и, приподняв стулья, помог ему встать. Но Карлсон не сказал ему спасибо. Он был зол как чёрт.

— Это ты виноват, — пробурчал он. — Ведь я велел тебе принести полотенце из ванной!

На самом-то деле он оставил Мальпи на страже, а сам побежал в ванную, совсем забыв, бедняга, что у него на дороге стоит капкан для воров. Но при чём тут Мальпи?

Впрочем, у них не оказалось времени выяснять, кто виноват в случившемся, потому что они оба услышали, как фрекен Бок нажимает ручку своей двери. Нельзя было терять ни секунды.

— Исчезни! — зашептал Мальпи.

Карлсон помчался на кухню, а сам Мальпи скрылся в своей комнате и кинулся на кровать.

Всё это он успел проделать в самый последний момент. Он натянул одеяло на голову и робко попробовал издать негромкий храп «грр-ах», но у него снова не получилось, и он лежал молча и слышал, как фрекен Бок вошла к нему в комнату и подошла к его кровати. Он осторожно чуть приоткрыл глаза и увидел, что она стоит над ним в ночной рубашке,

белевшей в темноте, стоит и так пристально вглядывается, что у него всё тело начинает зудеть.

— Только не делай вид, что ты спишь,— сказала фрекен Бок, но голос её был не злым.— Тебя тоже разбудил раскат грома?

— Да... наверное...

Фрекен Бок с удовлетворением кивнула.

— Я весь день чувствовала, что ночью разразится гроза. Было так душно, так парило! Но ты не бойся,— сказала она и погладила Мальшша по голове.— Пусть себе грохочет, в городе это совсем не опасно.

Потом она вышла. Мальшш долго лежал в кровати, не смея пошевелинуться. Но в конце концов он всё же тихонько встал. Его очень тревожило, что с Карлсоном, и он неслышно прокрался на кухню.

Первое, что он там увидел, была мумия.

И какая мумия! Она сидела на табуретке, а рядом стоял Карлсон, гордый как лев, и освещал её карманным фонариком, который нашёл в стенном шкафу.

— Разве она не хороша?— спросил он.

«Она»—значит, это мумия не царя, а царицы!»—подумал Мальшш. Круглая, толстая царица, потому что поверх кухонных полотенец Карлсон обмотал её всеми мохнатыми полотенцами, которые нашёл в ванной. Голова её была скручена из салфеток и тоже обмотана полотенцем, в котором он прорезал большие глаза и обвёл их чёрным ободком. Но главное, у мумии были зубы. Настоящие зубы—зубы дяди Юлиуса. Он засунул их в бахрому салфеток, а для верности прикрепил ещё с обоих концов пластырем. Наводящая ужас, устрашающая, смертоносная мумия! При виде её Мальшш содрогнулся.

— Почему на ней пластырь?— спросил он.

— Она брилась,—объяснил Карлсон и похлопал мумию по щеке.—Гей-гоп, она так похожа на мою маму, что я думаю назвать её «Мамочка».

И он схватил мумию в охапку и понёс в прихожую.

— Как приятно будет Филле и Рулле встретиться с Мамочкой!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ НОЧНОЙ ПРОКАЗНИК

И вот наконец в щель почтового ящика кто-то просунул проволоку. Собственно говоря, Мальш и Карлсон этого не увидели, потому что в тамбуре было темно, хоть глаз выколи, а слышали: раздалось полязгивание и скрежет, так что сомнений быть уже не могло — вот они, долгожданные Филле и Рулле!

Всё это время Мальш и Карлсон просидели на корточках под круглым столиком в прихожей и ждали. Так прошло не меньше часа. Мальш даже задремал. Но он разом проснулся, когда в ящике что-то заскрежетало. Ой, вот сейчас всё начнётся! С него мигом слетел всякий сон, ему было так страшно, что по спине забегали мурашки. Карлсон решил его ободрить.

— Гей-гоп! — прошептал он. — Гей-гоп!

Подумать только, что с помощью простой проволоочки можно так легко сдвинуть «собачку»! Потом дверь осторожно приоткрыли, и кто-то проскользнул в неё, кто-то был здесь, в тамбуре! У Мальша перехватило дыхание — это и в самом деле было невероятно. Послышались шёпот и тихие шаги... И вдруг раздался грохот — о, что за грохот! — и два приглушённых вскрика. И только тогда Карлсон под столом зажёл свой фонарик и тут же его снова потушил, но на краткий миг луч света упал на наводящую ужас, устрашающую, смертоносную мумию, которая стояла, прислонённая к стене, и в зловещей улыбке скалила зубы — зубы дяди Юлиуса. И снова крики, на этот раз более громкие.

Всё дальнейшее произошло как-то одновременно, и Мальш не смог ни в чём разобраться. Он слышал, как распахнулись двери, — это выскочили из своих комнат дядя Юлиус и фрекен Бок, и тут же он слышал чьи-то шаги в тамбуре. Карлсон потянул Мамочку к себе за поводок, который он надел ей на шею, и она с глухим стуком упала на пол. Потом он слышал, как фрекен Бок несколько раз повернула выключатель, чтобы зажечь свет в прихожей, но он не зажигался, потому что Карлсон выкрутил все пробки на предохранительном щитке на кухне. «Проказничать лучше в темно-

те»,—сказал он. И вот фрекен Бок и дядя Юлиус беспомощно стояли, не зная, как осветить прихожую.

— Какая ужасная гроза! — сказала фрекен Бок.— Всё так и грохочет! Неудивительно, что решили выключить электричество.

— Разве это гром? — спросил дядя Юлиус.— А я считал, что это нечто совсем другое.

Но фрекен Бок стала его уверять, что это наверняка гром, она не может ошибиться.

— Да и что бы это ещё могло быть? — спросила она.

— Я думаю, что это опять пришли к нам сказочные существа, нынче ночью у них здесь встреча,— объяснил ей дядя Юлиус.

Собственно говоря, он сказал «шкашопные шущешства», потому что он стал вдруг шепелявить. «Он ведь остался без зубов»,—догадался Мальшш, но тут же об этом забыл. Он мог думать только о Филле и Рулле. Где они? Убежали? Он не слышал, чтобы хлопнула входная дверь. Вероятнее всего, они стоят где-то в тамбуре, притаившись в темноте, может, спрятались за пальто, висящие на вешалке? О, до чего ж страшно! Мальшш придвинулся как можно ближе к Карлсону.

— Спокойствие, только спокойствие,—прошептал Карлсон.— Скоро мы их снова поймаем.

— Да, конечно, што-то их двух,—глубокомысленно сказал дядя Юлиус.— Но шить в доме штало невошмощно!

Потом они оба, дядя Юлиус и фрекен Бок, исчезли, каждый в своей комнате, и снова воцарилась полная тишина. Карлсон и Мальшш сидели под столом и ждали. «Прошла уже целая вечность»,—подумал Мальшш. Снова послышалось «брр-пс-пс» и «брр-аш», сперва прерывисто и слабо, но потом эти звуки настолько окрепли, что стало ясно—дядя Юлиус и фрекен Бок опять погрузились в глубокий сон.

И вот тогда притаившиеся в темноте Филле и Рулле снова двинулись в путь. Слышно было их дыхание. Ужас охватил Мальшша. И тут они зажгли фонарик—да, представьте себе, у них тоже был фонарик,—и луч света запрыгал по прихожей. Края скатерти свисали низко, но всё же Филле и Рулле легко могли обнаружить под столом их троих—его, Карлсона и Мамочку. Мальшш зажмурил глаза, словно он думал, что становится от этого невидимым, и затаил

дыхание. Шёпот Филле и Рулле раздавался совсем рядом.

— Ты тоже видел привидение?— спросил Филле.

— Ещё бы!— подхватил Рулле.— Белый призрак! Он стоял у этой стены, но теперь исчез.

— Ни в одной квартире в Стокгольме нет столько привидений, как здесь, это мы с тобой давно знаем,— сказал Филле.

— Давай смотаемся отсюда, да поскорей,— предложил Рулле.

Но Филле не согласился.

— Ни за что на свете! Ради десяти тысяч я готов сражаться не то что с одним, а с целым десятком привидений, заруби себе это на носу.

Он тихо поднял стулья, к ножкам которых была прикреплена верёвка от капкана, и аккуратно поставил их на прежнее место, чтобы они не валялись под ногами, если придётся отсюда бежать без оглядки. При этом он обругал живущих здесь детей: что за дурацкие шутки!

— Надо быть поосторожней! Я и так весь в синяках и шишках.

И он снова стал шарить лучом фонарика по всем углам.

— Давай поглядим, где что расположено, и начнём искать,— сказал он.

Луч опять забегал по прихожей, и всякий раз, когда он приближался к столу, Мальш жмурился и весь сжимался в комок. Он ужасно отсидел себе ноги, они стали как деревянные, ему казалось, что они не помещаются под столом и вылезают из-под скатерти— Филле и Рулле могут их увидеть.

К тому же он заметил, что Карлсон снова занялся Мамочкой. Свет фонарика убежал от них, под столом было темно, но всё же не настолько, чтобы Мальш не увидел, как Карлсон вытащил Мамочку и поставил спиной к столу. Когда луч карманного фонаря вернулся назад, он упал ей прямо в лицо, осветив её ужасный оскал.

И тогда снова раздался два вопля ужаса, а потом шаги в сторону входной двери.

Тут Карлсон оживился.

— Пошли,— шепнул он Мальшу на ухо и пополз, волоча за собой Мамочку, через всю прихожую и исчез в комнате Мальша.

Мальшш едва поспевал за ним.

— Какие гадкие люди!— сказал Карлсон и притворил дверь.— Не умеют даже отличить мумию от привидения— это, по-моему, просто гадость!

Он осторожно выглянул и стал прислушиваться, стараясь понять, что происходит в тёмной прихожей. Мальшш тоже прислушался: он надеялся, что сейчас хлопнет входная дверь, но этого не случилось. Филле и Рулле были здесь, они тихо шептались:

— Десять тысяч крон! Рулле, не забывай об этом! Учти, никакие привидения меня не остановят!

Они довольно долго перешёптывались. Карлсон весь превратился в слух.

— Пошли в комнату дядюшки,— сказал он.— Гей-гоп! Сейчас позабудемся.

Он схватил Мамочку на руки и уложил её в постель Мальшша.

— Хайсан, хопсан, Мамочка, ну вот, наконец-то ты можешь поспать как человек,— сказал он и подоткнул ей одеяло, как мама подтыкает одеяло, укладывая спать своего ребёночка. Потом шепнул Малышшу:— Погляди, разве она не мила?

Он осветил мумию карманным фонариком и одобритительно похлопал её по щеке.

Потом взял покрывало, которое фрекен Бок сняла с кровати, когда приходила к Мальшшу, и, аккуратно сложив, повесила на спинку стула, и тоже накинул его на Мамочку. «Чтобы она не замёрзла»,— подумал Мальшш и захихикал. Казалось, под всем этим лежит и безмятежно спит толстый мальчишка, потому что Мамочка была прикрыта с головой.

— Привет, Мальшш!— сказал Карлсон.— Теперь, пожалуй, и ты можешь немного поспать.

— Где?— опять удивился Мальшш. К тому же при виде Мамочки у него пропал всякий сон.— Не могу же я лечь в кровать рядом с мумией!

— Нет, но под кровать можешь,— сказал Карлсон и полез первым, перекаtywаясь словно ёжик.

Мальшш— за ним.

— А теперь ты услышишь типичный шпионский храп,— сказал Карлсон.

— Разве шпионы храпят как-то особенно?— снова удивился Мальшш.

— Да, они храпят коварно и хитро, так что можно с ума сойти. Вот так: «Хоооо, дооо, дооо!»

Шпионский храп походил то на клёкот, то на урчание, и звук этот в самом деле наводил ужас, тем более что он становился всё громче. Мальш испугался.

— Тише! А то сюда придут Филле и Рулле.

— Да ведь для этого и нужен шпионский храп,— объяснил Карлсон.

В этот момент кто-то дотронулся до двери и приоткрыл её. В темноту ворвался луч фонарика, и в его свете Мальш увидел Филле и Рулле, которые осторожно, на цыпочках, прокрались в комнату.

Карлсон храпел громко и злоеце. Мальш пришёл от этого в ужас и подумал: «Зря он так. Они нас обнаружат». Правда, покрывало свисало до самого пола, скрывая его и Карлсона от света фонарика и от любопытных глаз. «И всё же он это здорово придумал»,— решил Мальш.

— Хооо, хооо!— пуще прежнего храпел Карлсон.

— Ну, наконец-то мы, кажется, нашли, что искали,— сказал Филле, понизив голос.— Дети так не храпят, это наверняка он. Ты только погляди на этого толстого увальня. Точно, он!

— Хооо!— злобно захрапел Карлсон: ему явно не понравилось, что его называли толстым увальнем,— это было слышно по его храпу.

— У тебя наручники наготове?— спросил Рулле.— На него сразу надо надеть наручники, не то он убежит.

Зашуршало покрывало. А потом Мальш услышал, как Филле и Рулле захрипели, словно им не хватало воздуха, и он понял, что они увидели наводящий ужас оскал мумии, которая покоилась на подушке. Однако они не вскрикнули и не бросились наутёк, а только дышали как-то странно.

— Ах, да это просто кукла...— нерешительно сказал Филле.

— Но тогда объясни,— сказал Рулле,— как эта кукла сюда попала! Она ведь только что была в прихожей или это другая?

— Да, странно,— согласился Филле.— А кто же храпит?

Но этого Филле так и не удалось выяснить, потому что послышались приближающиеся шаги. Мальш сразу узнал тяжёлую поступь фрекен Бок и разволно-

вался. Что сейчас будет! Какой поднимется крик! Пострашнее грома!

Но ничего ужасного не произошло.

— Быстрее в дегароб!—прошептал Филле.

Мальш и оглянуться не успел, как оба жулика оказались в его гардеробе.

Тут Карлсон снова оживился. Перекатываясь как ёжик, он двинулся к гардеробу и запер его на ключ. Потом он так же ловко и быстро приполз назад под кровать. И в ту же секунду в комнату вошла фрекен Бок, сама похожая на привидение в белой рубашке и со свечой в руке.

— Это ты, Мальш, рыскал только что по моей комнате и освещал все углы фонариком?—строго сказала она.

— Нет, не я,—ответил Мальш прежде, чем успел сообразить, что он делает.

— А тогда почему ты не спишь?—с недоверием спросила фрекен Бок и добавила:— Почему ты накрылся с головой? Я тебя плохо слышу.

Она резко откинула покрывало, думая, что Мальш натянул его себе на голову. И тут раздался ужасный вопль. «Бедная фрекен Бок, она ведь ещё не привыкла, как Филле и Рулле, видеть вселяющие ужас, смертоносные мумии»,—подумал Мальш. Он понимал, что настало время выползти из-под кровати. Всё равно она его найдёт, а кроме того, нужна её помощь, чтобы как-то справиться с Филле и Рулле. Не могли же они оставаться в гардеробе!

И Мальш выполз.

— Не пугайтесь,—начал он робко.—Мамочка—существо не опасное, но вот у меня в гардеробе заперты два вора.

Фрекен Бок ещё не пришла в себя после встречи с Мамочкой, но когда Мальш сказал, что в гардеробе сидят два вора, она просто разозлилась.

— Что ты несёшь! Какие глупости! Воры в гардеробе! Не болтай, пожалуйста!

Но для верности она всё же подошла к дверце гардероба и крикнула:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, и она ещё больше разозлилась.

— Отвечайте! Здесь есть кто-нибудь? Если никого нет, то ведь можно это сказать.

Но тут она услышала легкий шорох в недрах гардероба и поняла, что Мальшш сказал правду.

— Смелый мальчик!—воскликнула она.—Такой маленький, а сумел справиться с двумя взрослыми ворами! Герой!

Кровать закрипела, и из-под неё вылез Карлсон.

— Это вовсе не он,—сказал Карлсон,—это я всё сделал!

Он кинул сердитый взгляд на фрекен Бок и на Мальшша.

— Спасибо мне, что я такой смелый и хороший во всех отношениях,—сказал он.—И такой умный, и красивый, а вовсе не толстый увалень, вот!

Фрекен Бок чуть с ума не сошла, когда увидела Карлсона.

— Ты... ты!...—закричала она, но тут же спохватилась, что сейчас не время и не место ругать Карлсона за блины, потому что надо было подумать о серьёзных вещах.—Сбегай скорее, разбуди дядю Юлиуса, и мы будем звонить в полицию... Ой, я раздета... пойду накину халат,—сказала она, бросив стыдливый взгляд на свою ночную рубашку.

И она торопливо вышла. Мальшш побежал будить дядю Юлиуса. Но прежде взял у Мамочки челюсти. Он понимал, что теперь они нужнее самому дяде Юлиусу.

В спальне мерно звучало «грр-пс-пс». Дядя Юлиус спал, как ребёнок.

Начинало светать. В ещё совсем густых сумерках Мальшш с трудом разглядел на тумбочке стакан с водой. Он опустил туда челюсти, послышался тихий плеск. Рядом со стаканом лежали очки дяди Юлиуса и кулёк с карамельками. Мальшш взял кулёк и сунул его в карман пижамы, чтобы отдать Карлсону. Дяде Юлиусу было ни к чему его видеть, а то начнёт ещё допытываться, как он сюда попал.

У Мальшша возникло смутное ощущение, что на тумбочке должно ещё что-то лежать. Ах да, конечно, часы дяди Юлиуса и его бумажник. Ни часов, ни бумажника на месте не было. Но Мальшш не обратил на это особого внимания. Ему по учили разбудить дядю Юлиуса, и он приступил к делу.

Дядя Юлиус разом проснулся.

— Что ещё случилось?..

Первым делом он схватился за зубы и надел их и только тогда сказал:

— Странно, скоро я вернусь домой, в свой Вестергетланд, там можно спать по шестнадцать часов в сутки, а здесь, здесь ночная жизнь...

«Что ж, он, пожалуй, прав»,— подумал Мальш и стал ему объяснять, почему он должен немедленно встать.

Дядя Юлиус торопливо направился в комнату Мальша, Мальш бежал за ним следом, фрекен Бок, накинув халат, тоже поспешила туда, и все они столкнулись в дверях.

— О, дорогой господин Иенсен, представляете себе, воры!— причитала фрекен Бок.

Мальш сразу заметил, что Карлсона в комнате нет, а окно распахнуто. «Должно быть, он улетел домой. Это хорошо, очень хорошо! Просто счастье, потому что незачем ему встречаться ни с Филле и Рулле, ни с полицией. Это так хорошо, что даже как-то не верится»,— подумал Мальш.

— Они заперты в гардеробе,— объяснила фрекен Бок и засмеялась испуганно и радостно.

Но дядя Юлиус указал на кровать Мальша, где по-прежнему лежала укрытая с головой мумия, и сказал:

— Давайте сперва разбудим Мальша!

И тут же в полной растерянности перевёл взгляд на Мальша, который стоял рядом с ним.

— Раз он уже встал, как я вижу,— забормотал дядя Юлиус,— то кто же это спит в его кровати?

Фрекен Бок содрогнулась. Она уже знала, кто, вернее, что лежит в кровати. Это было, пожалуй, даже почище воров.

— Нечто страшное,— сказала она.— Вы себе и представить не можете, до чего страшное! Нечто прямо из мира сказок.

Глаза дяди Юлиуса засияли. Он совершенно не испугался, нет, куда там, он дружески похлопал это «нечто страшное», что покоилось под одеялом.

— Нечто страшное, толстое, нечто из мира сказок. Сказочное чудовище! Нет, это я должен сейчас же увидеть, а ворами займемся потом.

И он быстрым движением откинул покрывало.

— Хи-хи!— пропищал Карлсон и, сияя, приподнялся на кровати.— Как хорошо, что ты нашёл здесь не сказочное чудовище, а всего-навсего меня! Вот радость-то, верно?

Фрекен Бок с горьким упрёком поглядела на Карлсона.

— И ночью это он нас дурачил?— спросил дядя Юлиус с обиженным видом.

— Наверно. Я ему голову оторву, когда у меня будет время,— сказала фрекен Бок. Потом она что-то вспомнила и испуганно дотронулась до руки дяди Юлиуса:— Дорогой господин Иенсен, нам ведь надо звонить в полицию.

Но тут дело приняло вдруг совсем неожиданный оборот.

Из гардероба раздался низкий голос:

— Откройте именем закона! Мы из полиции.

Фрекен Бок, дядя Юлиус и Малыш совсем растерялись. Один только Карлсон не был ничуть удивлён, зато очень разозлился.

— Из полиции?.. Это вы рассказываете кому-нибудь другому, жалкие воришки!

Но тут Филле закричал из гардероба, что они заплатят большой штраф за то, что задержали полицейских, которые пришли сюда, чтобы поймать опасного шпиона... «Как хитро они всё повернули»,— подумал Малыш.

— Откройте, пожалуйста, поскорее шкаф, и всё будет в порядке!— крикнул Филле.

Дядя Юлиус поверил и выпустил их. Филле и Рулле вышли из гардероба, но у них был такой подозрительный вид, что дядя Юлиус и фрекен Бок по-настоящему испугались.

— Из полиции?— с сомнением в голосе переспросил дядя Юлиус.— А почему вы не в форме?

— Потому что мы секретные сотрудники тайной полиции,— сказал Рулле.— И мы пришли сюда, чтобы его забрать,— добавил Филле и схватил Карлсона.— Это очень опасный шпион.

Но тут фрекен Бок разразилась гомерическим смехом.

— Шпион! Это — шпион! Ха-ха-ха! Ну и потеха! Этот противный мальчишка — школьный товарищ Малыша.

Карлсон соскочил с кровати.

— И я первый ученик в классе!— горячо подхватил он.— Первый ученик, потому что умею шевелить ушами, ну и складывать я тоже умею.

Но Филле ему не поверил. Он вытащил наручники

и медленно двинулся прямо на Карлсона. Когда он подошёл уже совсем близко, Карлсон засеменил ему навстречу на своих маленьких толстых ножках. Филле пробормотал что-то сердитое и стал от нетерпения прыгать на одной ноге.

— Смотри, ещё синяк будет,—предостерёг его Карлсон, а Мальпи подумал, что у воров всегда бывают синяки. Дело в том, что левый глаз у Филле заплыл и был совсем синий.

«Что ж, это по заслугам»,—решил Мальпи. Ведь он ворвался к ним в дом и хотел теперь увезти Карлсона, его Карлсона, чтобы продать за десять тысяч крон. Гадкие воры, пусть у них будет побольше синяков!

— Они не полицейские, это ложь,—сказал он.— Они воры, я их знаю.

Дядя Юлиус задумчиво почесал затылок.

— Вот это нам и надо выяснить,—сказал он.

Он предложил всем вместе посидеть в столовой, пока не будет выяснено, кто они—полицейские или воры.

Тем временем стало почти светло. Звёзды на небе погасли—это было видно из окна. Начинаясь новый день, и Мальпиу ничего так не хотелось, как лечь наконец в постель и заснуть, а не сидеть и слушать, как Филле и Рулле рассказывают всякие небылицы.

— Неужели вы не читали в газете, что у нас в Вазастане появился летающий шпион?—спросил Рулле и вынул из кармана сложенную газету.

Но у дяди Юлиуса эта заметка вызывала сомнение.

— Нельзя верить всей чепухе, которую пишут в газетах,—сказал он.— Хотя я готов ещё раз это перечитать. Подождите, я только схожу за очками.

Он ушёл к себе, но тут же прибежал назад в страшном гневе.

— Ничего себе полицейские!—кричал он.— Украли у меня бумажник и часы! Извольте немедленно отдать мне эти вещи!

Но тут Филле и Рулле в свою очередь страшно рассердились.

— Опасно,—заявил Рулле,—обвинять полицейских в том, что они украли часы и бумажник.

— Это называется клевета. Разве вы не знаете?—спросил Филле.— А за клевету на полицию недолго и в тюрьму попасть. Может, вы и этого не знаете?

Вдруг Карлсон изменился в лице и закричал точно так же, как дядя Юлиус, которого он оттолкнул. Видно было, что его просто распирает от злобы.

— А мой кулёк с карамельками?— вопил он.— Кто его взял?

Филле грозно поглядел на него.

— Ты что, в этом нас обвиняешь?

— Нет, я не сошёл с ума,— сказал Карлсон.— Клевета—это серьёзно. Но одно я могу сказать: если вы взяли кулёк и сейчас же не отдадите его назад, то ты сейчас получишь такой же фонарь на другом глазу.

Мальчиш поспешно вытащил из своего кармана кулёк.

— Вот твои конфеты,— сказал он, протягивая кулёк Карлсону.— Я его взял, чтобы передать тебе.

Тогда в разговор вмешался Филле:

— Всё понятно! Хотите на нас спихнуть свою вину. Не выйдет!

Фрекен Бок всё это время сидела молча, но тут и ей захотелось высказаться.

— Кто украл часы и бумажник, мне ясно. Он только и делает, что ворует то булочки, то блины—вообще всё, что ему попадает под руку.

Она указала на Карлсона, а он словно взбесился.

— Эй, ты, послушай!—орал он.— Это же клевета, а за клевету отвечают, разве ты этого не знаешь?

Но фрекен Бок отвернулась от Карлсона. Ей надо было серьёзно поговорить с дядей Юлиусом. По её мнению, вполне вероятно, что эти вот господа из тайной полиции. Поэтому у них такой странный вид и они так плохо одеты. Фрекен Бок всерьёз думала, что все воры ходят в лохмотьях, она ведь никогда не видела настоящего взломщика.

Филле и Рулле сразу повеселели. Филле сказал, что он с первой же минуты понял, какая эта дама умная и замечательная, и просто счастлив, что ему довелось с ней познакомиться. И он несколько раз обращался к дяде Юлиусу за поддержкой.

— Не правда ли, она удивительная, редкая? Неужели вы так не думаете?

Неизвестно, что раньше думал по этому поводу дядя Юлиус, но теперь он просто был вынужден соглашаться, а фрекен Бок от всех этих комплиментов опускала глаза и краснела.

— Да, она такая же редкая, как гремучая змея,— проворчал Карлсон.

Он сидел в углу рядом с Мальшом и так энергично пожирал карамельки, что хруст был слышен во всей комнате. Когда же кулёк оказался пустым, он вскочил и стал прыгать по комнате. Казалось, он просто играет, но с помощью этих нелепых прыжков он постепенно добрался до стульев, на которых сидели Филле и Рулле.

— Такую редкую женщину, как вы, хочется вновь увидеть,— не унимался Филле, а фрекен Бок ещё больше залилась краской и ещё больше потупила глаза.

— Да, конечно, конечно, фрекен Бок— женщина редкая,— согласился дядя Юлиус,— но мне всё же хотелось бы знать, кто взял мои часы и бумажник.

Филле и Рулле, казалось, не слышали, что он сказал. Филле был так увлечён фрекен Бок, что всё остальное для него уже не существовало.

— И выглядит она привлекательно, не правда ли, Рулле?— сказал он тихо, но так, чтобы фрекен Бок это

тоже услышала.— Красивые глаза... и такой прелестный носик, погляди, такой носик хорош в любую погоду, правда, Рулле?

Тут фрекен Бок подпрыгнула на своём стуле, и глаза у неё прямо на лоб полезли.

— Что?— выкрикнула она.— Что вы сказали?

Филле растерялся.

— Да я только сказал...— залепетал он, по фрекен Бок не дала ему договорить.

— Это вот Филипп, я уверена,— сказала она и вдруг стала, как показалось Мальшцу, похожа на Мамочку.

Филле был поражён.

— Откуда вы знаете? Вы что, слышали обо мне?

Фрекен Бок кивнула с горькой усмешкой.

— Вы спрашиваете, слышала ли я о вас? О да, не сомневайтесь! А его небось зовут Рудольф, да?— добавила она и показала на Рулле.

— Да. Но откуда вы это знаете? Может, у нас общие знакомые?— спросил Филле, так и сияя от удовольствия.

Фрекен Бок снова кивнула с горькой усмешкой.

— Да, пожалуй, есть. Фрекен Фрида Бок, с Фрейгaten. Вы, кажется, её знаете? У неё тоже прелестный носик, который хорош в любую погоду, точь-в-точь как у меня, да?

Филле, видно, был не в восторге от сравнения носов, потому что сиять он тут же перестал. Более того, ему явно захотелось поскорее смотаться, и Рулле, видно, тоже не собирался засиживаться. Но за их спиной стоял Карлсон. Неожиданно раздался выстрел, Филле и Рулле подскочили на месте от испуга.

— Не стреляй!— крикнул Филле, потому что Карлсон ткнул ему в спину указательным пальцем, а он подумал, что это дуло пистолета.

— Выкладывайте бумажник и часы!— скомандовал Карлсон.— А не то буду стрелять.

Филле и Рулле стали нервно рыться в своих карманах, и в мгновение ока часы и бумажник оказались на коленях дяди Юлиуса.

— Вот гадёныш!— крикнул Филле, и с быстротой молнии он и Рулле выскочили в прихожую. Никто их не остановил, они хлопнули дверью и скрылись.

Первая опомнилась фрекен Бок и выбежала вслед

за ними. Она стояла на площадке и кричала вдогонку, пока они неслись вниз по лестнице:

— Фрида про всё это узнает, уж поверь! Вот она обрадуется!

Она даже перепрыгнула через несколько ступенек, словно собиралась догнать их, но потом всё же остановилась и только крикнула вслед:

— И не вздумайте появляться у нас на Фрейгатен, не то прольётся кровь. Слышите, что я говорю?... Кровь...

КАРЛСОН ОТКРЫВАЕТ ДЯДЕ ЮЛИУСУ МИР СКАЗОК

После ночи с Филле и Рулле Карлсон стал задаваться ещё больше, чем прежде.

«Вот лучший в мире Карлсон!» — этот крик будил Мальшша каждое утро. И в комнату влетал Карлсон. И каждое утро он прежде всего вырывал из горшка косточку персика, чтобы посмотреть, насколько она выросла, а потом всегда направлялся к старому зеркалу, которое висело над столом Мальшша. Это было небольшое зеркало, но Карлсон долго летал вокруг него, чтобы как можно лучше себя разглядеть. Приходилось это делать по частям — целиком его отражение в нём не умещалось.

Пока он летал, он тихо мурлыкал себе под нос песенку, и в этой песенке воспевал самого себя и всё, что с ним случилось. «Лучший в мире Карлсон... хи-ти-ти-хи... стоит десять тысяч крон... И ещё он поймал воров и стрелял из пистолета... Какое интересное зеркало... В нём целиком не виден лучший в мире Карлсон... Но то, что видно, красиво... хи-ти-ти-хи... И в меру упитанный, да, да... И хороший во всех отношениях...»

Мальшш был с этим согласен. Он тоже считал, что Карлсон хороший во всех отношениях. И самое удивительное было то, что постепенно дядя Юлиус тоже по-настоящему к нему привязался. Ведь это Карлсон вернул ему часы и бумажник. Такое дядя Юлиус скоро забыть не может. Фрекен Бок, напротив, всегда на него сердилась, но на это Карлсон не

обращал внимания, лишь бы ему вовремя давали еду, а её она давала.

«Если меня не кормят, я уже не я» — так он однажды выразился.

Фрекен Бок мечтала, чтобы Карлсон не проводил у них время, но тщетно, потому что Мальш и дядя Юлиус были на его стороне. Фрекен Бок всегда ворчала, если он появлялся как раз в тот момент, когда надо садиться за стол, но сделать она ничего не могла, и Карлсон ел вместе со всеми.

После ночных приключений с Филле и Рулле он прилетал регулярно, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Карлсон, видно, немного устал от всех проказ той ночи, потому что на следующий день появился только к обеду. Он влетел в комнату Мальш и сразу стал принохиваться, чем это пахнет на кухне.

Мальш тоже долго спал в тот день (Бимбо он взял с собой в постель) — оказывается, после целой ночи возни с ворами нужно отдохнуть — и проснулся только незадолго перед тем, как прилетел Карлсон. Вернее, он проснулся не сам, а его разбудил какой-то странный, необычный звук, который доносился из кухни. Фрекен Бок ходила взад-вперёд и пела. Пела громко. Прежде Мальш никогда ещё не заставлял её за этим занятием и надеялся, что она и сейчас перестанет, потому что это было ужасно. По какой-то непонятной причине она была сегодня в отличном настроении. Утром она успела съездить домой, к Фриде, может, именно это её так взбодрило, что она распевала во весь голос. «Ах, Фрида, это было бы для тебя лучше!..» — пела она, но что именно было бы лучше для Фриды, Мальшу так и не удалось узнать, потому что Карлсон влетел к ней на кухню и закричал:

— Замолчи! Замолчи! Когда ты так орёшь, люди могут подумать, что я тебя бью.

Фрекен Бок умолкла и стала угрюмо жарить эскалопы, а когда пришёл дядя Юлиус, все сели за круглый стол обедать. «Все сидят вместе и обсуждают события этой ночи, и всем очень уютно», — подумал Мальш. Карлсон тоже был доволен обедом и всю расхваливал фрекен Бок.

— Сегодня тебе удалось по ошибке прекрасно приготовить эскалопы, — сказал он, чтобы её обод-
рить.

На это фрекен Бок ничего не ответила. Она только несколько раз вздохнула и плотно сжала губы.

Шоколадный пудинг, разлитый в маленькие формочки, Карлсон тоже одобрил. Он проглотил всю свою порцию прежде, чем Мальш успел съесть ложечку от своего, и сказал:

— Да, пудинг хорош, спору нет, но я знаю, что в два раза вкуснее.

— Что?—заинтересовался Мальш.

— Два таких пудинга,—объяснил Карлсон и взял себе новую порцию. А это значило, что фрекен Бок останется без сладкого, потому что она сделала только четыре порции.

Карлсон заметил, что у неё недовольный вид, и поднял пухлый указательный пальчик.

— Пойми, здесь за столом есть толстяки, которым необходимо худеть. И заметь, их не меньше двух. Имён называть не буду, но уж во всяком случае это не я и не этот вот худышка,—сказал он и ткнул пальцем в Мальша.

Фрекен Бок ещё плотнее сжала губы и не вымолвила ни слова. Мальш тревожно посмотрел на дядю Юлиуса, но, казалось, он ничего не слышал. Он всё ворчал. Какая в городе плохая полиция! Он звонил в участок и сообщил о происшествии, но его слова не вызвали никакого интереса. У них за ночь случилось еще 313 краж, сказали они, которыми необходимо заняться. Они только поинтересовались, что же всё-таки пропало.

— Тогда я им объяснил,—в который раз повторял свой рассказ дядя Юлиус,—что благодаря одному смелому и умному мальчику грабителям пришлось уйти домой с пустыми руками.

И дядя Юлиус с восторгом посмотрел на Карлсона, который приосанился, как петух, и бросил на фрекен Бок торжествующий взгляд.

— Ну, что скажешь? Лучший в мире Карлсон пугает воров пистолетом!—воскликнул он.

Дядя Юлиус, по правде сказать, тоже испугался этого пистолета. Он явно был очень рад и благодарен, что получил назад свои вещи, но всё же не считал, что мальчики должны ходить с огнестрельным оружием, и когда Филле и Рулле удрали, Мальшу очень долго пришлось объяснять, что это игрушка. Дядя Юлиус никак не мог в это поверить.

После обеда дядя Юлиус отправился в гостиную, чтобы взять сигару. Фрекен Бок стала убирать со стола и мыть посуду, и даже Карлсон не смог ей испортить настроение, потому что она снова начала напевать: «Ах, Фрида, для тебя это лучше!..» Но тут она вдруг обнаружила, что нет ни одного полотенца, и снова рассердилась.

— Ума не приложу, куда делись все полотенца,— сказала она и в растерянности оглядела кухню.

— Вот он, лучший в мире отыскатель полотенец!— воскликнул Карлсон, тыча себя в грудь.— Ты бы попросила его как надо, чтобы он приложил свой ум, но ты ведь не умеешь ласково!

Карлсон сбегал в комнату Мальшша и вернулся с такой огромной охапкой полотенец, что его самого не было видно. Но все эти полотенца были грязные и мятые, и фрекен Бок рассердилась ещё больше.

— Где это ты так извозил все полотенца?!— закричала она.

— Они побывали в мире сказок,— заявил Карлсон.

Шли дни. Мальшш получил открытку от мамы и папы. Путешествие было прекрасным, писали они, и они надеются, что Мальшш тоже весело проводит время и что он хорошо ладит с дядей Юлиусом и фрекен Бок.

О Карлсоне, который живёт на крыше, там не было ни слова, и Карлсона это сильно обидело.

— Я бы сам написал им открытку, но у меня нет пяти эре на марку,— сказал он.— «Хотя вам и не интересно, хорошо ли я лажу с домоучительницей,— написал бы я им,— хочу вам сообщить, что хорошо, потому что я стрелял из пистолета, и прогнал воров, и нашёл все полотенца, которые потеряла домоучительница».

Мальшш был счастлив, что у Карлсона нет пяти эре, чтобы купить почтовую марку. Он понимал, что мама и папа не должны получать такой открытки.

Мальшш уже давно открыл свою копилку и отдал Карлсону всё, что там было, но все эти деньги он успел истратить и теперь злился.

— Что за глупость,— ворчал Карлсон,— я стою десять тысяч крон, а у меня нет даже монетки, чтобы

купить почтовую марку! Как ты думаешь, дядя Юлиус не согласится купить мои большие пальцы на ногах?

Мальш считал, что никогда не согласится.

— А может, всё же согласится? Он ведь от меня в таком восторге,— не унимался Карлсон.

Но Мальш упорно стоял на своём. Карлсон разозлился и улетел в свой домик на крыше и прилетел назад только тогда, когда Мальш дважды ему просигналил «прилетай скорей!», потому что пора было садиться за стол.

«Мама и папа, видно, волнуются, как дядя Юлиус уживётся с фрекен Бок, раз они об этом специально пишут,— думал Мальш,— но они напрасно беспокоятся. Дядя Юлиус и фрекен Бок в прекрасных отношениях». И с каждым днём, Мальш это замечал, они всё охотнее разговаривали друг с другом. Они часто подолгу засиживались в гостиной, и дядя Юлиус всё что-то говорил про мир сказок, а фрекен Бок отвечала ему так мило и ласково, что Мальш её просто не узнавал.

В конце концов у Карлсона даже возникли какие-то подозрения. С того самого дня, как фрекен Бок стала закрывать дверь в гостиную. Дело в том, что этой раздвижной дверью у Свантесонов никогда не пользовались, а гостиную от прихожей отделяли только занавески. Но вот теперь, когда фрекен Бок и дядя Юлиус по вечерам пили кофе в гостиной, фрекен Бок вдруг стала закрывать эту дверь. А если в комнату забегал Карлсон, дядя Юлиус отсылал его, говоря, что дети должны играть в другом месте, а они хотят спокойно, в тишине выпить кофе.

— Я тоже хочу кофе,— возмущался Карлсон,— налейте мне поскорее кофе и угостите сигарой, я посижу здесь с вами!

Но дядя Юлиус живо выставлял его за дверь, а фрекен Бок смеялась от удовольствия. Наконец-то перевес был на её стороне.

— Я этого больше не потерплю!— сказал как-то Карлсон.— Я их проучу.

На следующее утро, когда дядя Юлиус был у доктора, а фрекен Бок пошла на рынок за салакой, Карлсон влетел к нему в комнату с большой дрелью в руке. Мальш видел эту дрель и раньше: она висела на стене в домике на крыше, и теперь Мальшу не терпелось узнать, зачем Карлсон притащил её сюда. Но в этот момент что-то опустили в почтовый ящик, и

Мальши кинулся в прихожую за почтой. Пришли две открытки, одна от Боссе, другая от Бетан. Мальши был так рад этим открыткам и столько раз их читал и перечитывал, что когда он с этим покончил, оказалось, что Карлсон тоже покончил со своим делом: он просверлил большую дырку в дверях гостиной.

— Что ты натворил, Карлсон!— крикнул он в испуге.— Разве можно сверлить дырки в дверях?.. Зачем ты это сделал?

— Как зачем? Чтобы поглядеть, что они там делают!— ответил Карлсон.

— Как тебе только не стыдно! Мама говорит, что гадко подглядывать в замочную скважину.

— Твоя мама очень умная. Она совершенно права. Замочная скважина существует для ключа, а не для глаз. Но это ведь не замочная скважина, а глазок. Глазок делают для глаз, это ясно уже по самому слову. Что ты можешь мне возразить?

Мальши не нашёл ответа.

А Карлсон тем временем вынул изо рта кусочек жвачки и заткнул ею глазок, чтобы он не был виден.

— Гей-гоп!— воскликнул он.— Мы что-то давно не веселились, зато сегодня вечер не будет скучным, я ручаюсь.

И Карлсон взял дрель и собрался улетать.

— У меня ещё есть одно дело,— объяснил он.— Но к салаке я успею вернуться.

— А что за дело у тебя?— спросил Мальши.

— Да одно небольшое дельце, хоть денег на марку раздобуду,— сказал Карлсон. И улетел.

Но как только стали копить салаку, Карлсон вернулся, и весь день он был в превосходном настроении. Он вынул из кармана пятиэровую монетку и протянул её фрекен Бок.

— Это тебе в виде небольшого поощрения,— сказал он.— Купи себе какую-нибудь безделушку: бусы или ещё что!

Фрекен Бок возмущённо отшвырнула монетку.

— Я тебе покажу безделушку!— закричала она, но тут появился дядя Юлиус, и фрекен Бок сразу же расхотелось шуметь.

— Смотри, какая она становится шёлковая, как только приходит любитель мира сказок!— шепнул Карлсон Мальшу.

А фрекен Бок и дядя Юлиус отправились в гостиную, чтобы, как обычно, выпить кофе с глазу на глаз.

— Теперь мы посмотрим, что они там делают,— заявил Карлсон.— Я сделал последнюю попытку мирно с ней поладить, но она объявила мне войну. Что ж, придётся снова заняться её низведением и курощением. Пусть не ждёт от меня пощады!

К великому изумлению Мальшша, Карлсон вынул из нагрудного кармана сигару. Он зажёл спичку, закурил и постучал в дверь гостиной. Никто не сказал «Войдите», но он вошёл без всякой церемонии, дымя сигарой.

— Простите, это, кажется, курительная комната,— важно сказал он.— Значит, я могу здесь выкурить сигару.

Дядя Юлиус рассвирепел. Он вырвал у него сигару, разломал её пополам и заявил, что если он ещё хоть раз увидит, что Карлсон курит, он задаст ему такую трёпку, что тот вовек не забудет. И играть с Мальшшом ему он тоже больше не позволит.

Карлсон обиженно выпятил нижнюю губу, глаза его наполнились слезами, и он с досады слегка лягнул дядю Юлиуса ногой.

— А мы все эти дни так хорошо с тобой ладили, противный дядька Юлиус!— буркнул он и так посмотрел на обидчика, что было ясно, какого он о нём мнения.

Но дядя Юлиус в два счёта выставил его за дверь, плотно задвинул её и закрыл на замок. В первый раз.

— Сам видишь, без курощения здесь никак не обойтись,— сказал Карлсон Мальшшу.

Он снова забарабанил в дверь кулаком и крикнул:

— Надеюсь, ты всё же угостишь меня хорошей сигарой!

Потом Карлсон сунул руки в карманы и начал чем-то греметь. Похоже, что это были монетки. Да, в самом деле, его карманы были битком набиты пятизловыми монетками.

— Вот повезло, стал богатым,— сказал он.

Мальшш забеспокоился.

— Откуда у тебя столько денег?

Карлсон в ответ таинственно подмигнул.

— Это ты узнаешь только завтра,— сказал он.

Мальшш ещё больше встревожился. Ведь Карлсон куда-то улетал, вдруг он стащил эти деньги! Но это же

не лучше, чем то, что делают Филле и Рулле, да, это ничуть не лучше, чем сложение яблок, в котором он, как сам хвастался, силён. Мальш разволновался не на шутку. Но думать об этом ему уже времени не было, потому что Карлсон тихонько, осторожно вынул жвачку их глазка.

— Вот, сами виноваты,— сказал он и припал одним глазом к просверлённой дырке. Но он тут же отпрянул, словно увидел что-то ужасное.— Какое безобразие!— возмутился Карлсон.

— Что они делают?— Мальш был заинтересован.

— Я тоже хотел бы это знать, но они исчезли.

Дядя Юлиус и фрекен Бок обычно сидели на маленьком диванчике, который прекрасно было видно в глазок. Там их и застал Карлсон, когда ворвался к ним с сигарой. Но сейчас их там не было. Мальш смог сам в этом убедиться, поглядев в глазок. Видно, они пересели на диван у окна, и это, по мнению Карлсона, было просто подло и даже коварно с их стороны. Те люди, у которых есть хоть капля совести, уверял Карлсон, всегда садятся так, чтобы их было видно в замочную скважину или в глазок.

Бедняга Карлсон! Он опустился на стул в прихожей и безутешно уставился в одну точку. На этот раз он явно проиграл. Его блестящая идея с глазком оказалась бессмысленной; это был тяжёлый удар.

— Пошли,— сказал он наконец.— Пойдём поищем у тебя, может, найдём среди твоего барахла какой-нибудь инструмент для курощения.

Карлсон долго шарил в ящиках Мальша, но никак не мог напасть на то, что искал. Но вдруг он свистнул от восторга и вытащил длинную стеклянную трубочку, через которую Мальш стрелял горошинами.

— Прекрасный инструмент для курощения!— завопил Карлсон.— Теперь найти бы ещё какой-нибудь предмет, и порядок!

И он нашёл ещё предмет, отличный предмет — воздушный шар, который можно было надуть до огромных размеров.

— Гей-гоп!..— воскликнул Карлсон, и его пухлые ручки дрожали от нетерпения, когда он привязывал шарик к трубочке. Потом он приложил трубку ко рту, надул шар и закудаhtал от радости, когда увидел, что лицо, нарисованное чёрной краской на жёлтом шаре, постепенно раздувается до невероятных размеров.

— С этим можно изображать старика,— сказал Мальш.

— Да, с этим можно изображать всё, что угодно,— уверил его Карлсон и снова выпустил воздух из шарика.— Главное, что с ним прекрасно можно курочить.

И дело пошло на лад. Пошло просто замечательно, хотя Мальш так хохотал, что чуть всё не испортил.

— Гей-гоп,— прошептал Карлсон и осторожно просунул воздушный шарик на стеклянной трубочке через глазок. Потом он стал дуть что было сил в трубку, а Мальш стоял рядом и давился от смеха. Он представил себе, как дядя Юлиус и фрекен Бок сидят на диване у окна и вдруг видят, как у них на глазах в полутьме сумрака возникает и растёт круглое, как пузырь, похожее на луну лицо старика. Мальш понимал, какое жуткое впечатление это должно произвести.

— Надо повить, как привидение,— сказал Карлсон.— Подуй пока ты, чтобы шарик не спустил!

И Мальш стал дуть, а Карлсон — стонать и вздыхать, не жалея сил. Видно, те двое, что сидели запершись в гостиной, услышали эти стоны и увидели лунного старика, во всяком случае, вдруг раздался крик, которого Карлсон ждал.

— Они кричат,— радостно отметил Карлсон и тут же добавил:— Теперь главное — не останавливаться на достигнутом.

И он снова стал выпускать воздух из шарика. Раздался тихий и таинственный свистящий звук, а когда лунный старик растаял, Карлсон ловко вытащил из глазка трубочку со спущенным резиновым шариком и опять залепил дырку жвачкой, а сам, как ёжик, быстро-быстро заполз под круглый столик, покрытый скатертью,— тот самый, где они уже прятались, когда ждали жуликов. Мальш едва успел скрыться следом, как щёлкнул замок, раздвинулась дверь, и фрекен Бок просунула голову в прихожую.

— Я всё же думаю: дети,— сказала она.

Но за ней стоял дядя Юлиус, и он был другого мнения.

— Сколько раз я тебе уже говорил, что мы живём в мире сказок, в мире таинственного. Сказочные существа беспрепятственно проходят сквозь закрытые двери и стены, а ты не хочешь этого понять!

Фрекен Бок покорились и послушно сказала, что она, конечно, это тоже способна понять, если как следует подумает. Но она явно не желала, чтобы эти сказочные существа мешали ей пить кофе с дядей Юлиусом, и тут же увлекла его назад в гостиную. И Карлсон и Мальш снова оказались перед закрытой дверью. «И смотреть в глазок было не очень-то весело»,— думал Мальш. И Карлсон тоже так думал. Да, представьте себе, что и Карлсон так думал.

Тут, к счастью, позвонил телефон. Мальш подошёл. Какой-то женский голос попросил фрекен Бок. Мальш понял, что это Фрида с Фрейгaten, и очень обрадовался. Теперь он имел законное право помешать фрекен Бок, и хотя вообще-то он был милым мальчиком, он сделал это с радостью.

— Фрекен Бок, вас к телефону!— крикнул он и громко постучал в дверь гостиной.

Но безрезультатно.

— Скажи, что я занята!— крикнула в ответ фрекен Бок из-за закрытой двери. Фрида была так же бессильна нарушить её уединение с дядей Юлиусом, как и сказочные существа.

Мальш вернулся к телефону и сказал, что фрекен Бок не может подойти. Но Фрида хотела во что бы то ни стало узнать, чем так занята её сестра, что не может даже подойти к телефону, и засыпала Мальша вопросами. В конце концов он сказал:

— Лучше всего спросите её завтра сами.

Он положил трубку и поглядел, что делает Карлсон. Но Карлсона нигде не было. Мальш искал его всюду, в конце концов прибежал на кухню. Нодошёл к открытому окну и увидел на подоконнике странную фигуру. Там стояло верхом на маминой любимой метле таинственное существо, готовое к отлёту. По всей вероятности, это и был Карлсон, хотя по виду существо это было похоже на маленькую ведьму: лицо, вымазанное чёрным, на голове косынка, а на плечах развевался ведьминский плащ— мамин большой цветастый передник.

— Послушай, Карлсон,— сказал Мальш с испугом,— нельзя, чтобы дядя Юлиус видел, что ты летаешь!

— Я не Карлсон,— сказал Карлсон глухим голосом,— я ведьма, самая злая и самая страшная в мире ведьма.

— Ой!—вырвалось у Мальша.

— Да, да, я самое опасное существо из мира сказок,—не унимался Карлсон.—При виде меня у всех волосы становятся дыбом.

В голубых сумерках июньского вечера летела ведьма. Мальш глядел ей вслед, не зная, что предпринять. Потом он бросился в комнату Боссе, потому что её окна выходили на ту же сторону, что и окна гостиной.

Ведьма увидела Мальша, широко улыбнулась и помахала ему рукой—очень кстати, а ты Мальшу стало уже казаться, что это настоящая ведьма,—а потом она заглянула в окно гостиной. Фрекен Бок и дядя Юлиус её, видно, не заметили, потому что до Мальша по-прежнему доносился ровный гул их голосов. И вдруг тишину вечера прорезал крик. Душераздирающий крик ведьмы (она хотела привлечь к себе внимание)—и гул голосов в гостиной тут же смолк.

А ведьма прилетела назад к Мальшу, рывком сорвала с себя косынку и плащ, стёрла белой гардиной с лица сажу и разом превратилась снова в Карлсона, который швырнул метлу и ведьминские одежды Боссе под кровать.

— Знаешь что?— сказал Карлсон и, тяжело вздохнув, подошёл к Мальшу.— Надо законом запретить старикам так себя вести.

— А что они делали?— спросил Мальш.

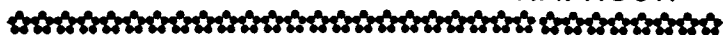
Карлсон раздражённо покачал головой.

— Он держал её за руку! Сидел и держал её за руку! Нет, представляешь, держать за руку домохозяйку! Ну, что ты на это скажешь?

И Карлсон посмотрел на Мальша так, словно он ожидал, что Мальш от удивления упадёт в обморок, а когда этого не случилось, крикнул:

— Разве ты не слышишь, что я говорю? Сидят и держат друг друга за руки! Есть же такие дураки на свете!

САМЫЙ БОГАТЫЙ В МИРЕ КАРЛСОН

Этот день Мальш никогда не забудет. Он сам рано проснулся: «лучший в мире Карлсон» не прилетел, чтобы его будить. «Так странно»,— подумал Мальш и побежал к почтовому ящику, за газетой. Он хотел успеть прочесть все те небылицы, которые там будут написаны, прежде чем дядя Юлиус отнимет у него газету.

Но никаких детективных серий он там не нашёл. Мальш вообще дальше первой страницы никогда не доходил. Но тут он вдруг наткнулся на заголовок, который приковал всё его внимание:

ТАЙНА РАСКРЫТА—ЭТО НЕ СПУТНИК-ШПИОН

А под этим заголовком была помещена фотография с видом Вестерброна и летящим над ним— да, тут ошибки быть не могло,—летящим над ним Карлсоном. Его портрет был тоже помещён в газете. Он стоял и с улыбкой указывал на свой пропеллер и на кнопку на животе.

Мальш стал читать, а когда прочёл, заплакал.

«У нас сегодня в редакции побывал странный посетитель. Этот красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил— так он сам себя определил— пришёл и потребовал, чтобы ему вручили обещанное нами вознаграждение в размере десяти тысяч крон. Он сам, а не кто-то другой сумел раскрыть

тайну Вазастана, как он нам объяснил, но он никакой не шпион, заявил он нам, и у нас нет оснований ему не верить. «Я шпиону только за такими, как домохозяйка и дядюшка»,—заявил он. Всё это звучит по-детски и вполне невинно, и, насколько мы понимаем, этот «шпион» оказался обыкновенным толстым школьником—первым учеником в своём классе, как он нас заверил,—но у этого мальчика есть вещь, которую мог бы применить любой ребёнок, а именно: моторчик, с помощью которого можно летать, как, впрочем, это видно на картинке. Мотор этот сделан лучшим в мире изобретателем, как утверждает мальчик, но он отказался рассказать об этом более подробно. Мы сказали, что этот изобретатель стал бы мультимиллионером, если бы наладил массовое производство таких моторов, на что мальчик ответил: «Нет уж, спасибо, нельзя загрязнять воздух летающими мальчиками, достаточно нас двоих—меня и Мальша».

В этом месте Мальш улыбнулся—во всяком случае, спасибо, что Карлсон хотел летать только с ним и ни с кем другим,—а потом вздохнул и стал читать дальше.

«Надо, однако, признать, что мальчик всё же производит странное впечатление. Он говорит без умолку, как-то странно отвечает на наши вопросы и даже не пожелал назвать своей фамилии: «Моя мамочка—мумия, а отец—тном»,—сказал он в конце концов, но большего нам добиться не удалось. Он немного болтает по-английски, возможно, отец его англичанин, во всяком случае, он, видимо, знаменитый лётчик, если мы верно поняли болтовню мальчишки. И этот интерес к полётам явно передался сыну по наследству от отца. Мальчик утверждает, что имеет право на обещанное вознаграждение. «Я должен получить эти деньги, а не Филле и Рулле или какой-нибудь другой хулиган»,—говорит он. И всю эту сумму он просит выдать ему пятиэровыми монетками, потому что только это, по его утверждению, «настоящие деньги». Он покинул нас, набив свои карманы пятиэровыми монетками. За остальными монетами он собирается зайти, прихватив с собой тачку. Редакция заявляет, что он может получить их в любой день. Разговор с ним был весьма любопытен, хотя и не всё, что он говорит, можно понять. «Имейте в виду, что вы

заплатили только приблизительно» — это были его последние слова, а потом он вылетел через окно и направился в сторону Вазастана.

Имя своё мальчик нам назвать отказался, боясь, что его имя попадёт в газету, «потому что Мальш этого не хочет», сказал он, и вообще создаётся впечатление, что он очень привязан к своему младшему брату. Мы не можем открыть имя мальчика, но всё же сообщим нашим читателям, что оно начинается слогом «Карл», а завершается слогом «сон». Но если человек не хочет, чтобы его имя было напечатано в газете, то мы обязаны с этим считаться. Вот почему мы на протяжении всей статьи звали его только «мальчик», а не «Карлсон», как его, собственно, и зовут».

— Он очень привязан к своему младшему брату, — пробормотал Мальш и снова вздохнул. А потом подошёл к верёвочке у окна и резко позвонил, это был сигнал Карлсону: «Прилетай».

И Карлсон прилетел. Он так и сиял.

— В газете есть что-нибудь интересное? — спросил он, выкапывая, как всегда, из горшка персиковую косточку. — Читай вслух, если это действительно интересно.

— Ты всякий стыд потерял, — сказал Мальш. — Разве ты не понимаешь, что ты всё испортил. Нас с тобой уже не оставят в покое никогда.

— А кому нужен покой? — удивился Карлсон, вытирая свои испачканные в земле руки о пижаму Мальша. — Надо, чтобы было весело и забавно, а то я не играю. Ну, а теперь читай!

И пока Карлсон кружил по комнате, стараясь получше разглядеть себя в маленьком зеркальце, Мальш читал ему вслух статью. Он пропустил слова «невероятно толстый» и вообще всё, что могло обидеть Карлсона, а остальное он прочёл от начала до конца, и Карлсон был счастлив.

— Интересное знакомство — это про меня. Да, в этой газете каждое слово — правда.

— «Он очень привязан к своему младшему брату», — прочёл Мальш и вопрошающе поглядел на Карлсона. — Эти слова тоже правда?

Карлсон перестал летать и задумался.

— Да, вообще-то да, — сказал он неохотно. — Удивительно, что можно привязаться к такому глупому

мальчишке, как ты! Это только по моей доброте, потому что я самый добрый и самый милый в мире... Ну, читай дальше!

Но Мальш не смог читать, пока не проглотил комок в горле; значит, правда, что Карлсон привязан к нему! А на всё остальное тогда наплевать!

— Хорошо, что я попросил их не называть моего имени в газете, правда? — сказал Карлсон. — Я это сделал только для тебя, ведь ты хочешь держать меня в тайне, в полной тайне.

Потом он схватил газету и долго с любовью разглядывал обе напечатанные там фотографии.

— Здесь, боюсь, не видно, до чего я красив, — сказал он. — И что я в меру упитанный, тоже не видно, гляди!

Он сунул газету Мальшу под нос, но тут же рванул её себе назад и горячо поцеловал свою фотографию, где он демонстрирует пропеллер.

— Гей-гоп, когда я себя вижу, мне хочется кричать «ура!», — сказал он.

Но Мальш отнял у него газету.

— Фрекен Бок и дядя Юлиус уж, во всяком случае, не должны её увидеть, — объяснил он. — Ни за что на свете!

Он сложил газету и засунул как можно дальше себе в ящик. Не прошло и минуты, как дядя Юлиус приоткрыл дверь его комнаты и спросил:

— Газета у тебя, Мальш?

Мальш покачал головой.

— Нет, у меня её нет.

Ведь она правда была не у него, а лежала в ящике стола, оправдывался он потом перед Карлсоном за свой ответ.

Впрочем, дядя Юлиус странным образом не проявил в тот день обычного интереса к газете. Его мысли были явно заняты чем-то другим, чем-то очень приятным, должно быть, потому что у него был непривычно счастливый вид. И потому ему надо было идти к доктору. В последний раз. Через несколько часов он уезжает к себе домой, в Вестергетланд.

Фрекен Бок помогала ему укладывать вещи, и Мальш и Карлсон слышали, как она его попутно наставляла: чтобы он не забыл застегнуть верхнюю пуговицу на пальто, а то ещё продует, и чтобы он

осторожно переходил улицу, и чтобы не курил натошак!

— Какова домохозяйка, а? — сказал Карлсон.— Ей, наверное, кажется, что она его жена!

Но этот день странным образом оказался полон сюрпризов. Не успел дядя Юлиус уйти, как фрекен Бок кинулась к телефону. И она говорила так громко, что Мальш и Карлсон невольно слышали весь её разговор.

— Алло! Это ты, Фрида? — начала она торопливо.— Ну как поживает твой прелестный носик?.. Видишь ли, это я уже слышала, но тебе больше нечего беспокоиться о моём носе, потому что я намерена его прихватить с собой, когда уеду в Вестергетланд... Ах да, я совсем забыла тебе сказать, что я собираюсь переехать в Вестергетланд... Нет, вовсе не в качестве экономки, а просто я выхожу замуж, хотя я и такая толстая... Ну, что ты скажешь?.. Да, конечно, ты имеешь полное право это узнать... За господина Юлиуса Иенсена, именно за него... да, это чистая правда, ты говоришь с госпожой Иенсен, дорогая Фрида... Я вижу, ты растрогалась... ты плачешь... Ну, ну, Фрида, не огорчайся, ты тоже ещё можешь встретить хорошего человека... Прости, но мне некогда больше с тобой говорить, мой жених сейчас придет... Я потом ещё позвоню, Фридошка.

Карлсон глядел на Мальшу широко раскрытыми глазами.

— Скажи, есть лекарства, которые лечат дураков? — спросил он наконец.— Если есть, то надо срочно дать его дяде Юлиусу, да ещё самую большую дозу!

Но Мальш ничего не слышал про такое лекарство.

Карлсон сочувственно вздохнул, а когда дядя Юлиус вернулся от доктора, он подошёл к нему и молча сунул в руку пятизоровую монетку.

— Это ещё зачем? — спросил дядя Юлиус.

— Купи себе что-нибудь приятное, — сказал Карлсон печально, — ты в этом нуждаешься.

Дядя Юлиус поблагодарил Карлсона, но он был так весел и счастлив, что не нуждался в пяти эре для подъёма настроения. Дядя Юлиус всё повторял, что он счастлив и что никогда не забудет этих дней. А кроме того, здесь ему открылся замечательный мир сказок. Правда, он испугался, когда увидел, что мимо окна пролетает ведьма, это он отрицать не будет, но...

— Не просто ведьма,— уточнил Карлсон,— а самая ведьмистая ведьма на свете!

Но главное, что он снова окунулся в мир своих предков, гнул своё дядя Юлиус, и это его несказанно радует. Эти прекрасные сказочные дни прошли, но он завоевал сердце сказочной принцессы, и вот теперь будет свадьба.

— Сказочная принцесса! — повторил за ним Карлсон, и глаза его заблестели. Он долго смеялся, потом поглядел на дядю Юлиуса, покачал головой и снова принялся хохотать.

Фрекен Бок хлопотала на кухне; такой весёлой Мальши её ещё никогда не видел.

— Я тоже очень полюбила ведьм,— сказала она,— потому что, если бы одна ведьма не летала у наших окон и не пугала бы нас, ты, Юлиус, никогда бы, наверное, не кинулся мне на шею, и вообще ничего бы не было.

Карлсон подпрыгнул на месте с досады, а потом пожал плечами.

— Что ж, пустяки, дело житейское! — сказал он.— Хотя не думаю, чтоб у нас в Вазастане было много ведьм.

А фрекен Бок говорила уже о свадьбе и с каждой минутой выглядела всё счастливей и счастливей.

— Ты, Мальш, будешь у нас на свадьбе,— сказала она.— Тебе сошьют бархатный костюм, ты будешь в нём такой красивый.

Мальш содрогнулся. Чёрный бархатный костюм... Да Кристер и Гунилла его засмеют!

Зато Карлсону было не до смеха. Он всерьёз обиделся.

— Так я не играю, я тоже хочу быть на свадьбе, я тоже хочу, чтобы мне сшили чёрный бархатный костюм!.. Нет, так я не играю!..

Тут настала очередь фрекен Бок посмеяться вволю.

— Весёлая будет с тобой свадьба, не соскучишься.

— Я тоже так думаю,— горячо подхватил Карлсон,— я буду стоять у тебя за спиной в чёрном бархатном костюме, и кидать всё время пятиэровые монетки, и стрелять из своего пистолета! Что за свадьба без салюта!

Дядя Юлиус был так счастлив, что ему хотелось, чтобы все были счастливы, и он тут же пригласил Карлсона. Но фрекен Бок сказала, что тогда свадьба будет без неё.

И в тот день тоже настал вечер. Мальш сидел у Карлсона на крыльце, сгущались сумерки, и во всём Вазастане зажглись огни, и во всём Стокгольме — море огней, куда ни погляди.

Да, настал вечер, Мальш сидел рядом с Карлсоном, и это было хорошо. Как раз сейчас в Вестергетланде на маленькой станции остановился поезд и из вагона вышел дядя Юлиус. Где-то в море плывёт назад, в Стокгольм, белый пароход, а на его палубе стоят мама и папа. Фрекен Бок была у себя дома, на Фрейгатен, чтобы ободрить Фриду. Бимбо спал в своей корзинке. Но здесь, на крыше, Мальш сидел со своим лучшим другом, и они ели свежие плюшки фрекен Бок. Всё это было замечательно. И всё же Мальшу было тревожно.

Нет тебе покоя, если ты дружишь с Карлсоном!

— Я попытался тебе объяснить как мог, — сказал Мальш. — Я оберегал тебя до сих пор, это верно. Но что теперь будет, я не знаю.

Карлсон запихал себе в рот целую плюшку и проглотил её.

— Какой ты глупый! Теперь они могут охотиться за мной, чтобы получить несколько пятиэровых монет, я всему этому положил конец; пойми, Филле и Рулле теперь нечего за мной гоняться.

Мальш тоже взял плюшку и откусил кусочек.

— Нет, это ты глупый. Теперь весь Вазастан, во всяком случае целые толпы дураков, будет ходить за тобой по пятам, чтобы поглядеть, как ты летаешь, или украсть твой мотор.

Карлсон оживился.

— Ты думаешь? Если ты прав, то мы можем сегодня хорошо повеселиться, во всяком случае.

Мальш всерьёз разозлился.

— Как ты справишься, — сказал он гневно, — как ты справишься, я тебя спрашиваю, если тебя будут осаждать толпы народу!

— Ты знаешь, есть три способа: курощение, низведение и дуракаваляние. И я думаю, что придётся применить все три сразу.

Карлсон склонил голову набок и посмотрел на него лукаво.

Карлсон выглядел так забавно, что Мальш невольно улыбнулся и повеселел. Карлсон сунул руки в карманы и радостно позвенел своими пятиэровыми монетками.

— Гей-гоп, богатый, и красивый, и умный, и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, это я, лучший в мире Карлсон, лучший во всех отношениях, ты это понимаешь, Мальш?

— Да,— ответил Мальш.

Но в кармане у Карлсона были не только пятиэровые монеты, но и маленький пистолет, и, прежде чем Мальш успел остановить Карлсона, выстрел прокатился по всему Вазастану.

«Ну вот, начинается»,— подумал Мальш, когда увидел, что в соседних домах раскрываются окна, и услышал гул взволнованных голосов.

Но Карлсон запел свою песенку, и большими пальцами он отбивал такт:

Пусть всё кругом
Горит огнём,
А мы с тобой споём:
Ут́и, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём.

Пусть тьщу булочек несут
На день рожденья к нам.
А мы с тобой устроим тут
Ут́и, боссé, буссé, капут,
Биссé и тарарам.

АЛАН
АЛЕКСАНДР МИЛН

**ВНННН-ПУХ
И ВСЕ-
ВСЕ-ВСЕ**

8

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ПЕРЕСКАЗАЛ С АНГЛИЙСКОГО

Б.ЗАХОДЕР

ХУДОЖНИК

Э.НАЗАРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Уже давно хотелось мне познакомить вас, дорогие ребята, со знаменитым плюшевым медвежонком, которого зовут Винни-Пух, и с его друзьями: с мальчиком Кристофером Роббином, с поросёнком Пятачком, со старым осликом Иа-Иа, с Совой, с тигром, по имени Тигра, с кроликом (его так и зовут — Кролик), а также с мамой Кэнгой и её весёлым сынишкой Ру (кто они такие — об этом вы узнаете немного погодя, если не догадались сами).

Папа Кристофера Робина — английский писатель А. А. Милн — жил где-то поблизости от Чудесного Леса, где происходили приключения всей этой славной компании, и он в своих книгах рассказал о них столько интересного, что мне ужасно захотелось познакомить с Винни-Пухом и его друзьями вас, ребята.

К сожалению, сделать это было не так-то просто, потому что и Винни-Пух, и все его друзья-приятели умели говорить только по-английски, а это очень-очень трудный язык, особенно для тех, кто его не знает.

Поэтому я решил сперва выучить Винни и его друзей объясняться по-русски, что, уверяю вас, было тоже нелегко. Конечно, по-английски они и сейчас говорят гораздо лучше, чем по-русски, но всё же мне кажется, что теперь вы их поймёте и, я надеюсь, подружитесь с ними, как дружат с ними многие тысячи ребят во многих странах.

А ведь это — самое главное!

Борис Заходер

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ВИННИ-ПУХОМ И НЕСКОЛЬКИМИ ПЧЕЛАМИ

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робинем, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы — сосредоточиться-то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь ещё больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовёшь лебедя громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Её ли называли Винни в честь Пуха, или Пуха называли в её честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он

больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчёт сказки? — спросил Кристофер Робин.

— Что насчёт сказки? — спросил папа.

— Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

— Может быть, и мог бы, — сказал папа. — А какую ему хочется и про кого?

— Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!

— Понимаю, — сказал папа.

— Так, пожалуйста, папочка, расскажи!

— Попробую, — сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Винни-Пух жил в лесу один-одинёшенек, под именем Сандерс.

— Что значит «жил под именем»? — немедленно спросил Кристофер Робин.

— Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано «Мистер Сандерс», а он под ней жил.

— Он, наверно, и сам этого не понимал, — сказал Кристофер Робин.

— Зато теперь понял, — проворчал кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: «Это — жжжжжжж — неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он ещё подумал-подумал и сказал про себя:

«А зачем на свете пчёлы? Для того, чтобы делать мёд! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мёд? Для того, чтобы я его ел!
По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и всё лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мёд!
Почему? Кто поймёт?
В самом деле, почему
Мёд так нравится ему?

Вот он влез ещё немножко повыше... и ещё немножко... и ещё совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-пыхтелка:

Если б мишки были пчёлами,
То они бы нипочём
Никогда и не подумали
Так высоко строить дом;

И тогда (конечно, если бы
Пчёлы—это были мишки!)
Нам бы, мишкам, было незачем
Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку—и...

ТРРАХ!

— Мама!—крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

— Эх, и зачем я только...—пробормотал он, пролетев ещё метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего плохого...—попытался он объяснить, стукнувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

— А всё из-за того,—признался он наконец, когда перекувырнулся ещё три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колючий-преколючий терновый куст,— всё из-за того, что я слишком люблю мёд! Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил из носа колючки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне?—переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились всё больше и больше, а щёки всё розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зелёной дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.

— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

— Воздушного шара?

— Да, я как раз шёл и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

— Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шёпотом:

— Мёд.

— Что-о?

— Мёд! — повторил Пух.

— Кто же это ходит за мёдом с воздушными шарами?

— Я хожу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зелёный шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был ещё такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зелёный и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он. — Если хочешь достать мёд — главное дело в том, чтобы пчёлы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зелёный, они могут подумать, что это

листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос — чему они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком *тебя*?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт? — Он подумал минутку и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая чёрная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решён.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил своё ружьё, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом подошёл к одной знакомой луже и как следует вывалился в грязи, чтобы стать совсем-совсем чёрным, как настоящая тучка. Потом они стали надувать шар, держа его вдвоём за верёвочку. И когда шар раздулся так, что казалось,

вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил верёвочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и остановился там — как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.

— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На медведя, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую чёрную тучку разве не похож? — тревожно спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придёт пчёлам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чують мёд, он мог видеть мёд, но достать мёд он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

— Кристофер Робин! — крикнул он шёпотом.

— Чего?

— По-моему, пчёлы что-то *подозревают!*

— Что именно?

— Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя *подозрительно!*

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мёд?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт!

Вновь наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперёд, а сам поглядывай всё время на меня и приговаривай: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчёлы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты, глупенький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспоко-

иться. Я заметил, что пчёлы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или не надо?

— Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть пчелиную царицу. Тебе её оттуда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тучкину Песню — такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперёд под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я Тучка, Тучка, Тучка,
А вовсе не медведь,
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!

Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют —
Поэтому все Тучки
Так весело поют!

Но пчёлы, как ни странно, жужжали всё подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тучка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец всё понял. Это неправильные пчёлы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мёд, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз ещё и не подумал. Если он выпустит из лап верёвочку, он упадёт и опять бумкнет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он ещё как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружьё у тебя с собой?

— Понятно, с собой,— сказал Кристофер Робин.— Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я,— сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — вскрикнул Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то чтобы совсем не попал,— сказал Пух,— но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста,— сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за верёвочку. Целую неделю после этого происшествия

он не мог ими пошевелить, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдвигать её: «Пухх! Пуххх!»

И, может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно тогда-то его и называли Пухом.

— Сказке конец? — спросил Кристофер Робин.

— Конец этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных.

Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

— А поймали они его?

— Нет.

— Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

— Ну, услышишь — узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то всё помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплёлся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты придёшь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно, — сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки, — сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лесенке: бум-бум-бум.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ПОШЕЛ В ГОСТИ, А ПОПАЛ В БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Как-то днём известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонялся, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, караул, трам-пам-па!

Ну, вот так и сочинилась песенка-ворчалка, и после завтрака Винни всё время повторял её про себя, всё ворчал и ворчал, пока не выучил её всю наизусть. Теперь он знал её всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!
Трам-пам-пам-тарарам-пам-па!
Тири-тири-тири-ри,
Трам-пам-пам-тиририм-пим-пи!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя — а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим, — наш Винни незаметно дошёл до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух. (Трам-пам-пам-тирарам-пам-па!) — Если я что-нибудь в чём-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это подходящая компания, а подходящая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И всё такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:
— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух громко-громко.

— Нет! — ответил чей-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз прекрасно тебя понял.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос.

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там всё-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, ещё раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошёл в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бывают разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился ещё больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни полез в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думал, кто это?

— Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу, нельзя пускать в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности часов в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед ещё и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достаёт чашки и тарелки. А когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать — мёду или сгущённого молока?» — Пух пришёл в такой восторг, что выпалил: «И того и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: «А хлеба можно совсем не давать!»

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, мурлыкая что-то сладким-сладким голоском — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну, — замылся Пух, — я мог бы побыть ещё немного, если бы ты... если бы у тебя... — запинаясь он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря, — сказал Кролик, — я сам собирался пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве ещё что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживляясь.

Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось!

— Я так и думал, — сочувственно сказал Пух, покачав головой. — Ну, до свиданья, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время на воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом плечи... а потом...

А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Ещё потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперёд!

И, наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай, спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперёд!

Тем временем Кролик, который, как мы помним, собирался пойти погулять, видя, что парадная дверь забита, выбежал наружу чёрным ходом и, обежав кругом, подошёл к Пуху.

— Ты что — застрял? — спросил он.

— Не-ет, я просто отдыхаю, — ответил Пух, стара-

ясь говорить весёлым голосом.—Просто отдыхаю, думаю кой о чём и пою песенку...

— Ну-ка, дай мне лапу,— строго сказал Кролик.

Винни-Пух протянул ему лапу, и Кролик стал его тащить.

Он тащил и тащил, он тянул и тянул, пока Винни не закричал:

— Ой-ой-ой! Больно!

— Теперь всё ясно,— сказал Кролик,— ты застрял.

— Всё из-за того,— сердито сказал Пух,— что выход слишком узкий!

— Нет, всё из-за того, что кто-то пожадничал! — строго сказал Кролик.— За столом мне всё время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твёрдо знал, что этот «кто-то» — не я! Делать нечего, придётся сбегать за Кристофером Робин.

Кристофер Робин, друг Винни-Пуха и Кролика, жил, как вы помните, совсем в другом конце Леса. Но он сразу же прибежал на помощь и, когда увидел переднюю половину Винни-Пуха, сказал: «Ах ты, глупенький мой мишка!» — таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.

— А я как раз начал думать,— сказал Винни, слегка хлюпая носом,— что вдруг бедному Кролику уже никогда-никогда не придётся ходить через парадную дверь... Я бы тогда очень-очень огорчился...

— Я тоже,— сказал Кролик.

— Не придётся ходить через парадную дверь? — переспросил Кристофер Робин.— Почему? Пожалуй, придётся...

— Ну вот и хорошо,— сказал Кролик.

— Пожалуй, придётся втолкнуть тебя в нору, если мы не сможем тебя вытащить,— закончил Кристофер Робин.

Тут Кролик задумчиво почесал за ухом и сказал, что ведь если Винни-Пуха втолкнуть в нору, то он там останется навсегда. И что хотя он, Кролик, всегда безумно рад видеть Винни-Пуха, но всё-таки, что ни говори, одним полагается жить на земле, а другим под землёй, и...

— По-твоему, я теперь никогда-никогда не выйду на волю? — спросил Пух жалобно.

— По-моему, если ты уже наполовину вылез, жаль останавливаться на полпути,— сказал Кролик.

Кристофер Робин кивнул головой.

— Выход один,— сказал он,— нужно подождать, пока ты опять похудеешь.

— А долго мне нужно худеть? — испуганно спросил Пух.

— Да так, с недельку.

— Ой, да не могу же я торчать тут целую неделю!

— Торчать-то ты как раз отлично можешь, глупенький мой мишка. Вот вытащить тебя отсюда — это дело похитрее!

— Не горюй, мы будем читать тебе вслух! — весело воскликнул Кролик. — Только бы снег не пошёл... Да, вот ещё что,— добавил он,— ты, дружок, занял у меня почти всю комнату... Можно, я буду вешать полотенца на твои задние ноги? А то они торчат там совершенно зря, а из них выйдет чудесная вешалка для полотенец!

— Ой-ой-ой, це-е-лу-ю неделю! — грустно сказал Пух. — А как же обедать?!

— Обедать, дорогой мой, не придётся! — сказал Кристофер Робин. — Ведь ты должен скорей похудеть! Вот читать вслух — это мы тебе обещаем!

Медвежонок хотел вздохнуть, но не смог — настолько крепко он застрял. Он уронил слезинку и сказал:

— Ну, уж вы тогда хотя бы читайте мне какую-нибудь удобоваримую книгу, которая может поддерживать и утешить несчастного медвежонка в безвыходном положении...

И вот целую неделю Кристофер Робин читал вслух именно такую удобоваримую, то есть понятную и интересную, книжку возле Северного Края Пуха, а Кролик вешал выстиранное бельё на его Южный Край... И тем временем Пух становился всё тоньше, и тоньше, и тоньше.

А когда неделя кончилась, Кристофер Робин сказал:

— Пора!

Он ухватился за передние лапы Пуха, Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все Родные и Знакомые Кролика (их было ужасно много!) ухватились за Кролика и стали тащить изо всей мочи.

И сперва Винни-Пух говорил одно слово:

— Ой!

А потом другое слово:

— Ох!

И вдруг — совсем-совсем вдруг — он сказал:

— Хлоп! — точь-в-точь как говорит пробка, когда она вылетает из бутылки.

Тут Кристофер Робин, и Кролик, и все Родные и Знакомые Кролика сразу полетели вверх тормашками! Получилась настоящая куча мала.

А на верху этой кучи очутился Винни-Пух — свободный!

Винни-Пух важно кивнул всем своим друзьям в знак благодарности и с важным видом отправился гулять по Лесу, напевая свою песенку. А Кристофер Робин посмотрел ему вслед и ласково прошептал:

— Ах ты, глупенький мой мишка!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В КОТОРОЙ ПУХ И ПЯТАЧОК ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ПОЙМАЛИ БУКУ

Лучший друг Винни-Пуха, крошечный поросёнок, которого звали Пятачок, жил в большом-пребольшом доме, в большом-пребольшом дереве. Дерево стояло в самой середине Леса, дом был в самой середине дерева, а Пятачок жил в самой середине дома. А рядом с домом стоял столбик, на котором была прибита поломанная доска с надписью, и тот, кто умел немножко читать, мог прочесть:

Посторонний В.

Больше никто ничего не мог прочесть, даже тот, кто умел читать совсем хорошо.

Как-то Кристофер Робин спросил у Пятачка, что тут, на доске, написано. Пятачок сразу же сказал, что тут написано имя его дедушки и что эта доска с надписью — их фамильная реликвия, то есть семейная драгоценность.

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени — Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали!

И «В» — это просто сокращение, а полностью дедушку звали Посторонним Вилли, а это тоже сокращение имени Вильям Посторонним.

— У дедушки было два имени,— пояснил он,— специально на тот случай, если он одно где-нибудь потеряет.

— Подумаешь! У меня тоже два имени,— сказал Кристофер Робин.

— Ну вот, что я говорил! — сказал Пятачок. — Значит, я прав!

Был чудесный зимний день. Пятачок, разметавший снег у дверей своего дома, поднял голову и увидел не кого иного, как Винни-Пуха. Пух медленно шёл куда-то, внимательно глядя себе под ноги, и так глубоко задумался, что, когда Пятачок окликнул его, он и не подумал остановиться.

— Эй, Пух! — закричал Пятачок. — Здравствуй, Пух! Ты что там делаешь?

— Охочусь! — сказал Пух.

— Охотишься? На кого?

— Выслеживаю кого-то! — таинственно ответил Пух.

Пятачок подошёл к нему поближе:

— Выслеживаешь? Кого?

— Вот как раз об этом я всё время сам себя спрашиваю,— сказал Пух. — В этом весь вопрос: кто это?

— А как ты думаешь, что ты ответишь на этот вопрос?

— Придётся подождать, пока я с ним встречу,— сказал Винни-Пух. — Погляди-ка сюда. — Он показал на снег прямо перед собой. — Что ты тут видишь?

— Следы,— сказал Пятачок. — Отпечатки лап! — Пятачок даже взвизгнул от волнения. — Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Бука?!

— Может быть,— сказал Пух. — Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь?

Он замолчал и решительно зашагал вперёд по следу, а Пятачок, помедлив минутку-другую, побежал за ним.

Внезапно Винни-Пух остановился и нагнулся к земле.

— В чём дело? — спросил Пятачок.

— Очень странная вещь, — сказал медвежонок. — Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому — Неизвестно Кому — подошёл другой — Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоём. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты пойдёшь со мной, а то вдруг это окажутся Злые Звери?

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятницы он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдёт с Пухом, в особенности если там Настоящий Бука.

— Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Буки, — уточнил Винни-Пух, а Пятачок сказал, что это всё равно, ведь до пятницы ему совершенно нечего делать.

И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Буки, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже пошли вокруг рощицы.

По пути Пятачок рассказывал Винни-Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Посторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на склоне лет начал страдать одышкой, и всякие другие занятные вещи.

А Пух всё думал, как же этот дедушка выглядит. И ему пришло в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймают этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы всё шли и шли перед ними...

Вдруг Винни-Пух снова остановился как вкопанный.

— Смотри! — закричал он шёпотом и показал на снег.

— Куда? — тоже шёпотом закричал Пятачок и подскочил от страха. Но, чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул ещё разика два, как будто ему просто захотелось попрыгать.

— Следы, — сказал Пух. — Появился третий зверь!

— Пух, — взвизгнул Пятачок, — ты думаешь, это ещё один Бука?

— Нет, не думаю,— сказал Пух,— потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Буки, а один, скажем... скажем, Бяка... Или же, наоборот, два Бяки, а один, скажем... скажем, Бука... Надо идти за ними, ничего не поделаешь.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями. И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый Дедушка Посторонним В. был бы сейчас тут, а не где-то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем-совсем случайно, встретили Кристофера Робина,— конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина!..

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко. Перед ними были следы четырёх зверей!

— Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Буки и один Бяка! Ещё один Бука прибавился!..

Да, по-видимому, так и было! Следы, правда, немного путались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырёх комплектов лап.

— Знаешь что? — сказал Пятачок, в свою очередь, облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает.— Знаешь что? По-моему, я что-то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно скорее пойти домой и сделать это дело.

— Давай сделаем это после обеда,— сказал Пух,— я тебе помогу.

— Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда,— поскорее сказал Пятачок.— Это такое специальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего часов в... Который час, ты говорил?

— Часов двенадцать,— сказал Пух, посмотрев на солнце.

— Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут первого! Так что ты уж на меня не обижайся, а я... Ой, мама! Кто там?

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей-то свист, взглянул на большой дуб и увидел кого-то на ветке.

— Да это же Кристофер Робин! — сказал он.

— А-а, ну тогда всё в порядке, — сказал Пятачок, — с ним тебя никто не тронет. До свиданья!

И он побежал домой что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

— Глупенький мой мишка, — сказал он, — чем это ты там занимался? Я смотрю, сначала ты один обошёл два раза вокруг этой роциицы, потом Пятачок побежал за тобой, и вы стали ходить вдвоём... Сейчас, по моему, вы собирались обойти её в четвёртый раз по своим собственным следам!..

— Минутку, — сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался — глубоко-глубоко. Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

— Н-да... — сказал он. — Теперь я понял, — добавил он. — Я даже не знал, что я такой глупый простофиля! — сказал Винни-Пух. — Я самый бестолковый медвежонок на свете!

— Что ты! Ты самый лучший медвежонок на свете! — утешил его Кристофер Робин.

— Правда? — спросил Пух. Он заметно утешился. И вдруг он совсем просиял: — Что ни говори, а уже пора обедать, — сказал он. И он пошёл домой обедать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

В КОТОРОЙ ИА-ИА ТЕРЯЕТ ХВОСТ, А ПУХ НАХОДИТ

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинёшенек в заросшем чертополохом уголке Леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьёзных Вещах. Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чём же он, собственно, думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжёлые шаги Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поздороваться.

— Как самочувствие? — по обыкновению уныло спросил он.

— А как твоё? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень как! — сказал он. — Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как.

— Ай-ай-ай, — сказал Пух, — очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Иа-Иа продолжал стоять, понуро глядя в землю, и Винни-Пух обошёл вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивлённо.

— А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

— А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал Иа-Иа.

И он медленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост; затем, заметив, что ему никак не удаётся его догнать, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

— Кажется, ты прав.

— Конечно, я прав,— сказал Пух.

— Это вполне естественно,— грустно сказал Иа-Иа.— Теперь всё понятно. Удивляться не приходится.

— Ты, наверно, его где-нибудь позабыл,— сказал Винни-Пух.

— Наверно, его кто-нибудь утащил...— сказал Иа-Иа.— Чего от них ждать! — добавил он после большой паузы.

Пух чувствовал, что он должен сказать что-нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого *сделать* что-нибудь полезное.

— Иа-Иа,— торжественно произнёс он,— я, Винни-Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

— Спасибо, Пух,— сказал Иа.— Ты настоящий друг. Не то что некоторые!

И Винни-Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь чудесным весенним утром. Маленькие прозрачные облачка весело играли на синем небе. Они то набегали на солнышко, словно хотели его закрыть, то поскорее убегали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого внимания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не снимая, казалась старой и

потрёпанной рядом с берёзками, надевшими новые зелёные кружева. Винни шагал мимо сосен и ёлок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьёв и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошёл в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

«А если кто-нибудь что-нибудь о чём-нибудь знает,—сказал медвежонок про себя,—то это, конечно, Сова. Или я не Винни-Пух,—сказал он.— А я—он,—добавил Винни-Пух.— Значит, всё в порядке!»

Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЕСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПОДЁРГАТЬ ЕСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всём Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать своё имя—*Сава*, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочёл оба объявления, сначала слева направо, а потом—на тот случай, если он что-нибудь пропустил,—справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом он подёргал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришёл Медведь.

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух,—сказала она.— Какие новости?

— Грустные и ужасные,—сказал Пух,—потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он

очень убивается о нём. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну,— сказала Сова,— обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычьё Цедура?— сказал Пух.— Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока она означает это, я не возражаю,— смиренно сказал Пух.

— А сделать нужно следующее: во-первых, сообщи в прессу. Потом...

— Будь здорова,— сказал Пух, подняв лапу.— Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты чихнула, когда собиралась сказать.

— Я не чихала.

— Нет, Сова, ты чихнула.

— Прости, пожалуйста, Пух, но я не чихала. Нельзя же чихнуть и не знать, что ты чихнул.

— Ну и нельзя знать, что кто-то чихнул, когда никто не чихал.

— Я начала говорить: сперва сообщи...

— Ну вот ты опять! Будь здорова,— грустно сказал Винни-Пух.

— Сообщи в печать,— очень громко и внятно сказала Сова.— Дай в газету объявление и пообещай награду. Надо написать, что мы дадим что-нибудь хорошенькое тому, кто найдёт хвост Иа-Иа.

— Понятно, понятно,— сказал Пух, кивая головой.— Кстати, насчёт «чего-нибудь хорошенького»,— продолжал он сонно,— я обычно как раз в это время не прочь бы чем-нибудь хорошенько подкре...— И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы.— Скажем, ложечкой сгущённого молока или ещё чем-нибудь, например, одним глоточком мёду...

— Ну вот,— сказала Сова,— мы, значит, напишем наше объявление, и его расклеят по всему Лесу.

«Ложечка мёду,— пробормотал медвежонок про себя,— или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились всё длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала,

и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

— Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на всё, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «Нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чём идёт речь.

— Как, ты их не видел? — спросила Сова, явно удивившись. — Пойдём посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на звонок и на объявление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шёл от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает, — сказал он, — но я не могу вспомнить что. Где ты его взяла?

— Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живёт, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой и...

— Сова, — сказал Пух торжественно, — он кому-то очень нужен.

— Кому?

— Иа. Моему дорогому другу Иа-Иа. Он... он очень любил его.

— Любил его?

— Был привязан к нему, — грустно сказал Винни-Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и отнёс его хозяину, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибил хвост на место, Иа-Иа принялся носиться по Лесу, с таким восторгом размахивая хвостом, что у Винни-Пуха защекало во всём теле и ему пришлось поскорее побежать домой и немножко подкрепиться.

Спустя полчаса, утирая губы, он гордо спел:

Кто нашёл хвост?

Я, Винни-Пух!

Около двух

(Только по-правдашнему было около одиннадцати!)

Я нашёл хвост!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК ВСТРЕЧАЕТ СЛОНОПОТАМА

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и сказал, как будто между прочим:

— Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

— Ну, просто слонялся, — сказал Кристофер Робин. — По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел, — сказал Пятачок. — По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже, — сказал Пух, недоумевая. «Интересно, кто же это такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас, — сказал Пятачок.

— Особенно в это время года, — сказал Пух.

Потом они заговорили о чём-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они плелись по тропинке на краю Дремучего Леса, оба молчали; но когда они дошли до речки и стали помогать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: «Понимаешь, Пух, что я хочу сказать?» А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Но с другой стороны, Пух, мы не должны забывать». А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду».

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух оглянулся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

— Пятачок, я что-то придумал.

— Что ты придумал, Пух?

— Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни-Пух несколько раз подряд кив-

нул головой. Он ожидал, что Пятачок скажет: «Ну да!», или: «Да ну?», или: «Пух, не может быть!», или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок огорчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Я думаю поймать его,— сказал Пух, подождав ещё немножко,— в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придётся помочь мне, Пятачок.

— Пух,— сказал Пятачок, немедленно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым,— я тебе, конечно, помогу. — А потом он сказал: — А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

— В этом-то вся соль: как?

Они сели, чтобы обдумать своё предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову,— вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдёт гулять и упадёт в эту яму, и...

— Почему? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадёт?

Пух потёр нос лапой и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглядывая на небо — не пойдёт ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь всё ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщён, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже всё равно что пойман.

— Но,— сказал он,— осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в неё упадёт.

— Но ведь он тогда увидит, как мы её будем копать,— сказал Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

— А вдруг он случайно посмотрит вниз?— сказал Пух.— Тогда он может обо всём догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

— Да, это не так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадаютс...

— Наверно, поэтому,— согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, вытащив друг из друга немножко колючек, опять сели, и всё это время Пух говорил себе: «Эх, эх, если бы только я умел *думать!*...» Винни в глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у охотника в голове был настоящий ум, а не опилки...

— Предположим,— сказал он Пятачку,— ты бы хотел поймать *меня*. Как бы ты за это взялся?

— Ну,— сказал Пятачок,— я бы вот как сделал: я бы сделал западню, и я бы поставил туда приманку— горшок мёду. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

— Да, я бы полез за ним туда,— взволнованно сказал Пух,— только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и я бы взял этот горшок с мёдом, и сперва я бы облизал только края, как будто там больше мёда нет, понимаешь, а там отошёл бы в сторону и подумал о нём немножко, а потом я бы вернулся и начал бы лизать с самой середины горшка, а потом...

— Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное— ты был бы в ловушке, и я бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, жёлуди, верно? У нас сейчас их очень много... Эй, Пух, очнись!

Пух, который тем временем совсем размышлялся о мёде, очнулся и даже подскочил и сказал, что мёд гораздо приманочней, чем жёлуди. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом; но Пятачок вовремя сообразил, что если они будут класть в ловушку жёлуди, то жёлуди придётся собирать ему, Пятачку, а если они положат туда мёд, то его достанет Пух. Поэтому он сказал: «Очень хорошо, значит, мёд!»— в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собирался сказать: «Очень хорошо, значит, жёлуди».

— Значит, мёд,—повторил Пятачок для верности.—Я выкопаю яму, а ты сходишь за мёдом.

— Отлично,—сказал Пух и пошёл домой.

Придя домой, он подошёл к буфету, влез на стул и достал с верхней полки большой-пребольшой горшок мёду. На горшке было написано «Миот», но, чтобы удостовериться окончательно, Винни-Пух снял с него бумажную крышку и заглянул внутрь. Там действительно был мёд.

— Но ручаться нельзя,—сказал Пух.—Я помню, мой дядя как-то говорил, что он однажды видел сыр точь-в-точь такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордочку и как следует лизнул.

— Да,—сказал он,—это он. Сомневаться не приходится. Полный горшок мёду. Конечно, если только никто не положил туда на дно сыру—просто так, шутки ради. Может быть, мне лучше немного углубиться... на случай... На тот случай, если Слонопотамы не любят сыру... как и я... Ах!—И он глубоко вздохнул.—Нет, я не ошибся. Чистый мёд сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понёс горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: «Принёс?» А Пух сказал: «Да, но он

не совсем полный». Пятачок заглянул в горшок и спросил: «Это всё, что у тебя осталось?» А Пух сказал: «Да», потому что это была правда.

И вот Пятачок поставил горшок на дно Ямы, вылез оттуда, и они пошли домой.

— Ну, Пух, спокойной ночи,—сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха.— А завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы наловили Слонопотамов.

— До шести, Пятачок. А верёвка у тебя найдётся?

— Нет. А зачем тебе понадобилась верёвка?

— Чтобы отвести их домой.

— Ох... А я думал, Слонопотамы идут на свист.

— Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ручаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

И Пятачок побежал рысцой к своему дому, возле которого была доска с надписью «Посторонним В.», а Винни-Пух лёг спать.

Спусти несколько часов, когда ночь уже потихоньку убиралась восвояси, Пух внезапно проснулся от какого-то щемящего чувства. У него уже бывало раньше это щемящее чувство, и он знал, что оно означает: ему хотелось есть.

Он поплёлся к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашёл там пустоту.

«Это странно,—подумал он,— я же знаю, что у меня там был горшок мёду. Полный горшок, полный мёдом до самых краёв, и на нём было написано «Миот», чтобы я не ошибся. Очень, очень странно».

И он начал расхаживать по комнате взад и вперёд, раздумывая, куда же мог деваться горшок, и ворча про себя песенку-ворчалку. Вот какую:

Куда мой мёд деваться мог?
Ведь был полнѣхонький горшок!
Он убежать никак не мог—
Ведь у него же нету ног!

Не мог уплыть он по реке
(Он без хвоста и плавников),
Не мог зарыться он в песке...
Не мог, а всё же—был таков!

Не мог уйти он в тѣмный лес,
Не мог взлететь под небеса...
Не мог, а всё-таки исчез!
Ну, это прямо чудеса!

Он проворчал эту песню три раза и внезапно всё вспомнил. Он же поставил горшок в Хитрую Западню для Слонопотамов!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух. — Вот что получается, когда чересчур заботишься о Слонопотамах!

И он снова лёг в постель.

Но ему не спалось. Чем больше старался он уснуть, тем меньше у него получалось. Он попробовал считать овец — иногда это очень неплохой способ, — но это не помогало. Он попробовал считать Слонопотамов, но это оказалось ещё хуже, потому что каждый Слонопотам, которого он считал, сразу кидался на Пухов горшок с мёдом и всё съедал дочиста! Несколько минут Пух лежал и молча страдал, но когда пятьсот восемьдесят седьмой Слонопотам облизал свои клыки и прорычал: «Очень неплохой мёд, пожалуй, лучшего я никогда не пробовал», Пух не выдержал. Он скатился с кровати, выбежал из дому и помчался напрямик к Шести Соснам.

Солнце ещё нежилось в постели, но небо над Дремучим Лесом слегка светилось, как бы говоря, что солнышко уже просыпается и скоро вылезет из-под одеяла. В рассветных сумерках Сосны казались грустными и одинокими; Очень Глубокая Яма казалась ещё глубже, чем была, а горшок с мёдом, стоявший на дне, был совсем призрачным, словно тень. Но когда Пух подошёл поближе, нос сказал ему, что тут, конечно, мёд, и язычок Пуха вылез наружу и стал облизывать губы.

— Жалко-жалко, — сказал Пух, сунув нос в горшок, — Слонопотам почти всё съел!

Потом, подумав немножко, он добавил:

— Ах нет, это я сам. Я позабыл.

К счастью, оказалось, что он съел не всё. На самом доньшке горшка оставалось ещё немножко мёда, и Пух сунул голову в горшок и начал лизать и лизать...

Тем временем Пятачок тоже проснулся. Проснувшись, он сразу же сказал: «Ох». Потом, собравшись с духом, заявил: «Ну что же!.. Придётся», — закончил он отважно. Но все поджилки у него тряслись, потому что в ушах у него гремело страшное слово — **СЛОНОПОТАМ!**

Какой он, этот Слонопотам?

Неужели очень злой?

Идёт ли он на свист? И если идёт, то зачем?..

Любит ли он поросят или нет?

И как он их любит?..

Если он ест поросят, то, может быть, он всё-таки не тронет поросёнка, у которого есть дедушка по имени Посторонним В?

Бедный Пятачок не знал, как ответить на все эти вопросы. А ведь ему через какой-нибудь час предстояло впервые в жизни встретиться с настоящим Слонопотамом!

Может быть, лучше притвориться, что заболела голова, и не ходить к Шести Соснам? Но вдруг будет очень хорошая погода и никакого Слонопотама в западне не окажется, а он, Пятачок, зря проваляется всё утро в постели?

Что же делать?

И тут ему пришла в голову хитрая мысль. Он пойдёт сейчас потихоньку к Шести Соснам, очень осторожно заглянет в западню и посмотрит, есть там Слонопотам или нет. Если он там, то он, Пятачок, вернётся и ляжет в постель, а если нет, то он, конечно, не ляжет!..

И Пятачок пошёл. Сперва он думал, что, конечно, никакого Слонопотама там не окажется; потом стал думать, что нет, наверно, окажется; когда же он подходил к западне, он был в этом совершенно уверен, потому что слышал, как тот слонопотамит вовсю!

— Ой-ой-ой! — сказал Пятачок. Ему очень захотелось убежать. Но он не мог. Раз он уже подошёл так близко, нужно хоть одним глазком глянуть на живого Слонопотама. И вот он осторожно подкрался сбоку к яме и заглянул туда...

А Винни-Пух всё никак не мог вытянуть голову из горшка с мёдом. Чем больше он тряс головой, тем крепче сидел горшок.

Пух кричал: «Мама!», кричал: «Помогите!», кричал и просто: «Ай-ай-ай!», но всё это не помогало. Он пытался стукнуть горшком обо что-нибудь, но, так как он не видел, обо что он стучает, и это не помогало. Он пытался вылезти из западни, но, так как он не видел ничего, кроме горшка (да и тот не весь), и это не получалось.

Совсем измучившись, он поднял голову (вместе с горшком) и издал отчаянный, жалобный вопль...

И именно в этот момент Пятачок заглянул в яму.

— Караул! Караул! — закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! — И он помчался

прочь, так что только пятки засверкали, продолжая вопить: — Караул! Слонастый ужопотам! Караул! Потастый Слоноужам! Слоноул! Слоноул! Карастый Потослонам!..

Он вопил и сверкал пятками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чём дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, натягивая штанишки.

— Ккк-карапот, — сказал Пятачок, который так запыхался, что едва мог выговорить слово. — Ужо... пото... Слонопотам!

— Где?

— Вон там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он?

— У-у-ужасный! С вот такойловицей! Ну прямо, прямо... как... как не знаю что! Как горшок!

— Ну, — сказал Кристофер Робин, надевая ботинки, — я должен на него посмотреть. Пошли.

Конечно, вдвоём с Кристофером Робинем Пятачок ничего не боялся. И они пошли.

— Слышишь, слышишь? Это он! — сказал Пятачок испуганно, когда они подошли поближе.

— Что-то слышу, — сказал Кристофер Робин.

Они слышали стук. Это бедный Винни, наконец, наткнулся на какой-то корень и пытался разбить свой горшок.

— Стой, дальше нельзя! — сказал Пятачок, крепко стиснув руку Кристофера Робина. — Ой, как страшно!..

И вдруг Кристофер Робин покатился со смеху. Он хохотал и хохотал... хохотал и хохотал... И пока он хохотал, голова Слонопотама здорово ударилась о корень. Трах! — горшок разлетелся вдребезги. Бах! — и появилась голова Винни-Пуха.

И тут наконец Пятачок понял, каким он был глупым Пятачком. Ему стало так стыдно, что он стремглав помчался домой и лёг в постель с головной болью, и в это утро он почти окончательно решил убежать из дому и стать моряком.

А Кристофер Робин и Пух отправились завтракать.

— Мишка! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя ужасно люблю!

— А я-то! — сказал Винни-Пух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

В КОТОРОЙ У ИА-ИА БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ,
А ПЯТАЧОК ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УЛЕТЕЛ НАЛУНУ

Иа-Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и понуро смотрел в воду на своё отражение.

— Душераздирающее зрелище, — сказал он наконец. — Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрёл вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешёл ручей вброд и так же медленно побрёл обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думал, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в ольшанике раздался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух, — уныло ответил Иа. — Если это утро доброе. В чём я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могут. А некоторым и не приходится. Тут ничего не попишешь.

— Чего все не могут? — переспросил Пух, потерев нос.

— Веселиться. Петь, плясать и так далее. Под ореховым кустом.

— А-а, понятно... — сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: — Под каким ореховым кустом?

— Под которым орешки калёные, — уныло продолжал Иа-Иа. — Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалуюсь, но так оно и есть.

Пух уселся на большой камень и попытался что-нибудь понять. Получилось что-то вроде загадки, а Пух был слабоват по части загадок, поскольку в

голове у него были опилки. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОРОК ПЯТОК

— Вопрос мой прост и краток,—
Промолвил Носорог,—
Что лучше — сорок пятюк
Или пяток сорок? —
Увы, никто на это
Ответа
Дать не мог!

— Вот-вот, правильно,— сказал Иа-Иа.— Пой, пой. Трум-тум-тум-тирим-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радости детишкам принесла. Веселись и развлекайся.

— Я веселюсь,— сказал Пух.

— Кое-кому удаётся,— сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивлённый.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки.— Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону.— Посмотри на именинный пирог!

Пух посмотрел — сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он.— Именинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет,— сказал Пух.

— Я тоже,— сказал Иа-Иа.— Это шутка,— объяснил он.— Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем сбившись с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

— Ох! Ну, поздравляю тебя и желаю много-много счастья в этот день.

— И я тебя поздравляю и желаю много-много счастья в этот день, медвежонок Пух.

— Но ведь сегодня не мой день рождения.

— Нет, не твой, а мой.

— А ты говоришь «желаю тебе счастья в этот день».

— Ну и что же? Разве ты хочешь быть несчастным в мой день рождения?

— А, понятно,— сказал Пух.

— Хватит и того,— сказал Иа-Иа, чуть не плача,— хватит и того, что я сам такой несчастный — без подарков и без именинного пирога, и вообще позабытый и заброшенный, а уж если все остальные будут несчастны...

Этого Винни-Пух уже не вынес.

— Постой тут! — крикнул он и со всех ног помчался домой. Он почувствовал, что должен немедленно преподнести бедному ослику хоть что-нибудь, а потом у него всегда будет время подумать о Настоящем Подарке.

Возле своего дома он наткнулся на Пятачка, который прыгал у двери, стараясь достать кнопку звонка.

— Здравствуй, Пятачок,— сказал Винни-Пух.

— Здравствуй, Винни,— сказал Пятачок.

— Что это ты делаешь?

— Я стараюсь позвонить,— объяснил Пятачок.— Я тут шёл мимо и...

— Давай я тебе помогу,— сказал Пух услужливо. Он подошёл к двери и нажал кнопку.— А я только что видел Иа,— начал он.— Бедный ослик ужасно расстроен, потому что у него сегодня день рождения, а все о нём забыли, и он очень понурился — ты ведь знаешь, как он умеет,— ну и вот он такой понурый, а я... Да что же это нам никто не открывает — заснули они все там, что ли? — И Пух снова позвонил.

— Пух,— сказал Пятачок.— Это же твой собственный дом!

— А-а,— сказал Пух.— Ну да, верно! Тогда давай войдём!

И они вошли в дом.

Пух первым делом подошёл к буфету, чтобы удостовериться, есть ли у него подходящий, не особенно большой горшочек с мёдом. Горшочек оказался на месте, и Пух снял его с полки.

— Я его отнесу Иа,— объяснил он.— В подарок. А ты что ему думаешь подарить?

— А можно, я тоже его подарю? — спросил Пятачок.— Как будто от нас обоих.

— Нет,— сказал Пух.— Это ты плохо придумал.

— Ну, тогда ладно. Я подарю Иа воздушный шарик. У меня остался один от праздника. Я сейчас за ним схожу, хорошо?

— Вот это ты очень хорошо придумал, Пятачок! Ведь Иа нужно развеселить. А с воздушным шариком кто хочешь развеселится! Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!

Ну, и Пятачок пустился рысцой домой, а Пух с горшочком мёду направился к ручью.

День был жаркий, а путь неблизкий, и, не пройдя и полпути, Пух вдруг почувствовал какое-то странное щекотание. Сначала у него защекало в носу, потом в горле, а потом засосало под ложечкой и так постепенно дошло до самых пяток. Казалось, словно кто-то внутри у него говорил: «Знаешь, Пух, сейчас самое время чем-нибудь немножко...»

— Ай-ай,— сказал Пух,— я и не знал, что уже так поздно!

Он сел на землю и снял крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой,— сказал он.— Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы захватить с собой то, чем можно немножко подкрепиться!..

— А теперь подумаем,— сказал он, в последний раз облизав доньшко горшка,— подумаем, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа.

Винни-Пух не спеша встал. И тут он вдруг всё вспомнил. Он же съел Подарок!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух. — Что мне делать? Я же должен подарить ему что-нибудь! Ай-ай-ай-ай-ай!

Сперва он прямо не знал, что и думать. А потом он подумал:

«Всё-таки это очень хорошенький горшочек, хотя в нём и нет мёду. Если я его как следует вымою и попрошу кого-нибудь написать на нём: «Поздравляю с днём рождения», Иа сможет держать в нём всё, что хочешь. Это будет полезная вещь!»

И так как он в это время был недалеко от Дома Совы — а все в Лесу были уверены, что Сова прекрасно умеет писать, — он решил зайти к ней в гости.

— Доброе утро, Сова! — сказал Пух.

— Доброе утро, Пух! — ответила Сова.

— Поздравляю тебя с днём рождения Иа-Иа, — сказал Пух.

— Вот как? — удивилась Сова.

— Да. А что ты ему думаешь подарить?

— А ты что думаешь ему подарить?

— Я несу ему в подарок Полезный Горшок, в котором можно держать всё, что хочешь, — сказал Пух. — И я хотел попросить тебя...

— Вот этот? — спросила Сова, взяв горшок из лапок Пуха.

— Да, и я хотел попросить тебя...

— Тут когда-то держали мёд, — сказала Сова.

— В нём можно что хочешь держать, — серьёзно сказал Пух. — Это очень, очень полезная вещь. И я хотел попросить тебя...

— Ты бы написал на нём: «Поздравляю с днём рождения».

— Так вот об этом я и пришёл тебя попросить! — объяснил наконец Пух. — Потому что у меня правильное написание какое-то хромое. Вообще-то оно хорошее правильнописание, но только почему-то хромает и буквы опаздывают... на свои места. Ты напишешь на нём: «Поздравляю с днём рождения»? Очень тебя прошу!

— Славный горшочек,— сказала Сова, оглядев горшок со всех сторон.— А можно, я его тоже подарю? Пусть это будет наш общий подарок.

— Нет,— сказал Пух.— Это ты плоховато придумала. Давай я лучше его сперва помою, а потом ты на нём всё напишешь.

И вот он вымыл горшок и вытер его досуха, а Сова тем временем мусолила кончик своего карандаша и думала, как же пишется слово «Поздравляю».

— Пух, а ты умеешь читать? — спросила она не без тревоги в голосе.— Вот, например, у меня на двери висит объявление, как звонить,—это мне Кристофер Робин написал. Ты можешь его прочесть?

— Кристофер Робин сказал мне, что там написано, и тогда я уж смог,— ответил Пух.

— Очень хорошо! Вот и я тоже скажу тебе, что тут на горшке будет написано, и тогда ты сможешь прочитать!

И Сова начала писать... Вот что она написала:

«Про зря вля бя сдине мраш дня про зря бя вля!»

Пух с восхищением посмотрел на эту надпись.

— Я тут написала: «Поздравляю с днём рождения»,— небрежно заметила Сова.

— Вот это надпись так надпись! — с уважением сказал Винни-Пух.

— Ну, если уж всё тебе сказать, тут написано полностью так: «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Я не посчиталась с расходом графита.

— Чего? — спросил Пух.

— Тут одного карандаша сколько пошло! — пояснила Сова.

— Ещё бы! — сказал Пух.

Тем временем Пятачок успел сбегать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа-Иа, понёсся во весь дух, крепко прижимая воздушный шар к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок ужасно спешил, чтобы поспеть к Иа-Иа раньше Пуха; ему хотелось первым преподнести ослику подарок, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки. Он так спешил и так задумался о том, как Иа-Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в

мышиную норку, и бедный Пятачок полетел носом вниз:

БУМ!!!

Пятачок лежал на земле, не понимая, что же произошло. Сперва он подумал, что весь мир взлетел на воздух, потом он подумал, что, может быть, только их любимый Лес; ещё потом — что, может быть, только он, Пятачок, взлетел и сейчас он один-одинёшенек лежит где-нибудь на Луне и никогда-никогда не увидит больше ни Пуха, ни Кристофера Робина, ни Иа... И тут ему пришло в голову, что даже и на Луне не обязательно всё время лежать носом вниз. Он осторожно встал, осмотрелся кругом.

Он всё ещё был в Лесу!

«Очень интересно! — подумал он. — Интересно, что же это был за Бум? Не мог же я сам наделать столько шуму, когда упал! И где, интересно, мой шар? И откуда, интересно, взялась тут эта тряпочка?»

О ужас! Эта тряпочка — это и был, именно был! — его воздушный шар!!

— Ой, мама! — сказал Пятачок. — Ой, мама, ой, мамочка, ой, мама, мама, мама! Ну что ж... Теперь делать нечего. Возвращаться назад нельзя. Другого шара у меня нет... Может быть, Иа-Иа не так уж любит воздушные шары?..

И он побежал дальше. По правде сказать, бежал он уже не очень весело, но всё же скоро он добежал до того самого места, где стоял Иа-Иа и по-прежнему смотрел на своё отражение в воде.

— Доброе утро, Иа! — крикнул Пятачок ещё издали.

— Доброе утро, маленький Пятачок, — сказал Иа-Иа. — Если это утро — доброе, — добавил он, — в чём я лично сомневаюсь. Но это неважно.

— Поздравляю тебя с днём рождения, — сказал Пятачок, подойдя тем временем поближе.

Иа оторвался от своего занятия и уставился на Пятачка.

— Повтори-ка, повтори, — сказал он.

— Поздрав...

— Минуточку...

С трудом держась на трёх ногах, Иа стал осторожно поднимать четвёртую ногу к уху.

— Я вчера этому научился, — пояснил он, упав в третий раз. — Это очень просто, а главное, я так лучше

слышу. Ну вот, всё в порядке. Так как ты сказал, повтори,—произнёс он, с помощью копыта наставив ухо вперёд.

— Поздравляю с днём рождения,—повторил Пятачок.

— Это ты меня?

— Конечно, Иа-Иа.

— С моим днём рождения?

— Да.

— Значит, у меня настоящий день рождения?

— Конечно, Иа, и я принёс тебе подарок.

Иа-Иа медленно опустил правую ногу и с немалым трудом поднял левую.

— Я хочу послушать ещё другим ухом,—пояснил он.—Теперь говори.

— По-да-рок! — повторил Пятачок очень громко.

— Мне?

— Да.

— К дню рождения?

— Конечно!

— Значит, у меня получается настоящий день рождения?

— Конечно! И я принёс тебе воздушный шар.

— Воздушный шар? — сказал Иа-Иа.—Ты сказал—воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их ещё надувают? Песни-пляски, гоп-гоп-гоп и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень огорчён... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, как жаль! Ты, наверно, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но он... он... Ох, Иа, он лопнул. Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа-Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой деньрожденный подарок?

— Да, Иа,—сказал Пятачок, слегка хлопая носом.—Вот он. Поздравляю тебя с днём рождения. И он подал Иа-Иа резиновую тряпочку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивлённый.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

— Да.

— Спасибо, Пятачок,— сказал Иа.— Извини, пожалуйста,— продолжал он,— но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

— Красного.

«Подумать только! Красного... Мой любимый цвет»,— пробормотал Иа-Иа про себя.

— А какого размера?— Почти с меня.

— Да? Подумать только, почти с тебя!.. Мой любимый размер!— грустно сказал Иа-Иа себе под нос.— Так, так.

Пятачок чувствовал себя очень неважно и прямо не знал, что говорить. Он то и дело открывал рот, собираясь что-нибудь сказать, но тут же решал, что

именно этого говорить— то и не стоит. И вдруг, на его счастье, с того берега ручья их кто-то окликнул. То был Пух.

— Желаю много-много счастья!— кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это говорил.

— Спасибо, Пух, мне уже посчастливилось,— уныло ответил Иа-Иа.

— Я принёс тебе подарочек,— продолжал Пух радостно.

— Есть у меня подарочек,— отвечал Иа-Иа.

Тем временем Пух перебрался через ручей и подошёл к Иа-Иа. Пятачок сидел немного поодаль, хлюпая носом.

— Вот он,— объявил Пух.— Это — Очень Полезный Горшок. А на нём знаешь чего написано? «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Вот сколько всего написано! И в него можно класть, что хочешь. Держи.

Иа-Иа, увидев горшок, очень оживился.

— Вот это да!— закричал он.— Знаете что? Мой шарик как раз войдёт в этот горшок!

— Что ты, что ты, Иа,— сказал Пух.— Воздушные шары не входят в горшки. Они слишком большие. Ты с ними не умеешь обращаться. Нужно вот как: возьми шарик за верё...

— Это другие шары не входят, а мой входит,— с гордостью сказал Иа-Иа.— Гляди, Пятачок!

Пятачок грустно оглянулся, а Иа-Иа схватил свой бывший шарик зубами и осторожно положил его в горшок, потом он достал его и положил на землю, а потом снова поднял и осторожно положил обратно.

— Выходит!— закричал Пух.— Я хочу сказать, он входит!

— Входит!— закричал Пятачок.— И выходит!

— Здорово выходит!— закричал Иа-Иа.— Входит и выходит — прямо замечательно!

— Мне очень приятно,— радостно сказал Пух,— что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какие хочешь вещи!

— А мне очень приятно,— радостно сказал Пятачок,— что я догадался подарить тебе такую Вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа-Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

В КОТОРОЙ КЕНГА И КРОШКА РУ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ЛЕСУ, А ПЯТАЧОК ПРИНИМАЕТ ВАННУ

Никто не знал, откуда они взялись, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и Крошка Ру.

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путём. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и сказал: «Обычным путём. Угу. Угу». И отправился в гости к своему другу Пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос втроём.

— Мне вот что не нравится,— сказал Кролик,— вот мы тут живём—ты, Пух, и ты, Поросёнок, и я,—и вдруг...

— И ещё Иа,—сказал Пух.

— И ещё Иа,—и вдруг...

— И ещё Сова,—сказал Пух.

— И ещё Сова,—и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и ещё Иа,—сказал Пух,—я про него чуть было не позабыл!

— *Вот мы тут живём*,—сказал Кролик очень медленно и громко,—*все мы*, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то *незнакомое животное*! Животное, о котором мы никогда и не слыхали раньше! Животное, которое носит своих детей в кармане! Предположим, что я стал бы носить своих детей с собой в кармане, сколько бы мне понадобилось для этого карманов?

— Шестнадцать,—сказал Пятачок.

— Семнадцать, кажется... Да, да,—сказал Кролик,—и ещё один для носового платка,—итого восемнадцать. Восемнадцать карманов в одном костюме! Я бы просто запутался!

Тут все замолчали и стали думать про карманы.

После длинной паузы Пух, который несколько минут ужасно морщил лоб, сказал:

— По-моему, их пятнадцать.

— Чего, чего?—спросил Кролик.

- Пятнадцать.
- Пятнадцать чего?
- Твоих детей.
- А что с ними случилось?

Пух потёр нос и сказал, что ему казалось, Кролик говорил о своих детях.

- Разве? — небрежно сказал Кролик.

- Да, ты сказал...

— Ладно, Пух, забудем это, — нетерпеливо перебил его Пятачок. — Вопрос вот в чём: что мы должны сделать с Кенгой?

- А-а, понятно, — сказал Пух.

— Самое лучшее, — сказал Кролик, — будет вот что. Самое лучшее — украсть Крошку Ру и спрятать его, а потом, когда Кенга скажет: «Где же Крошка Ру?» — мы скажем: «АГА!»

— АГА! — сказал Пух, решив поупражняться. — АГА! АГА!

— По-моему, — заметил он немного погодя, — мы можем сказать «АГА», даже если мы не украдём Крошку Ру.

— Пух, — сказал Кролик покровительственным тоном, — действительно у тебя в голове одни опилки!

- Я знаю, — скромно сказал Пух.

— Мы скажем «АГА» так, чтобы Кенга поняла, что мы знаем, где Крошка Ру. Такое «АГА» означает: «Мы тебе скажем, где спрятан Крошка Ру, если ты обещаешь уйти из нашего Леса и никогда не возвращаться». А теперь помолчите — я буду думать!

Пух ушёл в уголок и стал учиться говорить такое «АГА». Иногда ему казалось, что у него получается такое «АГА», о каком говорил Кролик, а иногда казалось, что нет.

«Наверно, тут всё дело в упражнении, — думал он. — Интересно, понадобится ли Кенге тоже столько упражняться, чтобы нас понять?»

— Я вот что хотел спросить, — сказал Пятачок, немного помявшись, — я говорил с Кристофером Робин-ом, и он мне сказал, что Кенга, вообще говоря, считается Одним из Самых Сви-ре-пых Зверей. Я вообще-то не боюсь простых сви-ре-пых зверей, но всем известно, что если Один Самый Сви-ре-пый Зверь лишится своего детёныша, он становится таким сви-ре-пым, как Два Самых Сви-ре-пых Зверя. А уж тогда, пожалуй, говорить «АГА» довольно глупо.

— Пятачок,— сказал Кролик, достав карандаш и облизав его кончик,— ты ужасный трусишка.

Пятачок слегка хлопнул носом.

— Трудно быть храбрым,— сказал он,— когда ты всего лишь Очень Маленькое Существо.

Кролик, который тем временем начал что-то писать, на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленькое Существо, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришёл в такой восторг при мысли о том, что он будет *полезным*, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенги бывают свирепыми только в зимние месяцы, а всё остальное время они в добродушном настроении, Пятачок едва мог усидеть на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я? — грустно сказал Пух. — Значит, я не буду полезным?

— Не огорчайся, Пух,— поспешил утешить его великодушный Пятачок. — Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни-Пуха,— торжественно произнёс Кролик, начиная чинить карандаш,— всё предприятие будет невозможным.

— О-о! — сказал Пятачок, стараясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно удалился в угол. Но про себя он гордо сказал: «Без меня всё невозможно! Ай да медведь!»

— Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончив писать.

Пух и Пятачок сели и приготовились слушать — они даже раскрыли рты.

Вот что прочёл Кролик:

ПЛАН ПОХИЩЕНИЯ КРОШКИ РУ

1. Во-первых. Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня.

2. Ещё во-первых. Кенга никогда-никогда не сводит глаз с Крошки Ру, если он не застѣгнут у неё в кармашке на все пуговицы.

3. Значит, если мы хотим похитить Крошку Ру, нам надо выиграть время, потому что Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня (см. пункт 1).

4. Идея. Если Ру выскочит из кармашка Кенги, а Пятачок туда вскочит, Кенга не заметит разницы, потому что Пятачок — Очень Маленькое Существо.

5. Как и Крошка Ру.

6. Но Кенга должна обязательно смотреть в другую сторону, чтобы не заметить, как Пятачок вскочит в карман.

7. Смотри пункт 2.

8. Ещё одна идея. Вот если Пух будет говорить с ней очень вдохновенно, она может на минутку отвернуться.

9. И тогда я могу убежать с Крошкой Ру.

10. Очень быстро.

11. И Кенга сначала ничего не заметит, а заметит всё только потом.

Ну, Кролик с гордостью прочитал всё это вслух, и после этого некоторое время никто ничего не говорил. Наконец Пятачок, который всё время то открывал, то закрывал рот, не издавая при этом ни звука, сумел выговорить очень хриплым голосом:

— А потом?

— Что ты хочешь сказать?

— Когда Кенга заметит, что это не Ру?

— Тогда мы все скажем: «АГА».

— Все трое?

— Да.

— Правда?

— Да что тебя беспокоит, Пятачок?

— Ничего,— сказал Пятачок.— Если мы все трое скажем «АГА», тогда всё в порядке. Если мы все трое скажем «АГА»,— сказал Пятачок,— я не возражаю, но я бы не хотел говорить «АГА» сам, один. А то оно, это «АГА», очень плохо получится... Кстати,— продолжал он,— ты вполне уверен в том, что ты говорил насчёт зимних месяцев?

— Насчёт зимних месяцев?

— Ну, насчёт свирепости только в зимние месяцы.

— А-а. Да, да, всё правильно. Ну, Пух, ты понял, что ты должен делать?

— Нет,—сказал Медвежонок Пух.— Не совсем. А что я должен делать?

— Ну, всё время говорить и говорить с Кенгой, чтобы она ничего не замечала.

— Ох! А о чём?

— О чём хочешь.

— А может быть, почитать ей стихи или что-нибудь в этом роде?

— Вот именно,—сказал Кролик.— Блестяще. А теперь пошли.

И все они отправились искать Кенгу.

Кенга и Ру мирно проводили послеобеденное время у большой ямы с песком. Крошка Ру упражнялся в прыжках в высоту и в длину и даже в глубину — учился падать в мышинные норы и вылезать из них, а Кенга волновалась и поминутно приговаривала: «Ну, дорогой мой, ещё один раз прыгни, и домой». И в этот момент на холме появился не кто иной, как Пух.

— Добрый день, Кенга,—сказал он.

— Добрый день, Пух.

— Смотри, как я прыгаю! — пропищал Крошка Ру и упал в очередную мышиную нору.

— Привет, Ру, малыш!

— Мы как раз собираемся домой...— сказала Кенга.— Добрый день, Кролик. Добрый день, Пятачок.

Кролик и Пятачок, которые тем временем показались с другой стороны холма, тоже сказали «добрый день» и «привет, Ру», а Крошка Ру пригласил их посмотреть, как он прыгает...

Они стояли и смотрели. И Кенга смотрела — смотрела во все глаза...

— Послушай, Кенга,—сказал Пух после того, как Кролик подмигнул ему второй раз,— интересно, ты любишь стихи?

— Не особенно,—сказала Кенга.

— А-а,—сказал Пух.

— Ру, дорогой мой, ещё один раз прыгни, и нам пора домой!

Наступило недолгое молчание. Крошка Ру свалился в очередную мышиную нору.

— Ну, давай, давай! — громко прошипел Кролик, прикрывая рот лапкой.

— Кстати, о стихах,—продолжал Пух.— Я как раз сочинил небольшой стишок по дороге. Примерно такой. М-м-м... Минуточку...

— Очень интересно,— сказала Кенга.— А теперь, маленький мой Ру...

— Тебе понравится этот стишок,— сказал Кролик.

— Ты его полюбишь,— пропищал Пятачок.

— Только слушай очень-очень внимательно-но,— сказал Кролик.

— Ничего не пропусти смотри,— пискнул Пятачок.

— Да, да,— сказала Кенга. Но, увы, она не сводила глаз с Крошки Ру.

— Так как там говорится, Пух? — спросил Кролик.

Пух слегка откашлялся и начал:

СТРОКИ, СОЧИНЁННЫЕ МЕДВЕДЕМ С ОПИЛКАМИ В ГОЛОВЕ

На днях, не знаю сам зачем,
Зашёл я в незнакомый дом,
Мне захотелось Кое с Кем
Потолковать о Том о Сём.

Я рассказал им, Кто, Когда,
И Почему, и Отчего,
Сказал Откуда и Куда,
И Как, и Где, и Для Чего;

Что было Раньше, что Потом,
И Кто Кого, и Что к Чему,
И что подумали о Том,
И Если Нет, То Почему?

Когда мне не хватало слов,
Я добавлял то «Ах», то «Эх»,
И «Так сказать», и «Будь здоров»,
И «Ну и ну!», и «Просто смех!».

Когда ж закончил я рассказ,
То кое-кто спросил: «И всё?
Ты говорил тут целый час,
А рассказал ни то ни сё!..—

Тогда...

— Очень, очень мило,— сказала Кенга, не ожидая рассказа о том, что произошло *тогда*.— Ну, самый, самый последний раз прыгни, Ру, дорогой мой, и мы пойдём домой!

Кролик подтолкнул Пуха локтем в бок.

— Кстати, о стихах,— поспешно сказал Пух.— Ты когда-нибудь обращала внимание на вон то дерево, во-он там?

— Где?..— сказала Кенга.— Ну, дорогой малыш...

— Во-он там, впереди,— сказал Пух, показывая за спину Кенги.

— Нет!..— сказала Кенга.— Ну, Ру, дорогой мой, прыгай в карман, и пошли домой!

— Нет, ты обязательно посмотри на вон то дерево, во-он там,— сказал Кролик.— Ру, хочешь, я тебя подниму?— И он взял Крошку Ру в лапы.

— А на вон том дереве птичка сидит,— сказал Пух.— А может, это и рыбка.

— Конечно, там птичка сидит,— сказал Кролик,— если только это не рыбка.

— Это не рыбка, это птичка,— пискнул Пятачок.

— Так оно и есть,— сказал Кролик.

— Интересно, это скворушка или дрозд? — сказал Пух.

— В этом весь вопрос,— сказал Кролик.— Дрозд это или скворушка?

И тут наконец Кенга повернулась и посмотрела на вон то дерево.

И в тот момент, когда она отвернулась, Кролик громким голосом сказал:

— Ру, на место!

И на место — в карман Кенги — вскочил Пятачок, а Кролик крепко обхватил Ру и помчался прочь что было духу.

— Куда это Кролик девался?..— спросила Кенга, снова повернув голову.— Ну как, дорогой малыш, всё в порядке?

Пятачок со дна кармана Кенги что-то пискнул — точь-в-точь как Ру.

— Кролику пришлось уйти,— сказал Пух,— он, наверно, вспомнил о каком-то важном деле. Вдруг.

— А Пятачок?

— Наверно, Пятачок тоже о чём-нибудь вспомнил. Вдруг.

— Ну ладно, мы пошли домой,— сказала Кенга.— Всего доброго, Пух!

Три огромных скачка — и она исчезла из виду. Пух посмотрел ей вслед.

«Хотел бы я так прыгать! — подумал он. — Почему это одни умеют, а другие нет? Очень, очень обидно!»

Кенга, спору нет, отлично умела прыгать, но Пятачку минутами, по правде говоря, хотелось, чтобы Кенга не умела. Бывало, возвращаясь домой из

дальней прогулки по Лесу, Пятачок мечтал стать птичкой и уметь летать, но теперь, когда он болтался на дне кармана Кенги, в голове у него прыгали такие мысли:

	называется	это
это	летать,	на не
	то никогда	согласусь!»
«Если	я	

— Ууууууу! — говорил он, взмывая в воздух, а спускаясь вниз, он говорил: — Ух!..

И ему пришлось повторять «Уууууууу — ух!», «Уууууууу — ух!», «Уууууууу — ух!» всю дорогу — до самого дома Кенги.

Конечно, дома, как только Кенга расстегнула свой карман, она заметила, что произошло. В первую секунду она чуть было не испугалась, но сразу поняла, что пугаться нечего — ведь она была вполне уверена, что Кристофер Робин никому не позволит обидеть Крошку Ру.

«Хорошо, — сказала она про себя, — раз они решили разыграть меня, я их сама разыграю».

— Ну, Ру, дорогой мой, — сказала она, вытащив поросёнка из кармана, — пора укладываться спать.

— Ага! — сказал Пятачок, стараясь произнести это слово как можно лучше. Но, увы, после такого ужасного путешествия «ага» получилось не очень хорошее, и Кенга, по-видимому, не поняла, что оно означает.

— Сперва купаться, — весело сказала Кенга.

— Ага! — повторил Пятачок, тревожно оглядываясь в поисках остальных.

Но остальных не было. Кролик сидел дома и играл с Крошкой Ру, чувствуя, что с каждой минутой всё больше и больше его любит, а Пух, который решил попробовать стать Кенгой, всё ещё учился прыгать в той же ямке с песком.

— Не знаю, — сказала Кенга очень задумчивым голосом, — может быть, тебе лучше сегодня принять *холодную* ванну? Как ты думаешь, Ру, милый?

Пятачок, который никогда особенно не любил купаться, задрожал от возмущения и сказал самым мужественным голосом, каким только мог:

— Кенга! Я вижу, что пришло время поговорить начистоту.

— До чего же ты смешной глупыш, Ру,— сказала Кенга, наливая воду в ванну.

— Я не Ру,— громко сказал Пятачок.— Я Пятачок!

— Да, милый, да,— сказала Кенга ласково.— Никто с тобой не спорит!.. И голосу Пятачка подражает, какой умница! — пробормотала она, доставая с полки большой кусок жёлтого мыла.— Ну, что ты у меня ещё придумаешь?

— Ты что, не видишь? — закричал Пятачок.— Глаз у тебя, что ли, нет? Погляди на меня!

— Я-то гляжу, маленький мой Ру,— сказала Кенга довольно строго.— А вот ты помнишь, что я тебе вчера говорила про гримасы? Если ты будешь строить такие гримасы, как Пятачок, то, когда вырастешь, станешь похож на Пятачка, и ты тогда об этом очень-очень пожалеешь. А теперь — марш в ванну и не заставляй меня повторять это еще раз!

И, не успев опомниться, Пятачок оказался в ванне, и Кенга принялась изо всех сил тереть его большой лохматой мочалкой.

— Ой! — пищал Пятачок. — Отпусти меня! Я же Пятачок!

— Не открывай рот, дорогой, а то в него попадёт мыло, — сказала Кенга. — Ну вот! Что я тебе говорила?

— Ты-ты-ты, ты это нарочно сделала, — булькнул было Пятачок, как только смог снова заговорить...

Но тут во рту у него оказалась мочалка.

— Вот так хорошо, милый, помалкивай, — сказала Кенга.

В следующее мгновение Пятачок был извлечён из ванны и крепко-накрепко вытерт мохнатым полотенцем.

— Ну, — сказала Кенга, — а теперь прими лекарство — и в постель.

— К-к-какое ле-ле-карство? — пролепетал Пятачок.

— Рыбий жир, чтобы ты вырос большим и сильным, милый. Ты же не хочешь быть таким маленьким и слабеньким, как Пятачок, правда? Ну, так вот.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — сказала Кенга.

И вошёл Кристофер Робин.

— Кристофер Робин, Кристофер Робин! — рыдал Пятачок. — Скажи Кенге, кто я. Она всё время говорит, что я Ру! А я ведь не Ру, правда?

Кристофер Робин осмотрел его очень тщательно и покачал головой.

— Конечно, ты не Ру,— сказал он,— потому что я только что видел Ру в гостях у Кролика. Они там играют.

— Ну и ну! — сказала Кенга.— Подумать только! Как это я могла так обознаться!

— Ага, ага! Вот видишь! — сказал Пятачок.— Что я тебе говорил? Я Пятачок!

Кристофер Робин снова покачал головой.

— Нет, ты не Пятачок,— сказал он.— Я хорошо знаю Пятачка, и он совершенно другого цвета.

«Это потому, что я только сию минуту принял ванну»,— хотел сказать Пятачок, но успел сообразить, что, пожалуй, говорить этого не стоит. Едва он открыл рот, собираясь сказать что-то совсем другое, Кенга живо всунула ему в рот ложку с лекарством и похлопала его по спине и сказала ему, что рыбий жир очень, очень вкусный, когда к нему как следует привыкнешь.

— Я знала, что это не Пятачок,— сказала Кенга потом.— Интересно, кто это всё же может быть?

— Может быть, какой-нибудь родственник Пу-ха? — сказал Кристофер Робин.— Скажем, племянник, или дядя, или что-нибудь в этом духе?

— Вероятно, вероятно,— согласилась Кенга.— Только нам надо придумать ему какое-нибудь имя.

— Можно звать его Пушель,— сказал Кристофер Робин.— Например, Гэнри Пушель. Сокращённо.

Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин оставил дверь открытой.

Никогда в жизни Генри Пушель-Пятачок не бегал так быстро, как сейчас! Он нёсся, не останавливаясь ни на секунду. Лишь в сотне шагов от дома он прекратил бег и покатился по земле, чтобы вновь обрести свой собственный — милый, уютный и привычный — цвет...

Так Кенга и Крошка Ру остались в Лесу. И каждый вторник Крошка Ру отправлялся на целый день в гости к своему новому другу — Кролику, а Кенга проводила весь день со своим новым другом — Пухом, обучая его прыгать, а Пятачок в эти дни гостил у своего старого друга Кристофера Робина.

И всем было ужасно весело!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

В КОТОРОЙ КРИСТОФЕР РОБИН ОРГАНИЗУЕТ „ИСКПЕДИЦИЮ“ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Винни-Пух брёл по Лесу, собираясь повидать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позабыли ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный — немножко мармеладу, намазанного на соты с мёдом) Пуху внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

Придумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше,— подумал он,— спеть «Хорошо быть медведем, ого!» И он спел «ого». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно,— сказал он,— тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до третьей и четвёртой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

Хорошо быть медведем, ура!
Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...
(Нет, победу!)
Победу я и жару и мороз,
Лишь бы мёдом был вымазан нос!
Победу...
(Нет, побежду!)
Побежду я любую беду,
Лишь бы были все лапки в меду!..
Ура, Винни-Пух!
Ура, Винни-Пух!
Час-другой пролетит, словно птица,
И настанет пора подкрепиться!

Ему почему-то так понравилась эта песня (Шумелка), что он распевал её всю дорогу, шагая по Лесу. «Но если я буду петь её дальше,— вдруг подумал он,— как раз придёт время чем-нибудь подкрепиться, и тогда последняя строчка будет неправильная». Поэтому он замурлыкал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у порога, натягивая свои Походные Сапоги. Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и он смахнул лапкой остатки мёда с мордочки и подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никак не натяну этот Сапог.

— Это плохо, — сказал Пух.

— Ты, пожалуйста, упрись мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полечу вверх тормашками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, упёрся лапками в землю, а спиной изо всех сил упёрся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил упёрся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Сапог, пока он наконец не наделся.

— Ну, вот так, — сказал Пух. — Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в экспедицию. Всё, — сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь. — Спасибо, Пух.

— Отправляемся в искпедицию? — с интересом спросил Пух. — Никогда ни одной не видел. А где она, эта искпедиция?

— Экспедиция, глупенький мой мишка. Не «ск», а «кс».

— А-а! — сказал Пух. — Понятно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны отыскать и открыть Северный Полос.

— А-а! — снова сказал Пух. — А что такое Северный Полос? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают, — небрежно сказал Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно, — сказал Пух. — А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуськом... Ты бы лучше сказал всем остальным, чтобы они собирались, пока я почищу ружьё. И ещё надо не забыть провизию.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едят.

— А-а! — сказал Пух радостно. — А мне показалось, ты говорил про какую-то визию. Тогда я пойду и скажу им всем.

И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик, — сказал Пух. — Это ты?

— Давай играть, как будто это не я, — сказал Кролик. — Посмотрим, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе поручение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в экспедицию с Кристофером Робинем.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда, — сказал Пух. — Мы должны, главное, не забывать про... Словом, про то, что едят. А то вдруг нам есть захочется. Я теперь пойду к Пятачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побежал к дому Пятачка. Пятачок сидел на земле и гадал на ромашке, выясняя — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Пятачок! — взволнованно сказал Пух. — Мы все отправляемся в *экспедицию*. Все, все! И берём про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Пятачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчёт злости. Он сказал только, что в нём есть «кс».

— «Кысы» я не боюсь, — серьёзно сказал Пятачок. — Я боюсь только волков, но если с нами пойдёт Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Спустя немного времени все были в сборе, и экспедиция началась. Первым шёл Кристофер Робин и Кролик, за ним Пятачок и Пух, далее Кенга с Крошкой Ру и Сова, ещё дальше — Иа, а в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал, — небрежно объяснил Кролик, — они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать,— сказал Иа,— что это действует на нервы. Я вообще не собирался идти в эту ископе... или как там Пух выразился. Я пришёл только из чувства долга. Тем не менее я здесь, и если я должен идти в конце ископе — вы понимаете, о чём я говорю,— то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне захочется посидеть и отдохнуть, мне придётся сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не ископе — или как её там называют,— а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду,— сказала Сова.— Если вы спросите меня...

— Я никого не спрашиваю,— сказал Иа.— Я, наоборот, всем объясняю. Можете искать Северный Полус, а можете играть в «Сиди, сиди, Яша» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в голове колонны послышался крик.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Кристофер Робин.

— Вперёд! — кричали Пух и Пятачок.

— Вперёд! — кричала Сова.

— Тронулись! — сказал Кролик. — Я должен бежать. — И он помчался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно, — сказал Иа. — Все тронулись. Но я тут ни при чём.

Так они выступили в поход к Полюсу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который сочинял песню.

— Вот и первая строфа, — сказал он Пятачку, когда она была наконец готова.

— Первая строфа чего?

— Моей песни.

— Какой песни?

— Этой самой.

— Какой?

— Если ты слушаешь, то всё узнаешь.

— А откуда ты знаешь, что я не слушаю?

На это Пух не нашёл, что ответить, и поэтому начал петь:

Все вышли в ИСКПЕДИЦИЮ
(Считая и меня).
Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его родня!

Вся наша ИСКПЕДИЦИЯ
Весь день бродила по лесу,
Искала ИСКПЕДИЦИЯ
Везде дорогу к Полюсу.

И каждый в ИСКПЕДИЦИИ —
Ужасно был бы рад
Узнать, что значит Полюс
И с чем его едят!

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. — Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поро-
сёнку.

— Тсс! — сказал Пятачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сове, а Крошка Ру несколько раз подряд сказал «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цыц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой.

Его звали Сашка Букашка.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засад.

— Какой сад? — шепнул Пух Пятачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — неужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Пятачок, строго посмотрев на неё, — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно необязательно было тебе...

— Засада,— сказала Сова,— это вроде сюрприза.

— Малина иногда тоже,— сказал Пух.

— Засада, как я собирался объяснить Винни-Пуху,— сказал Пятачок,— это вроде сюрприза.

— Если на тебя внезапно наскочат, это называется засадой,— сказала Сова.

— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат,— объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куст малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева, и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

— Никто не говорил о малине,— довольно сердито сказала Сова.

— Я же говорил,— сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зелёной травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин командовал: «Стой!» — и все усадились отдыхать.

— По-моему,— сказал Кристофер Робин,— мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть всё наше что? — сказал Пух.

— Всё, что мы принесли,— сказал Пятачок, приступая к делу.

— Это хорошая мысль,— сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня,— сказал Иа.— Как обычно! — Он грустно оглянулся.— Интересно, никто из вас не сидит случайно на чертополохе?

— Кажется, я сижу,— сказал Пух.— Ой! — Он вскочил и оглянулся.— Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если он тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешёл на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нём сидят,— заговорил Иа, на минуту оторвавшись от еды.— Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешает проявлять внимание к товарищу. Надо иногда подумать и о других, я хочу сказать!

Как только Кристофер Робин покончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторонку.

— Мне не хотелось говорить при всех,— начал Кристофер Робин.

— Понятно,— сказал Кролик, надувшись от гордости.

— Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя *Северный Полюс*?

— Ну,— сказал Кролик, встопорщив усы,— надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл,— небрежно сказал Кристофер Робин.

— Странное совпадение,— сказал Кролик,— я тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткнута в землю. Правда?

— Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же её некуда воткнуть, да к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом,— сказал Кролик.— Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем!— сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно похрапывал; Ру мыл мордочку и лапки в речке возле запруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «рододендрон», хотя Кенга и не думала её слушать.

— Не одобряю я этих разных умываний,— ворчал Иа,— в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну,— сказал Пух,— я считаю...

Но мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и громкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду!— закричал Кролик.

— Доумывался!— сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.

— Смотрите, как я плаваю! — пропищал Ру. Он был уже на середине пруда, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру. — Смотри, как я пла... Буль, буль! — И он вынырнул уже у следующей запруды. Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшийся, прыгал на месте и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга огромными скачками неслась по берегу, не забывая спрашивать: «Ру, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле запруды — той самой, где Ру упал, — и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происходящему, он приговаривал: «Всё из-за этого мытья; но ты только держись за мой хвост, Ру, и всё будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперёд, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идём к тебе! — кричал Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное. Он подхватил длинную палку и перебросил её на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — ухватился за неё и выкарабкался на берег.

— Вы видали, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делал? Я плавал! Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашёл эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую всё ещё продолжал держать.

— Ну, просто нашёл, — сказал он. — Разве это ось? Я думал, это просто палка и она может пригодиться. Она там торчала в земле, а я её поднял.

— Пух,— сказал Кристофер Робин торжественно,— экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полкус.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулись на лужайку, Иа всё ещё продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторопился,— сказал он.— Мой хвост озяб. Я не жалуюсь, я просто констатирую факт. Мой хвост замёрз.

— Вот я! — пропищал Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа вытащил хвост из воды и помахал им.

— Я так и думал,— сказал он.— Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дошло. Он окоченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик! Я его сейчас вытру,— сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чём их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция спины.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растирая хвост изо всех сил.— Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет, Иа! — сказал Пух, подойдя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чём мы говорили.

— А я ни о чём не говорил,— сказал Пух, недоумевая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет,— сказал Пух чистосердечно.— Это был не я.— Он подумал немножко и, желая помочь выяснить вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-нибудь другой.

— Ну что ж, тогда поблагодари его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущённо посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух нашёл Северный Полюс,— сказал Кристофер Робин.— Здорово, правда? Вот Земная Ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да,— сказал Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да,— сказал Пух.

— Гм,— сказал Иа-Иа.— Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было,— добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШЕННО ОКРУЖЕН ВОДОЙ

Дождик лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь — а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он ещё не видел столько дождя сразу. А дождь лил, и лил, и лил. С утра до вечера. День за днём.

«Вот если бы,— думал Пятачок, выглядывая из окна,— я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождь начался, мне было бы всё время весело. А то сиди тут один-одинёшенек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видал когда-нибудь такой дождь?» — а Пух отвечает: «Ну прямо ужасно!», или он, Пятачок, в свою очередь, говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще какой толк в таких потрясающих вещах, как потопа и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?

А было, спору нет, потрясающе интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями; ручейки, по которым он, бывало, шлёпал, подвернув штанишки, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья так весело играли, вылезла из своего ложа (так называют речкину постель) и разлилась так широко, что Пятачок начал беспокоиться, не заберётся ли она скоро и в его собственное ложе (то есть в его постель).

«Да, немного страшновато,— сказал он сам себе,— быть Очень Маленьким Существом, совершенно окружённым водой! Кристофер Робин и Пух могут спастись, забравшись на дерево, Кенга может ускользнуть и тоже спастись, Кролик может спастись, зарывшись в землю, Сова может улететь, а Иа может

спастись — ммм... если будет громко кричать, пока его не спасут.

А вот я сижу тут, весь окружённый водой, и совсем-совсем *ничего* не могу сделать!»

Дождь всё лил, и с каждым днём вода подымалась немножко выше, и вот она подошла уже к самому окошку, а Пятачок всё ещё ничего не сделал.

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин, — историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил её в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит её в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придёт и спасёт его!

Он обыскал весь свой дом, вернее, всё, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашёл сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки:

*Помогите!
Пятачку (это я)*

а на обороте:

*Это я, Пятачок,
спасите, помогите!*

Потом он положил бумагу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка — но так, чтобы не выпасть, — и изо всех сил бросил бутылку.

— Плюх! — сказала бутылка и закачалась на волнах.

Пятачок следил, как она медленно уплывает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто рябь на воде, и наконец он понял, что больше он её никогда не увидит и что он сделал всё, что мог, для своего спасения.

«И, значит, теперь, — думал он, — кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придётся

плавать, а ведь я не умею». Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

— Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоём намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь лил, лил и лил, а он спал, спал и спал. Накануне он очень устал. Как вы помните, он открыл Северный Полюс, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли где ещё Полосов, которые Медведь с опилками в голове мог бы открыть.

«Есть ещё Южный Полюс,— сказал Кристофер Робин,— и, по-моему, где-то есть Восточный Полюс и Западный Полюс, хотя люди почему-то не любят говорить о них».

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полюсу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полюс сам. Открыл он его или нет, я забыл; но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, спустя каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, и спал.

И вдруг он увидел сон. Он, Пух, был на Восточном Полюсе, и это оказался очень холодный Полюс, весь покрытый самыми холодными сортами снега и льда. Пух разыскал пчелиный улей и улёгся там спать, но в улье не хватило места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возьмись, пришли Дикие Буки, обитающие на Восточном Полюсе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнёзда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил, что он сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлёпал к двери и выглянул наружу...

— Положение серьёзное,— сказал Пух,— надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с мёдом и спасся с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчавшую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и спасся с другим горшком.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло десять горшков с мёдом...

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояли четыре горшка с мёдом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с мёдом.

На четвёртый день на ветке сидел Пух один-одинёшенек.

И в это самое утро бутылка Пятачка проплывала мимо Пуха.

И тут с громким криком «Мёд! Мёд!» Пух кинулся в воду, схватил бутылку и, по шейку в воде, храбро вернулся к дереву и влез на ветку.

— Жаль, жаль,—сказал Пух, открыв бутылку,—столько мокнуть, и совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на неё.

— Это Спасание,—сказал он,—вот что это такое. А вот это буква «Пы», да-да-да, да-да-да, а «Пы», наверно, значит «Пух», и, значит, это очень важное Спасание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Пятачка — словом, какого-нибудь читателя, кото-

рый умеет читать все слова, и они мне скажут, про что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

«Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывёт, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок».

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

— У каждого корабля должно быть название,— сказал он,— значит, я назову свой — «Плавучий Медведь».

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслед.

Некоторое время Пух и «Плавучий Медведь» не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце концов они договорились. «Плавучий Медведь» оказался внизу, а на нём — Пух, отчаянно болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь лил, лил и лил, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти всё время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему приходилось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась всё короче и короче.

Наутро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает её друг Кристофер Робин.

— Слушай, Сова,— сказал Кристофер Робин,— до чего здорово! Я живу на острове!

— Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными,— сказала Сова.

— Что, что?

— Дождик был,—пояснила Сова.

— Да,—сказал Кристофер Робин,—был.

— Уровень паводка достиг небывалой высоты.

— Кто?

— Я говорю — воды кругом много, — пояснила Сова.

— Да,—согласился Кристофер Робин,—очень много.

— Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

— Ты видела Пуха?

— Нет, прогноз...

— Я надеюсь, он жив и здоров,—сказал Кристофер Робин.—Я немного беспокоюсь о нём. Интересно, Пятачок с ним или нет? Ты думаешь, у них всё в порядке, Сова?

— Я полагаю, что всё в порядке. Ты понимаешь, прогноз...

— Знаешь что, Сова, погляди, как они там, потому что ведь у Пуха опилки в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю, Сова. Понимаешь, Сова?

— Очень хорошо,—сказала Сова,—я отправляюсь. Вернусь немедленно.—И она улетела.

Вскоре она вернулась.

— Пуха там нет,—сказала она.

— Нет?

— Он был там. Он сидел на ветке с девятью горшками мёда. Но теперь его там нет.

— Пух, дорогой,—крикнул Кристофер Робин,—где же ты?

— Вот где я,—ответил сзади ворчливый голосок.

— Пух!!

Они кинулись обниматься.

— Как ты сюда попал, Пух? — спросил Кристофер Робин, когда он смог снова заговорить.

— На корабле! — сказал Пух гордо.—Я получил очень важное Спаслание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привёз его тебе на своём корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

— Это же от Пятачка! — закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

— А про Пуха там ничего нет? — спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину через плечо.

Кристофер Робин прочёл послание вслух.

— Ах, так все эти «Пы» были Пятачки? А я думал, это были Пухи.

— Надо его немедленно спасать! Я-то думал, что он с тобой, Пух. Сова, ты можешь его спасти на спине?

— Не думаю, — отвечала Сова после длительного размышления. — Сомнительно, чтобы спинная мускулатура была в состоянии...

— Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пухом подумаем, как его спасти, и придём, как только сможем. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, всё ещё повторяя про себя то, что она хотела, но не успела высказать, Сова улетела.

— Ну вот, Пух, — сказал Кристофер Робин, — где твой корабль?

— Надо сказать, — объяснил Пух Кристоферу по дороге к берегу, — что это не совсем обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это вроде несчастного случая. Смотря по тому...

— Смотря по чему?

— Ну, по тому — наверху я или внизу. На нём или под ним.

— Ну, а где он?

— Вот, — сказал Пух гордо и указал на «Плавучего Медведя».

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он глядел на «Плавучего Медведя», тем больше он думал о том, какой же храбрый и умный медведь Винни-Пух, но чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скромнее глядел Пух в землю, стараясь сделать вид, что это не он.

— Но только он слишком маленький для нас обоих, — сказал Кристофер Робин грустно.

— Для нас троих, считая Пятачка.

— Ну, значит, он ещё меньше. Винни-Пух, что же нам делать?

И тут этот медвежонок, Винни-Пух, Д. П. (Друг Пятачка), П. К. (Приятель Кролика), О. П. (Открыватель Полюса), У. И. и Н. Х. (Утешитель Иа-Иа и Находитель Хвоста),— одним словом, наш Винни-Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая—неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

— Мы поплывём в твоём зонтике,—сказал Пух.

— ??

— Мы *поплывём* в твоём зонтике,—сказал Пух.

— ???

— Мы *поплывём в твоём зонтике*,—сказал Пух.

— !!!

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но закачался. Пух влез в него. И он было уже хотел сказать, что всё в порядке, когда обнаружил, что не всё, и после непродолжительного купания он вброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

— Мы назовём это судно «Мудрость Пуха»,—сказал Кристофер Робин.

И «Мудрость Пуха» на всех парусах поплыла в юго-восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как обрадовался Пятачок, когда наконец увидел Корабль! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного потопа, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Сова уселась на ветку и, чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длинейшую историю про свою Тётку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тянулась и тянулась (совсем как эта фраза), пока Пятачок (который слушал Сову, высунувшись в окно), потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно,

стал помаленьку вываливаться из окна; но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног, Сова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тётки и её крик, когда она (Тётка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: «Ах как интересно! Да что вы говорите!» — словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный Корабль «Мудрость Пуха» (Капитан — К. Робин, 1-й помощник — В.-Пух), который плыл ему на выручку, а К. Робин и В.-Пух, в свою оче...

Ну, эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал от этой последней фразы, что тоже не прочь бы кончить, но никак нельзя не рассказать о том, что было позже.

Потому что позже, когда всё высохло, и все ручейки в Лесу стали опять маленькими и хорошенькими, и вода в тихих, сонных лужицах только грезилась о великих делах, которые она совершила, Кристофер Робин устроил Торжественный Вечер в честь своего друга Винни-Пука и в честь Славного Дела, которое он — Винни-Пух — совершил.

Это был чудесный вечер! В Лесу был накрыт длинный-предлинный стол, и на одном Председательском месте — в конце стола — сидел Кристофер Робин, а на другом Председательском месте — в другом конце стола — сидел сам Винни-Пух, а на остальных местах сидели Гости: Пятачок, и Кролик, и Иа, и Кенга, и Ру, и Сова. А кругом, в траве, расположились Родственники и Знакомые Кролика, всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы иногда нечаянно наступаете, и кончая теми, которые иногда нечаянно залетают вам в глаз), и терпеливо ждали, что кто-нибудь из Гостей заговорит с ними, или что-нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

И, конечно, все-все-все славно угостились, а потом Кристофер Робин произнёс Хвалебную речь в честь того, кто совершил Славное Дело; и сказал, что для него — для того, кто это Дело совершил, — приготовлен Большой Подарок.

Но так как он не сказал, кто именно совершил Славное Дело, считая, что все и так его знают, то Иа-Иа вдруг по ошибке принял всё Торжество на свой счёт, и ослик понял свою ошибку только тогда, когда Подарок (большая, очень красивая коробка) был вручён тому, кто действительно это дело совершил, то есть Винни-Пуху.

Винни-Пух принял Подарок и сказал «спасибо», и все столпились вокруг него, крича наперебой: «Открывай скорей!», «Чего там есть?», «А я знаю, что там!» и так далее.

А когда Винни-Пух открыл коробку (поскорей, но всё-таки не разрезав, а развязав ленточку — ведь она всегда вдруг может понадобиться), все так и ахнули, а сам Винни чуть не упал от радости.

Потому что это оказалась Специальная Коробка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные «В» — в честь Винни-Пуха, и карандаши, помеченные «НВ» — в честь Неустрасимого Винни, и ещё карандаши, помеченные «ВВ» — в честь... в честь Выручательного Винни, потому что ведь это он выручил Пятачка; и ещё там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает всё, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зелёные и Красно-Синие, совсем как у взрослых.

И всё это было для Пуха.

И, по-моему, он всё это вполне заслужил.

А как вы считаете?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

В КОТОРОЙ ДЛЯ ИА-ИА СТРОЯТ ДОМ НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ

Однажды, когда Винни-Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что всё-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шёл снег, и Винни плёлся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня; но, к своему удивлению, он увидел, что дверь дома Пятачка открыта, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушёл из дому,— грустно сказал Пух,— вот в чём дело. Поэтому его и нет дома! Придётся мне прогуляться одному и самому обдумать всё это. Обидно-досадно!

Но сначала он решил всё-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Винни хорошим Шумом, который может, пожалуй, многим понравиться:

Иду вперёд
(Тирлим-бом-бом),
И снег идёт
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам совсем-
Совсем не по дороге!
Но только вот
(Тирлим-бом-бом)
Скажите, от-
(Тирлим-бом-бом),
Скажите, от-
Чего так зябнут ноги?

— Тогда я вот что сделаю,— сказал Винни-Пух. — Я сделаю так: просто сперва пойду домой и посмотрю, который час, и, может быть, надену шарф, а потом я пойду навещу Иа и спою ему эту Шумелку.

Винни побежал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем как спеть её Иа, что, когда он

внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье—в чьём же доме он находится?

— Ой, Пятачок,—сказал он,—а я думал, тебя нет дома.

— Нет,—сказал Пятачок,—это тебя нет дома, Пух.

— Пожалуй, правильно,—сказал Пух,—во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

— Ура, ура, уже почти одиннадцать,—сказал Пух радостно,—как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

— А потом мы пойдём гулять и spoём мою Шумелку Иа,—добавил он.

— Какую Шумелку?

— Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа,—объяснил Пух.

Спустя полчаса, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часы, к их утешению, всё ещё показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надоело вертеться, пытаясь поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая снежинка сама отыскивала себе место для отдыха. Порой этим местом оказывался нос Винни-Пуха, а порой нет, и спустя немного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как ещё никогда в жизни.

— Пух,—сказал он наконец, слегка помявшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он сдаётся.—Я вот о чём подумал: а что, если мы сейчас пойдём домой и поучим как следует твою песню, поупражняемся, а потом spoём её Иа? Завтра... или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим?

— Это очень хорошая мысль, Пятачок!—сказал Пух.—Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге, но только дома её повторять не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и её надо петь на дороге, когда идёт снег.

— Обязательно?—тревожно спросил Пятачок.

— Да ты сам увидишь, Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: «Иду вперёд, тирлим-бом-бом...»

— Тирлим что? — спросил Пятачок.

— Бом-бом,— сказал Пух.— Я вставил это, чтобы она была шумелочней. «И снег идёт, тирлим-бом-бом, хоть нам...»

— А ты разве не сказал «иду вперёд»?

— Да, но «вперёд» был впереди.

— Впереди тирлим-бом-бома?

— Это же был другой тирлим-бом-бом,— сказал Винни-Пух, уже несколько сбивый с толку.

И он запел снова:

Идём
Вперёд
(Тирлим-бом-бом),
И снег
Идёт
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам
Совсем-совсем не по дороге!
Но только
Вот (тирлим-бом-бом)
Скажите,
От- (тирлим-бом-бом),
Скажите,
Отчего так зябнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от начала до конца, и, пожалуй, так она стал ещё лучше, и, окончив, Винни замолчал в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта — самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьёзного размышления высказал своё мнение.

— Пух,— сказал он задумчиво,— по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подходили к Унылому Месту, где жил Иа, и, так как у Пятачка за ушками всё ещё было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули в небольшую сосновую рощицу и присели на калитку в изгороди.

Теперь снег на них не падал, но всё ещё было очень холодно, и, чтобы не замёрзнуть, они спели Шумелку Пуха шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнял все тирлим-бом-бомы, а Пух всё остальное), причём оба в нужных местах колотили по изгороди палочками. Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

— Я сейчас думал,— сказал Пух,— и думал я вот о чём: я думал про Иа.

— А что ты думал про Иа?

— То, что ведь бедному Иа негде жить.

— Негде, негде,— согласился Пятачок.

— У тебя есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома. И у Кристофера Робина есть дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Родственников и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного Иа нет совсем ничего. И вот что я придумал: давай построим ему дом.

— Это замечательная мысль,— сказал Пятачок.— А где мы его построим?

— Мы построим его здесь,— сказал Пух,— на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место «Пухова Опушка», и мы построим для Иа на Пуховой Опушке — **ДОМ ИА.**

— Ой, кстати, там за рощей я видел груды палочек,— сказал Пятачок.— Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

— Спасибо, Пятачок. То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я бы мог назвать это место Пуховопятачковой Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала лучше. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они слезли с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин всё это утро провёл в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошёл с корабля и подумал: «Интересно, какая сейчас на улице погода», как вдруг в его дверь постучал не кто иной, как Иа.

— Здравствуй, Иа,— сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор.— Как ты себя чувствуешь?

— Снег всё идёт,— мрачно сказал Иа.

— Да, да.

— И мороз.

— Да?

— Да,— сказал Иа.— Однако,— добавил он, немного просветлев,— землетрясений у нас в последнее время не было.

— Что случилось, Иа?

— Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенно-го. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

— Какого дома?

— Просто дома.

— А кто там живёт?

— Я живу. По крайней мере, я думал, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

— Ой, Иа, я не знал. Я всегда думал...

— Не знаю, в чём тут дело, Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всём прочем, сейчас в поле часа в три утра не так жарко, как думают некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не приходится. Никак не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин,— продолжал Иа громким шёпотом,— строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить,— там *холодно*.

— Ой, Иа!

— И я сказал себе—ведь остальные, пожалуй, огорчатся, если я замёрзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют *думать*, но если снег будет идти ещё недель шесть или в этом духе, даже кто-нибудь из них может сказать себе: «Пожалуй, Иа не так уж жарко сейчас, часа в три утра». А потом он захочет это проверить. А ещё потом ему станет очень грустно.

— Ой, Иа!—сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

— Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, всё это я клоню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой Рощицы.

— Правда построил? Как замечательно!

— Действительно замечательным,—продолжал Иа самым унылым тоном,—представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда я вернулся, его там не было. Вообще это всё вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но всё-таки я несколько обескуражен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально натянул тёплую шапку, тёплые ботинки и тёплое пальто.

— Мы сейчас пойдём и выясним это,—сказал он Иа.

— Иногда,—сказал Иа,—когда люди забирают чей-нибудь дом, там остаётся кусочек-другой, который им не нужен и который они с удовольствием вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы заглянем...

— Пошли, пошли,—сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку рощи, где *не было* дома Иа.

— Ну вот,—сказал Иа.—Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать всё, что я хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

— Ты не слышишь?—спросил он Иа.

— А что там такое? Кто-то смеётся?

— Слушай.

Они прислушались... И они услышали ворчливый басок, напевавший, что и он идёт, и снег идёт, хотя им совсем-совсем не по дороге, и чей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлибomboмбогать.

— Это Пух! — радостно сказал Кристофер Робин.

— Вероятно, — сказал Иа.

— И ещё Пятачок, — взволнованно сказал Кристофер Робин.

— Возможно, — сказал Иа. — Кто нам сейчас действительно нужен — это хорошая ищейка.

Слова песни неожиданно изменились.

— Наш дом готов! — пел бас.

— Тирлим-бом-бом, — пел пискливый голосок.

— Прекрасный дом...

— Тирлим-бом-бом...

— Я сам охотно жил бы в нём!..

— Тирлим-бом-бом!

— Пух! — закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

— Это Кристофер Робин, — в восторге сказал Пух.

— Он на той стороне. Там, где мы взяли палочки, — сказал Пятачок.

— Побежали, — сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

— Эй, а тут Иа! — сказал Пух, когда они с Кристофером Робинком кончили обниматься. Он толкнул локтем Пятачка, а Пятачок толкнул локтем его, и они подумали, какой это приятный сюрприз. — Здравствуй, Иа!

— И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам — вдвое, — уныло сказал Иа.

Не успел Винни-Пух спросить: «Почему по четвергам?» — как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа. Пух и Пятачок слушали, и глаза у них становились всё больше и больше.

— Где, ты говоришь, он был? — спросил Пух.

— Как раз тут, — сказал Иа.

— Он был сделан из палочек?

— Да.

— Ох, — сказал Пятачок.

— Что? — сказал Иа.

— Я просто сказал «ох», — нервно ответил Пятачок

и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлиббомбомкнул так беззаботно, как только мог.

— А ты уверен, что это был дом?—спросил Пух.—Я хочу сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

— Конечно, уверен,—сказал Иа. Он пробормотал про себя: «Ни тени ума нет у некоторых!»

— В чём дело, Пух?—спросил Кристофер Робин.

— Ну...—сказал Пух.—Дело в том...—сказал он.—Ну, дело в том...—сказал Пух.—Понимаешь...—сказал Пух.—Как бы вам сказать...—сказал Пух, и тут что-то, видимо, подсказало ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Пятачка локтем.

— Как бы вам сказать...—поспешно сказал Пятачок.—Только теплее,—добавил он после долгого размышления.

— Что—теплее?

— На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

— Мой дом?—спросил Иа.—Мой дом был здесь.

— Нет,—твёрдо сказал Пятачок,—он на той опушке.

— Потому что там теплее,— сказал Пух.

— Но я хочу знать...

— Пойдём и посмотрим,— просто сказал Пятачок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа — с виду уютный-преуютный.

— Вот он,— сказал Пятачок.

— Внутри не хуже, чем снаружи,— с гордостью сказал Пух.

Иа вошёл в дом и снова вышел.

— Странное явление,— сказал он.— Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его сдуло сюда ветром. Видимо, ветер перенёс его прямо через рощу и тут опустил. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

— Гораздо лучше! — хором сказали Пух и Пятачок.

— Вот вам пример того, что можно сделать, если не лениться,— сказал Иа.— Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Пятачок? Во-первых — Смекалка, а во-вторых — Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! — гордо закончил Иа.

Все попрощались со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин пошёл обедать со своими друзьями — Пухом и Пятачком. По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибке, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно запели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели её всю дорогу, причём Пятачок, который всё ещё был немного не в голосе, только тирлиббомбомкал.

«Конечно, кажется, что тирлиббомбомкать легко,— сказал Пятачок про себя,— но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

В КОТОРОЙ В ЛЕС ПРИХОДИТ ТИГРА И ЗАВТРАКАЕТ

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажёл свечку и пошёл к буфету—проверить, не пытается ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лёг в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук—тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Пятачок?—спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин,—сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошёл.

— Завтра расскажешь, Иа,—сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— **ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА!**—говорил Неизвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое?—подумал он.—У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это и не пение, и не сопение, и не хрипение... Это даже не тот звук, который издаёшь перед тем, как прочитать вслух стихи. Это, какой-то незнакомый шум, и шумит какой-то незнакомый зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и попросить его перестать».

Винни встал с постели и открыл дверь.

— Привет!—сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Привет!—ответил Неизвестно Кто.

— Ох!—сказал Пух.—Привет!

— Привет!

— А, это ты!—сказал Пух.—Привет!

— Привет!—сказал Чужой Зверь, недоумевая, до каких пор этот обмен приветствиями будет продолжаться.

Пух как раз собирался сказать «Привет!» в четвёртый раз, но подумал, что, пожалуй, не стоит, и вместо этого он спросил:

— А кто это?

— Я,—отвечал Голос.

— Правда? — сказал Пух.— Ну, тогда входи!

Тут Неизвестно Кто вошёл, и при свете свечи он и Пух усталились друг на друга.

— Я — Пух,— сказал Винни-Пух.

— А я — Тигра,— сказал Тигра.

— Ох! — сказал Пух. (Ведь он никогда раньше не видел таких зверей.)— А Кристофер Робин знает про тебя?

— Конечно, знает! — сказал Тигра.

— Ну,— сказал Пух,— сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мед на завтрак. Тигры любят мёд?

— Они всё любят! — весело сказал Тигра.

— Тогда, раз они любят спать на полу, я пойду опять лягу в постель,— сказал Пух,— а завтра мы займёмся делами. Спокойной ночи!

И он лёг в постель и поскорее заснул.

Первое, что он увидел утром, проснувшись,— это был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на свое отражение.

— Доброе утро! — сказал Пух.

— Доброе утро! — сказал Тигра.— Смотри-ка, тут есть кто-то, точь-в-точь как я, а я думал, я только один такой.

Пух вылез из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошёл до самого интересного места, Тигра сказал:

— Минуточку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лезет на твой стол!.. **ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА-ВОРРА!** — проворчал он, схватил угол скатерти, стащил её на пол, завернулся в неё три раза, перекатился на другой конец комнаты и, после отчаянной борьбы, высунул голову из-под скатерти и весело спросил: — Ну, кто победил? Я?

— Это моя скатерть,— сказал Пух, начиная развёртывать Тигру.

— Никогда бы не подумал, что её так зовут,— сказал Тигра.

— Её стелют на стол, и на неё потом всё ставят.

— А тогда зачем она старалась укусить меня, когда я не смотрел?

— Не думаю, чтобы она очень старалась,— сказал Пух.

— Она старалась,— сказал Тигра,— но где ей со мной справиться!

Пух расстелил скатерть на столе, поставил большой горшок мёду на скатерть, и они сели завтракать.

Как только они сели, Тигра набрал полный рот мёду... и поглядел на потолок, склонив голову набок. Потом послышалось чмоканье—удивлённое чмоканье, и задумчивое чмоканье, и чмоканье, означающее: «Интересно, что же это нам такое дали?»

А потом он сказал очень решительным голосом:

— Тигры не любят мёда!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, стараясь показать, что его это ужасно огорчило.— А я-то думал, что они любят всё.

— Всё, кроме мёда,— сказал Тигра.

Сказать по совести, Винни-Пуху это было довольно приятно, и он поспешно сообщил Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желудями.

— Спасибо, Пух,— сказал Тигра,— потому что как раз жёлуди Тигры любят больше всего на свете!

И вот после завтрака они отправились в гости к Пятачку, и Пух по дороге объяснял, что Пятачок—очень Маленькое Существо и не любит, когда на него насакивают, так что он, Пух, просит Тигру не очень распрыгиваться для первого знакомства, а Тигра, который всю дорогу прятался за деревьями, то вдруг выскакивал из засады, стараясь поймать тень Пуха, когда она *не смотрела*, отвечал, что Тигры насакивают только до завтрака, а едва они съедят немного желудей, они становятся Тихими и Вежливыми. Так они незаметно дошли до дверей Пятачка и постучали.

— Здравствуй, Пух,— сказал Пятачок.

— Здравствуй, Пятачок. А это—Тигра.

— П-п-правда?—спросил Пятачок, отъезжая на стуле к противоположному краю стола.— А я думал, Тигры не такие большие.

— Ого-го! Это ты не видал больших!—сказал Тигра.

— Они любят жёлуди,—сказал Пух,—поэтому мы и пришли. Потому что бедный Тигра до сих пор ещё совсем не завтракал.

Пятачок подвинул корзинку с желудями Тигре и сказал: «Угощайтесь, пожалуйста», а сам крепко прижался к Пуху и, почувствовав себя гораздо храбрее, сказал: «Так ты Тигра? Ну-ну!» — почти весёлым голосом. Но Тигра ничего не ответил, потому что рот у него был набит желудями...

Он долго и громко жевал их, а потом сказал:

— Мимы ме мюмят момумей.

А когда Пух и Пятачок спросили: «Что, что?» — он сказал:

— Мимимите! — и выбежал на улицу.

Почти в ту же секунду он вернулся и уверенно объявил:

— Тигры не любят желудей.

— А ты говорил, они любят всё, кроме мёда,— сказал Пух.

— Всё, кроме мёда и желудей,— объяснил Тигра.

Услышав это, Пух сказал: «А-а, понятно!» — а Пятачок, который был, пожалуй, немного рад, что Тигры не любят желудей, спросил:

— А как насчёт чертополоха?

— Чертополох,— сказал Тигра,— Тигры действительно любят больше всего-всего на свете!

— Тогда пойдём навестим Иа,— предложил Пятачок.

Все трое отправились в путь. Они шли, и шли, и шли и наконец пришли в тот уголок Леса, где находился Иа-Иа.

— Здравствуй, Иа! — сказал Пух. — Вот это — Тигра.

— Кто вот это? — спросил Иа.

— Вот это,— в один голос объяснили Пух и Пятачок, а Тигра улыбнулся во весь рот и ничего не сказал.

Иа обошёл вокруг Тигры два раза: сначала с одной стороны, потом с другой.

— Как, вы сказали, это называется? — спросил он, закончив осмотр.

— Тигра.

— Угу,— сказал Иа.

— Он только что пришёл,— объяснил Пятачок.

— Угу,— повторил Иа.

Он некоторое время размышлял, а потом сказал:

— А когда он уходит?

Пух стал объяснять Иа, что Тигра — большой друг

Кристофера Робина и он теперь всегда будет в Лесу, а Пятачок объяснил Тигре, что он не должен обижаться на то, что сказал Иа, потому что он, то есть Иа, всегда такой угрюмый; а Иа-Иа объяснил Пятачку, что, наоборот, сегодня утром он необыкновенно весел; а Тигра объяснил всем и каждому, что он до сих пор ещё не завтракал.

— Ох, так и знал, что позабуду,— сказал наконец Пух.— Тигры всегда едят чертополох — вот почему мы пришли к тебе в гости.

— Спасибо, Пух! Очень, очень тронут твоим вниманием!

— Ой, Иа, я не хотел сказать, что мы не хотели тебя видеть...

— Понятно, понятно. Словом, ваш новый полосатый друг хочет позавтракать. Вполне естественно. Как, вы говорите, его зовут?

— Тигра.

— Ну, тогда пойдём сюда, Тигра.

Иа проводил Тигру к самому колючему кусту чертополоха и для верности показал на него копытом.

— Этот кустик я берёг для своего дня рождения,— сказал он,— но, в конце концов, что такое день

рождения? Сегодня он тут, а завтра его нет. Пожалуйста, Тигра, угощайся.

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно покосился на Пуха.

— Это и есть чертополох? — шепнул он.

— Да, — сказал Пух.

— Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

— Совершенно верно, — сказал Пух.

— Понятно, — сказал Тигра.

И он храбро откусил большущую ветку и громко захрустел ею. В ту же секунду он сел на землю и сунул лапу в рот.

— Ой-ой-ой, — сказал он.

— В чём дело? — спросил Пух.

— Жжётся! — пробормотал Тигра.

— Кажется, — сказал Иа, — наш друг проглотил пчелу.

Друг Пуха на секунду перестал трясти головой (он пытался вытрясти колючки) и объяснил, что Тигры не любят чертополоха.

— Тогда зачем было портить такой отличный экземпляр? — сурово спросил Иа.

— Но ведь ты сам говорил,— начал Пух,— ты говорил, что Тигры любят всё, кроме мёда и желудей.

— И чертополоха! — крикнул Тигра, который в это время бегал с высунутым языком, описывая огромные круги.

Пух грустно посмотрел на него.

— Что же мы будем делать? — спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

— Вы найдёте его у Кенги,— сказал Иа. Потом он подошёл поближе к Пуху и сказал громким шёпотом: — Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? Я сегодня собираюсь обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед истоптали ногами. Конечно, это пустяки, прихоть, можно сказать, но у всех у нас есть свои маленькие капризы.

Пух важно кивнул и позвал Тигру.

— Пошли! Мы сейчас пойдём к Кенге, уж у неё обязательно найдётся для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончил последний круг и подбежал к Пуху.

— Жжётся! — объяснил он, широко и приветливо улыбаясь. — Пошли! — И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чём думать, а Пух ничего не говорил, потому что думал о новом стихотворении, и, когда он всё хорошенько обдумал, он начал:

Что делать с бедным Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь тот, кто ничего не ест,
Не может и расти!

А он не ест ни мёду,
Ни вкусных желудей—
Ну ничего, чем кормят
Порядочных людей!

Он даже отказался
Жевать чертополох,
Чем вызвал в нашем Обществе
Большой переполох!

Так что ж нам делать с Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь Тигре очень нужно
Немного подрасти!

— Да он ведь и так уже очень большой,— сказал Пятачок.

— На самом деле он ещё не очень большой.

— Ну, он кажется очень большим. Просто огромным!

Пух, услышав это, задумался и пробормотал про себя:

Не знаю я, сколько в нём Метров,
И Литров, и Килограмм,
Но Тигры, когда они прыгают,
ОГРОМНЫМИ кажутся нам!

— Теперь стихотворение закончено,— сказал он.— Тебе оно нравится, Пятачок?

— Всё, кроме Литров,— сказал Пятачок.— Помоему, они тут ни к чему.

— А они обязательно хотели встать сзади Метров,— объяснил Пух.— Вот я их и впустил туда, чтобы отвязаться. Вообще это самый лучший способ писать стихи — позволять вещам становиться туда, куда они хотят.

— Этого я не знал,— сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал впереди, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: «Сюда идти?» И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился со всех ног к нему.

— Ах, это ты, Тигра! — сказал Кристофер Робин.— Я знал, что ты где-нибудь тут.

— А я сколько всего нашёл в лесу! — с гордостью сказал Тигра.— Я нашёл пух, и пятачок нашёл, и ещё иа нашёл! А вот завтрака я нигде не нашёл.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину, обнялись с ним и рассказали, в чём дело.

— Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? — спросил Пух.

— Если я очень постараюсь, я, наверно, вспомню,— сказал Кристофер Робин,— но я думаю, что Тигра сам знает.

— Я знаю,— сказал Тигра,— они любят всё на свете, кроме мёда и желудей и ещё — как эти жгучки называются?

— Чертополох.

— Да и ещё кроме этих

— Ну что же, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом, и когда Крошка Ру сказал «Здравствуй, Пух», и «Здравствуй, Пятачок» (по одному разу), и «Здравствуй, Тигра» (два раза, потому что это очень забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда ещё так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: «Ну что ж, милый Тигра, загляни в мой буфет и посмотри — что тебе там понравится». Ведь Кенга сразу поняла, что, хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

— А можно мне тоже поглядеть? — сказал Пух, который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатичасно, и, получив согласие, он разыскал небольшую банку сгущенного молока. Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят сгущённого молока, и он тихонечко унёс банку в уголок и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра совал то свой нос, то лапу, то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят. И когда он перерыл весь буфет и нашёл всё, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

— Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок — все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: «Может, не надо?» — а Кенга говорила: «Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал».

— Что это там такое? — шепнул Тигра Пятачку.

— Это ему лекарство дают, — сказал Пятачок. — Витамины! Он их ненавидит!

Тигра подошёл поближе и наклонился над спинкой кресла Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое «буль-буль», и, подскочив от удивления, Кенга вскрикнула: «Ох!» — и ухватила ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезала в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

— Господи, Тигра, милый! — сказала Кенга.

— Он моё лекарство принял, он моё лекарство принял, он принял моё лекарство! — в восторге записал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошёл ходить кругами вокруг мордочки, на

тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем его озарила умиротворённая улыбка, и он сказал:

— Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поселился в доме у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую каши, которой завтракал Ру.

— Но я лично считаю, — говаривал в таких случаях Пятачок Пуху, — я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

В КОТОРОЙ КРОЛИК ОЧЕНЬ ЗАНЯТ И МЫ ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ПЯТНИСТЫМ ЩАСВИРНУСОМ

Всё предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня всё от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало всё проверить, всё выяснить, всё разъяснить и, наконец, самое главное — что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуху и сказать: «Ну что ж, отлично, тогда я передам Пятачку», а затем к Пятачку и сообщить: «Пух считает... Но лучше я сначала загляну к Сове». Начинался такой, как бы вам сказать, командирский день, когда все говорят: «Да, Кролик», «Хорошо,

Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, принюхиваясь к тёплому весеннему ветру, размышлял о том, с чего начать.

Ближе всех к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик» и «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безотлучно находился ещё один зверь — непослушный и неугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда сам лучше вас всё знает, и, если вы говорите ему, куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберётесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: «Ну вот, мы у цели!»

— Нет, к Кенге не надо, — задумчиво сказал Кролик, подкручивая усики. И, желая окончательно удостовериться в том, что он туда не идёт, он повернул налево и побежал прямёхонько к дому Кристофера Робина.

«Что ни говори, — твердил Кролик про себя, — Кристофер Робин надеется только *на меня*. Он, конечно, любит Пуха, и Пятачка, и Иа, я — тоже, но у них у всех в голове опилки. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет написать слово «суббота», даже если он пишет его неправильно, но правильное написание — это ещё не всё. Бывают такие дни, когда умение написать слово «суббота» просто не считается. А Кенга слишком занята Крошкой Ру, а Крошка Ру слишком маленький, а Тигра слишком непослушный, так что, когда наступает ответственный момент, надеяться можно только на меня. Я пойду и узнаю, в чём ему нужно помочь, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий».

Он весело перескочил на другой берег реки и вскоре оказался в районе, где жили его Родственники и Знакомые; сегодня их было, кажется, ещё больше обыкновенного. Кивнув одному-другому Ежу (поздороваться с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросив «Доброе утро, доброе утро» ещё кое-кому и снисходительно приветствовав самых маленьких словами: «Ах, это вы», Кролик махнул им всем лапкой и скрылся. Всё это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Ко-

заявок, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремучий Лес и полезли на деревья, надеясь, что они успеют забраться на верхушку до того, как это — что бы оно там ни было — случится, и они смогут всё как следует увидеть.

Кролик нёсся по опушке Дремучего Леса, с каждой минутой всё больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он раза два окликнул Кристофера Робина.

Потом он отошёл немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, ещё покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашёл с другой стороны и опять покричал: «Эй!» и «Слушай!» и «Это Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался, и всё замолчало и прислушалось вместе с ним, и в освещённом солнцем Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной высоте запел жаворонок.

— Обидно, — сказал Кролик, — он ушёл.

Он снова повернулся к зелёной двери, просто так, для порядка, и собирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно испорчено, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять письмо!

Вот что там говорилось:

*Ушёл щасвирутс
заним щасвирутс
К.Р.*

— Ага! — повторил Кролик. — Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремучему Лесу к дому Совы. Он подошёл к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Убирайся, я предаюсь размышлениям,— ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова,— сказал Кролик деловито,— у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду *думать по-настоящему*, то это наше с тобой дело.

— Да,— сказала Сова,— я этим и занималась.

— Прочти вот это.

Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на неё в некотором замешательстве. Она, конечно, умела подписываться — «*Сава*» и умела написать «*Суббота*» так, что вы понимали, что это не вторник, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не заглядывали через плечо и не спрашивали ежеминутно: «Ну так что же?» Да, она умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да,— сказала Сова очень умным голосом.— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно,— сказала Сова.— Вот именно.— И после некоторого размышления она добавила: — Если бы ты не зашёл ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

— Почему? — спросил Кролик.

— По этой самой причине,— сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь выяснить.

— Вчера утром,— торжественно произнёс Кролик,— я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколотая записка.

— Эта самая записка?

— Другая. Но смысл её был тот же самый. Всё это очень странно.

— Поразительно,— сказала Сова, снова уставившись на записку. На минуту ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина.— Что же ты сделал?

— Ничего.

— Это самое лучшее,— ответила мудрая Сова.

Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.

— Ну так что же? — повторил неумолимый Кролик.

— Конечно, это совершенно неоспоримо,— пробормотала Сова.

С минуту она беспомощно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг её осенило.

— Скажи мне, Кролик,—сказала она,—что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого всё зависит. Повтори слово в слово.

— Да то же самое, что и в этой, честное слово!

Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением спихнуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она ещё раз попыталась выяснить, о чём же всё-таки идёт разговор.

— Прощу повторить точный текст,—сказала она, словно не обратив внимания на то, что сказал Кролик.

— Да там было написано: «Ушол щасвирнус». То же самое, что и здесь, только здесь ещё добавлено: «Занит щасвирнус».

Сова с облегчением вздохнула.

— Ну вот,—сказала Сова,—вот теперь наше положение стало яснее.

— Да, но каково положение Кристофера Робина?—сказал Кролик.—Где он сейчас? Вот в чём вопрос!

Сова снова поглядела на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать

такую записку: «Ушол щасвирнус. Занит щасвирнус». А что тут ещё могло быть написано?

— По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло,— сказала она.— Кристофер Робин куда-то ушёл с Щасвирнусом. Он и этот... Щасвирнус сейчас чем-то заняты. Ты за последнее время встречал у нас в Лесу каких-нибудь Щасвирнусов?

— М-м-м,— сказал Кролик,— я как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?

— Ну,— сказала Сова,— пятнистый или травоядный Щасвирнус—это просто... По крайней мере,— сказала она,— он больше всего похож на... Но, конечно,— продолжала она,— это сильно зависит от... Ну...— сказала Сова.— Словом, я плохо представляю себе их внешний вид,— закончила она чистосердечно.

— Большое спасибо,— сказал Кролик.

И он помчался к Винни-Пуху.

Ещё издавека он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Винни-Пух, а шум был вот какой:

ЗАГАДОЧНЫЙ ШУМ

Опять ничего не могу я понять,
Опилки мои—в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.

Возьмём это самое слово *опять*.
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
«*Ошесть*», и «*осемь*», и «*овосемь*»?

Молчит *эта* жерка, молчит и *та* хта—
У них не добьёшься ответа,
Зачем это *хта*—обязательно *та*,
А жерка, как правило, *эта*!

«Собака кусается»... Что ж, не беда.
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусает ся, но никогда
Себя не кусает, однако...

О, если бы мог я всё это понять,
Опилки пришли бы в порядок!
А то мне—загадочно!—хочется спать
От всех этих *Трудных Загадок*!

— Здорово, Пух,—сказал Кролик.

— Здравствуй, Кролик,—сказал Пух сонно.

— Это ты сам додумался?

— Да, вроде как сам,—отвечал Пух.— Не то чтобы я умел думать,—продолжал он скромно,—ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

— Угу,—сказал Кролик, который никогда не позволял ничему находить на него, а всегда всё находил и хватал сам.— Так вот, дело вот в чём: ты когда-нибудь видал Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса у нас в Лесу?

— Нет,—сказал Пух,—ни-ко... Нет. Вот Тигру я видел сейчас.

— Он нам ни к чему.

— Да,—сказал Пух,—я и сам так думал.

— А Пятачка ты видел?

— Да,—сказал Пух.— Я думаю, он сейчас тоже ни к чему,—продолжал он сонно.

— Ну, это зависит оттого, видел он кого-нибудь или нет.

— Он меня видел,—сказал Пух.

Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но, почувствовав, что это умаляет его достоинство, снова встал и сказал:

— Если сформулировать нашу задачу, то её можно изложить так: «Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?»

— Что он делает?

— Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Требуются свидетельства очевидца за последние несколько дней.

— Да,—сказал Пух,—мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен. Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порядочную, солидную корзиночку, полную...

— Да, да,—сказал Кролик,—всё понятно. Но я имею в виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

— Ну,—сказал Пух,—в одиннадцать часов... в одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

— А в четверть двенадцатого?

— Ну...—начал Пух.

— В полдвенадцатого?

— Да,— сказал Пух.— В полдвенадцатого или немножко попозже я обычно вижусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил, что он действительно давно не видел Кристофера Робина в это время. После обеда—да, вечером—да, перед завтраком—да, сразу после завтрака—да, а потом, действительно: «Ну, Пух, скоро увидимся», и Кристофер Робин исчезает на всё утро.

— Вот то-то и оно,— сказал Кролик.— Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что?— спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать,— сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

— Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса?

— Да,— сказал Пух,— одного из них. Если он не на месте.

Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

— Кажется, толку от тебя немного,— сказал он.

— Нет,— сказал Пух.— Но я стараюсь,— добавил он смиренно.

Кролик поблагодарил его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он подождёт Пятачка.

— Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушёл.

Но случилось так, что первым встретил Пятачка как раз Кролик. Пятачок встал в этот день очень-очень рано и решил нарвать себе букетик фиалок, и, когда он нарвал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарвал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как грустно быть ослом, которому никто никогда в жизни даже не нарвал букета фиалок. И он снова помчался на лужайку, повторяя про себя: «Иа, фиалки», а потом: «Фиалки, Иа-Иа», чтобы не забыть.

Пятачок нарвал большой букет и побежал рысцой к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя необыкновенно счастливым.

— Здравствуй, Иа,— начал Пятачок немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и помахал Пятачку, чтобы он уходил.

— Завтра,— сказал Иа,—или послезавтра.

Пятачок подошёл поближе посмотреть, в чём дело. Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперёк них. Пятачок подумал, что, наверно, это какая-нибудь Западня.

— Ой, Иа,— снова начал он,—я как раз...

— Это маленький Пятачок? — сказал Иа, не отрывая взора от своих палочек.

— Да, Иа, и я...

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— сказал Пятачок.

— Это «А».

— О! О! — сказал Пятачок.

— Какое «О»? Это «А»! — строго сказал Иа. — Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

— Да,— сказал Пятачок. — Нет,— быстренько поправился он и подошёл ещё поближе.

— Кристофер Робин сказал, что это «А», — значит, это и будет «А». Во всяком случае, пока кто-нибудь на него не наступит,— добавил Иа сурово.

Пятачок поспешно отскочил назад и понюхал свои фиалки.

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Пятачок?

— Нет, Иа, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование, Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает «А»!

— О! — снова сказал Пятачок. — Я хотел сказать «Да ну?» — поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Пятачок. В этом Лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: «Ну, Иа — это всего лишь Иа, он не считается». Они разгуливают тут взад и вперед и говорят: «Ха-ха!» Но что они знают про букву «А»? *Ничего*. Для них это просто три палочки. Но для Образованных, заметь себе это, маленький Пятачок, для Образованных — я не говорю о Пухах и Пятачках — это знаменитая и могучая буква «А». Да, это тебе не такая вещь, — добавил он, — про которую каждый знает, чем это пахнет!

Пятачок смущённо спрятал за спину фиалки и оглянулся в поисках помощи.

— А вот и Кролик,— сказал он радостно.— Здравствуй, Кролик.

Кролик с важным видом подошёл поближе, кивнул Пятачку и сказал: «Привет, Иа», тоном, ясно говорившим, что спустя не более двух минут он скажет: «Всего хорошего».

— Иа, у меня к тебе только один вопрос. Что это делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

— Что я сейчас вижу перед собой? — сказал Иа, не поднимая глаз.

— Три палочки,— не задумываясь, ответил Кролик.

— Вот видишь? — сказал Иа Пятачку. Потом он повернулся к Кролику.— Теперь я отвечу на твой вопрос,— торжественно сказал он.

— Спасибо,— сказал Кролик.

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь,— он обалдевает знаниями. В меру своих скромных сил я также — если я правильно усвоил это слово — обал... делаю то же, что и он. Вот это, например, буква...

— Буква «А», — сказал Кролик, — но не очень удачная. Ну ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Пятачка.

— Как сказал Кролик? Что это такое? — спросил он.

— «А», — сказал Пятачок.

— Это ты ему сказал?

— Нет, Иа, я не говорил. Я думаю, он сам знает.

— Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то Кролик знает букву «А»?

— Да, Иа. Он очень умный, Кролик-то.

— Умный!.. — сказал Иа с презрением, изо всех сил наступив копытом на свои три палочки.

— Образование!.. — с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их стало уже шесть).

— Что такое наука? — спросил Иа, лягая палочки (их было уже двенадцать), так что они взлетели в воздух.— Какой-то Кролик всё это знает. Ха!..

— Я думаю... — начал Пятачок робко.

— Не надо! — сказал Иа-Иа.

— Я думаю, фиалки довольно милые,— сказал Пятачок. Он положил перед Иа свой букет и умчался.

На следующее утро записка на двери Кристофера Робина гласила:

*Я ушёл
сейчас вернусь
К.Р.*

Вот почему все обитатели Леса — за исключением, конечно, Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса — отныне знают, чем Кристофер Робин занимается по утрам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ТИГРЫ НЕ ЛАЗЯТ
ПО ДЕРЕВЬЯМ

Случилось однажды так, что Винни-Пух о чём-то думал. И вот он подумал, что не мешало бы пойти навестить Иа, потому что они не виделись со вчерашнего дня. Он пошёл к Иа, распевая песенку, но вдруг он вспомнил, что не видел Сову с позавчерашнего дня, и решил по пути заглянуть в Дремучий Лес и посмотреть, дома ли Сова. Он пошёл к Реке, мурлыкая ту же песенку, но, когда он дошёл до третьего камня кладки, по которой переходят Реку, он забеспокоился о том, как поживают Кенга, и Ру, и Тигра. Пух подумал: «Я не видел Крошку Ру очень долгое время, а если я его не увижу сегодня, оно будет гораздо-гораздо дольше!»

И тут он сел на камушек посредине Реки и, раздумывая, что же ему теперь делать, спел ещё кусочек той же песни.

Кусочек, который он спел, был приблизительно вот какой:

Что мне делать, интересно,
Поутру?
В чехарду сыграть полезно
С Крошкой Ру,—
Станет талия поуже,
Это мне к лицу. К тому же
Буду прыгать я не хуже
Кен-
гу-
ру!

А солнце было такое ласковое и тёплое, и камень, который лежал на солнышке уже давно, тоже был такой тёплый, что Пух почти уже решил провести на нём всё утро. И вдруг он вспомнил про Кролика.

«Да, Кролик! — сказал Пух про себя. — Я люблю с ним поговорить. Он всегда понятно говорит. Он не любит длинных, трудных слов, не то что Сова. Он любит простые, лёгкие слова, например: «Закусим?» или: «Угощайся, Пух!» Да, по-моему, мне надо пойти навестить Кролика!»

Тут к песенке прибавился новый кусочек:

Очень мил бывает Кролик
Иногда.
С ним приятно сесть за столик
Да-да-да!
Тот, кто хочет подкрепиться,
С ним всегда договорится,
Если только торопиться
Не-
ку-
да!

И, когда Пух спел всё это, он поднялся с камня, вернулся назад на берег и решительно отправился к дому Кролика. Но не прошёл он и нескольких шагов, как начал спрашивать себя (ведь больше-то никого рядом не было):

«А вдруг Кролика нет дома?»

«Или вдруг я опять застряну у него в двери на обратном пути, как однажды уже случилось, потому что дверь у него была слишком узкая?»

«Ведь я-то знаю, что я не растолстел, но его дверь вполне могла похудеть!»

«Да, пожалуй, лучше будет...»

И всё это время он незаметно забирал левее и левее... пока не оказался, к своему большому удивлению, у своей собственной двери.

Было одиннадцать часов. Вполне подходящее время, чтобы немножко...

Словом, спустя полчаса Пух отправлялся туда, куда ему действительно хотелось отправиться, а именно к Пятачку, и по дороге он утирал губы лапкой и пел довольно пушистую песенку. Вот такую:

Хорошо живёт на свете
Винни-Пух!
Оттого поёт он эти
Песни вслух!
И неважно, чем он занят,
Если он толстеть не станет,
А ведь он толстеть не станет,
А, наоборот,
по-
ху-
деет!

Конечно, напечатанные здесь эти строки кажутся не особенно хорошими, но Пух, напевая эту песенку в очень солнечное утро, после очень, очень сытного завтрака, был уверен, что это одна из лучших песен, какие он сочинил в жизни. И он пел и пел её в своё удовольствие.

Пятачок копал ямку в земле у самой своей двери.

— Здравствуй, Пятачок! — закричал Винни-Пух.

— Ой, здравствуй, Пух! — отвечал Пятачок, подпрыгнув от неожиданности. — А я знал, что это ты!

— Я тоже, — сказал Пух. — А что ты делаешь?

— Я сажаю жёлудь, Пух, и пускай из него вырастет дуб, и тут будет много, много желудей у самого дома, а то за ними приходится ходить бог знает куда. Понимаешь?

— А вдруг не вырастет? — спросил Пух.

— Вырастет, потому что Кристофер Робин сказал — обязательно вырастет. Поэтому я его и сажаю.

— Гм, — сказал Пух. — А я тогда... А я тогда посажу соты с мёдом в своём садике, и из них вырастет целый улей.

Пятачок был в этом не вполне уверен.

— Или лучше кусочек сота, — сказал Пух. — Особенно разбрасываться сотами не приходится. Только

вот тогда может вырасти не целый улей, а кусочек, да ещё вдруг неправильный кусочек — тот, где пчёлы только жужжат, а мёду не делают. Вот обидно!

Пятачок согласился, что это будет довольно обидно.

— Между прочим, Пух, сажать очень трудно, если ты не знаешь как, — сказал он, — это надо уметь. — И он положил жёлудь в приготовленную ямку, засыпал его землёй и попрыгал на этом месте.

— Я-то умею сажать, — сказал Винни-Пух, — потому что Кристофер Робин дал мне семена коготков и винтиков, нет — гвоздиков! И я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник — коготки и гвоздики. Или винтики.

— Я думал, они называются ноготки, — неуверенно сказал Пятачок, не переставая прыгать, — а гвоздики... гвоздики — это, наверно, гвоздики!

— Нет, — сказал Пух, — мои цветы называются коготки и винтики!

Попрыгав хорошенько, Пятачок вытер лапки о живот и сказал: «Что мы теперь будем делать?», а Пух сказал: «Пойдём навестим Кенгу, Ру и Тигру», и Пятачок сказал: «Д-д-давай п-п-пойдём», — потому что он всё ещё немножко побаивался Тигру. Тигра был ужасно прыгучий, и у него была такая манера здороваться, что у вас потом всегда были полны уши песку, даже после того, как Кенга скажет: «Тигра, деточка, осторожно!» — и поможет вам встать.

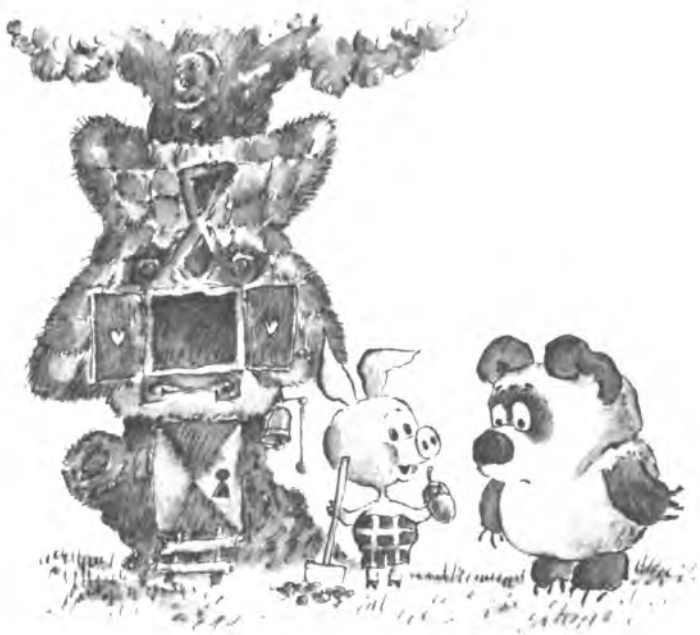
Они отправились в путь.

А в этот самый день у Кенги было ужасно хозяйственное настроение. Она решила везде навести порядок и пересчитать всё бельё и выяснить, сколько осталось у неё кусков мыла, и сколько у Тигры осталось чистых салфеток, и сколько у Ру осталось чистых передников, так что она выставила их обоих из дому, снабдив Ру пакетом бутербродов с салатом, а Тигру пакетом бутербродов с рыбьим жиром, чтобы они могли славно провести время в Лесу.

По дороге Тигра рассказывал Ру (которого это очень интересовало) обо всём, что умеют делать Тигры.

— А летать они умеют? — спросил Ру.

— Тигры-то? — сказал Тигра. — Летать? Тоже спросил! Они знаешь как летают!

— О! — сказал Ру. — А они могут летать не хуже Совы?

— Ещё бы! — сказал Тигра. — Только они не хотят.

— А почему они не хотят?

— Ну, им это почему-то не нравится.

Ру никак не мог этого понять, потому что ему-то ужасно хотелось полетать, но Тигра объяснил ему, что надо самому быть Тигрой, чтобы это понять.

— А прыгать? — спросил Ру. — Могут Тигры прыгать, как Кенги?

— Спрашиваешь! — сказал Тигра. — Ещё как! Когда хотят, конечно.

— Ой, как я люблю прыгать! — сказал Ру. — Давай посмотрим, кто дальше прыгнет — ты или я?

— Конечно, я, — сказал Тигра, — только мы сейчас не будем задерживаться, а то ещё опоздаем.

— Куда опоздаем?

— Туда, куда нам надо прийти вовремя, — сказал Тигра, ускоряя шаги.

Вскоре они добрались до Шести Сосен.

— А я умею плавать,—сообщил Ру,—я один раз упал в Реку и плавал.—А Тигры умеют плавать?

— Конечно, умеют. Тигры всё умеют.

— А по деревьям они умеют лазить лучше, чем Пух? —спросил Ру, остановившись перед самой высокой из Шести Сосен и задрав голову.

— По деревьям они лазают лучше всех на свете,—сказал Тигра,—гораздо лучше всяких Пухов!

— А на это дерево они могут взлезть?

— Они всегда лазают как раз по таким деревьям,—сказал Тигра.—Целый день лазают: то вверх, то вниз.

— Ой, Тигра, правда?

— А вот сейчас увидишь,—сказал Тигра решительно,—садись ко мне на закорки и увидишь.

Он внезапно почувствовал, что лазание по деревьям—это единственный талант тигров, в котором он действительно уверен.

— Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! —пищал Крошка Ру в восторге. Он забрался Тигре на спину, и они полезли.

До первого сучка Тигра радостно повторял (про себя): «А мы лезем!»

Добравшись до следующего сучка, он с гордостью сказал (про себя): «Ну что, я зря говорил, что Тигры умеют лазить по деревьям?» Забравшись ещё повыше, он сказал (про себя): «Конечно, это не так легко, что говорить!...»

А ещё повыше он сказал:

— Ведь слезать тоже придётся. Задом.

А ещё-ещё повыше:

— И это будет трудновато...

— Если не упасть...

— А зато тогда это, кажется, будет совсем...

— *Легко!*

И как только он сказал «легко», ветка, на которой он стоял, внезапно сломалась, и он, чувствуя, что падает, едва-едва успел вцепиться в верхнюю ветку... Затем он медленно, медленно поднял голову, зацепился подбородком за эту ветку... Затем подтянул одну заднюю лапу... Потом другую... И, наконец, он уселся на эту ветку, тяжело дыша и от души жалея, что он вместо всего этого не попробовал заняться плаванием.

Ру слез с Тигры и уселся рядышком.

— Ой, Тигра,—радостно сказал он,—мы уже на самой верхушке?

— Нет,—сказал Тигра.

— А мы полезем на верхушку?

— Н-е-т,—проворчал Тигра.

— У-у! —сказал Ру довольно грустно, но тут же радостно продолжал: —А здорово это у тебя получилось, когда ты стал понарошку падать, а потом взял и не упал. Давай ещё разок?

— Н-е-т!! —прорычал Тигра.

Ру немного помолчал, а потом спросил:

— А можно, мы съедим бутерброды, Тигра?

— Давай. А где они? —спросил Тигра.

— Они там внизу, под деревом.

Тигра сказал:

— Я думаю, мы лучше их побережём немного.

Так они и сделали.

Тем временем Винни-Пух и Пятачок продолжали свою прогулку. Пух в стихах сообщал Пятачку, что «неважно, чем он занят, так как он толстеть не станет, а ведь он толстеть не станет»; а Пятачок размышлял о том, скоро ли вырастет посаженный им жёлудь.

— Пух, гляди,—неожиданно пискнул Пятачок,—там на Сосне кто-то сидит.

— Верно,—сказал Пух, с интересом вглядываясь вдаль.—Там какой-то зверь.

Пятачок схватил Пуха за лапу, очевидно, чтобы Пух не очень пугался.

— Это какой-нибудь Хищный Зверь? —спросил он, стараясь смотреть в другую сторону.

Пух кивнул.

— Это Ягуляр,—сказал он.

— А что Ягуляры делают? —спросил Пятачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.

— Они прячутся на ветвях деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревом,—сказал Пух.—Кристофер Робин мне всё-всё про них рассказывал.

— Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву, Пух, а то он ещё бросится оттуда и ушибётся.

— Они не ушибаются,—сказал Пух,—они здорово умеют бросаться.

Однако Пятачка это почему-то не утешило. Он всё-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву,

с которого, того гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собирался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягуляр подал голос.

— Помогите, помогите! — закричал он.

— Ягуляры — они всегда так, — сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями. — Они кричат: «Помогите, помогите», а когда вы посмотрите вверх — бросаются на вас.

— Я смотрю вниз, вниз! — закричал Пятачок очень громко, чтобы Ягуляр по ошибке не сделал того, чего не надо.

В ответ донёсся чей-то восторженный писк с той самой ветки, где сидел Ягуляр:

— Пух и Пятачок! Пух и Пятачок!

И Пятачок неожиданно почувствовал, что сегодня прекрасный день, гораздо лучше, чем ему только что казалось. Такой солнечный, тёплый денёк!

— Пух! — крикнул он. — По-моему, это Тигра и Ру.

— По-моему, тоже, — сказал Пух. — А я думал, это Ягуляр и... и ещё один Ягуляр.

— Эй, Ру, — крикнул Пятачок, — что вы там делаете?

— Мы не можем слезть! Мы не можем слезть! — кричал Ру. — Здорowo, правда? Пух, вот здорowo! Мы с Тигрой живём на дереве, как Сова! И мы теперь всегда тут будем жить! А я вижу дом Пятачка! Пятачок! Я отсюда твой дом вижу! Высоко мы забрались, правда? Сова и то ниже нас живёт!

— Как ты туда попал, Ру? — спросил Пятачок.

— Меня Тигра привёз! А Тигры вниз лазить не могут, потому что у них хвосты очень путаются между ног. Они только вверх умеют! А когда мы полезли, Тигра про это забыл, а сейчас он уже вспомнил, и мы тут теперь всегда-всегда будем жить. А может, ещё выше залезем! Что ты сказал, Тигра? А-а! Тигра говорит, что, если мы заберёмся выше, нам не так хорошо будет видно дом Пятачка, так что мы уж тут останемся.

— Пятачок, — торжественно сказал Пух, выслушав всё это, — что мы можем предпринять?

И он принялся за бутерброды Тигры.

— Они попались? — тревожно спросил Пятачок. Винни-Пух кивнул.

— А ты не можешь влезть к ним?

— Я могу, Пятачок. Я могу снять оттуда Крошку Ру, но Тигру я снять не могу, мне его не дотащить. Надо что-нибудь придумать.

И в раздумье он начал жевать бутерброды Крошки Ру...

Не знаю, может быть, Пух и успел бы что-нибудь придумать, доев последний бутерброд, но едва он за него принялся, как в кустах послышался треск и оттуда появились Иа и Кристофер Робин.

— Нисколько не удивлюсь, если завтра выпадет град,—говорил Иа.—Того и жди. Бураны, вьюги и тому подобное. Сегодня, конечно, хорошая погода, но это ещё ничего не значит; это ещё не сулит хороших перспек... или как там это называется? Словом, ничего такого не сулит... Это просто небольшая порция погоды. И всё тут.

— А вот и Пух,—сказал Кристофер Робин. Ему, очевидно, было безразлично, что порция хорошей погоды не очень большая, лишь бы она была хорошая.—Здравствуй, Пух!

— Это Кристофер Робин,—сказал Пятачок.—Вот он-то знает, что делать!

Они помчались ему навстречу.

— Ой, Кристофер Робин...—начал Пух.

— А также Иа,—сказал Иа.

— Тигра и Крошка Ру залезли прямо на Шесть Сосен и не могут слезть и...

— А я как раз говорил,—перебил Пятачок,—что если только Кристофер Робин...

— А также Иа-Иа,—сказал Иа, снова намекая, что с ним позабыли поздороваться.

— Если бы только вы оба были здесь, то мы бы могли что-нибудь придумать!—сказали Пух и Пятачок.

Кристофер Робин взглянул вверх, увидел Тигру и Крошку Ру и попытался что-нибудь придумать.

— Я думаю,—сказал глубокомысленно Пятачок,—что если бы Иа встал под деревом, а Пух встал к нему на спину, а я встал на плечи Пуха...

— И если бы спина Иа-Иа неожиданно треснула, то мы бы все здорово посмеялись. Ха-ха-ха! Как забавно!—сказал Иа.—Очень приятное развлечение, но, боюсь, не особенно полезное.

— Ну,—сказал Пятачок жалобно,—я только думал...

— Ты думаешь, твоя спина сломалась бы, Иа?—спросил ужасно удивлённый Пух.

— Заранее тут ничего сказать нельзя, милый Винни. И это, конечно, как раз самое интересное!

Пух сказал: «Ох», и все снова принялись думать.

— Ура, я придумал!—вдруг закричал Кристофер Робин.

— Слушай внимательно, маленький Пятачок,—сказал Иа,—и ты скоро будешь знать, что мы намерены предпринять.

— Я сниму рубашку, и мы все возьмём её за края, и тогда Крошка Ру и Тигра могут туда прыгнуть, всё равно как в гамак, они только покачаются и нисколько не ушибутся.

— *Как снять Тигру с дерева*,—сказал Иа-Иа,—и никому не повредить! Придерживайся этих правил, уважаемый Пятачок, и всё будет в порядке!

Но уважаемый Пятачок ничего не слышал — так он волновался при мысли, что снова увидит голубые помочи Кристофера Робина. Он уже их видел однажды, когда был гораздо моложе, и пришёл тогда в такое возбуждение, что его уложили спать на полчаса раньше обычного.

И с тех пор он всегда мечтал проверить, действительно ли они такие голубые и такие помочные, как ему показалось.

Поэтому, когда Кристофер Робин снял рубашку и ожидания Пятачка оправдались в полной мере, Пятачок на радостях простил Иа обиду, ласково улыбнулся ему и даже взялся за тот же край рубашки.

А Иа шепнул ему:

— Конечно, и теперь нельзя ручаться, что не произойдёт несчастного случая. Несчастные случаи — очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно.

Когда Крошка Ру понял, что ему нужно сделать, он пришёл в безумный восторг и запищал:

— Тигра, Тигра, мы сейчас будем прыгать! Ты погляди, как я прыгаю! Я сейчас просто полечу, вот увидишь. А Тигры так могут? Кристофер Робин! Я пошёл!—крикнул он, прыгнул — и угодил в самый центр спасательной рубашки.

Летел он так быстро, что его снова подбросило почти на такую же высоту и он ещё долго продолжал подлетать вверх, приговаривая: «О, о!»

Наконец он остановился и сказал: «Ой, как здорово!» — и его опустили на землю.

— Давай, Тигра! — крикнул он. — Это очень просто!

Но Тигра изо всей силы держался за ветку и говорил про себя: «Конечно, прыгающим животным, вроде Кенги, это хорошо, но для плавающих животных, вроде Тигров, это совершенно другое дело».

И он почему-то вдруг представил себе, как он плывёт на спинке вниз по течению или весело ныряет в прохладной влаге реки, и почувствовал, что это и есть настоящая жизнь для Тигры.

— Давай, давай! — крикнул Кристофер Робин. — Не бойся.

— Сейчас, минуточку, — нервно сказал Тигра, — мне что-то в глаз попало!

И он медленно, медленно пополз по ветке.

— Давай, давай, это очень просто! — пропищал Крошка Ру.

И вдруг Тигра почувствовал, как это просто.

— Ой! — крикнул он, видя, как дерево проносится мимо него.

— Берегитесь!— крикнул Кристофер Робин спасателям.

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала. Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа-Иа.

— Ой, Иа!— крикнул Кристофер Робин.— Тебе не больно?— Он заботливо оцупал ослика, стряхнул с него пыль и помог ему встать на ноги.

Иа-Иа долгое время ничего не говорил.

Потом он спросил:

— Тигра здесь?

Тигра был здесь и снова в прекрасном настроении.

— Да,— сказал Кристофер Робин,— Тигра здесь.

— Что ж, тогда поблагодарите его от моего имени,— сказал Иа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ИЗОБРЕТАЕТ НОВУЮ ИГРУ И В НЕЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ ИА-ИА

К тому времени, когда речка добралась до края Леса, она очень выросла—выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как вначале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идёт, и говорила себе: «Спешить незачем. Когда-нибудь все там будем». Зато все впадавшие в неё маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперёд без усталости, мелькали то тут, то там—ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать!

Широкая тропа—пожалуй, её можно было даже назвать дорогой—вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес, ей надо было перебраться через эту Реку. И там, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подбородок на верхнюю перекладину перил, если бы захотел; но гораздо интереснее было встать на ниж-

ною перекладину, наклониться пониже и смотреть вниз на Реку, медленно скользившую куда-то. Винни-Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подбородок на *нижнюю* перекладину, но куда интереснее было лечь на животик, просунуть голову под перекладину и смотреть, как внизу медленно скользит Река. Для Пятачка же и Крошки Ру это был единственный способ полюбоваться Рекой, потому что они были такие маленькие, что никак не доставали даже до нижней перекладины. Они ложились под перекладину и смотрели на Реку...

А Река текла и текла, медленно и плавно — ведь спешить ей было некуда.

Однажды по пути к мостику Винни-Пух старался сочинить какой-нибудь стишок про шишки, потому что кругом валялось множество шишек, а у Винни было поэтическое настроение. Он взял одну шишку, посмотрел на неё и сказал про себя: «Это очень хорошая шишка, и, конечно, она должна с чем-нибудь рифмоваться». Сперва он ничего не мог придумать, а потом ему вдруг пришло в голову вот что:

Ах, растут на ёлке шишки
Не для плюшевого Мишки!

— Хотя это неправильно, — сказал он, — потому что шишки мне могут пригодиться, а потом мы с ними так хорошо рифмуемся! «Мишки — шишки»!

Тут ему пришёл в голову новый стишок:

Не странно ли, что Волки
Не могут жить на ёлке?

— Хотя «Волки — ёлки» тоже хорошо рифмуются, — пояснил Пух и продолжал:

Живут на ёлках белки —
Хоть ёлки и не ёлки!

Тем временем Винни как раз подошёл к мосту. И так как он не смотрел себе под ноги, он споткнулся, шишка выскользнула из его лап и упала в воду.

— Обидно! — сказал Пух, глядя, как шишка медленно проплывает в сторону моста. Он хотел сходить за новой шишкой, которую тоже можно было срифмовать, но потом подумал, что лучше он просто поглядит на Реку, потому что денёк такой славный; Винни-Пух

лёг на пузо и стал смотреть на Реку, а она медленно, плавно скользила вдаль...

И вдруг из-под моста появилась его шишка, тоже медленно, плавно скользившая вдаль.

— Как интересно!— сказал Пух.— Я уронил её с той стороны, а она выплыла с этой! Интересно, все шишки так делают?

Он пошёл и набрал ещё шишек.

Да. Они все так делали.

Тогда он бросил две шишки сразу и стал ждать, какая из них выплывет первой. И одна из них выплыла первой, но, так как они были одинакового размера, Пух не знал, была ли это та, которую он задумал, или другая. Тогда в следующий раз он бросил одну большую, а другую маленькую, и большая выплыла первой, как он и думал, а маленькая выплыла последней, как он тоже думал, так что он выиграл два раза!..

И к тому времени, когда Винни пошёл домой пить чай, он уже выиграл тридцать шесть раз и проиграл двадцать восемь. Иными словами, он выиграл... Ну, отнимите сами двадцать восемь от тридцати шести, и вы узнаете, сколько раз он выиграл. Или— сколько раз он проиграл, если это вам интереснее.

Так появилась на свет игра, которую потом называли игрой в «Пушишки», в честь Винни-Пуха, который её изобрёл и научил играть в неё своих друзей. Только потом они стали играть палочками вместо шишек, потому что палочки легче различать, а игру называли просто «Игрой в Пустяки», и в этом названии от Пуха осталось только «Пу», а от шишек вообще ничего не осталось.

И вот однажды Пух, и Пятачок, и Кролик, и Крошка Ру играли в Пустяки; они бросали палочки по команде Кролика, а потом стремглав мчались на другую сторону моста, и все глядели вниз, ожидая, чья палочка выплывет первой. Ждать приходилось подолгу, потому что Река была в этот день очень ленива и, казалось, вообще не думала о том, чтобы двигаться к цели.

— А вот моя!— крикнул Крошка Ру.— Нет, не моя, это чья-то другая. Это не твоя, Пятачок? Я думал, это моя, а это не моя. Вот она! Нет, не она! Это не твоя, Пух?

— Нет,— отвечал Винни-Пух.

— Наверно, моя палка пропала,— сказал Ру.— Кролик, моя палка—пропалка! Пятачок, а твоя палка—пропалка?

— Они всегда заставляют ждать дольше, чем вы думаете,— сказал Кролик.

— А сколько, ты думаешь, они заставят ждать?— спросил Ру.

— Вон твоя, Пятачок,— вдруг сказал Винни-Пух.

— Моя такая сероватая,— сказал Пятачок, сам не решаясь высунуться дальше из боязни свалиться в Реку.

— Да, да, её я и вижу, она плывёт в мою сторону.

Кролик высунулся дальше всех, высматривая свою палочку; Крошка Ру прыгал, как заводной, пища: «Палка, палка, поскорей! Палка, палка, поскорей!» — и Пятачок тоже ужасно взволновался, потому что ведь показалась только его палочка, а это означало, что он выигрывает.

— Выплывает! Вот она,— сказал Пух.

— А ты уверен, что это моя?— взволнованно запищал Пятачок.

— Да, потому что она большая и серая. Вот она плывёт. Очень большая, серая... Ой, нет, это не она. Это Иа-Иа!

И из-под моста выплыл Иа-Иа.

— Иа!—закричали все разом.

Да, спокойно и величественно, задрав в небо все четыре ноги, по реке плыл Иа-Иа.

— Это Иа!—запищал Крошка Ру вне себя от волнения.

— Неужели?—отозвался Иа. Он попал в небольшой водоворот и трижды плавно повернулся вокруг своей оси.— А я-то думал: «Кто это?»

— Я не знал, что ты тоже играешь,— сказал Крошка Ру.

— Я не играю,— ответил Иа.

— А что же ты там делаешь?—спросил Кролик.

— Можешь отгадывать до трёх раз, Кролик. Рою землю? Неправильно. Прыгаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жду, чтобы мне кто-нибудь помог выбраться из реки? Теперь правильно! Дайте Кролику время подумать, и он всегда всё отгадает!

— Ой, Иа,— сказал Пух растерянно.— А что же мы... я хочу сказать, как же мы... ты думаешь, если мы...

— Да,— сказал Иа.— Конечно! Один из этих вариантов будет абсолютно правилен. Спасибо тебе, Пух.

— Ой, он плывёт всё кругом и кругом,— сказал Крошка Ру, совершенно захваченный этим зрелищем.

— Почему бы и нет?— холодно отвечал Иа.

— Я тоже умею плавать,— гордо сказал Крошка Ру.

— Но не кругом,— сказал Иа.— Кругом гораздо труднее. Я сегодня вообще не собирался плавать,— продолжал он, медленно вращаясь,— но уж если пришлось, то, мне кажется, лёгкое вращательное движение справа налево... Или, может быть, вернее сказать,— добавил он, попав в следующий водоворот,— слева направо... При всех обстоятельствах это моё личное дело.

Наступило молчание. Все задумались.

— Я, кажется, вроде как придумал,— сказал наконец Винни-Пух.— Но я не уверен, что это будет хорошо.

— Я тоже,— сказал Иа.

— Выкладывай, Пух,— сказал Кролик.— Говори.

— Ну, если мы все будем бросать камни и всякие вещи в реку, с одного боку Иа подымутся волны, и эти волны прибьют Иа к берегу.

— Это очень хорошая Идея,— сказал Кролик.

И Винни-Пух снова повеселел.

— Очень,— сказал Иа.— Когда я захочу, чтобы меня прибили, Винни-Пух, я вам сообщу.

— А вдруг мы случайно попадём в него?— тревожно спросил Пятачок.

— Или вдруг мы случайно *не попадём* в него!— сказал Иа.— Обдумай все эти возможности, Пятачок, прежде чем вы начнёте развлекаться.

Но Винни-Пух уже притащил самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапках.

— Я его не брошу, я его просто уроню, Иа,— объяснил он.— И тут уж я не промахнусь, то есть я хочу сказать, что я не попаду в тебя. Ты не можешь на минутку перестать вертеться, а то меня это сбивает?

— Нет,— сказал Иа.— Мне нравится вертеться.

Кролик почувствовал, что пора ему взять на себя командование.

— Ну, Пух,—сказал он,—когда я скажу «Пора!», ты можешь пускать камень. Иа-Иа, когда я крикну «Пора!», Пух пустит свой камень.

— Большое спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.

— Пух, ты готов? Пятачок, отодвинься немного от Пуха, ты ему мешаешь. Ру, чуть-чуть назад. Все готовы?

— Нет,—сказал Иа.

— *Пора!*—крикнул Кролик.

Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа-Иа исчез...

Момент был волнующий, особенно для наблюдателей на мосту. Они глядели во все глаза... И даже вид палочки Пятачка, которая выплыла чуть-чуть впереди Кроличьей палочки, не так развеселил их, как вы могли бы ожидать. А потом—как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверно, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей Идеи,—что-то серое появилось на прибрежной отмели... Постепенно оно становилось всё больше и больше... и наконец стало ясно, что это Иа-Иа, который выходит из воды.

С дружным воплем все кинулись с моста; они тащили, и тянули, и подталкивали Иа, и вскоре он встал на твёрдую почву.

— Ой, Иа, до чего же ты мокрый!—сказал Пятачок, пощупав его.

Иа отряхнулся и попросил кого-нибудь объяснить Пятачку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.

— Молодец, Пух!—великодушно сказал Кролик.—Да, нам с тобой пришла в голову неплохая Идея!

— Какая Идея?—спросил Иа.

— Прибить тебя вот так к берегу.

— *Прибить* меня?—сказал Иа удивлённо.—*Прибить меня?* Вы что думаете—меня прибили? Да? Я просто нырнул! Пух запустил в меня огромным камнем, и, чтобы избежать тяжёлого удара в грудь, я нырнул и подплыл к берегу.

— Это неправда,—шепнул Пятачок Пуху, чтобы его утешить.

— По-моему, тоже,—нерешительно сказал Пух.

— Иа — он всегда так, — сказал Пятачок. — Я лично считаю, что ты очень хорошо придумал!

Пух немного утешился. Ведь если вы Медведь с опилками в голове и думаете о делах, вы иногда с огорчением обнаруживаете, что мысль, которая казалась вам очень дельной, пока она была у вас в голове, оказывается совсем не такой, когда она выходит наружу и на неё смотрят другие. Но, как бы то ни было, Иа *был* в Реке, а теперь его там *не было*, так что ничего плохого Пух не сделал.

— Как же ты упал туда, Иа?—спросил Кролик, вытирая его носовым платком Пятачка.

— Я не упал,—отвечал Иа.

— А как же...

— На меня **НАСКОЧИЛИ**,— сказал Иа.

— Ой,—запищал взволнованный Ру,—тебя кто-нибудь толкнул?

— Кто-то **НАСКОЧИЛ** на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, *размышлял*—я надеюсь, кто-нибудь из вас понимает это слово,—как вдруг я ощутил **СИЛЬНЫЙ НАСКОК**.

— Ой, Иа!—ахнуло всё общество.

— А ты уверен, что ты не поскользнулся?—рассудительно спросил Кролик.

— Конечно, я поскользнулся. Если вы стоите на скользком берегу реки и кто-то внезапно **НАСКОЧИТ** на вас сзади, вы поскользнётесь. А что вы ещё можете предложить?

— Но кто это сделал?—спросил Ру.

Иа не ответил.

— Наверно, это был Тигра,—с тревогой сказал Пятачок.

— Слушай, Иа,—спросил Пух,—он шутил или он нарочно? Я хочу сказать...

— Я сам об этом всё время спрашиваю, медвежонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: «Что это—дружеская шутка или обдуманное нападение?» И когда я всплыл на поверхность, я ответил себе: «Мокрое дело». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— А где был Тигра?—спросил Кролик.

Прежде чем Иа успел ответить, раздался громкий треск, и из камышей появился Тигра собственной персоной.

— Всем привет!—весело сказал Тигра.

— Здравствуй, Тигра!—сказал Крошка Ру. Кролик вдруг ужасно надулся.

— Тигра,—сказал он торжественно,—будь любезен, объясни нам, что сейчас произошло?

— Когда сейчас?—ответил Тигра, слегка смутившись.

— Когда ты наскочил на Иа и толкнул его в реку.

— Я на него не наскакивал.

— Ты на меня наскочил,—мрачно сказал Иа.

— Нет, не наскакивал. У меня просто был кашель,

и я стоял случайно сзади Иа, и я сказал: **ГРРРРР-ОП-ПШШ-ШШШ!**»

— Ты что, Пятачок?—спросил Кролик, помогая Пятачку встать и отряхнуть пыль.— Всё в порядке?

— Это я от неожиданности,— сказал Пятачок дрожащим голосом.

— Вот это я и называю **НАСКАКИВАТЬ**,— сказал Иа,—налетать на людей неожиданно. Очень неприятная привычка. У меня нет возражений против пребывания Тигры в Лесу,—продолжал он,—потому что это большой Лес и в нём сколько угодно места для того, чтобы прыгать и скакать. Но я не понимаю, зачем он должен приходить в мой маленький уголок Леса и **НАСКАКИВАТЬ** на меня. Главное, что в моём уголке нет ничего особенно достопримечательного. Конечно, для тех, кто любит холод, сырость и колючки, в нём есть известная прелесть, но во всех остальных отношениях это самый обычный уголок, и если кому-нибудь пришла охота на ска...

— Я не наскакивал, я кашлял,—сказал Тигра упрямо.

— На дне реки в этом трудно разобраться,—замечтил Иа.

— Так вот,—сказал Кролик,—всё, что я могу сказать по этому поводу... Ах, вот идёт Кристофер Робин, так что пусть он это скажет.

Кристофер Робин шёл по лесной дорожке в таком солнечном и безоблачном настроении, как будто бы, например, дважды девятнадцать — это пустяки, и думал о том, что, если он в такой день встанет на нижнюю перекладину перил моста и наклонится над рекой, он вдруг узнает всё-всё на свете и тогда он расскажет всё это Пуху, который пока ещё знает не всё на свете. Но когда он подошёл к мосту и увидел всех своих друзей, он понял, что сегодня совсем не такой день, а совершенно другой — день, когда нужно что-то сделать.

— История такова, Кристофер Робин,—начал Кролик.— Тигра...

— Ничего подобного,—сказал Тигра.

— Как бы то ни было, я оказался там,—сказал Иа.

— Но он же, наверно, не хотел этого,—сказал Пух.

— Он просто такой прыгучий,—сказал Пятачок,—от природы.

— А ну попробуй наскочи на меня, Тигра,—с жаром заявил Крошка Ру.— Иа, Тигра сейчас по-

пробует наскочить на меня. Пятачок, ты как думаешь, кто...

— Ну, ну,—сказал Кролик,—я думаю, мы откажемся от мысли говорить всем сразу. Вопрос в том, что думает об этом Кристофер Робин.

— Я просто кашлянул,—сказал Тигра.

— Он наскочил,—сказал Иа.

— Ну, может быть, я немножко кашкочил,—сказал Тигра.

— Тихо,—сказал Кролик, подняв лапку.—Что думает обо всём этом Кристофер Робин? Вот в чём вопрос.

— Ну,—сказал Кристофер Робин, не очень понимая, о чём идёт речь.—Я думаю...

— Ну-ну?—сказали все.

— Я думаю, что мы все сейчас пойдём играть в Пустяки.

Так они и сделали. И представьте себе, что Иа, который никогда раньше не играл в эту игру, выигрывал чаще всех!

А Крошка Ру два раза свалился в реку. Первый раз случайно, а второй раз нарочно, потому что он увидел, что из Лесу выходит Кенга, и понял, что ему всё равно придётся сейчас отправляться спать. Кролик сказал, что он пойдёт с ним, Тигра и Иа-Иа тоже ушли вместе, потому что Иа решил объяснить Тигре, как выигрывать в Пустяки («Надо пускать палочку с подковыркой, если ты понимаешь, что я хочу сказать, Тигра»), а Кристофер Робин, и Пух, и Пятачок остались на мосту.

Долгое время они глядели вниз на реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

— Тигра, в общем, настоящий парень,—лениво сказал Пятачок.

— Конечно,—сказал Кристофер Робин.

— Вообще все мы настоящие ребята,—сказал Пух.—Я так думаю,—добавил он.—Но я не уверен, что я прав.

— Конечно, ты прав,—сказал Кристофер Робин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ ТИГРУ УКРОЩАЮТ

Кролик и Пятачок сидели возле парадной двери дома Винни-Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни-Пух тоже сидел с ними. Был дремотный летний полдень, и Лес был полон тихих, нежных звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: «Не слушай Кролика. Слушай меня». Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы *не слушать* Кролика, и лишь время от времени открывал глаза и говорил: «Ах», а потом закрывал глаза снова и говорил: «Верно, верно!» Сам же Кролик то и дело очень серьёзно спрашивал: «Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?», а Пятачок не менее серьёзно кивал в ответ, чтобы показать, что он всё-всё понимает.

— Словом,— сказал Кролик, добравшись наконец до конца,— Тигра в последнее время стал таким большим Выскочкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой Выскочка, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

— Я того же мнения,— сказал Кролик.— А ты что скажешь, Пух?

Пух, вздрогнув, открыл глаза и сказал:

— Крайне?

— Что крайне?— спросил Кролик.

— То, что ты говорил,— сказал Пух.— *Оба са-
лютно!*

Пятачок толкнул Пуха локтем в бок, и Пух, который всё больше и больше чувствовал, что его куда-то уносит, медленно поднялся и начал приходить в себя.

— Но как нам это сделать?— спросил Пятачок.

— Нам надо дать ему хороший урок!— решительно сказал Кролик.

— Какой урок, Кролик?

— В этом-то и вопрос,— сказал Кролик.

Слово «урок» пробудило в Винни-Пухе какие-то неясные воспоминания.

— Там была такая штука, которая называется «Ждыдва» и ещё «Юпять»,— сказал он.— Кристофер Робин как-то попытался познакомить меня с ними, но только не вышло.

— Что не вышло?— спросил Кролик.

— Кто не вышел?— спросил Пятачок.

Пух покачал головой.

— Я не знаю,— сказал он.— Наверно, ничего не вышло. А о чём мы говорим?

— Пух,— сказал Пятачок укоризненно.— Ты что, не слушал, о чём говорил Кролик?

— Я слушал, но мне попала в ухо какая-то меховинка. Повтори, пожалуйста, Кролик, ладно?

Кролик всегда был готов повторять всё, что угодно, поэтому он спросил только, с какого места ему начинать, и Винни-Пух ответил, что, конечно, с того места, где мех попал ему в ухо. Тогда Кролик спросил, когда это было.

Пух ответил, что он точно не знает, потому что он не очень внимательно слушал.

Но тут Пятачок уладил дело, сказав, что они просто хотели придумать, как им отучить Тигру быть Выходкой, потому что хотя мы его все любим, но нельзя отрицать, что он ужасный Выходка.

— А-а, понимаю!— сказал Пух.

— Он слишком много прыгает,— сказал Кролик,— и он у нас допрыгается!

Пух попытался подумать, но всё, что приходило ему в голову, было совершенно бесполезно. И он тихонько засопел вот что:

Если бы Кролик
Был покрупнее,
Если бы Тигра
Был помирнее,
Глупые игры
Нашего Тигра
Кролика бы
Не смущали нисколько,—
Если бы только...
Если бы только...
Если бы только
Нашему кролику
Росту прибавить
Хоть малую толику!

— Что там Пух сопит?— спросил Кролик.— Что-нибудь толковое?

— Нет,— сказал Пух грустно.— Бестолковое.

— Ну, а у меня есть Идея,— сказал Кролик.— Вот какая: мы возьмём Тигру в поход, заведём его куда-нибудь, где он никогда не был, и как будто потеряем его там, а на следующее утро мы опять его найдём и тогда — заметьте себе мои слова,— тогда Тигра будет уже совершенно не тот.

— Почему?— спросил Винни-Пух.

— Потому что он будет Скромный Тигра. Потому что он станет Грустным Тигрой, Маленьким Тигрой, Тихим и Вежливым Тигрой, Смирным Тигрой, Тигрой, который говорит: «Милый Кролик, как я рад тебя видеть!» Вот почему.

— А будет он рад видеть меня и Пятачка?

— Конечно!

— Это хорошо,— сказал Пух.

— Но я бы не хотел, чтобы он всё время был Грустным,— сказал Пятачок нерешительно.

— А Тигры никогда не бывают всё время грустными,— успокоил его Кролик.— Они удивительно легко снова приходят в хорошее настроение. Я как раз спрашивал Сову — просто для проверки,— и она подтвердила, что они удивительно легко приходят в него. Но если нам удастся заставить Тигру побыть Маленьким и Грустным хотя бы пять минут, мы уже сделаем доброе дело.

— А что сказал бы об этом Кристофер Робин?— спросил Пятачок.

— Вот что,— сказал Кролик.— Он сказал бы: «Пятачок, ты сделал доброе дело. Я бы сам его сделал, если бы я не был так занят. Спасибо тебе, Пятачок. И Пуху спасибо, конечно».

Пятачок ужасно обрадовался и окончательно поверил, что они затеяли доброе дело, а раз и Винни-Пух и Кролик будут в нём участвовать, то в этом добром деле может участвовать даже и Очень Маленькое Существо и перед этим спокойно выспаться.

После этого осталось разрешить единственный вопрос — где им как будто потерять Тигру?

— Мы заведём его к Северному Полюсу,— сказал Кролик,— потому что ведь Северный Полюс мы очень долго открывали, значит, Тигре придётся очень, очень, очень долго его закрывать! Ха-ха-ха!

Тут пришла очередь обрадоваться Винни-Пуху, потому что ведь это он первый нашёл Северный

Полос, и, когда они придут туда, Тигра увидит надпись, которая гласит:

ОТКРЫТ ВИННИ-ПУХОМ, ПУХ ЕГО НАШЁЛ.

И тогда Тигра будет знать то, чего он сейчас, по-видимому, не знает, а именно, с каким медведем он имеет дело. С Ай-да-Медведем!

Было решено, что они выступят в поход завтра утром и что Кролик, который жил неподалёку от Кенги, Ру и Тигры, пойдёт сейчас домой и спросит Тигру, что он завтра собирается делать, потому что если он ничего не собирается, то как насчёт того, чтобы отправиться на прогулку и захватить с собой Пуха и Пятачка? И если Тигра скажет: «Да», то всё в порядке, а если он скажет: «Нет»...

— Он не скажет,— сказал Кролик.— Положитесь на меня!

И он отправился в путь, не теряя времени.

Назавтра погода очень изменилась. Можно сказать, что она превратилась в непогоду. Вместо солнца и тепла — холод и туман.

Самому-то Пуху было не страшно, но когда он себе представил весь мёд, который пчёлы *не сделают* в этот день, ему стало их страшно жалко. Он сообщил это Пятачку, когда тот зашёл за ним, а Пятачок сказал, что он думал не столько об этом, сколько о том, как холодно и грустно будет тому, кого как будто потеряют в этот день в чаще Леса. Но когда они с Пухом подошли к дому Кролика, Кролик сказал им, что день самый подходящий для их затеи, потому что Тигра всегда выскакивает вперёд, и как только он скроется из виду, они все убегут в сторону и он никогда их больше не увидит.

— Совсем никогда?— спросил Пятачок.

— Да нет, до тех пор, пока мы не найдём его, Пятачок. До завтра или до ещё когда-нибудь. Пошли. Он нас ждёт.

Когда они подошли к дому Кенги, оказалось, что Крошка Ру, ближайший друг Тигры, тоже их ждёт, и это портило всё дело; но Кролик, прикрыв рот лапкой, шепнул Пуху: «Положитесь на меня»,— и подошёл к Кенге.

— Я думаю, что Ру лучше сегодня не ходить,— сказал он.— Сегодня не стоит.

— Почему?— спросил Ру. (Хотя предполагалось, что он не слышит.)

— Ужасный день,— сказал Кролик, качая головой.— Промозглая сырость. Холод. А ты сегодня утром кашлял.

— Откуда ты знаешь?— с негодованием спросил Крошка Ру.

— Дорогой мой, а ты мне даже не сказал!— укоризненно сказала Кенга.

— Это был Бисквитный Кашель,— сказал Ру.— Бисквитный, а не такой, о котором рассказывают мамам.

— Я всё же думаю, что сегодня не стоит, дорогой. Как-нибудь в другой раз!

— Тогда завтра?— спросил Ру голосом, полным надежды.

— Посмотрим,— сказала Кенга.

— Ты всегда смотришь, и ничего потом не бывает,— печально сказал Крошка Ру.

— В такой день никто ничего не может рассмотреть,— сказал Кролик.— Я полагаю, мы пойдём не очень далеко, и к обеду все мы... мы все... мы... Ах, Тигра, это ты. Пошли! Всего хорошего, Ру! После обеда мы... Пошли, Пух! Все готовы? Отлично. Пошли.

И они пошли. Сначала Пух, Кролик и Пятачок шли рядом, а Тигра носился вокруг них, описывая большие круги, потом, когда тропинка стала уже, Кролик, Пятачок и Пух пошли гуськом, друг за другом, а Тигра описывал вокруг них петли, и, наконец, когда по обе стороны тропинки встала колючая стена чертополоха, Тигра то убегал далеко вперёд, то возвращался, иногда налетая на Кролика, а иногда и нет. И чем дальше они шли, тем гуще становился туман, так что Тигра стал по временам пропадать, и в тот самый момент, когда вы думали, что его уже совсем нет, он появлялся, выпаливая: «Чего же вы? Ходу!» — и, прежде чем вы успевали что-нибудь ответить, снова исчезал.

Кролик обернулся и подтолкнул Пятачка.

— В следующий раз!— сказал он.— Передай Пуху.

— В следующий раз!— сказал Пятачок Пуху.

— Чего в следующий?— сказал Пух Пятачку.

Тигра неожиданно появился, налетел на Кролика и снова исчез.

— Пора,— сказал Кролик.

Он свернул в прогалину, пересекавшую тропинку, и Пух и Пятачок помчались за ним. Они притаились в высоком папоротнике, прислушиваясь. В Лесу было очень, очень тихо. Они ничего не видели и ничего не слышали.

— Тсс!..— сказал Кролик.

— Я и так,— сказал Пух.

Раздался топот... И снова наступило молчание.

— Эй!— сказал Тигра так близко от них и так неожиданно, что Пятачок, наверно, подскочил бы, если бы не оказалось, что на большей его части сидит Пух.

— Где вы? Ау!— кричал Тигра.

Кролик подтолкнул локтем Пуха, и Пух оглянулся в поисках Пятачка, чтобы подтолкнуть его локтем, но не нашёл его, а Пятачок продолжал вдыхать запах сырого папоротника, стараясь дышать как можно тише, и чувствовал себя очень храбро.

— Чудеса!— сказал Тигра.

Наступила тишина, и спустя несколько мгновений они услышали его удаляющийся топот. Они подождали ещё немножко, и в Лесу снова стало тихо— так тихо, что ещё чуточку, и им стало бы страшно.

Кролик встал и потянулся.

— Ну?— шепнул он с гордостью.— Видали? Всё, как я говорил!

— Я вот думал,— сказал Пух,— и я думаю...

— Нет,— сказал Кролик,— не надо. Бежим. Пошли!

И все они во главе с Кроликом пустились наутёк.

— А теперь,— сказал Кролик, когда они порядочно пробежали,— мы можем поговорить. Что ты хотел сказать, Пух?

— Да ничего особенного. А почему мы сюда идём?

— Потому что эта дорога домой.

— А-а!— сказал Пух.

— А по-моему, нам надо взять правее,— тревожно сказал Пятачок.— А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальная будет левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начать.

— Ну...— начал Пух нерешительно.

— Пошли!— сказал Кролик.— Я отлично знаю дорогу!

Они пошли. Спустя десять минут они снова остановились.

— Очень смешно,— сказал Кролик,— но мне вдруг пока... Ах, конечно. Пошли!..

— Ну, вот мы и тут,— сказал Кролик спустя ещё десять минут.— Нет, кажется...

— А теперь,— сказал Кролик спустя ещё десять минут,— по-моему, мы должны быть у... или мы взяли немного правее, чем я думал?

— Прямо чудеса!— сказал Кролик спустя ещё десять минут.— Почему это в тумане всё выглядит так одинаково? Смешно! Ты заметил это, Пух?

Пух сказал, что заметил.

— Слава богу, что мы так хорошо знаем наш Лес, а то мы могли бы заблудиться!— сказал Кролик через полчаса. И он засмеялся так беззаботно, как может смеяться только тот, кто так хорошо знает Лес, что не может в нём заблудиться.

Пятачок чуть-чуть приотстал и подобрался к Пуху сзади.

— Пух!— шепнул он.

— Что, Пятачок?

— Ничего,— сказал Пятачок и уцепился за лапку Пуха.— Я просто хотел быть поближе к тебе.

Когда Тигра перестал ждать, что остальные найдут его, и когда ему надоело, что рядом нет никого, кому он мог бы сказать: «Эй, пошли, что ли!» — он подумал, что надо пойти домой. И он побежал назад. Первое, что сказала Кенга, увидав его, это: «А вот и наш милый Тигра! Как раз пора принимать рыбий жир!»

И она налила ему полную чашку. Крошка Ру с гордостью заявил: «А я уже принял», и Тигра, проглотив всё, что было в чашке, сказал: «И я тоже», а потом он и Ру стали дружески толкать друг друга, и Тигра случайно перевернул один или два стула, нечаянно, а Крошка Ру случайно перевернул один, нарочно, и Кенга сказала:

— А ну пойдите побегайте.

— А куда нам бегать?—спросил Крошка Ру.

— Пойдите и соберите мне шишек для топки,—сказала Кенга и дала им корзинку.

И они послушно отправились к Шести Соснам и стали кидать друг в друга шишками, и за этим приятным занятием забыли, зачем они пришли в Лес, и забыли заодно корзинку под деревом, а сами отправились домой обедать.

Обед как раз подходил к концу, когда Кристофер Робин заглянул в дверь.

— Где Пух?—спросил он.

— Тигра, детка, где Пух?—спросила Кенга.

Тигра стал объяснять, что произошло, и в то же самое время Крошка Ру стал объяснять про свой Бисквитный Кашель, а Кенга стала уговаривать их не говорить одновременно. Так что прошло немало вре-

мени, пока Кристофер Робин понял, что Пух, Пятачок и Кролик бродят где-то в тумане, заблудившись в Лесной Чаще.

— Смехота!— шепнул Тигра Крошке Ру.— А вот Тигры никогда не могут заблудиться!

— А почему они не могут, Тигра?

— Не могут, и всё тут,— объяснил Тигра.— Так уж они устроены!

— Что ж,— сказал Кристофер Робин,— надо пойти и отыскать их. Вот и всё. Пошли, Тигра.

— А можно, я тоже пойду отыщу их?— взволнованно спросил Ру.

— Я думаю, не сегодня, дорогой мой,— сказала Кенга,— как-нибудь в другой раз.

— Ну ладно. А если они заблудятся завтра, можно, я тогда отыщу их?

— Посмотрим,— сказала Кенга, и Крошка Ру, который отлично знал, что это означает, ушёл в угол и начал упражняться в прыжках, отчасти потому, что он хотел попрыгать, а отчасти потому, что он не хотел, чтобы Кристофер Робин и Тигра заметили, как он огорчён, что его не взяли.

— Итак,— сказал Кролик,— мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отдыхали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьёзно подозревал, что она просто-таки бежит за ними по пятам, потому что, куда бы они ни направились, они обязательно натыкались на неё. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я знаю, где мы!», а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать, что бы такое ему сказать, но единственное, что ему приходило в голову, это: «Помогите, спасите!»— а говорить это было бы, наверно, глупо, ведь с ним были Пух и Кролик. Все долго молчали.

— Ну что ж,— сказал Кролик, по-видимому, всё это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку.— Пожалуй, надо идти.

— А что, если...— начал Пух не спеша,— если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять её найти?

— Какой в этом смысл?— спросил Кролик.

— Ну,— сказал Пух,— мы всё время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы её обязательно *не* найдём, потому что тогда мы, может быть, найдём то, чего мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

— Не вижу в этом большого смысла,— сказал Кролик.

— Нет,— сказал Пух скромно,— его тут нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

— Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я её найду,— сказал Кролик.

— А вот я думал, что, может быть, ты её не найдёшь,— сказал Пух.— Я почему-то так думал.

— Ты попробуй,— сказал неожиданно Пятачок,— а мы тебя тут подождём.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и скрылся в тумане. Отойдя шагов сто, он повернулся и пошёл обратно... И после того, как Пух и Пятачок прождали его двадцать минут, Пух встал.

— Я почему-то так и думал,— сказал Пух.— А теперь, Пятачок, пойдём домой.

— Пух!..— закричал Пятачок, дрожа от волнения.— Ты разве знаешь дорогу?

— Нет,— сказал Пух,— но у меня в буфете стоит двенадцать горшков с мёдом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как следует их расслышать, потому что Кролик всё время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то я думаю, Пятачок, я узнаю, *откуда* они меня зовут. Идём!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебивать горшки с мёдом, и вдруг он легонько пискнул... а потом сказал: «О-о», потому что начал узнавать, где они находятся. Но он всё ещё не осмеливался сказать об этом громко, чтобы не испортить дело. И как раз в тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало неважно, слышны ли горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

— Ах, вы здесь,— сказал Кристофер Робин небрежно, стараясь сделать вид, что он нисколько не волновался.

— Мы здесь,— сказал Пух.

— А где Кролик?

— Я не знаю,— сказал Пух.

— Да? Ну, я думаю, Тигра его найдёт. Он, кажется, пошёл вас всех искать.

— Хорошо,— сказал Пух.— Мне нужно идти домой, чтобы подкрепиться, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подкреплялись и...

— Я вас провожу,— сказал Кристофер Робин.

Он проводил Пуха домой и пробыл там очень немалое время.

И всё это время Тигра носился по Лесу, громко рыча, чтобы скорее найти Кролика.

И, наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик кинулся на голос сквозь туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру, в Тигру, который выскакивал — если он вообще выскакивал — гораздо лучше всех Тигров на свете.

— Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! — закричал Кролик.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШАЕТ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

На полпути от дома Винни-Пуха к дому Пятачка было Задумчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось повидаться, и там было так тепло и тихо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься, Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Здесь любит Медведь
Порой посидеть
И подумать:
«А чем бы такое заняться?»
Ведь он же — не Слон,
Поэтому он
Не может всё время
Без дела слоняться!

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветки, Пух и Пятачок сидели в Задумчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

— Я думаю,— сказал Пух,— что я думаю вот что: нам неплохо бы сейчас пойти на Пухову Опушку и повидать Иа, потому что, наверно, его дом снесло ветром и, наверно, он обрадуется, если мы его опять построим.

— А я думаю,— сказал Пятачок,— что я думаю вот что: нам неплохо было бы сейчас пойти навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это нельзя.

— Пойдём навестим всех-всех-всех,— сказал Пух,— потому что, когда ты долго ходишь по холоду, а потом вдруг зайдёшь кого-нибудь навестить и он тебе скажет: «Привет, Пух! Вот кстати! Как раз пора чем-нибудь подкрепиться!» — это всегда очень-очень приятно!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьёзный повод — скажем,

вроде организации Искпедиции, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно, мог.

— Мы пойдём, потому что сегодня четверг,— сказал он,— и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок!

Друзья встали, но Пятачок сразу же снова сел, потому что он не знал, какой сильный ветер.

И когда Пух помог ему подняться, они двинулись в путь. По дороге первым попался им домик Пуха, и, можете себе представить, когда они пришли, хозяин — знакомый вам медвежонок Винни-Пух, — оказался дома и сразу же пригласил их войти и кое-чем подкрепиться. Потом они отправились к дому Кенги, держась друг за друга и крича: «Ну что скажешь?», «Что, что?», «Я не слышу». И пока они добрались до Кенги, оба так замучились, что им пришлось задержаться у неё и ещё раз позавтракать. Когда друзья вышли от неё, им показалось, что на дворе стало очень холодно, и они помчались со всех ног к дому Кролика.

— Мы пришли пожелать тебе Очень Приятного Четверга,— объявил Винни-Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и выйти наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не похудела).

— А что, собственно, произойдёт в Четверг?— спросил Кролик.

И когда Пух объяснил что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: «А-а. А я думал, что вы действительно пришли по делу»,— Пух и Пятачок на минутку присели... а потом поплелись дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что им не надо было так орать.

— Кролик — он умный! — сказал Пух в раздумье.

— Да,— сказал Пятачок.— Кролик — он хитрый.

— У него настоящие Мозги.

— Да,— сказал Пятачок,— у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому,— сказал наконец Пух,— наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает!

Кристофер Робин был уже дома, и он так обрадовался друзьям, что они пробыли у него почти до обеда, и тогда они почти пообедали (то есть съели такой обед,

о котором можно потом забыть) и поспешили на Пухову Опушку, чтобы успеть навестить Иа и не опоздать к Настоящему Обеду у Совы.

— Здравствуй, Иа!— весело окликнули они ослика.

— А,— сказал Иа,— заблудились?

— Что ты! Нам просто захотелось тебя навестить,— сказал Пятачок,— и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он всё ещё стоит!

— Понимаю,— сказал Иа.— Действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и свалить его.

— Мы думали — а вдруг его повалит ветром,— сказал Пух.

— Ах, вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себя утруждать. А я думал, что о нём просто забыли.

— Ну, мы были очень рады повидать тебя, Иа, а теперь мы пойдём навестим Сову.

— Отлично. Сова необыкновенно мила. Она пролетела мимо день-два назад и даже заметила меня. Она, конечно, не сказала мне ни слова, понятное дело, но она знала, что это я. Очень любезно с её стороны. Согревает душу.

Пух и Пятачок отодвинулись немного назад и сказали: «Ну, всего хорошего, Иа», очень стараясь не спешить, но ведь им предстоял далёкий путь, и они хотели прийти вовремя.

— Всего хорошего,— сказал Иа.— Смотри, чтобы тебя не унесло ветром, маленький Пятачок. Тебя будет очень не хватать. Многие будут с живым интересом спрашивать: «Куда это унесло маленького Пятачка?» Ну, всего хорошего. Благодарю вас за то, что вы случайно проходили мимо.

— До свиданья,— сказали Пух и Пятачок в последний раз и двинулись к дому Совы.

Теперь ветер дул им навстречу, и уши Пятачка трепались, как флажки, изо всех сил стараясь улететь от хозяина, с великим трудом продвигавшегося вперёд. Ему казалось, прошли целые часы, пока он наконец загнал свои ушки под тихие своды Дремучего Леса, где они снова выпрямились и прислушались—не без волнения—к вою бури в вершинах деревьев.

— Предположим, Пух, что дерево вдруг упадёт, когда мы будем как раз под ним?— спросил Пятачок.

— Давай лучше предположим, что не упадёт,— ответил Пух после некоторого размышления.

Это предложение утешило Пятачка, и спустя немного времени друзья весело, наперебой, стучали и звонили у двери Совы.

— Здравствуй, Сова,— сказал Пух,— я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать — как ты поживаешь, Сова? Мы с Пятачком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня Четверг.

— Садись, Пух, садись, садись, Пятачок,— сказала Сова радушно.— Устраивайтесь поудобнее.

Они поблагодарили её и устроились как можно удобнее.

— Понимаешь, Сова, мы очень спешили, чтобы поспеть вовремя к... ну, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдём.

Сова с достоинством кивнула головой.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь,— сказала она,— но не права ли я, предполагая, что на дворе весьма бурный день?

— Весьма,— сказал Пятачок, который грел свои ушки у огня, мечтая лишь о том, чтобы целым и невредимым вернуться домой.

— Я так и думала,— сказала Сова.— И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт, чей портрет ты видишь на стене по правую руку, Пятачок,— мой дядя Роберт, возвращаясь в поздний час с... Что это?

Раздался страшный треск.

— Берегись!— закричал Пух.— Осторожно, часы! Пятачок, с дороги! Пятачок, я на тебя падаю!

— Спасите!— закричал Пятачок.

Пухова сторона комнаты медленно поднималась вверх, его кресло съезжало вниз в направлении кресла Пятачка; стенные часы плавно скользнули по печке, собирая по дороге цветочные вазы, и, наконец, всё и вся дружно рухнуло на то, что только что было полом, а сейчас старалось выяснить, как оно справится с ролью стены.

Дядя Роберт, который, по-видимому, решил превратиться в коврик и захватил с собой заодно и знакомую стену, налетел на кресло Пятачка в тот самый момент, когда Пятачок хотел оттуда вылезти.

Словом, некоторое время было действительно нелегко определить, где север... Потом вновь послышался

ся страшный треск... вся комната лихорадочно за-
тряслась... и наступила тишина.

В углу зашевелилась скатерть. Она свернулась в клубок и перекатилась через всю комнату. Потом она подскочила раза два-три и выставила наружу два уха; вновь прокатилась по комнате и развернулась.

— Пух,— сказал нервно Пятачок.

— Что?— сказала одно из кресел.

— Где мы?

— Я не совсем понимаю,— отвечало кресло.

— Мы... мы в доме Совы?

— Наверно, да, потому что мы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

— Ох!— сказал Пятачок.— Слушай, у Совы *всегда* почтовый ящик был на потолке?

— А разве он там?

— Да, погляди.

— Не могу,— сказал Пух,— я лежу носом вниз, и на мне что-то такое лежит, а в таком положении, Пятачок, очень трудно рассматривать потолки.

— Ну, в общем, он там.

— Может быть, он переехал туда?— предположил Пух.— Просто для разнообразия.

Под столом в противоположном углу комнаты поднялась какая-то возня, и Сова опять появилась среди гостей.

— Пятачок!— сказала Сова с очень рассерженным видом.— Где Пух?

— Я и сам не совсем понимаю,— сказал Пух.

Сова повернулась на звук его голоса и строго посмотрела на ту часть Пуха, которая ещё была на виду.

— Пух,— с упрёком сказала Сова,— это ты наделал?

— Нет,— кротко сказал Пух,— не думаю, чтобы я.

— А тогда кто же?

— Я думаю, это ветер,— сказал Пятачок.— Я думаю, твой дом повалило ветром.

— Ах, вот как! А я думала, это Пух устроил.

— Нет!— сказал Пух.

— Если это ветер,— сказала Сова, думая вслух,— то тогда Пух не виноват. Ответственность не может быть на него возложена.

С этими милостивыми словами она взлетела, чтобы полюбоваться своим новым потолком.

— Пятачок, Пятачок!—позвал Пух громким шепотом.

Пятачок склонился над ним.

— Что, Пух?

— Что, она сказала, на меня воз-ло-жено?

— Она сказала, что она тебя не ругает.

— А-а, а я думал, она говорила про... то, что на мне... А, понятно!

— Сова,—сказал Пятачок,—сойди вниз и помоги выбраться Пуху!

Сова, которая залюбовалась своим почтовым ящиком (а он был проволочный, и в двери была щель с надписью «Для писем и газет», только этой надписи сейчас не было видно, потому что она была снаружи), слетела вниз. Вдвоём с Пятачком они долго толкали и дёргали кресло, и наконец Пух вылез из-под него и смог оглядеться.

— Да!—сказала Сова.—Прелестное положение вещей!

— Что мы будем делать, Пух? Ты можешь о чём-нибудь подумать?—спросил Пятачок.

— Да, я как раз думал кое о чём,—сказал Пух.—Я думал об одной маленькой вещице.—И он запел, вернее, запыхтел

ПЫХТЕЛКУ:

Я стоял на носу
И держал на весу
Задние лапки и всё остальное...
Цирковой акробат
Был бы этому рад,
Но Медведь—это дело иное!
И потом я свалился,
А сам притворился,
Как будто решил отдохнуть среди дня.
И, лёжа на пузе,
Я вспомнил о Музе,
Но она позабыла Поэта (меня).
Что делать!..
Уж если,
Устроившись в кресле,
И то не всегда мы владеем стихом,—
Что же может вам спеть
Несчастный Медведь,
На которого Кресло уселось верхом!

Вот и всё!—сказал Пух.

Сова неодобрительно кашлянула и сказала, что если Пух уверен, что это действительно *всё*, то они могут посвятить свои умственные способности Проблеме Поисков Выхода.

— Ибо,—сказала Сова,—мы не можем выйти посредством того, что обычно было наружной дверью. На неё что-то упало.

— А как же ещё можно тогда выйти?—тревожно спросил Пятачок.

— Это и есть та Проблема, Пятачок, решению которой я просила Пуха посвятить свои Умственные Способности.

Пух уселся на пол (который когда-то был стеной), и устоялся на потолок (который некогда был другой стеной—стеной с наружной дверью, которая некогда была наружной дверью), и постарался посвятить им свои Умственные Способности.

— Сова, ты можешь взлететь к почтовому ящику с Пятачком на спине?—спросил он.

— Нет,—поспешно сказал Пятачок,—она не может, не может!

Сова стала объяснять, что такое Необходимая или Соответствующая Спинная Мускулатура. Она уже объясняла это когда-то Пуху и Кристоферу Робину и с тех пор ожидала удобного случая, чтобы повторить объяснения, потому что это такая штука, которую вы спокойно можете объяснять два раза, не опасаясь, что кто-нибудь поймёт, о чём вы говорите.

— Потому что, понимаешь Сова, если бы мы могли посадить Пятачка в почтовый ящик, он мог бы протиснуться сквозь щель, в которую приходят письма, и слезть с дерева и побежать за подмогой,—пояснил Пух.

Пятачок немедленно заявил, что он за последнее время стал **ГОРАЗДО БОЛЬШЕ** и вряд ли сможет пролезть в щель, как бы он ни старался.

Сова сказала, что за последнее время щель для писем стала **ГОРАЗДО БОЛЬШЕ** специально на тот случай, если придут большие письма, так что Пятачок, вероятно, *сможет*.

Пятачок сказал:

— Но ты говорила, что необходимая, как её там называют, не выдержит.

Сова сказала:

— Не выдержит, об этом нечего и думать.

А Пятачок сказал:

— Тогда лучше подумаем о чём-нибудь другом,— и первым подал пример.

А Пух вспомнил тот день, когда он спас Пятачка от потопа и все им так восхищались; и так как это выпадало ему не часто, он подумал, как хорошо было бы, если бы это сейчас повторилось, и — как обычно, неожиданно — ему пришла в голову мысль.

— Сова,— сказал Пух,— я что-то придумал.

— Сообразительный и Изобретательный Медведь! — сказала Сова.

Пух приосанился, услышав, что его называют Поразительным и Забредательным Медведем, и скромно сказал, что да, эта мысль случайно забрела к нему в голову.

И он изложил свою мысль.

— Надо привязать верёвку к Пятачку и взлететь к почтовому ящику, держа другой конец верёвки в клюве; потом надо просунуть бечёвку сквозь проволоку и опустить её на пол, а ещё потом мы с тобой потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потихоньку подыметсЯ вверх на том конце — и дело в шляпе!

— И Пятачок в ящике,— сказала Сова.— Если, конечно, верёвка не оборвётся.

— А если она оборвётся? — спросил Пятачок с неподдельным интересом.

— Тогда мы возьмём другую верёвку,— утешил его Пух.

Пятачка это не очень обрадовало, потому что хотя рваться будут разные верёвки, падать будет всё тот же самый Пятачок; но, увы, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно попрощавшись со счастливым временем, проведённым в Лесу, с тем временем, когда его никто не подтягивал к потолкам на верёвках, Пятачок храбро кивнул Пуху и сказал, что это Очень Умный Ппп-ппп-ппп, Умный Ппп-ппп-план.

— Она не порвётся,— шепнул ободряюще Пух,— потому что ведь ты Маленькое Существо, а я буду стоять внизу, а если ты нас всех спасёшь — это будет Великий Подвиг, о котором долго не забудут, и, может быть, я тогда сочиню про это Песню, и все будут говорить: Пятачок совершил такой Великий Подвиг, что Пуху пришлось сочинить Хвалебную Песню!»

Тут Пятачок почувствовал себя гораздо лучше, и, когда всё было готово и он начал плавно подниматься к потолку, его охватила такая гордость, что он, конечно, закричал бы: «Вы поглядите на меня», если бы не опасался, что Пух и Сова, залюбовавшись им, выпустят свой конец верёвки.

— Поехали,—весело сказал Пух.

— Подъём совершается по заранее намеченному плану,—ободряюще заметила Сова.

Вскоре подъём был окончен. Пятачок открыл ящик и пролез внутрь, затем, отвязавшись, он начал протискиваться в щель, сквозь которую в добрые старые времена, когда входные двери были входными дверями, входило, бывало, много неожиданных писем, которые хозяйка вдруг получала от некоей *Савы*.

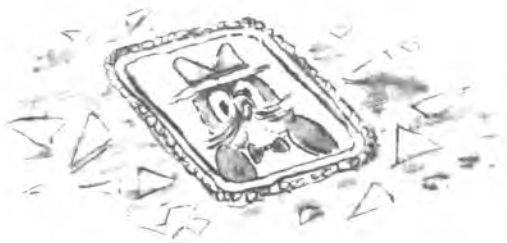
Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на щель, он оказался снаружи.

Счастливым и взволнованным, он на минутку задержался у выхода, чтобы пропищать пленникам слова утешения и приветов.

— Всё в порядке!—закричал он в щель.—Твоё дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть, и мы принесём канат для Пуха, я пойду и скажу ему сейчас, а вниз я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь, и мы с Кристофером Робинем вернёмся приблизительно через полчаса. Пока, Пух!—И, не ожидая ответа Пуха: «До свидания, Пятачок, спасибо», он исчез.

— Полчаса,—сказала Сова, устраиваясь поудобнее.—Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать,—повесть о дяде Роберте, чей портрет ты видишь внизу под собой, милый Винни. Припомним сначала, на чём я остановилась? Ах да! Был как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт...

Пух закрыл глаза.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ ИА НАХОДИТ СОВЕШНИК И СОВА ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Винни-Пух забрёл в Дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево; а когда дом начинает так выглядеть — значит, хозяину пришло время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Тайнственное Спасание, которое гласило:

Я ищу новый адреск для
Совы ты тоже Кролик

И, пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, пришёл Кролик и прочёл ему вслух.

— Я и для остальных приготовил такое письмо, — сказал Кролик. — Растолкую им, о чём речь, и все они тоже будут искать новый адреск, то есть дом для Совы. Извини, очень спешу, всего хорошего!

И он убежал.

Пух не спеша поплёлся за ним. У него было дело посерьёзнее, чем поиски нового дома для Совы; ему нужно было сочинить Хвалебную Песню — Кричалку — про её прежний дом.

Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чём он не говорит; и если кто-нибудь упоминал Песни (Кричалки), или Деревья, или Верёвки, или Ночные Бури, Пятачок сразу весь розовел, начиная с кончика носа, и поспешно заговаривал о чём-нибудь совсем другом.

«Но это не так-то легко, — сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда Домом Совы. — Ведь Поэзия, Кричалки — это не такие вещи, которые вы находите, когда хотите, это вещи, которые находят на вас; и всё, что вы можете сделать, — это пойти туда, где они могут вас найти».

И Винни-Пух терпеливо ждал...

— Ну, — сказал он после долгого молчания, — я

могу, пожалуй, начать: «Вот здесь лежит большущий ствол», потому что ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет.

Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ (КРИЧАЛКА)

Вот здесь лежит большущий ствол,
А он стоял вверх головой,
И в нём Медведь беседу вёл
С его хозяйкою (Совой).
Тогда не знал никто-никто,
Что вдруг случится ужас что!

Увы! Свирепый Ураган
Взревел — и повалил Каштан!
Друзья мои! В тот страшный час
Никто-никто бы нас не спас.
Никто бы нам бы не помог,
Когда б не Храбрый Пятачок!

— Смелей! — он громко произнёс. —
Друзья, скорей найдите трос
(Допустим, толстенький шпагат,
А лучше — тоненький канат).
И знайте: пусть грозит Беда,
Для Смелых выход есть всегда!

И вот герой вознёсся ввысь,
Туда, туда, где брезжил свет, —
Сквозь щель Для Писем и Газет!
Хоть все от ужаса тряслись
И говорили «Ох» и «Ах», —
Герою был неведом страх!

О Храбрый, ХРАБРЫЙ ПЯТАЧОК!
Дрожал ли он? О нет! О нет!
Нет, он взлетел под потолок
И влез в «Для писем и газет».
Он долго лез, но он пролез
И смело устремился в Лес!

Да, он, как молния, мелькнул,
Крича: — Спасите! Караул!
Сова и Пух в плену. Беда!
На помощь! Все-Все-Все сюда! —
И Все-Все-Все (кто бегать мог)
Помчались, не жалея ног!

И вскоре Все-Все-Все пришли
(Не просто, а на помощь к нам),
И выход тут же мы нашли
(Вернее, он нашёлся сам).
Так славься, славься на века
Великий Подвиг Пятачка!

— Вот, значит, как,—сказал Пух, пропев всё это трижды.—Вышло не то, чего я ожидал, но что-то вышло. Теперь надо пойти и спеть всё это Пятачку.

«Я ищу новый адреск для Совы ты тоже Кролик».

— Что всё это значит? — спросил Иа.

Кролик объяснил.

— А в чём дело с её старым домом?

Кролик объяснил.

— Мне никогда ничего не рассказывают,—сказал Иа.—Никто меня не информирует. В будущую пятницу, по моим подсчётам, исполнится семнадцать дней с тех пор, как со мной в последний раз говорили.

— Ну, семнадцать — это ты преувеличиваешь...

— В будущую пятницу,—пояснил Иа.

— А сегодня суббота,—сказал Кролик,—значит, всего одиннадцать дней. И, кроме того, я лично был тут неделю назад.

— Но беседа не состоялась,—сказал Иа.— Не было обмена мнениями. Ты сказал «Здорбво!» и промчался дальше. Пока я обдумывал свою реплику, твой хвост мелькнул шагов за сто отсюда на холме. Я хотел было сказать: «Что? Что?» — но понял, конечно, что уже поздно.

— Ну, я очень спешил.

— Должен говорить сперва один, потом другой,—продолжал Иа.— По порядку. Иначе это нельзя считать беседой. «Здорово!» — «Что, что?» На мой взгляд, такой обмен репликами ничего не даёт. Особенно если когда приходит ваша очередь говорить, вы видите только хвост собеседника. И то еле-еле.

— Ты сам виноват, Иа. Ты же никогда ни к кому из нас не приходишь. Сидишь как сыч в своём углу и ждёшь, чтобы все остальные пришли к тебе. А почему тебе самому к нам не зайти?

Иа задумался.

— В твоих словах, Кролик, пожалуй, что-то есть,—сказал он наконец.—Я действительно пренебрегал законами общежития. Я должен больше возвращаться. Я должен отвечать на визиты.

— Правильно, Иа. Заходи к любому из нас в любое время, когда тебе захочется.

— Спасибо, Кролик. А если кто-нибудь скажет

Громким Голосом: «Опять Иа притащился!» — то ведь я могу и выйти.

Кролик нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну ладно,— сказал он,— мне пора идти. Я порядком занят сегодня.

— Всего хорошего,— сказал Иа.

— Как? А, всего хорошего! И если ты случайно набредёшь на хороший дом для Совы, ты нам сообщи обязательно.

— Обещаю,— сказал Иа.

И Кролик ушёл.

Пух разыскал Пятачка, и они вдвоем побрели снова в Дремучий Лес.

— Пятачок,— застенчиво сказал Пух, после того как они долго шли молча.

— Да, Пух!

— Ты помнишь, я говорил — надо сочинить Хвалебную Песню (Кричалку) насчёт Ты Знаешь Чего.

— Правда, Пух? — спросил Пятачок, и носик его порозовел. — Ой, неужели ты правда сочинил?

— Она готова, Пятачок.

Розовая краска медленно стала заливать ушки Пятачка.

— Правда, Пух? — хрипло спросил он. — Про... про... тот случай, когда?.. Она правда готова?

— Да, Пятачок.

Кончики ушей Пятачка запыхлели; он попытался что-то сказать, но даже после того, как он два прокашлялся, ничего не вышло. Тогда Пух продолжал:

— В ней семь стрóf.

— Семь? — переспросил Пятачок, стараясь говорить как можно небрежнее. — Ты ведь не часто сочиняешь Кричалки в целых семь стрóf, правда, Пух?

— Никогда,— сказал Пух. — Я думаю, что такого случая никогда не было.

— А Все-Все-Все уже слышали её? — спросил Пятачок, на минуту остановившись лишь затем, чтобы поднять палочку и закинуть её подальше.

— Нет,— сказал Пух. — Я не знаю, как тебе будет приятнее: если я спою её сейчас, или если мы подождём, пока встретим Всех-Всех-Всех, и тогда споём её. Всем сразу.

Пятачок немного подумал.

— Я думаю, мне было бы всего приятнее, Пух, если бы ты спел её мне *сейчас... а потом* спел её Всем-Всем-Всем, потому что тогда они её услышат, а я скажу: «Да, да, Пух мне говорил», и сделаю вид, как будто я не слушаю.

И Пух спел ему Хвалебную Песню (Кричалку)—все семь строф. Пятачок ничего не говорил — он только стоял и краснел. Ведь никогда ещё никто не пел Пятачку, чтобы он «Славился, славился на века!». Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строфу ещё раз, но он постеснялся. Это была та самая строфа, которая начиналась словами: «О Храбрый, Храбрый Пятачок». Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удалось!

— Неужели я правда всё это сделал? — сказал он наконец.

— Видишь ли,—сказал Пух,—в поэзии—в стихах... Словом, ты сделал это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделал. Так считается.

— Ой! — сказал Пятачок.— Ведь я... мне кажется, я немножко дрожал. Конечно, только сначала. А тут говорится: «Дрожал ли он? О нет, о нет!» Вот почему я спросил.

— Ты дрожал *про себя*,—сказал Пух.—А для такого Маленького Существа это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был *храбрым*!

Подойдя к бывшему дому Совы, они застали там Всех-Всех-Всех, за исключением Иа. Кристофер Робин всем объяснял, что делать, и Кролик объяснял всем то же самое, на тот случай, если они не расслышали, и потом они все делали это. Они где-то раздобыли канат и вытаскивали стулья и картины, и всякие вещи из прежнего дома Совы, чтобы всё было готово для переезда в новый дом. Кенга связывала узлы и покрикивала на Сову: «Я думаю, тебе не нужна эта старая грязная посудная тряпка. Правда? И половик тоже не годится, он весь дырявый», на что Сова с негодованием отвечала: «Конечно, он годится — надо только правильно расставить мебель! А это совсем не посудное полотенце, а моя шаль!»

Крошка Ру поминутно то исчезал в доме, то появлялся оттуда верхом на очередном предмете,

который поднимали канатом, что несколько нервировало Кенгу, потому что она не могла за ним как следует присматривать. Она даже накричала на Сову, заявив, что её дом—это просто позор, там такая грязь, удивительно, что он не опрокинулся раньше! Вы только посмотрите, как зарос этот угол, просто ужас! Там поганки! Сова удивилась и посмотрела, а потом саркастически засмеялась и объяснила, что это её губка и что если уж не могут отличить самую обычную губку от поганок, то в хорошие времена мы живём!..

— Ну и ну,—сказала Кенга.

А Крошка Ру быстро вскочил в дом, пища:

— Мне нужно, нужно посмотреть на губку Совы! Ах, вот она! Ой, Сова, Сова, это не губка, а клякса! Ты знаешь, что такое клякса, Сова? Это когда твоя губка вся раскляк...

И Кенга сказала (очень поспешно): «Ру, милый!» — потому что не полагается так разговаривать с тем, кто умеет написать слово «суббота».

Но все очень обрадовались, когда пришли Пух и Пятачок, и прекратили работу, чтобы немного отдохнуть и послушать новую Кричалку (Хвалебную Песню) Пуха. И вот, когда Все-Все-Все сказали, какая это хорошая Хвалебная Песня (Кричалка), Пятачок небрежно спросил:

— Правда, хорошенькая песенка?

— Ну, а где же новый дом? — спросил Пух. — Ты нашла его, Сова?

— Она нашла название для него, — сказал Кристофер Робин, лениво пожёвывая травинку. — Так что теперь ей не хватает только дома.

— Я назову его вот как,—важно сказала Сова и показала им то, над чем она трудилась: квадратную дощечку, на которой было намалёвано:

САВЕШНИК

Как раз в этот захватывающий момент кто-то выскочил из Чащи и налетел на Сову. Доска упала на землю, и к ней кинулись Пятачок и Ру.

— Ах, это ты,—сказала Сова сердито.

— Здравствуй, Иа,—сказал Кролик.—Наконец-то! Где же ты был?

Иа не обратил на них внимания.

— Доброе утро, Кристофер Робин,—сказал он, толкнув Ру и Пятачка и усаживаясь на «Савешник».—Мы одни?

— Да,—сказал Кристофер Робин, слегка улыбаясь.

— Мне сказали—крылатая весть долетела и до моего уголка Леса—сырая лощина, которая никому не нужна,—что Некая Особа ищет дом. Я нашёл для неё дом.

— Молодец! — великодушно сказал Кролик.

Иа посмотрел на него через плечо и снова обратился к Кристоферу Робину.

— Между нами что-то такое было,—продолжал он громким шёпотом,—но неважно. Забудем старые обиды и похищенные хвосты. Словом, если хочешь, Кристофер Робин, иди со мной, и я покажу тебе дом.

Кристофер Робин вскочил на ноги.

— Идём, Пух! — сказал он.

— Идём, Тигра! — крикнул Крошка Ру.

— Может быть, и мы пойдём, Сова? — сказал Кролик.

— Минутку,—сказала Сова, подымая свою адресную дощечку, которая как раз освободилась.

Иа отрицательно помахал им передней ногой.

— Мы с Кристофером Робинот отправляемся на прогулку,—сказал он.—На прогулку, а не на толкучку! Если он хочет взять с собой Пуха и Пятачка, я буду рад их обществу; но надо, чтобы мы могли *Дыш а т ь*.

— Ну что ж, отлично,—сказал Кролик, сообразив, что ему наконец-то представился случай как следует покомандовать.

— А мы продолжим выгрузку. За дело, друзья! Эй, Тигра, где канат?

— Что там такое, Сова?

Сова, только что обнаружившая, что её новый адрес превратился из «Савешника» в «кляксу», наподобие губки, строго кашлянула в сторону Иа, но

ничего не сказала, и Ослик, унося на себе значительную часть «Савешника», побрёл вслед за своими друзьями.

И вскоре все они подходили к дому, который нашёл Иа, но ещё до того, как он показался, Пятачок стал подталкивать локтем Пуха, а Пух—Пятачка; они толкались и говорили друг другу: «Это он».— «Не может быть».— «Да я тебе говорю, это он!»

А когда они пришли, это был действительно он.

— Вот! — гордо произнёс Иа, останавливаясь перед домом Пятачка.— И дом, и табличка с надписью, и всё прочее!

— Ой, ой, ой! — крикнул Кристофер Робин, не зная, что ему делать — смеяться или плакать.

— Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? — спросил Иа.

И тут Пятачок совершил Благородный Поступок. Он совершил его как бы в полусне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые спел про него Пух.

— Да, это самый подходящий дом для Совы, — сказал он великодушно.— Я надеюсь, что она будет в нём очень счастлива.— И он два раза проглотил слюнки, потому что ведь и он сам был в нём очень счастлив.

— Что ты думаешь, Кристофер Робин? — спросил Иа не без тревоги в голосе, чувствуя, что тут что-то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос, и он не знал, как его задать.

— Ну, — сказал он наконец, — это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалило ветром, ты должен куда-нибудь переехать. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни-Пух.

— Он бы перешёл ко мне и жил бы со мной, — сказал Пух.— Правда же, Пятачок?

Пятачок пожал его лапу.

— Спасибо, Пух, — сказал он.— С большой радостью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

В КОТОРОЙ МЫ ОСТАВЛЯЕМ КРИСТОФЕРА РОБИНА И ВИННИ-ПУХА В ЗАЧАРОВАННОМ МЕСТЕ

Кристофер Робин куда-то уходил. Совсем. Никто не знал, почему он уходит; никто не знал, куда он уходит; да, да — никто не знал даже, почему он знает, что Кристофер Робин уходит. Но — по той или по иной причине — все в Лесу чувствовали, что это в конце концов должно случиться. Даже Сашка Букашка, самый крошечный Родственник и Знакомый Кролика, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, но был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться, — даже С. Б. сказал себе, что Положение Дел меняется, а Рано и Поздно (два других Родственника и Знакомых) сказали друг другу: «Ну, Рано?» и «Ну, Поздно?» — таким безнадежным голосом, что было ясно — ожидать ответа нет никакого смысла.

И однажды, почувствовав, что он больше ждать не может, Кролик составил Сообщение, и вот что в нём говорилось:

Сообщение все-все-все встреч-
аются возле дома на Пуховой оп-
ушке принимают лизорюцию
слева по порядку номеров по-
писи Кролик

Ему пришлось переписать это раза два-три, пока он сумел заставить «лизорюцию» выглядеть так, как ей полагалось выглядеть с точки зрения Кролика; зато когда наконец этот труд был окончен, он обежал всех и всем прочёл своё произведение вслух. Все-Все-Все сказали, что придут.

— Ну, — сказал Иа-Иа, увидев процессию, направляющуюся к его дому, — это действительно сюрприз. А я тоже приглашён? Не может быть!

— Не обращай внимания на Иа, — шепнул Кролик Пуху. — Я ему всё рассказал ещё утром.

Все спросили у Иа, как он поживает, и он сказал, что никак, не о чем говорить, и тогда все сели; и как только все уселись, Кролик снова встал.

— Мы все знаем, почему мы собрались,— сказал он,— но я просил моего друга Иа...

— Это я,— сказал Иа.— Звучит неплохо!

— Я просил его предложить Лизорюцию.

И Кролик сел.

— Ну давай, Иа,— сказал он.

— Прошу не торопить меня,— сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь.— Прошу не нудавайкать.

Он вынул из-за уха свёрнутую трубкой бумагу и не спеша развернул ей.

— Об этом никто ничего не знает,— продолжал он,— это Сюрприз.

С достоинством откашлявшись, он снова заговорил.

— Словом, в общем и целом, и так далее и тому подобное, прежде чем я начну, или, пожалуй, лучше сказать, прежде чем я кончу, я должен вам прочесть Поэтическое Произведение. Доселе... доселе — это трудное слово, означающее... Ну, вы сейчас узнаете, что оно означает. Доселе, как я уже говорил, доселе вся Поэзия в Лесу создавалась Пухом, Медведем с милым характером, но разительным недостатком ума. Однако Поэма, которую я намереваюсь прочесть вам сейчас, была создана Иа-Иа, то есть мною, в часы досуга. Если кто-нибудь отберёт у младенца Ру орехи, а также разбудит Сову, мы все сможем насладиться этим творением. Я называю его даже Стихотворением.

СТИХОТВОРЕНИЕ. СОЧИНИЛ ОСЁЛ ИА-ИА

Кристофер Робин уходит от нас.

По-моему, это факт.

Куда?

Никто не знает.

Но он уходит, увы!

Да, он нас покидает.

(Вот рифма к слову «знает».)

Мы все огорчены

(Тут рифма к слову «увы».)

Нам всем и правда грустно.

Терпеть всё это трудно.

(Неплохо!)

(Так и нет рифмы к слову «факт». Досадно!)
(А ведь теперь нужно ещё рифму к слову
«Досадно». Досадно!)
(Пусть эти два «досадно» рифмуют друг
С другом, ладно?)
Я вижу —
Не так-то легко написать
Очень хорошую строчку,
И лучше бы всё
Сначала начать,
Но легче
Поставить точку...
Нет!
Кристофер Робин,
Мы все здесь твои
Друзья...
(Не так!)
Мы все здесь друзья.
(Твоя? Опять не так!)
В общем,
Прими на прощанье от всех
Пожеланье успех...
(Не так!)
Прими пожеланье успехов
От всехов!
(Фу ты, вот неуклюжие слова,
Что-нибудь всегда получается не так!)
Словом,
Мы все тебе их желаем,
Ты молодец!

КОНЕЦ

Если кто-нибудь намерен аплодировать,—сказал Иа, прочитав всё это,—то время настало.

Все захлопали.

— Благодарю вас,—сказал Иа,—я приятно удивлён и тронут, хотя, возможно, аплодисментам и не хватает звучности.

— Эти стихи гораздо лучше моих,—с восторгом сказал Винни-Пух. И он действительно был в этом уверен.

— Что ж,—скромно объяснил Иа.—Так и было задумано.

— Лизорюция,—сказал Кролик,—такая, что мы все это подпишем и отнесём Кристоферу Робину.

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Пятачок, Иа, Кролик, Кенга, Большая Клякса (это была подпись Тигры) и Три Маленькие Кляксы (это была подпись Крошки Ру).

И Все-Все-Все отправились к дому Кристофера Робина.

— Здравствуйте, друзья,— сказал Кристофер Робин.— Здравствуй, Пух!

Все они сказали: «Здравствуй», и вдруг всем стало как-то грустно и не по себе — ведь получалось, что они пришли прощаться, а им очень-очень не хотелось об этом думать. Они беспомощно сбились в кучу, ожидая, чтобы заговорил кто-нибудь другой, и только подталкивали друг друга, шепча: «Ну, давай ты», и мало-помалу вперёд вытеснили Иа, а все остальные столпились за ним.

— В чём дело, Иа? — спросил Кристофер Робин.

Иа помахал хвостом, очевидно желая себя подбодрить, и начал.

— Кристофер Робин,— сказал он,— мы пришли, чтобы сказать, чтобы передать... как это называется... сочинял один... но мы все — потому что мы слышали... я хочу сказать, мы все знаем, ну, ты понимаешь сам... Мы... Ты... Короче, чтобы не тратить много слов, вот! — Он сердито оглянулся на остальных и сказал: — Весь Лес тут собрался! Совершенно нечем дышать! В жизни не видел такой бессмысленной толпы животных, и главное, все не там, где надо. Неужели вы не понимаете, что Кристоферу Робину хочется побыть одному? Я пошёл!

И он поскакал прочь.

Сами хорошенько не понимая почему, остальные тоже начали расходиться, и когда Кристофер Робин закончил чтение Стихотворения и поднял глаза, собираясь сказать «спасибо», перед ним был один Винни-Пух.

— Это очень трогательно,— сказал Кристофер Робин, складывая бумажку и убирая её в карман.— Пойдём, Пух.— И он быстро зашагал по дороге.

— Куда мы идём? — спросил Пух, стараясь поспеть за ним и одновременно понять, что им предстоит — Искпедиция или ещё какое-нибудь *Я не знаю что*.

— Никуда,— сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда, и, после того как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну,— ответил Пух,— я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мёд — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты примешься за мёд, когда ещё приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется. И ещё он подумал, что играть с Кристофером Робинем тоже очень приятное дело, и играть с Пятачком — это тоже очень приятное дело, и вот когда он всё это обдумал, он сказал:

— Что я люблю больше всего на всём свете — это когда мы с Пятачком придём к тебе в гости и ты говоришь: «Ну как, не пора ли подкрепиться?», а я говорю: «Я бы не возражал, а ты как, Пятачок?», и день такой шумелочный, и все птицы поют. А ты что больше всего любишь делать?

— Это всё я тоже люблю, — сказал Кристофер Робин, — но что больше всего я люблю делать — это...

— Ну, ну?

— Ничего.

— А как ты это делаешь? — спросил Пух после очень продолжительного размышления.

— Ну вот, спросят, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: «Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?», а ты говоришь: «Да ничего», а потом идёшь и делаешь.

— А, понятно! — сказал Пух.

— Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничевошное дело.

— Понятно! — повторил Пух.

— Например, когда просто гуляешь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чём не заботаешься.

— А-а! — сказал Пух.

Они шли, думая о Томе и о Сёме, и постепенно они добрались до Зачарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой вершине холма. Там росло шестьдесят с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место зачаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев — шестьдесят три или шестьдесят четыре, даже если он привязывал к каждому сосчитанному дереву кусочек бечёвки.

Как полагается в Зачарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие колючки и папоротник и лежали иголки; здесь она вся

заросла ровной-ровной зелёной травкой, гладкой, как газон.

Это было единственное место в Лесу, где можно было сесть спокойно и посидеть и не надо было почти сразу же вскакивать в поисках чего-нибудь другого. Наверно, потому, что на Капитанском Мостике вы видели всё-всё на свете — во всяком случае, до того самого места, где, нам кажется, небо сходится с землёй.

И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуху всякие интересные вещи — про людей, которых называют Королями и Королевами, и про ещё каких-то, которые называются Купцами, и про то место, которое называется Европа, и про потерянный остров посреди моря, куда не приходят корабли, и как сделать Насос (если нужно), и как в Рыцарей посвящали, и какие товары мы получаем из Бразилии. А Винни-Пух, прислонившись спиной к одному из шестидесяти с чем-то деревьев и сложив лапки на животе, говорил: «О-ох», и «А-а, понятно», и «Не может быть», и думал о том, как было бы чудесно, если бы в голове у него были не опилки, а настоящий ум. И мало-помалу Кристофер Робин рассказал всё, что знал, и затих и сидел, глядя с Капитанского Мостика на весь Белый Свет и желая, чтобы так было всегда.

А Пух продолжал размышлять. И вдруг он спросил Кристофера Робина:

— А это очень хорошо, когда тебя посвистят?.. В эти... Ну, как ты говорил?

— Чего? — спросил Кристофер Робин нехотя, словно прислушиваясь к кому-то другому.

— Ну, в эти... на лошадке,— объяснил Пух.

— Посвистят в Рыцари?

— Ах, вот как это называется,— сказал Пух.— А я думал, это посви... Ну ладно. Они не хуже Короля и Купца и всех остальных, про которых ты говорил?

— Ну, поменьше Короля,— сказал Кристофер Робин, и тут же, заметив, что Пух, кажется, огорчён, он поспешно добавил: — Но побольше Купца!

— А Медведь тоже может стать им?

— Конечно, может! — сказал Кристофер Робин.— Я тебя сейчас посвящу.

Он взял палочку и, слегка ударив Винни-Пуха по плечу, сказал:

— Встань, сэр Винни-Пух де Медведь, вернейший из моих рыцарей!

Понятно, Пух встал, а потом опять сел и сказал: «Спасибо», как полагается говорить, когда тебя посвятили в Рыцари. И незаметно он снова задремал, и во сне он и Сэр Насос, и Сэр Остров, и Купцы жили все вместе, и у них была Лошадка, и все они были верными Рыцарями доброго короля Кристофера Робина (все, кроме Купцов, которые смотрели за Лошадкой). Правда, время от времени он качал головой и говорил про себя: «Я что-то перепутал». А потом он начал думать обо всех вещах, которые Кристофер Робин захочет рассказать ему, когда вернётся оттуда, куда собрался уходить, и как *тогда* трудно будет бедному Медведю с опилками в голове ничего не перепутать.

«И тогда, наверно,— грустно сказал он про себя,— Кристофер Робин не захочет мне ничего больше рассказывать. Интересно, если ты Верный Рыцарь, неужели ты должен быть только верным, и всё, а рассказывать тебе ничего не будут?»

Тут Кристофер Робин, который всё ещё смотрел в пространство, подперев голову рукой, вдруг окликнул его:

— Пух!

— Что? — сказал Пух.

— Когда я буду... Когда... Пух!

— Что, Кристофер Робин?

— Мне теперь не придётся больше делать то, что я больше всего люблю.

— Никогда?

— Ну, может, иногда. Но не все время. Они не позволяют.

Пух ждал продолжения, но Кристофер Робин опять замолчал.

— Что же, Кристофер Робин? — сказал Пух, желая ему помочь.

— Пух, когда я буду... ну, ты знаешь... когда я уже не буду ничего не делать, ты будешь иногда приходить сюда?

— Именно я?

— Да, Пух.

— А ты будешь приходить?

— Да, Пух, обязательно. Обещаю тебе.

— Это хорошо,— сказал Пух.

— Пух, обещай, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет.

Пух немного подумал.

— А сколько тогда мне будет?

— Девяносто девять.

Винни-Пух кивнул.

— Обещаю,— сказал он.

Всё ещё глядя вдаль, Кристофер Робин протянул руку и пожал лапку Пуха.

— Пух,— серьёзно сказал Кристофер Робин,— если я... если я буду не совсем такой...— Он остановился и попробовал выразиться иначе: — Пух, ну, что бы ни случилось, ты ведь всегда поймёшь. Правда?

— Что пойму?

— Ничего.— Мальчик засмеялся и вскочил на ноги.— Пошли.

— Куда? — спросил Винни-Пух.

— Куда-нибудь,— сказал Кристофер Робин.

И они пошли. Но куда бы они ни пришли и что бы ни случилось с ними по дороге,— здесь в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком.

СОДЕРЖАНИЕ

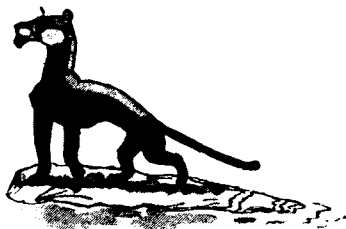
Л. Лунгина. Братъя по сказке.....	3
-----------------------------------	---

Редъярд КИПЛИНГ

МАУГЛИ

Сокращенный перевод с английского Н. Дарузес

Братъя Маугли.....	17
Охота Каа.....	40
«Тигр, тигр!»	65
Как страх пришёл в джунгли.....	84
Нашествие джунглей.....	101
Княжеский анкас.....	126
Дикие Собаки.....	145
Весенний бег.....	172

Астрид ЛИНДГРЕН

• **МАЛЫШ И КАРЛСОН**

Перевод со шведского Л. Лунгиной

Карлсон, который живет на крыше

Карлсон, который живет на крыше.....	191
Карлсон строит башню	200
Карлсон играет в палатку.....	207
Карлсон держит пари.....	216
Проделки Карлсона.....	229
Карлсон играет в привидения	242
Карлсон выступает с ученой собакой Альберг.....	254
Карлсон приходит на день рождения	265

**Карлсон, который живет на крыше,
опять прилетел**

Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел.....	278
Дома у Карлсона	291
Карлсон шумит	299
Карлсон устраивает пир	310
Карлсон и телевизор.....	321
Звонок Карлсона.....	330
Малютка привидение из Вазастана.....	338
Карлсон не привидение, а просто Карлсон.....	347
Гордая юная девица улетает далеко-далеко!	358
Красивый, умный и в меру упитанный.....	367

**Карлсон, который живет на крыше,
проказничает опять**

Каждый имеет право быть Карлсоном.....	375
Карлсон вспоминает, что у него день рождения	389
Карлсон — первый ученик.....	403
Карлсон ночует у Малыша.....	412
Карлсон устраивает тарарам и блины.....	421
Карлсон — лучший в мире специалист по храпу	435
Карлсон — лучший в мире ночной проказник	445
Карлсон открывает дяде Юлиусу мир сказок.....	459
Самый богатый в мире Карлсон	470

Алан Александр МИЛН

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Пересказал с английского Борис Заходер

Предисловие к первому изданию.....	481
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мы знакомимся с Вин- ни-Пухом и несколькими пчёлами	483
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Винни-Пух пошел в го- сти, а попал в безвыходное положение	492

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Пух и Пятачок отпра- вились на охоту и чуть-чуть не поймали Буку	498
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Иа-Иа теряет хвост, а Пух находит	504
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Пятачок встречает Сло- нопотама	510
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой у Иа-Иа был день рож- дения, а Пятачок чуть-чуть не улетел на Луну	518
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кенга и Крошка Ру по- являются в Лесу, а Пятачок принимает ванну	528
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Кристофер Робин ор- ганизует «Искпедицию» к Северному Полюсу	539
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Пятачок совершенно окружён водой	550
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой для Иа-Иа строят дом на Пуховой Опушке	561
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой в Лес приходит Тигра и завтракает	570
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Кролик очень за- нят и мы впервые встречаемся с пятнистым Щас- вирнусом	579
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что Тигры не лазают по деревьям	589
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Винни-Пух изобретает новую игру и в неё включается Иа-Иа	600
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Тигру укрощают	610
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Пятачок со- вершает Великий Подвиг	621
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Иа находит со- вешник и Сова переезжает	631
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой мы оставляем Кристофера Робина и Винни-Пуха в Зачарованном Месте	640

Киплинг Р., Линдгрен А., Милн А. А.

- К 42 Маугли: Пер. с англ. Н. Л. Дарузес; Мальпи и Карлсон: Пер. со шведск. Л. З. Лунгиной; Винни-Пух и все-все-все: Пересказ с англ. Б. В. Заходера; /Вступ. ст. Л. З. Лунгиной; ил. Р. В. Давыдова; Ю. А. Бутырина и А. М. Савченко; Э. В. Назарова. — М.: Правда, 1985.— 656 с., ил.

В книгу включены сказочная повесть «Маугли» классика английской литературы Редьярда Киплинга (1865—1936) о мальчике, которого воспитали звери джунглей; три повести известной шведской писательницы Астрид Линдгрен про обыкновенного мальчика по прозвищу Мальпи и его необыкновенного друга Карлсона; веселая повесть-сказка известного английского писателя Алана Александра Милна (1882—1956) о медвежонке Винни-Пухе и его друзьях.

К 4703000000—928
080(02)—85 928—85

84.4

Редьярд КИПЛИНГ

МАУГЛИ

Астрид ЛИНДГРЕН

МАЛЬШ И КАРЛСОН

Алан Александр МИЛН

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Редактор

Н. А. Галахова

Оформление художника

Д. Б. Шимилиса

Художественный редактор

Н. Н. Каминская

Технический редактор

Т. С. Трошина

ИБ 928

Сдано в набор 09.08.84.

Подписано к печати 29.01.85.

Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 34,44. Усл. кр.-отт. 34,86. Уч.-изд. л. 35,31.

Тираж 3 500 000 экз. (1-й завод: 1—250 000 экз.).

Заказ № 124. Цена 3 р. 60 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии Издательства ЦК КП Белоруссии, г. Минск,
220041, Ленинский проспект, 79.

Уважаемые товарищи!

С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остро-дефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.

Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.

Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.

*Сдавайте макулатуру
заготовительным организациям!*

ВТОРМА **СОЮЗ
ГЛАВ
ВТОР
РЕСУРСЫ**

